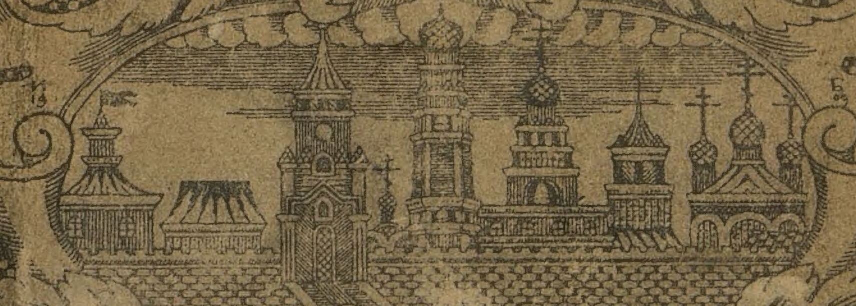
Эс
П 487
19941
3-
Пр. 1955 г.



Русская история

Томъ I.

Изданіе Т-ва „Міръ"

Складъ изданія
въ Государственномъ издательствѣ.

1920.

31/д73г 744

19941

Пр. 2010

Пр. 1955 г.
9(С)1
П487

РУССКАЯ ИСТОРІЯ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

74338
19941

М. Н. ПОКРОВСКАГО,

при участіи

Н. М. НИКОЛЬСКАГО.

ТОМЪ I.

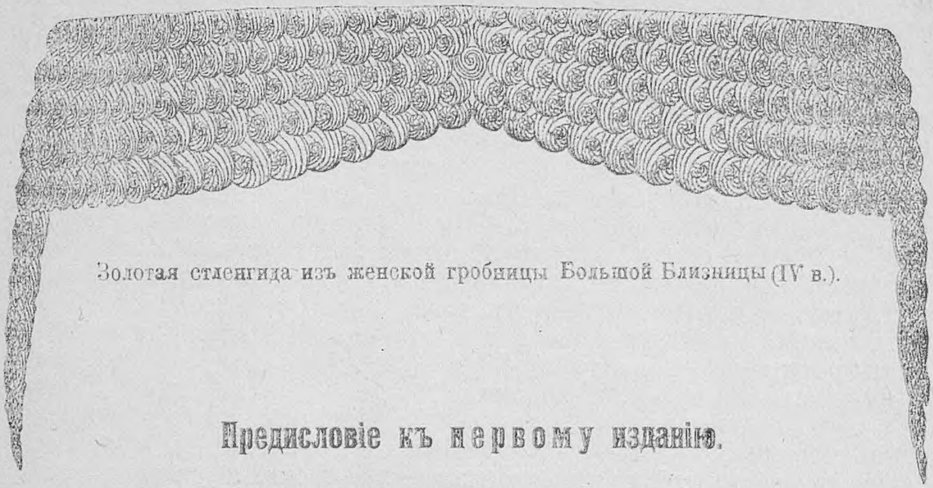
БИБЛИОТЕКА
СВЕРДЛОВСКОГО
ГОСУНИВЕРСИТЕТА
им. А. М. ГОРЬКОГО

Изданіе третье.

ИЗДАНІЕ Т-ва „МІРЪ".
Москва, Знаменка, 9.
Складъ изданія въ Государственномъ издательствѣ.
1920.

Библиографический
С.Г.У.
каталог

Топографический каталог
С.Г.У.



Золотая стленгида изъ женской гробницы Большой Близницы (IV в.).

Предисловіе къ первому изданію.

ы охотно выбрали бы для своей книги менѣе претенціозное заглавіе. „Русская исторія съ древнѣйшихъ временъ“ слишкомъ близко напоминаетъ „Исторію Россіи съ древнѣйшихъ временъ“ С. М. Соловьева. Мы всего менѣе, конечно, собирались выступить соперниками человѣка, который одинъ, своими единоличными усиліями, собралъ и пустилъ въ оборотъ больше историческаго матеріала, чѣмъ иное ученое общество. Наша задача гораздо скромнѣе. Мы не стремимся ни къ какимъ историческимъ открытіямъ, ни въ области фактовъ, ни въ дѣлѣ освѣщенія отдѣльныхъ, спеціальныхъ научныхъ проблемъ. Мы будемъ исходить отъ того, что ранѣе насъ добыто историками-спеціалистами по тому или иному вопросу. Наша роль — роль посредниковъ между изслѣдователями деталей историческаго процесса и тѣми широкими слоями читающей публики, которые желаютъ знать, какъ же представляетъ себѣ этотъ процессъ современная наука, но которые въ то же время не имѣютъ ни времени, ни навыка, необходимыхъ для того, чтобы ознакомиться съ детальными изслѣдованіями въ подлинникѣ.

Если мы собираемся брать цѣликомъ у другихъ, у изслѣдователей первоисточниковъ, ихъ матеріалъ и отказываемся заранѣе отъ всякихъ претензій на оригинальность въ этомъ случаѣ, это не значитъ, что мы осуждаемъ себя на роль простыхъ компиляторовъ. Мы не можемъ быть ими: намъ нечего компилировать. Существующія въ нашемъ научномъ оборотѣ историческія обобщенія почти цѣликомъ принадлежатъ той научной формаціи, которая сама давно готова стать предметомъ исторіи. Трудность нашего положенія въ томъ и состоитъ, что матеріалъ, собранный историками-*идеалистами*, намъ приходится обрабатывать съ *матеріалистической* точки зрѣ-

нія *). „Новизна“ нашего метода (недавно отпраздновавшаго полувѣковой юбилей) вынуждаетъ насъ поэтому въ своихъ *объясненіяхъ* быть оригинальнѣе, чѣмъ полагается обыкновенно историку-популяризатору, а такъ какъ новое объясненіе вынуждаетъ очень часто и къ новой фактической обосновкѣ, то намъ придется больше привлекать къ дѣлу сырого матеріала, чѣмъ мы бы сами хотѣли, и выступать иногда въ роли, если не изслѣдователей, то передовыхъ развѣдчиковъ, нащупывающихъ новые пути и для разрѣшенія чисто спеціальныхъ вопросовъ. Мы прекрасно сознаемъ, что въ этой особенности нашей книги—ея ахиллесова пята, открытая брешь для враждебной критики. Мы были бы очень счастливы подкрѣпить каждое изъ выставляемыхъ нами „новыхъ“ положеній цѣлой диссертаціей; но тогда наша книга никогда не была бы написана. Намъ остается только позавидовать историкамъ-популяризаторамъ грядущихъ поколѣній, когда наука будетъ уже вполнѣ очищена отъ идеалистическихъ предразсудковъ. Для себя же мы можемъ лишь пожелать, чтобы наши критики не ограничились обнаруженіемъ нашей матеріалистической злокозненности, а указали намъ и чисто фактическіе, и методологическіе наши промахи, при относительной (относительно существующей въ наличности литературы) новизнѣ нашей работы совершенно неизбѣжные.

Намъ остается сказать въ заключеніе, какъ распредѣляется между нами эта работа и отвѣтственность. За исключеніемъ первой главы, трактующей о до-исторической Россіи и принадлежащей перу В. К. Агафонова, весь остальной *текстъ* принадлежитъ перу насъ двоихъ, подписавшихъ это предисловіе, при чемъ главы, касающіяся исторіи религіи и церкви, написаны Н. Никольскимъ, а все остальное—М. Покровскимъ. Подборъ документальныхъ *приложеній*, а также подборъ *рисунковъ* и составленіе текста къ нимъ являются совершенно самостоятельной работой В. Н. Сторожева, планъ и цѣли которой объяснены имъ въ особомъ слѣдующемъ далѣе введеніи.

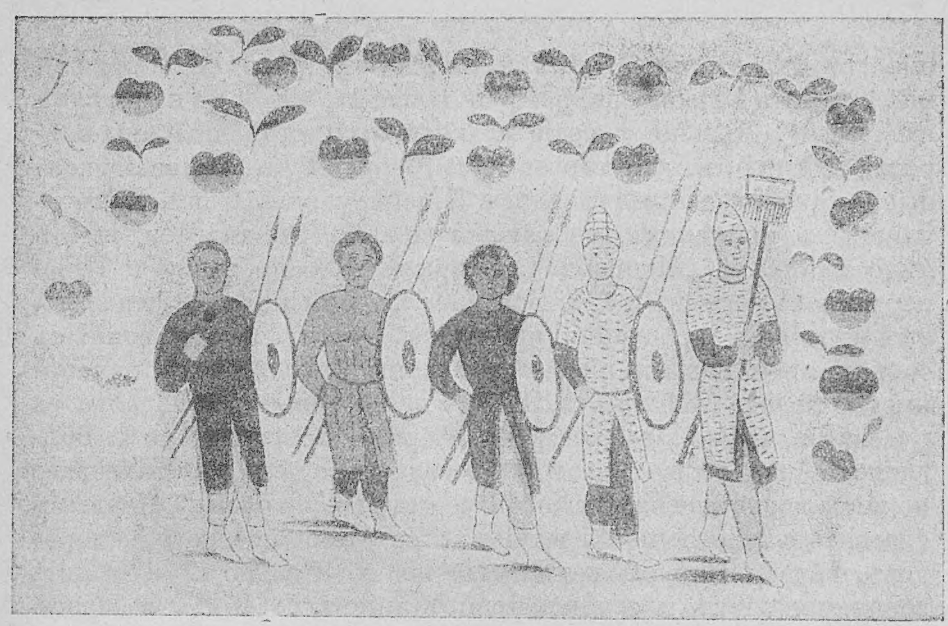
М. Покровскій.
Н. Никольскій.

Предисловіе ко второму изданію.

Въ настоящемъ изданіи опущена вводная глава В. К. Агафонова, посвященная до-исторической Россіи, а также текстуальныя и документальныя приложенія В. Н. Сторожева—первыя за отсутствіемъ рисунковъ, къ которымъ былъ приложенъ текстъ. Томъ четвертый, соотвѣтствующій 5-му тому перваго изданія, печатается въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ до изуродованія книги царской цензурой. М. П.

---

*) Можно лишь указать на „Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія“ Н. А. Рожкова (два выпуска), какъ на попытку провести матеріалистическую точку зрѣнія въ области русской исторіи, но попытка эта далеко не закончена.



Фрески катакомбы, открытой въ Керчи въ 1872 г.; въ цѣломъ онѣ изображаютъ жизнь и подвиги неизвѣстнаго пантикапейскаго военачальника.

ГЛАВА I.

Слѣды древнѣйшаго общественнаго строя.

Еще писатели XVIII вѣка никакъ не могли помириться на томъ, съ чего начала древняя Русь. Въ то время, какъ пессимисты, въ родѣ кн. Щербатова или Шлецера, готовы были рисовать нашихъ предковъ X столѣтія красками, заимствованными съ палитры современныхъ этимъ авторамъ путешественниковъ, создавшихъ классическій типъ „дикаря", чуть что не бѣгавшаго на четверенькахъ, находились изслѣдователи, которымъ тѣ же самые предки казались почти просвѣщенными европейцами въ стилѣ того же XVIII вѣка. Щербатовъ объявилъ древнихъ жителей Россіи прямо „кочевымъ народомъ". „Хотя въ Россіи прежде ея крещенія", говоритъ онъ, „и были грады, но оные были яко пристанища, а въ протчемъ народъ, а особливо знатнѣйшіе люди, упражнялся въ войнѣ и въ набѣгахъ, по большей части въ поляхъ, переходя съ мѣста на мѣсто, жилъ". „Конечно, люди тутъ были" солидно разсуждалъ Шлецеръ, „Богъ

знаетъ, съ которыхъ поръ и откуда, но люди безъ правленія, жившіе подобно звѣрямъ и птицамъ, которые наполняли ихъ лѣса". Древніе русскіе славяне были столь подобны звѣрямъ и птицамъ, что торговые договоры, будто бы заключенные ими съ греками, казались Шлецеру одной изъ самыхъ наивныхъ поддѣлокъ, съ какими только приходится имѣть дѣло историку. „Неправда", возражали Щербатову и Шлецеру оптимисты въ родѣ Болтина: „руссы жили въ обществѣ, имѣли города, правленіе, промыслы, торговлю, сообщеніе съ сосѣдними народами, письмо и законы". А извѣстный экономистъ начала XIX вѣка, Шторхъ, не только признаетъ за русскими славянами временъ Рюрика торговлю, но и объясняетъ изъ этой торговли и созданнаго ею политическаго порядка возникновеніе самого Русскаго государства. „Первымъ благодѣтельнымъ послѣдствіемъ" ея было построеніе городовъ, обязанныхъ, можетъ-быть, исключительно ей и своимъ возникновеніемъ и своимъ процвѣтаніемъ". „Кіевъ и Новгородъ скоро сдѣлались складочными мѣстами для левантской торговли; въ обоихъ уже съ древнѣйшихъ временъ ихъ существованія поселились иностранные купцы". Эта же торговля вызвала второй, несравненно болѣе важный переворотъ, благодаря которому Россія получила прочную политическую организацію. Предпріимчивый духъ норманновъ, ихъ торговыя связи со славянами и частыя поѣздки чрезъ Россію положили основаніе знаменитому союзу, подчинившему великій многочисленный народъ кучкѣ чужеземцевъ". И дальнѣйшую исторію Кіевской Руси, походы князей къ Царьграду и борьбу ихъ со степью, Шторхъ объясняетъ тѣми же экономическими мотивами, цитируя и такъ хорошо извѣстный всѣмъ теперь, благодаря курсу проф. Ключевскаго, разсказъ Константина Багрянороднаго о торговыхъ караванахъ, ежегодно направлявшихся изъ Кіева въ Константинополь.

Заново обоснованные и тонко аргументированные взгляды Шторха получили большую популярность въ наши дни, но они нисколько не убѣдили современниковъ - пессимистовъ Шлецеръ объявилъ теорію Шторха „не только не ученой но и уродливой мыслью", и согласился сдѣлать развѣ ту маленькую уступку, что началъ сравнивать русскихъ славянъ не со звѣрями и птицами, а съ американскими краснокожими, „ирокезами и алгонкинцами". Споръ такъ и перешелъ нерѣшеннымъ къ послѣдующему поколѣнію, гдѣ оптимистическую партію взяли на себя славянофилы, а продолжателями Шлецера и Щербатова явились западники. „По

свидѣтельству всѣхъ писателей отечественныхъ и иностранныхъ, русскіе издревле были народомъ земледѣльческимъ и осѣдлымъ", говоритъ Бѣляевъ. „По словамъ Нестора, они и дань давали отъ дыма и рала, т.-е. съ двора, съ осѣдлости и съ сохи, съ земледѣльческаго орудія". Западники не доходили, правда, ни до признанія русскихъ славянъ кочевниками ни до сравненій съ американскими краснокожими. Но нельзя не замѣтить, съ какимъ явнымъ сочувствіемъ Соловьевъ приводитъ лѣтописную характеристику восточно-славянскихъ племенъ. „Исключая полянъ,—говоритъ Соловьевъ,—имѣвшихъ обычаи кроткіе и тихіе...", нравы остальныхъ племенъ описаны у него (лѣтописца) черными красками: древляне жили по-скотски, убивали другъ друга, ѣли все нечистое, и брака у нихъ не было, а похищеніе дѣвицъ. Радимичи, вятичи и сѣверяне имѣли одинакій обычай: жили в лѣсу, какъ звѣри, ѣли все нечистое, срамословили передъ отцами и передъ снохами, браковъ у нихъ не было, но игрища между селами, гдѣ молодые люди, сговорившись съ дѣвицами, похищали ихъ". Самъ Соловьевъ прекрасно понималъ, повидимому, что это не объективное изображеніе быта древлянъ и сѣверянъ, а злая сатира монаха-лѣтописца на язычниковъ и полянина—на враждебныхъ полянамъ сосѣдей: что начальная лѣтопись недалеко ушла въ этомъ случаѣ по своей исторической точности отъ щедринской „Исторіи одного города". Но онъ не могъ воздержаться отъ искушенія повторить эту обличительную характеристику: слишкомъ ужъ она хорошо согласовалась съ тѣмъ представленіемъ о славянахъ, какое сложилось у самого Соловьева. „Городовъ (у русскихъ славянъ), какъ видно, было немного,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ уже отъ себя:—знаемъ, что славяне любили жить разсѣянными, по родамъ, которымъ лѣса и болота служили вмѣсто городовъ; на всемъ пути отъ Новгорода до Кіева, по теченію большой рѣки, Олегъ нашелъ только два города — Смоленскъ и Любечъ... Въ средней полосѣ у радимичей, дреговичей и вятичей не встрѣчается упоминаній о городахъ..."

Если какой-нибудь споръ долго длится, не находя себѣ разрѣшенія, то обыкновенно виноваты здѣсь бываютъ не одни спорящіе, а и самый предметъ спора. И въ пользу сравнительно высокаго уровня экономической—а съ нею и всякой другой—культуры славянъ въ древнѣйшую эпоху, и въ пользу низкаго уровня этой культуры источники давали достаточно доказательствъ; изъ одной и той же лѣтописи мы узнаемъ и

о дикости вятичей съ братіею, и о торговыхъ договорахъ древней Руси съ греками. Что считать правиломъ для древней Руси, что исключеніемъ? Что было частнымъ случаемъ, индивидуальной особенностью одного племени, и что общимъ достояніемъ всѣхъ славянскихъ племенъ? Отвѣтить на это можно, лишь отступивъ нѣсколько назадъ отъ тѣхъ аргументовъ, которыми обмѣнивались стороны въ приведенныхъ выше выпискахъ. „Несторъ“, или какъ бы его ни звали, начальный лѣтописецъ, засталъ славянъ уже раздѣленными, и начинаетъ свой разсказъ съ перечисленія разошедшихся въ разныя стороны, но еще не позабывшихъ другъ друга славянскихъ племенъ. Если бы мы могли составить себѣ хотя какое-нибудь представленіе объ экономической культурѣ славянъ до этого раздѣленія, когда они еще жили вмѣстѣ и говорили однимъ языкомъ, мы получили бы нѣкоторый minimum, общій, конечно, и всѣмъ русскимъ славянамъ: передъ нами былъ бы тотъ основной фонъ, на которомъ вышивали столь разноцвѣтные узоры греческія и скандинавскія вліянія, христіанская проповѣдь и левантская торговля. Этотъ фонъ до нѣкоторой степени мы можемъ возстановить по даннымъ лингвистики: общіе всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ культурные термины намѣчаютъ ихъ общее культурное наслѣдство, даютъ понятіе объ ихъ бытѣ не только „до прибытія Рюрика“, но и до того времени, какъ „волохи“, т.-е. римляне, нашли славянъ сидящими по Дунаю и вытѣснили ихъ оттуда.

Лингвистическія данныя намѣчаютъ, прежде всего, одну характерную черту этого архаическаго быта: славяне изстари были народомъ промысловымъ, и промыслы ихъ были преимущественно, если не исключительно, лѣсные. Во всѣхъ славянскихъ языкахъ одинаково звучатъ названія пчелы, меда и улья: бортничество является, повидимому, кореннымъ славянскимъ занятіемъ. Косвенно это указываетъ и на первоначальное мѣстожительство славянъ: бортничество мыслимо только въ лѣсной сторонѣ. Это лѣсное происхожденіе нашихъ предковъ вполнѣ согласно и съ другими, лингвистическими же, указаніями. Славянское названіе жилья—домъ, несомнѣнно, въ родствѣ, хотя и дальнемъ, съ средневѣковымъ верхне-нѣмецкимъ Zimber — „строевой лѣсъ“ и обозначаетъ, конечно, деревянную постройку. Напротивъ, каменная кладка, кажется, вовсе не была извѣстна славянамъ до раздѣленія: всѣ относящіеся сюда термины—заимствованные. Наше кирпичъ есть турецкое слово kerpidz, древнѣйшее славянское плинеа — греческое, точно такъ же, какъ и названіе из-

вестки, древнѣйшее ваньно (отъ греческаго βαφή) и новѣйшее известь (отъ греческаго ἄσβεστος—негашеный). И въ то время, какъ южные и западные европейцы имѣютъ особое слово для обозначенія каменной стѣны (латинское murus, откуда нѣмецкое Mauer), въ славянскихъ языкахъ особаго термина для этой цѣли и поднесь не существуетъ.

Археологи, на основаніи своихъ соображеній, склоняются къ мысли, что славяне были автохтонами восточной Европы, изстари жили на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ застала ихъ исторія. Лингвистика въ этомъ случаѣ подтверждаетъ археологію: сѣверная, большая, половина восточно-европейской низменности, и теперь лѣсная страна по преимуществу, какъ нельзя лучше отвѣчаетъ по своей природѣ такой лѣсной культурѣ, какую мы находимъ у славянъ. На основаніи данныхъ общеславянскаго словаря, съ одной стороны, географической номенклатуры—съ другой, издавна дѣлались попытки установить „прародину славянскаго племени" и болѣе детально. Уже Надеждинъ въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія находилъ „первоначальное гнѣздо славянъ" въ нынѣшнихъ Волынской и Подольской губерніяхъ, захватывая и ближайшія австрійскія области къ западу, до сѣвернаго подножія Карпатъ. Новѣйшій изслѣдователь вопроса, проф. А. Погодинъ, также считаетъ славянской родиной „страну гористую и обильную болотами, какъ Волынь", ссылаясь на общность такихъ терминовъ, какъ холмъ, скала, гора, яръ (узкая долина), юдоль, дебрь (заросшая лѣсомъ долина), яруга (болотистая долина) и т. под. *). Этотъ примѣръ показываетъ, между прочимъ, какъ опасна подобная детализація: скалистой—съ точки зрѣнія жителей—и гористой, обильной болотами, является и Финляндія не въ меньшей степени, чѣмъ Волынская губернія: весь приведенный словарь отлично могъ бы быть пріуроченъ и туда, не знай мы изъ другихъ источниковъ, что славяне тамъ никогда не жили. Съ другой стороны, лѣсную культуру, аналогичную пра-славянской, какъ рисуетъ ее намъ лингвистика, можно найти на восточно-европейской равнинѣ по всему ея протяженію много ранѣе того хронологическаго предѣла, до котораго рѣшается выслѣживать славянъ современная наука. Еще Геродотъ въ V в. до Р. Х. указываетъ въ этихъ мѣстахъ „многочисленный народъ" гелоновъ и будиновъ, при чемъ послѣдніе со своими „свѣтло-голубыми глазами и рыжими волосами" отвѣчаютъ, если угодно, и антро-

*) „Изъ исторіи славянскихъ передвиженій", стр. 90.

пологическому типу древнихъ славянъ, какъ извѣстно, гораздо болѣе бѣлокурыхъ, чѣмъ современные *). У этихъ народовъ были города, дома, храмы и идолы—все деревянное. Они занимали, по Геродоту, огромное пространство отъ озерной области на сѣверо-западѣ до нынѣшней Саратовской губерніи на юго-востокѣ. Часть ихъ, именно будины, жили лѣсными промыслами: били пушного звѣря и питались, между прочимъ, „еловыми шишками", т.-е. кедровыми орѣхами. Другіе, гелоны, были земледѣльцами, употребляли въ пищу хлѣбъ, занимались и садоводствомъ. „Эллины", говоритъ Геродотъ, „часто смѣшиваютъ будиновъ и гелоновъ,—но это два разные народа". Изъ его описанія скорѣе можно понять, однако, что это два культурныхъ слоя одного и того же народа—одинъ отчасти эллинизованный, другой—вовсе не тронутый эллинскимъ вліяніемъ. Особенную этнографическую окраску гелонамъ давало именно греческое вліяніе: „первоначально гелоны были тѣ же эллины, удалившіеся изъ торговыхъ городовъ и поселившіеся среди будиновъ"; нѣкоторые изъ этихъ греческихъ колонистовъ сохранили, по словамъ Геродота, и свой языкъ. Такъ, за 400 лѣтъ до Р. Х. культура приходила къ народамъ сѣверо-восточной Европы тѣмъ самымъ путемъ, по которому она шла въ VIII вѣкѣ нашей эры, и уже при Геродотѣ здѣсь были торговые города со смѣшаннымъ полуэллинскимъ, полуварварскимъ населеніемъ и эллинистической культурой—далекіе предшественники „матери городовъ русскихъ".

Итакъ, на восточно-европейской равнинѣ, въ нынѣшней Московской или Владимірской губерніяхъ, существовало земледѣліе съ незапамятныхъ временъ, а славяне были на этой равнинѣ автохтонами. Выводъ, который отсюда можно сдѣлать, вполнѣ благопріятенъ Бѣляеву: a priori какъ нельзя болѣе вѣроятно, что и славяне,—допустивъ даже, что будины Геродота не стоятъ съ ними ни въ какой генетической связи—были земледѣльцами уже до раздѣленія. Лингвистика и это подтверждаетъ: земледѣльческіе термины—**пахать** (орати), **жать**, **косить**, названія **плуга** и **бороны**, главнѣйшихъ видовъ хлѣба, знакомыхъ нашимъ широтамъ,—**овесъ**, **ячмень**, **рожь** и **пшеница**—общіе у всѣхъ славянскихъ племенъ. Общее у нихъ и названіе хлѣба, какъ предмета питанія,—**жито**, и всего характернѣе, что это названіе (одного корня съ **жизнью**) употребляется и для обозначенія всей

*) Подробнѣе о наружномъ видѣ древнихъ славянъ см. у *Нидерле*, „Словенскія древности", рус. пер. I, стр. 114 и слѣд.

пищи вообще: значитъ, хлѣбъ не только ѣли, но, какъ и у теперешняго русскаго крестьянина, онъ составлялъ основу древнеславянскаго питанія, былъ пищей по преимуществу. Если бы мы остановились на этомъ, то и вопросъ о древнеславянской культурѣ долженъ былъ бы, повидимому, рѣшиться въ оптимистическомъ направленіи. Но та же лингвистика безжалостно разрушаетъ пріятную иллюзію: просвѣщенные земледѣльцы-славяне жили, по всей видимости, въ каменномъ вѣкѣ. Всѣ названія металловъ у славянъ или описательныя (руда—нѣчто красное, отсюда это слово обозначаетъ одновременно и кровь, и красный желѣзнякъ-гематитъ; злато—нѣчто желтое и блестящее и т. под.), или заимствованныя, какъ и названія каменной стройки: серебро отъ древняго сѣверно-германскаго silfr (теперешнее нѣмецкое Silber), мѣдь—средневѣковое верхне-нѣмецкое Smide (металлическое украшеніе) и т. д. Древнѣйшія славянскія погребенія въ Галиціи всѣ съ каменными орудіями, металлы встрѣчаются лишь въ позднѣйшихъ.

Со старой точки зрѣнія мы и тутъ наталкиваемся на непримиримое противорѣчіе: земледѣліе, по старому взгляду, одна изъ высшихъ ступеней экономической культуры, оно предполагаетъ уже двѣ пройденныя ступени,—охоту и скотоводство. Какъ могли славяне продѣлать эту длинную эволюцію, не измѣнивъ самаго первобытнаго способа изготовленія орудій—изъ камня? Новѣйшая экономическая археологія и этнологія даютъ намъ, однако, возможность устранить это кажущееся противорѣчіе очень легко. Наблюденія надъ современными дикарями показали весьма убѣдительно всю фальшивость старой схемы хозяйственнаго развитія: охота—скотоводство—земледѣліе. Эта старая схема отправляется отъ совершенно правильнаго общаго положенія, что человѣкъ начинаетъ съ такихъ формъ хозяйственной дѣятельности, которыя требуютъ отъ него наименьшей затраты энергіи, и постепенно переходитъ къ все болѣе и болѣе труднымъ. Но создатели этой схемы не имѣли представленія о какихъ-либо иныхъ способахъ охоты, скотоводства и земледѣлія, кромѣ тѣхъ, какіе встрѣчаются у такъ называемыхъ „историческихъ", т.-е. болѣе или менѣе культурныхъ народовъ. Отъ того, что легко или трудно для культурнаго человѣка, умозаключали къ тому, что легко или трудно для человѣка первобытнаго, т.-е. для дикаря. Но дикарь, несомнѣнно, началъ съ такихъ способовъ добыванія пищи, которые легче самаго легкаго изъ нашихъ: онъ началъ съ того, что собиралъ даровые

продукты природы, не требующіе вовсе труда для своего пріобрѣтенія,—началъ съ собиранія дико-растущихъ плодовъ, кореньевъ и т. под. Какъ и высшія обезьяны, человѣкъ сначала былъ животнымъ „плодояднымъ“. Его животная пища первоначально, вѣроятно, состояла изъ раковинъ, улитокъ и тому подобныхъ, тоже безъ труда достающихся пищевыхъ средствъ. Нѣкоторыя очень низко стоящія племена Бразиліи и поднесь не пошли дальше этого „собиранія“. Единственные слѣды дѣятельности прибрежныхъ племенъ южной Бразиліи представляютъ огромныя кучи пустыхъ морскихъ раковинъ, длинными рядами тянущіяся вдоль морского берега. Послѣ отлива туземцы выходятъ на обсохшій песчаный берегъ, собираютъ принесенныя приливомъ раковины и успокаиваются до слѣдующаго отлива. Въ этомъ—вся ихъ „охота“. По количеству затрачиваемаго труда этотъ способъ добыванія пищи не идетъ ни въ какое сравненіе съ настоящей охотой за звѣремъ или птицей или съ рыбной ловлей при помощи сѣтей, удочекъ и т. под. Настоящіе охотники и звѣроловы отнюдь не принадлежатъ къ „низшимъ“ племенамъ: краснокожіе Сѣверной Америки додумались до зачатковъ письма и не чужды художественной дѣятельности, а они живутъ исключительно только охотой. Обитатели Западной Европы каменнаго вѣка, повидимому, тоже были охотниками, а найденныя при раскопкахъ орудія ихъ поражаютъ совершенствомъ и даже изяществомъ отдѣлки: изображенія головы лося, табуна лошадей на одномъ жезлѣ, или вырѣзанное на кости изображеніе мамонта сдѣлали бы честь и не-дикарю. Охота, несомнѣнно, проще нашего земледѣлія, съ примѣненіемъ животнаго труда,—лошади или быка; но эта форма земледѣлія далеко не единственно возможная и даже наименѣе распространенная. Среди некультурныхъ племенъ гораздо употребительнѣе другая форма хлѣбопашества, которую нѣмецкіе изслѣдователи окрестили Hackbau, что по-русски переводятъ „мотыжное земледѣліе“. Его отличительная особенность состоитъ въ томъ, что оно ведется исключительно человѣческими руками и почти безъ всякихъ инструментовъ, потому что первобытная мотыга не что иное, какъ развилистый сукъ, которымъ разрыхляютъ землю передъ тѣмъ, какъ бросить туда сѣмена. Такой инструментъ куда проще лука и стрѣлъ или пращи и, вѣроятно, былъ самымъ раннимъ изобрѣтеніемъ человѣка въ области техники. И масса энергіи, которая требуется для мотыжнаго земледѣлія на дѣвственной почвѣ, конечно, значительно меньше того количества силы, которое нужно затратить, чтобы спра-

виться съ крупнымъ звѣремъ. Мотыжное земледѣліе легче охоты, и есть всѣ основанія думать, что оно было самымъ раннимъ изъ правильныхъ способовъ добыванія пищи. Оно вовсе не связано съ осѣдлостью, напротивъ, необходимо предполагаетъ бродячій образъ жизни: такъ какъ верхній слой почвы, единственно доступный такой обработкѣ, долженъ быстро истощаться, то культура носитъ поэтому очень экстенсивный характеръ и требуетъ огромной, сравнительно, площади земли. Охота является, вѣроятно, на первыхъ порахъ, подспорьемъ мотыжному земледѣлію: человѣческій организмъ нуждается въ извѣстномъ количесвѣ соли, а дикарь не имѣетъ часто средствъ достать ее иначе, какъ въ мясѣ,—сыромъ мясѣ съ кровью. Весьма возможно, что такъ какъ человѣческое мясо всего легче добыть, то человѣкъ и началъ свой мясной столъ съ антропофагіи и уже потомъ перешелъ къ мясу животныхъ. Географическая обстановка рѣшала дальнѣйшее: племена, попавшія въ районы, обильные дичью или рыбой, скоро стали смотрѣть на охоту или рыболовство, какъ на основное занятіе, а на земледѣліе,—какъ на подсобное. Тамъ, гдѣ былъ богатый запасъ растительной пищи, прогрессировало, напротивъ, это послѣднее. Нѣтъ, однако, народа, который питался бы исключительно животной пищей. Безъ растительной приправы къ столу жить нельзя, тогда какъ вполнѣ возможно обойтись одной растительной пищей. Въ этомъ случаѣ сравнительная этнологія вполнѣ на сторонѣ вегетаріанства. Напротивъ, совершенно невѣренъ взглядъ, въ силу котораго скотоводство развилось изъ охоты и служило первоначально средствомъ имѣть подъ руками постоянно запасъ мяса. Э. Ганъ блестяще доказалъ, что прирученіе самаго крупнаго и цѣннаго вида скота связано не съ охотой, а именно съ земледѣліемъ, и что быкъ служилъ сначала не какъ мясной, а какъ рабочій скотъ. Приручившіе быка патріархи земледѣлія даже и не ѣли говядины, какъ не ѣдятъ ея до сихъ поръ самые старинные земледѣльческіе народы—индусы и китайцы.

Если мы отъ этихъ аналогій и косвенныхъ указаній лингвистики обратимся къ древнѣйшимъ письменнымъ свидѣтельствамъ о восточныхъ славянахъ, къ древнѣйшимъ **текстамъ**, мы найдемъ въ нихъ полное подтвержденіе приведенной выше характеристики этихъ славянъ, какъ народа зеледѣльческаго, но стоящаго въ то же время на очень невысокой степени культуры.

Ранѣе всего изъ болѣе или менѣе цивилизованныхъ людей столкнулись съ нашими предками **арабы**, успѣвшіе побывать въ Россіи ранѣе даже грековъ: по крайней мѣрѣ,

первыя показанія очевидцевъ о славянскихъ бытѣ и культурѣ принадлежатъ именно арабскимъ путешественникамъ и встрѣчаются у компилировавшихъ разсказы этихъ послѣднихъ арабскихъ географовъ. Одно изъ наиболѣе важныхъ показаній этого рода мы находимъ въ „Книгѣ драгоцѣнныхъ сокровищъ“ компилятора Ибнъ-Даста, писавшаго въ первой половинѣ X вѣка,—но источники его значительно старше. Въ виду важности этого текста мы приведемъ оттуда цѣликомъ то, что относится къ экономической культурѣ восточныхъ славянъ: что рѣчь идетъ именно о нихъ, доказываетъ названіе ихъ столицы — по Ибнъ-Даста „Куяба“, т.-е. К і е в ъ. „Страна славянъ—страна ровная и лѣсистая; въ лѣсахъ они и живутъ. Они не имѣютъ ни виноградниковъ, ни пашенъ. Изъ дерева выдѣлываютъ они родъ кувшиновъ, въ которыхъ находятся у нихъ и улья для пчелъ, и медъ пчелиный сберегается. Это называется у нихъ сиджъ, и одинъ кувшинъ заключаетъ въ себѣ около 10 кружекъ его. Они пасутъ свиней наподобіе овецъ...“ (Дальше идетъ разсказъ о погребальныхъ обычаяхъ славянъ, который будетъ разсмотрѣнъ въ другомъ мѣстѣ) „...Болѣе всего сѣятъ они просо...“ „...Рабочаго скота у нихъ мало, а верховыхъ лошадей имѣетъ только одинъ упомянутый человѣкъ“ (свіятъ-царь). „Холодъ въ ихъ странѣ бываетъ до того силенъ, что каждый изъ нихъ выкапываетъ себѣ въ землѣ родъ погреба, къ которому придѣлываетъ деревянную остроконечную крышу, наподбіе (крыши) христіанской церкви, и на крышу накладываетъ земли. Въ такіе погреба переселяются со всѣмъ семействомъ и, взявъ нѣсколько дровъ и камней, зажигаютъ огонь и раскаляютъ камни на огнѣ докрасна. Когда же раскалятся камни до высшей степени, поливаютъ ихъ водой, отъ чего распростаняется паръ, нагрѣвающій жилье до того, что снимаютъ уже одежду“ *).

Кое-что въ этомъ разсказѣ о вещахъ, которыя самому автору, видимо, рисовались довольно смутно, можно отнести насчетъ простого недоразумѣнія: такъ, въ литературѣ уже давно отмѣчено, что славянскому меду Ибнъ-Даста усваиваетъ названіе, какое носилъ этотъ напитокъ у волжскихъ болгаръ, ближайшихъ посредниковъ для арабовъ въ сношеніяхъ съ восточными славянами. Совершенно очевидно также, въ послѣднихъ строкахъ, смѣшеніе славянскаго ж и л ь я — землянки—съ б а н е й, хорошо извѣстной намъ для той эпохи и изъ другихъ описаній. Съ перваго взгляда можетъ пока-

*) Цитируемъ по переводу А. Я. Гаркави, „Сказанія мусульманскихъ писателей о славянахъ и русскихъ“, стр. 264—267.

заться, что и рѣзкимъ противорѣчіемъ двухъ фразъ: „пашенъ у нихъ нѣтъ“ и „сѣютъ они просо“—мы обязаны такому же недоразумѣнію. Но, упомянувъ рядомъ съ пашнями виноградники, Ибнъ-Даста ясно показалъ, что, съ его точки зрѣнія, тутъ никакого недоразумѣнія не было: подъ пашнями арабскій писатель разумѣлъ то, что зовется такъ въ культурныхъ странахъ, поля, на которыхъ годъ изъ году занимаются земледѣліемъ, какъ въ виноградникахъ годъ изъ году культивируютъ виноградную лозу. Такихъ постоянныхъ пашенъ онъ и не находилъ у славянъ, жившихъ въ лѣсу и сѣявшихъ свое просо каждый годъ на новомъ мѣстѣ. Съ этой стадіей земледѣльческой культуры отлично вяжется и другое показаніе нашего автора о слабомъ развитіи скотоводства у славянъ. Оно уже было, но въ зачаточномъ состояніи; расцвѣтъ его лежалъ впереди — для XII вѣка мы имѣемъ уже несомнѣнныя свидѣтельства того, что пахота съ помощью лошади была общераспространеннымъ явленіемъ въ южной Руси. Эта новизна скотоводства и связанная съ нею дороговизна скота оставили любопытный слѣдъ въ древне-русскихъ юридическихъ памятникахъ. Въ нѣкоторыхъ статьяхъ „Русской Правды“ слово „скотъ“ употребляется въ смыслѣ „денегъ“ (анилогично въ этомъ случаѣ съ древне-римскимъ pecunia); но мы знаемъ, что деньгами, единицей мѣны, становятся обыкновенно такіе предметы, на которые есть большой спросъ, но которые существуютъ въ то же время лишь въ ограниченномъ количествѣ. Благодаря этому, въ древней Греціи первой монетой и сталъ желѣзный прутъ („оболъ“)—представитель еще рѣдкаго и цѣннаго въ то время металла. Рабочій скотъ въ Россіи IX—X вѣка былъ еще такъ же рѣдокъ и цѣненъ, какъ въ гомеровской Греціи, оттого тамъ и тутъ и вычисляли цѣну другихъ предметовъ на скотъ. Оттого „Русская Правда и занимается такъ тщательно вопросомъ о возможномъ приплодѣ скота (въ такъ называемомъ „Карамзинскомъ“ спискѣ этому отведено не менѣе 8 отдѣльныхъ статей), при чемъ отводитъ видное мѣсто и упоминаемымъ Ибнъ-Даста свиньямъ (3 статьи изъ 8).

Характеръ славянъ, какъ лѣсного народа, живущаго, между прочимъ, и даже на первомъ мѣстѣ, бортничествомъ, также выступаетъ у арабскаго географа очень выпукло, но любопытно, что Ибнъ-Даста ни словомъ не упоминаетъ о другомъ промыслѣ, казалось бы, столь естественномъ въ „лѣсистой“ странѣ,—объ охотѣ. Чтобы русскіе славяне до начала X вѣка не охотились вовсе, это, конечно,

трудно себѣ представить, но очевидно, что бортничество, свиноводство и кочевое земледѣліе настолько составляли основу ихъ хозяйства, что охота, какъ промыселъ, не бросалась въ глаза, какъ это было по отношенію къ сосѣднимъ болгарамъ, о которыхъ арабскій писатель отмѣтилъ, что „главное богатство составляетъ у нихъ куній мѣхъ". Болгары тогда уже сравнительно гораздо больше втянулись въ оборотъ восточной торговли, и мѣха были главнымъ предметомъ ихъ отпуска; едва ли не въ связи съ тою же восточной торговлей охота пріобрѣла серьезное экономическое значеніе и у восточныхъ славянъ. Во всякомъ случаѣ, базировать все ихъ хозяйство на охотѣ, какъ это дѣлаютъ въ послѣднее время нѣкоторые авторы, было бы неосторожно, въ виду прямыхъ указаній на противоположное со стороны какъ лингвистики, такъ и арабскихъ писателей, ранѣе всѣхъ систематизировавшихъ свѣдѣнія о нашихъ предкахъ.

Древнѣйшая общественная организація стоитъ въ тѣсной связи со способами добыванія пищи. Знаменитая характеристика этой организаціи въ начальной лѣтописи: „живяху кождо съ родомъ своимъ на своихъ мѣстѣхъ, володѣюще кождо родомъ своимъ", послужила исходной точкой для многаго множества болѣе или менѣе фантастическихъ гипотезъ о первоначальномъ общественномъ строѣ русскихъ славянъ. Не трудно было понять, что здѣсь рѣчь идетъ о какомъ-то союзѣ родственниковъ, но что связывало между собой этихъ послѣднихъ, помимо кровныхъ отношеній, которыя сами по себѣ нисколько не мѣшаютъ людямъ жить врозь и заниматься различными дѣлами, это не такъ легко было себѣ представить. Въ особенности мѣшала русскимъ историкамъ составить себѣ конкретное и отчетливое представленіе объ этомъ „родѣ" начальной лѣтописи ихъ идеалистическая точка зрѣнія — привычка всѣ историческія перемѣны объяснять перемѣнами въ *мысляхъ* и *чувствахъ* историческихъ дѣятелей. У такого умнаго историка, какъ Соловьевъ, напримѣръ, можно найти длинныя разсужденія о томъ, какую роль играло въ первобытномъ обществѣ родственное чувство, какъ оно постепенно ослабѣвало и что изъ этого вышло. Неудовлетворительность подобныхъ объясненій слишкомъ била въ глаза, и „теорія родного быта" уступала мѣсто другимъ гипотезамъ, — „вотчинной", „общинной", „задружной" и т. под., цѣнность которыхъ, однако, отнюдь не была выше первой *).

*) Теоріи эти будутъ разсмотрѣны въ особомъ очеркѣ въ заключеніе настоящей книги.

Но уже раньше, чѣмъ въ общественныхъ наукахъ взяла верхъ матеріалистическая точка зрѣнія, та самая историческая аналогія, образчикъ которой мы видѣли выше, дала возможность представить себѣ все дѣло гораздо нагляднѣе. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ русской равнины географическая обстановка IX—X вв. сохранилась почти въ полной неприкосновенности до очень поздняго, сравнительно, времени: таковы были великорусскій сѣверъ, нынѣшняя Архангельская губернія до XVII-го, и западно-русское Полѣсье до XVI-го, приблизительно, вѣка. Весьма характерно, что въ этихъ двухъ весьма удаленныхъ другъ отъ друга и никогда не сообщавшихся мѣстностяхъ мы встрѣчаемъ совершенно одинаковую основную клѣточку хозяйственной и вообще соціальной организаціи: на сѣверѣ она носитъ названіе печища, на западѣ—дворища. „Дворище“, какъ и „печище“, являются, прежде всего, формами коллективнаго землевладѣнія, но весьма непохожими на знакомые намъ образчики послѣдняго, напримѣръ, на великорусскую сельскую общину. Коллективизмъ послѣдней, какъ она существвовала до начала XX столѣтія, былъ юридически-финансовый: крестьяне-общинники сообща владѣли землей и сообща отвѣчали за лежавшія на ней подати и повинности, но хозяйство они вели каждый отдѣльно. Считать такую организацію зародышемъ или остаткомъ первобытнаго коммунизма можно было опять-таки лишь съ той идеалистической точки зрѣнія, для которой юридическая оболочка была гораздо важнѣе экономическаго содержанія, право важнѣе того факта, благодаря которому это право только и могло возникнуть. Въ дворищномъ землевладѣніи мы имѣемъ передъ собой остатокъ подлиннаго коммунизма: первоначально всѣ обитатели сѣверно-русскаго „дворища“, иногда нѣсколько десятковъ работниковъ обоего пола, и жили вмѣстѣ подъ одной кровлей, въ той громадной двухъэтажной избѣ, какія и теперь еще встрѣчаются на сѣверѣ, въ Олонецкой или Архангельской губерніяхъ,—„настоящемъ дворцѣ сравнительно съ южно-русскими хатами“, по отзыву изслѣдовательницы, которой русская наука обязана первымъ точнымъ описаніемъ древнѣйшей формы русскаго землевладѣнія *). Позже они могли разселиться по нѣсколькимъ избамъ, но экономическая сущность организаціи отъ этого не мѣнялось: все „дворище“ попрежнему сообща обрабатывало всю захваченную ими землю общимъ инвента-

*) А. Я. Ефименко. См. сборникъ статей „Южная Русь“, т. I, стр. 372.

ремъ, и продуктами пользовались всѣ работники сообща. Хозяйство было не только земледѣльческое. Документы, сохранившіе намъ юридическую форму древнѣйшаго землевладѣнія (ко времени составленія этихъ документовъ обыкновенно уже распадавшагося), изображаютъ эту „землю“, какъ совокупность цѣлаго ряда промысловъ, входившихъ въ составъ дворищнаго хозяйства; „дворище“ всегда является „съ полями, сѣножатьми и з лѣсы и боры, и з деревомъ бортнымъ, з рѣками и озера, и з гати и з езы, и з ловы рыбными и пташими...“ Все, что нужно было для жизни, не только хлѣбъ, добывалось общимъ трудомъ; но и наиболѣе прочной спайкой, связывавшей воедино все населеніе „дворища“, являлось, несомнѣнно, все-таки земледѣліе. Ибо для всей группы не могло быть болѣе труднаго дѣла, чѣмъ выкорчевать изъ-подъ лѣса участокъ земли подъ пашню—въ историческую эпоху пашню уже обычнаго типа, обрабатывавшуюся не виловатымъ сукомъ, а сохой, и не однимъ ручнымъ трудомъ, а съ помощью лошади. Ни „рыбный и пташій ловъ“, ни бортничество сами по себѣ коммунизма не требовали и не могли создать: онъ могъ сложиться только параллельно съ земледѣліемъ и становился тѣмъ прочнѣе, чѣмъ сложнѣе и труднѣе становились это послѣднее. Бродячіе охотники, какими иногда представляютъ себѣ русскихъ славянъ, несомнѣнно, оказались бы большими индивидуалистами.

Какъ возникъ этотъ первобытный коммунизмъ и на чемъ, внѣшнимъ образомъ, онъ держался? На первый вопросъ едва ли можно дать какой-нибудь отвѣтъ въ предѣлахъ не только русской, но и славянской вообще исторіи, потому что описанная форма землевладѣнія составляетъ не только русскую, а общеславянскую особенность: сербо-хорватская „задруга“ или „велика куча“ представляетъ собою полную параллель нашему архангельскому „печищу“ или полѣсскому „дворищу“. Форма недифференцированнаго стада, жившаго простымъ „собираніемъ“ готовыхъ продуктовъ, была, очевидно, пройдена славянами ранѣе, чѣмъ они выдѣлились изъ обще-арійской массы. Даже на первоначальную ступень „мотыжнаго“ земледѣлія сохранились въ историческихъ памятникахъ лишь слабые намеки. Главнѣйшимъ изъ нихъ является то сравнительно самостоятельное положеніе женщины у славянъ, сравнительно, напримѣръ, съ германцами, которымъ такъ гордились въ свое время славянофилы. Въ древнеславянскомъ правѣ, такъ называемая, „половая опека“ выражена гораздо менѣе рѣзко, чѣмъ можно было бы ожидать. Тутъ

особенно приходится отмѣтить два момента: самостоятельное положеніе женщины на судѣ, доходившее до того, что женщина мѣстами могла являться участницей судебнаго поединка, и широкій объемъ имущественныхъ правъ женщины, которая могла распоряжаться своимъ имѣніемъ безъ согласія мужа, тогда какъ послѣдній не могъ распорядиться имуществомъ жены, даже приданымъ, безъ ея согласія *). Любопытную черту къ этому даетъ первая статья Русской Правды. Въ числѣ возможныхъ мстителей за кровь она указываетъ, и на одномъ изъ первыхъ мѣстъ притомъ, — „сына сестры" убитаго, т.-е. ведетъ счетъ родства и по женской линіи, не только по мужской. Подобное явленіе никоимъ образомъ не могло возникнуть въ исторически намъ знакомой патріархальной семьѣ, во главѣ которой стоитъ мужчина—отецъ, и гдѣ счетъ родства всегда ведется по мужской линіи. Ее приходится разсматривать поэтому, какъ остатокъ материнскаго права—матріархальной семьи, гдѣ счетъ родства всегда велся по женской линіи, и братъ матери считался однимъ изъ ближайшихъ родственниковъ, наравнѣ съ отцомъ, если не выше его. Самостоятельное положеніе женщины, имущественное и правовое, вполнѣ вяжется съ этимъ, точно такъ же, какъ и то, что мы знаемъ объ экономической культурѣ первобытныхъ славянъ. Первичное „мотыжное" земледѣліе всюду было и есть, гдѣ оно еще сохранилось, въ рукахъ женщинъ; весьма возможно, что женщина, связанная дѣтьми и поневолѣ болѣе осѣдлая, менѣе свободно передвигавшаяся въ поискахъ за даровой пищей, была даже изобрѣтательницей земледѣлія. Но первая, овладѣвшая правильнымъ способомъ добыванія пищи, женщина экономически эмансипировалась отъ мужской опеки, семья стала концентрироваться около матери, а не около отца. Оттого у племенъ съ преобладаніемъ земледѣлія—у древнихъ культурныхъ народовъ Америки, напримѣръ, — мы всюду встрѣчаемъ материнское право или слѣды его, тогда какъ у скотоводовъ или охотниковъ, въ той же Америкѣ, этихъ слѣдовъ вовсе нѣтъ.

Такимъ образомъ, то, что въ глазахъ славянофильской публицистики было печатью особого призванья, свойственнаго славянскому племени, на дѣлѣ является просто однимъ изъ признаковъ большей архаичности славянскаго права **). Къ

---

*) См. Шпилевскій, Семейныя власти у древнихъ славянъ и германцевъ стр. 74 и 86—7.

**) Остатки „материнскаго права" встрѣчаются и у древнихъ германцевъ, но для хронологически болѣе ранней ступени.

началу исторической жизни славянъ отцовское право, однако, уже рѣшительно восторжествовало, вмѣстѣ съ земледѣліемъ новаго типа, обусловленнаго развитіемъ скотоводства. Охарактеризованное выше „печище“ или „дворище“ (задруга южныхъ славянъ) построено уже по типу патріархальной семьи: составлявшая ее группа работниковъ, обыкновенно дѣдъ съ сыновьями и внучатами, дядя съ племянниками, братья родные или двоюродные — по отцу. Но мы очень ошиблись бы, если бы придали этой кровной связи первенствующее значеніе: она обыкновенна, но вовсе не безусловно обязательна. Подобное же коллективное хозяйство на сѣверѣ вели сплошь и рядомъ совсѣмъ посторонніе другъ другу люди, соединявшіеся по договору „складства“: они образовывали такое же точно „печище, но не навсегда, а на извѣстный срокъ, напримѣръ. на 10 лѣтъ. Въ эти десять лѣтъ у складниковъ все общее: движимое и недвижимое имѣніе, инвентарь, рабочій скотъ, всѣ доходы и расходы, — это, что называется, „одна семья“. Черезъ десять лѣтъ, если они не захотятъ возобновить договора „складства“, они дѣлятъ все общее достояніе на равныя доли и расходятся, — они опять чужіе. Точно такъ же и для того, чтобы быть членами южнославянской „великой кучи“, нѣтъ необходимости принадлежать къ ней по крови, по происхожденію: въ семью можетъ быть принятъ и совершенно чужой человѣкъ, и пока онъ принимаетъ участіе въ общей работѣ, онъ пользуется одинаковыми правами со всѣми другими членами „задруги“. И здѣсь, значитъ, связь экономическая идетъ впереди кровной, „родственной“ въ нашемъ смыслѣ.

На основѣ общаго хозяйственнаго интереса вырастаетъ вся первобытная общественная организація. Было бы очень наивно представлять себѣ первобытныхъ людей въ образѣ мирныхъ тружениковъ, благоговѣйно относящихся къ плодамъ чужого труда. Продукты этого послѣдняго были обезпечены для семьи лишь постольку, поскольку она силой могла отстоять ихъ отъ покушеній сосѣдей: отношенія между сосѣдями были „международными“, употребляя теперешнее выраженіе. То, что монархистъ-лѣтописецъ изображаетъ какъ результатъ отсутствія государственной власти, когда говоритъ о положеніи славянъ передъ призваніемъ князей, — „и не бѣ въ нихъ правды и вста родъ на родъ, и быша усобицы въ нихъ, и воевати сами на ся почаша“ — на самомъ дѣлѣ было нормой междусемейныхъ отношеній и при наличности князей, пока не явились экономическіе интересы, болѣе широкіе, чѣмъ се-

мейные, и на ихъ основѣ не сложилась болѣе широкая организація. Русская Правда приписывала отмѣну кровной мести сыновьямъ Ярослава Владиміровича: значитъ, при Ярославѣ, т.-е. до половины XI столѣтія. допускалось кровомщеніе, иными словами, допускалась частная война между семьями. При Ярославѣ, однако же, какъ видно изъ той же Правды, эта частная война была уже поставлена въ довольно узкіе предѣлы: въ первой статьѣ устанавливается, кто могъ ее начать, и требуется опредѣленный, можно бы сказать, „законный" поводъ: „аще убьетъ мужъ мужа". Семья могла начать войну только въ томъ случаѣ, если одинъ изъ членовъ ея будетъ убитъ,—другими словами, допускалась война только оборонительная. Но лѣтопись сохранила живое воспоминаніе о той порѣ, когда право частной войны понималось гораздо шире. Послѣ крещенія Владиміра епископы, разсказываетъ лѣтопись, стали говорить князю: „Зачѣмъ ты не казнишь разбойниковъ?"—„Боюсь грѣха", отвѣчалъ будто бы Владиміръ. Монахъ-лѣтописецъ понялъ этотъ отвѣтъ, какъ выраженіе страха Божьяго, какъ опасеніе согрѣшить, убивъ, т.-е. казнивъ, разбойника. Но князь, вѣроятно, видѣлъ „грѣхъ" въ нарушеніи дѣдовского обычая, допускавшаго разбой, т.-е. частную войну, во всей ея широтѣ. Этотъ дѣдовскій обычай въ концѣ-концовъ и восторжествовалъ: „и живяше Володимерь по устроенью отню и дѣдьню", заканчиваетъ лѣтописецъ свой разсказъ о совѣщаніи князя съ епископами и старцами. Ограничить же право частной войны удалось только Ярославу Владиміровичу. Итакъ, хозяйственная организація семьи необходимо предполагала военную организацію для охраны продуктовъ хозяйства. Остатки этой военно-семейной организаціи тоже ясно видны въ лѣтописи: вмѣстѣ отбиваясь отъ сосѣднихъ „родовъ", „родъ" вмѣстѣ ходилъ на войну и противъ общаго, племенного врага. Разсказавъ о томъ, какъ Святославъ побѣдилъ грековъ и взялъ съ нихъ дань, лѣтописецъ замѣчаетъ: „бралъ онъ дань и на убитыхъ, говоря: это возьметъ ихъ родъ".

Если прибавить къ этому, что, кромѣ враговъ видимыхъ и осязаемыхъ, первобытному человѣку за каждымъ враждебнымъ его хозяйству явленіемъ чудились враги невидимые, „сила нездѣшняя"*), то мы сможемъ себѣ представить довольно ясно, что такое была первобытная большая семья, „дворище" или „печище" на зарѣ исторической эпохи. Члены

*) О первобытныхъ религіозныхъ вѣрованіяхъ см. гл. IV.

БИБЛИОТЕКА ... УНИВЕРСИТЕТА ... им. ...

такой семьи — работники въ одномъ хозяйствѣ, солдаты одного отряда, наконецъ, поклонники однихъ и тѣхъ же семейныхъ боговъ — участники общаго культа. Это даетъ намъ возможность понять положеніе отца такой семьи. Всего меньше онъ „отецъ“ въ нашемъ смыслѣ этого слова. Руководство всѣмъ семейнымъ хозяйствомъ и военная дисциплина, необходимая для обороны этого хозяйства, даютъ въ его руки громадную власть. Къ этой реальной силѣ его положеніе, какъ жреца семейнаго культа, прибавляетъ всю силу первобытнаго суевѣрія: отецъ одинъ водится съ богами, т.-е. духами предковъ, его „здѣшняя“ власть увеличивается на всю громадную силу этихъ „нездѣшнихъ“ членовъ семьи. О сопротивленіи домовладыкѣ не можетъ быть и рѣчи: господинъ-отецъ — самодержецъ въ широчайшемъ значеніи этого слова. Онъ распоряжается всѣми членами семьи, какъ своею собственностью. Онъ можетъ убить или продать сына или дочь, какъ продаютъ свинью или козу. Отсюда въ первобытной семьѣ нѣтъ возможности провести демаркаціонную черту между членами семейства и рабами — и названіе для тѣхъ и другихъ было общее. Древне-римское familia, которое переводятъ обыкновенно черезъ „семейство“, въ сущности, означало „рабовъ одного господина“; древне-русская дворня называлась чадью, чадами своего барина; и теперь еще въ словѣ домочадцы объединяются не только родственники хозяина дома, но и его прислуга. Крѣпостные крестьяне называли своего помѣщика батюшкой, а сынъ въ древне-русской семьѣ величалъ своего отца государемъ-батюшкой, какъ величалъ своего хозяина „государемъ“ и древнерусскій холопъ. И баринъ былъ, дѣйствительно, для него государемъ въ нашемъ смыслѣ этого слова: онъ судилъ своего холопа и наказывалъ не только за проступки и неисправность въ барскомъ хозяйствѣ, но и за преступленія общественнаго характера. „А старостѣ ни холопа, ни рабы безъ господаря не судити“, говоритъ новгородское право. Представитель общественной власти не могъ произнести приговора надъ холопомъ, не спросясь его господина-государя. Зато въ приговоръ, произнесенный этимъ послѣднимъ надъ своимъ холопомъ, общественная власть не считала себя въ правѣ вмѣшиваться. „А кто осподарь огрѣшится, ударитъ своего холопа или рабу и случится смерть, въ томъ намѣстници не судятъ, ни вины не емлютъ“, говоритъ уставная двинская грамота (XIV вѣка). По отношенію къ дѣтямъ слѣды такихъ же правъ отца писаный законъ сохранилъ до Петра В.: его воинскій артикулъ не считаетъ

убійствомъ засѣченіе своего ребенка до-смерти. Народныя воззрѣнія еще архаичнѣе писаннаго права: между сибирскими крестьянами еще въ серединѣ XIX в. господствовало убѣжденіе, что за убійство сына или дочери родители подлежатъ только церковному покаянію. Тарасъ Бульба, собственноручно казнившій сына за измѣну, былъ вполнѣ вѣренъ древнѣйшему народному представленію объ отцовской власти.

Древнѣйшій типъ государственной власти развился непосредственно изъ власти отцовской. Разрастаясь естественнымъ путемъ, семья могла при благопріятныхъ обстоятельствахъ сохранить свое хозяйственное единство или, по крайней мѣрѣ, прежнюю военную и религіозную организацію. Такъ образовывалось племя, члены котораго были связаны общимъ родствомъ, а, стало-быть, и общей властью. У южныхъ славянъ племенная организація сохранилась до нашего времени: въ 60-хъ годахъ XIX вѣка вся Черногорія состояла изъ 7 племенъ; самое многочисленное изъ нихъ, Бѣлопавличи, считало до 3.000 „ружей“, т.-е. взрослыхъ, способныхъ къ бою мужчинъ. Естественному процессу нарастанія судьба часто помогала искусственно: при постоянныхъ стычкахъ одна семья могла покорить одну или нѣсколько другихъ. Если побѣда была полная, рѣшительная, побѣжденные просто-напросто обращались въ рабовъ; но если они сохраняли нѣкоторую способность сопротивленія, побѣдители шли на уступку: побѣжденная семья сохраняла свою организацію, но становилась въ подчиненныя отношенія къ побѣдительницѣ, была облагаема извѣстными повинностями — данью — и превращалась въ подданныхъ побѣдителей. Подобныя же отношенія могли, конечно, образоваться такимъ же точно путемъ и между двумя племенами. Въ этомъ случаѣ власть господина-отца побѣдившаго племени распространялась и на членов племени побѣжденнаго.

Въ древней Руси мы имѣемъ обѣ эти формы разрастанія патріархальной власти. Начальная лѣтопись еще помнитъ то время, когда русскіе славяне, какъ теперешніе черногорцы, дѣлились на племена, и каждое племя имѣло свое княженіе: „по смерти Кія с братіями началъ родъ ихъ княжить у полянъ, а у древлянъ были свои князья, у дреговичей свои, свои у новгородскихъ и у полоцкихъ славянъ“. Свои племенные князья у древлянъ были еще въ X вѣкѣ — лѣтопись называетъ по имени одного изъ нихъ, Мала, который такъ неудачно сватался за Ольгу. Туземцы называли ихъ „добрыми князьями, которые распасли древлянскую землю“,

противополагая ихъ тѣмъ самымъ кіевскимъ князьямъ, завоевателямъ, которые древлянскую землю только грабили. Въ болѣе глухихъ мѣстахъ такіе племенные старшины дожили до XII вѣка, и еще Мономаху приходилось имѣть дѣло съ Ходотой и сыномъ его, туземными царьками самаго отсталаго изъ русскихъ племенъ, вятичей. Но Ходоту уже не называютъ княземъ: этотъ титулъ спеціализировался за членами рода, сидѣвшаго въ Кіевѣ. Настоящіе князья XII вѣка—не потомки мѣстныхъ патріархальныхъ владыкъ, а люди пришлые. Откуда они пришли—это достаточно показываютъ ихъ имена: въ Рюрикѣ, Игорѣ, Олегѣ лѣтописи нетрудно признать древне-скандинавскихъ Ререка, Ингвара и Хелега (Helgi). Еще въ X вѣкѣ они говорили на особомъ отъ туземнаго населенія языкѣ, который они называли „русскимъ". Константинъ Багрянородный приводитъ цѣлый рядъ такихъ „русскихъ" названій днѣпровскихъ пороговъ: всѣ они объясняются изъ шведскаго языка *). Скандинавское происхожденіе Руси настолько удовлетворительно доказывается этими лингвистическими данными, что прибѣгать къ болѣе, нежели сомнительнымъ свидѣтельствамъ средневѣковыхъ хронистовъ, какъ это часто дѣлалось въ пылу полемики, совершенно лишнее.

Послѣ всѣхъ споровъ о происхожденіи рюриковой династіи пришлось, такимъ образомъ, присоединиться къ мнѣнію автора начальной лѣтописи, который очень опредѣленно указывалъ мѣстожительство Руси „за моремъ", т.-е. по ту сторону Балтійскаго моря, и считалъ ее ближайшей родней Норманновъ (Урмане)—въ частности шведовъ (Свее). Въ вопросѣ о томъ, какъ появилась эта династія среди восточныхъ славянъ, всего безопаснѣе держаться того же лѣтописнаго текста. Отношеніе „Руси" къ славянамъ, по лѣтописи, начались съ того, что варяги, приходя изъ-за моря, брали дань съ сѣверо-западныхъ племенъ, славянскихъ и финскихъ. Населеніе сначала терпѣло, потомъ, собравшись съ силами, прогнало норманновъ, но, очевидно, не чувствовало себя сильнымъ достаточно, чтобы отдѣлаться отъ нихъ навсегда. Оставалось одно—принять къ себѣ на извѣстныхъ условіяхъ одного изъ варяжскихъ конунговъ съ его шайкой, съ тѣмъ чтобы онъ оборонялъ зато славянъ отъ прочихъ норманнскихъ шаекъ. „Поимемъ себѣ князя, который бы владѣлъ нами... по ряду", говорили будто бы собравшіеся на совѣ-

*) См. Томсенъ. Начало Русскаго государства.

щаніе чудь, славяне, кривичи и весь. Но „володѣть“ на языкѣ лѣтописи вовсе не значитъ только „господствовать“, „быть государемъ“,—а значитъ, прежде всего, „брать дань“. Разсказывая о томъ, какъ хазары пришли брать дань съ полянъ и получили въ видѣ дани мечъ, лѣтописецъ приводитъ предсказаніе, сдѣланное будто бы хазарскими „старцами“: „Не хорошая эта дань! мы ее получили саблей—оружіемъ съ однимъ остріемъ; а у этихъ оружіе обоюдоострое—мечъ: будутъ они брать дань на насъ и на другихъ странахъ“. „Такъ и случилось“, прибавляетъ лѣтописецъ: „володѣютъ хазарами русскіе князья до нынѣшняго дня“.

Такъ „владѣть“ и „брать дань“ для лѣтописца одно и то же. Послѣ этого намъ становится понятно, что значитъ „владѣть по ряду“: новгородскіе славяне просто-напросто откупились отъ грабежей норманновъ Рюрикова племени, пообѣщавъ имъ платить ежегодно опредѣленную сумму, которую дальше лѣтопись и называетъ. До смерти Ярослава новгородцы платили варягамъ 300 гривенъ въ годъ „ради мира“; съ этой цѣлью — купить миръ — и былъ заключенъ рядъ съ Рюрикомъ и братьями.

То, что произошло въ этомъ случаѣ, нельзя охарактеризовать иначе, какъ завоеваніемъ, въ его болѣе мягкой формѣ, когда побѣжденное племя не истреблялось, а превращалось въ „подданныхъ“. Стоитъ припомнить разсказъ о томъ, какъ Игорь собиралъ дань съ древлянъ, чтобы для насъ не осталось никакого сомнѣнія въ характерѣ его „владѣнія“. „Посмотри, князь“, говорила дружина Игорю: „какая богатая одежда и оружіе у свенельдовыхъ людей. Пойдемъ съ нами за данью: и ты добудешь, и мы“. Значитъ, идти по дань можно во всякое время,—какъ только тотъ, кто беретъ дань, почувствуетъ пустоту въ своемъ карманѣ. Аппетитъ приходитъ вмѣстѣ съ ѣдой: собравъ обычную дань, Игорю не хотѣлось уйти. „Ступайте вы домой“, сказалъ онъ дружинѣ: „а я пойду, похожу еще“. Мѣркой дани въ этомъ случаѣ было терпѣніе мѣстныхъ жителей, и оно на этотъ разъ не выдержало: „повадится волкъ къ овцамъ, сказали древляне, выноситъ все стадо, если не убить его: такъ и этотъ, если его не убить, то всѣхъ насъ погубитъ“. И послали ему сказать: „Зачѣмъ ты опять идешь? Вѣдь ты всю дань взялъ?“ Игорь не послушалъ предостереженія и былъ убитъ. Его вдова жестоко отомстила за его смерть, но не рѣшилась продолжать его политику. Завоевавъ снова древлянскую землю, она „установила уставы и уроки“: древлянская дань

была нормирована въ половинѣ X вѣка, какъ сто лѣтъ раньше была нормирована новгородская дань.

Исторія Игоря чрезвычайно ярко рисуетъ намъ „властвованіе“ древне-русскаго князя надъ его „подданными“. Мы видимъ, что ни о какихъ „началахъ государственности“, якобы занесенныхъ къ намъ князьями изъ-за моря, не можетъ быть и рѣчи. Русскіе князья у себя за моремъ были такими же патріархальными владыками, какъ и ихъ славянскіе современники: ихъ скандинавское названіе „конунговъ“, kunning, именно и означаетъ „отца большой семьи“ — отъ Kunne — семья. И пришли они къ славянамъ „съ родомъ своимъ“: это было переселеніе цѣлаго небольшого племени. Совершенно естественно, что власть этихъ пришлыхъ князей носитъ на себѣ яркій патріархальный отпечатокъ, удержавшійся не только въ кіевскую эпоху, но и гораздо позже. Въ царѣ московской Руси XVI—XVII вв. много черть такого же „господина-отца“, какимъ былъ впервые призванный „править Русью“ варяжскій конунгъ.

О роли князя въ племенномъ культѣ будетъ идти рѣчь въ другомъ мѣстѣ *). Нѣтъ надобности распространяться о военномъ значеніи древне-русскаго князя, какъ позже московскаго царя—эта сторона въ элементарныхъ учебникахъ выступаетъ даже черезчуръ ясно. Стоитъ отмѣтить, ради характеристики консервативности древняго обычая, тѣ случаи, гдѣ предводительство князя на войнѣ было, въ сущности, явно нецѣлесообразно. Въ томъ же описаніи похода Ольги противъ древлянъ мы встрѣчаемъ очень любопытный образчикъ этого обычая. Хотя сынъ Игоря, Святославъ, былъ еще очень малъ, онъ однако же находился при войскѣ и даже принималъ участіе въ битвѣ; дружина дожидалась, пока князь начнетъ бой. Когда Святославъ бросилъ своей дѣтской рученкой копье, которое тутъ же и упало у самыхъ ногъ его лошади, только тогда настоящій предводитель Свенельдъ далъ команду двигаться впередъ: „Князь уже началъ: пойдемъ, дружина, за княземъ“! Въ 1541 г. напали на Москву крымскіе татары. Никоновская лѣтопись разсказываетъ, по этому случаю, о распоряженіяхъ, которыя дѣлалъ великій князь: какъ онъ приказалъ разставить артиллерію, какихъ онъ назначилъ воеводъ, какія далъ этимъ воеводамъ инструкціи и т. д. При нѣкоторой невнимательности къ хронологіи все это можно понять совершенно буквально, но надо вспо-

*) См. ниже, гл. IV.

мнить, что въ 1541 г. Ивану Васильевичу было всего 11 лѣтъ. Очевидно, распоряжалась всѣмъ боярская дума, правившая тогда страной отъ его имени, но обычная форма строго соблюдалась, и на словахъ главнокомандующимъ считался все-таки маленькій великій князь.

Гораздо важнѣе и характернѣе для древне-русскаго государственнаго права та его особенность, въ силу которой князь, позже государь московскій, былъ собственникомъ всего своего государства на частномъ правѣ, какъ отецъ патріархальной семьи былъ собственникомъ самой семьи и всего ей принадлежащаго. Въ духовныхъ грамотахъ князей XIV—XV вв. эта черта выступаетъ такъ ясно, что ея нельзя было не замѣтить,—и мы давно знаемъ, что Иванъ Калита не дѣлалъ различія между своею столицею Москвою и своимъ столовымъ сервизомъ *). Но было бы большой ошибкой считать это послѣдствіемъ какого-то упадка „государственнаго значенія“ княжеской власти въ глухую пору удѣльнаго періода: юридически въ теченіе всей древней русской исторіи дѣло не обстояло иначе. Прежде всего, древняя Русь не знала двухъ разныхъ словъ для обозначенія политической единицы, во главѣ которой стоялъ князь, и личнаго имѣнія этого послѣдняго. И то, и другое обозначалось однимъ словомъ: **волость**. На страницахъ лѣтописи это слово нерѣдко, совсѣмъ рядомъ, употребляется въ обоихъ значеніяхъ; то въ одномъ, то въ другомъ, и лѣтописецъ, очевидно, не находитъ тутъ повода къ какому-нибудь недоумѣнію. Сама государственная власть выражалась тѣмъ же терминомъ „волость“: описывая, какъ неудачнаго кіевскаго князя Игоря Ольговича схватили въ болотѣ, куда онъ попалъ во время бѣгства, и привели къ его счастливому сопернику, Изяславу Мстиславичу, лѣтописецъ заключаетъ: „и тако скончалась **волость** Игорева“. Совершенно естественно, что и имѣнія частныхъ лицъ и учрежденій тоже назывались „волостями“: были волости Пресвятой Богородицы, т.-е. Печерскаго монастыря, а въ XV вѣкѣ у Ивана III было длинное пререканіе съ новгородскимъ владыкою изъ-за „волостей“, принадлежавшихъ этому послѣднему, которыя великій князь хотѣлъ присвоить себѣ. Но еще любопытнѣе, что пригороды разсматривались, какъ частная собственность главнаго города области. Не одинъ разъ князья ходили на несчастный Тор-

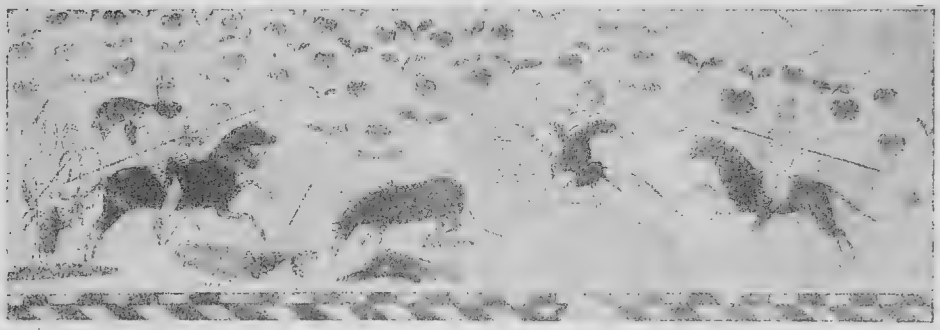
*) См. напечатанную еще въ 50-хъ гг. статью Чичерина: „Духовныя и договорныя грамоты великихъ и удѣльныхъ князей“.

жокъ и жгли его „за новгородскую неправду“ съ тѣмъ, очевидно, чтобы истребленіемъ новгородской собственности отомстить непослушному городу за его упрямство. Здѣсь права отца-господина перешли, такимъ образомъ, къ собирательному цѣлому, къ городской общинѣ, которая и явилась, такимъ путемъ, коллективнымъ патріархомъ.

Изъ этого смѣшенія частнаго и государственнаго права прежде всего вытекало то послѣдствіе, что князь былъ собственникомъ на частномъ правѣ всей территоріи своего княжества. Пока князья постоянно передвигались съ одного мѣста на другое, они мало обращали вниманіе на эту сторону своихъ правъ. Но когда они прочно усѣлись на мѣстахъ въ сѣверо-восточной Руси, это право нашло себѣ тотчасъ же вполнѣ реальное осуществленіе. Когда московскаго крестьянина XV—XVI вв. спрашивали, на чьей землѣ онъ живетъ, обыкновенно, получался отвѣтъ: „та земля государя великаго князя, а моего владѣнія“ или „земля Божья да государева, а роспаши и ржи наши“. Частное лицо могло быть лишь временнымъ владѣльцемъ земли — собственникомъ ея былъ князь. Онъ могъ уступать это право собственности другому лицу, особенно, лицу для него нужному, но это была уже привилегія, которую послѣдующіе князья могли и отнять. Такой привилегіей пользовались обыкновенно **бояре**, ближайшіе сотрудники князя, потому особенно ему нужные люди. Затѣмъ, тою же привилегіей частной земельной собственности пользовались и монастыри: первый, по времени, примѣръ пожалованья земли въ вотчину мы встрѣчаемъ именно въ разсказѣ о построеніи Кіево-Печерскаго монастыря (начальная лѣтопись подъ 1051 годомъ). Монастырь былъ основанъ на совсѣмъ пустомъ мѣстѣ: „бѣ бо лѣсъ тутъ великъ“. Тѣмъ не менѣе братія предусмотрительно запаслась разрѣшеніемъ князя Изяслава, безъ чего князь всегда могъ согнать монастырь съ занятой имъ земли.

Не только князь былъ собственникомъ всего **недвижимаго** имущества своихъ подданныхъ,—онъ распоряжался и ихъ **движимостью** по своему усмотрѣнію. При Василіи Ивановичѣ, отцѣ Грознаго, ѣздили въ посольство въ Испанію — къ императору Карлу V — кн. Иванъ Ярославскій и дьякъ Трофимовъ. „Кесарь“ щедро ихъ одарилъ серебряными и золотыми сосудами, блюдами, цѣпями, монетами и т. п. Все это очень понравилось великому князю, и онъ велѣлъ снести подарки, данные **его посламъ**, въ **свою** собственную великокняжскую кладовую. Герберштейнъ, разсказав-

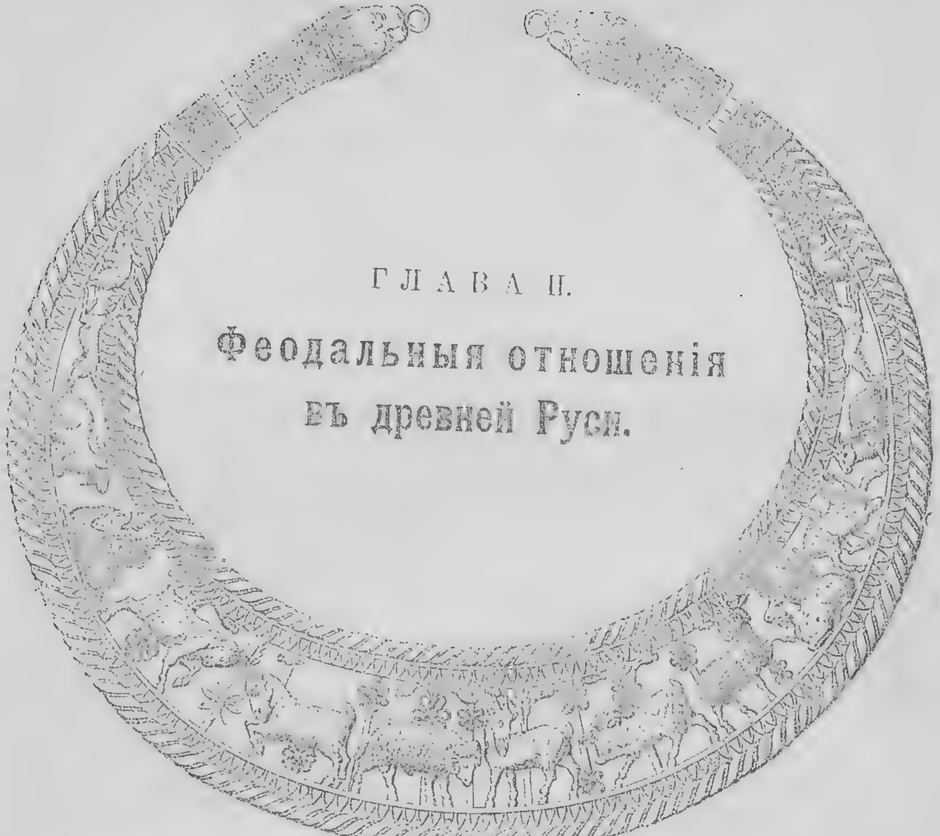
шій этотъ случай, былъ очень изумленъ такимъ безцеремоннымъ обращеніемъ съ чужой собственностью, но московское общество приняло дѣло совершенно хладнокровно. „Что же", говорили Герберштейну его русскіе пріятели: „государь инымъ чѣмъ пожалуетъ".



Фрески катакомбы, открытой въ Керчи въ 1872 г. (См. заставку на стр. 1).

ГЛАВА II.

Феодальныя отношенія въ древней Руси.



Золотое ожерелье жрицы Деметрю, погребенной въ Большой Близницѣ на Таманьскомъ полуостровѣ. (IV—III в. в. до Р. Х.).

Первобытный общественный строй, который мы разсматривали во II главѣ, уже для древней Россіи быль прошлымъ. Отъ него сохранялись только переживанія, правда, довольно упрямыя и цѣпкія, по глухимъ угламъ продержавшіяся почти до нашихъ дней. Но то, что было настоящимъ для древней Руси, ея повседневная дѣйствительность, принадлежало къ позднѣйшей стадіи общественнаго развитія. Эту позднѣйшую стадію, возникшую непосредственно изъ тѣхъ отношеній, которыя мы условились называть „первобытными“, западно-европейскіе историки и соціологи давно окрестили именемъ „феодализма“. Націоналистическая исторіографія, усиливавшаяся доказать, что въ исторіи Россіи все было „своеобычно“, оригинально и непохоже на исторію другихъ народовъ, отрицала существованіе феодализма въ Россіи. Она успѣла не одному поколѣнію читающей публики внушить

знаменитое, ставшее классическимъ, противоположеніе каменной, гористой, изрѣзанной горами и морями на множество клочковъ Европы, въ каждомъ уголкѣ которой сидѣлъ свой „феодальный хищникъ“, упрямо и удачно сопротивлявшійся всѣмъ попыткамъ централизаціи, и деревянной, ровной, однообразной на всемъ своемъ протяженіи Россіи, не знавшей феодальныхъ замковъ, какъ не знаетъ она ни морей, ни горъ — и самой природой, казалось, предназначенной для образованія единаго государства. Это противоположеніе, исходившее отъ наблюденій не столько надъ соціальнымъ строемъ, сколько надъ пейзажемъ, какъ онъ рисуется намъ, когда мы глядимъ изъ окошка желѣзнодорожнаго вагона, несомнѣнно страдало нѣкоторымъ перевѣсомъ наглядности надъ научностью. Стоило нѣсколько строже поставить вопросъ о томъ, что же такое „феодализмъ“, и въ чемъ состоятъ его отличительные признаки, чтобы выразительная, на первый взглядъ, параллель каменнаго замка западно-европейскаго барона и деревянной усадьбы русскаго вотчинника утратила всю свою убѣдительность. Въ современной исторической наукѣ ни матеріалъ построекъ, ни наличность или отсутствіе въ ландшафтѣ горнаго хребта при опредѣленіи основныхъ признаковъ феодализма въ расчетъ вовсе не принимаются. Эта современная наука усваиваетъ феодализму, главнымъ образомъ, три основные признака. Это, во-первыхъ, господство крупнаго землевладѣнія, во-вторыхъ, связь съ землевладѣніемъ политической власти,—связь настолько прочная, что въ феодальномъ обществѣ нельзя себѣ представить землевладѣльца, который не былъ бы въ той или другой степени государемъ, и государя, который не былъ бы крупнымъ землевладѣльцемъ, и, наконецъ, въ-третьихъ, тѣ своеобразныя отношенія, которыя существовали между этими землевладѣльцами-государями: наличность извѣстной іерархіи землевладѣльцевъ, такъ что отъ самыхъ крупныхъ зависѣли болѣе мелкіе, отъ тѣхъ еще болѣе мелкіе и такъ далѣе, и вся система въ цѣломъ представляла собою нѣчто въ родѣ лѣстницы. Вопросъ о томъ, существовалъ ли феодализмъ въ Россіи, и сводится къ вопросу, имѣлись ли налицо въ древне-русскомъ обществѣ эти три основные признака. Если да, то можно сколько угодно толковать о своеобразіи русскаго историческаго процесса, но наличность феодализма въ Россіи признать придется.

Крупное землевладѣніе въ Россіи мы встрѣчаемъ уже въ очень раннюю эпоху. Болѣе полная редакція Русской Правды (представляемая списками, такъ называемыми, Карам-

зинскимъ, Троицкимъ, Синодальнымъ и другими) въ основномъ своемъ содержаніи никакъ не моложе XIII вѣка, а отдѣльныя ея статьи и гораздо старше. А въ ней мы уже находимъ крупную боярскую вотчину съ ея необходимыми аттрибутами: приказчикомъ, дворовой челядью и крестьянами, обязанными за долгъ работать на барской землѣ („закупами"). „Бояринъ" Русской Правды, прежде всего, крупный землевладѣлецъ. Косвенныя указанія Правды находятъ себѣ и прямое подтвержденіе въ отдѣльныхъ документахъ: въ концѣ XII столѣтія одинъ благочестивый новгородецъ жертвуетъ монастырю св. Спаса цѣлыхъ два села „съ челядью и со скотиною", съ живымъ инвентаремъ, какъ четвероногимъ такъ и двуногимъ. Для болѣе позднихъ вѣковъ указанія на существованіе большихъ имѣній становятся такъ многочисленны, что доказывать наличность этого явленія не приходится. Стоитъ отмѣтить, ради наглядности, лишь размѣры тогдашней крупной собственности да указать ея характерныя, сравнительно съ нашимъ временемъ, особенности. Въ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ XV вѣка мы встрѣчаемъ владѣльцевъ 600, 900 и даже 1500 десятинъ одной пахотной земли, не считая угодьевъ—луга, лѣса и т. д. Если принять въ расчетъ, что лѣса тогда часто мѣрялись даже и не десятинами, а прямо верстами, и что пашня составляла лишь небольшую часть общей площади, то мы должны притти къ заключенію, что имѣнія въ десятки тысячъ десятинъ не были въ древнемъ Новгородѣ рѣдкостью. Въ половинѣ слѣдующаго XVI вѣка Троице-Сергіеву монастырю въ одномъ только мѣстѣ, въ Ярославскомъ уѣздѣ, въ волости Черемхѣ, принадлежало 1111 четвертей (555½ десятинъ) пашни, что при трехпольной системѣ, тогда уже обще-распространенной въ средней Россіи, составляло болѣе 1600 десятинъ всего; къ этому были луга, дававшіе ежегодно до 900 копенъ сѣна, и „лѣсу поверстнаго, въ длину на 9 верстъ, а въ ширину на 6 верстъ". *) Это отнюдь не было главное изъ земельныхъ владѣній монастыря, напротивъ, это была лишь небольшая ихъ часть: въ сосѣднемъ Ростовскомъ уѣздѣ у той же Троице-Сергіевой Лавры, тоже въ одномъ только имѣніи, селѣ Новомъ, было до 5000 десятинъ одной пашни да 16 квадратныхъ верстъ лѣсу. Въ то же время въ Тверскомъ уѣздѣ мы встрѣчаемъ помѣщика, значитъ, не наслѣдственнаго, а вновь возникшаго собственника, князя Семена Ива-

---

*) „Писцовыя книги", изд. Калачева, т. I, отд. 2-й, стр. 6.

новича Глинскаго, владѣвшаго, кромѣ того села, гдѣ была его усадьба, 65 деревнями и 61 починкомъ, въ которыхъ было въ общей сложности 273 крестьянскихъ двора, а при нихъ болѣе полуторы тысячи десятинъ пашни и луга, дававшіе до десяти тысячъ копенъ сѣна. Глинскій былъ важный баринъ, родственникъ самого великаго князя, но у его сосѣдей, носившихъ совершенно негромкія имена, одинъ—Ломакова, а другой—Спячева, было у перваго двадцать двѣ деревни, а у второго—26 деревень да 6 починковъ. А въ Ростовскомъ уѣздѣ, въ селѣ Поникаровѣ, мы найдемъ даже п не дворянина, а простого дьяка (дьяки были „чинъ худой", по понятіямъ московской аристократіи), владѣвшаго 35 крестьянскими и бобыльскими дворами, которые пахали всѣ вмѣстѣ до 500 десятинъ земли.

Мы не даромъ перешли отъ количества десятинъ къ количеству дворовъ и деревень, принадлежавшихъ тому или другому барину: безъ этого сопоставленіе не было бы достаточно нагляднымъ. Дѣло въ томъ, что мы очень ошиблись бы, если бы предположили, что всѣ эти сотни и тысячи десятинъ, принадлежавшихъ одному собственнику, пахались этимъ послѣднимъ на себя и составляли одно или нѣсколько крупныхъ хозяйствъ. Ничего подобнаго: каждая отдѣльная деревня, каждый отдѣльный крестьянскій дворъ („дворъ" и „деревня" тогда часто совпадали, однодворная деревня была даже типичной) пахали свой отдѣльный участокъ земли, а самъ вотчинникъ со своими холопами довольствовался одной „деревней" или немногимъ больше. Самый богатый землевладѣлецъ, какого мы только находимъ въ Новгородскихъ писцовыхъ книгахъ, имѣлъ собственное хозяйство только въ томъ селѣ, гдѣ стояла его усадьба и гдѣ всей обработанной земли было отъ 20 до 30 десятинъ. Въ томъ имѣніи, гдѣ Троицкому монастырю принадлежало до 5000 десятинъ, собственно монастырская пашня составляла менѣе 200 десятинъ, а монастыри вели еще, по тогдашнему, весьма интенсивное хозяйство и шли впереди всѣхъ другихъ земельныхъ собственниковъ. Тутъ мы подходимъ къ основному признаку феодальнаго крупнаго землевладѣнія: это было сочетаніе крупной собственности съ мелкимъ хозяйствомъ. Доходъ тогдашняго богатаго барина состоялъ, главнымъ образомъ, не въ продуктахъ его собственной пашни, а въ томъ, что доставляли ему крестьяне, ведшіе, каждый на своемъ участкѣ, свое самостоятельное хозяйство. Писцовыя книги, въ особенности новгородскія, даютъ намъ чрезвы

чайно выразительную картину этого собиранія по крохамъ тогдашняго крупнаго дохода. Одинъ землевладѣлецъ Деревской пятины получалъ съ одного изъ своихъ дворовъ: „изъ хлѣба четверть, четку ячменя, четку овса, ½ барана, 1 сыръ, 2 горсти льна, 10 яицъ.“ Другой, принадлежавшій къ уже болѣе прогрессивному типу, бралъ съ такого же крестьянскаго двора „4½ деньги, или хлѣба пятину, сыръ, баранью лопатку, ½ овчины, 3½ горсти льну“ *). Не только продукты сельскаго хозяйства въ тѣсномъ смыслѣ получались такимъ способомъ владѣльцемъ земли, но и продукты, по-нашему, обрабатывающей промышленности: дворы кузнецовъ платили топорами, косами, сошниками, сковородами. Еще характернѣе, что такимъ же путемъ пріобрѣтались и личныя услуги: въ писцовыхъ книгахъ мы найдемъ не только цѣлыя слободы конюховъ и псарей,—княжескіе конюха и псари бывали даже, относительно, довольно крупными землевладѣльцами,—но и скомороховъ со скоморошицами. Оброкъ этихъ средневѣковыхъ артистовъ заключался, очевидно, въ тѣхъ увеселеніяхъ, которыя они доставляли своему барину. У в. кн. Симеона Бекбулатовича въ селѣ Городищи жилъ садовникъ, „да ему же дано въ сельскомъ полѣ пашни полдесятины для того, что садъ бережетъ и яблони присаживаетъ“. Наиболѣе бросавшимся въ глаза способомъ такого пріобрѣтенія личныхъ услугъ въ видѣ оброка съ земли, и у насъ, и на Западѣ, было требованіе за землю военной службы. Не замѣтить этого вида феодальнаго оброка было невозможно—и, замѣчая только его, какъ нѣчто специфическое, наша исторіографія построила на этомъ своемъ наблюденіи широкую и сложную картину такъ называемой „помѣстной системы“. Но помѣстная система представляетъ собою лишь особенно яркую деталь феодальной системы вообще, сущность которой состояла въ томъ, что землевладѣлецъ уступалъ другимъ свое право на землю за всякаго рода натуральныя повинности и приношенія.

Всего позднѣе въ составѣ этого феодальнаго оброка появляются деньги: по новгородскимъ писцовымъ книгамъ мы можемъ прослѣдить превращеніе натуральныхъ повинностей въ денежныя воочію, при чемъ иниціатива этого превращенія принадлежала самому крупному землевладѣльцу, великому князю московскому. И одновременно съ деньгами, или лишь немного ранѣе ихъ, видное мѣсто въ ряду нату-

*) Сергѣевичъ. Древности Русскаго Права, III, стр. 112—113.

ральныхъ повинностей начинаетъ играть трудъ крестьянъ на барской пашнѣ, которая становится слишкомъ велика, чтобы съ нею можно было справиться руками однихъ холоповъ: появляется барщина. И то и другое отмѣчаетъ собою возникновеніе совершенно новаго явленія, незнакомаго раннему феодализму или игравшаго въ то время очень второстепенную роль: возникновеніе рынка, гдѣ все можно купить, обмѣнять на деньги и притомъ въ любомъ, неограниченномъ количествѣ. Только появленіе внутренняго хлѣбнаго рынка могло заставить вотчинника и помѣщика XVI. вѣка серьезно приняться за самостоятельное хозяйство, какъ на рубежѣ XVIII и XIX столѣтій появленіе международнаго хлѣбнаго рынка дало новый толчокъ въ томъ же направленіи его праправнуку. Только теперь сталъ цѣненъ каждый лишній пудъ хлѣба, потому что онъ обозначалъ собою лишнее серебро въ карманѣ, а за серебро стало возможно найти удовлетвореніе всѣмъ своимъ потребностямъ, въ томъ числѣ и такимъ, которыхъ не удовлетворилъ бы никакой деревенскій оброкъ. Въ періодъ зарожденія феодализма покупка и продажа были не правиломъ, а исключеніемъ: продавали не изъ выгоды, а изъ нужды, продавали не продукты своего хозяйства, а свое имущество, которымъ до того сами пользовались; продажа часто была замаскированнымъ разореніемъ, а покупка, обыкновенно покупка предметовъ роскоши, потому что предметы первой необходимости были дома, подъ руками, и покупать ихъ не приходилось, — покупка была нерѣдко первымъ шагомъ на пути къ такому разоренію. Въ старое время тотъ хозяйственный строй, гдѣ стараются обойтись своимъ, ничего не покупая и не продавая, носилъ названіе натуральнаго хозяйства. За специфическій признакъ принималось, очевидно, отсутствіе или малая распространенность денегъ и полученіе всѣхъ благъ натурою. Но отсутствіе денегъ было лишь производнымъ признакомъ, суть дѣла сводилась къ отсутствію обмѣна, какъ постояннаго ежедневнаго явленія, безъ котораго нельзя и представить себѣ хозяйственной жизни, какъ это стало въ наши дни. Замкнутость отдѣльныхъ хозяйствъ была главнымъ, и, въ примѣненіи къ крупному землевладѣнію, эта эпоха получила у новѣйшихъ ученыхъ названіе эпохи замкнутаго вотчиннаго или помѣстнаго хозяйства („мэноріальнаго", какъ его еще иногда называютъ, отъ названія англійской средневѣковой вотчины—manor).

Мы видимъ, что у этого хозяйственнаго типа есть одно

существенное сходство съ тѣмъ, которое мы разсматривали въ I главѣ: съ „печищемъ“ или „дворищемъ“. И тамъ и тутъ данная хозяйственная группа стремится удовлетворить всѣ свои потребности своими средствами, не прибѣгая къ помощи извнѣ и не нуждаясь въ ней. Но есть и очень существенное различіе: тамъ плоды общаго труда шли тѣмъ, кто самъ же и трудится—производитель и потребитель сливались въ одномъ тѣсномъ кружкѣ людей. Здѣсь производитель и потребитель отдѣлены другъ отъ друга: производятъ отдѣльныя мелкія хозяйства, потребляетъ особая группа—вотчинникъ съ его дворней, чадами и домочадцами.

Какъ могли сложиться такія отношенія? Что заставляло эти сотни мелкихъ хозяевъ поступаться частью своего дохода въ пользу одного лица, никакого непосредственнаго участія въ производственномъ процессѣ не принимавшаго? Съ перваго взгляда средневѣковый крестьянскій оброкъ приводитъ на память одну категорію отношеній, хорошо намъ знакомыхъ. И теперь часто крупный собственникъ, не эксплоатируя всей своей земли самъ, часть ея сдаетъ въ аренду болѣе мелкимъ хозяевамъ. Не есть ли всѣ эти бараны, куры, холстъ или сковороды просто натуральная форма арендной платы, вознагражденіе за снятую землю? Если отрѣшиться на минуту отъ всякой исторической перспективы, представить себѣ, что люди во всѣ времена и во всѣхъ странахъ совершенно одинаковы — какъ это часто преставляли себѣ писатели XVIII вѣка, а иногда дѣлаютъ и современные намъ юристы, — такое объясненіе покажется намъ наиболѣе простымъ и естественнымъ. Несомнѣнный фактъ передвиженія большихъ массъ русскаго населенія съ запада на востокъ — а позднѣе и съ сѣвера на югъ—спеціально для Россіи подкрѣплялъ это естественное, на первый взглядъ, представленіе другимъ: русскій крестьянинъ рисовался человѣкомъ бродячимъ, постоянно ищущимъ новаго мѣста для поселенія. И вотъ, бродячіе крестьяне, снимающіе на годъ, два или три землю въ той или иной вотчинѣ, потомъ идущіе дальше, уступая свое мѣсто новымъ пришельцамъ, — эта картина надолго запечатлѣлась въ памяти многихъ русскихъ историковъ. Не сразу пришло въ голову то простое соображеніе, что всѣ эти—несомнѣнныя сами по себѣ—передвиженія народныхъ массъ подобны тѣмъ вѣковымъ измѣненіямъ въ уровнѣ моря, которыя совершенно недоступны взгляду отдѣльнаго наблюдателя, ограниченнаго тѣсными предѣлами своей личной жизни, и которыя стано-

вятся замѣтны лишь тогда, когда мы сравнимъ наблюденія многихъ поколѣній. Что правнукъ русскаго крестьянина часто умиралъ очень далеко отъ того мѣста, гдѣ былъ похороненъ его прадѣдъ—это вѣрно, но очень поспѣшно было бы дѣлать отсюда выводъ, что и прадѣдъ и правнукъ при своей жизни были странствующими земледѣльцами, смотрѣвшими на свою избу, какъ на что-то въ родѣ гостиницы. Чтобъ остаться вѣрнымъ такому представленію, нужно закрыть глаза на типичное для древней Руси явленіе, выступающее передъ нами чуть ли не во всякомъ документѣ, гдѣ рѣчь идетъ о землѣ и землевладѣніи. Ни одинъ споръ о землѣ не рѣшался въ то время безъ участія старожильцевъ, иные изъ которыхъ „помнили“ за тридцать, другіе за сорокъ, а иные даже за семьдесятъ и девяносто лѣтъ. Эти старожильцы обнаруживали нерѣдко удивительную топографическую память относительно данной мѣстности: наизусть умѣли показать всѣ кустики и болотца, всякую „сосну обозженную“ и „ольху виловатую“, отмѣчавшую собою межу того или другого имѣнія. Чтобы такъ его знать, въ немъ нужно было родиться и вырости,—бродячій арендаторъ, случайный гость въ вотчинѣ даже за десятокъ лѣтъ не изучилъ бы всѣхъ этихъ деталей: да и были бы онѣ для него интересны? „Старожилецъ“ былъ, нѣтъ сомнѣнія, такимъ же прочнымъ и осѣдлымъ жителемъ имѣнія, какъ и самъ вотчинникъ; и если онъ платилъ послѣднему оброкъ, то едва ли какъ съемщикъ земли, которую,—что бывало нерѣдко,—изстари пахали не только онъ самъ, но и его отецъ и даже дѣдъ. Но этого мало: „старина“, по древне-русскимъ юридическимъ представленіямъ, могла даже и бродячаго человѣка превратить въ осѣдлаго. Вновь пришедшій крестьянинъ въ имѣніи могъ „застарѣть“—и тогда онъ терялъ уже право искать себѣ новаго вотчинника. Какую роль сыграла эта „старина“ въ позднѣйшемъ закрѣпощеніи крестьянъ, это мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ; пока для насъ важно отмѣтить, что и юридически древняя Русь исходила изъ представленій о крестьянинѣ, какъ болѣе или менѣе прочномъ и постоянномъ обитателѣ своей деревни. Кто хотѣлъ бродить, тотъ долженъ былъ спѣшить сниматься съ мѣста, иначе онъ сливался съ массою окрестныхъ жителей, которыхъ законъ разсматривалъ, очевидно, какъ осѣдлое, а не какъ кочевое населеніе. Словомъ, представленіе о древне-русскомъ земледѣльцѣ, какъ о перехожемъ арендаторѣ барской земли, и объ оброкѣ, какъ особой формѣ арендной платы, приходится сильно ограничить, и не только потому, что

странно было бы найти современную юридическую категорію въ кругу отношеній, такъ мало похожихъ на наши, но и потому, что оно прямо противоположно фактамъ. Дѣлиться съ бариномъ продуктами своего хозяйства крестьянинъ, очевидно, долженъ былъ не какъ съемщикъ барской земли, а по какимъ-то другимъ основаніямъ.

Для феодализма, какъ всемірнаго явленія, это основаніе западно-европейской исторической литературой указано давно. Въ ней давнымъ-давно говорится о процессѣ феодализаціи поземельной собственности. Здѣсь картина рисуется приблизительно такая. Въ самомъ началѣ осѣдлаго земледѣлія земля находится въ рукахъ тѣхъ, кто ее обрабатываетъ. Большинство изслѣдователей принимаетъ, что земледѣльческое населеніе хозяйничало тогда не индивидуально, а группами и земля принадлежала этимъ же группамъ: что исходной формой поземельной собственности была собственность не личная, а общинная. Мало-по-малу, однакоже, общинная собственность разлагалась, уступая мѣсто индивидуальной; параллельно съ этимъ шла дифференціація и среди самого населенія общины. Болѣе сильныя семьи захватывали себѣ все больше и больше земли, болѣе слабыя теряли и ту, что была въ ихъ рукахъ первоначально, попадая въ экономическую, а затѣмъ и политическую зависимость отъ сильныхъ сосѣдей. Такъ возникла крупная феодальная собственность съ знакомыми намъ отличительными признаками. Для нѣкоторыхъ странъ—Англіи, напримѣръ,—свободная община, какъ первичное явленіе, феодальное имѣніе, какъ вторичное, позднѣйшее, считаются въ настоящее время доказанными. О Россіи этого никакъ нельзя сказать. Споръ о томъ, существовала ли у насъ искони поземельная община, нынѣ распадающаяся, начался не со вчерашняго дня: въ своей классической формѣ онъ имѣется уже передъ нами въ статьяхъ Чичерина и Бѣляева, относящихся еще къ 50-мъ годамъ XIX вѣка. Но данныя для рѣшенія этого спора до послѣдняго времени остаются чрезвычайно скудными. Однимъ изъ наиболѣе типическихъ признаковъ общины являются, какъ извѣстно, передѣлы: такъ какъ въ общинѣ ни одна пядь земли не принадлежитъ въ собственность отдѣльному лицу, то время отъ времени, по мѣрѣ перемѣнъ въ составѣ населенія, общинная земля передѣляется заново, примѣнительно къ числу наличныхъ хозяевъ. Но до XVI вѣка въ Россіи можно указать только одинъ случай земельнаго передѣла, да и тотъ былъ совершенъ по инициативѣ не крестьянъ, а мѣстнаго вотчин-

ника, его приказчикомъ. Другими словами, здѣсь феодальныя отношенія уже существовали. Что было до нихъ? Наиболѣе правдоподобнымъ отвѣтомъ будетъ тотъ, что у насъ феодализмъ развился непосредственно на почвѣ того коллективнаго землевладѣнія, которое мы опредѣлили, какъ „первобытное"— землевладѣнія „печищнаго" или „дворищнаго". Мы помнимъ, что эта своеобразная „коммуна" отнюдь не была тою ассоціаціей свободныхъ и равныхъ земледѣльцевъ, какою рисуется нѣкоторыми изслѣдователями, напримѣръ, община древнихъ германцевъ. Въ „печищѣ" не было индивидуальной собственности, потому что не было индивидуальнаго хозяйства; но когда послѣднее появилось, о равенствѣ не было и помину. Если два брата, ранѣе составлявшіе „одну семью", дѣлились, то печище распадалось на двѣ равныя половины. Но у перваго могло быть три сына, а у второго одинъ: въ слѣдующемъ поколѣніи трое изъ внуковъ одного дѣда владѣли каждый $^1/_6$ деревни (мы помнимъ, что „деревня" и „дворъ", хозяйство, часто, а въ древнѣйшую эпоху, вѣроятно, и всегда, совпадали), а четвертый внукъ—цѣлой половиной. Такіе рѣзкіе примѣры, правда, встрѣчаются рѣдко: при обиліи лѣса каждый, кому было тѣсно въ родномъ печищѣ, могъ поставить новый „починокъ", который быстро превращался въ самостоятельную деревню. Но такіе случаи, что въ рукахъ одного изъ содеревенцевъ находится $^1/_3$ деревни, а въ рукахъ другого остальныя $^2/_3$, въ писцовыхъ книгахъ очень обыкновенны. Представленію о равномъ правѣ каждаго на одинаковый съ другимъ земельный участокъ здѣсь неоткуда было взяться, да, повторяемъ, и экономической нужды въ этомъ равенствѣ пока еще не было.

Пародируя извѣстное выраженіе, что русскій народъ занималъ восточно-европейскую равнину, „не разселяясь, а переселяясь", можно сказать, что развитіе древне-русской деревни шло путемъ не „раздѣловъ", а „выдѣловъ". Для того, чтобы возникла и у насъ община съ ея передѣлами, мало было тѣхъ финансовыхъ и вообще политическихъ условій, о которыхъ намъ еще придется говорить ниже: нужна была еще земельная тѣснота, а о ней и помину не было въ домосковской и даже ранней московской Руси. Давно было указано, что наилучшую аналогію по части земельнаго простора для древней Россіи даютъ наименѣе заселенныя мѣстности современной Сибири. Какъ тамъ, такъ и тутъ, чтобы вступить въ полное обладаніе земельнымъ участкомъ среди нерасчищеннаго, дѣвственнаго лѣса, достаточно было „очер-

тить“ этотъ участокъ, поставивъ мѣтки на окружающихъ его деревьяхъ. Такой чертежъ мы встрѣчаемъ одинаково и въ „Русской Правдѣ“ съ ея „межнымъ дубомъ“, за срубку котораго полагался крупный штрафъ, и въ документахъ XVI вѣка, которымъ знакомо даже и это слово „чертежъ“. Въ одномъ судномъ дѣлѣ 1529 года судьи спрашиваютъ мѣстныхъ „старожильцевъ“: „Скажите по великаго князя крестному цѣлованію, чья та земля и лѣсъ, на которой стоимъ и хто тотъ чертежъ чертилъ, и лѣсъ подсушивалъ и овинъ поставилъ, и пашню пахалъ, и сколь давно?“ И границами имѣнія, какъ во времена Правды и какъ въ теперешней или недавней Сибири, были мѣченыя деревья. Еще въ 1552 году монастырскій старожилецъ въ одномъ земельномъ спорѣ, доказывая правоту своего монастыря, шелъ съ образомъ „съ дороги налѣво къ бубу кривому, а на немъ грань, да къ соснѣ, а на соснѣ грань, отъ соснѣ къ дубу виловатому, на немъ грань, а отъ дуба виловатаго черезъ поженку болотомъ къ дубу, а на дубѣ грань...“ *)

Если слѣдовъ поземельной общины въ старыхъ — до XVI в. включительно — нашихъ документахъ очень мало, то слѣдовъ печищнаго землевладѣнія на вотчинныхъ земляхъ этой эпохи сколько угодно. Прежде всего, юридическая форма коллективной семейной собственности оказалась, какъ этого и слѣдовало ожидать, гораздо устойчивѣе ея экономическаго содержанія. Вотчинная, наслѣдственная земля въ писцовыхъ книгахъ очень рѣдко является, какъ имущество одного лица, гораздо чаще въ качествѣ субъекта владѣнія передъ нами выступаетъ группа лицъ, по большей части, близкихъ родственниковъ, но иногда и дальныхъ. Въ сельцѣ Елдезинѣ, въ волости Захожьѣ, въ Тверскомъ уѣздѣ, въ началѣ XVI вѣка сидѣли Михаил да Гридя Андреевы, дѣти Елдезины, да Гридя Гавриловъ, сынъ Елдезинъ: два родныхъ брата да одинъ двоюродный. Послѣ ихъ смерти ихъ наслѣдники подѣлились между собою, но опять не на индивидуальные, личные участки. На одной четверти сельца Елдезина оказались вдова Григорья (иначе Гриди) Андреевича Елдезина, Матрена, съ двумя сыновьями, половина сельца досталась троимъ сыновьямъ Михаила Андреевича и лишь послѣдняя четверть Елдезинской вотчины нашла себѣ, очевидно, совершенно случайно, единичнаго владѣльца въ лицѣ Грибанка Михайловича. Въ томъ же уѣздѣ, въ другой волости была

*) См. акты, изд. Лихачевымъ. Спб. 1895, вып. I—II, стр. 167 и 235.

деревня Ключниково, собственникомъ которой была группа въ четыре человѣка, состоявшая изъ Сенки да Михаля Андреевыхъ, дѣтей Яркова—родныхъ братьевъ—да ихъ племянниковъ, Юрки да Матюши Ѳедоровыхъ, дѣтей Яркова. Мы беремъ два примѣра изъ безчисленнаго количества встрѣчающихся на страницахъ московскихъ писцовыхъ книгъ. До чего непривычна была Московской Руси XVI вѣка идея личной земельной собственности, показываетъ намъ любопытный фактъ, что, когда великій князь сталъ раздавать земли въ помѣстья за службу, то, хотя сама служба была, конечно, личной, ему не пришло въ голову раздавать землю тоже отдѣльнымъ лицамъ. Понятіе о личномъ служебномъ участкѣ, служилой „выти", сложилось лишь весьма постепенно. И помѣстьями первоначально владѣютъ, обыкновенно, отецъ съ сыновьями, дядя съ племянниками, нѣсколько братьевъ вмѣстѣ. А иногда бываетъ и такъ, что на служиломъ участкѣ сидитъ мать съ сыномъ, и хотя сыну три года, и служить онъ, очевидно, не можетъ, но землю оставляютъ за нимъ, „покамѣстъ въ службу поспѣетъ": нельзя лишать земли цѣлую семью изъ-за того, что въ данный моментъ въ ней некому отбывать воинскую повинность.

Но, если юридическая форма держалась прежняя, фактически „печище" давно уже стало дробиться, какъ это мы видѣли уже нѣсколько разъ; слѣды этого дробленія являются не менѣе характернымъ показателемъ того способа, какимъ возникала крупная вотчинная собственность древней Руси, нежели остатки коллективнаго владѣнія. Мы видѣли, какъ въ рукахъ членовъ одной семьи черезъ нѣсколько поколѣній оказывались дроби прежней „деревни"; но и колоссальныя „княженецкія" вотчины слагались иной разъ изъ такихъ же дробныхъ, мелкихъ „жеребьевъ". Въ томъ же Тверскомъ у., по писцовой книгѣ 1539—40 гг., треть деревни Быково принадлежала кн. Борису Щепину, а двѣ трети оставались въ рукахъ прежнихъ вотчинниковъ Давыдовыхъ. За Митею Рыскуновымъ была половина деревни Коробьино, а другая половина за кн. Дмитріемъ Пунковымъ. Половина деревни Поповой была въ рукахъ Ѳедора Ржевскаго, а другая половина—„вотчина княгини Ульяны Пунковой". Иногда, благодаря дробленію, на одной и той же землѣ—и часто небольшой—соединялись вотчинники чрезвычайно разнообразнаго общественнаго положенія. У семьи Щеглятевыхъ, все въ томъ же Тверскомъ уѣздѣ, было двѣ деревни да починокъ—всего около 60 десятинъ пашни. Одинъ изъ этихъ Щегля-

тевыхъ служилъ княгинѣ Аннѣ, женѣ князя Василія Андреевича Микулинскаго. А поколѣніе спустя, мы встрѣчаемъ на одной изъ Щеглятевскихъ деревень цѣлыхъ трехъ владѣльцевъ: ту же княгиню Анну, „сюзерена“ одного изъ Щеглятевыхъ, какъ мы видѣли, другого Щеглятева, который въ это время былъ священникомъ, да нѣкую Ульяну Ильиничну Ферезнину, вымѣнявшую у кого-то изъ вотчинниковъ одинъ изъ жеребьевъ этой деревни въ обмѣнъ на другую землю. Какъ видимъ, очень ошибочно было бы представлять себѣ вотчинниковъ временъ Ивана Васильевича Грознаго или его отца исключительно важными господами, лордами или баронами своего рода. Собственникомъ земли могъ быть и попъ, могъ быть и дьякъ, могъ быть и холопъ, вчерашній или даже сегодняшній. Князь Иванъ Михайловичъ Глинскій, умирая въ 80-хъ годахъ XVI вѣка, просилъ своего душеприказчика, Бориса Өеодоровича Годунова, „пожаловать его“ — дать его „человѣку“ Берсегану Акчюрину одну изъ вотчинныхъ деревень Глинскаго въ Переяславльскомъ уѣздѣ. Наслѣдникъ, очевидно, вступилъ во всѣ права наслѣдодателя — и деревня, въ силу этого завѣщанія, должна была стать вотчиною Акчюрина, по той же духовной грамотѣ получавшаго и свободу. Здѣсь отпущенный на волю холопъ превратился въ вотчинника, а въ писцовыхъ книгахъ первой половины вѣка мы находимъ вотчинника, отказавшагося отъ своей свободы и превратившагося въ холопа. Нѣкій Некрасъ Назаровъ сынъ Соколовъ, сидѣвшій на половинѣ сельца Ромашкова, въ Тверскомъ уѣздѣ, заявилъ писцамъ, что онъ служитъ князю Семену Ивановичу Микулинскому, „а сказалъ на себя полную грамоту да кабалу въ 8 рубляхъ“. Вотчинникъ, подобно крестьянамъ той поры, расквитался съ долгомъ, отдавъ въ уплату самаго себя.

Это не только не былъ, разумѣется, очень знатный человѣкъ, но это не былъ, конечно, и сколько-нибудь крупный землевладѣлецъ, иначе его не постигла бы такая судьба. Мы видѣли, что крупная собственность уже господствовала въ XVI вѣкѣ, — но это отнюдь не значило, что всякая вотчина этого времени была непремѣнно крупнымъ имѣніемъ. Ко времени составленія писцовыхъ книгъ мелкая собственность далеко еще не была поглощена окончательно, и въ этихъ книгахъ мы сплошь и рядомъ встрѣчаемъ вотчинниковъ, полныхъ, самостоятельныхъ, наслѣдственныхъ собственниковъ своей земли, владѣющихъ чисто крестьянскимъ по размѣру участкомъ — 10 или 12 десятинами пашни въ трехъ поляхъ. Такой

„лэндлордъ“ могъ и въ пролетарія превратиться совершенно такъ же, какъ любой крестьянинъ. Все въ томъ же Тверскомъ уѣздѣ писцы нашли деревню Прудище, принадлежавшую нѣкоему Васюку Ѳомину, на которую имъ „письма не дали“ по весьма уважительной причинѣ: описывать было нечего. Тамъ не только не велось хозяйство, но даже никакого строенія не было, а вотчинникъ Васюкъ Ѳоминъ ходилъ по дворамъ и питался христовымъ именемъ.

Крупная собственность у насъ, какъ и вездѣ въ Европѣ, выростала на развалинахъ мелкой. Какими путями шелъ этотъ процессъ? Какъ экспропріировались мелкіе собственники въ пользу разныхъ князей Микулинскихъ, Пунковыхъ и иныхъ земельныхъ магнатовъ — Троицкаго, Кирилло-Бѣлозерскаго и иныхъ монастырей? Въ XVI вѣкѣ мы застаемъ уже только послѣднія звенья длинной цѣпи,—естественно, что они прежде всего бросаются намъ въ глаза, закрывая болѣе старыя и, можетъ быть, гораздо болѣе распространенныя формы экспропріаціи. Одной изъ наиболѣе замѣтныхъ формъ этого позднѣйшаго періода является п о ж а л о в а н і е населенной земли въ вотчину государемъ. Мы видѣли (въ гл. I), что „пожалованіе“, какъ юридическая обрядность, было необходимымъ уловіемъ возникновенія всякой земельной собственности въ древнѣйшее время, но сейчасъ мы имѣемъ въ виду, конечно, не эту юридическую обрядность, а такой актъ, которымъ надъ массою мелкихъ самостоятельныхъ хозяйствъ фактически воздвигался одинъ крупный собственникъ, который могъ любую часть дохода этихъ хозяйствъ экспропріировать въ свою пользу. Какъ просто это дѣлалось, покажетъ одинъ примѣръ. Въ 1551 году царь Иванъ Васильевичъ, тогда еще весьма послушный боярамъ и дружившему съ нимъ крупному духовенству, пожаловалъ игуменью Покровскаго (во Владимірскомъ уѣздѣ) монастыря двадцать одною черною деревнею. Черносошные крестьяне еще въ XVII вѣкѣ распоряжались своими землями, какъ полной собственностью, никому за нихъ ничего, кромѣ государственныхъ податей, не платя. А теперь коротенькая царская грамота обязывала все населеніе этихъ 21 деревни „игуменью и ея прикащиковъ слушать во всемъ и п а ш н ю н а н и х ъ п а х а т ь, гдѣ себѣ учинятъ, и о б р о к ъ и м ъ п л а т и т ь, чѣмъ васъ изоброчатъ“. Однимъ почеркомъ пера двадцать одна свободная деревня превратилась въ феодальную собственность игуменьи Василисы съ ея сестрами *).

*) „Акты, относ. къ тягл. населенію“, изд. Дьяконовымъ, II—№ 15.

Эта вполнѣ „государственная“, архилегальная, если такъ можно выразиться, форма возникновенія крупной собственности настолько ясна, проста и такъ хорошо всѣмъ знакома, что нѣтъ надобности на ней настаивать. Любовь нашихъ историковъ предшествующихъ поколѣній ко всему „государственному“—не даромъ они были, по большей части, учениками Гегеля, прямо или косвенно,—заставляетъ, наоборотъ, подчеркивать, что насильственный захватъ чужой земли далеко не всегда облекался въ такую, юридически безукоризненно корректную, оболочку. Долго было дожидаться, пока государь пожалуетъ землю,—сильный и вліятельный человѣкъ могъ гораздо скорѣе прибрать ее къ рукамъ, не стѣсняясь этой юридической формальностью. Черезъ писцовыя книги XVI вѣка длинною вереницею тянется рядъ такихъ, напримѣръ, отмѣтокъ: жили два брата Дмитріевы, великокняжескіе конюхи—маленькіе землевладѣльцы, имѣвшіе всего одну деревню. „Къ той же деревнѣ пожня... и ту пожню отнялъ сильно Григорій Васильевичъ Морозовъ, а нынѣ та пожня за княземъ Семеномъ Ивановичемъ Микулинскимъ“. Да къ той же деревнѣ была пустошь: „и ту пустошь отнялъ князь Иванъ Михайловичъ Шуйскій...“ Или: „дер. Сокевицыно... пуста: а запустѣла отъ князя Михаила Петровича Репнина“*). Одна правая грамота сороковыхъ годовъ XVI вѣка даетъ очень живую иллюстрацію къ этимъ сухимъ отмѣткамъ московской казенной статистики. Жалуется на свою обиду Спасскій Ярославскій монастырь—самъ крупный землевладѣлецъ, конечно, но болѣе мелкій и слабый, нежели посланный ему судьбою сосѣдъ. Человѣкъ этого сосѣда, князя Ивана Ѳедоровича Мстиславскаго, Иванъ Толочановъ, пріѣхавъ на монастырскія деревни, „крестьянъ монастырскихъ изъ деревень выметалъ“, и въ одной деревнѣ поселился самъ, а другія обложилъ въ свою пользу оброкомъ. Но, „выметавъ“ самихъ крестьянъ, новый владѣлецъ отнюдь не пожелалъ разстаться съ ихъ имуществомъ: его онъ оставилъ себѣ, выгнавъ вонъ хозяевъ чуть не голыми. Перечень ограбленнаго, которые даютъ, одинъ за другимъ, отдѣльные „выметанные“ крестьяне въ той же челобитной, любопытенъ, прежде всего, какъ конкретный показатель того уровня благосостоянія, на какомъ стоялъ средній крестьянскій дворъ половины XVI вѣка. Одинъ, напримѣръ, изъ этихъ крестьянъ Иванко, показываетъ, что у него „тотъ Иванъ Толочановъ

---

*) Писцовыя книги XVI в., изд. Калачева, I. отд., 2-ое, стр. 163, 231, 213, 243, 245, 284 и др.

взялъ мерина, да двѣ коровы, да пять овецъ, да семеро свиней, да пятнадцать куръ, да платьишка, господине, моего и женина, взялъ шубу, да сермягу, да кафтанъ крашенный, да лѣтникъ самодѣлку, да опашень новогонский черленъ, да пять рубашекъ мужскихъ, да пятнадцать рубашекъ женскихъ, да пятеро порты нижнихъ, да полтретьядцать (25) убрусовъ шитыхъ и браныхъ и простыхъ, да двадцать полотенъ, да семь холстовъ, да девять гребенинъ, да три топора, да двѣ сохи съ полицами, да три косы, да восемь серповъ, да двѣнадцать блюдъ, да десять ставцовъ, да двѣнадцать ложекъ, да двѣ сковороды блинныхъ, да шесть паневъ, да три серги, одни одинцы, а двѣ на серебрѣ съ жемчугомъ, да сапоги мужскіе, да четверо сапогъ женскихъ и робячьихъ, да двадцать алтынъ денегъ...".*) Какъ видимъ, у русскаго крестьянина временъ Грознаго еще было что взять, и нужно было не одно поколѣніе Ивановъ Толочановыхъ, чтобы довести этого крестьянина до теперешняго его состоянія.

Но насильственный захватъ, въ легальной или нелегальной его формѣ, едва ли былъ главнымъ способомъ образованія крупнаго землевладѣнія въ древней Руси. Въ исторіи, какъ и въ геологіи, медленные молекулярные процессы даютъ болѣе крупные, и главное, болѣе прочные результаты, чѣмъ отдѣльныя катастрофы. У насъ нѣтъ — или очень мало — матеріала для детальнаго изученія молекулярнаго процесса, разлагавшаго мелкую собственность въ древнѣйшій періодъ. Но мы уже сказали, что у, такъ называемыхъ, „черносошныхъ", (позднѣе „государственныхъ") крестьянъ, уцѣлѣвшихъ преимущественно на сѣверѣ Россіи, вотчинная собственность сохранилась даже въ XVII вѣкѣ. Эволюцію мелкаго вотчиннаго землевладѣнія здѣсь мы можемъ наблюдать довольно близко — и, какъ увидимъ, есть всѣ основанія думать, что происходившее здѣсь во времена Алексѣя Михайловича мало чѣмъ отличалось отъ того, что происходило въ остальной Россіи при Иванѣ III и Иванѣ IV, или даже гораздо ранѣе. Здѣсь, на сѣверѣ Россіи, мы видимъ воочію, какъ подъ давленіемъ чисто экономическихъ причинъ, безъ вмѣшательства государственной власти или открытой силы, въ рукахъ однихъ сосредоточивается все больше и больше земли, въ то время какъ владѣнія менѣе счастливыхъ вотчинниковъ таютъ, какъ снѣжная глыба подъ весеннимъ солнцемъ. Сравнивая положеніе сѣверно-русскаго крестьянства по переписямъ 1623

*) Лихачевскіе акты, ibid., стр. 196.

и 1686 годовъ, его изслѣдователь приходитъ къ такому выводу: „Разница между худыми, средними и лучшими крестьянами сдѣлалась болѣе ощутительной: отношенія между minimum'омъ и maximum'омъ (по тремъ волостямъ: Кевролѣ, Чаколѣ и Марьиной горѣ) измѣнились съ 1:48 (безъ наѣзжихъ пашенъ) на 1:256",—прежде минимальный крестьянскій участокъ былъ $^1/_6$ четверти, теперь $^1/_{16}$. Четверть — полдесятины, „четверть въ полѣ" равняется полутора десятинамъ пашни всего, при трехпольной системѣ. Значитъ, наименьшій крестьянскій участокъ 1623-го года составлялъ $^1/_4$ нашей десятины, 1686 года менѣе $^1/_5$. А наибольшій участокъ въ первомъ случаѣ равняется 8 четвертямъ, а во второмъ 16, при чемъ дворы съ наибольшимъ участкомъ составляли въ 1623 году менѣе 1% общаго числа, а въ 1686 болѣе 6%. „Прежде между самымъ обычнымъ крестьянскимъ жеребьемъ и наиболѣе значительнымъ разница не превышала 2—2$^1/_2$:8—10, теперь 2—2$^1/_2$:16—20, т.-е. прожиточный человѣкъ успѣлъ сильно обогнать средняго крестьянина". И параллельно съ этимъ таяніемъ мелкой собственности такъ же наглядно растетъ зависимость мелкаго вотчинника отъ его болѣе богатыхъ сосѣдей. Тогда какъ въ 1623 году у рядовыхъ крестьянъ совсѣмъ не было половниковъ ни въ Кевролѣ, ни въ Чаколѣ, въ 1686 году у 6 крестьянъ 11 половниковъ: у одного 4, у одного 3, у остальныхъ по 1". Безземельные крестьяне уже попадаются въ 20-хъ годахъ XVII вѣка: въ Чакольской волости, въ деревнѣ Бурцовской, Θедоръ Моисеевъ бродилъ межъ дворовъ, а пашни его жеребей за Н. Алексѣевымъ, или въ дер. Θоминской А. Михайловъ обнищалъ, его дворъ и пашня $^1/_2$ чети дер. Сидоровской за крестьянами Ив. Кирилловымъ да Л. Оксеновымъ. Въ томъ и другомъ случаѣ покупатели — наиболѣе прожиточные жильцы: Н. Алексѣевъ имѣетъ 5$^1/_2$ четвертей, тогда какъ у остальныхъ отъ 1$^1/_2$ до 3 ч., у Кириллова 6$^1/_6$ ч., у его сосѣда только 2. Это не только покупатели, но и кредиторы маломочныхъ людей: „Дворъ Патрикѣйка Павлова въ закладѣ у Д. Никифорова и пашни $^1/_4$ чети". Обнищавшіе крестьяне нерѣдко совсѣмъ уходятъ изъ деревни: „ихъ обрали должники и они отъ послѣднихъ долговъ сбрели", какъ замѣчаетъ Сольвычегодскій писецъ. Нерѣдко они обращались въ половниковъ, иногда нанимаясь къ своимъ кредиторамъ на свой прежній участокъ; въ деревнѣ Сватковской Кевральскаго стана въ 1678 г. братъ ушедшаго крестьянина владѣлъ его дворомъ и пашней, а въ 1686 г. онъ же, вмѣстѣ съ племянникомъ, сыномъ прежняго вотчинника, жи-

ветъ половникомъ на старомъ участкѣ, перешедшемъ къ богатому крестьянину Дм. Завернину“ *).

То, что происходило на глухомъ сѣверѣ во второй половинѣ XVII вѣка и что мы можемъ наблюдать здѣсь изъ года въ годъ и изъ двора во дворъ, знакомо еще Русской Правдѣ XIII вѣка и Псковской Грамотѣ XV в.: только тамъ мы имѣемъ лишь болѣе или менѣе косвенныя указанія на процессъ, который здѣсь мы можемъ учесть съ почти статистической точностью. Русская Правда знаетъ уже особый разрядъ крестьянъ, очень смущавшій всегда нашихъ историковъ-юристовъ; это, такъ называемые, „закупы“. Они занимали промежуточное положеніе между свободнымъ крестьяниномъ, „смердомъ“, и холопомъ, и превращались въ холоповъ съ большою легкостью: простое неисполненіе принятаго на себя обязательства, уходъ съ работы до срока, дѣлало закупа рабомъ хозяина, отъ котораго онъ ушелъ. Съ другой стороны, закупа можно было бить, какъ холопа,—только „за дѣло“, а не по капризу. Модернизируя отношенія XIII вѣка, нѣкоторые изслѣдователи желали бы видѣть въ закупѣ просто наемнаго работника. Несомнѣнно, онъ и былъ такимъ въ томъ смыслѣ, что работалъ въ чужомъ хозяйствѣ или, по крайней мѣрѣ, на чужое хозяйство, за извѣстное вознагражденіе. Но это отнюдь не былъ представитель сельскаго пролетаріата: у закупа одна изъ статей Русской Правды предполагаетъ „свойскаго коня“, т.-е. лично ему принадлежавшую лошадь, и вообще, „отарицу“—свое собственное имущество, которое хозяинъ, какъ видно изъ другой статьи той же Правды, часто склоненъ былъ разсматривать, какъ принадлежащее ему. Это былъ, значитъ, наемный работникъ особаго рода—нанимавшійся со своимъ собственнымъ инвентаремъ: другими словами, это былъ крестьянинъ, вынужденный обстоятельствами работать на барской пашнѣ. Что ставило его въ такое зависимое положеніе, Правда указываетъ съ достаточною ясностью: „закупъ“ потому такъ и назывался, что бралъ у барина „купу“, т.-е. ссуду—частью, можетъ-быть, деньгами, но главнымъ образомъ въ формѣ того же инвентаря: плуга, бороны и т. д. Другими словами, это былъ крестьянинъ задолжавшій—въ этомъ и былъ экономическій корень его зависимости. Изъ одной статьи Правды можно заключить, что у него оставалось и какое-то собственное хозяйство: эта статья предполагаетъ, что закупъ могъ „погубить“ ссуженную

*) См. ст. г. Иванова въ „Древностяхъ“, изд. археограф. комм. Московск. Археолог. об-ства, I, стр. 435—437.

ему хозяиномъ скотину „орудія своя дѣя“ — на какой-то своей собственной работѣ. Вѣроятно, стало быть, что у него, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, по крайней мѣрѣ, оставался еще и свой земельный участокъ. Но онъ уже настолько утратилъ свою самостоятельность, что на судѣ стоялъ почти на одномъ уровнѣ съ холопомъ: на него можно было сослаться, выставлять его „послухомъ“, только въ „малой тяжѣ“ — и то „по нуждѣ“, когда никого другого не было. Два вѣка спустя въ Псковской Судной Грамотѣ, мы находимъ уже детально разработанное законодательство о такихъ задолжавшихъ крестьянахъ, которые здѣсь носятъ названіе „изорниковъ“, „огородниковъ“, а иногда и „исполовниковъ“, какъ въ сѣверныхъ черносошныхъ волостяхъ XVII вѣка. У всѣхъ этихъ зависимыхъ людей разнаго наименованія все еще было и свое собственное имущество, съ котораго въ иныхъ случаяхъ хозяинъ и правилъ свой домъ, свою „покруту“. Но они уже настолько были близки къ крѣпостнымъ, что ихъ искъ къ барину не принимался во вниманіе, тогда какъ Русская Правда такіе иски еще допускала *).

Задолженность крестьянъ вовсе не была явленіемъ, свойственнымъ исключительно эпохѣ зарожденія крѣпостного права, XVI—XVII вѣкамъ. Вотъ почему и этого послѣдняго нельзя объяснить одною задолженностью. Зависимость половника Кеврольской волости въ XVII столѣтіи, какъ и закупа Русской Правды въ XIII, и не доходила до рабства, которое на сѣверѣ Россіи какъ разъ и не развилось. Для того чтобы изъ задолженности возникло порабощеніе всей крестьянской массы, нужны были такія соціально-политическія условія, которыя встрѣчались не всегда **). Но закрѣпощеніе было заключительнымъ моментомъ длинной драмы, и сечасъ мы еще довольно далеки отъ этого момента. Гораздо раньше, чѣмъ крестьянинъ становился полной собственностью другого человѣка, онъ самъ переставалъ быть полнымъ собственникомъ. Первымъ послѣдствіемъ задолженности была еще не потеря свободы, а потеря земли. „Пожалуй насъ, сиротъ твоихъ, благослови насъ межъ собою земли свои нужды ради продавать и закладывать“ просили чухченемскіе церковные крестьяне холмогорскаго архіепископа Аѳанасія: „для того, что у насъ прокормиться нечѣмъ, только не продажею земляною и закладомъ“. По словамъ изслѣдователя, у котораго мы заимствуемъ эту цитату, развитіе полов-

*) Ст. 75 Псковской Грамоты.

**) О нихъ будетъ рѣчь въ главѣ VII: „Аграрный кризисъ XVI вѣка“.

ничества „идетъ рука объ руку съ увеличеніемъ мобилизаціи недвижимости, такъ что въ одномъ и томъ же уѣздѣ они (эти явленія) встрѣчаются рѣже или чаще, смотря по тому, насколько устойчива крестьянская вотчина: напримѣръ, въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ, въ Лузской Перемцѣ, гдѣ 95,9% крестьянъ въ 1645 г. владѣютъ по старинѣ и писцовымъ книгамъ 1623 года, нѣтъ ни одного половническаго двора. Напротивъ, въ Алексѣевскомъ станѣ, гдѣ главное основаніе владѣнія—крѣпости (купчія), около 20 половническихъ дворовъ, въ Лальской волости на 80 крестьянскихъ приходится 16 половничьихъ, принадлежащихъ тѣмъ же крестьянамъ" и т. д. *). Одна изъ московскихъ писцовыхъ книгъ XVI вѣка, къ счастію, сохранила намъ указанія на тѣ документы, которые могъ предъявить владѣлецъ земли въ доказательство своихъ правъ. Въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ эти документы — купчія. По двумъ волостямъ Тверского уѣзда, Захожью и Суземью, московскими писцами половины XVI в. описано 141 имѣніе, не считая монастырскихъ, при чемъ на нѣкоторыя имѣнія было представлено нѣсколько документовъ: изъ послѣднихъ—купчихъ 65, закладныхъ 18, мѣновныхъ 22. Въ двадцать одномъ случаѣ документы оказались утраченными, и лишь въ 18 вотчинникъ владѣлъ по духовной грамотѣ, т.-е. былъ „вотчичемъ и дѣдичемъ" своей земли въ буквальномъ смыслѣ слова, получивъ свое мнѣніе по наслѣдству. Не нужно думать, что эти наслѣдственные вотчичи какіе-нибудь особенно знатные люди: среди нихъ мы встрѣчаемъ, напримѣръ, и тверского гостя, торговаго человѣка Ивана Клементьевича Савина. Земля крѣпко держится въ рукахъ болѣе богатаго, а не болѣе родовитаго человѣка. А уплываютъ изъ рукъ скорѣе всего мелкія вотчинки, и по писцовымъ книгамъ мы можемъ иногда весьма наглядно прослѣдить, какъ происходила у насъ въ XVI вѣкѣ одновременно мобилизація и централизація поземельной собственности. „Михалка Корнилова сына Зеленцова деревня Зеленцово, пашни полполполчети сохи" **), читаемъ мы въ одномъ мѣстѣ. „А нонѣча Зубатово Өеонасьева сына Хомякова: дер. Зеленцово, пустошь Сахарово: пашни въ деревнѣ 25 четьи въ одномъ полѣ, а въ дву потому же, сѣна 15 копенъ. Зубатой служитъ владыцѣ тверскому; земля середняя — а крѣпость кабала закладная". „Гридки да Ивашки Матвѣевыхъ дѣтей Тарасова дер. Бранково, дер. Починокъ.... Гридки

---

*) Назв. статья г. Иванова, стр. 429 и сл.
**) Соха—единица податного обложенія въ Московской Руси.

да Ивашки въ животѣ не стало, а нопѣче Ивана Зубатова сына Хомякова деревня Брянково, починокъ Степанова. Пашни въ деревнѣ и въ починкѣ 20 четей въ одномъ полѣ. . . . . Иванъ служитъ владыцѣ тверскому, а крѣпость у него—купчая" *). Такъ въ лицѣ удачливаго „послужильца" тверского владыки изъ двухъ экспропріированныхъ мелкихъ вотчинниковъ выросъ одинъ, покрупнѣе.

Медленный, вѣками тянувшійся экономическій процессъ работалъ на пользу крупной собственности вѣрнѣе, нежели самые эффектные „наѣзды" съ грабежами и кровопролитіемъ. Къ XV—XVI вѣку, повторяемъ еще разъ, экспропріація мелкихъ собственниковъ была почти совершившимся фактомъ—мелкихъ вотчинниковъ оставалось ровно лишь настолько, чтобы можно было опровергнуть довольно прочно держащійся предразсудокъ, будто вся земля къ этому времени была уже „окняжена" или „обоярена". Первый изъ основныхъ признаковъ феодализма—господство крупной собственности—можетъ быть доказанъ для древней Руси, до московскаго періода включительно, столь же удовлетворительно, какъ и для западной Европы XI—XIII вѣковъ. Еще болѣе внѣ спора второй признакъ—соединеніе политической власти съ землею неразрывной связью.

Что крупная вотчинная аристократія на своихъ земляхъ не только хозяйничала и собирала оброки, а и судила и собирала подати, этого факта никто въ русской исторической литературѣ никогда не отрицалъ—онъ находитъ себѣ слишкомъ много документальныхъ подтвержденій, притомъ давнымъ давно опубликованныхъ. Но съ обычной въ нашей историко-юридической литературѣ „государственной" точки зрѣнія, эти права всегда представлялись, какъ особаго рода исключительныя привилегіи, пожалованіе которыхъ было экстраординарнымъ актомъ государственной власти. „Эти привилегіи предоставлялись не цѣлому сословію, а отдѣльнымъ лицамъ и всякій разъ на основаніи особыхъ жалованныхъ грамотъ", говоритъ проф. Сергѣевичъ въ послѣднемъ изданіи своего труда: „Древности русскаго права" **). Двумя страницами далѣе тотъ же изслѣдователь находитъ себя, однако же, вынужденнымъ обратить вниманіе своего читателя на то, что среди надѣленныхъ такою привилегіей встрѣчаются не только большіе люди, имена которыхъ писались съ „в и ч е м ъ", но также „Ивашки и Ѳедьки". Онъ дѣлаетъ отсюда совершенно правиль-

*) Калачовскіе писц. кн. Ibid, стр. 211—212.
**) Т, I. изд. 3-е. 1909 г., стр. 398.

ный выводъ, что „такія пожалованія составляли общее правило, а не исключеніе“—т.-е. что привилегія принадлежала именно „цѣлому сословію“ землевладѣльцевъ, а никакъ не „отдѣльнымъ лицамъ“ въ видѣ особой государевой милости. А еще двумя страницами далѣе тотъ же авторъ вскрываетъ еще болѣе любопытный фактъ: что самый актъ пожалованія могъ исходить вовсе и не отъ государственной власти, а отъ любого вотчинника. Съ приводимой имъ жалованной грамотой митрополита Іоны нѣкоему Андрею Аѳанасьеву (1450 г.) можно сопоставить еще болѣе выразительный примѣръ того же рода—жалованную грамоту кн. Ѳеодора Михайловича Мстиславскаго тому самому Ивану Толочанову, о подвигахъ котораго уже шла рѣчь выше. „Тіуны наши и доводчики, и праведчикъ не выѣзжаютъ (въ пожалованныя Толочанову деревни) ни по что“, пишетъ въ этой грамотѣ кн. Мстиславскій, „ни поборовъ своихъ у нихъ не емлютъ и крестьянъ его не судятъ, а вѣдаетъ и судитъ своихъ крестьянъ Иванъ самъ или кому его прикажетъ, а сведется судъ смѣстной нашимъ крестьянамъ съ его крестьяны и тіуны наши ихъ судятъ, а онъ съ ними же судитъ, а присудомъ дѣлятся на полы, опричь душегубства и татьбы, и разбоя съ поличнымъ и дани сошные, а кому будетъ до него дѣло, инъ его сужу язъ князь Ѳедоръ Михайловичъ или кому прикажу“. Издатель этого интереснаго документа, г. Лихачевъ, справедливо отмѣчаетъ въ предисловіи, что этотъ князь Мстиславскій не только не былъ какимъ-нибудь самостоятельнымъ владѣльцемъ, но даже въ числѣ слугъ московскаго великаго князя не занималъ сколько-нибудь выдающагося мѣста: онъ не былъ даже бояриномъ. Нужно прибавить, что и земля-то, которую онъ съ такими правами „пожаловалъ... своему боярскому сыну“, была не его наслѣдственная, а пожалованная ему самому великимъ княземъ Василіемъ Ивановичемъ. И этотъ послѣдній, по всей видимости, отнюдь не считалъ такого дальнѣйшаго делегированія пожалованной имъ „привилегіи“ еще болѣе мелкому землевладѣльцу чѣмъ-нибудь ненормальнымъ: недаромъ и онъ самъ, и его отецъ, и его сынъ давали такія грамоты совсѣмъ мелкимъ своимъ помѣщикамъ. Выше мы упоминали, по писцовымъ книгамъ первой половины XVI вѣка, о двухъ великокняжескихъ конюхахъ, которыхъ систематически обижали ихъ сильные сосѣди—бояринъ Морозовъ да князья Микулинскій и Шуйскій: въ доказательство своихъ правъ эти конюха предъявили однакоже несудимую грамоту „великаго князя Ивана Васильевича всея Руси“—не ясно, былъ ли это Иванъ III или Иванъ VI. А

немного ниже въ той же писцовой мы находимъ жалованную несудимую грамоту на полсельца, гдѣ было всего 30 десятинъ пахотной земли. Такимъ образомъ, у насъ, какъ и въ Западной Европѣ, не только большой баринъ, но и всякій самостоятельный землевладѣлецъ былъ „государемъ въ своемъ имѣніи"; и г. Сергѣевичъ совершенно правъ, когда говоритъ, не совсѣмъ согласно съ своимъ первоначальнымъ опредѣленіемъ вотчиннаго суда, какъ исключительной привилегіи отдѣльныхъ лицъ, что „сельское населеніе, еще задолго до прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ, находилось уже подъ вотчиннымъ судомъ владѣльцевъ" *).

Съ эволюціонной точки зрѣнія происхожденіе этого „вотчиннаго права" совершенно аналогично возникновенію вотчиннаго землевладѣнія: какъ послѣднее возникло изъ обломковъ землевладѣнія „печищнаго"—патріархальной формы земельной собственности,—такъ первое было пережиткомъ патріархальнаго права, не умѣвшаго отличать политической власти отъ права собственности. Можно даже сказать, что здѣсь было больше, чѣмъ „переживаніе": когда московскій великій князь жаловалъ „слугу своего (такого-то) селомъ (такимъ-то) со всѣмъ тѣмъ, что къ тому селу потягло, и съ хлѣбомъ землянымъ (т.-е. съ посѣянной уже озимой рожью) опроче душегубства и разбоя съ поличнымъ", то онъ, совершенно „по первобытному", продолжалъ смѣшивать хозяйство и государство, и даже разсматривалъ, очевидно, свои государственныя функціи преимущественно съ хозяйственной точки зрѣнія, ибо уподобить душегубство и разбой „земляному хлѣбу" можно было только, если не видѣть въ охраненіи общественной безопасности ничего, кромѣ дохода отъ судебныхъ пошлинъ. Нѣтъ надобности настаивать, что это выдѣленіе особенно важныхъ уголовныхъ дѣлъ, какъ исключительно подвѣдомственныхъ княжескому суду, объясняется, конечно, тѣми же хозяйственными мотивами: за душегубство и разбой налагались самые крупные штрафы—это были самые жирные куски княжескаго судебнаго дохода. Но, расщедрившись, князь могъ отказаться и отъ этой прибыли: великая княгиня Софья Витовтовна въ жалованной грамотѣ Кирилло-Бѣлозерскому монастырю (1448—1469 гг.) писала: „мои волостели и ихъ тіуны.... въ душегубство не вступаются нѣкоторыми дѣлы" **) Нѣтъ надобности говорить также, что и самое пожалованіе было лишь такою же точно юридическою формальностью какъ и жало-

*) Ibid., стр. 401.
**) Н. П. Сильванскій. Феодализмъ въ древней Руси. СПБ. 1907, стр. 83.

ванная грамота на землю вообще. Оно лишь размежевывало права князя и частнаго землевладѣльца, насколько это было возможно, ибо, именно, благодаря смѣшенію политической власти и частной собственности, права эти грозили безнадежно перепутаться. Но источникомъ права вовсе не была непремѣнно княжеская власть сама по себѣ: въ спорѣ изъ-за суда и дани вотчинники ссылались не только на княжеское пожалованіе, а также, сплошь и рядомъ, и на исконность своего права,—на „старину. Такъ доказывалъ свое право, напримѣръ, одинъ Бѣлозерскій бояринъ половины XV вѣка, у котораго Кирилловъ монастырь „отнималъ“ его вотчинную деревню „отъ суда да отъ дани“*). Что относилось къ „суду и дани“,—т.-е. къ судебнымъ пошлинамъ и прямымъ налогамъ, то же имѣло мѣсто и по отношенію къ налогамъ косвеннымъ. Частныя таможни мы встрѣчаемъ не только въ княжескихъ вотчинахъ, гдѣ можно ихъ принять за остатокъ верховныхъ правъ, нѣкогда принадлежавшихъ владѣльцу, но и во владѣніяхъ помѣщиковъ средней руки, которыхъ иногда могъ изобидѣть и простой московскій чиновникъ—дьякъ. Изъ жалобы одного такого изобиженнаго дьякомъ рязанскаго помѣщика второй половины XVI вѣка, Шиловскаго, мы узнаемъ, что въ вотчинѣ его и его братьевъ „на ихъ же берегу сыплютъ въ суда жито, емлютъ съ окова по деньгѣ, да они же емлютъ мыто съ большого судна по 4 алтына, а съ малаго судна по алтыну, и того мыта половина Телеховскаго монастыря“ **). И таможеннымъ доходомъ можно было дѣлиться пополамъ съ сосѣдомъ, какъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, судебными пошлинами.

„Государь въ своемъ имѣніи“ не могъ, конечно, обойтись безъ главнаго аттрибута „государственности“—военной силы. Еще Русская Правда говоритъ о „боярской дружинѣ“ наравнѣ съ дружиной княжеской. Документы болѣе поздняго времени, по обыкновенію, даютъ конкретную иллюстрацію къ этому общему указанію древнѣйшаго памятника русскаго права. Въ составѣ дворни богатаго вотчинника XV—XVI вѣковъ мы, на ряду съ поварами и сытниками, псарями и скоморохами, находимъ и вооруженныхъ челядинцевъ, служившихъ своему барину „на конѣ и въ саадакѣ“. „А что мои люди полные и докладные, и кабальные,—пишетъ въ своей духовной Василій Петровичъ Кутузовъ около 1560 года,—и тѣ всѣ люди на слободу, а что у нихъ моего данья платья

*) Ibid.
**) Лихачевскіе акты, Ibid, стр. 259.

и саадаки и сабли и сѣдла, то у нихъ готово, да прикащики жъ мои дадутъ человѣку моему Андрюшѣ *конь съ сѣдломъ и съ уздою, да тегиляй, да шеломъ*..." Такой вотчинный дружинникъ, несомнѣнно, уже въ силу своей профессіи стоялъ выше простого двороваго. Онъ могъ оказать барину такія услуги, которыхъ забыть нельзя,—и стать въ положеніе привилегированнаго челядинца, почти вольнаго слуги. У этого Андрюши былъ, кромѣ барскаго, еще „конь его купли" и кое-какая рухлядь,—и Василій Петровичъ Кутузовъ очень заботится, чтобы это имущество душеприказчики не смѣшали съ барскимъ. Люди именно этого разряда, по всей вѣроятности, и были тѣ холопы на жалованіи, о которыхъ говоритъ духовная другого вотчинника, уже цитированная нами—кн. Ивана Михайловича Глинскаго. Прося своего душеприказчика Бориса Годунова „дати надѣлка людемъ моимъ по книгамъ, что имъ жалованья моего шло", завѣщатель выше говоритъ о тѣхъ же людяхъ, что они отпускаются на свободу „со всѣмъ съ тѣмъ, *кто на чемъ мнѣ служилъ*": но нельзя же допустить, что поваръ отпускался съ кухней, на которой онъ стряпалъ, или псарь съ тою стаей гончихъ, которой онъ завѣдывалъ. Такъ можно было опять-таки выразиться только о людяхъ, служившихъ своему барину на конѣ и въ доспѣхѣ; въ другой духовной (Плещеева) прямо и оговаривается, что „лошадей имъ (холопамъ) не давати". Глинскій былъ щедрѣе къ своимъ бывшимъ ратнымъ товарищамъ и, какъ мы уже видѣли, завѣщалъ даже одному изъ нихъ свою деревню въ вотчину. Но такой же земельный участокъ служилый холопъ могъ получить отъ барина и при жизни послѣдняго. По тверской писцовой книгѣ первой половины XVI вѣка на одной четверти деревни Толутина сидѣлъ „человѣкъ" князя Дмитрія Ивановича Микулинскаго, Созонъ. Отъ такого испомѣщеннаго на земельномъ участкѣ челядинца до настоящаго мелкопомѣстнаго дворянина было уже рукой подать. Дважды упоминавшійся выше Иванъ Толочановъ въ жалобѣ на него Спасскаго монастыря называется „человѣкомъ" князя Ивана Ѳеодоровича Мстиславскаго, а отецъ послѣдняго въ своей жалованной грамотѣ называетъ Толочанова „сыномъ своимъ боярскимъ"—т.-е. дворяниномъ по-теперешнему. Такъ, незамѣтно, верхушки вооруженной дворни переходили въ низшій слой военно-служилаго сословія: по одну сторону тонкой черты стоялъ *холопъ*, по другую—*вассалъ*.

Существованіе такого вассалитета у русскихъ крупныхъ

землевладѣльцевъ XVI вѣка—существованіе вольныхъ вотчинниковъ, несшихъ военную службу съ своей земли, на своемъ конѣ и иногда со своими вооруженными холопами, не московскому великому князю, а „частнымъ лицамъ“ — неопровержимо доказывается тою же самою писцовой книгой Тверского уѣзда, о которой мы не разъ упоминали выше. Въ этой книгѣ (составленной около 1539 года) перечислено 574 вотчинника, большею частью мелкихъ. Изъ нихъ великому князю служили 230 человѣкъ, частнымъ собственникамъ разныхъ категорій 126, и никому не служили 150 человѣкъ. Изъ 126 „аррьеръ-вассаловъ“ московской феодальной знати 60 человѣкъ служили владыкѣ тверскому, а 30 князю Микулинскому. Изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, что у митрополитовъ и архіереевъ были на службѣ не только простые „послужильцы“, но и настоящіе бояре. „Архіерейскіе бояре,—говоритъ одинъ изъ историковъ русской церкви,—въ древнѣйшее время ничѣмъ не разнились отъ бояръ княжескихъ по своему происхожденію и по своему общественному положенію... Они поступали на службу къ архіереямъ точно также и на тѣхъ же условіяхъ, какъ и къ князьямъ, т. е. съ обязательствомъ отбывать воинскую повинность и нести службу при дворѣ архіерея, за что получали отъ него въ пользованіе земли“ *). На этихъ земляхъ они могли испомѣщать своихъ военныхъ слугъ,—а ихъ собственный господинъ, въ свою очередь, былъ вассаломъ великаго князя. Митрополичья военная дружина должна была итти въ походъ вмѣстѣ съ дружинами послѣдняго: „а про войну, коли язъ самъ великій князь сяду на конь, тогда и митрополичимъ боярамъ и слугамъ“, говоритъ грамота вел. кн. Василія Дмитріевича (около 1400 года). Такъ на службѣ московскаго великаго князя вытягивалась такая же лѣстница вассаловъ, какъ и на службѣ средневѣковаго короля Франціи.

Характеръ отношеній между отдѣльными ступеньками этой лѣстницы—между вольными военными слугами разныхъ степеней и ихъ соотвѣтствующими сюзеренами—детально изученъ покойнымъ Н. Павловымъ-Сильванскимъ, успѣвшимъ и резюмировать итоги своихъ спеціальныхъ работъ въ своей популярной книжкѣ „Феодализмъ въ древней Руси“ (СПБ. 1907 г.). „Служебный вассальный договоръ скрѣплялся у насъ и на Западѣ сходными обрядностями“, говоритъ этотъ авторъ.

*) Цитата у Н. Сильванскаго, назв. соч., стр. 102—103.

Вышеприведенныя цифровыя данныя см. у проф. Сергѣевича: „Древности русск. права“, т. III, СПБ. 1903, стр. 17 и сл.

„Закрѣплявшая вассальный договоръ въ феодальное время обрядность оммажа, такъ же какъ древнѣйшая обрядность коммендаціи, врученія, состояла въ томъ, что вассалъ въ знакъ своей покорности господину становился передъ нимъ на колѣни и клалъ свои, сложенныя вмѣстѣ, руки въ руки сеньера; иногда, въ знакъ еще большей покорности, вассалъ, стоя на колѣняхъ, клалъ свои руки подъ ноги сеньера. У насъ находимъ вполнѣ соотвѣтствующую этой обрядности обрядность челобитья. Бояринъ у насъ билъ челомъ въ землю передъ княземъ въ знакъ своего подчиненія. Въ позднѣйшее время выраженіе „бить челомъ“ употреблялось въ иносказательномъ смыслѣ униженной просьбы. Но въ удѣльное время это выраженіе обозначало дѣйствительное челобитье, поклонъ въ землю, какъ видно изъ обычнаго обозначенія вступленія въ службу словами: „бить челомъ въ службу...“ Во второй половинѣ удѣльнаго періода одна обрядность челобитья считалась уже недостаточной для закрѣпленія служебнаго договора, и къ этой обрядности присоединяется церковный обрядъ, цѣлованіе креста. Такая же церковная присяга, клятва на Евангеліи, на мощахъ или на крестѣ совершалась на Западѣ для закрѣпленія феодальнаго договора, въ дополненіе къ старой обрядности коммендаціи изъ оммажа“. „Наша боярская служба такъ близка къ вассальству, что въ нашей древности мы находимъ даже точно соотвѣтствующіе западнымъ термины: приказаться—avouer, отказаться—se désavouer“. Какъ примѣръ перваго, авторъ приводитъ современную формулу извѣстія о подчиненіи новгородскихъ служилыхъ людей Ивану III: „Били челомъ великому князю въ службу бояре новгородскіе и всѣ дѣти боярскіе и житіи, да приказався вышли отъ него“. Хорошимъ примѣромъ второго термина служитъ приводимый имъ же нѣсколько дальше разсказъ житія Іосифа Волоколамскаго о томъ, какъ этотъ игуменъ, не поладивъ съ мѣстнымъ волоколамскимъ княземъ, перешелъ отъ него къ великому князю московскому: Іосифъ „отказался отъ своего государя въ великое государство“ *). Одно мѣсто Никоновской лѣтописи сохранило намъ и самую формулу такого „отказа“. Въ 1391 году московскій князь Василій Дмитріевичъ, сынъ Донского, купивъ у татаръ нижегородское княжество, двигался со своими войсками на Нижній-Новгородъ, чтобы осуществить только что пріобрѣтенное имъ „право“. Нижегородскій князь Борисъ Константиновичъ, рѣшивъ сопроти-

*) См. назв. соч., стр. 99—100, 112.

вляться до послѣдней возможности, собралъ свою дружину и обратился къ ней съ такою рѣчью. „Господіе моя и братія, бояре и други! попомните господне крестное цѣлованіе, какъ есте цѣловали ко мнѣ, и любовь нашу и усвоеніе къ вамъ". Бояре подъ первымъ впечатлѣніемъ грубой обиды, нанесенной ихъ князю, горячо вступились за его дѣло. „Всѣ мы единомышленны къ тебѣ" заявилъ Борису старшій изъ нихъ Василій Румянецъ „и готовы за тебя головы сложить". Но Москва въ союзѣ съ татарами была страшной силой—сопротивленіе ей грозило конечной гибелью сопротивляющимся. Когда первое одушевленіе прошло, нижегородскіе бояре рѣшили, что сила солому ломитъ, и что дѣло ихъ князя все равно проиграно. Они задумали „отказаться" отъ князя Бориса и перейти къ его сопернику.—Тотъ же Василій Румянецъ отъ лица всѣхъ и заявилъ несчастному Борису Константиновичу о происшедшей перемѣнѣ. „Господине княже!" сказалъ онъ: „не надѣйся на насъ, уже бо есмы нынѣ не твои и нѣсть съ тобою есмы, но на тя есмы." „Такъ точно на Западѣ", добавляетъ, приведя эти слова, историкъ русскаго феодализма, „вассалъ, отказываясь отъ сеньера, открыто говорилъ ему: уже не буду тебѣ вѣрнымъ, не буду служить тебѣ, и не буду обязанъ вѣрностью..."*).

Приведенный сейчасъ случай ярко освѣщаетъ особенности того режима, съ котораго начала Московская Русь и который еще долго жилъ подъ оболочкою византійскаго самодержавія, офиціально усвоеннаго московскимъ государствомъ съ начала XVI вѣка. Что князя кіевской эпохи нельзя себѣ представить безъ его бояръ, въ этомъ давно согласны всѣ историки. Какъ примѣръ, приводится обыкновенно судьба князя Владиміра Мстиславича, которому его бояре, когда онъ предпринялъ одинъ походъ безъ ихъ согласія, сказали: „о себѣ еси, княже, замыслилъ,—а не ѣдемъ по тебѣ, мы того не вѣдали". Но и „собирателей" Московской Руси нельзя себѣ представить дѣйствующими въ одиночку: недаромъ Дмитрій Донской, прощаясь со своими боярами, вспоминалъ, что онъ все дѣлалъ вмѣстѣ съ ними, поганыхъ одолѣлъ, храборствовалъ съ ними на многія страны, веселился съ ними, съ ними и скорбѣлъ—„и назывались вы у меня не боярами, а князьями земли моей". Какъ во главѣ любого феодальнаго государства Западной Европы стояла группа лицъ,—государь, король или герцогъ, „сюзеренъ", съ „куріей" своихъ васса-

*) Сергѣевичъ, цит. соч. т. I, стр. 378 и 385.
Н. П. Сильванскій, цит. соч., стр. 100.

ловъ,—такъ и во главѣ русскаго удѣльнаго княжества, а позднѣе и государства московскаго, стояла тоже группа лицъ: князь, позже великій князь и царь, со своей боярской думой. И какъ западно-европейскій феодальный „государь въ экстренныхъ и въ особенно важныхъ случаяхъ не довольствовался совѣтомъ своихъ ближайшихъ вассаловъ, а созывалъ представителей всего феодальнаго общества, „государственные чины,“ —такъ и у насъ князь въ древнѣйшее время иногда совѣщался со своей дружиной, а царь—съ земскимъ соборомъ. Мы позже будемъ имѣть случай изучать оба эти учрежденія подробнѣе. Пока замѣтимъ лишь, что корни того и другого—и думы и собора—глубоко лежатъ въ томъ феодальномъ принципѣ, который гласитъ, что отъ вольнаго слуги можно было требовать лишь той службы, на какую онъ подрядился, и что онъ могъ бросить эту службу всякій разъ, какъ только находилъ ее для себя невыгодной. Оттого никакого важнаго дѣла, которое могло бы отразиться на судьбѣ его слугъ, феодальный господинъ и не могъ предпринять безъ ихъ согласія.

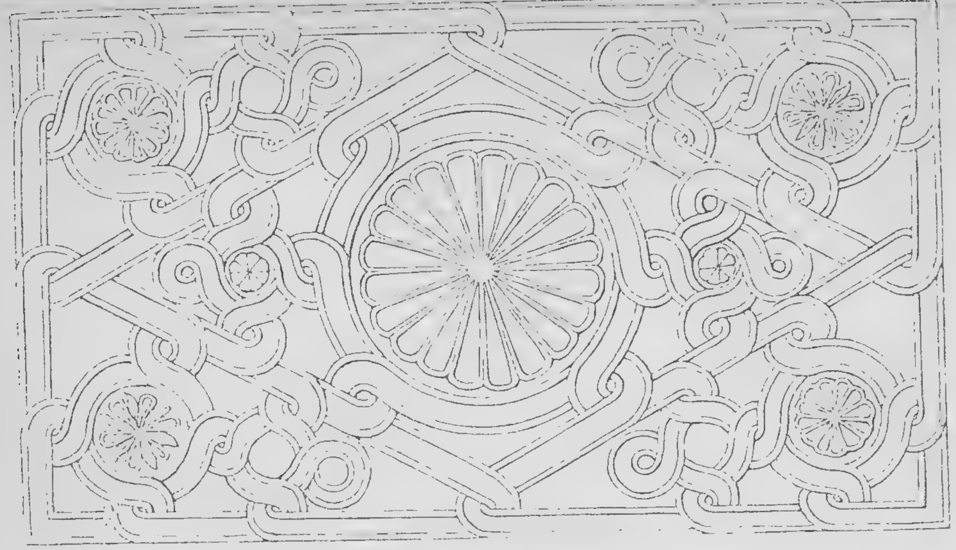
Насколько прочен былъ этотъ „общественный договоръ“, своего рода контрактъ между вассаломъ и сюзереномъ, въ феодальномъ обществѣ? Средневѣковыя договорныя отношенія очень легко поддаются идеализаціи. „Права“ вольныхъ слугъ очень часто представляются по образу и подобію „правъ“, какъ они существуютъ въ современномъ „правовомъ“ государствѣ. Но мы знаемъ, что въ этомъ послѣднемъ права слабѣйшаго часто бываютъ ограждены лишь на бумагѣ, а на дѣлѣ „у сильнаго всегда безсильный виноватъ“. Къ феодальному государству это приложимо въ гораздо большей степени. Договорныя отношенія вассала и сюзерена, въ сущности, гораздо болѣе походили на нормы теперешняго „международнаго права“, которыя не нарушаетъ только тотъ, кто не можетъ. Въ междукняжескихъ договорахъ сколько угодно можно было писать: „а боярамъ и слугамъ межи насъ вольнымъ воля“, а на практикѣ то и дѣло случалось, что князь „тѣхъ бояръ и дѣтей боярскихъ“ которые отъ него „отъѣхали“, „пограбилъ, села ихъ и домы ихъ у нихъ поотымалъ и животы и остатки всѣ и животину у нихъ поималъ“. И никакого суда и никакой управы найти на него было нельзя, кромѣ какъ обратиться къ другому, еще болѣе могущественному насильнику. Въ феодальномъ обществѣ еще гораздо больше, чѣмъ въ современномъ намъ, сила шла всегда впереди права. Изучая сложный церемоніалъ феодальныхъ отно-

шеній, легко увлечься и подумать, что люди, такъ тщательно устанавливавшіе, какіе жесты должны были быть сдѣланы въ томъ или другомъ случаѣ и какія слова произнесены, столь же тщательно умѣли охранять и сущность своего права. Но гдѣ уже тутъ было охранять свое право отъ злоупотребленій феодальнаго государя, когда отстоять его и отъ покушеній мельчайшихъ его слугъ, рядовыхъ и даже некрупныхъ феодальныхъ вотчинниковъ, было иногда непосильнымъ дѣломъ? Мы не можемъ закончить нашего изученія правового режима феодальной Руси лучше, чѣмъ одной картинкой, заимствованной изъ того же ряда правыхъ грамотъ, откуда мы неоднократно брали примѣры выше. Судился въ 1552 году Никольскій монастырь со своими сосѣдями, Арбузовыми,—судился какъ слѣдуетъ, по всей формѣ: „судили насъ, господине", пишутъ въ своей челобитной монастырскіе старцы, „по царевѣ государевѣ грамотѣ, Өедоръ Морозовъ да Хомякъ Чечениnъ". Судьи „оправили" монастырь, а его противниковъ „обвинили". „И вотъ", продолжаютъ старцы, „пріѣхали, господине, на ту деревню Ильины дѣти Арбузова... да Ильины люди Арбузова... да меня, господине, Митрофанова, да старца Данила, да старца Тихона били и грабили, и дьяка монастырскаго, и слугъ, и крестьянъ и крестьянокъ били и грабили, и старожильцевъ, господине, которые были съ судьями на землѣ, били же. И судья, господине, Хомякъ Чеченинъ, съ дѣтьми боярскими, которые были съ нами на землѣ, вышли отнимати (обижаемыхъ старожильцевъ) и они, господине, и Хомяка Чеченина и тѣхъ дѣтей боярскихъ били же... А игуменъ, господине, съ судьею съ Өедоромъ Морозовымъ, запершись отсидѣли..." Не всегда удобно было рѣшить дѣло вопреки интереса драчливаго феодала. Западноевропейское феодальное право и это грубое правонарушеніе облекло въ извѣстнаго рода торжественную церемонію: недовольный судебнымъ рѣшеніемъ могъ „опорочить судъ", fausser le jugement,—и вызывать судью на поединокъ. Въ одномъ нашемъ судномъ дѣлѣ 1531 года судья отвергъ показанія одного изъ тяжущихся, ссылавшагося именно на него, судью, заявивъ, что такого документа, о какомъ тотъ говорилъ, никогда въ дѣлѣ не было. „И въ Облязово мѣсто (такъ звали тяжущагося) человѣкъ его Истома просилъ въ томъ съ Шараномъ (судьею) поля... и Шаранъ съ нимъ за поле поималъ же ся". Вызывать на поединокъ судью можно было и въ московскомъ государствѣ временъ Василія Ивановича.

Вотъ почему юридическаго признака договорности и

не приходится ставить въ число главныхъ отличительныхъ чертъ феодализма. Этотъ послѣдній гораздо болѣе есть извѣстная система хозяйства, чѣмъ система права. Государство сливалось здѣсь съ барской экономіей—въ одинъ и тотъ же центръ стекались натуральный оброкъ и судебныя пошлины, часто въ одной и той же формѣ барановъ, яицъ и сыру; изъ одного и того же центра являлись и приказчикъ—передѣлить землю, и судья—рѣшить споръ объ этой землѣ. Когда кругъ экономическихъ интересовъ расширился за предѣлы одного имѣнія, должна была расшириться географически и сфера права. Первый разъ такое расширеніе имѣло мѣсто, когда изъ „волостей“ частныхъ землевладѣльцевъ выросли волости городовыя; второй разъ, когда всѣхъ частныхъ вотчинниковъ забрала подъ свою руку Москва. И въ томъ и въ другомъ случаѣ количество переходило въ качество: территоріальное расширеніе власти измѣняло ея природу,—„помѣстье“ превращалось въ „государство“. Первое изъ этихъ превращеній произошло довольно быстро—зато не было и очень прочно. Второе совершилось очень медленно,—но зато окончательное образованіе московскаго государства, въ XVII вѣкѣ, было и окончательной ликвидаціей русскаго феодализма въ его древнѣйшей формѣ. Но до наступленія этого момента феодальныя отношенія составляли тотъ базисъ, на которомъ воздвигались обѣ эти политическія надстройки—и городовая волость, и вотчина московскихъ царей. И господинъ Великій Новгородъ и его счастливый соперникъ, великій князь Московскій Иванъ Васильевичъ, мы это твердо должны помнить, властвовали не надъ сѣрой толпой однообразныхъ въ своемъ безправіи подданныхъ, а надъ пестрымъ феодальнымъ міромъ большихъ и малыхъ „боярщинъ“, въ каждой изъ которыхъ сидѣлъ свой маленькій государь, за лѣсами и болотами сѣверной Руси умѣвшій не хуже отстоять свою самостоятельность, чѣмъ его западный товарищъ за стѣнами своего замка.

Гривна (шейное кольцо) царя изъ гробницы Куль-Обскаго кургана, открытой близъ Керчи въ 1831 г.



Образецъ шиферной плиты Кіево-Софійскаго собора, украшенной орнаментальнымъ византійскимъ плетнемъ.

ГЛАВА III.

Заграничная торговля, города и городская жизнь X—XVвв.

Главнѣйшимъ экономическимъ признакомъ того строя, который мы изучали выше, какъ „феодальный“, являлось отсутствіе обмѣна. Боярская вотчина удѣльной Руси была, экономически, самодовлѣющимъ цѣлымъ. О ней съ полнымъ правомъ можно сказать то, что не совсѣмъ правильно сказалъ одинъ историкъ о помѣщичьемъ имѣніи средней полосы Россіи въ XVIII вѣкѣ: если бы весь міръ вокругъ нея провалился, она продолжала бы существовать, какъ ни въ чемъ не бывало. Съ такимъ представленіемъ о древней Руси плохо, однако, вяжется та схема нашей древнѣйшей исторіи, которую, пожалуй, можно бы назвать обычной: такъ хорошо она знакома большинству читателей. Объ этой схемѣ намъ приходилось упоминать въ самомъ началѣ нашего изложенія, говоря о взглядахъ Шторха и его новѣйшихъ подражателей *). Мы помнимъ, что для этой школы, которую теперь безъ большой натяжки можно считать господствующей, торговля,

*) См. главу I настоящей книги.

обмѣнъ являлись осью, около которой вертѣлась вся политическая исторія кіевскаго періода—и самая возможность говорить о „политической исторіи“ того времени, само древнерусское „государство“ обязано своимъ существованіемъ именно торговлѣ. Казалось бы, что подобная „философія русской исторіи“ стоитъ въ непримиримомъ противорѣчіи съ фактами, которые мы только что разсмотрѣли. Какое можетъ имѣть значеніе торговля при сплошномъ господствѣ „натуральнаго хозяйства“ на протяженіи цѣлаго ряда вѣковъ? Это апріорное соображеніе, по видимости, настолько неотразимо, что одинъ изъ главныхъ представителей матеріалистическаго направленія въ русской исторіи нашелъ возможнымъ прямо заявить въ полное противорѣчіе „господствующему“ взгляду: „въ Кіевской Руси... торговля была слаба. Хозяйство было натуральнымъ, и только внѣшняя торговля имѣла **н ѣ к о т о р о е** вліяніе на экономическое положеніе высшихъ слоевъ общества“ *). Своею ясностью и неотразимостью такая точка зрѣнія завоевала себѣ сочувствіе даже ученыхъ, весьма далекихъ отъ матеріалистическаго пониманія исторіи. Новѣйшій изслѣдователь „княжого права древней Руси“ заранѣе оговаривается, что его изложеніе „пойдетъ въ дальнѣйшемъ мимо этой стороны схемы В. О. Ключевскаго. Она (схема) построена на крайнемъ преувеличеніи глубины вліянія торговли на племенной бытъ восточнаго славянства“. Въ подтвержденіе своего взгляда авторъ приводитъ довольно длинную выдержку изъ сочиненія того самаго историка-матеріалиста, о которомъ мы только что упоминали **).

И тѣмъ не менѣе, цѣлый рядъ явленій нашей древнѣйшей, кіево-новгородской, исторіи, тѣ соціальныя группировки, которыя мы находимъ въ Кіевѣ и Новгородѣ, тѣ формы власти, такъ не похожія на все предыдущее и послѣдующее, которыя насъ тамъ поражаютъ, наконецъ, очень многое и въ **х о з я й с т в е н н о м ъ** бытѣ этого періода будетъ для насъ совершенно непонятно, если мы условимся считать, что торговля въ тѣ времена „была слаба“, и поставимъ на этомъ точку. Слабъ или силенъ былъ обмѣнъ—но если мы не привлечемъ его къ дѣлу, такой фактъ, какъ городъ и „городская волость“ X—XII вѣковъ, окажется для насъ чистой загадкой: а въ наличности этого факта—главное отличіе древней, до-Московской Руси, отъ нашего средневѣковья, Руси Московской.

---

*) Н. Рожковъ. „Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія“, I, изд. 2-е, стр. 27—28. Курс. нашъ.

**) А. Прѣсняковъ. „Княжое Право въ древней Руси“, стр. 162.

Скандинавскія саги называли древнюю Русь даже „страною городовъ“, Гардарикъ. Тотъ арабскій писатель начала X вѣка, котораго мы однажды уже цитировали, Ибнъ-Дастъ, говоритъ еще гораздо больше: по его словамъ, Русь, которую онъ, какъ и большая часть арабовъ, отличаетъ отъ славянъ, вовсе не имѣла „ни деревень, ни пашень“, имѣя въ то же время „большое число городовъ“ и „живя въ довольствѣ“. Это послѣднее руссы пріобрѣтали своимъ „единственнымъ промысломъ“—„торговлей собольимъ, бѣльчьимъ и другими мѣхами“. Ибнъ-Дастъ не забываетъ отмѣтить, что плату за свои товары Русь „получала деньгами“. — что это не была мѣна, въ родѣ той, какую практиковали различные культурные и полукультурные народы, впослѣдствіи и сами русскіе, въ сношеніяхъ съ дикарями-охотниками. Нѣтъ, это былъ правильный торгъ—въ погонѣ за покупателями русскіе купцы доходили до самаго Багдада, и у рѣдкаго царя восточныхъ странъ не было шубы, сшитой изъ русскихъ мѣховъ. Относительно послѣднихъ арабскіе писатели пускаются въ такія подробности, что въ непосредственномъ знакомствѣ арабовъ съ этимъ товаромъ и его продавцами сомнѣваться нельзя. Значитъ, и поражающее на первый взглядъ заявленіе Ибнъ-Даста, будто у русскихъ вовсе нѣтъ деревень, одни города, не приходится разсматривать какъ простую басню, легко объясняемую невѣжествомъ писавшаго въ томъ вопросѣ, за который онъ взялся. Очевидно, Русь X вѣка представлялась довольно близкимъ наблюдателямъ, какъ народъ городской по преимуществу. Стоитъ слегка забыть историческую перспективу — и воображеніе готово намъ нарисовать картину богатой страны, усѣянной крупными торговыми центрами, съ многолюднымъ, относительно культурнымъ населеніемъ. Но арабы со своимъ безпощаднымъ реализмомъ степныхъ охотниковъ, только что превратившихся во всемірныхъ торговцевъ, уже наготовѣ, чтобы насъ поправить, и наиболѣе освѣдомленный изъ нихъ рисуетъ намъ такую картину „внѣшняго быта“ русскихъ купцовъ въ болгарской столицѣ, которая можетъ отбить аппетитъ даже у очень проголодавшагося человѣка. Причемъ есть всѣ основанія думать, что „внутренній бытъ“ еще отставалъ отъ „внѣшняго“: ибо не только въ X вѣкѣ, когда Ибнъ-Фадланъ наблюдалъ своихъ руссовъ, мывшихся одной и той же водой изъ одной и той же чашки, куда они въ то же время кстати и плевали, — но и въ XII россійскіе коммерсанты не чувствовали потребности въ какихъ-либо письменныхъ договорахъ, закрѣпляя всѣ сдѣлки

устно, свидѣтельскими показаніями. Русская Правда имѣетъ дѣло, какъ съ нормой, съ безграмотнымъ торговцемъ: „доски", писанныя обязательства, появляются не ранѣе XIII вѣка *).

Вопросъ о томъ, что такое представляла изъ себя средневѣковая торговля, и какъ мы должны рисовать себѣ средневѣкового купца, вставалъ не передъ одними русскими историками, и не ими одними разрѣшался оптимистически въ духѣ Шторха. Какъ земледѣліе прежняя исторія хозяйства готова была считать несомнѣннымъ признакомъ культуры, такъ было и по отношенію къ торговлѣ: старые нѣмецкіе историки готовы были заселить безчисленное множество крупныхъ и мелкихъ нѣмецкихъ городовъ, упоминаемыхъ средневѣковыми грамотами и лѣтописями, „купечествомъ въ современномъ смыслѣ слова". За это они подверглись насмѣшкамъ, и основательно, по мнѣнію новѣйшаго историка экономическаго развитія Германіи. Этотъ послѣдній, однако же, оговаривается, что въ томъ, что касается, собственно, количества лицъ, принимавшихъ участіе въ торговлѣ, старые историки были вполнѣ правы. Въ средневѣковомъ обмѣнѣ мы встрѣчаемся съ тою же особенностью, какъ и въ сельскомъ хозяйствѣ среднихъ вѣковъ: мелкія предпріятія ремесленнаго типа не только господствовали,—мало этого сказать, до извѣстной эпохи только ихъ мы и встрѣчаемъ. Только что упомянутый нами новѣйшій историкъ-экономистъ собралъ по этому поводу нѣсколько цифровыхъ данныхъ для торговли Западной Европы въ средніе вѣка. Анекдотичность этихъ данныхъ не мѣшаетъ имъ быть весьма характерными. Въ 1222 году около Комо, въ сѣверной Италіи, были ограблены два купца изъ Лилля: весь ихъ товаръ состоялъ изъ 13½ кусковъ сукна и 12 паръ брюкъ. Лѣтъ полтораста спустя, такому же несчастію подвергся цѣлый караванъ базельскихъ купцовъ, ѣхавшихъ на франкфуртскую ярмарку: убытки каждаго изъ нихъ не превысили одной—двухъ сотенъ флориновъ **). Тотъ же авторъ опредѣляетъ средній капиталъ нѣмецкаго купца, торговавшаго въ Новгородѣ въ XIV вѣкѣ, въ 1000 марокъ серебра—„меньше 10.000 марокъ (германскихъ) по нынѣшнему курсу". Это тѣмъ болѣе правдоподобно, что его русскій конкурентъ того же времени располагалъ такимъ же точно капиталомъ. Чтобы быть членомъ самаго стараго, крупнаго и солиднаго новгородскаго торговаго товарищества, группировавшагося около церкви св. Іоанна Предтечи на Опокахъ, достаточно было

*) Новгородская 1-я лѣтопись подъ 1209 годомъ.

**) Вернеръ Зомбартъ. „Современный капитализмъ", т. I, русскій пер., стр. 181.

вложить пай не больше, чѣмъ 50 гривенъ серебра — тысячу рублей серебромъ на теперешнюю монету. Чтобы представить себѣ реальное значеніе этого „капитала“, сопоставимъ его съ другими данными того же времени. 50 гривенъ серебра—самое большее 150—200 гривенъ кунъ *); а 80 гривенъ кунъ было высшей нормой уголовнаго штрафа („виры“) по Русской Правдѣ. Но уголовные штрафы, вырабатывавшіеся практическимъ путемъ, отъ случая къ случаю, имѣли въ виду, конечно, не капиталистовъ, а представителей народной массы той эпохи, крестьянъ и ремесленниковъ. Восемьдесятъ гривенъ князь требовалъ за убійство наиболѣе нужнаго ему человѣка, своего дружинника. Допустимъ, что онъ считалъ справедливымъ карать такое, особенно тяжелое въ его глазахъ, преступленіе „конфискаціей“ всего имущества виновника: тогда 80 гривенъ составляютъ среднюю оцѣнку всего двора крестьянина или мелкаго горожанина со всѣмъ, что тамъ находилось. А человѣкъ, имѣвшій въ два съ половиной раза больше этого, могъ стать однимъ изъ первыхъ новгородскихъ купцовъ! Не менѣе показательны, чѣмъ размѣры капиталовъ, въ этомъ случаѣ и размѣры транспорта: для Западной Европы очень характерной является одна цифра, приводимая тѣмъ же выше нами цитированнымъ авторомъ. Весь годичный провозъ черезъ Сенъ-Готардъ, даже въ концѣ среднихъ вѣковъ, умѣстился бы въ двухъ теперешнихъ товарныхъ поѣздахъ. Для Россіи столь же показательны размѣры судовъ, рѣчныхъ и морскихъ,—о которыхъ намъ даютъ понятіе нѣкоторыя мѣста византійскихъ писателей, лѣтописей и Русской Правды. Въ среднемъ, русскій „корабль“ X—XII вѣка поднималъ отъ 40 до 60 человѣкъ. По вычисленіямъ Аристова, наименьшій изъ тѣхъ типовъ, о которыхъ упоминаетъ Русская Правда, могъ вмѣстить до 2000 пудовъ товара **): если ихъ оцѣнка въ Правдѣ соотвѣтствуетъ ихъ грузоподъемности, то наибольшій могъ поднять 6000 пудовъ, т.-е. около 100 тоннъ. Теперь такой грузоподъемностью обладаютъ маленькіе каботажные пароходики, циркулирующіе между небольшими портами Чернаго или Балтійскаго морей. Тогда при помощи судовъ такого размѣра велись торговыя сношенія между міровыми коммерческими центрами, какими были Константинополь и Кіевъ, Любекъ и Новгородъ. Но есть всѣ основанія думать, что

*) Гривна серебра была болѣе или менѣе постоянной единицей, тогда какъ цѣна счетной гривны, „гривны кунъ“, мѣнялась въ зависимости отъ курса на серебро.

**) См. „Промышленность древней Руси“, стр. 95—97.

разсчетъ Аристова преувеличенъ. Онъ исходитъ изъ того предположенія, что суда, одинаково называвшіяся въ древней и современной Россіи, имѣли и приблизительно одинаковые размѣры: что въ Русской Правдѣ „стругомъ“ называлось то же, что и въ 60-хъ годахъ XIX столѣтія, когда была написана „Промышленность древней Руси“. Но это вовсе не обязательно, и даже мало вѣроятно: изъ цитатъ самого Аристова видно, что „стругъ“ и аналогичный ему „насадъ“ ставили на колеса. Поставить на колеса судно даже въ 30—40 тоннъ безъ механическихъ приспособленій совершенно невозможно; а чтобы въ древней Руси были машины, нѣтъ никакихъ данныхъ. Термины Русской Правды соотвѣтствуютъ типу, а не размѣру судовъ: о размѣрахъ же даже русскихъ „морскихъ“ ладей (оцѣниваемыхъ Правдой втрое дороже струга) одинъ иностранный наблюдатель говоритъ, что онѣ могли плавать въ самыхъ мелкихъ мѣстахъ. Иными словами, это были просто большія лодки *).

Размѣры судовъ объясняютъ намъ и фантастическіе, на первый взглядъ, размѣры древне-русскихъ военныхъ флотилій. Если у Олега въ его походѣ 907 года было, по лѣтописи, до 2000 „кораблей“, а по византійскимъ даннымъ, болѣе 1000, то тутъ еще сказки никакой нѣтъ: „тысящу лодій“ мы встрѣчаемъ и во вполнѣ историческія времена. Но это была именно „тысяча лодокъ“—не болѣе. А мелкіе размѣры торговли вообще объясняютъ намъ и большое количество „купцовъ“ на страницахъ лѣтописи. Когда мы читаемъ, что въ 1216 году въ одномъ Переяславлѣ Залѣсскомъ нашлось полтораста новгородскихъ купцовъ, а въ Торжкѣ, одномъ изъ главныхъ передаточныхъ пунктовъ новгородской торговли, даже, можетъ-быть, и до 2000, то мы нисколько этому не удивимся, если только представимъ себѣ древне-русскаго „гостя“ въ образѣ некрасовскаго дѣдушки Якова, весь товаръ котораго помѣщался на одномъ возу. А у большей части онъ помѣстился бы, вѣроятно, и въ коробѣ за спиной: теперешній коробейникъ—наиболѣе типичный торговецъ средневѣковья не для одной Россіи. „Вездѣ представляется намъ одна и та же картина: не считая нѣсколькихъ болѣе крупныхъ купцовъ, притомъ большею частью не занимавшихся профессіональной торговлей, мы повсюду встрѣча-

*) Нѣкоторое представленіе о древнерусскихъ судахъ даютъ также „корабли викинговъ“, сохранившіеся въ погребальныхъ курганахъ до нашего времени. Одинъ изъ нихъ, находящійся въ настоящее время въ Христіаніи, имѣетъ 15 метровъ длины при 3½ наибольшей ширины, и могъ вмѣстить отъ 60—80 вооруженныхъ людей.

емъ кишащую массу незначительныхъ и даже совсѣмъ мелкихъ торговцевъ, съ какими мы встрѣчаемся и теперь на мелкихъ деревенскихъ ярмаркахъ или на большихъ дорогахъ отдаленныхъ областей, съ коробомъ на плечахъ или же въ телѣгѣ, запряженной въ одну лошаденку"*).

Но не всякій товаръ средневѣковаго купца можно было унести за спиной, и не въ одныхъ размѣрахъ своеобразіе средневѣковой торговли. Первые же русскіе купцы, которыхъ удалось близко наблюдать арабамъ, вмѣстѣ съ мѣхомъ соболей и чернобурыхъ лисицъ, привозили въ болгарскую столицу молодыхъ дѣвушекъ, привозили въ такомъ числѣ, что, по арабскому разсказу, можно, пожалуй, принять этотъ товаръ за главную статью русской отпускной торговли того времени. Изъ одного описанія чудесъ Николая Чудотворца видно, что и въ Константинополѣ русскій купецъ былъ прежде всего работорговцемъ. А одинъ путешественникъ XII вѣка встрѣтилъ русскихъ, торгующихъ невольницами, даже въ Александріи. Русскіе источники даютъ массу косвенныхъ, а иногда и прямыхъ подтвержденій разсказамъ иноземцевъ. Къ числу первыхъ принадлежатъ извѣстія лѣтописей о сотняхъ (если не тысячахъ) „наложницъ" Владиміра Святославича до его крещенія: новѣйшій церковный историкъ совершенно справедливо усмотрѣлъ здѣсь воспоминаніе не столько о личной безнравственности этого князя въ языческій періодъ его біографіи и о его личномъ гаремѣ, сколько о тѣхъ запасахъ живого товара, которые держалъ этотъ крупнѣйшій русскій купецъ своего времени**). Что и язычество также было здѣсь ни при чемъ, доказываютъ поученія епископа Серапіона, младшаго современника татарскаго нашествія (онъ умеръ въ 1275 г.). Въ числѣ грѣховъ, навлекшихъ разныя бѣды на русскую землю, Серапіонъ упоминаетъ и такой: „...братью свою ограбляемъ, убиваемъ, *въ погань продаемъ*". Значитъ, и въ XIII вѣкѣ русскіе купцы нисколько не стѣснялись продавать русскихъ невольниковъ на заграничные рынки, въ томъ числѣ и въ мусульманскія и языческія земли. А что на Русь еще около 1300 года ѣздили „дѣвкы купити", у насъ имѣется и документальное свидѣтельство—въ жалобѣ одного изъ такихъ покупателей, рижскаго купца, на витебскаго князя, посадившаго его въ тюрьму безъ всякой вины, при чемъ, само собою понятно, арестъ не стоялъ ни въ какой связи съ малопоч-

*) Вернеръ Зомбартъ, цит. соч., стр. 181.

**) См. Голубинскій. Исторія русской церкви, т. I, 1-я полов., изд. 2-е, стр. 146 147

тенной цѣлью пріѣзда этого рижанина въ витебскую землю, а былъ просто однимъ изъ обычныхъ проявленій княжескаго самоуправства. Этотъ маленькій случай вскрываетъ передъ нами, не всегда ясную по лѣтописямъ, судьбу того „полона", безъ котораго не обходилась ни одна княжеская усобица тѣхъ временъ. Когда князь возвращался домой „ополонившеся челядью", это вовсе не значило, что онъ и его дружина пріобрѣли нѣкоторое количество крѣпостныхъ слугъ и служанокъ, какъ обычно себѣ представляютъ, не безъ нѣкотораго лицемѣрія заднимъ числомъ: въ рукахъ побѣдителей оказывалась мѣновая цѣнность, можетъ-быть, самая высокая мѣновая цѣнность, какую знало то время. Оттого на челядь древнерусскіе феодолы были гораздо жаднѣе, нежели на натуральныя приношенія своихъ крестьянъ. Послѣднія некуда было сбыть, и они не были особенно велики: для первой уже въ тѣ дни существовалъ „международный рынокъ", который могъ поглотить любое количество живого товара. Князья XII вѣка откровенно признавались въ своихъ подвигахъ этого рода, видимо, считая „ополоненіе челядью" вполнѣ нормальнымъ дѣломъ. Не кто другой, какъ Владиміръ Мономахъ, давшій столько сентиментальныхъ страницъ казеннымъ учебникамъ, разсказываетъ, какъ онъ и его союзники „изъѣхали" одинъ русскій городъ, не оставивъ въ немъ „ни челядины, ни скотины". Какъ видимъ, для полнаго и совершеннаго опустошенія русскихъ областей не было ни малѣйшей надобности въ татарскомъ нашествіи. И когда дальній потомокъ Мономаха, Михаилъ Александровичъ Тверской, напавъ въ 1372 году на Торжокъ, увелъ оттуда въ Тверь полонъ „мужей и женъ бещчисла множество", то онъ дѣйствовалъ вовсе не какъ ученикъ монгольскихъ завоевателей, а какъ продолжатель старой и почтенной истинно-русской традиціи.

Существованіе такого „товара", нѣтъ сомнѣнія, подчеркиваетъ лишній разъ **натуральный** характеръ средневѣкового хозяйства: невольничій рынокъ именно потому и былъ необходимъ, что рабочихъ рукъ не было на рынкѣ. Но отсюда само собою вытекаетъ другое слѣдствіе. Какъ человѣкъ могъ сдѣлаться товаромъ, когда все остальное товаромъ не было? Уже изъ приведенныхъ сейчасъ цитатъ видно, что обычнымъ для насъ, экономическимъ путемъ, такое чудо совершиться не могло: внѣ-экономическому принужденію въ области производства соотвѣтствовало внѣ-экономическое присвоеніе въ области обмѣна. Не только живой товаръ, людей, но и тѣ собольи мѣха, и тѣ драгоцѣнные металлы, которые обраща-

лись на тогдашнемъ рынкѣ, добывали тогда не путемъ вымѣна у первоначальныхъ собственниковъ, хотя бы съ обманами, отдѣльными случаями насилія и тому подобными „злоупотребленіями“, какъ это до сихъ поръ имѣетъ мѣсто въ колоніальной торговлѣ народовъ „культурныхъ“ съ „некультурными“. Ихъ добывали прямо открытой силой — первой стадіей обмѣна была не мѣновая торговля, какъ учила еще недавно исторія хозяйства, а просто-напросто „разбойничья торговля“ (Raubhandel)—терминъ вполнѣ научно установленный исторіей хозяйства въ наше время. Черта, которую такъ заботливо проводятъ теперь, отдѣляя мирнаго торговца, хотя бы и недобросовѣстнаго, отъ грабителя, не существовала для наивныхъ людей ранняго средневѣковья. Разбойникъ въ купца и купецъ въ разбойника превращались съ поразительной легкостью: и скандинавскія саги, напримѣръ, съ безподобнымъ реализмомъ упоминаютъ рядомъ объ обоихъ этихъ промыслахъ по отношенію къ одному и тому же лицу, нимало не конфузясь за своего героя. „Былъ мужъ богатый и знатнаго происхожденія, по имени Лодинъ; онъ часто предпринималъ торговыя путешествія, а иногда занимался и морскимъ разбоемъ“, съ истинно эпическимъ спокойствіемъ повѣствуетъ въ одномъ мѣстѣ Heimskringla Снорре Стурлесона. Какъ просто и естественно совершался этотъ переходъ изъ области гражданскаго въ область уголовнаго права, покажетъ одинъ разсказъ той же саги, который, въ виду его характерныхъ подробностей, стоитъ изложить детальнѣе. Посланные короля Олафа Святого, Карли и Гуннстейнъ, и ихъ спутникъ, Тореръ-„собака“, пріѣхали въ Біармію (впослѣдствіи Новгородское Заволочье, по Сѣверной Двинѣ) и завели тамъ обширный торгъ съ мѣстными инородцами, вымѣнивая у нихъ лисьи и собольи мѣха на привезенные изъ Скандинавіи товары,—а отчасти и на деньги. Когда же торгъ окончился и вмѣстѣ съ тѣмъ кончилось **перемиріе**, которое заключили норманны съ мѣстнымъ населеніемъ именно на время и на предметъ торга, путешественники начали немедленно искать новыхъ источниковъ прибыли. Тореръ-„собака“ обратился къ своимъ спутникамъ съ вопросомъ, желаютъ ли они пріобрѣсти богатства? На утвердительный, само собою разумѣется, отвѣтъ тѣхъ, Тореръ объяснилъ имъ, что богатство, можно сказать, подъ руками—нужно только немножко смѣлости. Туземцы имѣютъ привычку хоронить серебряныя вещи вмѣстѣ со своими покойниками, а идолъ ихъ главнаго бога, Юмалы, весь покрытъ драгоцѣнными украшеніями. Стоитъ

ограбить кладбище и стоявшее посреди него святилище Юмалы — и капиталъ норманнскихъ купцовъ будетъ значительно пополненъ. Мы не будемъ разсказывать не лишенныхъ драматизма и живописности подробностей этой ночной экспропріаціи X вѣка. Она кончилась вполнѣ успѣшно, причемъ отступавшимъ норманнамъ пришлось выдержать правильную битву съ проснувшимися и сбѣжавшимися къ мѣсту грабежа поклонниками Юмалы. Отмѣтимъ лишь одну деталь: на возвратномъ пути Тореръ-„собака“ ограбилъ также и своихъ спутниковъ, такъ что король Олафъ Святой получилъ отъ этой экспедиціи меньше прибыли, чѣмъ можно было ожидать.

Какъ видимъ, когда нашъ старый знакомый Ибнъ-Дастъ разсказываетъ о русскихъ купцахъ, что они „производятъ набѣги на славянъ, подъѣзжаютъ къ нимъ на корабляхъ, выходятъ на берегъ и полонятъ народъ, который отправляютъ потомъ въ Хазеранъ и къ болгарамъ, и продаютъ тамъ“,— онъ опять-таки лишь реалистически описываетъ то, что было въ его дни вполнѣ обычнымъ дѣломъ, а вовсе не сказки сочиняетъ. Но мы видимъ также, что оригинальность ранняго средневѣковаго торга намъ приходится дополнить многими чертами, и что отъ просвѣщенныхъ коммерсантовъ Шторха въ нашей картинѣ остается уже очень мало. Соціальная обстановка, которая должна была складываться около „разбойничьей торговли“, такъ же мало походила на обстановку современнаго намъ капиталистическаго обмѣна, какъ боярская вотчина удѣльной Руси на современное сельскохозяйственное предпріятіе. Съ этой обстановкой сами арабы IX—X вѣковъ были знакомы по совсѣмъ еще свѣжему и, вѣроятно, не забытому ими опыту. Одна изъ арабскихъ поэмъ до-магометанскаго періода даетъ намъ классическое изображеніе общества, живущаго торговлей-разбоемъ. Вотъ какъ резюмируетъ это изображеніе одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей эволюціи обмѣна. „Единственная торговля, которая существуетъ,—это торговля рабами. Если какому-нибудь племени понадобится или просто захочется пріобрѣсти имущество другого племени, верблюдовъ, лошадей, стада, съѣстные припасы и т. д., оно обращается не къ мирному способу обмѣна, а къ вооруженному грабежу, Razzia, который, въ то же время, даетъ возможность и самихъ людей покореннаго племени, мужчинъ и женщинъ, обратить въ рабство. Когда у племени Бени-Катанъ стало нехватать съѣстныхъ припасовъ, триста ихъ воиновъ ограбили ихъ сосѣдей, Бени-Абъ... Во время этихъ Razzia старались особенно захватить женщинъ а рабовъ

ограбленнаго племени заставляли загонять къ побѣдителямъ верблюдовъ, которыхъ тѣ пасли. Благодаря такимъ разбойничьимъ нравамъ, отдѣльныя племена были настороже. Ни одинъ арабъ не былъ увѣренъ, что онъ проживетъ 24 часа, или что онъ не попадетъ въ рабство съ минуты на минуту,—еще менѣе была обезпечена его собственность, его стада или другое имущество. Зато у вождей было множество рабовъ. Такъ король Зохейръ имѣлъ двѣсти рабовъ, которые пасли его лошадей, верблюдовъ, верблюдицъ и овецъ. Даже у каждаго изъ его десяти сыновей было столько же. Не всѣхъ захваченныхъ въ плѣнъ женщинъ и дѣвушекъ оставляли у себя: ихъ продавали въ рабство въ далекія страны" *).

Прочитавъ этотъ отрывокъ, мы поймемъ, почему средневѣковой торговецъ, отправляясь за товаромъ, „по обычаю бралъ съ собою мечъ", какъ разсказывали рижане о своемъ обиженномъ витебскимъ княземъ товарищѣ въ извѣстной намъ жалобѣ. Поймемъ мы и крайне странное, на первый взглядъ, постановленіе договорной грамоты смоленскаго князя Мстислава Давидовича съ тѣми же рижанами (1229 г.): „латинскому (т.-е. нѣмецкому) не ѣхать на войну ни съ княземъ, ни съ Русью, если самъ не захочетъ; также и русскому не ѣхать на войну съ латинскимъ (княземъ) ни въ Ригѣ, ни на Готскомъ берегѣ (о. Готландъ): если кто самъ захочетъ, пусть ѣдетъ". Цѣлью грамоты вѣдь было „снова урядить миръ" между Русью и всѣмъ „латинскимъ языкомъ, кто у Руси гоститъ"—ведетъ торговлю съ Русью: потому что раньше „немирно было всѣмъ купцамъ", торговавшимъ между Смоленскомъ, съ одной стороны, Ригою и Готландомъ, съ другой. „Латинскій" и „русинъ" грамоты были нѣмецкій и русскій купцы,—люди по „старой пошлинѣ" всегда препоясанные мечомъ; ихъ содѣйствіе на войнѣ всякому князю было цѣнно, тѣмъ болѣе, что войны этого князя часто были не чѣмъ инымъ, какъ своеобразной формой „первоначальнаго накопленія" именно торговаго капитала. Купецъ и самъ очень охотно воевалъ: не даромъ „торговать" и драться были такія близкія другъ другу понятія въ древне-русскомъ языкѣ. „И створися проторжь не мала на Ярославли дворѣ, и сѣча бысть" разсказываетъ новгородскій лѣтописецъ объ одномъ изъ обычныхъ въ вольномъ городѣ переворотовъ, когда славенскій конецъ революціоннымъ путемъ смѣнилъ посадника, но наткнулся на сопротивленіе другихъ концовъ. Какъ,

*) Letourneau. L'évolution du commerce, p. 334.

однако, ни охочь былъ до драки торговый человѣкъ, принудительная воинская повинность могла бы стѣснить его торговыя операціи: вотъ почему риго-смоленская грамота и оговариваетъ согласіе самого купца, какъ непремѣнное условіе его участія въ чужомъ походѣ. Зато, разъ рѣчь шла о защитѣ своей торговой общины и ея интересовъ, къ купцамъ обращались въ первую голову и о ихъ несогласіи тутъ уже не могло быть и мысли: это было всегда готовое боевое ополченіе. Поссорившись съ княземъ Всеволодомъ Мстиславичемъ и предвидя неминуемое вооруженное столкновеніе, новгородское вѣче прежде всего другого конфисковало имущество бояръ, „пріятелей" князя, „и даша купцамъ крутитися на войну". Когда Литва неожиданно напала на Старую Руссу, городъ защищали вмѣстѣ съ сбѣжавшимися наспѣхъ горожанами, „огнищане и гридьба" (окрестные землевладѣльцы и наемные скандинавскіе ратники) „и кто купьцъ, и гости". А когда въ войну Новагорода съ Михаиломъ Тверскимъ „попущеніемъ Божьимъ сотворилось не мало зла", на полѣ битвы вмѣстѣ съ „мужами и боярами новгородскими" осталось и „купцовъ добрыхъ много" *).

Торговецъ былъ военнымъ человѣкомъ, товаръ былъ военной добычей—и мѣсто храненія товара, естественно, было военнымъ лагеремъ. Это прежде всего сказалось опять-таки въ языкѣ: слово товаръ обозначало у древне-русскаго лѣтописца, во-первыхъ, всякое вообще имущество. Напавъ на усадьбу князя Игоря Ольговича, его противники нашли тамъ „готовизны многого"—много, въ томъ числѣ, и „тяжкаго товару всякаго, до желѣза и до мѣди", такъ что и на телѣгахъ его было не увезти. Причемъ, часть имущества, предназначенная для продажи—„товаръ" въ нашемъ смыслѣ—совершенно не выдѣлялась изъ общей массы. Новгородская лѣтопись разсказываетъ, какъ князь Мстиславъ Мстиславичъ („Удалой"), напавъ на Торжокъ, захватилъ тамъ дворянъ своего конкуррента, Святослава Всеволодовича, и „оковалъ" ихъ: „а товара ихъ кого рука дойдетъ". Рука князя Мстислава была длинная, и его соперникъ—вѣрнѣе, его отецъ, такъ какъ самъ Святославъ былъ малолѣтній—эту руку почувствовалъ. Сначала онъ попытался было отвѣтить репрессаліями, задержавъ новгородскихъ гостей съ ихъ товарами. Но когда Новгородъ, въ свою очередь, отвѣтилъ на это арестомъ Святослава и остатка его свиты, Всеволодъ пошелъ на миръ. „И пустилъ Мстиславъ

---

*) Новгородская 1-я лѣтопись подъ 1137, 1234 и 1315 г.

Святослава и мужъ его, а Всеволодъ пусти гость съ товары". Это полное нежеланіе отличать потребительную цѣнность отъ мѣновой чрезвычайно характерно для эпохи натуральнаго хозяйства: но для прослѣживаемой нами связи еще характернѣе другое смѣшеніе. Когда Владиміръ Святой, отправившись воевать съ печенѣгами, получилъ приглашеніе печенѣжскаго князя рѣшить споръ поединкомъ двухъ бойцовъ, русскаго и печенѣжскаго, онъ „пришедъ въ товары, посла по товаромъ бирюча" спрашивая: нѣтъ ли такого мужа, который бы взялъ на себя драться съ печенѣгомъ. Нигдѣ, можетъ быть, политика, какъ оболочка экономики, не выступаетъ передъ нами съ такимъ наивнымъ простодушіемъ. Экономическое содержаніе понятія вывѣтрилось; отъ торговца, опоясаннаго мечомъ, виденъ уже только одинъ мечъ, но звуки остались старые и предательски разъясняютъ намъ, зачѣмъ этотъ мечъ понадобился, предательски напоминаютъ намъ о томъ времени, когда военный станъ русскаго князя былъ просто стоянкой разбойниковъ, хоронившихъ здѣсь награбленное ими добро, которымъ они готовились торговать въ чужихъ земляхъ.

Это совмѣщеніе торговаго склада съ казармой держалось очень упорно, долгое время послѣ того, какъ, если не первоначальное добываніе „товара", то, по крайней мѣрѣ, его дальнѣйшія передачи совершались уже въ мирныхъ, легальныхъ формахъ. Вотъ какими чертами описываетъ поселокъ нѣмецкихъ купцовъ въ Новгородѣ одинъ русскій историкъ. „Какъ мѣста, предназначенныя для того, чтобы служить безопаснымъ убѣжищемъ, оба двора, и Готскій и Нѣмецкій, были огорожены высокимъ тыномъ, поддержаніе котораго было однимъ изъ постояннѣйшихъ заботъ нѣмецкаго купечества. Крѣпкія ворота поддерживали общеніе этихъ иноземныхъ цитаделей съ остальнымъ населеніемъ чуждаго и нерѣдко враждебнаго имъ города.... Порядокъ, господствовавшій во дворѣ, поддерживался строго: приняты были всѣ мѣры, чтобы никто не нарушалъ законовъ, клонившихся къ этой цѣли. Особенное вниманіе было обращено на внѣшнюю безопасность двора. Денно и нощно охраняли дворъ сторожа, и кто изъ кнехтовъ пренебрегалъ своей обязанностью, тотъ платилъ 15 кунъ, или же подвергался отвѣтственности хозяинъ, если пренебреженіе послѣдовало по его винѣ. Кромѣ того, вечеромъ спускаемы были большія цѣпныя собаки, которыя грозили разорвать всякаго непрошеннаго пришельца. Церковь, какъ складочное мѣсто, была предметомъ особеннаго попеченія. Каж-

дую ночь спали въ ней два человѣка, которые отнюдь не могли быть ни братьями, ни компаньонами, ни слугами одного и того же хозяина, и тотъ, кто вводилъ ихъ вечеромъ въ церковь, долженъ былъ запирать за ними дверь и ключи вручать ольдерману. Церковная стража совершалась по очереди и распространялась одинаково на жилища, находившіяся какъ на дворѣ, такъ и внѣ послѣдняго. Тѣ, которые держали послѣднюю стражу, должны были во время трапезы напомнить о предстоящей обязанности тѣмъ, которые слѣдовали за ними непосредственно. Кромѣ собственно внутреннихъ церковныхъ стражей, у воротъ храма стоялъ еще, въ продолженіе цѣлой ночи, третій и смотрѣлъ, чтобы никто изъ туземцевъ не пробрался въ сосѣдство церкви: боязнь послѣднихъ была такъ велика, что запрещалось, подъ страхомъ наказанія, носить ключъ такъ открыто, чтобы его можно было видѣть" *).

Можно было подумать, что все это больше дѣло традиціи, пережитокъ, уже лишившійся смысла — или же, что такія мѣры предосторожности были нужны только въ варварской Россіи, и что просвѣщенный западъ стоялъ въ этомъ отношеніи много выше. Но возьмите три первыхъ, по времени, упоминанія новгородской лѣтописи о торговыхъ путешествіяхъ новгородцевъ на этотъ самый западъ. Самое раннее изъ нихъ повѣствуетъ о несчастіи стихійномъ: „и сами истопоша, и товаръ". Но во второмъ мы встрѣчаемся уже съ общественными отношеніями: „томь же лѣтѣ рубоша новгородець за моремъ въ Дони (Даніи)". А въ третьемъ эти отношенія принимаютъ еще болѣе осязательную форму: „приходи свейскій князь съ епископомъ въ 60 шнекахъ на гость, иже изъ за морья шли въ трехъ лодьяхъ; и бишася, не успѣша ничтоже (свейскій князь съ епископомъ) и отлучиша ихъ три лодьи, избиша ихъ до полутораста" **). Этотъ пиратствующій епископъ еще разъ напоминаетъ намъ объ участіи средневѣковой церкви въ средневѣковой торговлѣ, со всѣми ея особенностями. Но обыкновенно представители церкви брали себѣ менѣе активную роль—не добывателей, а хранителей товаровъ. Мы видимъ, что центромъ нѣмецкой торговой цидатели въ Новгородѣ была католическая церковь Св. Петра. Но и православныя церкви систематически выполняли ту же функцію. Мы уже знаемъ, что около одной изъ нихъ, Іоанна Предтечи, что

---

*) Никитскій. Исторія экономическаго быта Великаго Новгорода, стр. 113 и 127

**) Новгородская. 1-я гг. 1130, 1134, 1142.

на Опокахъ, группировалась главнѣйшая изъ новгородскихъ коммерческихъ компаній — торговцы воскомъ. Другія были просто товарными складами. Описывая огромный Новгородскій пожаръ 1340 года, лѣтописецъ жалуется на „злыхъ человѣковъ", которые не только что у своей братьи пограбили, а иныхъ надъ своимъ товаромъ побили, а товаръ себѣ взяли, „но и въ святыхъ церквахъ — гдѣ бы всякому христіанину, хоть свой домъ бросить, а церковь постеречь". Въ церкви 40 мучениковъ „товаръ весь, чей бы ни былъ, все разграбили; иконъ и книгъ не дали носить—какъ только сами (воры) выбѣжали изъ церкви, такъ все и занялось; и сторожей двухъ убили. А у святой Богородицы въ торгу попъ сгорѣлъ; говорятъ иные, что и его убили надъ товаромъ: церковь вся сгорѣла, и иконы и книги—а у него огонь даже волосъ не тронулъ; а товаръ весь разграбили". Для очень распространеннаго предразсудка насчетъ силы и вліянія религіознаго чувства въ средніе вѣка, эта реалистическая картинка лѣтописи весьма поучительна. Практичные нѣмцы были правы, когда, не полагаясь на „святость мѣста", держали около своей церкви-склада хорошихъ цѣпныхъ собакъ и вооруженнаго сторожа.

Если мы упустимъ изъ виду это сочетаніе войны, торговли и разбоя, мы ничего не поймемъ въ организаціи древне-русскаго города. Для насъ останется совершенной загадкой роль, напримѣръ, тысяцкаго—главнаго командира городскихъ „воевъ". Еще мы сможемъ понять, и не привлекая къ дѣлу экономическихъ отношеній, положеніе тысяцкаго, какъ перваго послѣ князя лица. Русская Правда, перечисляя сотрудниковъ Мономаха, въ его „спесахтіи" — въ изданіи знаменитаго устава о ростѣ, которымъ мы еще займемся ниже—на первомъ мѣстѣ послѣ самого Владиміра Всеволодовича ставитъ „Ратибора, тысяцкаго Кіевскаго, и Прокопія, тысяцкаго Бѣлогородскаго, Станислава, тысяцкаго Переяславскаго..." „Изяславъ", разсказываетъ Лаврентьевская лѣтопись, „послалъ впередъ себя въ Кіевъ, къ брату своему Владиміру и къ Лазарю тысяцкому двухъ мужей..." „Георгій Ростовскій и тысяцкій окова гробъ Өедосьевъ, игумена Печерьскаго..." (Ипат. подъ 1130 г.). Сможемъ понять и то, какимъ образомъ судъ тысяцкаго въ Новгородѣ по нѣкоторымъ дѣламъ вытѣснилъ судъ княжой. Но когда рѣчь заходитъ объ опредѣленіи этихъ дѣлъ, объ установленіи компетенціи тысяцкаго—тутъ никакія современныя аналогіи намъ не помогутъ. Наша мысль пріучена къ тому, что военный

генералъ—лицо важное. Но когда какой-нибудь современный генералъ-губернаторъ привлекаетъ къ своему трибуналу торговыя тяжбы коммерсантовъ, всѣмъ это кажется до нельзя страннымъ. А между тѣмъ главный генералъ Новгорода—„герцогъ“, какъ его величали нѣмецкіе купцы—именно этими самыми дѣлами и завѣдывалъ. Тысяцкій былъ предсѣдателемъ специально коммерческаго суда—и въ этой области онъ былъ такъ же самостоятеленъ, какъ владыка-архіепископъ въ области суда церковнаго. „И я князь великій Всеволодъ“, говоритъ учредительная грамота знакомаго уже намъ товарищества Ивана Предтечи на Опокахъ „поставилъ святому Ивану трехъ старостъ отъ житьихъ людей, и отъ черныхъ тысяцкаго, а отъ купцовъ два старосты—управливать имъ всякія дѣла Иванскія и торговыя, и гостинныя и судъ торговый; а Мирославу посаднику въ то не вступаться, ни инымъ посадникамъ, ни боярамъ новгородскимъ—въ Иванское ни во что не вступаться“. „А во владычень судъ и въ тысяцкаго, а въ то ся тебѣ не вступати...“, писали новгородцы въ послѣднемъ договорѣ, который былъ заключенъ еще вольнымъ городомъ,—объясняя свою „старину и пошлину“ польскому королю Казиміру IV. И только вспомнивъ препоясаннаго мечомъ рижскаго купца, явившагося въ витебскую область покупать дѣвицъ, мы поймемъ, почему главный начальникъ всѣхъ, кто носилъ мечъ, былъ и главнымъ судьею всѣхъ, кто торговалъ—на такомъ же точно основаніи, на какомъ верховнымъ судьею въ военномъ лагерѣ является главнокомандующій арміею. А если генералъ былъ главнымъ начальникомъ всѣхъ купцовъ, то естественно, что его полковники, „сотскіе“, были имъ лице-начальники, и что древне-русскіе купцы дѣлились на сотни точно такъ же, какъ теперешніе распадаются на гильдіи. „А купецъ пойдетъ въ свое сто, а смердъ потянетъ въ свой погугъ къ Новгороду, какъ пошло“, гласитъ тотъ же договоръ новгородцевъ съ Казиміромъ IV. Изъ одного позднѣйшаго, быть можетъ, но, во всякомъ случаѣ, достаточно древняго, прибавленія къ Русской Правдѣ мы узнаемъ, что эти „сотни“ назывались по именамъ своихъ командировъ—„Давыдово сто“, „Ратиборово сто“, „Кондратово сто“,—какъ русскіе полки при императорѣ Павлѣ Петровичѣ— и имѣли вполнѣ опредѣленное территоріальное значеніе, почему по нимъ и разверстывалась повинность мощенія новгородскихъ улицъ. Очевидно, что первоначально такой купеческій поселокъ представлялъ собою нѣчто въ родѣ нѣмецкаго двора, все населеніе котораго было связано единствомъ дисциплины

и командованія, а потомъ постепенно обратился въ одинъ изъ городскихъ кварталовъ.

Только въ связи со всѣми этими фактами становится намъ ясна и роль древне-русскаго вѣча. Давно уже прошли тѣ времена, когда вѣчевой строй считался специфической особенностью нѣкоторыхъ городскихъ общинъ, которыя такъ были и прозваны „вѣчевыми“ — Новгорода, Пскова и Вятки. Вѣчевыя общины стали представлять собой исключеніе изъ общаго правила лишь тогда, когда само это правило уже вымирало: это были послѣднія представительницы того уклада, который до XIII вѣка былъ обще-русскимъ. „Вѣча собираются во всѣхъ волостяхъ. Они составляютъ думу волости...... Таково свидѣтельство современника. Нѣтъ ни малѣйшаго основанія заподозрить его правдивость......“. „Отъ XII вѣка и ближайшихъ къ нему годовъ смежныхъ столѣтій мы имѣемъ болѣе 50 частныхъ свидѣтельствъ о вѣчевой жизни древнихъ городовъ со всѣхъ концовъ тогдашней Россіи“ *). Чтобы рельефнѣе выставить независимость этого учрежденія отъ мѣстныхъ, новгородскихъ, условій, цитируемый нами авторъ намѣренно оставляетъ въ сторонѣ всѣ данныя, касающіяся вѣча въ Новгородской волости. И это отнюдь не лишило набросанную имъ картину яркости красокъ, совсѣмъ напротивъ. „Можетъ показаться даже невѣроятнымъ, что извѣстія нашихъ памятниковъ о вѣчевой практикѣ Новгорода и Пскова скуднѣе, чѣмъ извѣстія о кіевской практикѣ. А, между, тѣмъ это такъ. Кіевскій лѣтописецъ оставилъ намъ довольно полную картину вѣча 1147 года, сѣверные же не дали ничего подобнаго“ **).

Событія 1146—47 годовъ очень подробно, мѣстами до наглядности описанныя лѣтописью, являются, дѣйствительно, однимъ изъ самыхъ цѣнныхъ образчиковъ вѣчевой практики, какіе мы только имѣемъ. Мы не будемъ пока касаться вопроса о происхожденіи вѣчевого строя, ни эволюціи послѣдняго, ибо было бы очень неосторожно думать, что вѣче на всемъ протяженіи своей исторіи всегда было однимъ и тѣмъ же, какъ можетъ, пожалуй, показаться читателю только что цитированнаго изслѣдованія. Древне-русскія „республики“ начали аристократіей происхожденія, а кончили аристократіей капитала. Но въ промежуткѣ онѣ прошли

*) Сергѣевичъ. „Вѣче и Князь“ (Русск. Юрид. древности, т. II, вып. I). Авторъ собралъ самый полный фактическій матеріалъ для характеристики вѣча, и въ этомъ отношеніи къ его работѣ нечего прибавить.

**) Ibid, стр. 6).

стадію, которую можно назвать демократической: въ Кіевѣ она падаетъ какъ разъ на первую половину XII вѣка. Въ этотъ періодъ хозяиномъ русскихъ городовъ является, дѣйствительно, народъ. Посмотримъ, что же онъ изъ себя представляетъ. Вотъ кіевское вѣче 1146 года. Народъ рѣшаетъ на немъ самый важный политическій вопросъ—кому быть княземъ въ Кіевѣ; передъ нами своего рода учредительное собраніе. Представитель кандидата на княжескій столъ—его родной братъ—ведетъ переговоры съ вѣчемъ, какъ равный съ равнымъ. Переговоры кончены—стороны столковались, остается заключительная церемонія обоюдной присяги: граждане должны присягнуть, что будутъ повиноваться вновь избранному князю, а представитель послѣдняго, а потомъ и онъ самъ присягаютъ, что будутъ честно исполнять условія, на которыхъ князь выбранъ. „Святославъ же (братъ вновь избраннаго князя Игоря Ольговича) сошелъ съ коня и на томъ цѣловалъ крестъ къ нимъ на вѣчѣ; а кіевляне всѣ, сойдя съ коней, начали говорить: „братъ твой князь и ты“. И на томъ цѣловали крестъ всѣ кіевляне и съ дѣтьми, что они не измѣнятъ Игорю и Святославу“. Остановимся сначала на послѣднемъ изъ подчеркнутыхъ нами выраженій. Что это значитъ? Маленькихъ дѣтей что ли приводили на вѣче и заставляли цѣловать крестъ? Нѣтъ, цѣловавшіе крестъ предварительно „сходили съ коней“—малолѣтнихъ между ними быть не могло. Это значитъ, что Игорю присягали не одни только главы семействъ, „дворохозяева“ по теперешнему, а дѣйствительно весь народъ—т.-е. всѣ взрослые мужчины, способные носить оружіе. Это послѣднее съ непререкаемой очевидностью вытекаетъ изъ двухъ первыхъ выраженій, подчеркнутыхъ нами. Вся сцена носила чисто военный характеръ. Обѣ договаривающіяся стороны сидѣли верхомъ на коняхъ и были, конечно, вооружены. Князя Игоря выбирали тѣ самые „вои“, предводитель которыхъ, тысяцкій, былъ въ то же время председателемъ коммерческаго суда: князя выбирало городское ополченіе. Политически именно оно и представляло собою городъ.

Возьмемъ теперь вѣче 1147 года. Всего годъ прошелъ, но въ Кіевѣ за это обильное событіями время успѣлъ произойти рядъ перемѣнъ. Игорь, которому только что цѣловали крестъ, больше не князь: онъ запертъ въ монастырь св. Өеодора, а на столѣ популярный среди кіевлянъ представитель „мономахова племени“, Изяславъ Мстиславичъ. Но и съ нимъ уже у стольнаго города успѣли начаться нелады,

и онъ ушелъ на войну противъ своего дяди Юрія безъ городского ополченія: съ Изяславомъ отправились только его дружина да охотники изъ числа горожанъ. Война пошла плохо—къ Юрію пристали Ольговичи, родня низвергнутаго Игоря. Изяславу нужно уладить свои дѣла съ Кіевомъ, и онъ посылаетъ къ вѣчу пословъ. Тѣ сначала заручаются поддержкой первыхъ лицъ въ городѣ—митрополита и тысяцкаго,—а потомъ ужъ обращаются къ народу. Когда кіевляне всѣ, „отъ мала и до велика“ (мы уже знаемъ теперь, что это значитъ), собрались „къ святой Софьѣ на дворъ“ и „стали вѣчемъ“, одинъ изъ пословъ держитъ къ нимъ такую рѣчь: „Цѣлуетъ васъ князь вашъ. Я вамъ объявлялъ, говоритъ онъ, что думаю съ братомъ своимъ Ростиславомъ и съ Владиміромъ и съ Изяславомъ Давыдовичами (это были родственники Игоря) пойти на дядю своего, Юрія, и васъ съ собою звалъ. А вы мнѣ сказали: не можемъ поднять руки на Юрья, на племя Владиміра (Мономаха), а на Ольговичей (т.-е. на родственниковъ Игоря) пойдемъ съ тобой хоть съ дѣтьми. Теперь же объявляю вамъ: Владиміръ и Изяславъ Давыдовичи и Святославъ Всеволодовичъ, которому я много добра сдѣлалъ, цѣловали мнѣ крестъ; а потомъ тайно отъ меня цѣловали крестъ Святославу Ольговичу (брату Игоря) и послали къ Юрью, а мнѣ измѣнили, хотѣли меня либо убить изъ-за Игоря, либо схватить, но меня Богъ сохранилъ и крестъ честной, на которомъ они мнѣ присягали. Такъ вотъ, братья кіевляне, теперь есть то, чего вы хотѣли, и наступило время исполнить ваше обѣщаніе: идите за мною на Черниговъ, противъ Ольговичей, отъ мала и до велика, у кого есть конь, на конѣ, а кто не имѣетъ коня, въ лодкѣ: они вѣдь не меня одного хотятъ убить, но и васъ искоренить“. И кіевляне сказали: „рады, что тебя, брата нашего, спасъ Богъ отъ великой измѣны, идемъ за тобой и съ дѣтьми, если хочешь“. Оставимъ на минуту это само по себѣ въ высшей степени характерное братанье князя съ вѣчемъ: рѣдко гдѣ они такъ отчетливо выступаютъ, какъ двѣ совершенно равноправныхъ силы. Но съ кѣмъ братался Изяславъ? Къ кому можно было держать такую рѣчь: „идите за мной, у кого есть конь, на конѣ, а то въ лодкѣ?“ Передъ нами опять вооруженный городъ: народное ополченіе съ правами верховнаго учредительнаго собранія.

Какое бы мы вѣче ни взяли, южно-русское или даже позднѣйшее, новгородское, мы встрѣтимъ въ общихъ чертахъ ту же картину. Рѣдко она бываетъ столь выразительна, какъ

то вѣче, которое смольняне устроили въ 1185 году въ разгарѣ самого похода противъ половцевъ, когда ихъ князь повелъ ихъ дальше, чѣмъ было условлено. Но еще и въ Новгородѣ въ 1359 году одинъ политическій споръ былъ рѣшенъ славенскимъ концомъ въ свою пользу только потому, что славляне догадались выйти на вѣче въ доспѣхахъ, тогда какъ ихъ болѣе многочисленные противники не приняли этой мѣры предосторожности—и были „побиты и полуплены“. Непрерывныя драки на вѣчахъ, которыя въ доброе старое время историки наивно объясняли „буйствомъ“ новгородской „черни“, легче всего станутъ намъ понятны, если мы представимъ себѣ вѣче, какъ своего рода солдатскій митингъ — собраніе людей, мало привычныхъ къ парламентской дисциплинѣ, но весьма привычныхъ къ оружію и не стѣснявшихся пользоваться этимъ вѣскимъ аргументомъ. Вспомнивъ эту особенность древне-русской демократіи, мы легче всего поймемъ такъ же и то, почему она въ спорѣ съ князьями всегда оказывалась болѣе сильной, до тѣхъ самыхъ поръ, пока не измѣнился военный строй древней Руси, и городскія ополченія не уступили мѣсто крестьянско-дворянской арміи великаго князя Московскаго. Вѣче было воплощеніемъ той матеріальной силы, на которую непосредственно опирался князь въ борьбѣ со своими соперниками. Княжеская дружина, считавшаяся обычно сотнями, рѣдко поднимавшаяся до тысячъ, была, въ военномъ отношеніи, чѣмъ-то среднимъ между отрядомъ тѣлохранителей и главнымъ штабомъ. Это была качественно лучшая, въ смыслѣ боевой подготовки, часть войска, но количественно она была настолько слаба, что въ Новгородѣ, напримѣръ, князья даже никогда не пытались опереться на нее противъ вооруженнаго вѣча. Безъ городскихъ „воевъ“ нельзя было предпринять ни одного серьезнаго похода—и отказъ ихъ въ повиновеніи князю былъ фактическимъ концомъ его власти. Онъ безъ всякой „революціи“ въ нашемъ смыслѣ переставалъ быть княземъ, т.-е. военачальникомъ. Ибо, если вѣче было самодержавной арміей, то весь смыслъ существованія князя заключается въ томъ, что онъ былъ главнокомандующимъ этой арміи, тоже самодержавнымъ, пока она его слушалась, и болѣе безсильнымъ, чѣмъ любой сельскій староста, какъ только наступало обратное.

Сравненіе князя кіевско-новгородской Руси съ сельскимъ старостой, „которому каждый въ міру послушенъ, но весь міръ ихъ выше и можетъ смѣнять и наказывать“, принадле-

жить не намъ, а К. Аксакову. При всѣхъ своихъ научныхъ недостаткахъ славянофильская схема русской исторіи, благодаря особенностямъ того угла зрѣнія, подъ которымъ она разсматривала древне-русскую дѣйствительность, имѣетъ за собой крупную заслугу; она, въ сущности, уже шестьдесятъ лѣтъ назадъ покончила съ той модернизаціей древне-русскихъ политическихъ учрежденій, которая изъ князя дѣлала государя въ новѣйшемъ смыслѣ этого слова. Однимъ изъ первоначальныхъ виновниковъ этой модернизаціи является, правда, человѣкъ весьма древній—самъ кіевскій лѣтописецъ, скомпилировавшій, не безъ публистическихъ цѣлей, „начальный сводъ" въ первой четверти XII столѣтія. Современникъ Владиміра Мономаха, выступившаго, дѣйствительно, съ широкой соціально-политической программой,—ея намъ еще придется коснуться дальше—ученикъ византійскихъ хронографистовъ, съ ихъ библейско-римскимъ представленіемъ о государственной власти, составитель нашей начальной лѣтописи готовъ былъ и перваго русскаго князя рисовать по образу и подобію ветхозавѣтныхъ царей и константинопольскихъ императоровъ. Но Римская Имперія—восточная, какъ и западная — хотя и возникла, по мнѣнію блаженнаго Августина, изъ разбойничьей шайки, въ историческое время была уже прочно сложившейся полицейской организаціей: и вотъ, цѣлью призванія Рюрика оказывается установленіе внутренняго „наряда". Хотя объ этой цѣли говорится якобы собственными словами собравшихся на вѣче славянъ IX вѣка, однако эта литературная форма не должна насъ обманывать. Ни одного факта внутренняго строительства ни для Рюрика, ни для его ближайшихъ преемниковъ лѣтописецъ привести не сумѣлъ: то немногое, что мы отъ него узнаемъ, сводится къ тому, что Рюрикъ „срубилъ городъ надъ Волховомъ" и продолжалъ то же въ другихъ мѣстахъ, вездѣ „срубая города" и ставя въ нихъ варяжскіе гарнизоны. Олега, Игоря, Святослава мы встрѣчаемъ опять-таки лишь въ роли руководителей военныхъ дѣйствій — руководителей иногда символическихъ, какъ мы видѣли въ I главѣ, что еще болѣе характерно—и лишь по поводу Ольги мы узнаемъ кое-что о внутренней работѣ княжеской власти, но эта внутренняя работа сводилась къ установленію „даней и оброковъ"; съ разбоями началъ бороться—будто бы—Владиміръ Святой, да и то неудачно для перваго раза. Съ Ярославомъ Владиміровичемъ преданіе связываетъ появленіе Русской Правды. Но въ лѣтопись это преданіе попало очень поздно—въ древнѣйшихъ спискахъ Новгородской первой лѣ-

тописи его нѣтъ; а по существу дѣла совершенно ясно, что этотъ сборникъ судебныхъ рѣшеній не могъ быть продуктомъ чьего бы то ни было законодательнаго творчества. Самое большее, что можно утверждать, это—принадлежность „мудрому" князю перваго по порядку изъ записанныхъ неизвѣстно кѣмъ и когда рѣшеній, но и то со всевозможными оговорками, ибо прослѣдить заголовокъ — „Судъ Ярославль Володимерича"—мы можемъ не дальше конца XIII вѣка. Къ тому времени со смерти Ярослава прошло два съ половиной столѣтія: сколько за это время могло возникнуть легендъ, легко себѣ представить. Лѣтопись же и о Ярославѣ сообщаетъ, главнымъ образомъ, то же, что о его предшественникахъ: „побѣди Брячислава", „вся Белзъ", „иде на Ятвягы", „иде на Литву". Причемъ любопытно, что, чѣмъ древнѣе списокъ лѣтописи, тѣмъ меньше мы въ немъ находимъ данныхъ о Ярославѣ, несмотря на то, что нѣкоторыя извѣстія,—напримѣръ, закладка святой Софіи,—повторяются дважды подъ разными годами *). Словомъ, чтобы найти князя-реформатора, такъ или иначе пытавшагося установить въ землѣ порядокъ, намъ нужно подняться до первой половины XII столѣтія, гдѣ въ лицѣ Владиміра Всеволодовича мы и найдемъ, по всей вѣроятности, оригиналъ портрета, въ различныхъ варіаціяхъ повторяемаго лѣтописью. Но дѣятельность Мономаха, какъ увидимъ дальше, отнюдь не была нормой даже для древней Руси вообще. Характерно, что и этотъ завершитель кіевской „демократической революціи" XI—XII вѣковъ самъ цѣнилъ въ себѣ больше всего храбраго и удачливаго генерала, совершившаго 83 большихъ похода, не считая мелкихъ. Объ нихъ онъ очень подробно распространяется въ своемъ знаменитомъ „поученіи", тогда какъ на его внутреннюю дѣятельность мы находимъ тамъ лишь самыя скудныя указанія. Для его современниковъ и потомковъ мы не найдемъ и такихъ: самое большее, если лѣтописецъ намъ скажетъ, насколько энергично тотъ или другой князь собиралъ свой судебный доходъ, „виры" и „продажи". Но большая настойчивость въ этомъ случаѣ сулила князю плохую репутацію — усиленное собираніе уголовныхъ штрафовъ населеніе склонно было разсматривать какъ своего рода злоупотребленіе властью и приравнивать его къ грабежу **). Внутренній порядокъ населеніе умѣло поддерживать само: когда въ Новгородской землѣ судъ вѣчевого города сложился въ свою окончательную форму, княжеская иниціа-

*) См., напр., новгородскую первую съ 1017—1041 гг.
**) См., напр., Ипатскую лѣтопись подъ 1093 годомъ.

гива изъ него была вовсе устранена. Но и Новгородъ не могъ обойтись безъ князя, ибо „тяжко“ было тогда городу, у котораго не осталось „никакого князя“, какъ это было съ Кіевомъ въ 1154 году. А почему тяжко бывало городу безъ князя, это вполнѣ отчетливо объяснилъ старый другъ и старый непріятель Новгорода, Всеволодъ Юрьевичъ „Великій“ (иначе извѣстный подъ именемъ „Большого Гнѣзда“). „Въ землѣ вашей ходитъ рать“, говорилъ онъ новгородцамъ въ 1205 году „а князь вашъ, сынъ мой Святославъ, малъ, такъ вотъ, даю вамъ старшаго своего сына, Константина“. И въ XIII вѣкѣ, какъ въ IX, князь былъ нуженъ, прежде всего другого, для ратнаго случая: оттого однимъ изъ самыхъ сильныхъ обвиненій противъ князя и было, если онъ „ѣхалъ съ полку переди всѣхъ“, какъ это случилось въ 1136 году со Всеволодомъ Мстиславичемъ. Съ особеннымъ реализмомъ обрисована эта „воинская повинность“ князя въ одной изъ довольно позднихъ новгородскихъ грамотъ (1307 или 1308 года)—договорѣ съ великимъ княземъ Михаиломъ Ярославичемъ. Въ тѣ времена Новгородъ держалъ уже не одного, а, случалось, и нѣсколькихъ князей, но все съ тою же цѣлью. На одного изъ нихъ, Ѳедора Михайловича, грамота и жалуется въ такихъ выраженіяхъ: „дали ему... городъ стольный Псковъ, и онъ хлѣбъ ѣлъ; а какъ пошла рать, и онъ отъѣхалъ, городъ бросилъ...“ За что же было и кормить хлѣбомъ князя, который на войнѣ никуда не годился?

Въ XIV вѣкѣ и въ Новгородѣ за свои недостатки князь отвѣчалъ передъ вѣчемъ. Было ли такъ всегда и вездѣ? Были ли уже Рюрикъ и его ближайшіе преемники „наемными сторожами“ Русской земли? Было ли наше вѣче въ знакомомъ намъ демократическомъ его составѣ непосредственнымъ отпрыскомъ „первобытной демократіи“, или же демократія тогда, какъ и теперь, была результатомъ долгой и упорной общественной борьбы? Лѣтописный разсказъ о призваніи князей ставитъ рѣшеніе вѣча исходнымъ пунктомъ всей русской исторіи: сходку Чуди, Славянъ и Кривичей, рѣшившую призвать Рюрика съ братьями, иначе, какъ вѣчемъ, назвать, конечно, нельзя. Но какъ въ характеристикѣ князя у начальнаго лѣтописца отразился Владиміръ Мономахъ, такъ и характеристика политической обстановки IX вѣка должна была отразить въ себѣ условія XII-го. Весь разсказъ, несомнѣнно, стилизованъ—и настолько, что разобрать его дѣйствительную историческую основу для насъ невозможно. Едва ли не приходится становиться на томъ, что первымъ

княземъ, имя котораго запомнило преданіе, былъ Рюрикъ, что онъ пришелъ съ сѣвера и „воевалъ всюду“. Все остальное можетъ быть домысломъ компилятора—или, съ такой же степенью вѣроятности странствующимъ сказаніемъ: извѣстно, что легенда о прибытіи англо-саксовъ въ Британію почти буква въ букву сходна съ нашимъ разсказомъ о призваніи князей изъ-за моря править Русью. Большую убѣдительность имѣютъ первые документы русской исторіи, какіе мы имѣемъ въ договорахъ первыхъ двухъ, дѣйствительно историческихъ, князей, Олега и Игоря, съ греческими императорами. Подлинность самыхъ документовъ, нѣкогда оспаривавшаяся, давно ужъ не подвергается никакому сомнѣнію. Очень характерно, что ни Олегъ, ни Игорь не выступаютъ въ нихъ какъ единоличные представители нѣкотораго государства, именуемаго Русью—или какъ-либо иначе. И тотъ и другой называются лишь „великими“, т.-е. старшими изъ очень многихъ русскихъ князей, „сущихъ подъ рукою“ великаго князя, но самостоятельныхъ, однако, настолько, что они имѣютъ свое, особенное, дипломатическое представительство: у нихъ есть особые „слы“—имена нѣкоторыхъ тутъ же и перечисляются. Договоръ объявляется выраженіемъ воли всѣхъ этихъ князей („похотѣньемъ нашихъ князь“). Но, очевидно, и этого было мало, чтобы придать ему въ глазахъ русскихъ законную силу: „и отъ всѣхъ, иже подъ рукою его (Олега) сущихъ Руси“, прибавляетъ договоръ Олега; „и отъ всѣхъ людей Русской земли“ заканчиваетъ перечень пословъ договоръ Игоря. Князья—только представители нѣкотораго цѣлаго, которое вовсе не думало отчуждать въ ихъ пользу всѣ свои права. Князь ведетъ текущія дѣла, но въ экстренныхъ случаяхъ выступаетъ вся „Русь“, т.-е. все торговое городское населеніе: такое именно значеніе слова „Русь“ съ совершенной ясностью устанавливается первымъ изъ судебныхъ рѣшеній, записанныхъ въ Русской Правдѣ, позднѣйшія редакціи которой нашли даже нужнымъ и прибавить, какъ бы въ скобкахъ, это значеніе къ термину „русинъ“, въ XIII вѣкѣ уже не всѣмъ понятному.

Договоровъ Олега и Игоря само по себѣ уже достаточно, чтобы устранить всякіе домыслы о якобы „великой державѣ“, основанной первымъ изъ этихъ князей—державѣ, лишь позже распавшейся на множество мелкихъ княжествъ. „Великое княженіе“ Олега было временнымъ соединеніемъ въ рукахъ одного лица власти надъ многими самостоятельными политическими единицами; позже такое же фактическое объ-

единеніе Руси имѣло мѣсто при Мономахѣ и его сынѣ Мстиславѣ. Но юридически ни Олегъ, ни Мономахъ никогда не упраздняли этой самостоятельности—имъ, по всей вѣроятности, это и въ голову не приходило, какъ не приходило въ голову тогдашнему боярину, объединивъ въ своей вотчинѣ сотни крестьянскихъ дворовъ, лишить хотя бы одинъ изъ нихъ его хозяйственной самостоятельности. Напротивъ, чѣмъ больше было отдѣльныхъ князей, „сущихъ подъ рукою" великаго, тѣмъ больше было значеніе и этого послѣдняго. А второстепенные князья, какъ и самъ великій, въ своемъ стольномъ городѣ имѣли авторитетъ лишь постольку, поскольку ихъ поддерживало мѣстное населеніе. „Федеративный" и „республиканскій" характеръ древне-русскаго государственнаго строя на самыхъ раннихъ—изъ извѣстныхъ намъ—ступеняхъ его развитія устанавливается такимъ путемъ вполнѣ опредѣленно. Ничего иного, при данной экономической обстановкѣ, мы не могли бы ожидать. Древне-русскіе города отнюдь не были рынками въ современномъ смыслѣ этого слова, экономически централизующими окрестную страну вокругъ себя. Такимъ рынкомъ не удалось стать вполнѣ даже и Новгороду: даже и этотъ прогрессивнѣйшій изъ древнерусскихъ торговыхъ центровъ могъ быть вынутъ изъ своей области безъ того, чтобы послѣдняя очень это почувствовала. А его предки, города „великаго воднаго пути" временъ Олега и Игоря, были просто стоянками купцовъ-разбойниковъ, гораздо тѣснѣе связанными съ тѣми заграничными рынками, куда эти купцы поставляли товаръ, нежели съ окрестной страной, по отношенію къ которой городское населеніе было типичнымъ паразитомъ. Никакой почвы для „единаго" государства—и вообще государства въ современномъ намъ смыслѣ слова—здѣсь не было. Военно-торговыя ассоціаціи, вначалѣ чисто импровизированныя, далѣе все болѣе и болѣе устойчивыя, періодически выдвигали изъ своей среды вождей, выступавшихъ передъ сосѣдними народами въ видѣ „князей" Руси. Намъ совершенно неизвѣстно, при какихъ условіяхъ званіе вождя въ цѣломъ рядѣ центровъ монополизировалось за членами одного рода—потомками Игоря: но сама по себѣ, при данномъ строѣ, наслѣдственность княжеской профессіи такъ же естественна, какъ и наслѣдственность купеческой, — а о купцѣ мы знаемъ изъ грамоты Ивана на Опокахъ, что онъ „шелъ отчиною". Этотъ фактъ наводитъ на другое заключеніе: если княжеская власть и занятіе торговлей были организованы на вотчинномъ, патріархальномъ началѣ, естественно

предположить, что то же начало лежало въ основѣ всего строя древне-русскаго города, что та Русь, о которой идетъ рѣчь въ договорахъ, была совокупностью не отдѣльныхъ лицъ, а семей—чего-нибудь въ родѣ „печищъ“ или „дворищъ“, составлявшихъ основную соціальную ячейку сельской Руси. Два факта, повидимому, совершенно оправдываютъ такое заключеніе: во-первыхъ, то названіе, какое носитъ въ древнѣйшихъ редакціяхъ Русской Правды командующій классъ тогдашняго общества—„огнищане“. Послѣдователи Шторха, все стремившіеся объяснить торговлей въ современномъ намъ смыслѣ слова, готовы были, путемъ этимологическихъ сближеній, сдѣлать изъ этой общественной группы „работорговцевъ“ или „рабовладѣльцевъ“—или что-то въ родѣ плантаторовъ, ведшихъ крупное сельское хозяйство при помощи холопскаго труда. Но родство слова съ хорошо знакомымъ намъ „печищемъ“ слишкомъ бьетъ въ глаза—и „тіунъ огнищный“ Русской Правды гораздо больше походитъ на позднѣйшаго дворецкаго, чѣмъ на villicus'а, начальника рабовъ въ римской латифундіи. Его баринъ всего скорѣе могъ бы быть приравненъ къ позднѣйшему боярину-вотчиннику: возможно, что въ деревнѣ онъ и былъ „соціальнымъ предкомъ“ послѣдняго. Но что дѣлать съ городскими огнищанами? А изъ устава о мощеніи новгородскихъ мостовыхъ мы знаемъ, что въ Новгородѣ ихъ была цѣлая улица. Древнѣйшія редакціи Правды—памятника, сложившагося въ чисто городской обстановкѣ, какъ давно уже совершенно справедливо отмѣчено—также едва ли бы стали много заниматься сельскими жителями, а они отводятъ огнищанамъ первое мѣсто въ ряду упоминаемыхъ ими общественныхъ группъ. Приходится допустить, что огнищане были и въ городѣ, т.-е., что этотъ послѣдній представлялъ совокупность „печищъ“ или „огнищъ“, ведшихъ коллективное хозяйство, только занимавшихся не земледѣліемъ и промыслами, а торговлей и разбоемъ [1]). Другой фактъ, наводящій на ту же мысль—о патріархальномъ строеніи древнѣйшей городской общины, — тѣ, не менѣе огнищанъ, таинственные, старцы градскіе, которыхъ мы находимъ въ думѣ Владиміра Святого рядомъ съ боярами. Видѣть въ нихъ выборную „городскую старшину“, какъ кажется

---

[1]) Г. Прѣсняковъ („Княжное право“, стр. 231), опираясь на аналогію съ германскими терминами, видитъ въ огнищанинѣ старшаго княжескаго дружинника, члена княжескаго „огнища“. Но онъ самъ же отмѣчаетъ, что въ Новгородѣ огнищане не составляли части княжескаго двора, а были „своего рода корпораціей“. Съ другой стороны, почему же только княжескій дворъ былъ „огнищемъ“? Вѣдь и дружины были не только у князей.

нѣкоторымъ изслѣдователямъ, не приходится: выборное начало въ древне-русскомъ городѣ не ослабѣвало, а усиливалось съ теченіемъ времени. Выборный институтъ могъ измѣнить названіе, но исчезать ему не было ни малѣйшаго основанія. Другое дѣло, если мы допустимъ, что „старцы градскіе“ были главами печищъ, составлявшихъ первоначально городъ: тогда ихъ постепенное исчезновеніе, какъ мы сейчасъ увидимъ, будетъ какъ нельзя болѣе естественно.

Патріархальный бытъ экономически былъ тѣсно связанъ съ натуральнымъ хозяйствомъ. „Печище“ могло держаться вѣками или медленно эволюціонировать въ вотчину, только сохраняя свой характеръ, какъ самодовлѣющаго экономическаго цѣлаго. Городъ не давалъ этого основного экономическаго условія. Нѣсколько „печищъ“, укрѣпившихся въ первое время на томъ или другомъ удачно выбранномъ пунктѣ и образовавшихъ городскую аристократію, очень скоро оказывались охваченными густой массой самыхъ разношерстныхъ элементовъ, которые старая патріархальная организація не могла ассимилировать и поглотить и которые она съ трудомъ удерживала до поры, до времени. О той пестрой толпѣ, какая скучивалась въ большихъ центрахъ Поволжья и Приднѣпровья, даетъ понятіе разсказъ одного арабскаго писателя о хозарской столицѣ Итиль. „Тамъ учреждено 7 судей: два для магометанъ, два для хозаръ, которые судятъ на основаніи закона Моисеева, два для живущихъ здѣсь христіанъ, которые судятъ на основаніи Евангелія (!), и одинъ для славянъ, руссовъ и другихъ язычниковъ, которые судятъ по законамъ языческимъ“. Такой же разнообразный составъ должно было представлять населеніе и Кіева. Нѣмцы, которыхъ приводилъ съ собою на помощь Святополку польскій король Болеславъ Толстый, разсказывали потомъ, вернувшись на родину, своему епископу (Титмару Мерзебургскому), что Кіевъ, будто бы, очень большой городъ: въ немъ до 400 однѣхъ церквей, а населенъ онъ „бѣглыми рабами и проворными датчанами“, какъ называли нѣмцы всѣхъ скандинавовъ вообще по единственному знакомому имъ образцу. Изъ Житія Ѳеодосія и Печерскаго Патерика мы узнаемъ и еще объ одномъ не туземномъ элементѣ въ составѣ кіевскаго населенія: тамъ было много евреевъ, споры съ которыми о вѣрѣ составляли одно изъ занятій Ѳеодосія, отмѣченныхъ его біографомъ. Читая такой драгоцѣнный бытовой памятникъ, какъ Печерскій Патерикъ, мы получаемъ чрезвычайно живое и наглядное представленіе объ этнографической пестротѣ тогдашняго

Кіева. Въ стѣнахъ Печерскаго монастыря передъ нами смѣняются: варяжскій князь Симонъ, пришедшій изъ-за Балтійскаго моря; княжескій врачъ — армянинъ родомъ, такъ неудачно конкурировавшій съ туземными печерскими врачами, которые монастырской капустой излѣчивали самыя мудреныя болѣзни, ставившія втупикъ армянскаго врача; греческіе художники, пришедшіе на поиски заработка и для начала добраго знакомства разсказывавшіе крайне лестныя для печерской обители чудеса, съ ними, художниками, случившіяся; венгерцы съ береговъ Дуная и половцы изъ сосѣднихъ южно-русскихъ степей,—словомъ, кого только не захватывалъ въ свои волны потокъ торговаго движенія изъ „Варягъ въ Греки". Въ этой смѣси одежды и лицъ, племенъ и нарѣчій преобладали, конечно, люди, что называется, безъ роду, безъ племени. Т.-е. родъ и племя у нихъ были, но они остались гдѣ-то далеко, на родной сторонѣ, которая давно стала чужбиной, и куда человѣкъ по большей части и не разсчитывалъ вернуться. Семейное право не ограждало и не стѣсняло его болѣе: у него былъ одинъ отецъ-господинъ—торговый интересъ, который привелъ его въ Кіевъ. Мѣсто семейной организаціи, печища, занимаетъ искусственная военная организація, „сотня", съ которой мы уже сталкивались ранѣе. А рядомъ со „старцами градскими" появляются десятскіе и сотскіе съ тысяцкимъ, и скоро изъ-за послѣднихъ первыхъ становится совсѣмъ не видно.

Этотъ процессъ разложенія старыхъ патріархальныхъ ячеекъ опредѣлилъ собою и эволюцію кіевскаго вѣча. Демократизація его состояла не въ томъ, чтобы увеличивалась власть народа и падала власть князя. Права послѣдняго юридически никогда не были ограничены: пока онъ пользовался довѣріемъ и поддержкой „гражанъ", онъ могъ, не стѣсняясь, дѣлать все, что ему угодно. Изъ того же Кіево-печерскаго Патерика мы узнаемъ, что князь могъ схватить любого человѣка, даже не изъ своего княженія, начать его пытать—и запытать до смерти, доискиваясь „сокровища", на которое этотъ князь имѣлъ такъ же мало правъ, какъ и пытаемый имъ человѣкъ. Военной республикѣ, какой былъ древне-русскій городъ, неприкосновенность личности была совершенно незнакома. Когда злоупотребленія князя переходили границу терпѣнія его подданныхъ, его просто низвергали, иногда убивали, и тѣмъ дѣло кончалось. Въ этомъ отношеніи Новгородъ XV вѣка фактически мало чѣмъ отличался отъ Кіева XI вѣка. Развивались не столько юридическія

понятія и политическія формы—кое-какія перемѣны, которыя можно здѣсь прослѣдить, мы разсмотримъ въ концѣ этой главы, — сколько соціальный составъ той массы, политическимъ воплощеніемъ которой являлось самодержавное народное собраніе. Около первоначальнаго ядра, нѣсколькихъ купеческихъ родовъ, основавшихъ городъ (въ Кіевѣ сохранилось и преданіе о такомъ основателѣ, который „бѣ ловяще звѣрь" и ходилъ въ Царьградъ — по его имени будто бы назвали и самый городъ), скоплялось множество мелкаго люда,—чернорабочихъ и ремесленниковъ, оставившихъ память о себѣ въ названіяхъ новгородскихъ „концовъ" Гончарскаго и Плотницкаго. Уже въ дни смутъ, слѣдовавшихъ за смертью Владиміра Святого, этотъ мелкій людъ игралъ извѣстную роль. Лѣтопись разсказываетъ, что Святополкъ „окаянный", вокняжившись въ Кіевѣ, „созвалъ людей и началъ давать однимъ одежду, другимъ деньги, и раздалъ множество". Купеческую аристократію такимъ путемъ подкупить было нельзя. Въ то время въ Новгородѣ ремесленное населеніе играло уже такую роль, что Ярославль, избивъ „нарочитыхъ мужей", напавшихъ на его варяжскую дружину, могъ собрать, тѣмъ не менѣе, сорокатысячное ополченіе, которое его противники въ насмѣшку называли „плотниками". Кіевъ въ это время былъ болѣе консервативнымъ городомъ и, какъ мы узнаемъ изъ чрезвычайно любопытнаго описанія событій 1068 года, масса населенія въ немъ не была вооружена и организована по-военному. Это былъ годъ перваго большого половецкаго нашествія на Русь, когда созданная Ярославомъ система обороны не выдержала испытанія. Вышедшіе навстрѣчу степнякамъ на рѣку Альту Ярославичи были разбиты на голову и съ остатками своихъ войскъ бѣжали— Изяславъ со Всеволодомъ въ Кіевъ, а Святославъ въ Черниговъ. Остатокъ кіевскаго ополченія, созвавъ вѣче на торговищѣ, обратился къ Изяславу съ такою рѣчью: „Половцы разсыпались по землѣ; дай, князь, оружіе и коней—мы еще будемъ биться съ ними". Изъ сжатаго изложенія лѣтописца (который, быть-можетъ, и самъ не вполнѣ отчетливо представлялъ себѣ картину — припомнимъ, что онъ вѣдь все время стоялъ на точкѣ зрѣнія XII вѣка) съ перваго взгляда какъ будто слѣдуетъ, что говорившіе требовали оружія и коней себѣ. Но какъ могли убѣжать отъ половцевъ тѣ, кто потерялъ лошадей въ битвѣ, и зачѣмъ нужно было обращаться въ княжескій арсеналъ купцамъ, которые сами всегда ходили вооруженными? Рѣчь, очевидно, шла о созданіи новой арміи

изъ тѣхъ элементовъ населенія, которые раньше въ походахъ не участвовали и вооружены не были. Изяславъ имѣлъ какія-то основанія имъ не довѣрять—и требованія не исполнилъ. За это онъ поплатился столомъ: кіевляне освободили изъ заключенія и провозгласили своимъ княземъ его соперника, Всеслава Полоцкаго, а Изяславъ съ дружиной долженъ былъ бѣжать въ Польшу. Къ сожалѣнію, лѣтопись намъ ничего не сообщаетъ о порядкахъ, установившихся въ Кіевѣ послѣ этой первой въ русской исторіи революціи. Видно только, что въ военномъ отношеніи новый режимъ не былъ силенъ—привыкшіе къ оружію слои населенія или стояли въ сторонѣ, или ушли вмѣстѣ съ Изяславомъ: когда послѣдній черезъ 7 мѣсяцевъ вернулся съ польской подмогой, онъ справился съ возставшими безъ битвы. Брошенные и своимъ новымъ княземъ, бѣжавшимъ къ себѣ въ Полоцкъ, кіевляне дошли до крайняго отчаянія и угрозой—сжечь свой городъ и поголовно выселиться—вызвали вмигъ вмѣшательство двухъ другихъ Ярославичей, Святослава и Всеволода. Этимъ они спасли городъ отъ разгрома, но, тѣмъ не менѣе, должны были испытать весьма свирѣпую репрессію: 70 человѣкъ были казнены, другіе ослѣплены или „погублены" какимъ-то инымъ путемъ,—вѣроятно, проданы въ рабство. Знаменательно, что лѣтописецъ не называетъ казненныхъ „нарочитыми мужами", какъ тѣхъ, кого избилъ Ярославъ въ 1015 году, а просто „чадью"—„людьми". Не менѣе знаменательна и полицейская мѣра, принятая Изяславомъ въ предупрежденіе подобныхъ событій на будущее время: онъ „изгналъ торгъ на гору". Гора—самая старая часть Кіева, гдѣ жила городская аристократія: тамъ былъ въ 1068 году дворъ тысяцкаго Коснячька, котораго во время возстанія искала толпа не съ добрыми намѣреніями. Переносъ торга въ аристократическую часть города долженъ былъ предупредить образованіе на торгу демократической сходки: вдали отъ своихъ домовъ, окруженное благонадежнымъ элементомъ, простонародье было менѣе опасно, и съ нимъ легче было справиться.

Но побѣда княжеской власти не могла удержать разложенія старой, патріархальной организаціи: да повидимому, и сама власть, возстановившая свои права при помощи чужеземной военной силы, больше надѣялась на эту послѣднюю, нежели на старую городовую аристократію. Изяславъ и послѣ при всѣхъ своихъ злоключеніяхъ (его въ 1073 году опять прогнали изъ Кіева, на этотъ разъ собственные братья, Святославъ и Всеволодъ) искалъ помощи въ Польшѣ—на

этотъ разъ безуспѣшно,—у западнаго императора и даже у папы, но не видно, чтобы дома у него было нѣчто въ родѣ своей партіи, и чтобы онъ пытался такую создать. Паденіе семейнаго права нашло себѣ яркое выраженіе, между прочимъ, въ судебномъ обычаѣ. Къ правленію Ярославичей—неизвѣстно, до или послѣ революціи 1068 года, но, во всякомъ случаѣ, до вторичнаго изгнанія Изяслава изъ Кіева — относится рядъ судебныхъ рѣшеній, покончившихъ съ кровной местью и, что еще выразительнѣе, установившихъ индивидуальную отвѣтственность за убійство, вмѣсто прежней семейной. „Если убьютъ огнищанина въ дракѣ", говоритъ первое изъ этихъ рѣшеній, „то платить за него 80 гривенъ убійцѣ, а людямъ не платить". Только за разбой по-прежнему отвѣчала вся **верв**ь, т.-е. весь родовой союзъ. Зато одно изъ рѣшеній устанавливаетъ случай, когда огнищанина можно было убить совсѣмъ безнаказанно, какъ собаку („во пса мѣсто"): это, если огнищанинъ былъ поймамъ на мѣстѣ кражи, „у клѣти, или у коня, или у говяды, или при покражѣ имъ коровы". Огнище въ этомъ случаѣ **не смѣло** мстить за своего сочлена: такъ низко пала матеріальная сила семейнаго союза. Остріемъ своимъ новый обычай былъ направленъ, несомнѣнно, противъ родовой аристократіи, а это заставляетъ думать, что, одержавъ **политическую** побѣду надъ общественными низами, княжеская власть пошла затѣмъ на соціальныя уступки этимъ самымъ низамъ, мирясь съ ними головами ихъ соціальныхъ вороговъ. Скудныя данныя лѣтописи и другихъ памятниковъ не даютъ намъ возможности сколько-нибудь полно возстановить картину соціально-экономическаго процесса, разлагавшаго старое общество. Время отъ времени только удается намъ видѣть то тотъ, то другой ея уголъ. Лѣтопись намъ разсказываетъ, что третій изъ Ярославичей, Всеволодъ, переживиій двухъ старшихъ братьевъ, въ старости „началъ любить смыслъ юныхъ и съ ними держалъ совѣтъ", что, конечно, не слѣдуетъ понимать такъ, будто онъ окружилъ себя легкомысленной молодежью. Лѣтописецъ сейчасъ же и поясняетъ, въ чемъ дѣло: „юные" оттѣснили отъ Всеволода „первую" его „дружину"—родовитыхъ совѣтниковъ, которые привыкли быть около князя. Сочувствующій послѣднимъ авторъ (въ данномъ случаѣ едва ли самъ „начальный лѣтописецъ", а скорѣе одинъ изъ его источниковъ: тотъ не сталъ бы разсказывать дурное о Всеволодѣ) объясняетъ недовольство народа послѣднимъ изъ Ярославичей именно какъ результатъ этой перемѣны. Но народу стало тяжело,

конечно, не оттого, что городовая аристократія потеряла власть: суть дѣла была въ экономическихъ условіяхъ, въ томъ засильѣ, какое сталъ забирать торговый, а вмѣстѣ съ нимъ, конечно, и ростовщическій капиталъ. Любопытный фактъ изъ этой области сообщаетъ намъ не лѣтопись, а Печерскій Патерикъ въ разсказѣ объ одномъ изъ чудесъ св. Прохора „лебедника“. Если очистить этотъ разсказъ отъ сказочныхъ подробностей о сладкомъ хлѣбѣ изъ лебеды и пеплѣ, благодатію свыше обращавшемся въ соль, передъ нами останется тотъ историческій фактъ, что печерскій монастырь снабжалъ бѣднѣйшіе слои кіевскаго населенія мукой (повидимому, не безъ посторонней примѣси) и солью, чѣмъ и пріобрѣлъ богатства, возбудившія зависть князя Святополка Изяславича, смѣнившаго Всеволода на кіевскомъ столѣ. Этимъ воспользовались конкуренты монастыря, торговцы солью (получавшейся тогда изъ нынѣшней Галиціи), повидимому, совершенно вытѣсненные монастыремъ съ рынка: они добились отъ князя запрещенія монастырской торговли. Авторъ-монахъ инсинуируетъ, что сдѣлали они это съ цѣлью установить монопольныя цѣны на соль, такъ какъ съ Галиціей тогда изъ-за войны сношенія были затруднены, и соль была дорога. Но и помимо этого протестъ мелкаго торговаго капитала противъ зарождавшагося крупнаго, въ лицѣ монастырей, былъ слишкомъ понятенъ. Святополкъ же, самъ весьма типичный представитель „первоначальнаго накопленія“, вступился за мелкихъ торговцевъ не безкорыстно, а съ вполнѣ опредѣленной цѣлью: заставить монастырь подѣлиться съ нимъ барышами, чего, повидимому, и достигъ: въ результатѣ всей исторіи князь „сталъ имѣть великую любовь къ обители Пресвятой Богородицы“, а обитель продолжала невозбранно „раздавать“ народу соль.

Что капиталъ работалъ не только въ городѣ, а и широко вокругъ него, объ этомъ мы можемъ судить по развитію среди сельскаго населенія закупничества, съ которымъ читатели уже знакомы *). Матеріалъ для новаго взрыва—уже болѣе соціальнаго, чѣмъ политическаго—накоплялся. Сигналъ къ нему дала смерть Святополка—друга ростовщиковъ, хлѣбныхъ и соляныхъ спекулянтовъ. Подробности второй кіевской революціи, 1113 года, такъ же неясны, какъ и первой. Поднявшіеся низы и на этотъ разъ обнаружили такъ же мало сознательности и организованности. Ихъ удалось натравить

*) См. гл. II: „Феодальныя отношенія въ древней Руси“.

сначала на иноземныхъ представителей капитала: „идоша на жиды и разграбиша я“. Но провокація даже съ перваго раза удалась не вполнѣ: рядомъ съ „жидами“ пострадалъ и дворъ Путяты тысяцкаго,—какъ и въ 1068 году, тысяцкій былъ въ глазахъ народа представителемъ городовой аристократіи. А проницательные люди изъ среды послѣдней предвидѣли, что если дать движенію разрастись, то дѣло не ограничится ни „жидами“, ни тысяцкимъ съ сотскимъ, а дойдетъ и до бояръ, и до монастырей, и до вдовы князя-ростовщика, какъ ни старалась она закупить кіевскую демократію щедрой раздачею милостыни изъ имѣнья умершаго. Но теперь польскаго войска подъ руками не было, а народная масса давно привыкла къ оружію: уже въ 1093 году кіевскій полкъ устроилъ вѣче на походѣ и заставилъ князей и своихъ аристократическихъ предводителей дать битву вопреки ихъ желанію. Приходилось итти на компромиссъ съ городской, а отчасти и деревенской бѣднотой. Что эта послѣдняя тоже начинаетъ играть политическую роль, чувствовалось уже довольно давно. Въ томъ же 1093 году о ней вспоминали руководители кіевскаго общества: отсовѣтывая Святополку походъ, они ссылались на то, что „земля оскудѣла отъ ратій и продажъ“. Какъ хорошо засѣли въ памяти современниковъ заботы правящихъ кружковъ о „смердахъ“, показываетъ тотъ любопытный фактъ, что извѣстныя, всѣми учебниками приводимыя, рѣчи Мономаха о смердьей пашнѣ и смердьей лошади *) компиляторъ начальнаго свода воспроизвелъ дважды—подъ 1103 и подъ 1111 годомъ: такъ ему понравился этотъ мотивъ. Теперь пришла пора заботиться о „смердахъ“ не только на словахъ. Нуженъ былъ посредникъ между заволновавшимися низами и испуганными верхами кіевскаго общества; такимъ могъ быть скорѣе всего именно Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ. Положеніе „приглашателя“ къ нему особенно шло. Общественные верхи издавна чувствовали къ нему довѣріе: въ 1093 году мы видѣли его солидарнымъ съ начальствомъ кіевскаго опол-

*) „Сѣли — Святополкъ со своею дружиной, а Владиміръ со своей, а въ одномъ шатрѣ. И стали думать, и начала говорить дружина Святополкова: „не время воевать весной, погубимъ смердовъ и пашню ихъ“. И сказалъ Владиміръ: „удивляетъ меня, дружина, какъ это вы лошади жалѣете, на которой пашутъ, а на это что не посмотрите: начнетъ смердъ пахать, пріѣдетъ половчинъ, ударитъ смерда стрѣлой, кобылу его возьметъ, въ село къ нему пріѣдетъ, возьметъ его жену и дѣтей и все его имѣнье. Такъ лошади то ты его жалѣешь, а самого что же не пожалѣешь?“ И не могла ему отвѣчать дружина Святополкова, и сказалъ Святополкъ: „такъ вотъ, братъ, я ужъ готовъ!“ Ипат. подъ 1103. Тотъ же разсказъ съ незначительными варіантами подъ 1111: очевидно, мы имѣемъ передъ собой одинъ изъ „анекдотовъ“ о популярномъ князѣ, разсказывавшихся по разнымъ поводамъ.

ченія, настаивавшимъ на осторожной тактикѣ, въ противность мнѣнію массы кіевскихъ „воевъ", требовавшихъ рѣшительныхъ дѣйствій. Въ то же время онъ умѣлъ затропуть и демократическую струнку кіевлянъ, выдвигая ихъ, какъ посредниковъ въ спорахъ между самими князьями. И, когда на предложеніе его и Святополка—рѣшить распрю „передъ горожаны", Олегъ Святославовичъ отвѣтилъ грубостью, обозвавъ кіевлянъ „смердами", это было, конечно, очень на руку Мономаховой дипломатіи. Немалую службу служили ему и его добрыя отношенія съ церковью, значеніе которой, какъ экономической силы, мы уже видѣли на примѣрѣ Печерскаго монастыря. Иниціатива приглашенія Мономаха шла, какъ совершенно ясно видно изъ разсказа лѣтописи, сверху. Но переяславскій князь пошелъ не сразу. Лѣтописецъ придаетъ и этому замедленію и происходившимъ переговорамъ морально-религіозную окраску: не пошелъ сразу въ Кіевъ Мономахъ будто бы потому, что жалѣлъ Святополка, а согласился, въ концѣ-концовъ подъ вліяніемъ указанія, что, если онъ еще промедлитъ, то кіевляне разграбятъ монастыри. Пикантное сосѣдство монастырей съ еврейскими ростовщиками, конечно, весьма характерно: историческая истина тутъ зло подшутила надъ благочестивыми разсужденіями лѣтописца. Но Мономахъ достаточно зналъ, вѣроятно, практику монастырской жизни, чтобы понимать опасное положеніе монастырей въ подобную минуту и безъ спеціальныхъ указаній кого бы то ни было. И результатъ переговоровъ—знаменитое „законодательство Мономаха"—заставляетъ думать, что рѣчь между нимъ и представителями правящихъ круговъ кіевскаго общества шла не о монастыряхъ.

„Уставъ" Владиміра Всеволодовича дошелъ до насъ въ очень поздней, сравнительно, редакціи: древнѣйшая рукопись Русской Правды, гдѣ мы этотъ „уставъ находимъ, относится къ концу XIII вѣка, т.-е., по крайней мѣрѣ, на 150 лѣтъ моложе событій 1113 года. Въ этой древнѣйшей рукописи „уставъ" очень коротокъ: онъ заключаетъ въ себѣ всего нѣсколько строкъ. Въ рукописяхъ болѣе поздняго времени онъ разрастается до размѣровъ цѣлаго маленькаго памятника,—своего рода дополнительной Русской Правды;—его иногда и называютъ „Правдой Мономаха". Нетрудно, однако, замѣтить, что, напримѣръ, изъ статей „О закупѣ" лишь первая заключаетъ въ себѣ нѣчто принципіальное: она предоставляетъ закупу право иска противъ своего барина. „Если закупъ бѣжитъ къ судьямъ жаловаться на обиду отъ своего

барина, то онъ за то не обращается въ рабство (какъ за всякій другой побѣгъ), и дѣло его должно быть разсмотрѣно". Все значеніе этого нововведенія мы поймемъ, если вспомнимъ, что еще въ XVI вѣкѣ баринъ кредиторъ былъ единственнымъ судьей для своего должника: „а кто человѣка держитъ въ деньгахъ" говоритъ жалованная грамота великаго князя Василія Ивановича смольнямамъ, „и онъ того человѣка судитъ самъ, а окольничьи мои въ то не вступаются". Дальнѣйшія статьи, касающіяся закуповъ, разбираютъ различные конкретные случаи тяжбъ между крестьяниномъ и его бариномъ. Но, судя, по тому способу, какимъ создавалось въ древней Руси право — путемъ обобщенія отдѣльныхъ рѣшеній, отъ случая къ случаю,—крайне мало вѣроятно, чтобы всѣ эти конкретные примѣры на передъ были предусмотрѣны законодателемъ, Мономахомъ, и собравшейся вокругъ него на Берестовѣ, подъ Кіевомъ, его „дружиной" тысяцкими важнѣйшихъ городовъ Поднѣпровья. Вѣрнѣе всего, они явились приложеніемъ основного принципа къ отдѣльнымъ казусамъ, — т.-е. дальнѣйшимъ развитіемъ Мономахова законодательства. Позднѣйшій редакторъ - систематизаторъ юридически вполнѣ правильно свелъ всѣ статьи о закупахъ въ одну главу, которую мы теперь и читаемъ въ позднѣйшихъ спискахъ Русской Правды. Къ исторической истинѣ, однако, ближе всего, по всей вѣроятности, древнѣйшій списокъ, синодальный, съ его короткими, но на рѣдкость содержательными постановленіями.

Пора однако привести „Уставъ" полностью. „По смерти Святополка, Владиміръ Всеволодовичъ созвалъ на Берестовѣ свою дружину — тысяцкихъ Ратибора Кіевскаго, Прокопья Бѣлгородскаго, Станислава Переяславскаго, Нажира, Мирослава, Иванка Чудиновича да боярина Олегова (князя черниговскаго Олега Святославича)—, и на съѣздѣ постановили: кто занялъ деньги съ условіемъ платить ростъ на два третій (т.-е. 50% годовыхъ), съ того брать такой ростъ только два года, а послѣ того искать лишь капитала, а кто бралъ такой ростъ три года, тому не искать и самаго капитала. Кто беретъ по 10 кунъ роста съ гривны въ годъ (т.-е. 40%), такой ростъ допускать и при долгосрочномъ займѣ". Затѣмъ въ большинствѣ списковъ идутъ два постановленія, регулирующія конкретные случаи задолженности, интересныя потому, что они объясняютъ намъ, кто былъ объектомъ ростовщической эксплуатаціи: оба трактуютъ о купцѣ, торгующемъ на чужой капиталъ. Особенно любопытно первое изъ нихъ. Въ

древне-русскомъ, какъ и вообще въ архаическомъ правѣ должникъ отвѣчалъ за исправную уплату долга не только своимъ имѣньемъ, но и своею личностью. При натуральномъ хозяйствѣ, какъ мы видѣли, человѣкъ являлся мѣновой цѣнностью по преимуществу и, стало быть, самымъ надежнымъ обезпеченіемъ, какое только можно представить. Какъ теперь замотавшійся должникъ беретъ „подъ душу", ставя на вексель фальшивую подпись, такъ тогда безъ всякой фальши занимали подъ обезпеченіе своимъ собственнымъ тѣломъ. Переходъ къ болѣе современнымъ формамъ кредита и начинался всюду, обыкновенно, съ упраздненія этого варварскаго способа уплаты. Въ древней Руси этотъ переходъ намѣченъ Мономаховымъ законодательствомъ—или постановленіями, которыя служили ему непосредственнымъ развитіемъ. Продажа въ рабство за долгъ не была отмѣнена, но она осталась, такъ сказать, на правахъ уголовнаго взысканія. Въ рабство теперь продавали не всякаго неисправнаго должника, а лишь такого, который пропьетъ или проиграетъ, или по грубой небрежности потеряетъ товаръ, взятый въ кредитъ. „Несчастный" банкротъ, пострадавшій отъ пожара или кораблекрушенія, своимъ лицомъ за долгъ не отвѣчаетъ, „потому что это несчастье отъ Бога, а онъ не виноватъ въ немъ". Какъ видитъ читатель, мы не даромъ сравнивали „Уставъ" Мономаха съ „сисахтіей" Солона, „стряхнувшей" долговую кабалу съ плечъ аѳинскаго должника VI вѣка до Р. X. Не идя такъ далеко, онъ развивалъ право въ томъ же направленіи, притомъ развивалъ революціоннымъ путемъ, кассируя сдѣлки, которыя еще вчера были вполнѣ легальными. Этимъ былъ юридически закрѣпленъ успѣхъ Кіевской народной массы, которая недаромъ съ тѣхъ поръ является полной хозяйкой на политической сценѣ: уже видѣнныя нами вѣча 1146—1147 годовъ даютъ намъ такую полную картину „народоправства", что болѣе полной мы не найдемъ и въ источникахъ новгородской исторіи.

Но въ Аѳинахъ VI вѣка долговая кабала пала не только юридически полнѣе съ плечъ должника—солоновская реформа была шире и географически, если такъ можно выразиться. Не только нельзя было человѣка продать въ рабство за долгъ, но и съ з е м л и были сняты „долговые столбы". Въ Кіевской Руси XII столѣтія положеніе сельскаго должника было лишь нѣсколько облегчено, но онъ все же остался кабальнымъ. Намъ совершенно не ясно, по лѣтописи, участіе сельскаго населенія въ событіяхъ 1113 года. Что о смердахъ

и закупахъ вспоминали, служитъ доказательствомъ, что они не стояли вовсе внѣ политической жизни. Но былъ ли смердъ такимъ же полноправнымъ членомъ городской демократіи, какъ и купецъ? Это очень сомнительно, и сомнительно не только потому, что фактическое участіе крестьянства въ городскомъ вѣчѣ было, конечно, сильно затруднено: каждый день въ городъ на сходку не находишься. Такое элементарное объясненіе не можетъ насъ, однако, удовлетворить, хотя бы по тому одному, что вѣдь аналогичныя условія были и въ древней Греціи и въ средневѣковой Италіи, но нигдѣ мы не найдемъ такой рѣзкой раздѣльной черты между горожаниномъ и крестьяниномъ, между „городскимъ правомъ“ и „правомъ деревенскимъ“, какъ въ древней Руси.

Общее названіе для массы сельскаго населенія въ древне-русскихъ памятникахъ „смерды“. Тексты даютъ намъ довольно отчетливые признаки ихъ юридическаго положенія— и нужна была обширная литература, чтобы создать „вопросъ“ о смердахъ *). Лѣтопись, прежде всего, совершенно опредѣленно разсматриваетъ смердовъ, какъ особую группу населенія, стоящую ниже хотя бы и самаго низкаго разряда горожанъ. Одержавъ побѣду надъ Святополкомъ Окаяннымъ, Ярославъ Владиміровичъ щедро наградилъ свое сорокатысячное ополченіе, о которомъ мы упоминали выше: онъ далъ „старостамъ по 10 гривенъ, а смердамъ по гривнѣ, а новгородцамъ по 10 всѣмъ“. Намъ не важно, сколько именно кому давалъ Ярославъ—дѣло было въ 1016 году, а запись, по всей вѣроятности, сдѣлана гораздо позже: важно, что лѣтописецъ расцѣнилъ каждаго горожанина ровно въ десять разъ дороже, чѣмъ сельскаго жителя, хотя въ ополченіи Ярослава функціи ихъ были совершенно одинаковы. При такихъ условіяхъ очевидно, что деревенское происхожденіе въ глазахъ древне-русскаго человѣка служило отнюдь не къ почету: когда другой лѣтописецъ, уже не сѣверный, новгородскій, а южный, галицкій, захотѣлъ уколоть двухъ бояръ своего князя, онъ назвалъ ихъ „беззаконниками отъ племени смердья“. Нѣтъ ничего мудренаго, что въ устахъ самихъ князей „смердъ“ было прямо ругательствомъ—притомъ особенно обиднымъ именно для горожанъ, повидимому, какъ можно заключить изъ приведенныхъ нами выше переговоровъ Олега

*) Интересующихся этой литературой мы можемъ отослать къ новѣйшимъ работамъ проф. Дьяконова „Очерки обществ. и государствен. строя древней Руси“. изд. 2-е, стр. 90 и сл., и Сергѣевича „Древности русскаго права“ т. I, изд. 3-е, стр. 208 и сл.

Святославича съ Мономахомъ. А когда послѣдній захотѣлъ пожалѣть бѣднаго смерда, то онъ не нашелъ для него болѣе ласкательнаго эпитета, чѣмъ „худый“. Но это все терминологія, такъ сказать, бытовая: разсказъ лѣтописи о Витическомъ съѣздѣ (1100 года) дастъ намъ уже нѣкоторый образчикъ словоупотребленія официальнаго. Съѣхавшіеся на Увѣтичахъ князья обращаются къ Володарю и Васильку съ такимъ, между прочимъ, требованіемъ: „а холоповъ нашихъ и смердовъ выдайте“. Итакъ, смердъ уже и въ дипломатическихъ переговорахъ оказывается чѣмъ-то въ родѣ княжескаго холопа. О спеціальной зависимости смердовъ отъ князя говоритъ не одно это мѣсто, а цѣлый рядъ лѣтописныхъ текстовъ—отчасти воспроизводящихъ опять-таки официальные документы. Когда воевода Святослава Ярославича, Янъ Вышатичъ, нашелъ на Бѣлоозерѣ двухъ „кудесниковъ“, онъ прежде, чѣмъ начать съ ними расправляться, навелъ справку: „чьи они смерды?“ и, узнавъ, что его князя, Святослава, потребовалъ у населенія ихъ выдачи. О кіевлянинѣ или новгородцѣ, свободномъ человѣкѣ, нельзя было спросить, чей онъ: а о смердѣ спрашивали. Кіевлянами или новгородцами князь не могъ распорядиться по своему усмотрѣнію, а смердами могъ. Въ 1229 году пришелъ въ Новгородъ князь Михаилъ Всеволодовичъ изъ Чернигова „и цѣловалъ крестъ на всей волѣ новгородской“: таково было его отношеніе къ горожанамъ. А смердамъ онъ самъ „далъ свободу на пять лѣтъ даней не платити“: тамъ была вся воля вѣча, здѣсь вся воля княжая. И если она была чѣмъ-нибудь стѣснена, то отнюдь не волею смердовъ, а тѣмъ же вѣчемъ, которое въ Новгородѣ, по крайней мѣрѣ, считало себя верховнымъ властителемъ и сельскаго населенія. Когда въ 1136 году новгородцы изгоняли князя своего Всеволода, въ списки его прегрѣшеній они поставили и такое: „не блюдетъ смердъ“. Наконецъ, Русская Правда назначаетъ особое наказаніе (штрафъ въ 3 гривны) „если кто мучитъ смерда безъ княжа слова“; дальше идетъ рѣчь о „мученіи“ (очевидно, пыткѣ) огнищанина—но тутъ уже рѣчи о княжьемъ словѣ нѣтъ. Другими словами, смерда князь имѣлъ право предать пыткѣ, когда захочетъ.

Эта болѣе тѣсная зависимость смердовъ отъ княжеской власти давно обратила на себя вниманіе изслѣдователей—и смердъ рисовался имъ—то какъ княжескій крѣпостной, то какъ „государственный крестьянинъ“ и т. д. Подобная модернизація соціальныхъ отношеній была логическимъ послѣд-

ствіемъ модернизаціи княжеской власти: представляя себѣ древне-русскаго князя, какъ государя, трудно было иначе формулировать отношеніе къ нему смердовъ. Съ другой стороны, смердъ „Русской Правды" является передъ нами со всѣми чертами юридически-свободнаго человѣка—понятіе же „государственнаго крестьянина", очевидно, слишкомъ плохо вяжется со всей обстановкой XII вѣка: тамъ, гдѣ не было государства, трудно найти „государственное имущество", живое или мертвое. Отсюда—довольно естественная реакція и попытки доказать, что отношенія смерда къ князю были отношеніями „подданнаго", не болѣе. Буквально, эта характеристика совершенно правильна: смердъ былъ именно „подданнымъ", но въ томъ, древнѣйшимъ значеніи этого слова, которое мы видѣли въ главѣ І-й, — въ смыслѣ человѣка **подъ данью**, который обязанъ платить дань. Смердъ это „данникъ"—вотъ его коренной признакъ: когда Югра желала подольститься къ новгородцамъ, обманывая ихъ, она имъ говорила: „а не губите своихъ **смердовъ** и своей **дани**"—погубите смердовъ, и дани не съ кого будетъ взять. Эта коренная черта смерда сразу вскрываетъ передъ нами и происхожденіе класса и его загадочныя отношенія къ княжеской власти. Мы знаемъ, что дань въ древней Руси исторически развилась изъ урегулированнаго грабежа, если такъ можно выразиться: сначала отнимали, сколько хотѣли и могли, потомъ замѣнили грабежъ правильнымъ ежегоднымъ поборомъ,—это и была дань. Въ болѣе позднее время дань платилась городу: о Печерѣ лѣтопись уже подъ 1096 годомъ говоритъ, что это „люди, которые дань даютъ Новгороду". Но, изъ разсказа той же лѣтописи объ Игорѣ, мы знаемъ, что раньше дань собиралъ всякій глава вооруженной шайки, по мѣрѣ физической къ тому возможности; причемъ, въ это болѣе раннее время и сами города платили дань такимъ атаманамъ,—напримѣръ, тотъ же Новгородъ, повидимому, до смерти Владиміра Св. (а быть можетъ и долѣе) платилъ 300 гривенъ кіевскому конунгу „мира дѣля". Одно очень древнее мѣсто одного изъ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводовъ (Никоновскаго) ставитъ самое установленіе дани въ связь съ постройкой городовъ: „Этотъ же Олегъ", говорится тамъ, „началъ города ставить и дани уставилъ по всей русской землѣ". Передъ нами очень жизненная картина устройства укрѣпленныхъ пунктовъ, откуда пришлые люди періодически обираютъ мѣстное населеніе, и куда они скрываются обратно со своей добычей. Время отъ времени въ этихъ крѣпостцахъ

появляется и самъ князь „со всею Русью", подводя итогъ пріобрѣтенному за годъ „товару". Прошли два-три столѣтія. Городъ изъ стоянки купцовъ-разбойниковъ успѣлъ превратиться въ крупный населенный центръ, съ четырьмястами церквей и восемью рынками, какъ Кіевъ. Онъ самъ ужъ больше не платитъ князю дани,—но деревенская Русь платитъ по-прежнему. „Ходить въ дань" по-прежнему является спеціально княжеской профессіей, какъ предводительствовать ополченіемъ. Захвативъ чужую волость, князь первымъ дѣломъ посылалъ по ней своихъ „данниковъ", которые иной разъ не стѣснялись и тѣмъ, что населеніе уже уплатило дань прежнему князю. Одно мѣсто лѣтописи даетъ даже поводъ думать, что дань не только собиралъ, но и распоряжался ею князь, притомъ даже и въ Новгородѣ. Именно Ипатская лѣтопись подъ 1149 годомъ такъ передаетъ условія перемирія между Юріемъ Владиміровичемъ и Изяславомъ Мстиславичемъ: „Изяславъ уступилъ Юрію Кіевъ, а Юрій возвратилъ Изяславу всѣ дани новгородскія". Но мы знаемъ уже, что „брать дань" значило „властвовать": первоначально политическая зависимость ни въ чемъ въ другомъ и не выражалась, кромѣ дани. А съ другой стороны, въ древней Руси, до конца московскаго періода включительно, кто бралъ подати съ людей, тотъ ими и вообще „управлялъ". Положеніе смерда, какъ данника, и дѣлало его спеціально княжескимъ человѣкомъ.

Наемный сторожъ въ городѣ, князь былъ хозяиномъ-вотчинникомъ въ деревнѣ. Эту политическую антиномію и приходилось разрѣшать Кіевской Руси. Вопросъ, какое изъ двухъ правъ, городское или деревенское, возьметъ верхъ въ дальнѣйшемъ развитіи, былъ роковымъ для всей судьбы древне-русскихъ „республикъ". Въ конечномъ счетѣ, какъ извѣстно, перевѣсъ остался за деревней. Связь этого исхода съ экономическими условіями давно намѣчена литературой. Проф. Ключевскій въ своемъ „Курсѣ" устанавливаетъ два факта, тѣсно между собою связанныхъ: паденіе вѣса денежной единицы, г р и в н ы, объясняемое, по его мнѣнію, „постепеннымъ уменьшеніемъ прилива серебра на Русь вслѣдствіе упадка внѣшней торговли", и стѣсненіе внѣшнихъ торговыхъ оборотовъ Руси „торжествующими кочевниками". Но и автора „Курса", очевидно, нѣсколько смущалъ вопросъ: почему же эти кочевники, надъ которыми торжествовали князья X—XI столѣтія, сами стали торжествовать въ XII? Упадокъ внѣшняго могущества приходилось въ свою очередь объяснять

внутренними причинами, и нашъ авторъ называетъ двѣ: „юридическое и экономическое приниженіе низшихъ классовъ“, съ одной стороны, „княжескія усобицы“, съ другой. Но положеніе низшихъ классовъ не ухудшилось, а улучшилось въ XII вѣкѣ сравнительно съ XI, какъ мы видѣли; а борьба Владиміра и Ярополка Святославичей въ 977—980 гг. или Ярослава Владиміровича съ братьями (Святополкомъ, Мстиславомъ и Брячиславомъ Полоцкимъ) въ 1016 — 1026 нисколько не менѣе, конечно, заслуживаетъ названія „княжескихъ усобицъ“, нежели распря Изяслава Мстиславича съ Ольговичами или Юріемъ Долгорукимъ въ половинѣ XII вѣка. Отдавая должное методу проф. Ключевскаго, приходится вѣрно подмѣченному имъ факту экономическаго оскудѣнія Кіевской Руси искать иного объясненія. Оно вернетъ насъ къ исходной точкѣ настоящаго очерка — „разбойничьей торговлѣ“, на которой зиждилось благополучіе русскаго города VIII—X вѣковъ. Внѣ-экономическое присвоеніе имѣло свои границы. Хищническая эксплуатація страны, жившей въ общемъ и цѣломъ натуральнымъ хозяйствомъ, могла продолжаться только до тѣхъ поръ, пока эксплуататоръ могъ находить свѣжія нетронутыя области захвата. „Усобицы“ князей вовсе не были случайнымъ послѣдствіемъ ихъ драчливости: на „полонѣ“ держалась вся торговля. Но откуда было взять эту главную статью обмѣна, когда половина страны сомкнулась около крупныхъ городскихъ центровъ, не дававшихъ своей земли въ обиду, а другая половина была уже „изъѣхана“ такъ, что въ ней не оставалось „ни челядина, ни скотины“? Послѣднимъ „дикимъ“ племенемъ, которое не удалось втянуть въ оборотъ хищнической эксплуатаціи ни Владиміру, ни Ярославу, были Вятичи: но Мономахъ покончилъ и съ ними. Какъ древній спартанскій царь искалъ въ свое время „нераздѣленныхъ земель“, такъ русскіе князья XII вѣка искали земель, еще неограбленныхъ, — но искали тщетно. Мономахъ слалъ своихъ дѣтей и воеводъ и на Дунай къ Доростолу, и на волжскихъ болгаръ, и на ляховъ, „съ погаными“, и на Чудь, откуда они „возвратишася со многимъ полономъ“. Но организаціонныя средства древне-русскаго князя были слишкомъ слабы, чтобы поддерживать эксплуатацію на такой огромной территоріи: а съ другой стороны, и волжскіе болгары, и ляхи сами были ужъ достаточно организованы, чтобы дать отпоръ и при случаѣ отплатить тою же монетой. Судьба Кіевской Руси представляетъ извѣстную аналогію съ судьбою императорскаго Рима. И тамъ, и тутъ

жили на готовое, — а, когда готовое было съѣдено, исторія заставила искать своихъ собственныхъ рессурсовъ, пришлось довольствоваться очень элементарными формами экономической,—а съ нею и всякой иной культуры. Причемъ, какъ и въ римской имперіи, „упадокъ" былъ больше кажущійся: ибо тѣ способы производства и обмѣна, къ какимъ переходитъ съ одной стороны суздальская, съ другой—новгородская Русь XIII вѣка, сравнительно съ предыдущимъ періодомъ, были несомнѣннымъ экономическимъ прогрессомъ.

Никто не нарисовалъ болѣе яркой картины запустѣнія Кіевской Руси, чѣмъ тотъ же проф. Ключевскій *). Приводимые имъ факты относятся, большею частью, ко второй половинѣ XII столѣтія,—отчасти къ началу XIII. Но одно изъ отмѣченныхъ авторомъ явленій—упадокъ у князей интереса къ кіевскимъ волостямъ — можно прослѣдить и нѣсколько глубже, до первой половины XII вѣка. Уже въ 1142 году между Ольговичами, старшій изъ которыхъ, Всеволодъ, сидѣлъ тогда въ Кіевѣ, происходилъ очень любопытный споръ изъ-за волостей, при чемъ младшіе братья выражали большую готовность промѣнять данныя имъ старшимъ кіевскія волости (правда, плохія) на тѣхъ самыхъ вятичей, съ которыми лишь за четверть столѣтія до этого окончательно справился Владиміръ Мономахъ. Этотъ интересъ къ вятичамъ, въ свою очередь, весьма любопытенъ— если мы припомнимъ, что это былъ наиболѣе глухой и наименѣе затронутый разбойничьей эксплуатаціей уголъ русской земли. Младшіе братья Всеволода желали получить себѣ вятичей, конечно, не для того, чтобы ихъ грабить—это всего удобнѣе было сдѣлать изъ другой, сосѣдней, волости. Очевидно, что прежняя точка зрѣнія на князя, какъ на завоевателя по преимуществу, руководителя охоты за „полономъ"—и, разумѣется, защитника своей земли отъ чужихъ охотниковъ того же сорта, что эта точка зрѣнія уступаетъ мѣсто какой-то другой. Перемѣна во взглядахъ княжеской власти на свои права и обязанности опять-таки давно отмѣчена литературой: объ отличіи на этотъ счетъ сѣверно-восточныхъ князей XII—XIII вѣковъ отъ ихъ южныхъ отцовъ и дѣдовъ писалъ еще Соловьевъ. Такъ какъ князья ему представлялись единственной движущей силой древней Руси, по крайней мѣрѣ, въ политической области, то для него дѣло сводилось главнымъ образомъ къ измѣненію отношеній между самими князьями. Прежнія братскія отношенія между послѣд-

*) См. „Курсъ", стр. 344 и сл.

ними замѣняются отношеніями подданства; Андреемъ Боголюбскимъ было произнесено „роковое слово подручникъ, въ противоположность князю“. Слова лѣтописи о самовластіи Боголюбскаго понимались тоже именно въ этомъ смыслѣ. Но едва ли поведеніе суздальскаго „самовластца“ относительно его кіевскихъ кузеновъ много отличалось къ худшему отъ образа дѣйствія Мстислава Владиміровича Мономаховича, напримѣръ, подвергнувшаго своихъ полоцкихъ родственниковъ прямо административной ссылкѣ. Князья любили говорить о братствѣ, но ихъ фактическія отношенія держались вовсе не на этихъ сентиментальностяхъ: и сильный „братъ“ всегда дѣлалъ со слабыми все, что хотѣлъ, не стѣсняясь, до убійства и ослѣпленія включительно. Послѣдователи Соловьева совершенно правильно занялись другой стороной „самовластія“ князя Андрея Юрьевича. „Кн. Андрей былъ суровый и своенравный хозяинъ, который во всемъ поступалъ по-своему, а не по старинѣ и обычаю“, говоритъ проф. Ключевскій... „желая властвовать безъ раздѣла, Андрей погналъ вслѣдъ за своими братьями и племянниками и „переднихъ мужей“ отца своего, т.-е. большихъ отцовыхъ бояръ“. Цитируемый нами авторъ думаетъ, что „политическія понятія и правительственныя привычки Боголюбскаго“ въ значительной мѣрѣ были воспитаны общественной средой, въ которой онъ выросъ и дѣйствовалъ. „Этой средой былъ пригородъ Владиміръ, гдѣ Андрей провелъ большую половину своей жизни“. Ниже мы увидимъ, что политическіе нравы Владиміра, несмотря на то, что это былъ новый городъ — а, можетъ-быть, благодаря именно этому,—ничѣмъ не отличались отъ такихъ же нравовъ Кіева или даже Новгорода, такъ что изъ этой среды Андрей Юрьевичъ никакихъ новыхъ правительственныхъ привычекъ вынести не могъ бы. Но если намъ опять приходится отказаться отъ объясненія, какое даетъ факту проф. Ключевскій, то самый фактъ опять угаданъ вѣрно: оригинальность „новыхъ“ князей—въ ихъ „внутренней политикѣ“, въ ихъ методахъ управленія своей землей, а не въ ихъ отношеніяхъ къ князьямъ чужихъ, сосѣднихъ земель, — не въ ихъ политикѣ „внѣшней“.

Убійство князя Андрея, — фактическія подробности его всѣмъ хорошо знакомы изъ элементарныхъ учебниковъ, поэтому нѣтъ надобности воспроизводить ихъ здѣсь, — изображается, обыкновенно, какъ дѣло дворцоваго заговора. Его ближайшіе поводы рисуются въ освѣщеніи, очень напоминающемъ конецъ императора Павла Петровича; Андрей своими

жестокостями возстановилъ противъ себя свою собственную челядь, свой дворъ; казнь одного изъ приближенныхъ, Кучковича, явилась каплей, переполнившей чашу — товарищи и родственники казненнаго отомстили за его смерть. Таково традиціонное изображеніе дѣла въ исторической литературѣ. Такое именно пониманіе событія, несомнѣнно, желалъ внушить своимъ читателямъ и лѣтописецъ, большой поклонникъ Боголюбскаго, щедраго церковнаго строителя и неумолимаго защитника православія отъ всяческихъ ересей. Но литературное искусство лѣтописца—или, вѣрнѣе, автора „сказанія", внесеннаго въ лѣтопись,—стояло слишкомъ низко, чтобы онъ могъ дать полную и свободную отъ противорѣчій картину событія со своей точки зрѣнія. Волей-неволей, разсказывая факты въ ихъ хронологической послѣдовательности, онъ сообщаетъ рядъ подробностей, съ этой картиной совершенно несовмѣстимыхъ. Прежде всего мы узнаемъ, что заговоръ далеко выходилъ за предѣлы княжескаго двора — убійцы Андрея имѣли сторонниковъ и сообщниковъ и среди „дружины Владимірской". Эта послѣдняя отнюдь не была личной дружиной князя Андрея — она и после не разъ выступаетъ въ лѣтописи, какъ нѣчто, связанное съ городомъ, а не съ тѣмъ или инымъ княземъ. Судя по размѣрамъ — полторы тысячи человѣкъ — и по военному значенію, приписываемому этой дружинѣ лѣтописью, — безъ нея городъ изображается, какъ беззащитный, — „дружиной" лѣтопись называетъ владимірское городовое ополченіе, владимірскую „тысячу". Недаромъ лѣтописецъ называетъ эту силу то „владимірцами", то „дружиной владимірской", не различая этихъ понятій. Такъ вотъ, къ этимъ владимірцамъ и обращаются заговорщики тотчасъ послѣ убійства, стараясь увѣрить горожанъ, что они, заговорщики, отстаиваютъ и ихъ интересы, не только свои. Лѣтописецъ влагаетъ въ уста владимірцевъ очень лояльный отвѣтъ: „вы намъ ненадобны". Но вслѣдъ за этимъ онъ вынужденъ сообщить рядъ фактовъ, которые съ этой лояльностью вяжутся какъ нельзя хуже. „Горожане же Боголюбова (гдѣ былъ убитъ князь) разграбили домъ княжескій... золото и серебро, одежды и драгоцѣнныя ткани — имѣніе, которому числа не было; и много зла сотворилось по волости: домы посадниковъ и тіуновъ разграбили, а ихъ самихъ съ ихъ дѣтскими и мечниками перебили, и дома этихъ послѣднихъ разграбили, не вѣдая, что написано: гдѣ законъ, тамъ и обидъ много. Приходили грабить даже и крестьяне изъ деревень. Тоже было и во Владимірѣ: до тѣхъ поръ

не переставали грабить", пока по городу не стало ходить духовенство „со святою Богородицею". Все это вмѣстѣ взятое наводить автора на благочестиво-монархическое размышленіе, одно изъ первыхъ этого рода въ русской литературѣ. „Пишетъ апостолъ Павелъ: всякая душа властямъ повинуется, ибо власти поставлены отъ Бога; земнымъ естествомъ царь подобенъ всякому другому человѣку, властью же, принадлежащей его сану, выше, какъ Богъ. Сказалъ великій Златоустъ: кто противится власти, противится закону Божьему,—князь потому носитъ мечъ, что онъ Божій слуга".

Какъ видимъ, событіе 28 іюня 1175 года очень мало похоже на то, что происходило въ Петербургѣ 11 марта 1801 г. Тамъ былъ офицерскій заговоръ, находившій себѣ, правда, поддержку въ общественномъ мнѣніи всего дворянства, но безразличный для массы населенія и въ самомъ Петербургѣ и во всей Россіи. Тутъ мы имѣемъ дѣло съ настоящей народной революціей, полнымъ подобіемъ событій 1068 и 1113 годовъ въ Кіевѣ. Лѣтописецъ недаромъ счелъ нужнымъ напомнить о непротивленіи княжеской власти непосредственно послѣ разсказа о городскомъ бунтѣ—онъ хорошо понималъ, противъ кого былъ направленъ бунтъ. Убійство верховнаго главы княжеской администраціи было лишь сигналомъ къ низверженію этой администраціи вообще—и есть всѣ основанія думать, что челядинцы князя Андрея были правы, когда апеллировали къ сочувствію владимірцевъ. Не отрицаетъ лѣтописецъ и фактическихъ основаній для народнаго движенія. „Обидъ" было много, и злоупотребляли княжескимъ мечомъ достаточно, но не во внѣшнихъ войнахъ, какъ бывало въ старину, а во внутреннемъ управленіи. Самовластіе Андрея выражалось такимъ образомъ, не только въ томъ, что онъ изгналъ „переднихъ бояръ"—что простому народу могло быть даже пріятно. Отъ этого самовластія тяжело доставалось всей народной массѣ. Управленіе Боголюбскаго было одной изъ первыхъ систематическихъ попытокъ эксплуатировать эту массу по-новому: не путемъ лихихъ наѣздовъ со стороны, а путемъ медленнаго, но вѣрнаго истощенія земли „вирами и продажами". По результатамъ, новый способъ нисколько не уступалъ старому: владимірцы, познакомившіеся съ нимъ по двукратному опыту, сначала при Андреѣ, потомъ при его племянникахъ, Ростиславичахъ, мѣтко опредѣлили образъ дѣйствія этихъ послѣднихъ, сказавъ, что они обращаются со своимъ княжествомъ, „точно съ чужой землей". Владимірцы никакъ не хотѣли признать этого новаго порядка. Два года

спустя послѣ низверженія Андрея, во Владимірѣ вспыхнула новая революція, Ростиславичи въ свою очередь были свергнуты — и горожане добились отъ своего новаго князя формальной казни своихъ вороговъ: племянники Боголюбскаго были ослѣплены (по нѣкоторымъ даннымъ фиктивно, только чтобы успокоить волновавшійся народъ), а ихъ союзникъ и покровитель, рязанскій князь Глѣбъ, уморенъ въ тюрьмѣ. Но истребленіе представителей новаго порядка не могло устранить причинъ, его создавшихъ. Опустошивъ все вокругъ себя своей хищнической политикой, древне-русскій городъ падалъ и никто не могъ задержать этого паденія. Уже до смерти Андрея Юрьевича, во время знаменитой кіевской осады 1169 года, первый городъ русской земли защищали Торки и Берендѣи, отряды нанятыхъ княземъ Мстиславомъ степныхъ наѣздниковъ. Когда они измѣнили, городъ больше держаться не могъ, и кіевлянъ постигла участь, какой они всегда такъ боялись: они сами стали „полономъ". Тысячи плѣнниковъ и, въ особенности, плѣнницъ потянулись изъ города-завоевателя на невольничьи рынки, — куда онъ самъ столько доставилъ живого товара въ прежніе вѣка. Но съ разгромомъ Кіева опустошенный югъ потерялъ всякій интересъ и значеніе: номинальный побѣдитель Кіева, князь Андрей Юрьевичъ, — подъ его стягомъ шла рать, разграбившая „мать городовъ русскихъ", — на югъ не поѣхалъ: ему гораздо привлекательнѣе казалась новая система княжескаго хозяйничанья, укрѣплявшаяся на сѣверѣ. Своеобразныя формы военно-торговой республики еще три столѣтія продержались на сѣверо-западѣ: Новгородъ въ своихъ огромныхъ колоніяхъ нашелъ неисчерпаемый источникъ „товара", а въ тѣсной связи съ Западной Европой новыя организаціонныя средства *). Въ остальной Россіи неизбѣжно долженъ былъ продолжаться медленный процессъ перегниванія старой хищническо-городской культуры въ деревенскую. Ничего иного, кромѣ распаденія города, здѣсь не требовалось: ибо, какъ мы хорошо помнимъ, городъ ничего не внесъ новаго въ деревню. Тамъ всѣ способы производства оставались старые: только продукты, прежде захватывавшіеся безцеремонной рукой, куда она только могла достать, нерѣдко вмѣстѣ съ производителями, теперь оставались дома. Новгородъ со Псковомъ и здѣсь представляли исключеніе. Въ нихъ достаточно былъ развитъ мѣстный обмѣнъ — и городъ являлся уже не только въ роли хищника

*) Очерку новгородской исторіи посвящена особая глава.

(хотя эта роль и тутъ оставалась господствующей). Въ остальной Россіи городъ жилъ самостоятельной жизнью, мало заботясь объ окружавшей его сельской Руси. Русская Правда, подробно разрабатывая вопросы о „товарѣ“, о деньгахъ, о ростѣ, чрезвычайно мало говоритъ о землѣ—такъ мало, что нѣкоторые изслѣдователи находили возможнымъ утверждать, будто Правда вовсе „не содержитъ въ себѣ постановленій о приобрѣтеніи или отчужденіи земли“. Въ дѣйствительности, Правда о землѣ говоритъ 4 раза, тогда какъ о ростѣ (процентахъ) въ ней содержится 23 постановленія (въ наиболее полныхъ спискахъ), о холопахъ—27. Насколько рабовладѣлецъ чаще выступалъ на древне-русскомъ судѣ сравнительно съ землевладѣльцемъ! Экономически чуждый деревнѣ, городъ былъ, какъ мы видѣли, и юридически отрѣзанъ отъ нея непереходимой стѣной. Въ городѣ были свободные люди и державное вѣче, въ деревнѣ—безправные данники, которыхъ князья „сгоняли“ на войну, какъ пушечное мясо, можно бы сказать, если бы тогда были пушки. Этотъ терминъ „сгонять“ чрезвычайно выразителенъ, и отнюдь не случаенъ: въ новгородской республикѣ онъ дожилъ до послѣднихъ лѣтъ ея существованія. Еще подъ 1430 годомъ новгородскій лѣтописецъ записалъ: того же лѣта „пригонъ бысть крестьяномъ къ Новгороду городъ ставити“. Только, когда нужны были даровыя рабочія руки въ большомъ числѣ, древне-русская демократія вспоминала о своихъ „смердахъ“. Зато и смерды мало о ней заботились и не шевельнулись, когда московскій феодализмъ надвинулся, чтобы задавить ея остатки.

Новгородъ благодаря особымъ условіямъ своего существованія палъ ранѣе, нежели его экономическая роль была сыграна до конца. Южные города, а также и сѣверо-восточные, поскольку они не были просто разросшимися княжескими усадьбами, были ближе къ своей естественной смерти, когда пробилъ ихъ послѣдній часъ. Но какъ ни одно живое существо почти никогда не умираетъ вполне своею смертью, такъ и естественная кончина древне-русскаго торговаго города была ускорена рядомъ причинъ, содѣйствовавшихъ превращенію городской Руси въ деревенскую. Одну изъ этихъ причинъ, ближайшую, давно указала литература: ею былъ итогъ борьбы со степью, закончившейся грандіознымъ татарскимъ погромомъ XIII вѣка. Съ IX по XI вѣкъ Русь наступала на степняковъ: сравнивая, по картѣ, южныя оборонительныя линіи Руси при Владимірѣ и Ярославѣ, вы отчетливо видите поступательное движеніе къ югу. Побѣда

Ярослава надъ печенѣгами (въ 1034 году) была кульминаціоннымъ пунктомъ этихъ успѣховъ: въ 1068 году Ярославичи были разбиты новой степной ордой, половцами. Съ тѣхъ поръ эти послѣдніе не исчезаютъ изъ поля зрѣнія лѣтописи почти ни на одинъ годъ. Еще въ половинѣ XIII вѣка о нихъ напоминаетъ галицко-волынскій лѣтописный сводъ. Опустошенія, производившіяся ихъ набѣгами, были, конечно, велики; но нужно имѣть въ виду, что по существу дѣло здѣсь ничѣмъ не отличалось отъ княжескихъ усобицъ. И половцы, какъ князья, ходили въ чужую землю за полономъ. Если прибавить, что и въ самихъ усобицахъ половцы принимали очень живое участіе, охотно нанимаясь на службу къ князьямъ, что эти послѣдніе нисколько не стѣснялись жениться на половчанкахъ, такъ что въ концѣ-концовъ и не разобрать было, чья кровь течетъ въ жилахъ какого-нибудь Изяславца,—то представлять себѣ половцевъ въ видѣ нѣкоей чуждой и темной „азіатской“ силы, тяжелой тучей висѣвшей надъ представительницей „европейской цивилизаціи“, Кіевской Русью, у насъ не будетъ ни малѣйшаго основанія. Но поскольку половецкіе набѣги количественно увеличивали опустошеніе, они тѣмъ самымъ ускоряли роковой конецъ. Нанесли послѣдній ударъ, однакоже, не они. Степняки не умѣли брать городовъ—и, даже напавъ врасплохъ на Кіевъ (въ 1096 году), они не смогли въ него ворваться и должны были ограничиться опустошеніемъ окрестностей. Если въ ихъ руки и попадали изрѣдка укрѣпленные центры, то только мелкіе—въ родѣ Прилукъ, Посѣчена и т. под. Только въ 1203 году имъ удалось похозяйничать въ самомъ Кіевѣ, но туда привели половцевъ русскіе князья, Рюрикъ Ростиславичъ и Ольговичи. Инымъ противникомъ были татары. Степные наѣздники, такъ же легко и свободно передвигавшіеся, какъ и половцы, они усвоили себѣ всю военную технику ихъ времени. Еще въ своихъ китайскихъ войнахъ они выучились брать города, окруженные каменными стѣнами. По словамъ Плано-Карпини, каждый татаринъ обязанъ былъ имѣть при себѣ шанцевый инструментъ и веревки для того, чтобы тащить осадныя машины. Приступая къ какому-нибудь русскому городу, они прежде всего „остолпляли“ его—окружали тыномъ; затѣмъ начинали бить таранами („пороками“) въ ворота или наиболѣе слабую часть стѣны, стараясь въ тоже время зажечь строенія внутри стѣнъ: для этой послѣдней цѣли они употребляли, между прочимъ, греческій огонь, который они, кажется, даже нѣсколько усовершенствовали.

Прибѣгали къ подкопамъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже отводили рѣки. Словомъ, въ отношеніи военнаго искусства, по справедливому замѣчанію одного французскаго писателя, татары въ XIII вѣкѣ были тѣмъ же, чѣмъ пруссаки въ серединѣ XIX. Самые крѣпкіе русскіе города попадали въ ихъ руки послѣ нѣсколькихъ недѣль, иногда только нѣсколькихъ дней осады. Но взятіе города татарами означало его столь полный и совершенный разгромъ, какого никогда не устраивали русскіе князья или даже половцы, и потому именно, опять-таки, что татарская стратегія ставила себѣ гораздо болѣе далекія цѣли, чѣмъ простое добываніе полона. Ордѣ для ея политики—„міровой", въ своемъ родѣ, нужны были обширныя денежныя средства, и она извлекала ихъ изъ покоренныхъ народовъ въ видѣ д а н и. Съ военной точки зрѣнія, для того, чтобы обезпечить исправное поступленіе этой послѣдней, нужно было прежде всего отнять у населенія всякую возможность начать борьбу сызнова. Разрушить крупные населенные центры, частью разогнать, частью истребить или увести въ полонъ ихъ населеніе—все это какъ нельзя больше отвѣчало этой ближайшей цѣли. Вотъ отчего татары были такими великими врагами городовъ, и вотъ почему лѣтописцу-горожанину Батыево нашествіе казалось вѣнцомъ всѣхъ ужасовъ, какіе только можно вообразить. Вотъ отчего также они стремились уничтожить всѣ высшіе правящіе элементы населенія, включая сюда духовенство: „лучшіе, благородные люди никогда не дождутся отъ нихъ пощады", говоритъ Плано-Карпини; а наши лѣтописи въ числѣ убитыхъ и плѣненныхъ татарами настойчиво называютъ „чернцовъ и черноризицъ", „іереевъ и попадей". Разрушеніе городовъ и уничтоженіе высшихъ классовъ одинаково ослабляли военно-политическую организацію побѣжденныхъ и гарантировали на будущее время ихъ покорность. Татарскій разгромъ однимъ ударомъ закончилъ тотъ процессъ, который обозначился задолго до татаръ и возникъ въ силу чисто-мѣстныхъ экономическихъ условій: процессъ разложенія городской Руси X—XII вѣковъ.

Но вліяніе татарскаго завоеванія не ограничилось этимъ отрицательнымъ результатомъ. Татарщина шла не только по линіи разложенія старой Руси, а и по линіи сложенія Руси новой—удѣльно-московской. Уже нѣсколькими строками выше читатели должны были замѣтить, что тенденція орды—эксплуатировать покоренное населеніе, какъ д а н н и к о в ъ, вполнѣ соотвѣтствовала новымъ теченіямъ, ка-

кія мы наблюдали въ княжеской политикѣ XII—XIII вѣковъ. Но татары и тутъ, какъ въ дѣлѣ самаго завоеванія, пахали глубже. Во-первыхъ, они, не довольствуясь прежними способами сбора—отчасти по аппетиту берущаго, отчасти по силѣ сопротивленія дающаго, — организовали правильную систему раскладки, которая на много вѣковъ пережила самихъ татаръ. Первыя переписи тяглаго населенія непосредственно связаны съ покореніемъ Руси ордой; первыя упоминанія о „сошномъ письмѣ“, о распредѣленіи налоговъ непосредственно по тягламъ („соха“ — 2 или 3 работника), связаны съ татарской данью XIII вѣка: раньше, по всей вѣроятности, огуломъ платила вся „вервь“ — для уголовныхъ штрафовъ это мы знаемъ навѣрное, но нѣтъ основанія думать, что „дань“ платилась иначе. Московскому правительству впослѣдствіи ничего не оставалось, какъ развивать далѣе татарскую систему, что оно и сдѣлало. Но татары внесли въ древне-русскіе финансы не только техническія усовершенствованія: они, поскольку это доступно дѣйствующей извнѣ силѣ, внесли глубокія измѣненія и въ соціальныя отношенія, опять-таки въ томъ направленіи, въ какомъ эти послѣднія начали уже развиваться раньше, подъ вліяніемъ туземныхъ условій. Въ классическую пору Кіевской Руси „подъ данью“ было только сельское населеніе: городское не платило постоянныхъ прямыхъ налоговъ, — потому-то княжеская эксплуатація въ городѣ и выражалась въ формѣ злоупотребленія „вирами“ и „продажами“, судебнами штрафами. Завоевателямъ Россіи не зачѣмъ было прибѣгать къ такимъ обходнымъ путямъ, и въ татарское „число“ попали всѣ горожане и сельчане безразлично. Въ районѣ непосредственнаго завоеванія это удалось провести безъ большихъ усилій: городское населеніе было здѣсь такъ ослаблено, что оно и думать не могло о сопротивленіи. Иная картина получилась, когда „число“ подошло къ крупнымъ центрамъ, матеріально еще не затронутымъ, а подчинившимся ордѣ только изъ страха передъ нашествіемъ. Новгородская лѣтопись чрезвычайно живо изображаетъ намъ податную реформу въ Новгородѣ: не легко давалось свободнымъ новгородцамъ превращеніе въ подневольныхъ „данниковъ“. Первый разъ татарскіе данщики появились здѣсь въ 1257 году. Какимъ путемъ, лѣтописецъ не передаетъ, вѣроятно, и самъ не зналъ, — но городу удалось откупиться отъ „числа“, пославъ хорошіе подарки „царю“ (иначе тогда не называли хана) и, можетъ-быть, давъ хорошую взятку самимъ посламъ. Но ханская админи-

страція неуклонно слѣдовала своей системѣ: Новгородъ во что бы то ни стало долженъ былъ быть взять въ „число" вмѣстѣ со всею остальною Русью; два года спустя татарскіе чиновники появились снова, и взятки на нихъ уже не дѣйствовали. „Было знаменіе на лунѣ, такъ что ея совсѣмъ не стало видно", разсказываетъ лѣтописецъ. „Въ ту же зиму пріѣхалъ Михаилъ Пинещиничъ съ Низу (изъ Суздальской земли) со лживымъ посольствомъ и говорилъ такъ: „если вы не вложитесь въ число, такъ вотъ ужъ полки на Низовской землѣ". И вложились новгородцы въ число... Но это былъ только юридическій моментъ: напуганное „лживымъ посольствомъ" вѣче уступило на словахъ. Все старое всколыхнулось, когда слова стали претворяться въ дѣло, когда въ Новгородъ пріѣхали татарскіе баскаки и приступили къ сбору дани. Они начали съ волостей, и уже одни слухи о томъ, что тамъ происходитъ, вызвали въ городѣ волненіе: въ новгородскихъ волостяхъ были не одни смерды, а и много купившихъ землю горожанъ, ремесленниковъ и купцовъ, „своеземцевъ". Теперь всѣ безъ различія становились данниками. Когда дѣло дошло до самого Новгорода, волненіе разрѣшилось въ открытый мятежъ: „чернь не хотѣла дать числа, но говорила: умремъ честно за святую Софію и за домы ангельскіе!" И „издвоились" люди. Верхніе слои общества, зная, какая участь ихъ ждетъ въ случаѣ татарскаго вторженія, стояли за миролюбивый исходъ—за подчиненіе требованіямъ орды. Грубо-репартиціонный способъ раскладки, по стольку-то съ каждаго отдѣльнаго хозяйства, былъ на руку богатымъ. Татарскіе даньщики ѣздили по улицамъ и считали дома: каждый домъ, кому бы онъ ни принадлежалъ, платилъ одно и то же. Учесть размѣры торговаго капитала степняки, очевидно, совершенно не умѣли—и новогородскіе капиталисты могли на это спекулировать. „И творили бояре себѣ легко, а меньшимъ зло". Дошло, повидимому, до формальнаго соглашенія между „окаяннымъ", татарскимъ посломъ, съ одной стороны, княземъ Александромъ (Невскимъ) и новгородской аристократіей, съ другой: въ случаѣ дальнѣйшаго сопротивленія „черни" было уговорено напасть на городъ съ двухъ сторонъ. Неизвѣстно, что въ послѣднюю минуту предотвратило столкновеніе: по лѣтописцу, „сила Христова", но для современнаго историка такого объясненія недостаточно. Кажется, главной причиной была солидарность боярства, чувствовавшаго, что для него тутъ вопросъ о жизни и смерти, что „звѣри дивіи", пришедшіе изъ пустыни въ образѣ татаръ, будутъ прежде всего „ѣсть сильныхъ плоть и пить кровь боярскую". Масса же населенія была

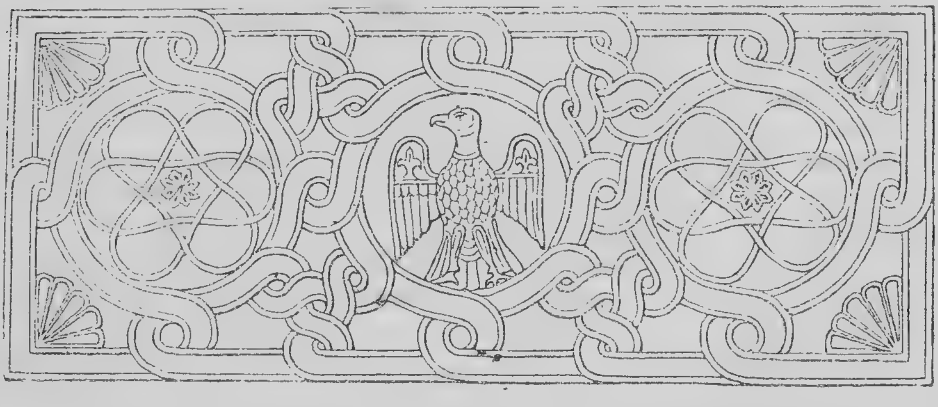
слишкомъ зависима уже въ это время отъ торговаго капитала, чтобы вступить въ открытую борьбу со всѣми капиталистами, а не съ какой-нибудь одной изъ ихъ враждующихъ между собою группъ, какъ это бывало въ обычныхъ случаяхъ такихъ столкновеній. Какъ бы то ни было, татары получили въ концѣ-концовъ свою дань съ вольныхъ новгородцевъ, и лѣтописецъ, со своей точки зрѣнія, не умѣлъ объяснить этого иначе, какъ карой Господней за грѣхи послѣднихъ. Вздохомъ сожалѣнія о томъ, что даже это суровое наказаніе не подѣйствовало на нераскаянныхъ, и заключаетъ онъ свой разсказъ.

Уже исторія новгородскаго „числа“ показываетъ, какой враждебной татарамъ силой были демократическіе элементы вѣча—а татары были слишкомъ опытными практическими политиками, чтобы не понять и не оцѣнить этой враждебности. Рядъ событій въ другихъ концахъ Руси ясно обнаружилъ, что горожане всюду, едва только они оправились отъ непосредственныхъ результатовъ разгрома, готовы были стать на новгородскую позицію. Въ 1262 „изволиша вѣчъ“ люди ростовской земли—и погнали татарскихъ даньщиковъ изъ Ростова, Владиміра, Суздаля и Ярославля. Въ 1289 то же повторилось въ Ростовѣ еще разъ, причемъ солидарность ростовскаго князя, Дмитрія Борисовича, съ татарами выступаетъ особенно отчетливо. Союзъ, уже намѣчавшійся въ Новгородѣ въ 1259 году—„лучшихъ людей“ и князя съ татарами противъ „черни“—долженъ былъ стать и, дѣйствительно, сталъ постояннымъ явленіемъ. Что поддерживая князей и ихъ бояръ въ борьбѣ съ „меньшими“ людьми, Орда создастъ въ концѣ-концовъ московское самодержавіе, которое упразднитъ за ненадобностью и самоё орду—эта отдаленная перспектива была внѣ поля зрѣнія татарскихъ политиковъ, и, отчасти, они были правы. Татарщина завладѣла Русью въ первой половинѣ XIII вѣка, а лишь во второй половинѣ слѣдующаго московскіе князья рѣшились выступить открыто противъ „царя“. Полтора столѣтія безпрекословнаго подчиненія со стороны Руси Ордѣ все-таки было обезпечено.

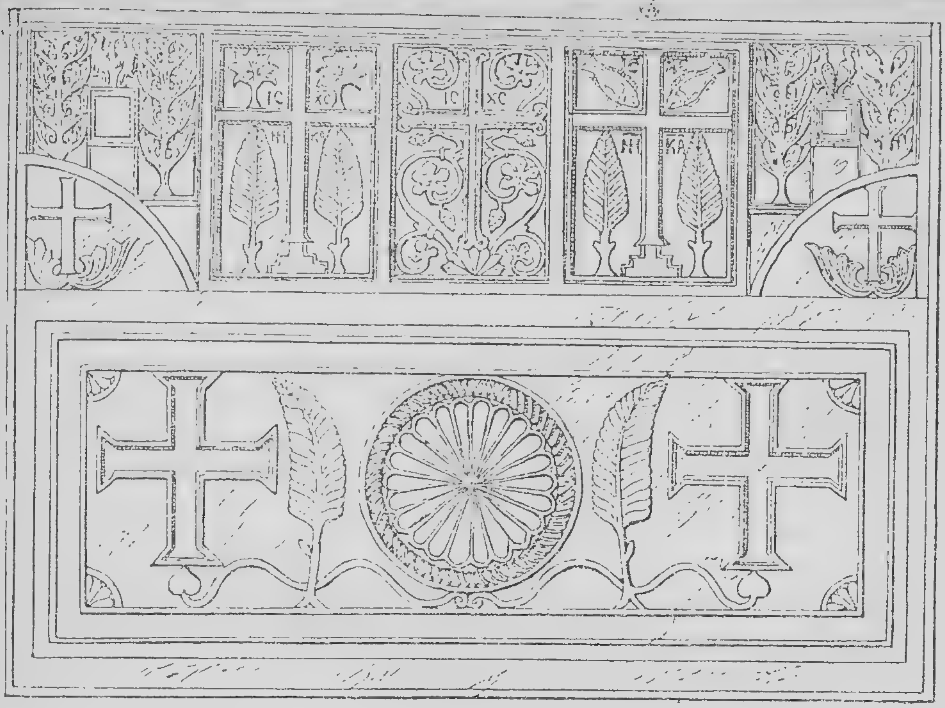
Какъ видимъ, татарское нашествіе не даромъ заняло въ народной традиціи то мѣсто, которое у него склонна была оспаривать новѣйшая историческая наука. Послѣдняя была права въ томъ отношеніи, что ничего по существу новаго этотъ внѣшній толчокъ въ русскую исторію внести не могъ. Но какъ обычно бываетъ, внѣшній кризисъ помогъ разрѣшиться внутреннему и далъ, отчасти, средства для его разрѣшенія. Нужно, впрочемъ, оговориться, что назвать экономическій кризисъ, подсѣкшій Кіевскую Русь, исключительно внутрен-

нимъ было бы слишкомъ узко. Читатель, вѣроятно, уже замѣтилъ отсутствіе въ нашей схемѣ одного фактора, отъ котораго, однакожъ, древній городъ былъ, какъ мы уже говорили, въ тѣсной зависимости, съ которымъ онъ былъ связанъ тѣснѣе, нежели съ окружавшей этотъ городъ сельской Русью. Этимъ факторомъ являлся заграничный рынокъ— потребитель живого и мертваго товара русскаго купца. Мы не занимаемся исторіей европейской торговли и не имѣемъ, поэтому, поводовъ детально изучать судьбы международнаго обмѣна въ средніе вѣка. Но связь нѣкоторыхъ, особенно катастрофическихъ, событій въ этой области съ русской исторіей проникла въ сознаніе даже тогдашнихъ русскихъ книжниковъ. Въ числѣ немногихъ фактовъ изъ „всеобщей“ исторіи, о какихъ намъ говоритъ 1-я новгородская лѣтопись, совершенно исключительное мѣсто занимаетъ разсказъ о взятіи Царьграда французскими и итальянскими крестоносцами въ 1204 году. Только о татарскомъ нашествіи лѣтопись говоритъ больше и подробнѣе: всѣ прочія русскія событія изложены много скупѣе и суше. Авторъ точно своими глазами видитъ разореніе столицы всего православнаго христіанства—такъ возбудила его воображеніе эта картина, о которой онъ, однако, только прочелъ въ византійскихъ хронографахъ. Характерно, что наиболѣе, казалось бы, для него интересная вѣроисповѣдная сторона—захватъ центра вселенскаго православія латинянами—не выступаетъ черезчуръ на первый планъ. Зато не менѣе характерно подчеркивается солидарность грековъ и варяговъ, сообща защищавшихъ городъ. Новгородецъ XIII вѣка смутно чувствовалъ объективное значеніе событія. Оно было послѣднимъ звеномъ въ длинной цѣпи явленій, которую старые историки обозначали общимъ именемъ „крестовыхъ походовъ“, а новые предпочитаютъ называть „французской колонизаціей въ Левантѣ“. Шла борьба за восточные рынки. Въ первую половину среднихъ вѣковъ они были всецѣло въ рукахъ арабовъ и византійцевъ, и только черезъ ихъ посредство сѣверо-европейскіе варяги имѣли къ нимъ доступъ. Въ эту именно пору Днѣпръ и Волховъ сдѣлались едва ли не самой оживленной торговой дорогой Европы; Россія и Швеція наводнились восточными монетами (всѣ арабскіе диргемы, найденныя въ безчисленныхъ русско-скандинавскихъ кладахъ, какъ извѣстно, не старше конца VII-го и не моложе XI-го столѣтія), и дѣло дошло до того, что даже изъ Малой Азіи въ Римъ, по представленію русскихъ людей, нельзя было иначе проѣхать, какъ мимо Кіева и Новгорода. Въ извѣстномъ лѣтописномъ

сказаніи объ апостолѣ Андреѣ говорится, что Андрей училъ въ Синопѣ, оттуда пріѣхалъ въ Корсунь, „и, увидавъ, что отъ Корсуня близко до устья Днѣпра, захотѣлъ пойти въ Римъ“. Но съ XI вѣка торговая Европа во главѣ съ тѣми же варягами, только западно-и южно-европейскими, нормандскими и сицилійскими, начинаетъ прокладывать свои пути на востокъ, отбивая монополію восточной торговли у магометанъ и византійскихъ грековъ. Экспедиція 1203—4 года, когда главный коммерческій центръ греческаго востока былъ взятъ и разгромленъ руками французскихъ рыцарей, привезенныхъ на итальянскихъ корабляхъ и руководимыхъ „Дужемъ слѣпымъ“, воплощеніемъ венеціанской торговой политики, какъ нельзя лучше характеризуетъ заключительный моментъ борьбы. Теперь дорога изъ Чернаго моря въ Римъ шла не по Днѣпру, а черезъ Венецію. А „великій водный путь изъ варягъ въ Греки“ на югѣ кончался коммерческимъ тупикомъ. Варягамъ теперь легче было связаться съ греческими странами другой рѣкой, Рейномъ. Союзъ рейнскихъ городовъ, какъ извѣстно, явился зародышемъ Ганзы, охватившей своими конторами всю Балтику; на крайней восточной периферіи этой цѣпи оказался и Новгородъ, единственный изъ русскихъ торговыхъ городовъ, для котораго передвижка міровыхъ торговыхъ путей была болѣе полезна, чѣмъ вредна. Всѣ остальные изъ этапныхъ пунктовъ на большой дорогѣ международнаго обмѣна превратились въ захолустныя торговыя села на проселкѣ — и почти въ то же время были разрушены татарами. Двухъ такихъ ударов одновременно не могла бы вынести безъ послѣдующаго длительнаго упадка даже экономически здоровая страна. Только послѣдняя оправилась бы рано или поздно, а для древней городской Руси, уже внутренно изжившей старыя хозяйственныя формы, упадокъ былъ окончательнымъ.



Образецъ шиферной плиты Кіево-Софійскаго собора, украшенной геральдическимъ орломъ восточнаго типа.



Снимокъ съ рѣзныхъ изображеній на гробницѣ Ярослава въ Кіево-Софійскомъ соборѣ.

ГЛАВА IV.

Первобытныя религіозныя вѣрованія и появленіе христіанства.

Современному историку крайне трудно возстановить болѣе или менѣе точную картину вѣрованій нашихъ предковъ. Случайныя замѣчанія лѣтописцевъ, прошедшія притомъ сквозь призму византійскаго православія, нѣсколько пикантныхъ разсказовъ о продѣлкахъ бѣсовъ въ Патерикѣ, два-три разсказа арабскихъ путешественниковъ о погребальныхъ обрядахъ славянъ, да поэтическія фигуры „Слова о полку Игоревѣ“,—вотъ почти все, что можно собрать изъ письменныхъ памятниковъ той далекой эпохи о носительно интересующаго насъ вопроса. Эти скудныя данныя грѣшатъ не только недостаточностью и случайностью; сами по себѣ они даютъ по-

нятіе лишь объ одной сторонѣ вѣрованій, присущей не столько народной средѣ, сколько дифференцировавшейся въ X вѣкѣ изъ народной массы группѣ смѣшаннаго славянско-варяжскаго торговаго и военнаго люда. Правда, вѣрованія послѣдняго недалеко ушли отъ той почвы, изъ которой онъ выдѣлился; но все-таки классовая дифференціація повлекла за собою немедленную дифференціацію религіозныхъ представленій. Скудость и случайность современныхъ эпохѣ данныхъ заставляли уже старыхъ изслѣдователей искать другихъ матеріаловъ; и единственный большой трудъ, касающійся религіи древнихъ славянъ, „Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу“ Аѳанасьева (теперь совершенно устарѣвшій по взглядамъ и отчасти устарѣвшій по матеріалу), зиждется больше на миѳологіи другихъ индо-европейскихъ народовъ, чѣмъ на славянской миѳологіи. Если мы не хотимъ окончательно отказываться отъ реконструкціи народной религіи IX и X вѣковъ, то мы должны обратиться къ обширному этнографическому и сказочному матеріалу, собранному въ изобиліи за послѣднія десятилѣтія; переживанія старыхъ вѣрованій и обрядовъ, сохраняющихся въ современныхъ обычаяхъ и повѣрьяхъ, и миѳологія сказокъ — вотъ главный, хотя и не всегда надежный матеріалъ, при помощи котораго возможно реконструировать картину народныхъ вѣрованій нашихъ предковъ.

Эти вѣрованія выростали на почвѣ той природно-хозяйственной обстановки, среди которой жили днѣпровскіе и ильменскіе славяне, и которая до сихъ поръ еще находитъ себѣ аналогіи въ глухихъ углахъ сѣверныхъ губерній. Лѣсъ, болото и рѣки — такова природная обстановка; примитивная добывающая промышленность—таковы хозяйственныя условія. Съ этой стороны наши предки мало чѣмъ отличались отъ современныхъ дикарей тропическихъ странъ; одинаковыя условія борьбы за существованіе породили одинаковое міровоззрѣніе и одинаковыя вѣрованія. Старыя теоріи объ общеарійской основѣ славянскихъ вѣрованій совершенно игнорировали эту сторону вопроса и искали рѣшеніе его путемъ сравненія неизвѣстнаго (славянской миѳологіи) съ извѣстными (греческой, римской, германской и др. миѳологіей). Но такой методъ былъ собственно не заключеніемъ отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, а отъ существующаго къ несуществующему; тѣ народныя вѣрованія, которыя существовали въ дѣйствительности и оказались неискоренимыми до сихъ поръ, несмотря на всѣ усилія церковныхъ опекуновъ народа, вертѣлись не вокругъ неба, или солнца, или молніи, а вокругъ тѣхъ мелкихъ яв-

леній природы, которыя ежедневно, такъ сказать, опутывали собою славянскаго дикаря, въ борьбѣ съ которыми онъ добывалъ себѣ столъ и домъ. Жизнь славянскаго дикаря на Днѣпрѣ зависѣла отъ удачи въ охотѣ, отъ счастливаго исхода борьбы съ крупнымъ звѣремъ, отъ умѣнья переплыть рѣку или переправиться черезъ болото. Каждое мелкое явленіе природы было какъ бы кольцомъ той сѣти, которая опутывала собою славянскаго дикаря и опутывала настолько, что онъ уже не могъ различить, гдѣ кончается человѣкъ и гдѣ ничинается природа. Отсюда наиболѣе характерной чертой древнѣйшаго слявянскаго міровоззрѣнія, какъ оно теперь еще даетъ о себѣ знать въ пѣсняхъ и въ особенности въ сказкахъ, является анимизмъ, вѣра въ одушевленіе всей природы, одушевленной и неодушевленной, при чемъ одушевленіе приписывается не всей природѣ цѣликомъ, а каждому отдѣльному, хотя бы и мелкому, ея явленію.

Анимистическое міровоззрѣніе характеризуется цѣлымъ рядомъ представленій и образовъ, въ настоящее время отчасти утратившихъ свой прямой первоначальный смыслъ, но въ старину вполнѣ свѣжихъ и реальныхъ. Прямое свидѣтельство о древнѣйшемъ славянскомъ анимизмѣ можно привести, правда, только одно, да и то можетъ подвергнуться оспариванію, ибо оно не принадлежитъ народному творчеству, но вышло изъ-подъ пера придворнаго княжескаго поэта. Это извѣстныя мѣста изъ „Слова о полку Игоревѣ“, гдѣ вся природа изображена чувствующей и понимающей несчастія братьевъ-князей, и гдѣ можно найти даже намеки на оборотничество. Быть можетъ, для автора „Слова“ образы были просто поэтическими прикрасами; но несомнѣнно, что ихъ подсказало ему тогдашнее народное міровоззрѣніе, отъ котораго вполнѣ онъ отрѣшиться, конечно, не могъ. Чтобы характеризовать это міровоззрѣніе, мы должны обратиться къ продуктамъ народнаго творчества, къ пѣснямъ и сказкамъ. Современная крестьянка забавляетъ своего ребенка пѣсенкой „Сова ль моя совушка, вдова ль моя вдовушка, залѣсная барыня, Ульяна Степановна, гдѣ же ты живала, гдѣ же ты бывала? Живала я, совушка, бывала я, вдовушка, во темныхъ лѣсищахъ, во сырыхъ дуплищахъ; знаютъ меня, совушку, знаютъ меня, вдовушку, два луня бѣлыхъ, два друга милыхъ. Стали сову сватать, сватовъ засылать, сову убирати, въ лапти обувати, въ лапти въ осметки, въ онучи отрепки, въ платье рогожное, въ ожерелье гороховое; воронъ былъ поваромъ, сорока—стряпухой, по дворамъ летали, куръ собирали, на свадьбу сзывали“... и т. д. Но ея

далекая прародительница и ея ближніе вовсе не вкладывали въ образы этой пѣсни иносказательнаго содержанія; нѣтъ, птицы, животныя, деревья, всякое иное явленіе природы для нихъ имѣло свою личную индивидуальность, имѣло тѣ же нужды и обычаи, какъ и человѣкъ, вело такое же хозяйство. Между человѣкомъ и представителями всѣхъ трехъ царствъ природы происходитъ постоянный и взаимный обмѣнъ сношеній; быть можетъ, ярче всего представленіе о такихъ сношеніяхъ характеризуется извѣстной сказкой о томъ, какъ мужикъ посылалъ козу за орѣхами, какъ она не возвращалась и какъ пропадали всѣ посылавшіеся за ней звѣри и даже стихіи (огонь), или аналогичной сказкой о томъ, какъ курица искала водички для умиравшаго пѣтушка, и рѣчка послала ее къ липкѣ, липка—къ дѣвкѣ, дѣвка—къ коровѣ, корова—къ сѣнокосамъ и т. д. Еще до сихъ поръ олонецкій крестьянинъ, переѣзжая черезъ озеро, грозитъ кулакомъ волнамъ, когда тѣ вздымаются слишкомъ высоко и грозятъ поглотить его лодку; еще до сихъ поръ можно встрѣтить повѣрье, что лучшее средство отъ вихря—бросить въ него ножомъ, и тогда онъ улетитъ, оставивъ по себѣ слѣды крови. Повѣрья, пѣсни и сказки этого рода—первые младенческіе зачатки миѳа; и какъ, напр., въ эпоху феодализма миѳъ изображаетъ божество рыцаремъ или воиномъ, такъ въ эпоху первобытнаго охотничьяго или пастушеско-земледѣльческаго быта всѣ явленія природы, изъ среды которыхъ впослѣдствіи дифференцируются боги, тотемы и фетиши, живутъ жизнью, аналогичной жизни будущаго „царя природы". Миѳъ не останавливается на такихъ, въ сущности, несложныхъ явленіяхъ, какъ взаимныя встрѣчи и разговоры. Если нѣтъ разницы по существу между человѣкомъ и представителями другихъ царствъ природы, то не должно быть и границы, не должно быть преградъ къ замѣщенію представителя одного рода представителемъ другого рода, или, говоря проще, къ оборотничеству и къ необыкновеннымъ рожденіямъ, въ которыхъ, впрочемъ, съ анимистической точки зрѣнія нѣтъ ничего чудеснаго. Оборотничество—любимый мотивъ сказокъ; и если въ нихъ это свойство представляется уже исключительной способностью колдуновъ или особенно одаренныхъ людей (хотя всякій человѣкъ можетъ научиться наукѣ оборотничества), то это указываетъ на нѣкоторую эволюцію въ области народнаго религіознаго міровоззрѣнія, медленно совершавшуюся подъ вліяніемъ измѣненія условій быта и накопленія хозяйственнаго опыта, увеличивавшаго запасъ знаній о природѣ. Корова, кабанъ, собака,

даже быкъ (!) могутъ родить человѣка; изъ яицъ могутъ вылупиться мальчики, медвѣдь жениться на дѣвушкѣ *). Сказка заботливо прибавляетъ теперь, что родившіеся такимъ образомъ люди были богатыри, знавшіе отъ рожденія науку оборотничества, и что самое рожденіе ихъ происходило при не совсѣмъ обыкновенныхъ условіяхъ. Трудно сказать, когда миѳы о превращеніяхъ и необыкновенныхъ рожденіяхъ пріобрѣли въ глазахъ разсказчиковъ такой характеръ сказокъ о необыкновенныхъ происшествіяхъ и необыкновенныхъ людяхъ; но и въ современной своей формѣ они даютъ ясное представленіе о силѣ и яркости анимистическаго міровоззрѣнія нашихъ предковъ.

Славянскій дикарь ближе всего и чаще всего сталкивался съ лѣсными животными и птицами и съ немногими прирученными имъ къ началу разсматриваемой эпохи домашними животными. И славянскій анимистическій миѳъ, естественно, съ особою любовью останавливается именно на жизни этихъ животныхъ. Безчисленныя сказки о кумѣ-лисѣ, кумѣ-волкѣ, тетеревѣ-Терентіи, медвѣдѣ, воронѣ, воробьѣ, собакѣ, кошкѣ являются одновременно и религіознымъ миѳомъ и естественной исторіей днѣпровскаго дикаря. Любопытно, что очень рѣдки сказки о лошади: какъ извѣстно, коневодство было боярскимъ промысломъ, для простого смерда почти недоступнымъ; и характерно, что, когда конь является въ сказкѣ, онъ чаще всего представляется съ чертами властности, силы, даже чародѣйства: свойство господина смердъ или закупъ переносилъ на животное. Эти черты коня въ сказкахъ свидѣтельствуютъ, что сказки, въ которыхъ является конь, болѣе поздняго происхожденія сравнительно со сказками о другихъ животныхъ, гдѣ вѣетъ еще неподдѣльный безхитростный анимизмъ. Звѣри и люди стоятъ на одной доскѣ, взаимно помогаютъ другъ другу или хотятъ другъ друга обмануть, или ведутъ другъ съ другомъ борьбу; не всегда при этомъ преимущество силы и благородства оказывается на сторонѣ человѣка, даже съ точки зрѣнія извѣстнаго примитивнаго мѣрила для опредѣленія степени нравственности поступковъ, какое просвѣчиваетъ въ сказкахъ. Достаточно вспомнить сказку о томъ, какъ мужикъ два раза надулъ медвѣдя, не располагавшаго большими познаніями по сельскохозяйственной части; и обманутый лѣсной великанъ все-таки строго со-

*) Ср. также въ дѣтской пѣсенкѣ: „курочка бычка родила, поросеночекъ яичко снесъ, домовой его на печку унесъ“.

блюлъ уговоръ, хотя могъ бы однимъ ударомъ лапы совершенно безнаказанно укокошить продувного товарища по предпріятію.

Но анимизмъ еще не есть религія, это—только опредѣленное міровоззрѣніе, опредѣляющее отношенія дикаря къ природѣ, на почвѣ которыхъ и возникаютъ примитивныя религіозныя вѣрованія. Источникъ послѣднихъ—въ невозможности для дикаря вполнѣ выяснить для себя существо окружающихъ его явленій, въ борьбѣ съ которыми онъ завоевываетъ себѣ существованіе. Онъ думаетъ, что эти явленія имѣютъ личную индивидуальность, аналогичную человѣческой; но такое убѣжденіе не только не уничтожаетъ его страха передъ ними, но, напротивъ, вселяетъ еще бо́льшій страхъ. Жизнь дикаря есть борьба всѣхъ противъ всѣхъ, и какъ самъ дикарь считаетъ, что для этой борьбы всѣ средства хороши, и что, въ сущности, она сводится къ истребленію и пожиранію, такъ же, по его мнѣнію, думаетъ и каждое животное, звѣрь, птица, рыба, каждое дерево, каждый камень, рѣка, ручей. Въ борьбѣ за существованіе для дикаря человѣкъ, подобный ему, кажется не столь страшнымъ, какъ всякое иное явленіе природы. Человѣка онъ понимаетъ, можетъ разсчитать, чего надо бояться отъ сосѣда; въ концѣ-концовъ, силы противниковъ не такъ уже неравны, и замыслы не такъ уже неизвѣстны и коварны. Но попробуйте разгадать, о чемъ говорятъ другъ съ другомъ звѣри, что они думаютъ, какія извѣстны имъ тайны природы, невѣдомыя человѣку. Можетъ статься, что опредѣленный звѣрь, съ которымъ въ данный моментъ ведетъ борьбу человѣкъ, даже не настоящій звѣрь, а оборотень; такой противникъ вдвойнѣ и втройнѣ опасенъ. Отъ бѣды только одно средство: какъ люди соединяются въ группы для совмѣстной борьбы за существованіе, такъ можно заключить союзъ и съ животными. Избранный видъ животныхъ будетъ покровителемъ индивидуума или группы, и за это его надо благодарить поклоненіемъ и дарами и прежде всего заботиться о его пропитаніи и безопасности. За это животное-покровитель употребитъ свои невѣдомыя человѣку способности и свойства на помощь своему поклоннику въ его борьбѣ за существованіе, будетъ его т о т е м о м ъ. Такъ зарождается тотемизмъ, первобытная форма религіи.

Днѣпровскіе дикари въ IX вѣкѣ еще далеко не вышли изъ этой первоначальной стадіи религіознаго развитія; но ихъ тотемистическія вѣрованія не такъ легко возстановить, какъ

ихъ анимистическое міровоззрѣніе. Ясныя переживанія тотемизма до сихъ поръ сохранились только у нѣкоторыхъ инородцевъ (напр., у вотяковъ, считающихъ священною птицею лебедя, у эстовъ и др.); русскія же сказки и повѣрья дѣлаютъ лишь смутные намеки на тотемистическія вѣрованія. Яснѣе всего выступаютъ пережитки тотемизма у современныхъ бѣлоруссовъ (Борис. у., Минск. губ.), ежегодно около Троицына дня справляющихъ поминки по Стаурамъ-Гаурамъ. Объ этихъ Стаурахъ-Гаурахъ крестьяне разсказываютъ такой миѳъ: названіе носили два пса, принадлежавшіе какому-то князю Бою; псы часто спасали своего хозяина отъ смерти, и за это Бой послѣ смерти псовъ назначилъ особые дни для поминовенія ихъ. Очевидно, что передъ нами тотемистическій миѳъ этіологическаго характера: когда-то тотемомъ предковъ борисовскихъ бѣлоруссовъ была собака, и впослѣдствіи поклоненіе и жертвы ей стали объяснять приведеннымъ миѳомъ. Другія указанія на тотемизмъ, менѣе ясныя, можно уловить въ сказкахъ. По всей вѣроятности, эпитетъ „царь-медвѣдь" указываетъ, что медвѣдь когда-то и гдѣ-то считался тотемомъ; въ той же роли фигурировала, вѣроятно, щука, обладающая въ сказкахъ чудесной силой и чередующаяся съ золотой рыбкой (которая въ одномъ варіантѣ, въ свою очередь, замѣщается деревомъ). Можно указать также на то, что во многихъ мѣстностяхъ до сихъ поръ крестьяне считаютъ ужа священнымъ животнымъ; не къ тому же ли разряду пережитковъ тотемистическихъ вѣрованій относится примѣта, что черный тараканъ приноситъ богатство?

Если, такимъ образомъ, тотемизмъ уже, повидимому, не существовалъ въ чистомъ видѣ въ ту эпоху, когда слагалась анимистическая миѳологія сказокъ, то чрезвычайно ясные признаки указываютъ на существованіе въ эту эпоху смѣшанныхъ тотемистическо-фетишистскихъ и чисто фетишистскихъ культовъ. Какъ извѣстно, фетишизмъ отличается отъ тотемизма тѣмъ, что въ фетишизмѣ поклоненіе направлено по адресу отдѣльнаго опредѣленнаго предмета или отдѣльной особи, въ то время какъ въ тотемизмѣ поклоненіе направлено по адресу цѣлаго вида или ряда предметовъ или животныхъ. Въ роли такихъ тотемовъ-фетишей мы встрѣчаемъ всего чаще коня. Опредѣленный конь, надѣленный чудесными свойствами, является геніемъ-покровителемъ опредѣленнаго героя, помогаетъ ему, спасаетъ отъ опасностей и требуетъ за это немного: ухода и корма. Таково же положеніе коровы въ нѣкоторыхъ сказкахъ: за уходъ и кормъ опредѣленная корова

благодѣтельствуетъ героинѣ сказки. И какъ разъ корова замѣщается въ нѣкоторыхъ варіантахъ сказки куклой, которую героиня дѣлаетъ сама, иногда по указанію вѣщей старухи; куклу надо кормить, тогда она будетъ говорить и давать совѣты, которые обыкновенно спасаютъ поклонницу куклы отъ всякихъ бѣдъ и напастей. Этотъ варіантъ типиченъ для фетишизма: такъ же поступаютъ еще теперь негры, которые дѣлаютъ и уничтожаютъ своихъ боговъ ежедневно, судя по тому, помогаетъ ли вновь испеченный богъ въ задуманномъ предпріятіи или нѣтъ. Наконецъ, днѣпровскимъ славянамъ не былъ чуждъ и фетишизмъ растительный, поклоненіе деревьямъ. Въ одной сказкѣ роль золотой рыбки играетъ дерево; старикъ случайно открылъ этотъ фетишъ. Онъ хотѣлъ рубить его, но оно взмолилось о пощадѣ и обѣщало сдѣлать все, что старику нужно, и, дѣйствительно, исполняло всѣ капризы старухи, кромѣ послѣдняго желанія, чтобы дерево превратило старика и старуху въ боговъ; вмѣсто этого оно превратило ихъ въ медвѣдей. Кромѣ этого совершенно яснаго примѣра, мы находимъ немало пережитковъ древопоклонства въ формѣ почитанія рябины въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, почитанія дубовъ, пораженныхъ молніей (въ Пошехоньѣ еще въ 1612 году передъ дубомъ „пѣли молитвы“), наконецъ, въ формѣ повсемѣстнаго почти почитанія березки. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (напр., въ Саратовской губ.) въ Семикъ дѣвушки совершаютъ даже жертвоприношеніе березкѣ: несутъ яичницу и пироги, которые и съѣдаютъ подъ зеленой березкой съ пѣснями въ честь дерева:

Радуйтесь, березы,
Радуйтесь, зеленыя!
Къ вамъ дѣвушки идутъ,
Къ вамъ красныя,
Къ вамъ пироги несутъ,
Лепешки, яичницы.

Всѣ указанныя вѣрованія относятся къ совершенно конкретнымъ, видимымъ и осязаемымъ явленіямъ природы. Но, несмотря на всю первобытность міросозерцанія днѣпровскаго дикаря, условія и факты повседневной жизни давали нѣкоторый толчекъ для обобщающей и, если такъ можно выразиться, для одухотворяющей работы мысли. Лѣсъ состоитъ изъ цѣлаго ряда отдѣльныхъ, индивидуальныхъ явленій, но онъ все-таки есть нѣчто цѣлое; этому цѣлому долженъ соотвѣтствовать такой богъ, который не привязывался бы къ одному опредѣленному признаку лѣса, но соотвѣтствовалъ бы лѣсу, какъ цѣлому. Отсюда явилось представленіе о лѣ-

шемъ, грубомъ, корявомъ деревообразномъ существѣ, которое по ночамъ дико кричитъ, выглядывая изъ-за стараго дуба или сосны, и пугаетъ запоздавшаго охотника. Это еще не лѣсной духъ, это вполнѣ матеріальное, „деревянное“ существо, столь же неотдѣлимое отъ древесной корявой коры, какъ и отъ лѣса. Такимъ же путемъ и въ такомъ же родѣ создалось представленіе о водяномъ и водяницахъ, и въ частности, о Днѣпрѣ-Словутичѣ, божествѣ главной рѣки славянскихъ лѣсовъ. Далѣе, обобщающая работа мысли выразилась въ представленіи о царѣ-огнѣ. Дикарь скоро отличилъ могущественную силу огня и рано выдѣлилъ огонь изъ ряда другихъ анимистическихъ явленій. Огонь-царь славянъ аналогиченъ небесному огню грческаго Прометея. Огонь грѣетъ и свѣтитъ, огонь создаетъ множество полезныхъ предметовъ,— и въ то же время, разбушевавшись, огненная стихія не знаетъ удержу и производитъ губительныя опустошенія.

Другого рода работу мысли задавали днѣпровскому дикарю такіе факты, которые имѣли свойство закономѣрно повторяться, но не имѣли видимой причины. Виновниками всѣхъ этихъ фактовъ днѣпровскій дикарь считалъ также индивидуальныя существа, но отличавшіяся отъ прочихъ тѣмъ, что обычно они невидимы и могутъ быть видимы лишь при исключительныхъ условіяхъ. Такова прежде всего, Смерть, которая имѣетъ видъ страшной старухи; таково Горе-Злосчастье, невидимкою вскакивающее на плечи человѣку, такова его Доля или Счастье. Таковы же всѣ болѣзни, отъ которыхъ особенно нѣтъ житья по веснѣ, когда онѣ, изголодавшись за зиму, разбѣгаются по бѣлу-свѣту и накидываются на неосторожныхъ. Таковы—Обида, Желя, Сонъ, Дрема, Угомонъ, Говорокъ, Ходунокъ и безчисленное множество другихъ мелкихъ существъ, попадающихся человѣку на каждомъ шагу. Изъ стихійныхъ божествъ таковъ Громъ, гремящее. но невидимое существо, скрывающееся гдѣ-то въ тучахъ, и Вѣтеръ, могучій гонитель тучъ.

Окруженный со всѣхъ сторонъ божественными, полубожественными и естественными, но страшными существами, днѣпровскій дикарь долженъ былъ позаботиться о томъ, чтобы жить съ ними въ ладу. Для этого нужно было создать особый modus vivendi, найти способъ обращенія съ богами, другими словами, нуженъ былъ культъ. Простѣйшая форма культа — жертва, кормленіе бога, затѣмъ молитва, т.-е. обращеніе къ божеству съ ласковой просьбой. Очень многія теперешнія дѣтскія пѣсенки первоначально были ни чѣмъ

нымъ, какъ такими молитвами. Таковы: „Спи, мой Митенька, усни, угомонъ тебя возьми“; „Потягунюшки, поперекъ толстунюшки, а въ ножки ходунюшки, а въ ручки хватунюшки, а въ ротокъ говорокъ, а въ головку разумокъ“, или извѣстныя пѣсенки, обращенныя къ дождю или солнцу. Но такихъ простыхъ способовъ не всегда бываетъ достаточно. Чтобы вполнѣ привлечь на свою сторону божество, надо знать его тайныя силы и свойства и умѣть ими очень пользоваться. Не всякій человѣкъ знаетъ эту тайную науку; но кто ее знаетъ, тотъ можетъ быть очень полезнымъ или очень опаснымъ человѣкомъ. Первое условіе для того, чтобы стать такимъ вѣдуномъ или волхвомъ, это—прожить долгіе годы на землѣ. Только съ годами накопляется опытъ и знаніе, и только старикъ или старуха могутъ стать вѣдуномъ или вѣдьмой. Молодые люди въ этой роли—исключеніе; они всегда получаютъ свои познанія случайнымъ путемъ. Какъ первый вѣдунъ пріобрѣлъ свои познанія, никто сказать не можетъ; но послѣдующіе могутъ учиться тайной наукѣ у старыхъ вѣдуновъ. Вѣдунъ и вѣдьма знаютъ заговоры, т.-е. знаютъ такія формулы, которыми можно подѣйствовать на бога; они знаютъ гаданія, т.-е. способъ открыть намѣренія божества, чтобы согласовать съ ними людскую дѣятельность. Они могутъ употребить свою силу и во вредъ человѣку. Вѣдунъ можетъ выгнать изъ человѣка болѣзнь, заставивъ ее переселиться въ какое-нибудь животное или предметъ; но онъ же можетъ нагнать на человѣка болѣзнь; иногда такой вѣдунъ пристально посмотритъ на человѣка, „сглазитъ“ его и прошепчетъ про себя необходимую формулу,—и дѣло готово, сглаженный погибаетъ. Это свойство колдуновъ тѣмъ болѣе опасно, что не всѣ колдуны извѣстны: иной получитъ какимъ-нибудь путемъ тайныя познанія и скрываетъ ихъ, чтобы при случаѣ воспользоваться ими, какъ орудіемъ для сведенія личныхъ счетовъ. Но такіе люди считались все-таки благодѣтелями; безъ нихъ неопытный человѣкъ погибъ бы въ затруднительномъ случаѣ.

Таковы предпосылки культа; возстановить же его конкретную картину почти невозможно. Приходится ограничиться лишь самыми общими указаніями. Во-первыхъ, культа строго установившагося по ритуалу и по срокамъ, несомнѣнно, не существовало. Какъ случайны были встрѣчи съ безчисленными божествами, такъ случайны были и факты культа. Жрецовъ не было; всякій самъ кормилъ своего бога, когда и чѣмъ считалъ нужнымъ. При жертвахъ, вѣроятно, не забывали и себя; когда жертва приносилась отъ группы, она при-

обрѣтала характеръ жертвеннаго пира, въ которомъ богъ былъ только участникомъ. Не было, вѣроятно, и опредѣленныхъ молитвенныхъ формулъ; просьбы слагались сами собой импровизованно, примѣнительно къ случаю, и только наиболѣе часто повторявшіяся въ регулярныхъ случаяхъ дошли до насъ въ видѣ сильно модифицированныхъ пѣсенъ и присказокъ. Волхвованіе (или шаманизмъ, если употреблять общепринятый терминъ) производилось, напротивъ, при помощи опредѣленныхъ формулъ и манипуляцій, передававшихся по традиціи, хотя и здѣсь не исключалась возможность импровизаціи. Какъ показываютъ образцы заговоровъ, заклинаній и гаданій, собранныхъ этнографами въ различныхъ углахъ Россіи, волхвованіе, въ общемъ, было наиболѣе развитой и систематической частью древнѣйшаго славянскаго культа.

Таковы были религіозные результаты первоначальныхъ наблюденій днѣпровскаго дикаря надъ природой. Какъ видитъ читатель, они не складывались въ какую-либо цѣльную картину; наоборотъ, примитивныя религіозныя представленія нашихъ предковъ были колеблющимися, непостоянными, какъ колебалась и находилась въ постоянномъ движеніи ихъ жизнь. Но кромѣ наблюденій надъ окружавшей природой, славянскій дикарь наблюдалъ еще надъ самимъ собою, и результатомъ этихъ наблюденій явились представленія о душѣ и о загробной жизни, отличавшіяся большимъ постоянствомъ и связавшіяся съ опредѣленнымъ, систематическимъ культомъ.

Для насъ безразлично, какимъ путемъ пришелъ днѣпровскій дикарь (или, быть-можетъ, его предки) къ представленію о душѣ. Произошло ли это вслѣдствіе размышленія надъ фактомъ смерти или надъ фактомъ сна, все равно, такъ или иначе у днѣпровскихъ славянъ были опредѣленныя представленія о душѣ и объ ея загробномъ существованіи. Эти представленія отличались чисто матеріалистическимъ характеромъ и не выходили изъ сферы обычнаго анимистическаго міровоззрѣнія. Душа или двойникъ человѣка—такое же матеріалистическое существо, какъ и всякое другое. Душа—это или пчела, или мышь, или мотылекъ, или птичка, живущая у человѣка въ горлѣ, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ между шеей и грудью образуется ямочка. Когда человѣкъ умираетъ или спитъ, душа вылетаетъ у него изо рта, и если быть внимательнымъ, то можно запримѣтить это явленіе. Душа есть не только у человѣка, но и у всякаго животнаго, растенія и даже у всякаго предмета. Эти чисто анимистическія представленія уживались рядомъ съ болѣе развитыми представленіями, выросшими, ко-

нечно, изъ той же почвы и свойственными тому купеческо-военному слою, который создался къ концу IX вѣка вокругъ князей. По ихъ представленіямъ, душа—вѣтеръ, легкій дымъ, огненная змѣя или звѣзда. Но ясно, что по существу и послѣднія вѣрованія стояли на той же анимистической почвѣ. Они остались на ней и тогда, когда болѣе грубыя представленія о душѣ, какъ о животномъ, нѣсколько видоизмѣнились въ томъ смыслѣ, что стали представлять себѣ душу въ видѣ нематеріальной субстанціи, переселяющейся въ то или другое животное. Отголоски этого вѣрованія сохранились до сихъ поръ въ сказкѣ о мертвецѣ-колдунѣ, душа котораго, такъ сказать, разлилась въ несмѣтное количество змѣй, червей, другихъ гадовъ, галокъ, сорокъ, воронъ, вылѣзавшихъ изъ утробы мертвеца. Но и на этой стадіи развитія душа все-таки считается подлежащей тѣмъ же законамъ смерти и уничтоженія, какъ и тѣ животныя, въ которыхъ она переходитъ. Объ этомъ говоритъ та же сказка: если всѣхъ гадовъ, повылѣзшихъ изъ утробы колдуна, сжечь, то и душа его уничтожится.

Какъ только человѣкъ умираетъ, отдѣлившаяся отъ него душа становится неуловимымъ, неизвѣстнымъ, невидимымъ, а потому и опаснымъ существомъ. Она на взглядъ дикаря такое же полутаинственное существо, какъ и его тотемы и фетиши; но она можетъ быть вдвойнѣ и втройнѣ опасна, такъ какъ въ ней соединяются хитрость и умъ человѣка съ звѣрскими инстинктами животнаго и съ знаніемъ тайнъ, невѣдомыхъ живому человѣку. Отсюда страхъ передъ мертвецомъ, составляющій еще до сихъ поръ, и не только среди крестьянъ, главный составной элементъ, которымъ проникнуто чувство живого по отношенію къ мертвецу. Правда, современный человѣкъ объясняетъ этотъ страхъ благоговѣніемъ, почтеніемъ къ памяти умершаго, наконецъ, вообще страхомъ передъ смертью, какъ всесокрушающей силой; но первоначальная чисто-анимистическая основа этого страха чрезвычайно ясно проглядываетъ во всѣхъ традиціонныхъ обрядахъ погребенія. Бѣлорусскіе похоронные обычаи, собранные Шейномъ, въ этомъ отношеніи стоятъ почти на той же ступени, на какой находились обычаи нашихъ предковъ; Бѣлоруссія—это уголокъ, гдѣ до сихъ поръ живьемъ можно наблюдать анимистическую старину.

Заботы, вызываемыя страхомъ передъ душой мертвеца, начинаются еще до смерти умирающаго. Важно не упустить душу изъ виду; для этого бѣлоруссы еще до сихъ поръ даютъ

въ руки умирающему свѣчу, и, какъ только онъ умретъ, свѣчу тушатъ и смотрятъ, куда направляется дымъ: вмѣстѣ съ дымомъ летитъ и душа. Но душа можетъ не сразу вылетѣть изъ тѣла. Если покойникъ остался съ открытыми глазами, то это вѣрный знакъ, что онъ высматриваетъ себѣ новую жертву: одному вѣдь скучно. Поэтому, чтобы вскорѣ не умеръ никто изъ окружающихъ, покойнику спѣшатъ закрыть глаза. Теперь приступаютъ къ приготовленію покойника къ погребенію. Тѣло нужно для души; пока оно не уничтожилось, душа не отойдетъ отъ него и раздѣлитъ его участь. Поэтому, чтобы избавиться отъ покойника и отъ страха передъ нимъ, самое лучшее уничтожить тѣло: сжечь его, бросить въ воду или спрятать (похоронить) подъ землю, наваливъ на могилу камень потяжелѣе. Такая первоначальная основа всѣхъ способовъ погребенія уже вышла до нѣкоторой степени изъ сознанія днѣпровскихъ дикарей къ IX в., насколько можно судить по сохранившимся описаніямъ погребальныхъ обычаевъ; но всѣ обряды, связанные одною и тою же цѣлью погребенія въ первоначальномъ смыслѣ, остались въ силѣ. Покойника обмываютъ и наряжаютъ не свои, а чужіе; гробъ (д о м о в ь е у бѣлоруссовъ) дѣлаютъ также чужіе: хотя и со всякимъ почетомъ, но все-таки отъ покойника вѣдь хотятъ отдѣлаться, а потому надо сдѣлать все такъ, чтобы гнѣвъ его не обрушился на своихъ; къ чужимъ, незнакомымъ онъ не пойдетъ. Свои, наоборотъ, берутъ на себя такую обязанность, которая скорѣе расположитъ покойника въ ихъ пользу: они поднимаютъ причитанья или голошенья надъ трупомъ, и покойникъ, слушая ихъ отчаянные вопли, видитъ, какъ его любили, и, быть можетъ, вспомнитъ объ этихъ причитаніяхъ въ минуту гнѣва. Приготовивъ мертвецу „домъ“, „домовье“, который представлялъ изъ себя, судя по раскопкамъ, просто выдолбленную дубовую колоду, покойника кладутъ туда, снабжая всѣмъ необходимымъ для безпечальной жизни: пищей, питьемъ, вещами, инструментами. Убравъ и снабдивъ покойника всѣмъ необходимымъ, его кладутъ въ красный уголъ и продѣлываютъ отверстіе въ двери или въ стѣнѣ, чтобы душа могла свободно улетать и возвращаться къ своему тѣлу. Затѣмъ, по истеченіи извѣстнаго времени (отъ трехъ до пяти дней), умершаго выносятъ изъ дома и совершаютъ послѣдній погребальный обрядъ. Тутъ прежде всего обращается вниманіе на то, чтобы вынести покойника не черезъ двери: иначе душа можетъ вернуться и мучить живыхъ. Для выноса умершаго вынимаютъ изъ стѣны нѣ-

сколько бревенъ и вытаскиваютъ покойника черезъ образовавшееся отверстіе (такъ, по словамъ лѣтописи, было вынесено и тѣло Владиміра). Погребальная процессія направляется къ костру или къ мѣсту погребенія; въ это время за душой трудно углядѣть. и она можетъ надѣлать бѣдъ: напасть на спящаго или на ребенка и утащить ихъ съ собой. Поэтому, въ Бѣлоруссіи еще до сихъ поръ, когда мимо несутъ покойника, всѣхъ спящихъ будятъ, а ребенку кладутъ въ изголовье щетку и въ ноги ножъ: душа испугается этихъ страшныхъ предметовъ и не посмѣетъ напасть на ребенка. Съ соблюденіемъ всѣхъ этихъ предосторожностей, тѣло покойника предаютъ погребенію: или сжигаютъ, или бросаютъ въ воду, или закапываютъ въ землю. Въ послѣднемъ случаѣ могилу „запечатываютъ" (этотъ терминъ до сихъ поръ сохраняется въ Бѣлоруссіи) большимъ камнемъ, чтобы покойники ни днемъ, ни ночью не выходили оттуда. Но опять-таки родные при этомъ не бросаютъ въ яму земли, а предоставляютъ дѣлать это чужимъ, „чтобы покойничекъ не сердился" на нихъ. Погребеніе князей и бояръ по существу не отличалось отъ описаннаго способа. Разница заключалась только въ томъ, что покойника сжигали въ ладьѣ, и кромѣ пищи, питья, утвари, сжигали съ нимъ коня, жену и рабовъ; костеръ поджигали родственники, но такъ, чтобы покойникъ не зналъ, кто именно: поджигавшій шелъ къ костру задомъ. Изрѣдка и знатныхъ людей хоронили въ землѣ; жена при этомъ зарывалась живою. Модификація представленій о душѣ выражалась при сожженіи въ томъ, что душа, какъ вѣтеръ или дымъ, легче и скорѣе всего достигнетъ того свѣта въ облакѣ дыма отъ костра; вмѣстѣ съ нею въ этомъ дымѣ поднимутся и души всѣхъ сжигаемыхъ живыхъ существъ и предметовъ.

Мертвый похороненъ; что же будетъ съ его душою далѣе? Самый первоначальный отвѣтъ на это былъ такой: его душа сгорѣла или „запечатана" вмѣстѣ съ тѣломъ. Но въ интересующую насъ эпоху первоначальный смыслъ сожженія или погребенія уже утратился, душа не уничтожалась со смертью. Объ ея судьбѣ мы находимъ два цикла представленій: болѣе примитивный, свойственный лѣснымъ дикарямъ, и болѣе утонченный, свойственный князьямъ и дружинѣ. Днѣпровскіе дикари отвѣчали на вопросъ о судьбѣ души просто: она продолжаетъ жить послѣ смерти здѣсь же, на землѣ, и такъ же, какъ жилъ человѣкъ до смерти. Она принимаетъ иногда видъ животнаго, но можетъ сохранить и видъ человѣка. Бѣлоруссы еще теперь разскажутъ, какъ покойница-мать приходила

ночью въ избу и кормила своего ребенка грудью, или какъ умершій ростовщикъ, не получивъ долга съ одного мужика, пришелъ къ нему въ видѣ борова и утащилъ въ возмѣщеніе долга шубу. Въ дни, когда поминаютъ умершихъ, ихъ можно видѣть ночью: придутъ, съѣдятъ хлѣбъ, а то прямо опару изъ кадки. Можно встрѣтить мертвеца на горѣ, если тамъ хоронили мертвыхъ; или въ рѣкѣ во время купанья мертвецъ схватитъ за ногу и утащитъ на дно. Мертвецовъ надо кормить; если родственники этого не дѣлаютъ, то мертвецы надѣлаютъ кучу непріятностей. Во время своихъ блужданій мертвецъ можетъ устать; поэтому на перекресткахъ дорогъ обязательно надо поставить камень, чтобы покойники могли отдыхать. Подобно живымъ, они не прочь помыться въ банѣ; для этого вечеромъ наканунѣ поминокъ для нихъ надо истопить баню и приготовить воду; и горе живому смѣльчаку, который пойдетъ туда мыться въ это время—покойники утащатъ его съ собою. Покойники женятся и выходятъ замужъ; поэтому на всякій случай умершую дѣвушку или холостого парня одѣваютъ, какъ подъ вѣнецъ. Нѣтъ никакого различія между мертвыми и живыми, кромѣ того, что мертвые гораздо сильнѣе живыхъ. Для живого окружающая природа—загадка; мертвый постигаетъ ея тайны. Онъ знаетъ, какъ воскресить мертваго, знаетъ чары, которыми можно нагнать или снять болѣзнь. И если какой злой мертвецъ повадится вредить живымъ,—одно только средство: отыскать его могилу, вырыть его трупъ и вбить ему прямо въ сердце осиновый колъ. Въ сказкахъ встрѣчаются, впрочемъ, и слабые намеки на представленія о томъ свѣтѣ. Мертвыхъ хоронятъ въ землѣ—слѣдовательно, тотъ свѣтъ подъ землею, но ничѣмъ не отличается отъ этого; и живой можетъ попасть туда, провалившись сквозь землю.

Представленія о загробной жизни, свойственныя верхнему слою тогдашняго общества, недалеко ушли отъ описанныхъ народныхъ вѣрованій. Душа—нематеріальная или воздушная субстанція; но у нея тѣ же нужды и заботы, что и у матеріальнаго, плотскаго тѣла. Она нуждается въ пищѣ и питьѣ: для этого ей служатъ души яствъ и напитковъ; роль инструментовъ и орудій играютъ ихъ души. Это различіе скорѣе въ номенклатурѣ, чѣмъ по существу. Болѣе существенное различіе заключается въ томъ, что для жизни душъ послѣ смерти дружинно-княжеская миѳологія отводила особое мѣсто, рай, куда шли души умершихъ князей и ихъ дружинниковъ и гдѣ не было мѣста для простого смертнаго. Прежде чѣмъ

попасть въ этотъ рай, душа должна совершить длинное путешествіе. Она должна переплыть черезъ море: князь и дружинники при жизни плавали, плыли и послѣ смерти; поэтому вмѣсто гроба ихъ хоронили или сжигали въ ладьѣ. Во время этого плаванія надо заплатить перевозчикамъ, Водцѣ и Плавцѣ: для этого умершему кладутъ въ гробъ деньги. Переплывъ черезъ море, душа еще не достигла рая. Надо лѣзть вверхъ; если умершему не положили лѣстницы, то онъ будетъ въ безвыходномъ положеніи. Иногда для того же клали въ гробъ срѣзанные ногти, которые человѣкъ заботливо сберегалъ при жизни: теперь они пригодятся мертвецу, когда онъ будетъ карабкаться, чтобы достичь рая. Рай—это небесная страна, полная свѣта и зелени; ее можно видѣть, если смотрѣть въ глубокій колодезь, въ которомъ рай отражается, какъ въ зеркалѣ. Тамъ, въ раю, души умершихъ сидятъ за столомъ и пируютъ; каждый князь сидитъ со своей дружиной и отроками, женами и дѣтьми. Вѣра въ эту блаженную страну, однако, уживалась съ поминальными обрядами, совершенно аналогичными съ поминальными обрядами простыхъ людей и объяснимыми только изъ описанныхъ уже первоначальныхъ вѣрованій въ загробную жизнь.

Эти поминальные обряды составляли и составляютъ главнѣйшую составную часть культа мертвыхъ. Предполагалось, что всякаго рода утвари и одежды умершему хватитъ чуть ли не навсегда; но пищей его нужно было снабжать постоянно. Въ особенности важно, чтобы душа умершаго не голодала и не скучала первое время послѣ смерти, пока она еще не привыкла къ своему новому положенію. Отсюда—обычай первой жертвы умершему тотчасъ послѣ погребенія (поминки или тризна). Это первое кормленіе происходитъ такъ же, какъ и всѣ послѣдующія: присутствующіе отливаютъ изъ каждой чарки на столъ или подъ столъ для умершаго и бросаютъ туда же часть кушаньевъ, приглашая покойника по имени. При этомъ стараются обходиться безъ ножей, чтобы не ранить нечаянно душу, находящуюся между живыми. Затѣмъ, первое время послѣ погребенія для умершаго на ночь ежедневно оставляется въ хатѣ вода; умершій приходитъ по ночамъ и пьетъ ее. Первая жертва не ограничивается только кормленіемъ умершаго. Чтобы вполнѣ угодить ему, надо развеселить его. Первое средство для этого—хмельной напитокъ, напр., медъ, который заготовлялся въ большомъ количествѣ для тризны; живые напивались этимъ медомъ допьяна, и покойникъ напивался вмѣстѣ съ ними.

Второе средство, практиковавшееся на похоронахъ князей и дружинниковъ,—это военныя игры, упражненія и пляски. Эти первыя поминки совершались всего торжественнѣе; только этимъ ихъ ритуалъ отличался отъ ритуала послѣдующихъ поминокъ. Въ настоящее время трудно сказать, въ какіе сроки происходили вторичныя поминки въ языческую старину; современные сроки (на 9, 20, 40, полугодовой и годовой день) связаны уже съ христіанской миѳологіей. Ритуалъ этихъ поминокъ осложнялся лишь украшеніемъ могилъ, такъ какъ поминки пріурочивались къ тѣмъ днямъ, въ которые мертвецы могли выходить изъ могилъ; все остальное совершалось по обычному способу: сначала причитанія, потомъ жертва, потомъ „скоморохи, гудцы и перегудницы", плясъ и „сатанинскія пѣсни". Если поминовеніе приходилось на зимній или ранній весенній день, то около могилъ разводили костеръ, чтобы мертвецы могли обогрѣться. Кромѣ поминокъ въ опредѣленный день людей недавно умершихъ, совершались жертвы всѣмъ умершимъ въ такъ называемый **навій день**. Въ настоящее время этотъ день пріурочивается въ однѣхъ мѣстностяхъ къ великому четвергу, въ другихъ—ко вторнику на Ѳоминой недѣлѣ или къ субботѣ наканунѣ Троицына дня. Во всякомъ случаѣ это пріуроченіе показываетъ, что навій день праздновался весною; ниже мы еще будемъ имѣть случай говорить о томъ, на чемъ основывался этотъ срокъ. Навій день по ритуалу ничѣмъ не отличался отъ другихъ поминовеній; заботились только, чтобы души не очень засиживались на поминальныхъ пирахъ, чтобы не было отъ нихъ никакого вреда живымъ. Поэтому, по окончаніи тризны, домохозяинъ выметалъ начисто жилище и выгонялъ такимъ образомъ души.

Въ основѣ всѣхъ этихъ поминовеній лежитъ мысль, что если не накормить въ поминовенные дни умершаго, то онъ нашлетъ всякія напасти на живыхъ: пойдутъ семейныя распри, будетъ неурожай, пожаръ, на живыхъ обрушатся горы и холмы. Но если умершаго аккуратно кормить и веселить, то онъ можетъ обратить свою чудодѣйственную силу на пользу оставшимся въ живыхъ. Отсюда рядомъ съ культомъ умершихъ вообще развивается частный культъ предковъ, ибо предки естественно обратятъ свои благодѣянія по адресу потомковъ. Зачатки этого культа мы находимъ и у днѣпровскихъ славянъ. Отчасти отъ него дошли до насъ только названія. Родовой бытъ находился въ періодѣ разложенія, и отъ боговъ-предковъ рода остались только клички Родъ, Рожаница, Щуръ;

напоминаетъ также о культѣ боговъ, предковъ рода, терминъ Радуница. Культъ родовыхъ боговъ сохранился отчасти въ Бѣлоруссіи. Тамъ изъ поминальныхъ дней выдѣляются такъ называемые дзяды (дѣды), дни поминовенія „святыхъ дзядовъ“ или „святыхъ родителей“. Эти дзяды бываютъ весенніе и осенніе и происходятъ безъ всякаго участія духовенства, безъ посѣщенія могилъ и безъ панихидъ. Наканунѣ ихъ вся семья приготовляется къ пиру: избу чистятъ, живущіе въ ней моются въ банѣ и, не жалѣя денегъ и запасовъ, готовятъ угощеніе, для котораго заблаговременно выбирается какая-нибудь скотина, обрекаемая на убой въ день дѣдовъ; чистота въ домѣ и обиліе угощеній приманиваетъ души дѣдовъ. Самый обрядъ совершается вечеромъ, при свѣтѣ восковой свѣчи. Отецъ приглашаетъ дѣдовъ такими словами: „Святые дзяды, зовемъ васъ, святые дзяды, идите до насъ! Есть тутъ все, чѣмъ только хата богата; святые дзяды, просимъ васъ, ходите, летите до насъ!“ Затѣмъ начинается пиршество, при чемъ каждый отливаетъ на столъ для дѣдовъ; хозяйка иногда приговариваетъ: „Нехай со святыми почиваютъ, а намъ хлѣба-соли засылаютъ“. Послѣ ужина съ загробными гостями прощаются въ такихъ характерныхъ выраженіяхъ: „Святые дзяды, вы сюда прилетѣли, пили и ѣли, летите жъ теперь до себѣ! Скажите, чего вамъ еще треба? летите жъ, летите до неба!“ Можно узнать, дѣйствительно ли посѣтили дѣды живыхъ; надо только наблюдать, не прилетитъ ли какая-нибудь запоздалая муха или другое насѣкомое, или не спать ночь послѣ поминокъ: тогда навѣрное увидишь дѣдовъ. Бѣда, если угощеніе окажется недостаточнымъ, или обреченная на убой скотина не будетъ употреблена для этой цѣли: тогда дѣды накажутъ непремѣнно непочтительныхъ потомковъ.

Гораздо болѣе жизненное значеніе имѣлъ для нашихъ предковъ домашній богъ-предокъ, дѣдушка-домовой, покровитель семьи. Это—постоянный покровитель дома; живетъ онъ подъ печкой и является настоящимъ хозяиномъ дома. Если домашніе заботятся о немъ, то онъ имъ помогаетъ: чиститъ скотъ, гоняетъ лѣсныхъ хищниковъ, оказываетъ всякую помощь. Напротивъ, если его не кормить, то онъ начнетъ душить куръ или будетъ подымать ночью ужасную возню, которая никому не будетъ давать покоя. При всякомъ переходѣ съ мѣста на мѣсто надо брать и домового съ собою; для этого нужно выгрести горячіе угли изъ очага покидаемаго жилища, перенести ихъ въ новое и зажечь отъ нихъ на очагѣ огонь; тогда этотъ маленькій горбатень-

кій старикашка, „проклятый бѣсъ хороможитель“ переселится въ новое жилище и совьетъ себѣ тамъ новое гнѣздышко подъ печкой. Этотъ домовой, святые дѣды и честные родители составляли почти весь пантеонъ кочевого охотника-славянина, если не считать его тотемовъ, о которыхъ мы такъ мало знаемъ, и случайныхъ фетишей, сегодня обоготворяемыхъ и завтра забрасываемыхъ.

Эти основныя черты религіи днѣпровскихъ славянъ слегка осложняются нѣкоторыми особыми специальными культами. Во-первыхъ, это были культы, связанные съ первобытной формой земледѣлія, которое культивировалось охотниками-славянами и служило для нихъ извѣстнымъ подспорьемъ. Во-вторыхъ, это были культы появившагося совершенно отдѣльно отъ народной среды класса военно-купеческой аристократіи; въ его средѣ замѣчаются также своеобразныя религіозныя теченія. Прежде всего мы разсмотримъ вопросъ о вѣрованіяхъ и культахъ, связанныхъ съ земледѣльческой культурой.

Основная черта этого разряда вѣрованій и культовъ заключается въ ихъ полнѣйшей неопредѣленности и расплывчатости—естественное явленіе при слабости той хозяйственной основы, на которой они вырастаютъ. Мы напрасно стали бы искать здѣсь отчетливыя представленія о специальныхъ сельскохозяйственныхъ богахъ, выработанную миѳологію или установленный освященный традиціей и оборудованный соотвѣтствующими аксессуарами и жречествомъ культъ. Мы не найдемъ ничего подобнаго греческимъ культамъ Діониса или Деметры, или египетскимъ и малоазіатскимъ сельскохозяйственнымъ культамъ. Напротивъ, то, что мы встрѣтимъ, есть не что иное, какъ слабые новые ростки, выросшіе все изъ той же анимистической почвы. Солнце и земля, два главныя божества во всякомъ земледѣльческомъ культѣ, есть и у славянъ-земледѣльцевъ; они даже считаютъ себя „внуками Даждь-бога“, а сырую землю называютъ своей матерью. Но первое же обращеніе къ солнцу, еще теперь сохранившееся въ дѣтской пѣсенкѣ, разсѣиваетъ всякія сомнѣнія насчетъ истинной природы этого божества и хоронитъ всякія надежды на солнечный миѳъ. „Солнышко-ведрышко, *выгляни въ окошечко*, твои дѣти плачутъ!“ Къ сожалѣнію, въ этой пѣснѣ не сохранилось выраженіе обѣщаній солнцу за его дары, обѣщаній, какія мы находимъ въ другой пѣснѣ, обращенной къ дождю, существу также важному для земледѣльца: „Дождикъ, дождикъ, пуще, дадимъ тебѣ гущи, хлебай поне-

множку!“ Солнце, морозъ, да еще вѣтеръ, который пригоняетъ тучи — такіе же мужики, какъ и человѣкъ, ничего стихійно-необыкновеннаго въ нихъ нѣтъ. Правда, встрѣчный человѣкъ останавливается передъ ними съ почтеніемъ, но божества ведутъ себя совершенно по-мальчишески, какъ удалые парни, у которыхъ расходившаяся сила проситъ выхода. Къ сожалѣнію, „мать-земля сырая“ не такъ ясна для насъ, какъ солнце: но и она, повидимому, еще не мыслится въ видѣ богини, отвлеченной отъ земли въ собственномъ смыслѣ. Она часто стонетъ подъ тяжестью, которую ей приходится нести, она иногда разступается, т.-е. открываетъ свою пасть и поглощаетъ все попадающееся при этомъ. Но ея плодоносное значеніе, какъ стихіи, оплодотворяемой солнцемъ, еще не ясно; младенческій умъ днѣпровскаго дикаря не дошелъ еще до этой концепціи. И вообще, указанныя божества далеки отъ него; дождикъ для него, пожалуй, даже понятнѣе и ближе, чѣмъ солнце. Ближе всего и понятнѣе всего, однако, для днѣпровскаго дикаря-земледѣльца тѣ явленія, которыя тѣснѣе всего и нагляднѣе всего связаны съ земледѣльческими работами: смѣна зимы, весны и лѣта, временъ года, съ которыми связанъ циклъ его хозяйственныхъ работъ. Холодное и темное время зимы, которая убиваетъ всякую растительную жизнь, появленіе весны, которая приноситъ тепло и зелень, лѣто, которое золотитъ колосья и даетъ жатву—вотъ феномены, которые самымъ непосредственнымъ образомъ затрагиваютъ психику дикаря. Обобщеніе этого цикла въ явленіяхъ движенія солнца есть продуктъ уже послѣдующаго рефлекса, совпадающаго съ тѣмъ моментовъ, когда земледѣліе становится основнымъ хозяйственнымъ промысломъ. Съ этимъ цикломъ временъ года, соотвѣтствующимъ циклу земледѣльческихъ хозяйственныхъ работъ, связанъ циклъ обрядовъ, которые въ большинствѣ случаевъ примыкаютъ къ анимистическимъ вѣрованіямъ и лишь изрѣдка отъ нихъ отклоняются въ сторону стихійнаго натурализма.

Въ настоящее время нелегко возстановить циклъ этихъ обрядовъ, хотя очень многіе изъ нихъ до сихъ поръ сохраняются въ народномъ обиходѣ, причудливо переплетаясь съ христіанскимъ культомъ и миѳомъ. Поэтому, послѣдующее изложеніе будетъ поневолѣ лишь самымъ общимъ и приблизительнымъ; въ особенности затруднительна будетъ номенклатура и датированіе обрядовъ, ибо они въ различныхъ мѣстностяхъ и до сихъ поръ носятъ различныя названія и пріурочиваются къ различнымъ христіанскимъ праздникамъ.

Въ древности, по всей вѣроятности, точнаго пріуроченія не существовало, обрядъ пріурочивался къ тому или иному моменту хозяйственныхъ работъ: къ началу сѣва, концу жатвы, и т. д., что, въ зависимости отъ погоды, не могло происходить ежегодно въ одинъ и тотъ же день. Названіе и точные сроки, слѣдовательно, такія детали, которыя находятся внѣ предѣловъ нашего знанія: они могутъ быть опредѣлены только гипотетично. Мотивъ и содержаніе обрядовъ поддаются болѣе точному опредѣленію; въ этомъ отношеніи современные пережитки предоставляютъ въ наше распоряженіе обильный и даже мѣстами красочный матеріалъ.

Циклъ этихъ обрядовъ начинался зимою, въ тотъ моментъ, когда „солнце поворачиваетъ на лѣто", т.-е. когда дни начинаютъ замѣтно прибывать. По нашему счету это будетъ конецъ декабря—начало января, моментъ, къ которому болѣе развитыя земледѣльческія религіи привязываютъ рожденіе бога солнца. Для нашихъ предковъ, однако, мысль о ежегодной смерти и воскресеніи или рожденіи бога-солнца была еще чуждой; правда, что въ настоящее время поютъ: „уродилась коляда наканунѣ Рождества", но до сихъ поръ не разрѣшенъ вопросъ, что такое коляда: названіе праздника или названіе божества,—и, кромѣ того, пѣсня въ ея теперешнемъ видѣ обнаруживаетъ слишкомъ сильное вліяніе христіанской мифологіи. Гораздо вѣроятнѣе будетъ предположить, что для нашихъ предковъ зимніе колядные обряды были связаны не съ наблюденіемъ надъ движеніемъ солнца, а съ наблюденіемъ надъ временами года. Дни прибавляются, слѣдовательно, скоро конецъ зимѣ; надо подсчитать остающіеся на зиму запасы и принести жертву богамъ, чтобы съ ихъ помощью дотянуть до весны безъ недостатка или катастрофы. Наше предположеніе подкрѣпляется еще наблюденіемъ надъ праздникомъ, соотвѣтствовавшимъ теперешней масленицѣ и совпадавшимъ или стоявшимъ очень близко по времени съ зимней колядою: въ этотъ праздникъ провожали зиму и торжественно сжигали изображавшее ее соломенное чучело. Молились и „жрали жертвы" въ эти дни также не солнцу; прежде всего вспоминали святыхъ родителей, пекли для нихъ блины и просили „намъ жита засылайте": а потомъ старались ублаготворить мѣстныхъ фетишей и тотемовъ *). Какъ показываютъ лучше сохранившіеся весенніе обряды, колядованіе есть не

*) Современная рождественская елка (Weihnachtsbaum)—пережитокъ зимняго германскаго фетиша, распространившійся по всей Европѣ.

что иное, какъ остатокъ такой групповой жертвы мѣстному фетишу или тотему. Темные для насъ термины «коляда», овсень», «таусень», «баусимъ», чередующіеся въ рождественскихъ колядкахъ, могли бы пролить свѣтъ на объекты зимней жертвы, но, къ сожалѣнію, они остаются неразгаданными.

Зима проходитъ, на смѣну ей приходитъ весна; вмѣстѣ съ нею приходятъ новыя надежды, но вмѣстѣ съ тѣмъ и новыя заботы. Отъ того, какъ пройдетъ весна, зависитъ посѣвъ и зависитъ будущая жатва; весна — основаніе хозяйственной жизни всего предстоящаго года. Неудивительно, что весенняя обрядность самая богатая и самая живучая; до сихъ поръ съ весной связывается цѣлый рядъ полуязыческихъ праздниковъ, дающихъ обильный матеріалъ для возсозданія древней весенней обрядности. Какъ въ зимней обрядности, такъ и въ весенней на первомъ мѣстѣ стоитъ не солнце. Солнце свѣтитъ ярче, грѣетъ теплѣе, дикарю отъ этого пріятнѣе и легче; но не будучи въ силахъ отвлечься отъ своего анимистическаго міровоззрѣнія, онъ ищетъ живое существо, которое приноситъ весну, въ которомъ заключена весна. Найти это существо нетрудно: весна, навѣрное, скрывается въ одной изъ тѣхъ перелетныхъ птицъ, которыя весною прилетаютъ въ лѣса, окружающіе дикаря, и наполняютъ ихъ своимъ щебетаньемъ. Въ роли весны чаще всего, вѣроятно, выступали куликъ, ласточка, сизая галочка, жаворонокъ и кукушка. Куликъ приноситъ за собой изъ-за моря девять замковъ, чтобы запереть зиму и отперетъ весну и теплое лѣто; аналогичныя дѣйствія приписываются въ другихъ пѣсняхъ жаворонку и сизой галочкѣ. Но самая подлинная весна — это ласточка. Если она совьетъ гнѣздо на домѣ, то этому дому весь годъ будетъ счастье. Сосѣдніе съ нашими предками поляки вѣрили, что весной владыка міра превращается въ кукушку и предвѣщаетъ каждому остающееся число лѣтъ жизни. Прочный пережитокъ описаннаго вѣрованія до сихъ поръ держится въ обычаѣ отпускать весною птицъ на волю. Не менѣе характерно другое переживаніе, въ которомъ тотемистическая старина чуть ли не живьемъ упирается въ XX вѣкъ. Съ точки зрѣнія дикаря, лучшее средство воспользоваться благодѣтельными силами весны, какъ всякаго другого существа, это—съѣсть его; поэтому дикари ѣдятъ своихъ убитыхъ враговъ, чтобы присвоить себѣ ихъ силу, и для той же цѣли ѣдятъ или приносятъ въ жертву своихъ тотемовъ. Современный обычай печь весной жаворонковъ или аистовъ (въ Бѣлоруссіи) и ѣсть ихъ есть не что иное, какъ

полустертая модификація жертвы, несомнѣнно, существовавшей въ древности и состоявшей въ томъ, что „весну“ ловили и приносили въ жертву, т.-е. попросту съѣдали *).

Весна пришла; что же надо сдѣлать, чтобы использовать ея милость и не навлечь на себя ея гнѣва? Прежде всего надо накормить ее. И теперь еще въ Саранскомъ уѣздѣ, Пензен. губ., какъ только начнетъ таять снѣгъ, бабы раскладываютъ на проталинахъ свои точи, кладутъ на нихъ куски пирога или хлѣба и приговариваютъ: „вотъ тебѣ весна-матушка!“ Весна въ образѣ птицъ поѣдаетъ эту жертву. Но мало накормить одну весну. Надо принять еще цѣлый рядъ предосторожностей. Весна приноситъ съ собой не одно тепло и зелень. Вмѣстѣ съ ней приходятъ болѣзни: Кумаха (лихорадка), Желя, Чума и др. Зимой они наголодались и нахолодались, а теперь, какъ тепло стало, имъ раздолье: постоянно выхватываютъ себѣ все новыя и новыя жертвы. Надо оградить отъ нихъ и себя, и скотъ, и поля. Для этого надо начисто вымыть и вычистить избы и хлѣвы, а поля опахать бороздой: болѣзни увидятъ эту борозду и не перешагнутъ черезъ нее. Затѣмъ надо накормить всѣхъ другихъ боговъ, чтобы они были сыты и помогали во время полевыхъ работъ. На дворѣ ставится для боговъ столъ и уставляется всякими яствами; боги, въ видѣ пчелъ, слетаются на это пиршество и пируютъ вмѣстѣ съ людьми. Описаніе этого обряда сохранилось въ бѣлорусскихъ и малорусскихъ волочобныхъ (колядныхъ) пѣсняхъ; но въ этихъ пѣсняхъ мы не находимъ уже боговъ, а находимъ разныхъ святыхъ: на дворѣ шатеръ золотой, въ немъ кресло, въ креслѣ самъ богъ, а кругомъ святые въ видѣ пчелъ сидятъ и пируютъ за столомъ, вмѣстѣ съ волочобниками. Другой варіантъ еще болѣе характеренъ:

---

*) Олицетвореніе весны въ видѣ птицы наиболѣе древнее и прочно сохранившееся. На ряду съ нимъ впослѣдствіи, когда земледѣліе выдвинулось на первый планъ и заслонило собою охотничьи промыслы, выросло другое представленіе о веснѣ, сохраняющееся въ великорусскихъ пѣсняхъ. Весна въ этихъ пѣсняхъ—миѳическое существо, пріѣзжающее на „сошечкѣ, на бороночкѣ“, или „на жердочкѣ на бороздочкѣ, на овсяномъ колосочкѣ, на пшеничномъ пирожочкѣ“. Весна этихъ пѣсенъ рисуется уже въ видѣ человѣка; по крайней мѣрѣ, за это говоритъ обрядъ, практикующійся и понынѣ въ Борисовскомъ уѣздѣ. Минск. губ.. Тамъ выбирается изъ среды дѣвушекъ одна, наиболѣе красивая и работящая; ее украшаютъ цвѣтами и сажаютъ на борону; затѣмъ парни съ пѣснями обвозятъ эту „вясновку“ на боронѣ по всѣмъ полямъ. Этотъ обрядъ, напоминающій греческія Діонисіи, былъ, вѣроятно, также чуждъ днѣпровской древности и сложился быть можетъ, очень поздно, подъ вліяніемъ католическихъ церковныхъ процессій. Что касается до представленія весны въ видѣ птицы, то въ этомъ отношеніи любопытенъ параллельный съ русскимъ обычай въ Прибалтійскомъ краѣ: тамъ къ Пасхѣ традиціонное и самое дорогое кушанье, которое далеко не всегда можно достать,—дикій лебедь; въ нѣкоторыхъ русскихъ мѣстностяхъ также существуетъ повѣрье, что весну приноситъ гоголь.

Што же въ полѣ синѣется,
Да синѣется, да чернѣется?
Пречистая мать на похацѣ*) ѣдеть
Восьми конями, да все вороными,
Тремя слугами, да все вѣрными:
Святъ Игорья на козлахъ сидитъ,
Святъ Илья на запяткахъ стоитъ.
А святъ Микола посреди ея.
Подъѣзжаютъ они ко честному мужу,
Къ честному мужу, къ богатому дому.

Другими словами, боги уже знаютъ свое время, и если ихъ не накормить въ день встрѣчи весны, то они не будутъ помогать своему почитателю. Среди этихъ божествъ есть, однако, опять-таки такія, которыхъ въ особенности надо накормить и повеселить. Это—боги-предки. Поминаніе ихъ происходитъ тѣмъ же порядкомъ, какъ было уже описано; пережитокъ его—современное поминаніе умершихъ въ понедѣльникъ на Пасхѣ въ Великоруссіи, а въ Малороссіи и въ Бѣлоруссіи въ великій четвергъ, „навскій великъ день". Живучесть этого поминовеннаго обряда показываетъ, что онъ, по всей вѣроятности, былъ самымъ главнымъ актомъ праздника встрѣчи весны.

Послѣ встрѣчи весны проходитъ нѣкоторый промежутокъ времени, пока не стаетъ окончательно снѣгъ и не провянутъ поля. Тогда можно приступить къ посѣву. Съ этимъ хозяйственнымъ актомъ также былъ связанъ цѣлый рядъ обрядовъ, остатки которыхъ сохраняются до сихъ поръ. Какъ раньше все вниманіе было обращено на весну, такъ теперь все вниманіе обращается на землю. Въ нее будутъ брошены сѣмена, которыя она вскормитъ и вспоитъ. Но для того чтобы посѣять сѣмена, надо взрыть землю, надо причинить ей рану, можетъ быть, боль; земля можетъ разсердиться и не родить ничего. Поэтому при запашкѣ надо накормить землю: въ борозды кое-гдѣ кладутъ хлѣбъ и яйца или просто обходятъ поля съ яствами (пирогомъ, водкой и селедкой). Но не только земля, и сѣмена нуждаются въ жертвѣ, и ихъ надо задобрить; поэтому нельзя выходить сѣять, не положивъ заранѣе въ лукошко съ сѣменами яйца или хлѣбъ. Когда, такимъ образомъ, задобрены спеціальные агенты, надо задобрить и другихъ, которые если не прямо, то косвенно могутъ оказать вліяніе на судьбу засѣянныхъ полей. Вниманіе дикаря невольно обращается къ такому фетишу, который самъ напоминаетъ о себѣ весною. Березка, разодѣвшаяся листвой, вся въ сережкахъ, сіяющая и благоухающая—вотъ подлинная богиня конца

---

*) Т.-е. на сохѣ.

весны, именно она, а не дубъ, которому она противополагается въ пѣснѣ: дубъ распускается медленно, его листъ появляется только тогда, когда посѣвъ уже давно оконченъ. Березка—весенній фетишъ, къ ней гурьбой идутъ дѣвушки и несутъ ей въ жертву пироги, лепешки и яичницы. Подъ сѣнью березы жертва съѣдалась, а затѣмъ подъ нею же начинались игры и пляски, чтобы развеселить и задобрить фетиша, который по прошествіи срока опять забывается до слѣдующей весны. Наконецъ, опять надо накормить предковъ. Прежніе случаи кормленія были, такъ сказать, авансомъ, но теперь уже дѣло сдѣлано, поля засѣяны, и помощь предковъ въ особенности нужна. Этотъ вторичный весенній поминальный обрядъ совершался съ особою торжественностью и обиліемъ жертвъ; не даромъ Стоглавъ особенно вооружался противъ поминальныхъ обрядовъ именно Троицына дня. Мертвецамъ приносили обильныя жертвы, но не ограничивались этимъ. Пиръ горой не можетъ быть безъ пляса и музыки, и, по свидѣтельству Стоглава, на этихъ поминкахъ плакали только въ самомъ началѣ, и то для соблюденія формы; а затѣмъ начиналось самое разнузданное веселье. Таковъ же былъ характеръ этихъ „русалій" и въ XI вѣкѣ. Русаліи—это игры скоморошескія: на нихъ бываютъ „бѣсовскія пѣсни, плясанье, бубны, сопѣли, гусли, пискове, игранья неподобныя". Мертвецы могли быть довольны такими пиршествами и торжествами; живые могли быть спокойны за будущее. Оставалось послѣ поминовенія предковъ совершить еще два акта: еще разъ вымыть и вычистить всякую нечисть и болѣзнь и похоронить ее, въ видѣ символическаго чучела, въ рѣкѣ. Безобразное чучело, обыкновенно въ видѣ бабы, дѣлаютъ въ полѣ, съ заклинаніями выносятъ оттуда и топятъ въ рѣкѣ. Всѣ предосторожности приняты, остается ждать урожая.

Урожай выясняется въ серединѣ лѣта, когда жаръ достигаетъ своего апогея. При началѣ жатвы—снова праздникъ. Въ обрядности этого праздника выступаютъ два божества, аналогичныя веснѣ, т.-е. олицетворенія суммы извѣстныхъ явленій, Купала и Ярила. Было предложено много толкованій смысла этихъ божествъ; по большей части, ихъ считаютъ олицетвореніемъ лѣтняго солнца,—солнца, находящагося въ зенитѣ силы и жара. Но эта теософская абстракція совершенно недопустима для такой первобытной эпохи, какою является вѣкъ днѣпровскаго язычества. Относительно значенія Купалы мы находимъ драгоцѣнныя указанія въ Густинской

лѣтописи, гдѣ Купала обозначается, какъ богъ обилія, урожая, богъ созрѣвшихъ плодовъ земныхъ. Исходя изъ этого опредѣленія, Купалу можно проще обозначить, какъ урожай. Его отличіе отъ „Угомона", „Горя", „Доли" и другихъ подобныхъ полубожественныхъ существъ заключается преимущественно въ томъ, что онъ имѣетъ уже собственное имя—признакъ, что онъ, подобно солнцу (Даждьбогъ), вѣтру (Стрибогъ) и др., сталъ уже дифференцироваться изъ прежней своей анимистической среды. Этому Купалѣ приносили жертву въ началѣ жатвы. Другой богъ, Ярило, не такъ ясенъ. Обряды Ярилиной ночи были тѣсно связаны съ половыми мотивами, переходили иногда въ вакханаліи. Отсюда можно заключить, что Ярило былъ аналогичнымъ Купалѣ богомъ человѣческаго плодоношенія, тѣмъ зачаткомъ, изъ котораго впослѣдствіи могло бы развиваться особое божество любви. Обряды Ярилиной ночи не ограничивались, однако, указанными мотивами. Неизбѣжнымъ образомъ и здѣсь мы встрѣчаемъ почти въ нетронутомъ видѣ фетишистскія вѣрованія. Фетишъ Купальской ночи—папоротникъ. Онъ фетишъ только на эту ночь, ибо только въ эту ночь онъ цвѣтетъ, и кто завладѣетъ имъ въ эту ночь, тому онъ принесетъ богатство и благополучіе. Позднѣйшія поколѣнія модифицировали это представленіе въ томъ смыслѣ, что подъ папоротникомъ можно найти зарытый кладъ. Культъ папоротника объясняетъ намъ и другую особенность Ярилиной или Купальской ночи, которая невольно заставляетъ сторонниковъ солярной теоріи впадать въ жестокое противорѣчіе съ самими собой. Праздникъ въ честь солнца не можетъ происходить ночью, въ отсутствіе божества; ночной праздникъ въ честь солнца—это contradictio in adiecto. Но праздникъ въ честь урожая, въ честь изобилія, приносимаго чудеснымъ фетишемъ, можетъ и долженъ происходить ночью: ночь для дикаря кажется таинственнымъ временемъ, когда всѣ феномены природы не считаютъ нужнымъ прятаться отъ человѣка и раскрываютъ свою истинную сущность. Въ результатѣ позволительно будетъ спросить, не былъ ли именно папоротникъ первоначально урожаемъ, какъ весна первоначально отождествлялась съ ласточкой или жаворонкомъ? Во всякомъ случаѣ, когда тотъ или иной обрядъ состоитъ изъ разнородныхъ элементовъ, мы можемъ раскрыть его истинный смыслъ и сущность, только исходя изъ его древнѣйшихъ элементовъ; а къ послѣднимъ относится именно культъ папоротника.

Таковы были особенности религіозныхъ вѣрованій сла-

вянъ, въ хозяйственной жизни которыхъ играло уже нѣкоторую роль земледѣліе. Мы видимъ, что земледѣльческіе культы славянъ, въ сущности, еще не вышли изъ анимизма; появились лишь нѣкоторые немногочисленные зачатки болѣе развитой системы, но не успѣли развиться, какъ были исковерканы и затемнены вторженіемъ христіанства въ концѣ X вѣка. Христіанство пришло извнѣ, было навязано славянской народной массѣ ея купеческо-военными верхами. Религіозныя вѣрованія этихъ верховъ въ X вѣкѣ до принятія христіанства также представляютъ нѣкоторыя особенности, на которыхъ приходится остановиться.

Жизнь этихъ верховъ уже оторвалась отъ лѣсовъ и болотъ, стала болѣе тѣсно связана съ городами и полуторговыми, полуразбойничьими путешествіями. Естественно, что, въ силу такихъ условій, анимистическія вѣрованія должны были значительно потускнѣть, должны были выдвинуться вѣрованія иного порядка. Разбойникъ-купецъ былъ, правда, попрежнему суевѣренъ; затменіе солнца или подозрительное поведеніе птицъ и звѣрей казалось ему дурнымъ признакомъ, не предвѣщающимъ ничего хорошаго; своихъ покойниковъ онъ боялся не меньше, чѣмъ его лѣсные соплеменники. Но въ городѣ или на походѣ уже нельзя было обходиться случайными фетишами; тѣмъ болѣе далеки стали разбойнику-купцу тотемы. Города требовали постоянныхъ покровителей, походъ — постоянныхъ помощниковъ. Съ другой стороны, славянскій разбойникъ-купецъ постоянно приходилъ въ соприкосновеніе съ норманнами и византійцами, миѳологія которыхъ была несравненно болѣе разработана и систематична. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ условій замѣчается въ военно-купеческой средѣ развитіе религіозныхъ вѣрованій въ двухъ направленіяхъ. Во-первыхъ, въ городахъ появляются постоянные идолы, которые правда не утратили еще своего стараго чисто-фетишистскаго характера, но уже пріобрѣли значеніе постоянныхъ, обладающихъ неизмѣнною силою и святостью боговъ. На первое указываетъ общераспространенный тогда взглядъ, что жертву жретъ именно идолъ или скрывающійся въ немъ богъ; идолъ не просто изображеніе божества, но его вмѣстилище, иногда даже тождественъ съ нимъ. Второе засвидѣтельствовано точными указаніями лѣтописи: идолы уже не чета тѣмъ фетишамъ, которыхъ дѣлаютъ и бросаютъ ежедневно, это постоянные и притомъ очень требовательные боги, требующіе иногда даже человѣческихъ жертвъ. Лѣтопись упоминаетъ идолы, главнымъ образомъ, двухъ боговъ

Перуна, громовика, культъ котораго господствовалъ въ Кіевѣ, и Велеса или Волоса, „скотьяго бога", идолъ котораго стоялъ въ Ростовѣ еще въ началѣ XI в. Перунъ—это молнія; таково буквальное значеніе этого имени; ясно, что представленіе о Перунѣ развилось изъ стараго чисто анимистическаго представленія, аналогичнаго представленію о громѣ или огнѣ, какъ живыхъ существахъ. Перунъ легко пріобрѣлъ значеніе бога-воителя, а слѣдовательно бога-покровителя военно-торговыхъ людей; имъ клянется часть дружины Игоря передъ его идоломъ на одномъ изъ кіевскихъ холмовъ, его призываютъ кіевляне на помощь противъ враговъ. Труднѣе опредѣлить анимистическую генеалогію ростовскаго Велеса; возможно, что это имя надо объяснять съ языка ростовской мери. Во-вторыхъ, появляются намеки на богословскую систему, стремленіе выяснить отношенія между отдѣльными богами; тутъ несомнѣнно вліяніе византійскихъ вѣрованій. Солнце или Даждь-богъ, иногда называется Сварожичемъ, сыномъ Сварога; Сварогъ—это огонь (по другому, менѣе вѣроятному толкованію—небо); люди—дѣти солнца, или „Даждь-божи внуки. Стрибогъ—вѣтеръ; „но Слово о полку Игоревѣ" изображаетъ его уже отцомъ вѣтровъ: вѣтры—Стрибожи внуки. Дальше этихъ зачатковъ, однако, самобытное славянское богословіе не пошло и было скоро вытѣснено христіанствомъ.

Религіозная реформа кіевскаго князя Владиміра въ сущности не была реформой для значительной части дружины. Торговые интересы быстро заставляли варяговъ и славянъ разставаться со старымъ язычествомъ; еще при Игорѣ въ Кіевѣ уже была церковь во имя св. Ильи (святой, который въ ветхозавѣтной легендѣ также связанъ съ молніей), и половина его дружины клялась именемъ христіанскаго бога. Ко времени Владиміра число христіанъ въ княжеской дружинѣ должно было еще болѣе увеличиться, и это обстоятельство какъ нельзя болѣе благопріятствовало давнишнимъ намѣреніямъ грековъ стать полновластными господами надъ богатой сырыми продуктами днѣпровской страной. За дальностью разстоянія отъ Византіи, конечно, не могло быть и рѣчи о фактическомъ завоеваніи; средствомъ для упроченія византійскаго вліянія должна была служить религія. Обращеніе русскихъ въ христіанство сулило дальнѣйшее подчиненіе Поднѣпровья греческому вліянію и обѣщало жадному византійскому духовенству новые источники доходовъ. Владиміръ, подъ вліяніемъ греческихъ царей, принялъ христіанство и объявилъ его официальной религіей; кіевлянъ согнали къ

Днѣпру и окрестили, а Перуна свергли и изгнали изъ Кіева. Но богъ, хотя и свергнутый, могъ опять вернуться и наказать за отступничество; поэтому Владимиръ сдѣлалъ особыя распоряженія насчетъ изгнанія Перуна: особые люди должны были бросить Перуна въ воду и подталкивать его, пока онъ не пройдетъ пороги. Вслѣдъ за Кіевомъ настала очередь другихъ городовъ, гдѣ христіанство было введено тѣмъ же порядкомъ, что и въ Кіевѣ; въ Новгородѣ пришлось даже пустить въ ходъ военную силу.

Это обращеніе, конечно, могло быть и было чисто внѣшнимъ. Христіанская миѳологія и культъ совершенно не подходили къ условіямъ жизни Приднѣпровья. Христіанство возникло на почвѣ ожесточенной соціальной борьбы I вѣка: оно было сначала эсхатологической религіей рабовъ и пролетаріевъ и только впослѣдствіи было переработано въ богословскую отвлеченную религію съ могучей церковной организаціей, въ лицѣ которой тогдашнее государство получило новое могущественное орудіе для своей власти. Приднѣпровье жило совсѣмъ въ другихъ хозяйственныхъ и соціальныхъ условіяхъ. Поэтому главный мотивъ евангельской миѳологіи, мотивъ искупленія, остался чуждъ новообращенной массѣ. Іисусъ Христосъ, какъ спаситель и искупитель, былъ для нея непонятенъ, не трогалъ ее; и вся остальная философско-теософская система, сотканная александрійцами вокругъ догмата о Христѣ, оставалась столь же чуждой и странной для славянскаго уха. Но въ церковномъ византійскомъ христіанствѣ были еще элементы, которые дали возможность обращенію укрѣпиться. Церковная организація давала въ руки дифференцировавшагося отъ общей массы славянъ купеческо-дружинническаго слоя новое орудіе для хищнической эксплуатаціи подвластныхъ имъ племенъ. Греческій священникъ съ крестомъ, сопутствуемый дружинникомъ съ мечемъ, проповѣдывалъ не только новую религію, но и подчиненіе во имя этой религіи княжеской власти. Съ другой стороны, содержаніе византійскаго христіанства не ограничивалось богословскими отвлеченными концепціями. Рядомъ съ ними жилъ въ христіанской оправѣ цѣлый рядъ пережитковъ всѣхъ тѣхъ народныхъ религій, которыми пестрѣли восточная и западная имперіи. Ангелы и бѣсы, иконы и мощи, таинства и процессіи, наконецъ, даже религіозные гимны и ихъ напѣвы — все это столь же мало было оригинальнымъ созданіемъ христіанства, какъ и христіанская догматика, эта причудливая смѣсь іудейскаго мессіанизма съ греческимъ неоплатонизмомъ. Эти пережитки народныхъ вѣрованій и культа, освященные

христіанскою церковью, и были той плоскостью, на которой произошло сліяніе днѣпровскаго анимизма съ византійскимъ христіанствомъ. Въ христіанскихъ святыхъ и священныхъ реликвіяхъ, которымъ церковь присвоивала чудотворную силу, приднѣпровецъ вновь находилъ утраченныхъ было спеціальныхъ боговъ-покровителей и фетишей; въ непонятномъ для него культѣ онъ находилъ замѣну прежнихъ волхвованій, а на монаховъ и на священниковъ смотрѣлъ, какъ на волхвовъ; наконецъ, византійскіе погребальные обряды, съ ученіемъ о безсмертіи души и воскресеніи, легко соединялись съ первобытнымъ культомъ мертвыхъ. Этотъ процессъ синкретизма облегчался еще тѣмъ, что по существу всѣ указанные элементы христіанскихъ вѣрованій и культа вели свое происхожденіе отъ тѣхъ же анимистическихъ предковъ; несмотря на вѣковую переработку всѣхъ анимистическихъ воззрѣній сначала въ горнилѣ греческой, а затѣмъ въ горнилѣ христіанской религіи, они все-таки легко могли быть очищены отъ результатовъ всѣхъ позднѣйшихъ модификацій и приведены къ первоначальному виду. Наконецъ, дѣйствовало и еще одно условіе, на которое обычно указываютъ, какъ на одно изъ самыхъ главныхъ условій, породившихъ двоевѣріе. Это именно педагогическіе пріемы византійскихъ проповѣдниковъ. Не будучи въ силахъ достичь дѣйствительнаго превращенія дикарей въ христіанъ, видя тщетность убѣжденій, что языческіе боги не существуютъ въ дѣйствительности, а существуетъ лишь одинъ христіанскій богъ, они пошли на уступки: они признали реальность существованія всѣхъ безчисленныхъ славянскихъ боговъ, приравнявъ ихъ къ бѣсамъ, и признали святость традиціонныхъ мѣстъ и сроковъ культа. выстраивая храмы на мѣстѣ кумировъ и назначая христіанскіе праздники приблизительно на тѣ дни, къ которымъ пріурочивались ранѣе языческіе. Но этотъ пріемъ не достигъ своей цѣли. Не говоря уже о народной массѣ, которая благодаря ему могла измѣнить только номенклатуру, но не содержаніе своихъ вѣрованій, онъ открылъ широкую дорогу для двоевѣрія и среди верхняго слоя кіевскаго общества. Кіевскіе монахи и священники изъ славянъ увѣровали въ теорію бѣса; существованіе бѣса, утверждаемое христіанствомъ, только утвердило ихъ въ вѣрѣ въ существованіе ихъ прежнихъ кумировъ и дало возможность замѣнить христіанскую теорію бѣса доморощеной: врагъ рода человѣческаго потому его врагъ, что его теперь не кормятъ! Полтора вѣка спустя эта упрощенная теорія замѣнилась другой, уже считавшейся съ христіанской теоріей бѣса: когда приверженцы сатаны были низ-

вергнуты на землю, то попавшие въ воду стали водяными, въ лѣсъ—лѣшими, въ домъ—домовыми и т. д.; языческія области—это страны, гдѣ царствуетъ діаволъ, который въ 988 году горько плакался: „увы мнѣ! яко отсюда прогонимъ есмь! сдѣ бо мняхъ жилище имѣти, яко сдѣ не суть ученія апостольска, ни суть вѣдуще бога, но веселяхся о службѣ ихъ, еже служаху мнѣ; и се уже побѣжденъ есмь отъ невѣгласа сего, а не отъ апостолъ, не отъ мученикъ, не имамъ царствовати въ странахъ сихъ". Многочисленные разсказы Кіево-Печерскаго Патерика свидѣтельствуютъ о живости и яркости вѣры въ бѣсовъ; изъ цѣлаго ряда курьезовъ этого рода достаточно вспомнить разсказъ о томъ, какъ юродивый Исакій терпѣлъ искушенія отъ бѣсовъ: бѣсы страшали его въ видѣ медвѣдей, мышей, жабъ, воловъ и всякихъ гадовъ.

Теорія бѣса плохо привилась въ народной средѣ. Народъ пересталъ призывать Перуна, которому и раньше онъ мало поклонялся; но всѣ прочія безчисленныя мелкія божества для народа не исчезли и даже не перемѣнили своихъ свойствъ. Они стали только еще болѣе враждебны человѣку, потому что послѣдній пересталъ кормить ихъ. Бѣсъ занялъ мѣсто рядомъ съ ними; если мы всмотримся въ фигуру бѣса, какъ онъ изображается въ сказкахъ, мы не найдемъ въ немъ никакихъ признаковъ демоническаго духа зла и ада, какимъ онъ рисуется въ христіанской демонологіи. Онъ любитъ подшутить надъ человѣкомъ, но часто подчиняется ему и оказываетъ услуги; онъ столь же близокъ къ человѣку, какъ любое другое существо природы, живетъ подъ землей или въ омутахъ и ничуть не страшенъ. Сказка изображаетъ его скорѣе въ комическомъ, чѣмъ въ отвратительномъ или ужасномъ видѣ. По мѣрѣ затемнѣнія прежнихъ вѣрованій, съ фигурой бѣса, несомнѣнно, часто стали сливаться фигуры водяного и лѣшаго; но это сліяніе не уничтожило самостоятельныхъ представленій о послѣднихъ и происходило само собой, а не подъ вліяніемъ теоріи первыхъ доморощенныхъ днѣпровскихъ богослововъ. Можно сказать, что христіанство сначала лишь обогатило лѣсной и водяной олимпъ новымъ представителемъ.

Христіанскія представленія о богѣ, раѣ и адѣ также преломились до неузнаваемости, пройдя сквозь призму славянской первобытной религіи. Слѣдующая любопытная малорусская сказка показываетъ, во что превратился въ народномъ представленіи тотъ высочайшій духовный богъ, котораго проповѣдывали греческіе священники. Баба нашла на дорогѣ горошину, дѣдъ посадилъ ее подъ поломъ; изъ горошины выросъ горохъ и дотянулся до самаго неба, а стручки на немъ

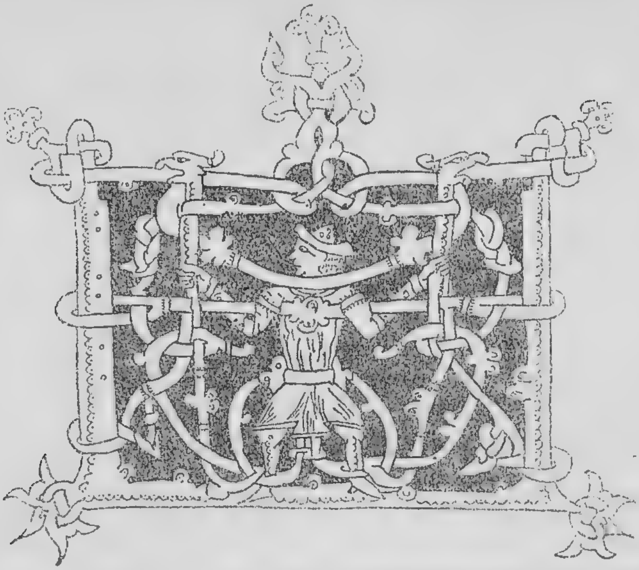
уродились прямо невиданные. Стерегъ-стерегъ дѣдъ стручки, да и заснулъ; а пока онъ спалъ, богъ всѣ стручки и забралъ себѣ. Старикъ полѣзъ по горошинѣ на небо и сталъ упрекать бога; тотъ далъ дѣду за стручки золотые лапти. Дальше идетъ обычный во многихъ сказкахъ разсказъ о томъ, какъ старикъ промѣнивалъ лапти до тѣхъ поръ, пока остался ни съ чѣмъ. На христіанскаго бога здѣсь перенесены всѣ черты прежняго нехитраго божества. Спасеніе, которое приноситъ Христосъ, претворилось въ народномъ представленіи въ чисто реальное, матеріалистическое принесеніе благополучія: „Исусъ Христосъ у воротъ стоитъ, онъ съ хлѣбомъ, съ солью, со скатертью, со скотинкою, съ животинкою“ — поется въ одной рождественской подблюдной пѣснѣ. Рай уже на небѣ, а не подъ землею; но чтобы туда попасть, не нужно никакихъ подвиговъ; достаточно взобраться до неба по лѣстницѣ, прорубить въ немъ дыру и пролѣзть туда; а райское блаженство заключается въ томъ, что въ раю стоятъ чудесные жернова, какъ повернутся, тутъ тебѣ каша да пироги. Такое же превращеніе потерпѣли другія христіанскія представленія. Весна превратилась въ Богородицу, пріѣзжающую на Благовѣщенье на сохѣ; въ бѣлорусской волочобной пѣснѣ святые Илья, Егорій и Никола превратились въ покровителей сельскохозяйственныхъ работъ и помощниковъ земледѣльца; другіе святые превратились въ покровителей другихъ спеціальныхъ работъ, цѣлителей опредѣленныхъ болѣзней и т. д. Даже такое отвлеченное понятіе, какъ понятіе благодати, не избѣжало общей участи: во время молитвы наканунѣ сѣва самарскіе крестьяне до сихъ поръ еще затыкаютъ въ избѣ всѣ щелки и закрываютъ всѣ трубы, чтобы нисшедшая отъ молитвы благодать божія не могла уйти изъ избы.

Но едва ли не больше всего двоевѣріе сказывается въ похоронныхъ и поминовенныхъ обрядахъ. Тутъ врядъ ли даже можно говорить о двоевѣріи: настолько живо и ярко до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сохраняются стародавніе взгляды и обычаи. Любопытно прослѣдить различные акты похоронъ и поминокъ; при этомъ обнаружится, что старый обрядъ и старая вѣра не только не умерли, но продолжали развиваться и обогащаться новыми подробностями. Когда умираетъ грѣшникъ, то для прохода его души приходится вынимать доску изъ потолка, ибо она вмѣстѣ съ сопровождающими ее чертями не можетъ пройти черезъ окна или двери, которыя обычно кропятся святой водой. Когда въ Бѣлоруссіи покойника укладываютъ въ гробъ, то кладутъ ему, кромѣ другихъ вещей, табакъ, трубку и бутылку водки,

чтобы покойникъ на томъ свѣтѣ могъ угостить друзей и знакомыхъ. Чтобы душа не выходила изъ могилы и не беспокоила живыхъ, могилу запечатываютъ четырьмя крестами, которые дѣлаются лопатою по угламъ могилы; въ Бѣлоруссіи этотъ обрядъ считается самымъ важнымъ моментомъ погребенія. На поминальныхъ обрядахъ и обѣдахъ также можно замѣтить нѣкоторыя особенности, возникшія подъ вліяніемъ церкви. Въ Бѣлоруссіи часть обѣда, заготовляемаго для поминокъ, во время заупокойной обѣдни стоитъ въ церкви, а затѣмъ выносится на могилу; часть этой жертвы обязательно отдается причту. На Пасхѣ мертвецовъ привѣтствуютъ возгласомъ „Христосъ воскресе“ и катаютъ на ихъ могилахъ яйца—своего рода христосованіе.

Таковы были и остаются еще до сихъ поръ во многихъ мѣстностяхъ результаты крещенія Руси. Крещеная Русь вмѣстѣ съ крещеніемъ не измѣнила условій своего существованія; крайне медленная хозяйственная эволюція, которая еще въ XX вѣкѣ оставляетъ углы съ нетронутымъ первобытнымъ натуральнымъ хозяйствомъ, замедлила и измѣненіе основъ крестьянскаго міросозерцанія. А когда въ моменты хозяйственныхъ и общественныхъ переломовъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ наступалъ религіозный кризисъ, народное религіозное развитіе, минуя византійское православіе, шло прямо отъ первобытнаго анимизма и фетишизма къ эсхатологическому расколу или къ духовному сектантству.

Снимокъ съ рѣзныхъ изображеній на гробницѣ Ярослава въ Кіево-Софійскомъ соборѣ.



Заставка одной изъ главъ рукописнаго новгородскаго евангелія.

ГЛАВА V

Новгородъ.

Паденіе Кіева обыкновенно прямо и непосредственно связываютъ съ перенесеніемъ центра русской исторіи на сѣверостокъ, въ „междурѣчье Оки и Волги“. Но переходъ не былъ такимъ прямымъ и непосредственнымъ, и смотрѣть на дѣло такъ, значило бы черезчуръ подчинять себя московской точкѣ зрѣнія—московской въ самомъ точномъ и тѣсномъ смыслѣ этого слова. Московскому великому князю и его сторонникамъ въ XV вѣкѣ могло и должно было казаться, что онъ принялъ власть отъ „прародителя своего Владиміра Всеволодовича Мономаха“ безъ какихъ-либо промежуточныхъ инстанцій. Но за триста лѣтъ раньше одинъ изъ предковъ этого князя, еще не стѣсненный путами фантастической идеологіи, дѣлавшей изъ бывшаго суздальскаго пригорода столицу міра, смотрѣлъ на вещи реалистичнѣе. Всеволодъ Юрьевичъ Большое Гнѣздо видѣлъ наслѣдника Кіеву не въ Москвѣ и даже не во Владимірѣ, а въ Новгородѣ Великомъ. Отправляя въ этотъ городъ сына своего, онъ говорилъ ему: „Сынъ мой

Константинъ! На тебя Богъ положилъ старѣйшинство въ братьи своей, а Новгородъ Великій имѣетъ старѣйшинство княженія во всей Русской землѣ". Пусть тутъ было и не безъ легенды, сложившейся въ самомъ Новгородѣ,—зерно истины здѣсь было, и самому Константину Всеволодовичу довелось испытать это на своей собственной судьбѣ: на суздальско-владимірскій великокняжескій столъ онъ былъ посаженъ руками новгородцевъ, которые въ этотъ моментъ были такими же хозяевами на сѣверѣ Руси, какъ за сто лѣтъ раньше Кіевъ на югѣ.

Причины этой относительной устойчивости сѣвернаго торговаго центра, сравнительно съ его южнымъ соперникомъ, въ общихъ чертахъ уже намѣчались нами раньше. Торговля Новгорода носила такой же хищническій характеръ—главную статью отпуска составляла та же самая „дань", что и на югѣ, продукты, силой отнятые у непосредственныхъ производителей. Но такой способъ добыванія „товара" былъ въ высокой степени экстенсивнымъ. Нужны были все новые и новые нетронутые или, по крайней мѣрѣ, не слишкомъ затронутые районы, чтобы питать этого рода торговлю. Кіевщина жила эксплуатаціей окрестныхъ русскихъ же земель и племенъ; когда здѣсь все было опустошено, жить больше стало нечѣмъ. У новгородской Руси была обширная колоніальная область, захватывавшая все южное побережье Ледовитаго океана, до Оби приблизительно. Здѣсь былъ практически почти неисчерпаемый запасъ наиболѣе цѣнныхъ предметовъ тогдашняго обмѣна, на первомъ мѣстѣ мѣховъ. Недаромъ мѣховая торговля первая пріобрѣла въ Новгородѣ оптовый характеръ. „Мѣха обращались въ торговлѣ обыкновенно большими количествами"—говоритъ историкъ экономическаго быта Новгорода—„тысячами, полутысячами, четвертями, сороками, дюжинами десятками и пятками; отдѣльными же единицами встрѣчались рѣдко. Болѣе цѣнные мѣха шли въ продажу обыкновенно меньшими единицами, больше всего сороками; менѣе же цѣнные—тысячами и даже цѣлыми десятками тысячъ. Изъ числа первыхъ въ источникахъ спеціально упоминаются мѣха собольи и бобровые, куньи и лисьи, хорьковые, горностаевые и лисковые, шкурки норокъ или рѣчныхъ выдръ и рысей. Изъ числа вторыхъ, менѣе цѣнныхъ мѣховъ, въ торговлѣ встрѣчались медвѣжьи, волчьи, заячьи мѣха и въ особенности въ большихъ количествахъ бѣличьи шкурки. Послѣднія нужно подразумѣвать, кажется, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда въ источникѣ говорится просто о пушномъ товарѣ, въ родѣ Schon

werk“ Russen werk, Naugaresch werk“ *). Почти монопольное господство на мѣховомъ рынкѣ одно уже обезпечивало Новгороду прочное мѣсто въ системѣ обмѣна, складывавшейся во второй половинѣ среднихъ вѣковъ вокругъ Балтійскаго моря. Но что было еще важнѣе по тогдашнимъ условіямъ — въ новгородскихъ колоніяхъ былъ едва ли не единственный на всю Россію источникъ драгоцѣнныхъ металловъ. „Закамское“, т.-е. уральское, серебро попадало и въ Западную Европу и въ Москву, пройдя черезъ форму новгородской дани,—дани, собиравшейся Новгородомъ съ Югры и другихъ уральскихъ племенъ, унаслѣдовавшихъ богатства древней Біарміи, такъ соблазнявшей еще скандинавскихъ витязей **). Здѣсь еще въ концѣ XII вѣка возможны были экспедиціи, напоминающія походы за данью Игоря и его современниковъ. Въ 1193 году цѣлое новгородское ополченіе погибло въ Югорской землѣ жертвою собственной жадности и коварства туземцевъ, „обольстившихъ“ новгородскаго воеводу, говоря ему: „копимъ для васъ серебро и соболей и всякія иныя узорочья: не губите своихъ смердовъ и своей дани“. Воевода повѣрилъ, а на самомъ дѣлѣ Югра копила воиновъ. Когда все было готово, его съ „лучшими мужами“ — все начальство новгородской рати — заманили въ засаду, гдѣ они и погибли. Послѣ этого Югрѣ нетрудно было справиться съ лишенными руководителей и вдобавокъ истомленными голодомъ дружинниками. Всего 80 человѣкъ вернулось домой: „и печаловались въ Новгородѣ князь, и владыка, и весь Новгородъ“. Но отдѣльныя неудачи не мѣшали тому, что въ общемъ и цѣломъ „закамское серебро“ правильно поступало въ новгородскую кассу. И недаромъ Иванъ Даниловичъ Калита такъ добивался уступки ему именно этой разновидности новгородской дани. Большая часть столоваго серебра и его, и даже еще его внуковъ и правнуковъ была новгородскаго происхожденія, съ именами новгородскихъ владыкъ и посадниковъ. Перехватыванье новгородскихъ „данщиковъ“ съ закамскимъ серебромъ для враговъ Новгорода было такимъ же излюбленнымъ средствомъ борьбы, какъ для англійскихъ корсаровъ XVI вѣка перехватыванье испанскихъ галліоновъ съ золотомъ, шедшихъ изъ Новаго Свѣта. А когда Иванъ Васильевичъ наносилъ смертельный ударъ Новгороду, онъ прежде всего другого поспѣшилъ отрѣзать восточныя колоніи своего противника, занявъ Двину.

*) Никитскій, цит. соч. стр. 164—165.
**) См. гл. III настоящей книги.

Но съ востока въ Новгородъ приходило не только серебро. Мы видѣли, что упадокъ Кіева, на ряду съ внутренними, мѣстными причинами, являлся отраженіемъ и одной внѣшней перемѣны—перехода средиземно-морской торговли изъ рукъ византійскихъ грековъ въ руки итальянцевъ и французовъ. Этимъ былъ совершенно обезцѣненъ „великій водный путь" изъ Варягъ въ Греки и изъ Грекъ по Днѣпру. Но то была далеко не единственная артерія восточной торговли въ средніе вѣка. Оставался другой путь—Волгою и Каспійскимъ моремъ; европейскій конецъ этого пути опять-таки упирался въ Новгородъ. Здѣсь въ XIV вѣкѣ мы встрѣчаемъ „Хопыльскій" рядъ и „хопыльскихъ" купцовъ, стоявшихъ въ весьма тѣсныхъ отношеніяхъ къ татарской ордѣ—въ одномъ мѣстѣ лѣтопись, говоря о татарахъ, называетъ „хопыльскаго гостя" прямо „ихъ", татарскимъ, гостемъ. Одинъ восточный товаръ, шелкъ, составлялъ даже крупную статью въ новгородской торговлѣ съ Западомъ. Такъ тотъ транзитъ, который давно заглохъ въ Приднѣпровьѣ, продолжалъ держаться на Волховѣ еще лѣтъ 200 спустя.

Новгородъ развивался далѣе, когда въ южной Руси развитіе давно замѣнилось разложеніемъ, распадомъ. По Новгороду мы можемъ судить, чѣмъ стала бы Кіевская Русь, если бы ея экономическіе рессурсы не были исчерпаны въ XII вѣкѣ. Въ этомъ интересъ изученія новгородской исторіи. Этотъ интересъ еще усиливается тѣмъ, что здѣсь почти—не совсѣмъ, какъ неосторожно утверждаютъ нѣкоторые историки—отсутствовалъ другой, нарушавшій правильность развитія, факторъ: татарское иго. Нельзя, конечно, сказать, какъ обмолвился одинъ очень извѣстный изслѣдователь, будто Новгородъ „въ глаза не видалъ ордынскаго баскака": анализируя событія 1257—1259 годовъ, мы видѣли, что былъ моментъ, когда и онъ „испыталъ непосредственный гнетъ и страхъ татарскій." Но въ исторіи Новгорода это былъ именно моментъ, тогда какъ Низовская земля вѣка жила подъ этимъ гнетомъ. Словомъ, на Волховѣ мы въ правѣ ожидать такихъ соціальныхъ комбинацій, которыя не успѣли сложиться на Днѣпрѣ, хотя логически вытекали изъ всего строя южно-русскихъ отношеній.

Одинъ изъ образчиковъ дальнѣйшаго развитія мы уже видѣли сейчасъ. Мы знаемъ, что средневѣковая торговля въ типичныхъ ея проявленіяхъ, и въ Россіи, и на Западѣ, была мелкой, что средневѣковый купецъ больше походилъ на современнаго коробейника, нежели на то, что мы теперь назы-

ваемъ купцомъ. Внимательный читатель уже замѣтилъ, однако, что къ мѣховой торговлѣ Новгорода такой масштабъ неприложимъ: тысячи, а тѣмъ болѣе десятки тысячъ бѣличьихъ шкурокъ на спинѣ не унесешь. Кіевская Русь если и знала большіе запасы товара, то это относилось исключительно къ одной его разновидности—къ товару живому, рабамъ. Они иной разъ встрѣчались сотнями въ однѣхъ рукахъ. У одного изъ черниговскихъ князей, напримѣръ, мы находимъ, по лѣтописи, 700 человѣкъ челяди: едва ли это была прислуга, или даже наемные холопы. Челядью не брезговали, конечно, и новгородцы. Ушкуйники, ограбившіе въ 1375 году Кострому и Нижній-Новгородъ, распродали мусульманскимъ купцамъ въ Болгаріи весь захваченный „полонъ“—преимущественно женщинъ. Совсѣмъ, какъ во времена Владиміра Святого. Но характерно, что эта статья торговли не выступаетъ такъ въ исторіи Новгорода, какъ выступала она раньше. Зато отчетливо выступаетъ явленіе, съ которымъ мы раньше не встрѣчались—скопленіе въ однѣхъ рукахъ большого капитала въ денежной формѣ. Въ 1209 году новгородское вѣче встало на посадника Дмитра Мирошкинича и его братьевъ, пытавшихся въ союзѣ съ суздальскимъ княземъ, держать въ угнетеніи вольный городъ. За эту попытку они поплатились конфискаціей всего имущества. Вѣче обратило въ собственность города все „житіе“ Мирошкиничей: села ихъ и челядь распродали, затѣмъ разыскали и захватили спрятанныя деньги („скровища“). Все добытое пустили въ поголовный раздѣлъ — и на каждаго новгородца пришлось по 3 гривны, т.-е. 40—60 рублей на наши деньги. Но лѣтописецъ говоритъ, что тутъ не обошлось и безъ злоупотребленій: нѣкоторые „потай похватали“ во время смятенія, что попалось подъ руку — и оттого разбогатѣли. А затѣмъ, кромѣ движимаго и недвижимаго имѣнія и денежной наличности, у Дмитра нашлись еще „доски“—векселя новгородскихъ купцовъ: это дали князю, сдѣлавъ, такимъ образомъ, частное имущество Мирошкиничей государственной собственностью. Если мы примемъ въ соображеніе всѣ эти детали, мы увидимъ, что въ Новгородѣ уже въ XIII вѣкѣ были милліонеры, переводя тогдашнюю стоимость денегъ на теперешнюю. Упоминаніе о „доскахъ“ ясно свидѣтельствуетъ, на чемъ держалась власть и вліяніе крупнѣйшей новгородской фамиліи того времени. Но въ дѣлѣ есть и еще любопытная сторона. Дмитръ былъ въ Новгородѣ представителемъ той самой новой финансовой политики, за которую заплатилъ жизнью за тридцать лѣтъ передъ тѣмъ

князь Андрей Юрьевичъ. Мирошкиничей обвиняли въ томъ, что они велѣли „на новгородцахъ серебро имати, а по волости куры брати, по купцамъ виру дикую, и повозы возити, и все зло“! Въ новгородской обстановкѣ финансовая эксплуатація должна была произвести еще болѣе сильное впечатлѣніе, нежели въ привыкшемъ къ княжескому произволу Суздалѣ—и Дмитру Мирошкиничу удалось похозяйничать всего четыре года (1205—1209), доживъ до того, что самъ его союзникъ, суздальскій князь Всеволодъ Юрьевичъ, выдалъ его головою новгородцамъ, сказавъ имъ: „Кто вамъ добръ, любите, а злыхъ казните.“ Но и это было сдѣлано слишкомъ поздно, какъ показали послѣдствія. Суздальскій княжичъ, Святославъ, лишь годомъ пересидѣлъ посадника Дмитра. Уже въ 1210 году Мстиславъ Мстиславичъ Торопецкій, прослышавъ, что Новгородъ „терпитъ насилье отъ князей“, появился въ Торжкѣ—и былъ съ распростертыми объятіями принятъ новгородцами, немедленно арестовавшими Святослава Всеволодовича, „донеле будетъ управа съ отцомъ.“ А скоро и этотъ послѣдній долженъ былъ признать, что крушеніе финансовой политики Суздаля въ Новгородѣ было концомъ суздальскаго господства здѣсь вообще. Мстиславъ прочно усѣлся на новгородскомъ столѣ—и самъ Всеволодъ Юрьевичъ заключилъ съ нимъ договоръ, какъ съ новгородскимъ княземъ.

Новгородскія событія 1209 года представляютъ, какъ видимъ, довольно полную аналогію съ суздальскими 1174 и слѣдующихъ годовъ. Но въ то время, какъ суздальская революція не имѣла никакихъ дальнѣйшихъ послѣдствій, новгородская была исходной точкой замѣчательной эпохи въ исторіи города — самой блестящей по оцѣнкѣ нѣкоторыхъ историковъ. „Для Новгорода наступили такіе же дни героизма, славы и чести, какъ для Кіева при Владимірѣ Мономахѣ“, говоритъ Костомаровъ объ этомъ времени. Дѣйствительно, если припомнить, что въ эти дни князья и въ Кіевѣ и во Владимірѣ садились изъ новгородской руки, что новгородскій столъ оспаривали другъ у друга самые вліятельные и извѣстные изъ наличныхъ рюриковичей, къ внѣшнему блеску едва ли что можно прибавить. Къ сожалѣнію, эффектныя внѣшнія событія, въ глазахъ не только позднѣйшаго историка, но и самого лѣтописца, оставляютъ въ тѣни внутреннюю новгородскую жизнь. Мы чувствуемъ, что въ городѣ въ теченіе сорока приблизительно лѣтъ кипитъ отчаянная общественная борьба,—но на страницахъ лѣтописи передъ нами только самые конкретные, если можно такъ выразиться, индивидуаль-

ные результаты этой борьбы, въ видѣ смѣны — часто насильственной — владыкъ, посадниковъ, тысяцкихъ и другихъ правящихъ лицъ. Только изрѣдка и случайно выступаютъ передъ нами мотивы переворота и участвовавшія въ немъ общественныя силы. Можно съ большой вѣроятностью догадываться, что возстаніе противъ Дмитра Мирошкинича было дѣломъ не высшихъ правящихъ круговъ, а низшихъ, управляемыхъ дѣломъ не „вячьшихъ,“ а „меньшихъ“. Съ нѣсколько меньшей вѣроятностью можно заключить, что въ движеніи участвовали низы не только городского, но и сельскаго населенія. Поборы „по волости“ — притомъ натуральные, курами и другимъ „повозомъ“ — выставляются, какъ одинъ изъ мотивовъ низверженія Мирошкиничей. Лѣтописецъ и дальше отмѣчаетъ вліяніе на судьбы волости того, что совершилось въ городѣ. Въ 1225 году въ Новгородѣ утвердился черниговскій Ольговичъ, Михаилъ Всеволодовичъ: „и было легко по волости Новгороду“. Въ 1229 тотъ же князь Михаилъ далъ смердамъ „свободу на пять лѣтъ даней не платити.“ Льгота распространялась на тѣхъ, кто бѣжалъ на чужую землю, обнаруживъ тѣмъ наиболѣе острое недовольство новыми порядками, родоначальникомъ которыхъ былъ посадникъ Дмитръ. По отношенію же къ оставшимся были лишь возстановлены порядки „прежнихъ князей“,—надобно думать, тѣхъ, которые были до Всеволода Юрьевича и его новгородскаго союзника. Демократическій характеръ движенія намѣчается и нѣкоторыми деталями политики Мстислава Мстиславича Торопецкаго. Когда, въ промежуткахъ своихъ блестящихъ походовъ, стяжавшихъ ему имя „Удалого“ князя, онъ является передъ нами въ образѣ устроителя внутренняго новгородскаго порядка, это устроительство обыкновенно сопровождается „окованіемъ“ одного изъ видныхъ новгородцевъ, у котораго притомъ конфискуется „безъ числа товару.“ Съ другой стороны, враждебная движенію сторона, тянувшая руку суздальскихъ князей, изображается, какъ состоящая изъ людей богатыхъ: въ 1229 году одновременно съ льготами смердамъ, взяли „кунъ много“ на „любовницѣхъ Ярославлихъ,“ сторонникахъ суздальскаго претендента на новгородскій столъ Ярослава Всеволодовича. Денегъ этихъ хватило на постройку новаго моста черезъ Волховъ. Далѣе, новгородская церковь тоже была втянута въ политическую борьбу. Утвержденіе князя Мстислава Торопецкаго въ Новгородѣ повело къ тому, что владыка Митрофанъ, современникъ и, повидимому, союзникъ посадника Дмитра, былъ сведенъ съ архіепископія и отпра-

вленъ въ Торопецъ: на его мѣсто избрали Добрыню Ядрейковича, ставшаго владыкой Антоніемъ. Восемь лѣтъ спустя онъ былъ въ свою очередь низвергнутъ въ пользу низложеннаго раньше Митрофана: у каждой изъ борющихся новгородскихъ партій оказался, таким образомъ, свой владыка. Когда Митрофанъ умеръ, его сторонники избрали на его мѣсто Арсенія; но тѣмъ временемъ и Антоній вернулся въ Новгородъ. Столкновеніе разрѣшилось тѣмъ, что въ 1228 году Арсенія выгнали изъ Новгорода, „яко злодѣя, пьхающе за воротъ“: въ качествѣ главныхъ дѣйствующихъ лицъ тутъ лѣтописецъ прямо называетъ „простую чадь“—простонародье оказалось именно на сторонѣ Мстиславова ставленника. И только одинъ разъ лѣтописецъ совершенно ясно вскрываетъ передъ нами „классовыя противорѣчія“ новгородскаго общества. Это было уже въ самомъ концѣ разсматриваемаго періода. Въ это время на новгородскомъ столѣ сидѣлъ сынъ Невскаго, Василій. Новгородцы его выгнали вонъ и посадили на его мѣсто его дядю, Ярослава Ярославича, только что передъ тѣмъ „выбѣжавшаго изъ низовской земли“: хотя и суздалецъ, теперь онъ былъ, такимъ образомъ, кандидатомъ антисуздальской партіи. Узнавъ, что новгородцы выгнали его сына, Александръ Ярославичъ пошелъ войною на Новгородъ. На его сторону сталъ Торжокъ, экономически тѣснѣе связанный съ суздальской землей, чѣмъ со своей метрополіей. Это подало надежду суздальской сторонѣ и въ самомъ Новгородѣ: суздальскій эмигрантъ, вокняжившійся было тамъ, испугался и бѣжалъ изъ города. Съ этимъ пріятнымъ извѣстіемъ поспѣшилъ навстрѣчу Александру Ратша—по всей видимости, тотъ самый, что „службой бранной Святому Невскому служилъ“ и, благодаря своему потомку, извѣстенъ всякому грамотному русскому. Общественное мнѣніе его современниковъ и земляковъ относилось, однако, къ Ратшѣ совсѣмъ иначе, чѣмъ можно подумать по пушкинской „родословной“: лѣтописецъ презрительно называетъ его „Ратшикой,“ а его „службу“ Невскому весьма реалистически опредѣляетъ, какъ „перевѣтъ“, т.-е. какъ измѣну. Дѣйствительно, подавляющее большинство новгородцевъ съ посадникомъ Онаньемъ во главѣ, твердо рѣшило не уступать Александру Ярославичу. Это большинство лѣтописецъ прямо и опредѣляетъ, какъ „меньшихъ“ людей. „И цѣловали Святую Богородицу меньшіе—стать всѣмъ за правду новгородскую, за свою отчину, жить или умереть съ ней; а у вячьшихъ былъ злой умыселъ—побѣдить меньшихъ, и ввести князя по своей волѣ.“ Но харак-

терно, что „вячшіе“ могли дѣйствовать только интригой: открыто выступить противъ вѣча у нихъ не хватило духа даже въ виду суздальскихъ полковъ. И предводитель этихъ послѣднихъ вступилъ въ переговоры прямо съ демократическими элементами и ихъ представителемъ. Сошлись на томъ, что мы теперь назвали бы „перемѣной министерства.“ Опаньл долженъ былъ уступить мѣсто Михалку Степановичу. Но его не выдали на расправу князю Александру Ярославичу, какъ тотъ требовалъ: и, вообще, кромѣ этой личной перемѣны, вѣче, повидимому, ничѣмъ не поступилось. А Невскій придалъ такое значеніе этой своей побѣдѣ, что занялъ новгородскій столъ самъ,—очевидно, не надѣясь, что его сынъ будетъ обладать достаточнымъ авторитетомъ.

Однихъ разсказанныхъ сейчасъ событій достаточно, чтобы значительно ограничить очень распространенное въ литературѣ мнѣніе о якобы исключительно аристократическомъ строѣ вѣчевыхъ общинъ Пскова и Новгорода. Спаивая рядомъ незамѣтныхъ переходовъ патріархальную аристократію X—XI вѣковъ, скрывающихся отъ насъ въ туманной дали „старцевъ градскихъ“, съ „господой“ крупныхъ капиталистовъ и крупныхъ землевладѣльцевъ, правившей Новгородомъ и Псковомъ наканунѣ паденія ихъ независимости, получаютъ ровную и однообразную картину олигархическаго режима, при которомъ народъ на вѣчѣ игралъ роль не то „голосующей скотины“, не то театральныхъ статистовъ. Этотъ народъ оказывается столь смирнымъ и лишеннымъ иниціативы, что даже при выборѣ своихъ вождей въ самую горячую минуту новгородской исторіи считается съ мѣстническими предразсудками туземной знати, позволяя уйти со степени популярному посаднику только, будто бы, потому, что изъ Кіева пріѣхалъ человѣкъ, старше его по мѣстническимъ счетамъ. Если бы это было такъ, то по части аристократическихъ предразсудковъ Новгородъ перещеголялъ бы самое Москву, гдѣ мѣстничество сложилось не раньше XV вѣка, тогда какъ сейчасъ затронутый случай происходилъ въ 1211 году. Но этотъ же случай и даетъ намъ еще одинъ очень наглядный примѣръ того, какъ легко переносятся въ до-московскую Русь московскія точки зрѣнія, ибо новгородскій лѣтописецъ ничего не говоритъ ни о какомъ мѣстническомъ спорѣ подъ этимъ годомъ. Онъ просто констатируетъ смѣну одного посадника другимъ—и приводитъ, по всей видимости, официальную мотивировку этой перемѣны: то, что новый посадникъ былъ „старше“ (вѣроятно, годами старше: между ихъ отцами была разница лѣтъ въ 30

прежняго. Но контекстъ лѣтописи, предыдущія и послѣдующія записи совершенно опредѣленно вскрываютъ истинную подкладку событія. Въ предыдущемъ году на новгородскій столъ сѣлъ, уже много разъ упоминавшійся, Мстиславъ Мстиславичъ, сѣлъ, отнявъ мѣсто у суздальскаго княжича, а посадникъ Твердиславъ сталъ во главѣ города еще при господствѣ суздальцевъ. Правда, онъ былъ очень популяренъ въ Новгородѣ, но его роль всегда была ролью посредника между вѣчемъ и Суздалемъ, при чемъ иногда онъ больше тяготѣлъ къ Суздалю: нѣсколько лѣтъ спустя его прямо обвиняли въ тайныхъ сношеніяхъ съ суздальскими князьями, за что вѣче и свело его со степени. Для такого рѣшительнаго момента, какимъ были событія 1209 и слѣдующихъ годовъ, такой человѣкъ, очевидно, не годился. И его могли смѣстить даже совершенно независимо от того, что князю Мстиславу желательно было имѣть своего посадника, какъ и своего владыку: ибо въ томъ же 1211 году и архіепископъ Митрофанъ былъ замѣнёнъ Антоніемъ, при чемъ сюда уже никакихъ мѣстническихъ счетовъ подвести невозможно. Твердиславъ Михалковичъ, какъ и можно было ожидать по всей его біографіи, оказался хорошимъ дипломатомъ: онъ не сталъ дѣлать скандала изъ своей отставки, справедливо предугадывая, что, когда пройдетъ горячая минута, безъ него не обойдутся. Владыка Митрофанъ повелъ себя, кажется, иначе,—да и по своему положенію, какъ человѣкъ церковный, лѣтописецъ скорѣе могъ узнать покладку церковныхъ событій. Оттого перемѣну на архіепископской каѳедрѣ онъ и изобразилъ такой, какова она была на самомъ дѣлѣ—низверженіемъ одного лица въ пользу другого, принадлежавшаго къ противной партіи. А свѣтскую часть переворота онъ записалъ такъ, какъ она была извѣстна широкимъ кругамъ. Вмѣсто иллюстраціи новгородскаго мѣстничества, мы имѣемъ здѣсь, однимъ словомъ, иллюстрацію самогипноза,—въ который впалъ очень, однако, тонкій изслѣдователь. Что въ этой области случалось съ изслѣдователями, менѣе тонкими, показываетъ одно мнѣніе покойнаго Никитскаго: онъ доказательствомъ не демократическаго устройства Пскова считалъ... слабость княжеской власти *). Судя по этому, торжество демократическаго начала мы должны искать въ Москвѣ Ивана Васильевича Грознаго, ибо уже про это время никакъ нельзя сказать, чтобы тогда „власть князя была низведена почти что до нуля".

---

*) Внутренняя исторія Пскова, стр. 179.

На самомъ дѣлѣ, Новгородъ даетъ намъ полную картину той эволюціи, первые этапы которой мы могли изучать въ исторіи Кіева. Патріархальную аристократію смѣнила не олигархія крупныхъ собственниковъ, а демократія „купцовъ“ и „черныхъ людей“—мелкихъ торговцевъ и ремесленниковъ, „плебеевъ“, общностью своего плебейскаго міросозерцанія родившихся съ крестьянствомъ, по отношенію къ которому они въ этотъ моментъ исключительнаго подъема были не столько господами и хозяевами, сколько политическими руководителями, боевымъ и сознательнымъ авангардомъ этой темной массы. Вотъ отчего побѣды городской демократіи и сопровождались льготами для смердовъ: первая завоевала права, вторые пользовались этимъ, чтобы избавиться отъ непосредственнаго матеріальнаго гнета. А въ области правъ завоеванія новгородскаго вѣча падаютъ, главнымъ образомъ, опять-таки на этотъ періодъ. Первая дошедшая до насъ новгородская „конституція“—грамота, по которой цѣловалъ крестъ „ко всему Новгороду“ князь Ярославъ Ярославичъ, братъ Невскаго,—относится къ 1265 году. Но содержаніе ея гораздо старше этого года. Помимо неопредѣленныхъ ссылокъ на „старину и пошлину“, на „отцовъ и дѣдовъ“, въ грамотѣ есть опредѣленное указаніе на отца князя Ярослава—Ярослава Всеволодовича. Историческую цѣнность имѣетъ, конечно, эта послѣдняя, конкретная ссылка. Разговоры о „старинѣ и пошлинѣ“ были такимъ же принятымъ общимъ мѣстомъ, какъ и упоминанія о „волѣ Божьей“ или о „грѣхахъ нашихъ“: то была моральная санкція условій грамоты, а не историческое ихъ обоснованіе. Есть, стало-быть, большое вѣроятіе, что въ основныхъ чертахъ ограниченія княжеской власти, изложенныя въ грамотѣ 1265 года, если не возникли, то оформились въ тотъ самый критическій періодъ новгородской исторіи, около котораго мы все время находимся. Княженіе Ярослава Всеволодовича было для этого самымъ подходящимъ временемъ. Лѣтопись изображаетъ его со всѣми чертами классическаго тирана: заключенія, ссылки, убійства сопровождаютъ каждое появленіе его на сценѣ. Еще въ самомъ началѣ своей карьеры, въ 1216 году, онъ „оковалъ“ и ограбилъ въ Торжкѣ болѣе двухъ тысячъ новгородскихъ гостей, а потомъ, потерпѣвъ пораженіе отъ новгородцевъ, въ припадкѣ безсильной ярости, велѣлъ заперѣть арестованныхъ въ тѣсный подвалъ, гдѣ большая часть ихъ задохлась. Изъ Новгорода его выгоняли три раза—и три раза онъ туда возвращался. По поводу одного изъ этихъ возвращеній, въ декабрѣ 1230 года, лѣтопись и указываетъ опредѣленно, что тогда

князь Ярославъ на вѣчѣ „цѣловалъ Святую Богородицу на грамотахъ на всѣхъ Ярославлихъ". Новгородскій столъ тогда былъ, видимо, нуженъ этому Іоанну Безземельному въ миніатюрѣ: лѣтописецъ отмѣчаетъ, что приглашеніе было ему послано прійти „на всей волѣ новгородской", и, тѣмъ не менѣе, князь Ярославъ не сталъ медлить—пришелъ „вборзѣ". Разсуждать и торговаться, значитъ, было неудобно—для того же, чтобы занести на бумагу „старину и пошлину" новгородскаго вѣчевого права какъ разъ была подходящая минута — а, принимая во вниманіе личность князя, были и мотивы. Нужно сказать, что для формулировки нѣкоторыхъ основныхъ гарантій были въ 1230 году мотивы и помимо личныхъ. Новгородцы не съ легкимъ сердцемъ позвали опять на столъ дважды ими прогонявшагося князя. Ихъ побудила къ этому лютая нужда: администрація сидѣвшаго до тѣхъ поръ въ Новгородѣ Ростислава Михайловича Черниговскаго усвоила себѣ совершенно разбойничьи пріемы. Дворня посадника Водовика била и даже убивала вождей противной стороны, а дворы ихъ грабила. Главнаго своего противника Водовикъ велѣлъ утопить въ Волховѣ безъ всякаго суда. Событія декабря 1230 года и начались съ мятежа противъ разбойничьей шайки, завладѣвшей управленіемъ въ городѣ. Водовикъ и его товарищи должны были бѣжать въ Черниговъ вмѣстѣ съ Ростиславомъ, именемъ котораго они, повидимому, и дѣйствовали. А оставшіеся въ Новгородѣ хозяевами „молодые мужи", новгородская демократія, естественно спѣшили прежде всего принять мѣры къ тому, чтобы избѣжать рецидива водовиковскаго управленія.

Мы не знаемъ точнаго содержанія той грамоты, по которой цѣловалъ крестъ Ярославъ Всеволодовичъ, но ея основныя черты можно извлечь отчасти изъ того, что сообщаетъ лѣтопись, отчасти изъ позднѣйшихъ грамотъ—1265, 1270, 1305—8 и др. годовъ. Изъ лѣтописи мы знаемъ, что уже въ 1218 году вѣчемъ была отвоевана у князя несмѣняемость выборныхъ городскихъ властей—иначе какъ „за вину", т.-е. по суду. Въ этомъ году занимавшій тогда новгородскій столъ Святославъ Ростиславичъ Смоленскій вздумалъ смѣстить посадника, уже знакомаго намъ Твердислава: при всей своей гибкости и оппортунизмѣ, тотъ все же, повидимому, отказывался быть вполнѣ послушнымъ орудіемъ княжеской воли. Любопытно, что смоленскому князю и въ голову не пришло произвести перемѣну самочинно, безъ вѣдома вѣча: до того древне-русскій князь привыкъ къ мысли, что хозяинъ

въ городѣ есть вѣче и безъ него ничего дѣлать нельзя. Споръ шелъ не объ этомъ и не въ этомъ его интересъ. Но того, чѣмъ, можетъ-быть, удовлетворился бы какой-нибудь южный городъ, въ Новгородѣ было мало. Вѣче спросило княжескаго посланнаго: „А чѣмъ провинился Твердиславъ?“ И, узнавъ, что князь никакой вины за нимъ не числитъ, а просто считаетъ его для себя неудобнымъ, вѣче отказалось даже входить въ разсмотрѣніе вопроса, напомнивъ только князю новгородское правило, что безъ вины никого должности лишить нельзя и что на этомъ самъ князь цѣловалъ крестъ Новгороду. Святославъ, повидимому, подчинился безъ спора—„и бысть миръ“, заканчиваетъ лѣтописецъ разсказъ объ этомъ эпизодѣ, немедленно послѣ изложенія отповѣди новгородцевъ князю и не сообщая отвѣта этого послѣдняго. Вѣроятно, онъ ничего не отвѣтилъ, молчаливо признавъ, что для него новгородскія должностныя лица, дѣйствительно, несмѣняемы: для него, но не для вѣча, которое и раньше и послѣ нисколько не стѣснялось силою прогонять и посадниковъ, и самихъ князей, если они ему не были угодны. Дошедшія до насъ договорныя грамоты, стереотипно воспроизводя это правило, въ то же время своими деталями раскрываютъ передъ нами весь его смыслъ. Новгородскихъ должностныхъ лицъ князь смѣнять не могъ, но безъ ихъ посредства онъ шага ступить точно такъ же не могъ. Безъ посадника онъ не могъ ни раздавать волостей, ни судить, ни давать грамоты. Попытку дѣйствовать въ этихъ случаяхъ самолично одинъ изъ договоровъ выразительно опредѣляетъ, какъ самосудъ: „а самосуда ти, княже, не замышляти“. Во всемъ, кромѣ своей спеціальной, военной, функціи, новгородскій князь „царствовалъ, но не управлялъ“: управляло „министерство“, отвѣтственное передъ самодержавнымъ народомъ, посадникъ и тысяцкій, выбиравшіеся и смѣщавшіеся вѣчемъ.

Такъ какъ и областное управленіе было все въ рукахъ уполномоченныхъ городской общины („...что волостей всѣхъ новгородскихъ, того ти, княже, не держати своими мужи, но держати мужи новгородскими...“), а, съ другой стороны, князь лишенъ былъ возможности сдѣлаться и крупной силой въ мѣстномъ феодальномъ обществѣ—покупать земли въ новгородской области не могъ не только онъ, но и его жена, и бояре,—то всѣ способы вмѣшательства во внутреннюю жизнь Новгорода были для него закрыты. Та эксплуатація своей земли, „яко чужую волость творяче“, примѣръ которой подалъ Андрей Юрьевичъ, тутъ была совершенно немыслима.

Недаромъ князья долго не могли освоиться съ этими порядками, и въ первую половину XIII вѣка на каждомъ шагу встрѣчаемъ примѣры добровольнаго очищенія княжескаго стола, не только безъ всякаго давленія со стороны вѣча, но даже прямо противъ его желанія. Самъ Мстиславъ Мстиславичъ Торопецкій, при всей своей популярности, два раза имѣлъ случай напомнить новгородцамъ, что они „въ князьяхъ вольны", а что у него и на югѣ дѣла достаточно. И подъ конецъ такъ и ушелъ отъ нихъ окончательно. А въ 1222 году князь Всеволодъ Юрьевичъ Суздальскій бѣжалъ изъ Новгорода ночью, тайкомъ, со всѣмъ дворомъ своимъ. „Новгородци же печалилисъ объ этомъ", наивно прибавляетъ лѣтописецъ, видимо недоумѣвая, чего же этому князю было нужно? Но князья это, конечно, хорошо понимали и подъ конецъ приспособились къ новымъ порядкамъ тѣмъ, что перестали вовсе жить въ Новгородѣ, держа тамъ намѣстниковъ, а сами наѣзжая лишь время отъ времени. Благодаря этому хроническому отсутствію князя, предпочитавшаго сидѣть на своемъ родовомъ удѣлѣ, гдѣ онъ былъ полнымъ хозяиномъ, отношенія вѣчевой общины къ своему „господину" („государемъ" новгородцы отказывались называть своего князя,—государь въ древней Руси былъ у холопа, а новгородцы были люди вольные) принимали весьма своеобразный характеръ. Читая договорныя грамоты Новгорода съ князьями, иногда можно подумать, что читаешь документъ изъ области международныхъ отношеній—такъ четко проведена линія, отдѣляющая носителя власти отъ подвластныхъ, и такимъ чужимъ выступаетъ передъ нами князь по отношенію къ Новгороду.

Нормы государственнаго права, установившіяся въ Новгородѣ около первой половины XIII вѣка, означали собой прежде всего полный разрывъ съ патріархальной традиціей, и въ этомъ ихъ не только мѣстно-новгородское, но общерусское значеніе. Патріархальная идеологія не знала различія между хозяиномъ и государемъ, правомъ собственности и государственной властью: въ новгородскихъ договорахъ съ князьями это различіе проводится такъ рѣзко, какъ едва ли встрѣтится намъ на всемъ дальнѣйшемъ протяженіи русской исторіи. Новгородъ принималъ всѣ мѣры, чтобы князь не могъ стать собственникомъ ни пяди новгородской земли, ни одного новгородскаго человѣка. Ни онъ, ни его жена, ни его бояре не могли покупать селъ въ Новгородѣ, а купленное должны были вернуть. Ни самъ князь и никто изъ его людей не могъ принимать закладниковъ въ новгородской

землѣ—„ни смерда, ни купчины.“ Торговать съ нѣмцами онъ могъ только черезъ посредство новгородцевъ. Если ему предоставлялась какая-нибудь привилегія, предѣлы ея точно оговаривались. Такъ, онъ могъ ѣздить на Ладогу ловить рыбу, но только разъ въ три года. Могъ ѣздить на охоту въ Русу, но только осенью, а не лѣтомъ. Имѣлъ исключительное право бить дикихъ свиней, но только не далѣе шестидесяти верстъ отъ города, дальше „гонити свиней“ могъ всякій новгородецъ. Словомъ, у новгородскаго князя не было никакого повода счесть себя „хозяиномъ“ новгородской земли. Употребляя древне-римское выраженіе, новгородскій князь былъ первымъ магистратомъ республики и, повидимому, такъ это и понималось общественнымъ мнѣніемъ Новгорода. Недаромъ лѣтописецъ вкладываетъ въ уста Твердислава Михалковича, въ извѣстномъ уже намъ спорѣ, такую фразу: „а вы, братья, вольны и въ посадникахъ, и въ князьяхъ.“ Между княземъ и посадникомъ не было различія по существу: и тотъ, и другой пользовались властью только по полномочію города, и до тѣхъ поръ, пока городъ сохранялъ за ними это полномочіе.

Это крушеніе патріархальной идеологіи само собою уже предполагаетъ крушеніе патріархальнаго общественнаго строя, какъ предшествующее. То, что въ Кіевѣ намѣтилось въ первой четверти XII вѣка, въ Новгородѣ, вѣроятно, стало обозначаться еще раньше. Къ XIII вѣку вывѣтриваніе родовой знати и выступленіе на первый планъ мелкихъ неродовитыхъ людей, не только въ моментъ кризисовъ, но вообще, въ повседневной жизни, даетъ себя чувствовать въ цѣломъ рядѣ мелочей. Сообщая о потеряхъ Новгорода въ той или другой битвѣ, лѣтопись называетъ по имени нѣкоторыхъ убитыхъ—очевидно, людей болѣе извѣстныхъ, утрата которыхъ сильно чувствовалась. Среди этихъ видныхъ людей мы на каждомъ шагу встрѣчаемъ простыхъ ремесленниковъ—котельниковъ, щитниковъ, „опонниковъ“, серебренниковъ, сына кожевника, „поповича“. Въ 1228 году, когда „простая чадь“ низвергла владыку Арсенія и привела обратно изъ Хутынскаго монастыря низверженнаго суздальцами Антонія, во владыченъ судъ посадили двухъ мужей: одного лѣтопись называетъ по имени и отчеству, а другого, Никифора, только по имени—и былъ онъ оружейный мастеръ, щитникъ. За четыре года раньше, требуя выдачи ему вождей новгородской оппозиціи, суздальскій князь Юрій Всеволодовичъ лишь четырехъ изъ нихъ удостаиваетъ назвать по отчеству, — остальные обозначены уменьшительными именами: Вячка, Иванка, Гадки, Вѣче,

однако же и этихъ мелкихъ людей отказалось выдать, какъ и болѣе крупныхъ. А въ 1230 году знакомый уже намъ братъ Юрія, Ярославъ Всеволодовичъ, „поцѣловавъ святую Богородицу на грамотахъ всѣхъ Ярославлихъ“ и уѣзжая къ себѣ домой въ Переяславль, „поя съ собою мужи новгородскіе молодшие“; надобно думать, что это были опять вожди той стороны, которая посадила Ярослава на столъ. Люди „съ отечествомъ“ теперь перестаютъ выдѣляться изъ общей массы—и правило новгородской судной грамоты „судити всѣхъ ровно какъ боярина, такъ и житьяго, такъ и молодчего человѣка“—сложилось, вѣроятно, гораздо ранѣе XV вѣка, отъ котораго оно до насъ дошло. Скорѣе, напротивъ, наканунѣ паденія новгородской самостоятельности оно звучало уже анахронизмомъ. Ибо къ этому времени аристократію породы давно смѣнила другая знать—аристократія денегъ.

Что демократія мелкихъ торговцевъ и мелкихъ самостоятельныхъ производителей, при грандіозномъ для своего времени развитіи торговаго капитализма, можетъ быть лишь переходной ступенью, что, мало того—„черные люди“ должны послужить лишь тараномъ, при помощи котораго буржуазія торговаго капитала сокрушала родовую знать, все это нетрудно предугадать, зная, благодаря чему Новгородъ пережилъ „Матерь городовъ русскихъ“ и всѣхъ другихъ своихъ сверстниковъ. Ремесленники могли остаться хозяевами въ промышленномъ центрѣ,—какова была, напримѣръ, Флоренція XIII—XIV вѣковъ, но какимъ Новгородъ никогда не былъ. Оптовая торговля съ Западомъ, обширныя колоніальныя предпріятія обусловливали сосредоточеніе капиталовъ въ немногихъ рукахъ; а масса „купцовъ“, сохранившая за собой внутренній сбытъ, развозку заграничныхъ товаровъ по остальной Россіи, не замедлила попасть въ кабалу къ тѣмъ, отъ кого они получали свои товары, и безъ чьего посредничества они не могли обойтись. Они и образовали промежуточный классъ между общественными низами и верхушкой новгородскаго общества, состоявшей теперь не изъ одного „боярства“, не изъ одной феодальной знати, а изъ боярства и буржуазіи, „житьихъ людей“. Такъ, прежняя группировка общественныхъ элементовъ, какую мы застаемъ въ первыхъ договорныхъ грамотахъ съ князьями XIII вѣка, раздѣлявшая „весь Новгородъ“ на старѣйшихъ и меньшихъ, замѣнилась болѣе сложной группировкой грамотъ XV столѣтія, на бояръ, житьихъ, купцовъ и черныхъ людей. Тѣ, кто за двѣсти лѣтъ раньше стоялъ во главѣ города и распоряжался его

судьбами, были оттѣснены теперь на послѣднее мѣсто въ ряду составныхъ частей самодержавнаго вѣча. И это отнюдь не была только „потерька“ чести новгородской демократіи, употребляя мѣстническое выраженіе: это было вполнѣ реальное умаленіе ея власти. Въ числѣ многихъ любопытныхъ особенностей новгородской судной грамоты, составленной около 1440 года, есть одна, давно замѣченная, но нѣсколько односторонне толкуемая историками. „А истцу на истца наводки не наводить“, говоритъ грамота: „ни на посадника, ни на тысяцкаго, ни на владычняго намѣстника, ни на иныхъ судей...“ Объясненіемъ, что такое эта „наводка“, служитъ послѣднее дошедшее до насъ постановленіе грамоты, обрывающейся на полусловѣ. Это постановленіе гласитъ, что на судѣ должны присутствовать въ качествѣ пособниковъ тяжущихся сторонъ лишь по два человѣка „отъ конца, или отъ улицы, или отъ сотни, или отъ ряду“. „А будетъ наводка отъ конца, или отъ улицы, или отъ сотни, или отъ ряду“—эти два человѣка чѣмъ-то отвѣчаютъ: чѣмъ, не ясно, ибо конецъ грамоты утраченъ. Но смыслъ совершенно ясенъ и, съ точки зрѣнія современнаго полицейскаго порядка, вполнѣ точно форумлированъ однимъ изъ издателей новгородской судной грамоты. Слова „наводки не наводить“ проф. Владимірскій - Будановъ комментируетъ такъ: „т.-е. не возбуждать народныхъ массъ къ нападенію на судъ или противную сторону“. Тутъ только слишкомъ сильно слово „нападеніе“: изъ послѣднихъ словъ грамоты ясно, что простое появленіе на судъ „народныхъ массъ“ въ XV вѣкѣ въ Новгородѣ уже считалось правонарушеніемъ. Если придутъ больше, нежели два человѣка, это уже „наводка“: „а инымъ на пособье не итти“... говоритъ грамота. Съ точки зрѣнія внѣшняго порядка то былъ, конечно, прогрессъ: судъ теперь производился не передъ лицомъ шумнаго кончанскаго или улицкаго вѣча, вмѣшивавшагося въ „отправленіе правосудія“, не всегда стѣсняясь буквой закона и слишкомъ часто руководясь своими элементарными представленіями о томъ, что справедливо и несправедливо. Для упорядоченнаго буржуазнаго общежитія это, конечно, не годилось. Теперь судъ производился въ обстановкѣ, вполнѣ гарантировавшей хладнокровіе судей, почти при закрытыхъ дверяхъ уже въ первой инстанціи, и буквально при закрытыхъ во второй, гдѣ окончательно рѣшалось дѣло. Эта вторая инстанція носила въ Новгородѣ названіе „доклада“: „а докладу быть во владычней комнатѣ“, говоритъ новгородская судная грамота, „а у докладу быть изъ конца по боярину, да по житьему.

да кои люди въ судѣ сидѣли, да приставамъ; а иному никому у доклада не быть". „Здѣсь какъ бы весь Новгородъ въ лицѣ немногихъ представителей", замѣчаетъ другой комментаторъ нашего памятника, забывая только упомянуть, что эти „немногіе" взяты исключительно изъ рядовъ крупныхъ землевладѣльцевъ и зажиточныхъ буржуа, а „народъ", представленный въ первой инстанціи въ гомеопатическихъ размѣрахъ, теперь уже вовсе стушевывается гдѣ-то на послѣднемъ планѣ. И, переходя отъ формальной, процессуальной стороны того же памятника новгородскаго законодательства къ его матеріальному содержанію, мы легко поймемъ, почему боярству и буржуазіи такъ важно было сосредоточить окончательное рѣшеніе всѣхъ дѣлъ въ своихъ рукахъ, и подальше держать отъ суда народъ. Ничѣмъ такъ много не занимается „грамота", какъ земельными тяжбами: три раза возвращается она къ этому сюжету, отводя ему въ общей сложности не меньше четверти всего дошедшаго до насъ текста. Процессъ о землѣ обставленъ особыми льготами: съ него не берется судебныхъ пошлинъ („...а отъ земли судьи кунъ не взяти..."), для него установленъ льготный срокъ—два мѣсяца, тогда какъ для остальныхъ процессовъ срокъ установленъ мѣсячный. Заботливо охраняются права землевладѣльца, если онъ завладѣлъ землею даже и не безъ нѣкотораго нарушенія формальностей: судъ о землѣ отдѣленъ отъ суда о „наѣздѣ и грабежѣ", при чемъ послѣдніе караются только штрафомъ. Одержавшій побѣду въ земельной тяжбѣ могъ немедленно вступить въ обладаніе отвоеваннымъ имъ „селомъ", не боясь „пени" за сопутствовавшія дѣлу обстоятельства: о нихъ разговоръ шелъ особо. Любопытно, что въ качествѣ землевладѣльцевъ грамота знаетъ только верхній слой новгородскаго общества: „а цѣловать (крестъ) боярину, и житьему, и купцу, какъ за свою землю, такъ и за женину". Чтобы пришлось цѣловать крестъ кому-нибудь пониже купца, этого кодификаторамъ новгородскаго права не приходило въ голову. Эти статьи новгородской судной грамоты представляютъ собою великолѣпный юридическій комментарій къ тому, что говоритъ о судьбахъ новгородскаго землевладѣнія уже не разъ цитированный нами историкъ новгородскаго хозяйства. „Переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному уже въ самыхъ своихъ зачаткахъ не остался безъ нѣкотораго вліянія на характеръ экономическаго быта Великаго Новгорода. Повидимому, ему должно быть приписано прежде всего окончательное сосредоточеніе въ рукахъ немногихъ новгородской

поземельной собственности. Ударъ разразился прежде всего надъ мелкой поземельной собственностью. Располагая богатѣйшими средствами, крупные землевладѣльцы, естественно, могли больше льготить крестьянъ, чѣмъ мелкіе, и этимъ путемъ подрывать послѣднихъ. Упадокъ мелкихъ землевладѣльцевъ или, такъ называемыхъ, своеземцевъ, всего лучше виденъ изъ того факта, что въ ближайшихъ къ Новгороду погостахъ къ концу XV столѣтія этотъ классъ поземельныхъ собственниковъ имѣлъ уже весьма ничтожное число представителей. Въ значительномъ же количествѣ онъ сохранился только въ краяхъ, куда не проникало еще въ сильной степени крупное землевладѣніе. Такими краями были сѣверныя части новгородскихъ пятинъ, какъ, напримѣръ, погосты: Городенскій, Куйвошскій, Корбосельскій, Кельтушскій и другіе, занимавшіе сѣверъ Вотской пятины" *). И параллельно съ тѣмъ, какъ земля уходила изъ рукъ мелкаго собственника въ деревнѣ, самъ онъ, какъ и его городской собратъ, становился во все большую зависимость отъ сильныхъ людей. Читая ту же новгородскую судную грамоту, можно подумать, что зависимые люди составляли даже большинство населенія Новгорода. „А кому будетъ дѣло до владычняго человѣка, или до боярьскаго, или до житейскаго, или до купецкаго, или до монастырскаго, или до кончанскаго, или до уличкаго... а боярину, и житьему, и купцу, и монастырскому заказщику, и посельнику, и кончанскому, и улицкому... своихъ людей ставить у суда". Тутъ не разберешь даже, что же эти „кончанскіи и улицкіи", по крайней мѣрѣ, свободные люди или нѣтъ? А относительно первыхъ перечисленныхъ категорій сомнѣній быть не можетъ: у этихъ людей былъ „осподарь", который и долженъ былъ поставить ихъ „у суда", и безъ котораго судить зависимаго человѣка было нельзя. Такъ феодализмъ, внѣшнимъ образомъ надвигавшійся на Новгородъ изъ Москвы, подготовлялся внутренней эволюціей самого новгородскаго общества, искусственно возстановлявшаго у себя тѣ черты патріархальной старины, которыя въ московско-суздальской землѣ держались еще естественнымъ путемъ. Тотъ же авторъ отмѣчаетъ, что „по мѣрѣ движенія исторической жизни впередъ, въ Новгородѣ, противъ ожиданія (!) замѣчаются слѣды нѣкотораго, хотя, нужно признаться, весьма слабаго закрѣпленія крестьянъ" **). Этого, наоборотъ, нужно было

*) Никитскій, Цит. сочин., стр. 191—192.
**) Ibid., стр. 193.

ожидать: вторичная форма крѣпостного права, державшаяся не на патріархальной, а на экономической зависимости, въ XV вѣкѣ была будущимъ для Москвы, а для Новгорода становилась уже настоящимъ. И тамъ, и тутъ переходъ къ денежному хозяйству былъ, какъ мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, ближайшей причиной явленія.

Соціальное господство имущихъ классовъ въ послѣдніе два вѣка новгородской исторіи нашло себѣ политическое выраженіе въ такъ называемомъ „правительственномъ совѣтѣ", „совѣтѣ господъ," или просто „господѣ". Новгородскій князь, какъ и всякій другой, совѣщался въ важныхъ случаяхъ со своими боярами,—при немъ была своя боярская дума. Уже въ XII вѣкѣ, при князѣ Всеволодѣ Мстиславичѣ, въ составѣ этой княжеской думы на ряду съ боярами, пришедшими въ Новгородъ вмѣстѣ съ княземъ и составлявшими верхній слой его „двора", встрѣчается также выборныя новгородскія власти: десять сотскихъ, староста и биричъ. Ни посадника, ни тысяцкаго мы здѣсь не встрѣчаемъ, хотя посадники навѣрное уже въ это время были выборными (обычно считаютъ первымъ избраннымъ посадникомъ Мирослава Гюрятинича, упоминаемаго лѣтописью подъ 1126 годомъ). Это отсутствіе въ составѣ думы новгородскаго „министерства" весьма характерно: очевидно, дума была не новгородскимъ правительствомъ, исполнительной властью, а чѣмъ-то инымъ. Впослѣдствіи, когда княжеская власть была окончательно оттѣснена на задній планъ, посадникъ съ тысяцкимъ заступили отчасти мѣсто князя: они стали созывать совѣтъ, а предсѣдательствовалъ въ немъ владыка. Княжескіе бояре ушли оттуда вмѣстѣ съ княземъ: въ концѣ XIII вѣка они еще присутствуютъ въ совѣтѣ наравнѣ съ выборными новгородскими властями, въ XV мы находимъ тамъ уже одного лишь княжескаго намѣстника. Но всего любопытнѣе метаморфоза, происшедшая съ этими выборными властями. Десять сотскихъ, представлявшихъ собою вооруженный городъ, собиравшійся на вѣчѣ, смѣнились пятью старостами отъ пяти новгородскихъ концовъ. Мы очень ошиблись бы, если бы сочли эти послѣдніе только административными округами, на которые дѣлился городъ. Просматривая лѣтопись, вы видите, что „концы" были политическими единицами — и политическая жизнь Новгорода сосредоточивалась именно въ нихъ. На общегородскомъ вѣчѣ каждый конецъ выступалъ какъ сплоченное цѣлое—вѣче было совѣщаніемъ не столько отдѣльныхъ новгородцевъ, сколько пяти общинъ, союзъ которыхъ

и составлялъ „Великій Новгородъ". Во время волненій 1218 года, вызванныхъ политической неустойчивостью Твердислава Михалковича, мы присутствуемъ при формальномъ междоусобіи концовъ: Неревскій конецъ былъ противъ посадника, а Людинъ за него. Въ 1359 году мы имѣемъ даже нѣчто вродѣ государственнаго переворота, затѣяннаго однимъ концомъ противъ всѣхъ другихъ: славенскій конецъ хотѣлъ поставить во что бы то ни стало своего посадника, и, явившись на вѣче въ доспѣхахъ, учинилъ ту „проторжь", о которой мы уже говорили въ своемъ мѣстѣ. Кончанскій староста, такимъ образомъ, вовсе не былъ только мэромъ одного изъ городскихъ округовъ: это былъ политическій вождь своего конца, представитель тѣхъ общественныхъ силъ, которыя въ немъ господствовали. А совѣтъ такихъ старостъ представлялъ собою господствующій классъ всего Новгорода. Совѣщаніе кончанской знати—къ старостамъ присоединялись и другія почетныя лица концовъ, на первомъ мѣстѣ бывшіе посадники и тысяцкіе — устраняло ту открытую борьбу за власть на вѣчѣ, которая подавала поводъ къ такимъ событіямъ, какъ имѣвшія мѣсто въ 1359 году. Порядка было больше — отсутствіе народной толпы при рѣшеніи важнѣйшихъ вопросовъ управленія, какъ и на судѣ, представляло большое практическое удобство. Но когда дѣло можно было рѣшить запершись, въ компаніи 20 или 30 человѣкъ, отъ демократіи оставалась только вывѣска. Между тѣмъ мы видимъ, что къ послѣднимъ годамъ жизни Новгорода совѣтъ все рѣшительнѣе захватываетъ права вѣча. Прежде всего, конечно, въ вопросахъ, которые „толпа" плохо понимала: уже въ XIV вѣкѣ иностранныя сношенія были всецѣло въ рукахъ „господъ"—нѣмецкіе купцы въ своихъ столкновеніяхъ съ Новгородомъ никого иного не видятъ; они и оставили намъ наиболѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ учрежденіи. Новгородская судная грамота показываетъ намъ, какъ въ руки кончанской аристократіи перешелъ и высшій судъ. Совѣтъ давалъ жалованныя грамоты на земли и воды, руководилъ общественными постройками, участвовалъ въ выборахъ правительственныхъ лицъ, распоряжался военными дѣйствіями. Послѣдній офиціальный актъ вольнаго Новгорода—грамота, по которой новгородцы обязались всѣ за одинъ стоять противъ Ивана Васильевича, скрѣплена 58 печатями членовъ совѣта—которые въ этотъ заключительный моментъ своей дѣятельности выступили, какъ настоящіе представители всего города. По составу, это было, повидимому, одно изъ самыхъ

полныхъ собраній „господъ“. Но нѣмецкіе источники знаютъ случаи, когда рамки собранія еще болѣе расширялись, и притомъ необычайно характернымъ образомъ: одинъ документъ упоминаетъ о 300 „золотыхъ поясахъ“. Здѣсь было все, что было побогаче въ Новгородѣ: а новгородскій совѣтъ и представлялъ именно богатство, а не „отечество,“ какъ позднѣйшая боярская дума московскихъ царей.

Какъ отвѣчала на возникновеніе этой новой олигархіи новгородская масса? Въ обстановкѣ промышленнаго центра подобное явленіе, знакомое не одному Новгороду, вызвало бы, вѣроятно, возстаніе „соціалистическаго“ характера—употребляя слово „соціализмъ“ въ томъ широкомъ и туманномъ его значеніи, въ какомъ примѣняла его буржуазная литература прошлаго вѣка. Таковъ былъ во Флоренціи XIV вѣка „бунтъ оборванцевъ“ (Tumulto dei Ciompi). Но Новгородъ былъ городомъ не ремесленниковъ, а купцовъ — и въ немъ соціальное движеніе приняло очень своебразный характеръ: возстанія должниковъ противъ кредиторовъ. Такой именно характеръ носили, повидимому, волненія 1418 года, подробно описанныя лѣтописью и послужившія позднѣйшей литературѣ образцомъ „буйнаго новгородскаго вѣча“ вообще. Они во всякомъ случаѣ свидѣтельствуютъ, какого напряженія достигла ненависть угнетенныхъ къ угнетателямъ уже за полстолѣтія до паденія новгородской самостоятельности. Дѣло началось съ того, что „нѣкій человѣкъ“—лѣтопись называетъ его уменьшительнымъ именемъ „Степанко“, безъ отчества, отмѣчая тѣмъ его плебейское происхожденіе—напалъ на улицѣ на боярина Данила Ивановича, Божина внука, и сталъ сзывать толпу, крича: „господа! *) помогите мнѣ противъ этого злодѣя!“ Вмѣсто того, чтобы схватить буяна, сбѣжавшіеся сосѣди схватили боярина и потащили его на вѣче,—а тамъ „казнивши его ранами близъ смерти,“ сбросили его съ моста въ Волховъ. Лѣтописецъ ни слова не говоритъ намъ о репутаціи Данила Ивановича, Божина внука, но ходъ событій достаточно обрисовываетъ эту послѣднюю. Какъ велико было негодованіе народной толпы, показываетъ продолженіе исторіи: когда одинъ рыбакъ, выловивъ боярина изъ Волхова, взялъ его въ свой челнокъ, новгородцы бросились на домъ этого рыбака и разграбили его. Спасшійся изъ воды бояринъ въ первую минуту, очевидно, ничего не могъ предпринять про-

*) Господа („Господо“) или господа и братья—обычная форма обращенія къ народу въ Новгородѣ, обращался ли посадникъ къ вѣчу или частное лицо къ уличной толпѣ.

тивъ своихъ враговъ. Но дождавшись, когда вѣче разошлось, онъ велѣлъ схватить Степанка и началъ его „мучить“. Волненіе, однако, далеко не улеглось, какъ думалъ, повидимому, бояринъ, а извѣстіе объ арестѣ Степанка подлило масла въ огонь. Тотчасъ звонили опять вѣче на Ярославовомъ дворѣ,—тоже повторялось и въ слѣдующіе дни: „и собиралось людей множество, кричали и вопіяли много дней: пойдемъ на того боярина и разграбимъ его домъ!“ Агитація противъ Данила Ивановича перешла мало-по-малу въ агитацію противъ бояръ вообще, и толпа сторонниковъ Степанка, „придя въ доспѣхахъ со стягомъ“ на Кузьмодемьянскую улицу, разграбила тамъ не только домъ непосредственнаго виновника, но и „иныхъ дворовъ много“, а также и на сосѣдней Яневой улицѣ: все это было въ самомъ аристократическомъ кварталѣ Новгорода. Неожиданное народное возстаніе навело спачала паническій ужасъ на бояръ. Кузьмодемьянцы бросились къ архіепископу и молили его о вмѣшательствѣ. Въ доказательство своей покорности вѣчу они привели къ владыкѣ и Степанка, котораго архіепископъ отослалъ къ „собранію людскому“ въ сопровожденіи одного священника и владычняго боярина. Вѣче приняло посольство и Степанка, но это не остановило погрома. Грабили не только боярскіе дворы, перейдя съ Кузьмодемьянской и Яневой улицъ на Чудинцеву и на Людогощу, но и монастыри, служившіе боярамъ кладовыми; случилось, значитъ, то, чего только боялись въ Кіевѣ во время возстанія 1113 года. Нападеніе на главное гнѣздо новгородскаго боярства, Прусскую улицу было, однако, отбито: здѣсь успѣли приготовиться къ оборонѣ. Это было исходнымъ моментомъ реакціи; возставшіе были оттѣснены на Торговую сторону—болѣе демократическую, и которая вся въ цѣломъ стала за Степанка и его друзей. Скоро въ оборонительномъ положеніи оказалась уже Торговая сторона, а центромъ сраженія сдѣлался мостъ черезъ Волховъ: здѣсь свистѣли стрѣлы, звенѣло оружіе, падали убитые, „какъ на войнѣ“. Но, повидимому, болѣе благоразумная часть боярства стояла за то, чтобы не обострять дѣла. „Христоименитое людство“, „люди богобоязливые“ уговаривали владыку пойти на мостъ крестнымъ ходомъ и раздѣлить сражающихся. Вслѣдъ за владыкой на мосту появился и боярскій совѣтъ. На Ярославовъ дворъ опять было отправлено владычнее посольство, которое на этотъ разъ имѣло больше успѣха: вѣче разошлось „и бысть тишина въ градѣ“. Такой исходъ, несомнѣнно, былъ подготовленъ уже предыдущими перегово-

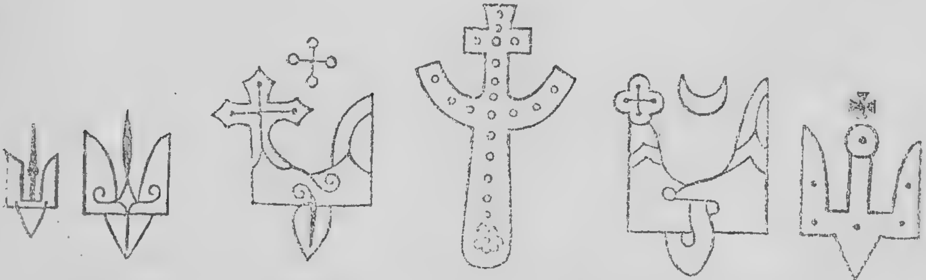
рами—это видно изъ того, что посланные архіепископа уже нашли на Ярославовомъ дворѣ степенныхъ посадника и тысяцкаго, которые, конечно, не были руководителями того „собранія людского“, что громило боярскіе дворы. Появленіе владыки на мосту было, въ сущности, офиціальной церемоніей: конецъ усобицы положило желаніе боярства использовать достигнутый успѣхъ, не рискуя новой схваткой, которая могла кончиться и не въ его пользу.

Въ соціальныя отношенія эта вспышка никакой перемѣны не внесла и не могла внести: купечество Торговой стороны не могло обойтись безъ боярскихъ капиталовъ. Но такъ какъ боярству такіе взрывы не могли быть выгодны, оно заботливо канализировало накоплявшуюся въ народныхъ массахъ энергію. „Политика отвлеченія“ была такъ же хорошо знакома позднѣйшему, крупно капиталистическому Новгороду, какъ и многимъ другимъ странамъ въ аналогичныя эпохи. Одновременно съ тѣмъ, какъ падаетъ политическое значеніе народной массы, мы все чаще и чаще слышимъ о колоніальныхъ предпріятіяхъ того единственнаго типа, который былъ знакомъ древней Руси: грабительскихъ походахъ на окраины, заселенныя инородцами, а иногда и на сосѣднія русскія земли. Въ послѣднемъ случаѣ, обыкновенно, соблюдали приличія, и дѣло принимало характеръ частной антрепризы—Новгородъ, какъ государство, оставался въ сторонѣ. Лѣтопись точно различаетъ эти два типа „колоніальныхъ войнъ“. „Ходиша изъ Заволочья войною на Мурманъ (норвежцевъ), новгородскимъ повелѣніемъ а воевода Яковъ Степановичъ посадникъ Двинскій“, читаемъ мы подъ 1411 годомъ; а подъ 1366: „Ѣздиша изъ Новаграда люди молодые на Волгу, безъ новгородьчкаго слова; а воеводою Есифъ Валъфромѣевичъ, Василій Федоровичъ, Олександръ Обакуновичъ“... Мы ясно видимъ, что и тамъ, и тутъ были правильно организованныя экспедиціи—и тамъ, и тутъ во главѣ стояли настоящіе „воеводы“, а не какіе-нибудь атаманы разбойниковъ, и воеводы эти въ обоихъ случаяхъ принадлежали къ новгородской знати. Но первая была направлена противъ иноземцевъ, это былъ легальный случай изъ области международныхъ отношеній, а по поводу второй пришлось имѣть объясненіе съ великимъ княземъ Дмитріемъ Ивановичемъ, и новгородскія власти желали себя оградить отъ отвѣтственности. Желаніе, впрочемъ, было тщетнымъ: московскій великій князь интересовался сущностью дѣла, а не его юридической оболочкой, и корректность правившаго Новгородомъ боярскаго совѣта ни-

сколько не помѣшала тому, что Дмитрій Ивановичъ „разверже миръ съ новгородци". Двадцать лѣтъ спустя за такую же экспедицію Новгородъ поплатился восемью тысячами рублей контрибуціи. Но зато „люди молодые" находили себѣ иное занятіе, чѣмъ громить боярскіе дворы, и никакая контрибуція не могла заставить новгородское боярство отказаться отъ столь выгодной для него политики. Но бывали, однако, случаи, когда два теченія сливались — и колоніальная экспедиція становилась сама орудіемъ соціальной борьбы. Въ 1342 году Лука Варѳоломѣевъ, видный новгородскій бояринъ, ѣздившій когда-то посломъ къ Ивану Даниловичу Калитѣ, „не послушавъ Новаграда, митрополичьяго благословенія и владычняго", собралъ „холоповъ сбоевъ" и отправился съ ними ставить города по Двинѣ. Надо имѣть въ виду, что Двина и все Заволочье были въ рукахъ крупнѣйшихъ новгородскихъ капиталистовъ: вся рѣка Вага, напр., принадлежала одной фамиліи, Своеземцевымъ, родоначальникъ которой купилъ ее въ 1315 году у мѣстной „чуди" за 20.000 бѣлокъ и 10 рублей. Уже одно появленіе здѣсь новаго колонизатора съ его болѣе, нежели демократической дружиной, должно было создать очень острыя отношенія, а Лука Варѳоломѣевичъ, вдобавокъ, велъ себя въ Заволочьѣ, какъ настоящій конквистадоръ, и вооруженной рукой заставилъ себя слушаться всѣ двинскіе погосты. Повидимому, считая свое положеніе здѣсь уже достаточно прочнымъ, онъ отправилъ большую часть своихъ силъ на Волгу, для новой экспедиціи, оставивъ у себя только двѣсти человѣкъ. Этимъ воспользовались его заволоцкіе враги; Лука былъ разбитъ въ одной схваткѣ и убитъ. Когда вѣсть о его смерти пришла въ Новгородъ, „встали черные люди на посадника Федора Даниловича, говоря, что это онъ послалъ убить Луку", и началась уже знакомая намъ картина боярскаго погрома. Посадникъ со своими сторонниками бѣжалъ въ Копорье и тамъ просидѣлъ всю зиму, до великаго поста. Но дѣло этимъ не кончилось. Вернувшійся изъ волжской экспедиціи сынъ убитаго, Онцифоръ Лукичъ, поднялъ формальное обвиненіе противъ Федора Даниловича— въ убійствѣ Луки. Бояре и тутъ смалодушествовали, выдали посадника, но онъ, не совсѣмъ понятнымъ для насъ образомъ, нашелъ поддержку на Торговой сторонѣ: вѣроятно, купцы, заинтересованные въ хорошихъ отношеніяхъ Новгорода съ низовскими землями, не особенно благосклонно отнеслись къ подвигамъ Онцифора на Волгѣ. Бѣжать, въ концѣ-концовъ, пришлось Онцифору: но это не было концомъ его

карьеры вообще. Шесть лѣтъ спустя мы встрѣчаемъ его воеводой противъ шведовъ, а еще черезъ шесть лѣтъ—степеннымъ посадникомъ.

Эта яркая картина изъ исторіи новгородскаго „имперіализма“ ясно показываетъ намъ, куда новгородская крупная буржуазія отводила вниманіе народной массы, гдѣ она сулила „чернымъ людямъ“ эквивалентъ за все болѣе и болѣе утрачивавшуюся ими политическую самостоятельность. Но иной разъ „чернымъ людямъ“ приходилось такъ туго, что никакой имперіализмъ, никакіе миражи колоніальныхъ завоеваній не помогали— и „молодшіе“ начинали искать управы на „старѣйшихъ“ поближе. То, куда они обращали при этомъ взоры, было зловѣщимъ предзнаменованіемъ для новгородской самостоятельности. За два года до похода на Двину Луки Варфоломѣевича поссорились новгородцы съ московскимъ княземъ Семеномъ Ивановичемъ изъ-за дани, которую тотъ сталъ собирать въ Торжкѣ. Какъ можно догадаться изъ дальнѣйшаго, споръ шелъ не столько изъ-за сбора дани, сколько изъ-за ея распредѣленія—куда ей итти: въ новгородскую казну или въ сундуки московскаго князя. Въ перспективѣ была война. Но новгородскому правительству очень быстро пришлось понизить тонъ по совершенно неожиданному поводу: въ Новгородѣ „чернь“ не захотѣла итти на войну противъ Москвы. Между тѣмъ, въ Торжкѣ ужъ были приняты самыя серьезныя мѣры: московскіе намѣстники и „борцы“ (собиратели дани) были окованы и посажены въ тюрьму; но когда „чернь“ въ Торжкѣ узнала, что дѣлается въ Новгородѣ, она встала на бояръ такъ рѣшительно, что тѣ прибѣжали въ Новгородъ „только душою, кто успѣлъ“. А московскіе намѣстники были освобождены тою же „чернью“.



Изображенія на оборотной сторонѣ серебряныхъ монетъ Владиміра I (первыя два), Святополка I (третье) и Ярослава I (пятое и шестое).

Изображеніе шлема XIII вѣка, хранящагося въ Московской Оружейной Палатѣ.

VI. Образованіе Московскаго Государства.

Промежутокъ времени съ XIII по XV вѣка выдѣляютъ иногда какъ спеціально „удѣльный" періодъ русской исторіи: „раздробленіе русской земли на удѣлы" является здѣсь, такимъ образомъ, опредѣляющимъ признакомъ. Нѣтъ надобности говорить, что представленіе это исходитъ отъ мысли о „единствѣ русской земли" до начала удѣльнаго періода. Русь разсыпалась, и ее потомъ опять „собирали". Но мы уже знаемъ, что говорить о единомъ „русскомъ государствѣ" въ кіевскую эпоху можно только по явному недоразумѣнію. Выраженіе „русская земля" знакомо и лѣтописи, и поэтическимъ произведеніямъ этого времени: но имъ обозначалась

кіевская область, а распространительно, поскольку Кіеву принадлежала гегемонія во всей южной Руси, и вся эта послѣдняя. Изъ Новгорода или Владиміра ѣздили „въ Русь", но сами Новгородъ и Владиміръ Русью не были. Притомъ, это былъ терминъ чисто бытовой, не связывавшійся ни съ какою опредѣленною политической идеей: политически, древняя Русь знала о кіевскомъ, черниговскомъ или суздальскомъ княженіи, а не о русскомъ государствѣ. Разсыпаться было почему—стало-быть, нечего было и „собирать". Въ устарѣвшую,—собственно, по своему происхожденію, карамзинскую—терминологію пытались вдохнуть новое содержаніе, то пріурочивая къ началу этого періода особенное, будто бы, измельчаніе княжествъ, то связывая съ этимъ именно временемъ глубокій упадокъ княжеской власти, утрату князьями всякихъ „государственныхъ идеаловъ" и превращеніе ихъ въ простыхъ вотчинниковъ. Но мы не знаемъ, каковы были минимальные размѣры самостоятельной „волости" въ предшествующую эпоху, а на первомъ планѣ политической сцены мы и въ „удѣльный періодъ" встрѣчаемъ князей тверскихъ, московскихъ, нижегородскихъ и рязанскихъ, стоявшихъ во главѣ крупныхъ областей, не меньшихъ, нежели прежнія княжества черниговское, смоленское или переяславское. Что касается государственныхъ идеаловъ, то таковые можно найти, въ зачаточномъ видѣ, у новгородскаго вѣча—этого воплощенія антигосударственности для официальной исторіографіи — но никакъ не у древнерусскихъ князей. Самые выдающіеся изъ нихъ не подымались выше нѣкотораго туманнаго представленія о „соціальной справедливости", и всѣ вообще считали добываніе столовъ главной цѣлью княжеской политики, а вооруженные набѣги на сосѣднія области—главнымъ княжескимъ ремесломъ. Единственнымъ общимъ дѣломъ, которое время отъ времени объединяло ихъ всѣхъ, была борьба со степными кочевниками, но и это объединеніе никогда не могло стать сколько-нибудь прочнымъ и продолжительнымъ. Военный союзъ сѣверо-восточныхъ князей подъ главенствомъ московскаго, въ концѣ XIV вѣка, былъ ничуть не менѣе проченъ, нежели объединеніе южной Руси противъ половцевъ въ дни Владиміра Мономаха: въ этомъ отношеніи Руси „удѣльной" не было основаній завидовать Руси до-удѣльной, Кіевской. Во внутреннемъ же управленіи „володѣть" и въ XIII или XIV столѣтіяхъ значило то же, что въ XII или даже X и раньше; и позже дѣло сводилось къ собиранію доходовъ въ разныхъ видахъ, при чемъ кто былъ болѣе энергичнымъ

„собирателемъ" въ этомъ смыслѣ, Андрей ли Юрьевичъ Боголюбскій или его на три столѣтія младшій родичъ, Иванъ Васильевичъ Московскій, сказать не умѣли бы, конечно, и современники.

Когда мы слѣдимъ за цѣпью событій по лѣтописямъ, мы замѣчаемъ легко двѣ катастрофы, отъ которыхъ, при желаніи, можно вести „новый періодъ русской исторіи": паденіе Кіева во второй половинѣ XII вѣка и завоеваніе Руси татарами въ XIII. Первая обусловила передвижку центра исторической сцены на нѣсколько градусовъ сѣвернѣе и восточнѣе, закрѣпивъ за исторической Россіей тотъ характеръ сѣверной страны съ убогой природой, какого она еще не имѣла в мягкомъ климатѣ и на плодородной почвѣ Украйны. Вторая закрѣпила то паденіе „городского" права и торжество „деревенскаго", которымъ на много столѣтій опредѣлилась политическая физіономія будущей „сѣверной монархіи". Но и въ томъ и въ другомъ случаѣ катастрофа была только кажущейся — оба переворота были подготовлены глубокими экономическими причинами—передвижкой міровыхъ торговыхъ путей, истощеніемъ страны хищническими пріемами хозяйства. Считать и ихъ за какую-то „грань времени" было бы очень поверхностно. И съ этой точки зрѣнія, такимъ образомъ, говорить объ особомъ „удѣльномъ періодѣ" русской исторіи не приходится. Та группировка феодальныхъ ячеекъ, которой суждено было стать на мѣсто городовыхъ волостей XI—XII вѣковъ, и которая получила названіе великаго княжества, позже государства Московскаго, наростала медленно и незамѣтно: и когда люди XVII вѣка очутились передъ готовымъ вчернѣ зданіемъ, имъ трудно было отвѣтить на вопросъ — кто же началъ его строить? Котошихинъ, какъ извѣстно, не прочь былъ записать въ основатели Московскаго государства Ивана Васильевича Грознаго. Позднѣйшіе историки отодвигали критическій моментъ все дальше и дальше въ глубь временъ,—пока передъ ними не встали фигуры, столь похожія на всѣхъ своихъ современниковъ, что невольно явился другой вопросъ: почему же это они стали основателями новаго государства? Первый „собиратель Руси" на страницахъ школьныхъ учебниковъ, Иванъ Даниловичъ Калита, подъ перомъ новѣйшаго историка оказывается вовсе „лишеннымъ качествъ государя и политика". Послѣ этого, образованіе московскаго государства осталось приписать только счастливому случаю: „случай игралъ въ исторіи великую роль", говоритъ тотъ же из-

слѣдователь *). Но апеллировать къ случаю въ наукѣ значитъ выдавать себѣ свидѣтельство о бѣдности.

Это „приведеніе къ нелѣпости“ индивидуалистическаго метода, сводящаго всѣ историческія перемѣны къ дѣйствіямъ отдѣльныхъ лицъ—и останавливающагося въ недоумѣніи, когда лицъ на сценѣ нѣтъ, а перемѣны, видимо, совершаются—эта катастрофа въ области исторической литературы сама по себѣ есть, однако же, крупное завоеваніе научной исторіи. Только что цитированный нами авторъ, наряду со „случаемъ“, умѣлъ назвать и другой, безличный, но, тѣмъ не менѣе, вполнѣ конкретный историческій факторъ, который приходится поставить на мѣсто обанкротившихся передъ наукой „собирателей Руси“. Особенно благопріятнымъ моментомъ въ развитіи московскаго великаго княжества г. Сергѣевичъ считаетъ малолѣтство Дмитрія Ивановича Донского. „Въ этомъ обстоятельствѣ“—что тогдашнему собирателю было всего 9 лѣтъ—„и заключалось чрезвычайно благопріятное условіе для успѣшнаго развитія московской территоріи. Въ малолѣтство князей управленіе находилось въ рукахъ бояръ... Боярамъ нужны богатыя кормленія. Чѣмъ меньше князей, тѣмъ этихъ кормленій больше. Бояре—естественные сторонники объединительной политики“ **).

Отсюда, казалось бы, оставался одинъ шагъ до того, чтобы оставить въ покоѣ личности „собирателей“ и трактовать московское государство XV вѣка, какъ огромную ассоціацію феодальныхъ владѣльцевъ —въ силу особенно благопріятныхъ условій поглотившую всѣ остальныя ассоціаціи. Но нашъ авторъ этого не дѣлаетъ, и продолжаетъ занимать своего читателя тѣмъ, что дѣлали и о чемъ заботились Иваны, Дмитріи и Василіи, политическое ничтожество которыхъ онъ только что доказалъ. Такъ сильна традиція, гораздо болѣе старая, чѣмъ можно думать, и унаслѣдованная нашей ученой, университетской исторіографіей отъ до-историческаго періода русскаго бытописанія: еще никоновская лѣтопись заставляла московское правительство вести переговоры съ казанскимъ царемъ Утемишъ-Гиреемъ, хотя сама же предусмотрительно отмѣтила, что этому „политическому дѣятелю“ было два года, и онъ едва ли съ кѣмъ велъ переговоры, кромѣ своей няньки. Но что у стараго русскаго лѣтописца было характернымъ въ своей наивности символизмомъ, было

*) См. В. Сергѣевичъ, „Древности русскаго права“, т. III, изд. 3-е 1909 г., стр. 65 и 72.

**) Ibid. стр. 69.

бы въ современной исторической работѣ либо наивничаньемъ и поддѣлкой подъ старину, либо тупымъ староверствомъ. Читатель не посѣтуетъ на насъ, поэтому, если мы не будемъ, съ одной стороны, заниматься спеціально отличительными признаками „удѣльной Руси“—ибо мы эти признаки, въ гораздо болѣе широкомъ масштабѣ, найдемъ въ Руси московской; съ другой стороны, оставимъ официальнымъ учебникамъ подвиги „собирателей“ и не будемъ вдаваться въ обсужденіе вопроса, были ли они люди политически бездарные или политически талантливые. Тѣмъ болѣе, что, при скудости нашихъ данныхъ касательно ихъ личныхъ свойствъ, послѣдній вопросъ является и довольно безнадежнымъ, помимо всего прочаго.

Въ ряду безличныхъ факторовъ, опредѣлившихъ „собираніе“ Руси около Москвы, экономикѣ давно отведено одно изъ первыхъ мѣстъ. Первоначальныя наблюденія этого рода, сдѣланныя проф. Ключевскимъ и всѣмъ доступныя на страницахъ его курса, дополнены и дальше развиты Забѣлинымъ въ его „Исторіи города Москвы“. Послѣдній авторъ беретъ вопросъ не въ тѣсныхъ рамкахъ исторіи „удѣльной Руси“ и образованія московскаго княжества, а нѣсколько шире. Онъ указываетъ на роль московско-клязьминскаго торговаго пути, соединявшаго промышленную область смоленскихъ кривичей и крупнѣйшій центръ Поволжья X—XI вѣковъ—„Великій городъ“ болгаръ, съ его ярмаркой, предшественницей макарьевской и нижегородской. Въ ближайшихъ окрестностяхъ Москвы намѣчаются два узла этого пути—одинъ на р. Сходнѣ (Вcходнѣ), другой—на Яузѣ. Наличность многолюднаго поселенія около перваго доказывается массою кургановъ. Торговое значеніе Яузы и переволы отъ нея къ Клязьмѣ до сихъ поръ даетъ себя знать въ названіи села Большія Мытищи, напоминающемъ о существовавшей здѣсь когда-то таможнѣ. Характерно, что о Яузѣ опредѣленно говоритъ лѣтописное извѣстіе о постройкѣ „города“ Москвы, т.-е. древнѣйшей московской крѣпости (подъ 1156 годомъ). Очевидно, это географическое указаніе было далеко не безразлично для современниковъ. Но на пути изъ Западной Россіи въ Поволжье Москва была лишь однимъ изъ узловыхъ пунктовъ: важнѣйшимъ изъ нихъ она стала лишь благодаря тому, что со старой дорогой восточной торговли пересѣкся новый путь торговли западной, изъ Новгорода въ южную и восточную Русь, къ Нижнему и Рязани. Путь изъ Новгорода Великаго въ Новгородъ Нижній по Волгѣ описываетъ крутую дугу, добрая доля которой была притомъ въ рукахъ ближайшаго сосѣда и наиболѣе обычнаго

антагониста новгородцевъ, великаго князя тверского. Путь черезъ принадлежавшій Новгороду Волокъ на Ламѣ, а затѣмъ черезъ Москву и Клязьму, былъ почти хордою этой дуги и гораздо менѣе зависѣлъ отъ политическихъ случайностей. Московскіе князья на первыхъ порахъ казались очень смирными и покладистыми. Новгородъ не видѣлъ отъ нихъ никакой непосредственной опасности и въ первую половину XVI вѣка не было болѣе обычной политической комбинаціи, какъ союзъ Новгорода и Москвы противъ Твери. Въ свою очередь, и московскіе князья не находили ничего для себя зазорнаго садиться въ вѣчевомъ городѣ „на всей волѣ новгородской“ — „и ради быша новгородци своему хотѣнію“. А когда московскій князь, благодаря ловкости своей ордынской политики, сталъ наслѣдственнымъ великимъ княземъ владимірскимъ, новгородско-московскій союзъ сталъ экономическою необходимостью для обѣихъ сторонъ: суздальская Русь, теперь Русь московская, не могла обойтись безъ европейскихъ товаровъ, шедшихъ, главнымъ образомъ, по Балтійскому пути; а новгородскій гость „на низу“, в нынѣшнихъ Московской, Владимірской и Нижегородской губерніяхъ изстари не могъ обойтись безъ охраны великаго князя владимірскаго. „А гостю нашему гостити по Суздальской землѣ“, оговаривали трактаты Новгорода съ великими князьями. Но, нужно замѣтить, необходимость была неодинакова для обѣихъ сторонъ: въ то время какъ новгородскіе торговцы, в тѣхъ случаяхъ, когда запиралась передъ ними суздальская Русь, теряли свой главный рынокъ и почти утрачивали смыслъ своего существованія, Москва, кромѣ Новгорода, имѣла и другой выходъ въ Западную Европу. Уже подъ 1356 годомъ лѣтописи упоминаютъ о присутствіи в Москвѣ „гостей сурожанъ“, генуэзцевъ изъ крымскихъ колоній. „Но, по всему вѣроятію, и раньше этого года генуэзскіе торговцы уже хорошо знали дорогу въ Москву, такъ какъ сѣверный торгъ, направлявшійся прежде, до XIII столѣтія, на Кіевъ по Днѣпру, теперь измѣнилъ это направленіе и шелъ уже черезъ Москву по Дону, чему еще до нашествія татаръ очень способствовали именно тѣ же итальянскіе генуэзскіе торги, сосредоточившіе свои дѣла въ устьяхъ Дона и въ крымскихъ городахъ Сурожѣ и Кафѣ“ *).

„Гости сурожане“ объясняютъ намъ нѣсколько неожиданныя с перваго взгляда итальянскія связи Москвы, памятникомъ которыхъ остался до сихъ поръ московскій кремль

---

*) Забѣлинъ, назв. соч., стр. [illegible].

съ его Успенскимъ соборомъ, построеннымъ Аристотелемъ Фіоравенти, и Спасскими воротами стройки „архитектона“ Петра-Антонія, „отъ града Медіолана“. А не только мѣстное, но международное значеніе Москвы объясняетъ намъ еще другой, гораздо болѣе важный, фактъ: что столица Калиты уже въ XIV вѣкѣ становится крупнымъ буржуазнымъ центромъ, населеніе котораго начинаетъ себя вести почти по-новгородски. О размѣрахъ этого населенія кое-какія указанія даютъ лѣтописи. Когда въ 1382 году, послѣ нашествія Тохтамыша, хоронили убитыхъ москвичей, великій князь Дмитрій Ивановичъ, уѣхавшій передъ татарскимъ погромомъ на сѣверъ и явившійся какъ разъ во-время къ похоронамъ погибшихъ, платилъ за каждые 40 труповъ по полтинѣ—и всего истратилъ 300 рублей; всего, значитъ, было похоронено 24.000 человѣкъ. Правда, сюда входили не только горожане въ тѣсномъ смыслѣ, но и населеніе ближайшихъ окрестностей, искавшее за стѣнами города защиты отъ татаръ; зато и не все, конечно, городское населеніе было поголовно истреблено: напротивъ, надо думать, что большая часть осталась въ живыхъ, либо была уведена въ плѣнъ. Въ 1390 году лѣтопись отмѣчаетъ большой московскій пожаръ, отъ котораго сгорѣло нѣсколько тысячъ дворовъ; черезъ пять лѣтъ опять Москва погорѣла — и опять сгорѣло дворовъ „нѣколико тысячъ“ *). Судя по всѣмъ этимъ даннымъ, мы можемъ считать населеніе города къ концу XIV вѣка въ нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ: для среднихъ вѣковъ, когда городовъ съ стотысячнымъ населеніемъ едва ли было три во всей Европѣ, это не мало. Въ Россіи того времени, кромѣ Новгорода и Пскова, не было города крупнѣе.

Уже размѣры московскаго посада заставляютъ нѣсколько ограничить очень распространенное представленіе о Москвѣ, какъ разросшейся княжеской усадьбѣ: представленіе, много обязанное своей популярностью именно только что цитированному нами Забѣлину. Какъ ни была многолюдна дворня московскаго князя, ей было далеко до десятковъ тысячъ московскихъ посадскихъ: и какъ ни соблазнительно видѣть въ Хамовникахъ, Бронныхъ, Хлѣбныхъ и Скатертныхъ переулкахъ слѣды слободъ дворцовыхъ ремесленниковъ, осторожнѣе видѣть въ нихъ московскихъ двойниковъ Плотницкаго или Гончарскаго концовъ Великаго Новгорода. Въ тѣхъ случаяхъ, когда московскій посадъ выступаетъ передъ

*) Ibid., стр. 98.

нами, въ XIV вѣкѣ, какъ политическая сила, онъ даетъ физіономію тоже, совсѣмъ не похожую на княжескихъ челядинцевъ. Такимъ моментомъ было уже упоминавшееся нами нашествіе Тохтамыша (августъ 1382 года). Татары появились на русскихъ границахъ совершенно неожиданно — и московское начальство, свѣтское и духовное, потеряло голову. Недавній побѣдитель на Куликовомъ полѣ, великій князь Дмитрій Ивановичъ, бѣжалъ сначала въ Переяславль, а потомъ, найдя и это мѣсто недостаточно безопаснымъ, въ Кострому. Вмѣсто себя онъ оставилъ въ городѣ владыку-митрополита: но владыка—это былъ мало почетной памяти Кипріанъ—былъ, конечно, человѣкъ, еще менѣе склонный къ ратнымъ подвигамъ, нежели самъ великій князь. Кипріану показалась достаточно безопаснымъ мѣстомъ Тверь—и онъ рѣшилъ бѣжать туда. Примѣру князя и митрополита готовились послѣдовать, повидимому, и „нарочитые бояре“: московскому посаду предоставлялось защищаться отъ врага, какъ самъ знаетъ. И вотъ, разсказываетъ лѣтописецъ, „гражданскіе люди возмятошася и всколебашася, яко пьяни, и сотвориша вѣче, позвониша во вся колоколы и всташа вѣчемъ народы мятежники, недобрые человѣки, люди крамольники: хотящихъ изойти изъ града не токмо не пущаху, но и грабляху.. . ставши на всѣхъ воротахъ городскихъ, сверху каменіемъ шибаху, а внизу на землѣ съ рогатинами и сулицами и съ обнаженнымъ оружіемъ стояху, не пущающе вылезти вонъ изъ града“. Потомъ, понявъ, вѣроятно, что отъ перепуганныхъ владыки съ боярами, а тѣмъ болѣе отъ великой княгини Евдокіи, тоже спѣшившей выбраться изъ города, толку въ осадномъ дѣлѣ быть не можетъ, ихъ пустили, но конфисковали все ихъ имѣніе. Лѣтописецъ, сочувствіе котораго было на сторонѣ власть имущихъ, какъ видно уже изъ приведенной цитаты, очень хотѣлъ бы свести все на пьяный бунтъ, усиленно подчеркивая разгромъ боярскихъ погребовъ и расхищеніе изъ нихъ „медовъ господскихъ“. Но „гражданскіе люди“ сдѣлали, несомнѣнно, серьезное дѣло: они организовали ту самую оборону города, въ возможности которой сомнѣвались митрополитъ и „нарочитые бояре“, и организовали такъ, что татары, послѣ неудачнаго приступа, вынуждены были прибѣгнуть къ хитрости, чтобы взять городъ. На стѣнахъ Москвы Тохтамышъ нашелъ, рядомъ со старыми метательными орудіями, и такія новинки тогдашней военной техники, какъ самострѣлы (арбалеты) и даже пушки, которыя тогда и въ Западной Европѣ были еще свѣжей новостью. Всѣмъ

этимъ посадскіе люди, московская буржуазія (лѣтопись называетъ по имени „суконника“ Адама—едва ли не итальянца) орудовали какъ нельзя болѣе успѣшно. Но противъ всѣхъ западныхъ новшествъ, татары нашли старое и испытанное русское средство. Въ войскѣ Тохтамыша оказалось двое русскихъ князей, зятьевъ Дмитрія Ивановича, которые взялись поцѣловать крестъ передъ москвичами, что татары не сдѣлаютъ послѣднимъ никакого вреда, если они сдадутъ городъ. Москвичи повѣрили княжескому слову, отворили ворота — и городъ былъ разграбленъ, а жители перебиты или уведены въ плѣнъ. Вся исторія какъ нельзя болѣе характерна для отношеній „народа“ и „власти“ въ удѣльной Руси: и эти „строители“ и „собиратели“, продающіе городъ татарамъ, и эта „чернь“, умѣющая обороняться отъ татаръ безъ „собирателей“ гораздо лучше, чѣмъ съ ними.

Событія 1382 года не остаются изолированными въ московской исторіи — черезъ два слѣдующія столѣтія, до половины семнадцатаго, тянутся политическія выступленія московскаго посада, свидѣтельствуя, что тогдашняя русская буржуазія была гораздо менѣе безгласной, нежели во времена, болѣе къ намъ близкія. Но если наличность крупнаго торговаго центра, съ его обильными денежными средствами *), давала опорный пунктъ для объединительной политики московскаго княжества, то активная роль въ этой политикѣ принадлежала не торговому городу: иначе вѣнцомъ ея было бы образованіе новой городовой волости, въ родѣ кіевской, а не феодальной монархіи, какой было московское государство. A priori можно предположить, что въ созданіи этого послѣдняго большое участіе должны были принимать феодальные элементы — и что руководящее значеніе въ процессѣ „собиранія Руси“ должны были имѣть крупные землевладѣльцы. Мы видѣли, что это значеніе уже оцѣнено по достоинству новѣйшей наукой, которая въ лицѣ проф. Сергѣевича, признала, что настоящими „собирателями Руси“ были бояре, обнаруживавшіе въ этомъ дѣлѣ гораздо больше чуткости и пониманія, нежели номинальные основатели московскаго государства. Намъ нѣтъ надобности поэтому особенно настаивать на этомъ фактѣ. Политическое значеніе крупнаго землевладѣнія въ древней Руси мы уже разсмотрѣли подробно (см. гл. III — „Феодальныя отношенія въ древней

*) О размѣрахъ этихъ средствъ даетъ понятіе контрибуція, которую взялъ въ 1446 году царь Махметь съ Василія Васильевича Темнаго: 200.000 рублей—м. б. до 20 милліоновъ рублей на нынѣшнія деньги.

Руси"). Мы знаемъ, что во главѣ удѣльнаго княжества стояло не одно лицо—князь, а группа лицъ—князь съ боярской думой, и это обстоятельство обезпечивало непрерывность удѣльной политики даже въ такіе, нерѣдкіе въ удѣльной практикѣ, моменты, когда номинальнаго носителя государственной власти не было налицо—онъ былъ малолѣтній, или въ Ордѣ, или въ плѣну. Борьбу между удѣльными княжествами нужно представлять себѣ, какъ борьбу между группами феодаловъ, отстаивавшими прежде всего другого, свои собственные интересы. Въ первомъ эпизодѣ московско-тверской борьбы, въ самомъ началѣ XIV столѣтія, мы почти не видимъ на русской сценѣ князей: они тягаются изъ-за столовъ гдѣ-то далеко, въ Ордѣ передъ лицомъ „царя". Тамъ выправляются юридическіе титулы на велико-княжеское достоинство: фактическая борьба на мѣстахъ велась боярствомъ. Тверскіе бояре ведутъ войну съ Москвой, во главѣ тверской рати идетъ не князь, а бояринъ Акинѳъ, во главѣ московской рати номинально стоитъ княжичъ, младшій братъ уѣхавшаго въ Орду Юрія, Иванъ, (будущій Калита), но онъ шагу не дѣлаетъ безъ своего боярства. Нѣсколько лѣтъ спустя, Дмитрій Михайловичъ Тверской идетъ ратью на Нижій-Новгородъ и Владиміръ, добивается великокняжескаго стола—но все это лишь обычный символизмъ лѣтописи: претенденту на великое княженіе всего 12 лѣтъ и съ нимъ происходитъ буквально тоже, что продѣлаютъ пятьдесятъ лѣтъ спустя со своими малолѣтними князьями московскіе бояре, когда они, забравъ всѣхъ троихъ внуковъ Калиты (старшему, Дмитрію, будущему Донскому, шелъ тогда двѣнадцатый годъ), ходили въ походъ на соперника Москвы, князя Дмитрія Константиновича Суздальскаго. И этой привычки дѣйствовать самостоятельно московскіе феодалы отнюдь не утрачиваютъ съ ростомъ московскаго великаго княженія, напротивъ, они тѣмъ сильнѣе и ихъ тѣмъ больше, чѣмъ больше и сильнѣе вотчина Калиты. Въ 1446 году, когда Шемяка, воспользовавшись неудачной войной Василія Васильевича съ татарами, захватилъ подъ нимъ Москву, взявъ и его самого въ плѣнъ, захватчикъ встрѣчаетъ дружное сопротивленіе сплоченной группы московскаго боярства—съ князьями Ряполовскими во главѣ. Это сопротивленіе и заставило Шемяку уже въ слѣдующемъ году возвратить столъ сверженному и ослѣпленному имъ противнику. Шаблонное противопоставленіе „боярства" и „государя", какъ силъ центробѣжной и центростремительной въ молодомъ московскомъ государствѣ—одинъ изъ самыхъ неудачныхъ пережитковъ идеалистическаго метода, представ-

лявшаго „государство“, какъ нѣкую самостоятельную силу, сверху воздѣйствующую на „общество“ На самомъ дѣлѣ государство и въ удѣльной Руси, какъ всегда, было лишь извѣстнаго рода организацiей командующихъ общественныхъ элементовъ,—и московскiе князья, по-своему, нисколько не думали отрицать того факта, что правятъ они своимъ княженiемъ не одни, а вмѣстѣ съ боярами, какъ „первые между равными“. Дмитрiю Донскому лѣтопись, какъ мы уже знаемъ, приписываетъ даже еще болѣе лестную для бояръ характеристику, заставляя его сказать передъ кончиной: „и назывались вы у меня не боярами, а князьями земли моей“. Если это еще можетъ быть литературой, то совѣтъ его дяди, Семена Ивановича „Гордаго“, своимъ наслѣдникамъ—„слушать старыхъ бояръ“—мы находимъ уже не въ литературѣ, а въ офицiальномъ документѣ, духовномъ завѣщанiи этого князя. А наиболѣе реальные политики того времени, ордынскiе дипломаты, не обинуясь, прямо ставили образъ дѣйствiй Москвы въ зависимость отъ состава московской боярской думы. „Добрые нравы, и добрыя дѣла, и добрая душа въ Ордѣ была отъ Ѳедора отъ Кошки, добрый былъ человѣкъ“, говорилъ татарскiй министръ Едигей великому князю Василiю Дмитрiевичу. „А нынѣ у тебя сынъ его Иванъ казначей, любовникъ и старѣйшина. И ты нынѣча изъ того (Ивана) слова и думы не выступаешь, которая его дума не добра и слово, и ты изъ того слова не выступаешь... ино того думою учинилася улусу пакость“. *)

Разъ московское государство было созданiемъ феодальнаго общества, въ его строительствѣ не могла не играть видной роли крупнѣйшая изъ феодальныхъ организацiй удѣльной Россiи, какъ и средневѣковой Европы вообще — церковь. Казалось бы, невозможно преувеличить значенiе православiя въ исторiи русскаго самодержавiя — и, тѣмъ не менѣе, приходится признать, что до появленiя II тома извѣстной работы проф. Голубинскаго все, что говорилось на эту тему, было слишкомъ слабо и главное, било мимо цѣли. Говорилось, преимущественно, о влiянiи церковной проповѣди на развитiе идеи самодержавiя. Это правда, что московская политическая идеологiя была идеологiей церковной прежде всего и больше всего—что московскiй царь мыслился своими подданными не столько какъ государь нацiональный, властитель опре-

---

*) Экземплярскiй, „Великiе и удѣльные князья Сѣверной Руси въ татарскiй перiодъ“, I, стр. 142.

дѣленнаго народа, сколько какъ владыка всего міра — царь всего православнаго христіанства. Мы увидимъ въ свое время чрезвычайно эффектныя и яркія отраженія этой центральной идеи московской официальной публицистики: но исторію дѣлаетъ не публицистика. Какова была роль церкви въ созданіи объективныхъ условій, вызвавшихъ къ жизни московскій царизмъ? Что дала церковь не словами, а дѣломъ—дала, какъ опредѣленная организація? Какъ интересами этой организаціи опредѣлялась политика создавшагося подъ ея вліяніемъ государства? Вотъ вопросы, на которые позволилъ отвѣтить впервые только матеріалъ, собранный названнымъ историкомъ русской церкви, — матеріалъ, самъ вполнѣ объективный и каждый всякой идеалистической обработки.

Феодализація православной церкви началась задолго до разсматриваемаго періода*): уже въ Кіево-Новгородской Руси монастыри были крупными землевладѣльцами, а митрополиты и епископы располагали крупной долей политической власти, между прочимъ, являлись судьями для всего клира по всѣмъ вообще дѣламъ, а по цѣлому ряду дѣлъ для всего населенія вообще. Но поставленные на каѳедру либо мѣстнымъ вѣчемъ, либо мѣстнымъ княземъ, древне-русскіе епископы зависѣли отъ этихъ свѣтскихъ политическихъ силъ — и мы уже видѣли на примѣрѣ новгородскихъ владыкъ, какъ непосредственно отражалась на замѣщеніи архіепископской каѳедры борьба новгородскихъ партій. Монастыри, с другой стороны, часто самымъ фактомъ своего возникновенія были обязаны князьямъ — у каждой княжеской династіи былъ свой монастырь, въ которомъ члены этой династіи и хоронились, и постригались въ иночество, если что-нибудь обрывало ихъ политическую карьеру. Самостоятельный относительно мелкихъ свѣтскихъ властей, такой монастырь составлялъ своего рода княжескую вотчину, и передъ князьями никакой политической силы, разумѣется, не представлялъ. Словомъ, зависимость церкви отъ государства въ Кіево-Новгородской Руси была лишь настолько меньше такой же зависимости въ новѣйшее, послѣ-петровское время, насколько и церковь вѣчевого города являлась демократической организаціей. Освобожденіемъ отъ такой зависимости церковь была обязана событію, очень тягостному для остальной, не церковной Россіи — завоеванію Руси татарами. Высшій политическій центръ Руси перемѣстился въ Орду. За исключеніемъ Нов-

*) См. объ этомъ вопросѣ также главу VII „Русской Исторіи“.

орода, епископъ сталъ такъ же мало зависѣть отъ вѣча своего родного города, какъ и князь. Но онъ пересталъ зависѣть, въ то же время, и отъ князя—по крайней мѣрѣ, юридически: ибо юридически правовое положеніе церкви опредѣлялось теперь ханскимъ ярлыкомъ. Въ этихъ грамотахъ, данныхъ „невѣрными" царями, привилегіи русской церкви были закрѣплены такъ опредѣленно и такъ широко, какъ еще ни разу не было при благовѣрныхъ россійскихъ князьяхъ: недаромъ на семь ордынскихъ ярлыковъ ссылались еще митрополиты XVI вѣка, защищая права церкви отъ захватовъ свѣтской власти. Первый же изъ этихъ ярлыковъ, относящійся еще къ XIII столѣтію, всего тридцатью, самое большее сорока годами позже разгрома, даровалъ православному духовенству не только самую широкую свободу исповѣданія, но и цѣлый рядъ „свободъ" чисто гражданскаго характера. „Попы, чернецы и всѣ богодѣльные люди" были освобождены какъ отъ татарской дани, такъ и отъ всѣхъ другихъ поборовъ: „не надобе имъ дань, и тамга, и поплужное, ни ямъ, ни подводы, ни война, ни кормъ; во всѣхъ пошлинахъ не надобе имъ ни которая царева пошлина"... Привилегія распространялась и на всѣхъ церковныхъ людей вообще, т. е. и на мірскихъ людей, состоявшихъ въ услуженіи церкви: „а что церковные люди: мастеры, сокольницы, пардусницы (звѣроловы), или которыя слуги и работницы и кто ни будетъ изъ людей, тѣхъ да не замаютъ ни на что, ни на работу, ни на сторожу". Одновременно за церковью были закрѣплены всѣ недвижимыя имѣнія, находившіяся въ данный моментъ въ ея рукахъ: „...земли, воды, огороды, винограды, мельницы, зимовища, лѣтовища..." На ярлыкѣ, данномъ Петру митрополиту ханомъ Узбекомъ, къ этому прибавилась еще полная автономія церковнаго суда во всѣхъ дѣлахъ, касающихся „церковныхъ людей" въ самомъ широкомъ смыслѣ слова: „а знаетъ митрополитъ въ правду, и право судитъ и управляетъ люди своя въ правду, въ чемъ ни буди: и въ разбои, и въ поличномъ, и въ татьбѣ, и во всякихъ дѣлахъ вѣдаетъ самъ митрополитъ единъ или кому прикажетъ" *). Ханскія грамоты устанавливали, такимъ образомъ, самый полный иммунитетъ церкви, какимъ только она пользовалась въ средніе вѣка гдѣ бы то ни было въ Европѣ: восточному православію, въ этомъ случаѣ, не приходилось завидовать католицизму. Причины такого милости-

*) Голубинскій, назв. соч. т. II, 1-я полов., стр. 33—34.

ваго отношенія „невѣрныхъ“ (сначала язычниковъ, позже, съ Узбека, магометанъ) завоевателей Россіи къ православной вѣрѣ, ея представителямъ и даже ко всѣмъ, кто ей такъ или иначе служилъ, указаны въ ярлыкахъ вполнѣ точно — и напрасно цитированный нами авторъ, спасая послѣдніе остатки церковно-историческаго приличія, старается свести дѣло на необыкновенную вѣротерпимость татарскихъ властителей. Все было гораздо проще. „Чингизъ царь и первые цари, отцы наши“, говоритъ, напримѣръ, ярлыкъ, данный Алексѣю митрополиту (около 1357 года), „жаловали церковныхъ людей, кои за нихъ молилися... Такъ молвя, написали есмя: какова дань не будетъ, ни пошлина, ино того тѣмъ ни видѣть, ни слышать не надобе, чтобы во упокоѣ Бога молили и молитву воздавали... И мы... есмя Алексѣя митрополита пожаловали. Какъ сядетъ на своемъ столѣ и молитву воздастъ за насъ и за наше племя...“ „Молитва“, конечно, предполагалась публичная, офиціальная — а не частная, про себя: эта послѣдняя была дѣломъ совѣсти пожалованнаго ханомъ владыки, а ни до чьей совѣсти Ордѣ, съ ея строго практической точкой зрѣнія на все, не было дѣла. Что было важно хану—это, чтобы его въ Россіи формально признавали государемъ, признавали тѣ, чей голосъ имѣлъ вѣсъ и авторитетъ въ глазахъ массы. И татары прекрасно понимали ту элементарную истину, что оружіемъ можно завоевать страну, но держаться въ ней при помощи одного оружія нельзя. Что церковь предоставляла въ ихъ распоряженіе свое вліяніе на вѣрующихъ, этого нельзя было не оцѣнить, и естественно было наградить за это церковь привилегіями. А что эти послѣднія стѣсняли власть мѣстныхъ свѣтскихъ правителей, это, конечно, Ордѣ могло быть только пріятно. Союзъ православной церкви и татарскаго хана на первыхъ порахъ былъ одинаково выгоденъ для обѣихъ сторонъ, — а что впослѣдствіи онъ окажется выгоднѣе первой, чѣмъ послѣднему, этого татары не умѣли предусмотрѣть именно потому, что были слишкомъ практическими политиками. Пока, они получали въ свое распоряженіе крупнѣйшую полицейскую силу, позволявшую замѣнить мечомъ духовнымъ мечъ вещественный, который неудобно же было извлекать изъ ноженъ слишкомъ часто. За исключеніемъ Твери, князья которой не ладили съ церковью и были за то ею преслѣдуемы, мы нигдѣ не имѣемъ за XIV вѣкъ крупнаго народнаго возстанія противъ хана: а когда началось княжеское возстаніе, подъ главенствомъ Москвы, церковь уже

давно успѣла прочно освоить себѣ всѣ выгоды, предоставленныя ей ярлыками.

Всякій феодалъ, чѣмъ онъ становился крупнѣе, тѣмъ меньше былъ склоненъ слушаться своего сюзерена, въ особенности, когда онъ могъ надѣяться на поддержку сюзерена, еще болѣе могущественнаго. Для русской церкви XIV вѣка ближайшимъ сюзереномъ, который практически могъ—и хотѣлъ, притомъ—вмѣшиваться въ ея дѣла, былъ старшій изъ сѣверо-восточныхъ князей, великій князь владимірскій, не безъ содѣйствія Орды ставшій чѣмъ-то въ родѣ сюзерена всей сѣверо-восточной Руси *). Но онъ самъ былъ вассаломъ хана, и это давало прямое основаніе его непослушнымъ вассаламъ искать помощи у послѣдняго. Въ началѣ XIV вѣка этихъ непослушныхъ вассаловъ оказалось двое—однимъ былъ князь московскій, другимъ—митрополитъ владимірскій, глава если не всей русской (тутъ ему приходилось иногда дѣлиться съ митрополитомъ русско-литовскимъ, распоряжавшимся въ западныхъ и юго-западныхъ епархіяхъ), то, по крайней мѣрѣ, великорусской церкви. Не было ничего естественнѣе, какъ союзъ этихъ двухъ непослушныхъ вассаловъ — непослушныхъ потому, что самыхъ сильныхъ — и между собою, и съ общимъ верховнымъ сюзереномъ, ханомъ, противъ ихъ ближайшаго, мѣстнаго феодальнаго государя, которымъ былъ тогда князь тверской — онъ же и великій князь владимірскій. Экономическія пружины московско-тверской вражды слишкомъ бросаются въ глаза, чтобы нужно было долго ихъ отыскивать. Москвѣ и Новгороду нужны были непосредственныя отношенія—тверское княжество врѣзывалось между ними клиномъ, и клинъ этотъ слѣдовало устранить. Нѣсколько глубже приходится искать причины антагонизма церкви и Твери. Тутъ важно, прежде всего, отмѣтить, что Тверь, наравнѣ съ Новгородомъ и, кажется, одинаково съ нимъ, подъ западно-европейскимъ вліяніемъ стала около этого времени (первые годы XIV столѣтія) однимъ изъ центровъ „еретическаго“, какъ выражались тогда, „церковно-реформаторскаго“, какъ сказали бы теперь, движенія **). Оно было направлено противъ того, что въ средневѣковой Западной Европѣ называли *симоніей*—противъ той стороны церков-

---

*) До татаръ мы не встрѣчаемъ такого постояннаго главенства одного изъ князей надъ другими: гегемонія Владиміра Мономаха, Мстислава или Андрея Боголюбскаго были фактомъ, а не правомъ. Ср. *Костомарова*: „Начало единодержавія въ древней Руси“.

**) Подробнѣе о немъ см. въ слѣд. главѣ, по поводу древне-русскихъ ересей.

ной феодализаціи, которая выражалась въ продажѣ церковныхъ должностей—т.-е., въ сущности, права собирать церковные доходы. Симонія вызывала протесты какъ со стороны массы вѣрующихъ, лишенныхъ возможности контролировать своихъ пастырей, купившихъ свои мѣста и ставшихъ какъ бы ихъ полными собственниками, такъ и со стороны свѣтской власти, которая не могла сочувственно смотрѣть на увеличеніе власти и доходовъ главы церковной организаціи, становившагося, благодаря этому увеличенію, все болѣе и болѣе независимымъ. Великій князь Михаилъ Ярославичъ (1304—1318) и былъ, поэтому, ожесточеннымъ и упорнымъ врагомъ симоніи и покровителемъ боровшихся съ нею „еретиковъ“ изъ среды духовенства, одинъ изъ которыхъ, Андрей, сталъ епископомъ его стольнаго города, Твери. А такъ какъ митрополитъ Петръ былъ несомнѣннымъ, хотя и умѣреннымъ, „симоніакомъ“, то тѣмъ самымъ онъ долженъ былъ встать во враждебныя отношенія къ великому князю, притомъ нестолько лично (симоніей онъ, повторяемъ, не злоупотреблялъ — и даже могъ бы сослаться, въ свою пользу, на нисколько не лучшіе обычаи, господствовавшіе тогда въ восточной церкви вообще), сколько, какъ феодальный глава феодальной церкви. И это именно дѣлало вражду совершенно непримиримой: дѣйствуй св. Петръ изъ личныхъ корыстныхъ мотивовъ, онъ, вѣроятно, нашелъ бы путь для компромисса со своимъ противникомъ. Но тутъ рѣчь шла о доходахъ митрополіи и о независимости митрополита какъ снизу, такъ и сверху — и уступокъ быть не могло. Михаилъ Ярославичъ дважды пытался устроить громкій церковный скандалъ своему врагу — одинъ разъ собиралъ на него соборъ русскихъ епископовъ и священниковъ, другой разъ возбуждалъ противъ него дѣло передъ константинопольскимъ патріархомъ. Но оба раза церковь, какъ цѣлое, оказывалась на сторонѣ своего главы, а духовные сторонники великаго князя попадали въ положеніе церковныхъ отщепенцевъ—по тогдашнему, почти что „еретиковъ“. Ссорой двоихъ, какъ всегда, воспользовался третій. Московскій князь Юрій Даниловичъ, первый, усилившійся настолько, что смогъ начать тяжбу за великокняжескій столъ, все время систематически тянулъ руку митрополита. И св. Петръ, чувствовавшій себя во Владимірѣ, какъ во вражескомъ станѣ, отплатилъ своему союзнику совершенно по-средневѣковому: онъ пріѣхалъ умирать въ Москву, и своими мощами (отъ которыхъ чудеса стали происходить немедленно — и московскій князь принялъ всѣ

мѣры, чтобы они тщательно записывались) освятилъ столицу соперника тверскихъ князей. Преемникъ Петра, грекъ Ѳеогносты, пріѣхалъ на Русь, засталъ союзъ Москвы и церкви, какъ и антогонизмъ церкви и Твери, совершенно оформившимися. Ему оставалось только или принять сложившееся положеніе, или бороться съ нимъ, къ чему онъ не имѣлъ никакихъ поводовъ. Напротивъ, политика митрополита Петра явно приносила церкви добрые плоды — при нихъ именно, какъ мы помнимъ, иммунитетъ русской церкви получилъ окончательное завершеніе. Нѣтъ сомненія, что позиція церкви по отношенію къ тверскому князю была не безъ вліянія въ дѣлѣ снисканія ханскихъ милостей: въ Ордѣ придерживались принципа: „раздѣляй и властвуй" и были весьма довольны, что на Руси имѣются три соперничающихъ силы — Москва, Тверь и церковь, на соотношеніи которыхъ можно играть. Тѣмъ болѣе, что „Тверь" означала въ то же время и „Литву": тверскіе князья явно тянули на западъ и породнились съ великими князьями литовскими, вовсе не подвластными хану! *) Эти литовскіе князья разсматривали тверское княжество прямо, какъ свою землю,—и домогались, напримѣръ, чтобы тверская епархія была подчинена ихъ литовско-русскому митрополиту, и изъята изъ вѣдѣнія митрополита владимірскаго. Московскіе князья, на каждомъ шагу не устававшіе давать яркія доказательства своего раболѣпства передъ „царемъ", несомнѣнно, были въ глазахъ послѣдняго много надежнѣе, нежели литовскій форпостъ на верхней Волгѣ. Дружба съ Москвой означала, стало-быть, и дружбу съ Ордой, а мы видѣли, какъ дорожила церковь этой послѣдней дружбой. Словомъ, Ѳеогностъ имѣлъ всѣ основанія держаться московско-татарскаго союза противъ литовско-тверского и засвидѣтельствовалъ свои симпатіи вскорѣ весьма выразительно. Въ 1327 году тверской князь Александръ Михайловичъ, сынъ противника св. Петра митрополита, какъ и отецъ, занимавшій одновременно и великокняжескій столъ во Владимірѣ, нашелъ моментъ подходящимъ для того, чтобы стать во главѣ обще-русскаго возстанія противъ татаръ. Возстаніе кончилось неудачей — Александръ потерялъ великое княженіе, отданное ханомъ Ивану Даниловичу Московскому, и долженъ былъ бѣжать. Онъ нашелъ себѣ убѣжище во Псковѣ—и новый великій князь, которому

---

*) Исторія Литовской Руси см. ниже въ главѣ, посвященной Западной Руси вообще.

ханъ поручилъ полицейскія обязанности въ дѣлѣ усмиренія тверского возстанія, не могъ его оттуда достать. Тогда Иванъ Даниловичъ обратился къ содѣйствію митрополита: Ѳеогностъ наложилъ отлученіе на весь городъ Псковъ, пока псковичи не выдадутъ мятежнаго тверского князя. Послѣдній поспѣшилъ уѣхать въ Литву, и отлученіе было снято. Въ дѣлѣ борьбы съ противоордынской крамолой оба союзника—и свѣтскій, московскій князь, и духовный, русскій митрополитъ, дѣйствовали, такимъ образомъ, какъ нельзя болѣе дружно. Ханъ не имѣлъ никакихъ основаній жалѣть, что онъ оказывалъ такъ много покровительства и московскому княжеству, и русской церкви.

Мы изображаемъ отношенія послѣднихъ, какъ с о ю з ъ: обыкновенно изображаютъ дѣло такъ, какъ будто церковь „поступила на службу" къ московскимъ великимъ князьямъ. Такая точка зрѣнія является, опять-таки, однимъ изъ случаевъ модернизаціи древне-русскихъ отношеній. Служебная сила — времени — по отношенію къ „царю" татарскому, церковь далеко еще не стала такой по отношенію къ будущему царю московскому. Здѣсь, въ кругу русскихъ отношеній, вопросъ о томъ, кто выше, свѣтскій глава или духовный, могъ ставиться еще въ XVII вѣкѣ: а въ XIV и вопроса такого не ставилось, и Семенъ Ивановичъ Гордый, которому ханомъ были отданы „подъ руки" всѣ князья русскіе, прямо и просто рекомендовалъ своимъ наслѣдникамъ слушаться во всемъ „отца нашего владыки Олексѣя" — Алексѣя митрополита, преемника Ѳеогноста, точно такъ же, какъ онъ рекомендовалъ имъ слушаться и бояръ—но уже послѣ владыки. Еще изъ этого документа (завѣщанія князя Семена) заключили, что митрополитъ Алексѣй былъ чѣмъ-то въ родѣ предсѣдателя боярской думы, а изъ опубликованныхъ позже греческихъ актовъ мы знаемъ, что послѣ смерти в. кн. Ивана Ивановича, младшаго брата Семена, Алексѣй былъ формально регентомъ московскаго княжества, которымъ фактически и управлялъ, вѣроятно, до самой своей смерти, въ 1378 году. Когда мы читаемъ объ „услугахъ", оказанныхъ церковью московскимъ князьямъ въ ихъ борьбѣ съ союзниками—услугахъ, какъ сейчасъ увидимъ, не всегда опрятнаго свойства, мы должны твердо помнить это обстоятельство. Когда въ 1368 году „князь великій Дмитрій Ивановичъ съ отцемъ своимъ, преосвященнымъ Алексѣемъ митрополитомъ, зазвалъ любовію къ себѣ на Москву князя Михаила Александровича Тверского"—чтобы отдать споръ его съ Москвой

на третейскій судъ, а потомъ „его изымали, а что были бояре около его, тѣхъ всѣхъ поимали и разно развели“, то дѣло, очевидно, происходило такъ, что московское правительство, во главѣ котораго св. Алексѣй именно и стоялъ, нашло удобнымъ и приличнымъ избавиться отъ своего противника при помощи такого рода западни — роль же восемнадцатилѣтняго Дмитрія Ивановича, и въ зрѣлыхъ годахъ рѣшительностью не отличавшагося, была, какъ часто въ подобныхъ случаяхъ, чисто символическая. Двоякія функціи митрополита-регента дѣлали въ подобныхъ столкновеніяхъ Москву особенно неуязвимой: совершивъ грѣхъ, она могла сама себѣ и отпустить его и, мало того, подвергнуть своихъ враговъ, сверхъ свѣтскихъ непріятностей, еще и церковнымъ карамъ всякаго рода. Когда злополучному Михаилу Тверскому удалось бѣжать изъ московской ловушки и поднять противъ Москвы неизбѣжную Литву, св. Алексѣй, не будучи уже въ силахъ добыть тверского князя физически, настигъ его духовно, наложивъ на него и его союзниковъ церковное отлученіе. Иногда же удавалось комбинировать дѣйствія обоихъ „мечей“ — свѣтскаго и духовнаго, и тогда эффектъ получался еще болѣе поразительный. Такъ было, когда въ стольномъ городѣ ослушнаго Москвѣ нижегородскаго князя Бориса появился преподобный Сергій, затворившій всѣ церкви, т.-е. наложившій интердиктъ на весь городъ, — а подъ стѣнами этого послѣдняго вскорѣ затѣмъ появились московскіе полки. Борисъ, судя по его біографіи, былъ очень упрямъ и очень уповалъ на свое родство съ Ольгердомъ литовскимъ (онъ былъ ему зятемъ), но тутъ онъ поспѣшилъ уступить.

Въ двухъ затронутыхъ нами случаяхъ московская политика опредѣлила направленіе политики церковной — это во-первыхъ. Во-вторыхъ, можетъ получиться такое впечатлѣніе, какъ будто сліяніе въ этой политикѣ двухъ естествъ, свѣтскаго и духовнаго, было результатомъ случайнаго и личнаго обстоятельства, положенія митрополита Алексѣя, какъ регента великаго княжества московскаго. Но первое было вовсе не обязательно, а второе было бы не правильно. Мы имѣемъ образчики такого же сліянія и при преемникахъ Алексѣя — случаи, притомъ, еще болѣе крупные, и гдѣ руководящая роль выпадаетъ на долю церковныхъ интересовъ. Такова была исторія распри митрополита съ Новгородомъ изъ-за „мѣсячнаго суда“ — несомнѣнный прологъ къ той катастрофѣ, которая покончила съ новгородской свободой. Новгородскій владыка, при всей самостоятельности своего положенія, былъ

все же подчиненный относительно митрополита владимиро-московскаго. Это выражалось, между прочимъ, въ томъ, что владычный судъ въ Новгородѣ не былъ окончательнымъ: на рѣшенія его можно было апеллировать къ суду митрополита. Для разбора апелляціонныхъ жалобъ послѣдній пріѣзжалъ въ Новгородъ самъ, лично, или присылалъ намѣстника разъ въ четыре года. Митрополитъ или его представитель оставались въ городѣ мѣсяцъ (отсюда и названіе „мѣсячный судъ"), и пользовались своимъ пріѣздомъ, чтобы, кромѣ судебныхъ пошлинъ, получить съ Новгородцевъ возможно больше денегъ въ формѣ „кормовъ", подарковъ и т. д. Новѣйшій церковный историкъ исчисляетъ весь возможный доходъ московской митрополіи изъ этого источника въ двѣсти тысячъ рублей на теперешнія деньги. Уже подъ 1341 годомъ новгородскій лѣтописецъ записалъ жалобу на поборы митрополита,—тогда Θеогноста: „тяжко бысть владыкѣ и монастырямъ кормомъ и дары." Повидимому, аппетиты московскаго церковнаго начальства все росли, по мѣрѣ роста его власти и вліянія, потому что, четырнадцать лѣтъ спустя, новгородскій владыка Моисей жалуется уже императору и патріарху въ Константинополь, прося у нихъ „благословенія и исправленія о непотребныхъ вещахъ, приходящихъ съ насиліемъ отъ митрополита". Но въ Константинополѣ кто былъ сильнѣе, тотъ и правѣе. И новгородцы въ концѣ-концовъ рѣшились обойтись своими средствами: въ 1385 году они на вѣчѣ составили грамоту, на которой и поцѣловали крестъ—у митрополита не судиться. Въ то же самое время владычный судъ въ Новгородѣ и получилъ окончательно то республиканское устройство, какое мы знаемъ: на немъ появились выборные засѣдатели, по два отъ бояръ и отъ житьихъ людей. Митрополитъ Пименъ, какъ разъ въ это время бывшій въ Новгородѣ, уѣхалъ оттуда съ пустыми руками. Та же участь семь лѣтъ спустя постигла и его преемника, Кипріана. Его приняли съ почетомъ и не отказали ему въ подаркахъ, но на его требованіе суда и пошлинъ ему было отвѣчено, что новгородцы „грамоты написали и запечатали, и душу запечатали". Распечатать новгородскую душу оказался безсиленъ даже самъ патріархъ, по настоянію Кипріана отлучившій отъ церкви всю новгородскую епархію, со владыкою во главѣ. Тогда вмѣшался въ дѣло московскій великій князь Василій Дмитріевичъ. Его войска заняли Торжокъ и Волокъ Ламскій, то-есть, по старому суздальскому обычаю, отрѣзали новгородскимъ гостямъ путь „на Низъ". Это оказалось дѣй-

ствительнѣе церковнаго отлученія, и новгородцы выдали митрополиту крестоцѣловальную грамоту. Но, по обыкновенію новгородскаго вѣча, то была уступка на первый разъ только юридическая: когда обрадовавшійся Кипріанъ снова пріѣхалъ въ Новгородъ, какъ онъ ни бился, а ни копейки ему получить не удалось. Что онъ ни дѣлалъ потомъ — разъ пытался собирать соборъ на новгородскаго архіепископа, другой разъ этого послѣдняго „посадилъ за сторожа въ Чудовѣ монастырѣ“ — „по мѣсячнаго суда“ такъ повидимому, и не получилъ. И подчиненіе новгородской епархіи московскому митрополиту было достигнуто не раньше, чѣмъ политически Новгородъ былъ подчиненъ Москвѣ.

Но въ исторіи этого подчиненія церковныя дѣла и интересы настолько переплетаются одни съ другими, что представлять себѣ „паденіе Новгорода“ внѣ связи съ церковной политикой совершенно невозможно—и на этомъ, самомъ крупномъ эпизодѣ „собирательной“ политики московскихъ князей можно особенно хорошо видѣть, насколько московское государство не только въ идеологіи было созданіемъ церкви. Идеологія совершенно точно отражала реальныя отношенія, при чемъ, нѣтъ надобности этого говорить, реальная суть дѣла заключалась вовсе не въ тѣхъ идеалахъ, носительницей которыхъ офиціально заявляла себя церковь, а въ этой послѣдней, какъ извѣстной феодальной организаціи. Прежде всего, на церковной почвѣ произошелъ чрезвычайно выгодный для московской политики отколъ отъ Новгорода его меньшаго брата, Пскова. Если московскій митрополитъ эксплуатировалъ новгородскую церковь, то новгородскій владыка стоялъ въ такихъ же отношеніяхъ къ церкви псковской. Перипетіи этой церковной борьбы привели постепенно къ тому, что псковичи пожелали имѣть особаго владыку — и съ этимъ пожеланіемъ обратились, конечно, въ Москву, какъ церковный центръ. Здѣсь ихъ просьбы не удовлетворили — исторія съ „мѣсячнымъ судомъ“ въ Новгородѣ отнюдь не располагала къ увеличенію числа вѣчевыхъ церквей, но антагонизмъ Пскова и Новгорода на церковной почвѣ использовали, заручившись союзомъ псковичей на случай московско-новгородской войны. Успѣхъ въ самой этой послѣдней, при Иванѣ Васильевичѣ, былъ на добрую половину обезпеченъ тѣмъ, что въ то время, какъ московскій великій князь располагалъ вполнѣ силами всѣхъ своихъ вассаловъ, Новгородъ былъ лишенъ военной подмоги со своихъ церковныхъ земель, ибо митрополитъ московскій, далеко не въ первый уже разъ

открыто солидаризировался и въ этомъ случаѣ со своимъ княземъ, а у новгородскаго архіепископа не хватило духа пойти на явный церковный расколъ. Наконецъ, и самая юридическая форма послѣдняго разрыва Москвы и Новгорода была дана церковными отношеніями: „благочестія дѣлатель", великій князь Иванъ Васильевичъ, юридически, шелъ вовсе не противъ вѣча и новгородской свободы. Онъ шелъ возстановить православіе, пошатнувшееся въ Новгородѣ благодаря союзу послѣдняго съ „латинами", въ лицѣ польско-литовскаго короля Казиміра. Это былъ крестовый походъ, всѣмъ участникамъ котораго заранѣе было обезпечено царствіе небесное и прощеніе всѣхъ грѣховъ, неизбѣжно связанныхъ съ войною. „Писаніе сице глаголетъ: воинъ на брани за благовѣрье аще убьетъ, то не убійства вмѣнишася от св. отецъ". Псковичамъ великій князь писалъ въ офиціальной грамотѣ: „чтобы великому Новгороду цѣлованье съ себя крестное сложили да на конь съ нимъ (великимъ княземъ) всѣли на его службу, на великій Новгородъ, занеже отъ православія отступаютъ къ королю, латинскому государю". Ивана Васильевича, когда онъ отправлялся въ походъ, торжественно благословлялъ митрополитъ Филиппъ со всѣмъ „освященнымъ соборомъ"—„какъ Самуилъ благословлялъ Давида на Голіаѳа". Московское общественное мнѣніе глубоко прониклось такой точкой зрѣнія на предметъ—и стиль крестоваго похода выдержанъ московскою лѣтописью безподобно. „Невѣрные изначала не знаютъ Бога: а эти новгородцы столько лѣтъ были въ христіанствѣ, а подъ конецъ начали отступать къ латинству!" разсказываетъ лѣтописецъ своимъ читателямъ. „Великій князь пошелъ на нихъ не какъ на христіанъ, но какъ на иноязычниковъ и на отступниковъ отъ православія; отступили они не только отъ своего государя, но и отъ самого Господа Бога. Какъ прежде прадѣдъ его великій князь Дмитрій вооружился на безбожнаго Мамая, такъ и благовѣрный великій князь Іоаннъ пошелъ на этихъ отступниковъ". И всѣ мотивы отдѣльныхъ дѣятелей столкновенія сводились къ той же основной линіи, „Сія Марѳа окаянная", говоритъ лѣтописецъ о женщинѣ, стоявшей во главѣ противомосковской партіи, „весь народъ хотѣла прельстить, съ праваго пути ихъ совратить и къ латинству ихъ приложить: потому что тьма прелести латинской ослѣпила ей душевныя очи..."

„Тьма" религіознаго фанатизма, дѣйствительно, настолько окутываетъ послѣднія минуты Великаго Новгорода, что на-

стоящія причины катастрофы разсмотрѣть съ перваго взгляда довольно трудно. А онѣ очень характерны — и напоминаютъ намъ о тѣхъ двухъ факторахъ объединительной политики Москвы, которые мы видѣли въ своемъ мѣстѣ, и которыхъ отнюдь не надо забывать изъ-за того, что они отчасти по скромности, отчасти по непривычкѣ формулировать свои требованія литературно, уступили первое мѣсто людямъ, умѣвшимъ говорить „отъ божественнаго". То были московское боярство и московская буржуазія. Мы нигдѣ, правда, не слышимъ ихъ голоса: но за нихъ говорятъ факты, и говорятъ не менѣе краснорѣчиво, чѣмъ московскія лѣтописи. Первое же крупное столкновеніе Москвы съ Новгородомъ, при великомъ князѣ Василіи Дмитріевичѣ, въ 1397—98 годахъ, было чрезвычайно типичной „борьбой за рынки". Впервые Москва осмѣлилась отнять у Новгорода Двину и все Заволочье, главный источникъ пушного товара, по которому Новгородъ держалъ монополію по всей Европѣ. Это не былъ просто разбойничій набѣгъ—это была колоніальная война большого стиля, въ которой Москва дѣйствовала чрезвычайно осмотрительно, видимо, разсчитывая прочно закрѣпить за собою захваченную землю. До насъ дошла жалованная грамота Василія Дмитріевича двинянамъ—крайне любопытная, потому что она показываетъ намъ, въ какомъ направленіи развивались внутреннія отношенія въ новгородскомъ обществѣ, и какъ пользовалась этимъ процессомъ московская политика. Грамота дана прежде всего б о я р а м ъ, и съ первыхъ же словъ начинаетъ заботиться о неприкосновенности бояръ, не только физической, но и моральной: „а кто кого излаетъ боярина, или до крови ударитъ, или на немъ синевы будутъ, намѣстники присуждаютъ ему по его отечеству безчестіе". Самъ же бояринъ могъ подвластнаго ему человѣка не только „излаять", но, въ припадкѣ барскаго гнѣва, и убить: „а кто осподарь огрѣшится, ударитъ своего холопа или рабу, и случится смерть, въ томъ намѣстники не судятъ, ни вины (штрафа) не берутъ". Какъ видимъ, если низшіе классы новгородскаго общества и склонны были съ надеждой оглядываться на Москву, то феодальная Москва отнюдь не склонна была потворствовать низшимъ классамъ—старалась ассимилировать съ собою тѣ элементы новгородскаго общества, которые носили наиболѣе ярко выраженный феодальный характеръ. По отношенію къ Новгороду въ XV вѣкѣ происходило то же самое, что въ половинѣ XVII повторилось по отношенію къ Малороссіи, а въ первой половинѣ XIX по отношенію къ Польшѣ. Но изъ массѣ „чер-

ныхъ людей" двинская грамота выдѣляетъ, однако же, одинъ элементъ, интересами котораго, хотя и на послѣднемъ, а не на первомъ, мѣстѣ она занимается не менѣе, чѣмъ интересами боярства. Этимъ элементомъ было двинское купечество: „а куда поѣдутъ двиняне торговати", говоритъ великій князь, „ино имъ не надобѣ во всей моей отчинѣ въ великомъ княженіи ни тамга, ни мытъ, ни костки, ни гостиная, ни явка, ни иныя нѣкоторыя пошлины. А черезъ сю мою грамоту кто ихъ чѣмъ изобидитъ или кто не имѣетъ ходити по сей грамотѣ, быти тому отъ меня отъ великаго князя въ казни". Грамота освобождаетъ двинскихъ торговыхъ людей не только отъ поборовъ, но и отъ московской судебной волокиты—ихъ должны были судить или ихъ двинскія власти, или непосредственно самъ великій князь. Перспективы, развернутыя Москвой передъ двинскими землевладѣльцами и двинскимъ купечествомъ, были настолько заманчивы, что на Двинѣ образовалась московская партія, которой и удалось было провести присоединеніе богатѣйшей новгородской колоніи къ московскому великому княжеству. Но это было бы такой катастрофой для Новгорода, что въ борьбѣ съ захватомъ Двины онъ напрягъ всѣ свои силы—и въ концѣ-концовъ выигралъ войну. Двина и Заволочье остались пока за новгородцами—Москва отступила на время, твердо рѣшивъ, однако, что отложенное еще не значитъ потерянное. Два раза послѣ этого двинскіе эмигранты съ московской ратью появлялись въ Заволочьѣ—„на миру", „безъ вѣсти", т.-т. внезапно, безъ объявленія войны, грабили, убивали и съ полономъ скрывались во владѣніяхъ великаго князя. Только замѣшательства на самомъ московскомъ столѣ, при Василіи Темномъ, положили конецъ этой колоніальной войнѣ. Когда же въ 1471 году Иванъ Васильевичъ пошелъ своимъ крестовымъ походомъ на Новгородъ, особый отрядъ московскаго войска былъ отправленъ на Двину, которой онъ и завладѣлъ безъ большого труда: новгородскій лѣтописецъ прямо обвиняетъ двинянъ въ измѣнѣ. Но въ это время не стоило слишкомъ хлопотать о захватѣ одной изъ новгородскихъ колоній—когда сама метрополія со всѣми колоніями готовилась стать московской добычей. А едва она такой стала, московскіе князья немедленно положили конецъ коммерческой самостоятельности Новгорода: въ 1494 году, придравшись къ ничтожному предлогу, Иванъ III закрылъ нѣмецкій дворъ въ Новгородѣ, арестовавъ при этомъ 49 купцовъ и конфисковавъ товаровъ на 96.000 марокъ серебра (около полумилліона рублей на теперешнія

деньги). Этимъ разумѣется не прекратилась торговля съ Западомъ: но ея центръ перешелъ въ Москву—московская буржуазія стала на мѣсто новгородской одновременно съ тѣмъ, какъ Новгородъ окончательно и безповоротно сталъ вотчиной московскаго князя.

Симпатіи московскаго общественнаго мнѣнія къ „благочестія дѣлателю", великому князю Ивану Васильевичу, имѣли, какъ видимъ, очень матеріальное основаніе. Московскій посадъ не могъ не сочувствовать походу, который передавалъ торговую гегемонію надъ Русью въ его руки. Но еще больше должны были сочувствовать дѣлу его непосредственные руководители—московскіе бояре. Поскольку для московской буржуазіи Новгородъ являлся торговымъ соперникомъ, обладателемъ лакомыхъ кусковъ, на которые зарилась она сама—постольку для боярства богатая серебромъ область была завиднымъ источникомъ всякаго рода поборовъ и пошлинъ: и недаромъ эти послѣдніе служили такимъ же яблокомъ раздора, какъ и Двина. Денежная эксплуатація Новгорода началась еще раньше, чѣмъ его колоніальныя войны съ Москвой. Уже въ 1384 году, послѣ разгрома московскаго княжества Тохтамышемъ, Дмитрій Ивановичъ попытался перевалить на Новгородъ часть (быть можетъ, бо́льшую) татарской контрибуціи, обложивъ новгородцевъ такъ называемымъ „чернымъ боромъ"—поголовной податью. На этотъ разъ новгородцамъ удалось уклониться отъ платежа—но въ Москвѣ не забыли своей претензіи и, два года спустя, оправившись отъ татарскаго разоренія, москвичи пришли ратью подъ самый Новгородъ. Теперь Дмитрію Ивановичу удалось получить 8.000 (по нынѣшнему 800.000) рублей. Эта контрибуція послужила исходнымъ пунктомъ дальнѣйшей распри: новгородцы разсматривали ее, какъ нѣчто экстренное и исключительное, московское же правительство видѣло здѣсь прецедентъ, которымъ и пользовалось все чаще и чаще. Чернаго бора требовали и Василій Дмитріевичъ, и Василій Васильевичъ—и подъ конецъ Новгородъ сталъ платить его даже, повидимому, безъ лишнихъ споровъ, особенно, если изъ Москвы бора „просили" учтиво и вѣжливо. Но у московскихъ князей аппетитъ росъ вмѣстѣ съ ѣдой. Когда, во время распри Василія Васильевича съ дядей Юріемъ и его сыновьями, Василіемъ Косымъ и Шемякой, положеніе князя на Москвѣ стало не прочно,—а перемѣна московскаго князя обозначала и перемѣну новгородскаго, ибо династія Калиты, вслѣдъ за великимъ княженіемъ владимирскимъ, успѣла монополизировать

въ свою пользу и новгородскій столъ—каждый изъ временныхъ государей спѣшилъ насладиться своимъ часомъ, и Василій Косой, просидѣвъ годъ въ Новгородѣ, просто-на-просто „много пограбилъ, ѣдучи по Мстѣ, и по Бѣжицкому верху и по Заволочью“. Но и будучи претендентомъ, каждый изъ спорящихъ князей искалъ случай сорвать съ богатаго города кое-что себѣ, хотя бы подъ тѣмъ предлогомъ, что Новгородъ, державшій строгій нейтралитетъ въ этихъ домашнихъ московскихъ распряхъ, принялъ къ себѣ его соперниковъ. На такомъ именно основаніи Василій Васильевичъ добился отъ новгородцевъ новой контрибуціи въ 8.000 рублей, какъ и его дѣдъ—придравшись къ тому, что новгородцы приняли его врага, Шемяку. Нельзя не замѣтить, что сопротивленіе города этимъ вымогательствамъ становилось все болѣе и болѣе вялымъ: по мѣрѣ того, какъ „московское княжество“ и „сѣверо-восточная Русь“ сливались въ одно понятіе, экономически Новгородъ все болѣе и болѣе попадалъ въ двойную зависимость отъ московскаго великаго князя. Съ одной стороны, Новгородъ по-прежнему не могъ обходиться безъ низового хлѣба, и Москва всегда могла принудить его къ повиновенію голодовкой, а надѣяться на то, что выручитъ кто-нибудь изъ другихъ князей, не приходилось, потому что ни одинъ изъ князей не смѣлъ теперь итти противъ Москвы. Съ другой стороны, „низъ“ былъ нуженъ новгородскому купцу, какъ рынокъ сбыта, а этотъ „низъ“ представлялъ теперь собою одно государство подъ главенствомъ князя московскаго. Поссорившись съ Москвой, теперь негдѣ было ни продавать, ни покупать. Въ Москвѣ понимали это—и наступали на вѣчевыя вольности все ближе и ближе, не потому, чтобы сознавали теоретическую несовмѣстимость вѣча съ московскими порядками или хотя бы интерессовались этой стороной дѣла—а потому, что вѣчевые порядки стѣсняли финансовую эксплуатацію страны. Уже Василію Темному удалось фактически упразднить суверенитетъ Новгорода, добившись, послѣ похода 1456 года, лишній разъ доказавшаго военную слабость новгородской буржуазіи, того, что послѣдняя отказалась отъ „вѣчевыхъ грамотъ“—признала, другими словами, что городская община одна, безъ санкціи великаго князя, не можетъ издавать законовъ. Грамоты теперь имѣли силу только, если къ нимъ была привѣшена печать великаго князя. А практическій смыслъ этого ограниченія становится намъ совершенно яснымъ, когда мы узнаемъ, что тѣмъ же договоромъ 1456 года „черный боръ“ былъ превращенъ въ постоянную подать, и

за великимъ княземъ были закрѣплены судебные штрафы (раньше, повидимому, „утаивавшіеся"—т.-е. по большей части остававшіеся въ новгородскомъ карманѣ), „дары" отъ волостей и всѣ пошлины по старинѣ. Иванъ III принципіально немного могъ сюда прибавить. Характерно, что послѣ своего „крестоваго похода" въ 1471 году онъ оставилъ всю новгородскую администрацію въ прежнемъ видѣ. Въ договорѣ съ нимъ Новгорода послѣ этой войны—послѣднемъ договорѣ, который заключилъ еще вольный, номинально, городъ,—сохранены всѣ стереотипныя ограниченія княжеской власти: и суда безъ посадника не судити, и волостей безъ него не раздавать, и держать волости мужами новгородскими. Все это мало интересовало побѣдителя—главное для него было въ томъ, чтобы „суда" (т.-е. судныхъ пошлинъ) „у намѣстниковъ не отнимати"—да „виры не таити", да чтобы Новгородъ дѣлился съ нимъ, великимъ княземъ, новыми штрафами, что ввела „новгородская судная грамота"; да сверхъ того онъ взялъ контрибуціи уже 15.000 рублей (полтора милліона). Главный предлогъ дальнѣйшей распри—перенесеніе апелляціоннаго суда въ Москву, вопреки правилу всѣхъ договоровъ: „новгородца на Низу не судити"—сводился тоже къ финансовому вопросу, и новгородцы знали, что дѣлали, когда предлагали Ивану Васильевичу, за возвращеніе къ прежнему порядку, по 1.000 рублей каждые 4 года. Но великій князь разсчитывалъ и, вѣроятно, былъ правъ, что сохраненіе въ московскихъ рукахъ самаго **права** суда дастъ больше. Окончательный разгромъ города, выразившійся въ переводѣ въ „Низовскія земли" 7.000 человѣкъ житьихъ людей, зажиточной новгородской буржуазіи, отчасти отвѣчалъ интересамъ московскихъ конкуррентовъ этой послѣдней, отчасти имѣлъ въ виду подсѣчь подъ корень всякое сопротивленіе финансовой эксплуатаціи. Районъ „кормленій" московскаго боярства, расширившись вдвое географически, захватилъ теперь въ свои предѣлы богатѣйшую область тогдашней Россіи—и оно такъ широко использовало открывшіяся передъ нимъ возможности, что тридцать лѣтъ спустя послѣ покоренія, сынъ „благочестія дѣлателя", великій князь Василій Ивановичъ долженъ былъ ограничить судебную власть своего намѣстника въ Новгородѣ, опасаясь, что иначе земля вовсе опустѣетъ.

Государственный переворотъ, произведенный въ Новгородѣ Иваномъ III, былъ однимъ изъ наиболѣе яркихъ моментовъ „собирательной" политики. За исключеніемъ борьбы съ Тверью, нигдѣ болѣе не играла такой роли **открытая**

сила. Но широкое примѣненіе этой послѣдней, само по себѣ, еще не дало «покоренію Новгорода» исключительнаго характера. Иванъ Васильевичъ не для того ходилъ войною на Новгородъ, чтобы упразднить новгородскую автономію: онъ упразднилъ ее только потому, что она мѣшала ему быть въ Новгородѣ «такимъ же государемъ», какъ на Москвѣ—т.-е. собирать доходы такимъ же порядкомъ, какъ и тамъ. Онъ бы, можетъ быть, и вѣче оставилъ—послѣ первой своей побѣды, въ 1471 году, онъ его тронулъ, —если бы была какая-нибудь надежда добиться отъ него «соблюденіе правъ» московскаго великаго князя. Только сознаніе того, что вѣче всегда будетъ опорой анти-московской крамолы, заставило Ивана Васильевича въ этомъ пунктѣ отступить отъ „старины“, на которую онъ такъ любилъ ссылаться и, конечно, не изъ одного лицемѣрія. Какъ и всѣ потомки Калиты, онъ менѣе всего былъ революціонеромъ. Боярскій совѣтъ, послѣ произведенной среди новгородскаго боярства чистки, казался болѣе безобиднымъ—и онъ остался, мы не знаемъ, правда, надолго ли. Въ 1481 году договоръ съ ливонскимъ орденомъ заключилъ, какъ бы то ни было, именно онъ, какъ бывало и въ старое время.

Этотъ консервативный характеръ московскаго завоеванія нашелъ себѣ особенно яркое выраженіе въ исторіи подчиненія Москвѣ Пскова. „Младшій братъ“ Великаго Новгорода, въ силу своего исключительно благопріятнаго географическаго положенія—близости къ нѣмецкимъ колоніямъ на восточномъ берегу Балтики—экономически скоро переросъ свой стольный городъ. Въ началѣ XVI вѣка во Псковѣ, только въ одномъ „Застѣньѣ“, т.-е. части города, окруженной стѣнами, безъ предмѣстій, считалось 6.500 дворовъ. Это даетъ не менѣе 30.000 населенія только самаго города, т.-е. тысячъ 50—60 жителей во всемъ Псковѣ, вмѣстѣ съ предмѣстьями. Для среднихъ вѣковъ это былъ громадный центръ—больше его, въ эту эпоху, была одна Москва; Новгородъ, вѣроятно,—меньше. Уже за двѣсти лѣтъ раньше Псковъ былъ настолько великъ, что новгородцы не смогли удержать его на положеніи своего пригорода, и договоромъ на Болотовѣ (1348 г.) отказались отъ права посылать во Псковъ своего посадника и требовать псковичей къ своему суду. Съ тѣхъ поръ псковская земля стала самостоятельнымъ княжествомъ, которое, однако же, очень скоро—съ послѣднихъ лѣтъ XIV вѣка—начинаетъ попадать въ зависимость отъ московскихъ великихъ князей. Эти послѣдніе и въ этомъ случаѣ представляли тор-

говые интересы центральной Россіи, для которыхъ можно было въ какомъ-нибудь пунктѣ нарушить новгородскую монополію торговли съ Западомъ и создать Новгороду конкурента въ лицѣ его „младшаго брата". Съ другой стороны, псковичи, политически слишкомъ слабые, чтобы исключительно собственными силами отстоять свою экономическую независимость отъ своихъ нѣмецкихъ сосѣдей, привыкли ждать военной помощи отъ Москвы. Новгородъ, въ силу самыхъ условій возникновенія псковской автономіи, былъ скорѣе врагомъ, чѣмъ союзникомъ—да въ это время (XIV—XV вѣкъ) и въ военномъ отношеніи былъ далеко уже не то, что при Мстиславѣ Торопецкомъ. Ослабленіе демократіи дало, въ этомъ случаѣ, самые невыгодные результаты: Псковъ, болѣе военный, благодаря своему пограничному положенію, сохранилъ и болѣе демократическое устройство; „черные люди" въ немъ еще въ самомъ концѣ XV вѣка сохранили вліяніе на дѣла и, что особенно характерно, вѣче, гдѣ участвовали эти „черные люди", назначало военныхъ командировъ городской рати *). Соотвѣтственно съ этимъ власть князя въ Псковѣ была еще тѣснѣе ограничена, нежели въ Новгородѣ, если только вообще можно говорить о „княжеской власти" въ псковской республикѣ. „Псковскій князь", говоритъ только что упомянутый нами изслѣдователь, котораго никакъ нельзя заподозрѣть въ преувеличеніи псковскаго демократизма, „былъ только главнымъ слугою вѣча, исполнялъ разнообразныя порученія послѣдняго, совершалъ съ псковичами походы на непріятеля, строилъ города, принималъ участіе даже въ постройкѣ церквей; но кромѣ судебной дѣятельности, служившей для него главнымъ источникомъ доходовъ, онъ не имѣлъ никакой опредѣленной роли въ общественныхъ дѣлахъ, ни въ законодательствѣ, ни въ управленіи" **).

Именно это политическое ничтожество псковского князя и позволило псковичамъ отнестись равнодушно къ такому факту, что, помимо Пскова, князь сталъ присягать великому князю московскому, превратившись, юридически, въ его намѣстника. Не все ли было, въ сущности, равно, въ качествѣ чего этотъ кормленщикъ псковской общины ходилъ въ походы и строилъ церкви? Но послѣдствія очень скоро пока-

*) Извѣстный спеціалистъ по исторіи Пскова, покойный варшавскій профессоръ Никитскій, въ своей работѣ „Внутренняя исторія Пскова", считаетъ, наоборотъ псковское устройство болѣе аристократическимъ, чѣмъ новгородское, но доказательствъ этому никакихъ не приводитъ; а приводимые имъ факты рисуютъ совершенно противоположную картину.

**) Никитскій, названное сейчасъ сочиненіе, стр. 120.

вали, что эта почти незамѣтная юридическая перемѣна была симптомомъ очень серьезнаго измѣненія въ фактическомъ положеніи города. Сначала князь только присягалъ Москвѣ, а назначалъ его Псковъ. Потомъ сталъ и назначать великій князь; псковичи попробовали было удержать за собою право смѣщенія, но изъ Москвы имъ объяснили, что это значитъ „безчествовать" великаго князя въ лицѣ его намѣстника, и предложили, въ случаѣ недовольства послѣднимъ, жаловаться на него въ Москву. Фактически, князь пересталъ зависѣть отъ вѣча, при чемъ оно само, вѣроятно, не сумѣло бы сказать, какъ это случилось и когда началось. Утѣшеніемъ оставалась крайняя ограниченность правъ этого, теперь уже не „республиканскаго магистрата", а великокняжескаго губернатора. Но едва Иванъ Васильевичъ справился съ Новгородомъ, какъ онъ принялся за расширеніе привилегій и своего псковского агента. Расширеніе коснулось, само собою разумѣется, финансовой области—псковской князь потребовалъ себѣ „намѣстничьей деньги" и увеличенія судебныхъ пошлинъ. Вѣче отказало, ссылаясь на „псковскую пошлину". Иванъ Васильевичъ потребовалъ документальныхъ доказательствъ этой послѣдней. Псковичи предъявили грамоты, подписанныя ихъ прежними, выборными, князьями, но въ Москвѣ этимъ грамотамъ не придали никакого значенія: „то грамоты не великихъ князей" сказали тамъ псковскимъ посланнымъ: „и вы бы князю Ярославу (намѣстнику) освободили, чего онъ у васъ нынѣ проситъ". Тутъ впервые для Пскова выяснилось, какою дорогой цѣной онъ купилъ покровительство московскаго великаго князя: было очевидно, что псковская пошлина станетъ нарушаться всякій разъ, какъ она не сойдется съ пошлиной московской. Чтобы не оставалось въ этомъ сомнѣній, великій князь прямо объявилъ, что судъ въ псковской области будетъ впредь твориться не только по псковской старинѣ, но и по его, великаго князя, „засыльнымъ грамотамъ": рядомъ съ вѣчевымъ приговоромъ и выше его сталъ „высочайшій указъ" московскаго государя. Совершенно незамѣтно псковичи изъ „гражданъ" превратились въ „подданныхъ"... При этомъ и вѣче, и боярскій совѣтъ, и выборные псковскіе судьи—все это оставалось на своемъ мѣстѣ: но перевѣсъ силы былъ настолько явно на сторонѣ Москвы, что сопротивляться Псковъ не рѣшился. Городская масса всколыхнулась только, когда изъ новаго юридическаго порядка Москва сдѣлала практическій выводъ: до сихъ поръ крестьянство псковской области, псковскіе „смерды", были, какъ и

въ Новгородѣ, подданными городской общины — платили въ ея пользу подати и отправляли натуральныя повинности. Изъ нашихъ источниковъ не совсѣмъ ясно, что именно послужило поводомъ къ увеличенію этихъ податей и повинностей: быть можетъ, вѣче надѣялось переложить на сельское населеніе тѣ новые поборы, которые появились вмѣстѣ съ московскими порядками. Смерды заволновались, и московскій намѣстникъ оказался на ихъ сторонѣ. Апелляція къ псковской „пошлинѣ“ дала точь въ точь такіе же результаты, какъ и прежде: найденныя въ городскомъ „ларѣ“ (архивѣ) грамоты оказались, въ глазахъ Москвы, совершенно неубѣдительными. Псковичи были такъ ошеломлены этимъ новымъ покушеніемъ на права городской общины, что въ первую минуту заподозрили посаженнаго Москвою къ нимъ князя въ прямой поддѣлкѣ документовъ. Потомъ ярость вѣча обрушилась на посадниковъ, одного изъ которыхъ убили, а троихъ, бѣжавшихъ, заочно приговорили къ смертной казни — составили на нихъ „мертвую грамоту“. Затѣмъ, нѣсколько придя въ себя, ревнители псковской „старины“ сами, повидимому, прибѣгли къ фальсификаціи документовъ: какимъ-то попомъ при чрезвычайно подозрительныхъ обстоятельствахъ была якобы найдена грамота, уже безспорно, по мнѣнію псковичей, устанавливавшая права города на дань и трудъ смердовъ. Но Иванъ Васильевичъ рѣшительно отказался слушать что бы то ни было: и Псковъ вынужденъ былъ не только уничтожить „мертвую грамоту“ на трехъ провинившихся передъ вѣчемъ посадниковъ, но и просить прощенія у великаго князя за то, что осмѣлился наказать непослушныхъ смердовъ. Городъ оказался лишеннымъ всякихъ финансовыхъ правъ на окружающую его страну—и всѣ полномочія коллективнаго господина по отношенію къ псковскимъ „волостямъ“ перешли къ московскому государю: смерды стали теперь крѣпостными его, какъ раньше они были крѣпостными вѣчевой общины.

Послѣ всего этого формальное упраздненіе псковской независимости было только вопросомъ времени. Но Иванъ Васильевичъ не только не спѣшилъ съ нимъ, а напротивъ, готовъ былъ, повидимому, оттянуть этотъ моментъ на неопредѣленный срокъ, создавъ изъ Пскова удѣлъ для своего старшаго сына Василія, которому онъ сначала не хотѣлъ оставлять московскаго стола. До такой степени „собирателю“ была чужда идея единаго національнаго государства! Защитниками этой послѣдней идеи неожиданно оказались сами псковичи, сообразившіе, что отдѣльный князь обойдется имъ

много дороже простого намѣстника, и потому упорно державшіеся теперь уже за московскую „пошлину“. Когда Василій Ивановичъ сдѣлался великимъ княземъ, онъ это и припомнилъ псковскому вѣчу, закончивъ, въ то же время, финансовую ассимиляцію Пскова съ остальными московскими владѣніями. „Лучшіе“ псковичи, изъ рядовъ, преимущественно, буржуазіи—землевладѣльческая аристократія въ Псковѣ далеко не была такъ сильна, какъ въ Новгородѣ—были сведены въ центральную Россію, а на ихъ мѣсто появилось триста купеческихъ семей изъ Москвы и ея пригородовъ. Вмѣстѣ съ ними во Псковъ пришли и московскіе торговые порядки: тамга и, вѣроятно, другіе торговые налоги и пошлины. Раньше псковичи торговали у себя безпошлинно, и добивались права безпошлиннаго торга даже на земляхъ ливонскаго ордена—и то, и другое ставило ихъ въ привилегированное положеніе относительно московскихъ купцовъ. Теперь и эта привилегія была отобрана.

Но финансово-экономическимъ завоеваніемъ Пскова (оно было дополнено введеніемъ московской монеты вмѣсто туземной, псковской) Василій Ивановичъ и ограничился. И послѣ него мы встрѣчаемъ въ Псковѣ, какъ и въ Новгородѣ, выборныхъ судей, старостъ съ цѣловальниками, присяжными. Мало того: можетъ-быть, по примѣру бывшихъ вѣчевыхъ общинъ, эти учрежденія были распространены въ XVI вѣкѣ на все московское государство. Во всякомъ случаѣ, въ этомъ отношеніи не пришлые москвичи вводили новые порядки, а наоборотъ: среди псковскихъ судебныхъ старостъ половина выбиралась изъ переведенныхъ въ Псковъ московскихъ купцовъ. И этимъ сохраненіемъ суда въ рукахъ буржуазіи московское господство не шло вразрѣзъ съ мѣстными порядками, а закрѣпляло то, что самостоятельно складывалось уже на мѣстахъ: въ Новгородѣ народъ, какъ мы знаемъ, былъ уже давно устраненъ отъ суда, а во Псковѣ развитіе шло въ томъ же направленіи. Видѣть тутъ какую-либо сознательную бережливость по отношенію къ мѣстнымъ особенностямъ, конечно, не приходится. Но отмѣчать этотъ консерватизмъ московскаго завоеванія нужно, чтобы не впасть въ очень распространенную ошибку, не представить себѣ „собиранія Руси“ образованіемъ единаго государства. Политическое единство „великорусской народности“ мы встрѣчаемъ лишь въ началѣ XVII вѣка, подъ вліяніемъ экономическихъ условій, много болѣе позднихъ, чѣмъ „уничтоженіе послѣднихъ удѣловъ“. Московское государство XVII вѣка было результатомъ

ликвидаціи феодальныхъ отношеній въ ихъ болѣе древней формѣ, а московскіе князья, до Василія Ивановича включительно, тѣмъ менѣе могли думать о такой ликвидаціи, что они сами были типичными феодальными владѣльцами. Вся ихъ забота сводилась къ исправному полученію доходовъ — и такъ же смотрѣла на дѣло вся ихъ администрація. Наши Уставныя грамоты начала XVI вѣка—не что иное, какъ такса поборовъ такого же типа, какъ въ любой боярской вотчинѣ. Сравните грамоту, которой жалуетъ своихъ „черныхъ крестьянъ" великій князь Василій Ивановичъ, съ жалованной грамотой, какую далъ Соловецкій монастырь своимъ крестьянамъ *)—и вы не замѣтите разницы. То, что впослѣдствіи стало функціей полицейскаго государства, осуществляется самими жителями: „а доищутся душегубца, и они его дадутъ намѣстникомъ и ихъ тіунамъ", и дальше, черезъ своихъ уполномоченныхъ, „старосту и лучшихъ людей", будутъ слѣдить, что съ пойманнымъ будутъ дѣлать волостель и его тіуны. Эти же послѣдніе, въ свою очередь, смотрѣли только за тѣмъ, чтобы въ волости „самосуда" не было: „а самосудъ то: кто поймаетъ вора съ поличнымъ да отпуститъ прочь, а волостелю и его тіуну не явитъ, а его въ томъ уличатъ"... Самосудъ—попытка утаить судебныя пошлины. „Управленіе" московскаго великаго князя, какъ и „управленіе" его удѣльнаго предка, было особой формой хозяйственной дѣятельности—и только. Когда пришлось въ широкомъ масштабѣ организовать полицію безопасности, ее возложили „на души" мѣстныхъ жителей, а намѣстниковъ и волостелей оставили по совершенной ихъ къ этому дѣлу неспособности. И сами волости, собравшіяся въ такомъ большомъ количествѣ въ рукахъ потомковъ Калиты, даже территоріально, продолжали сохранять свою прежнюю удѣльную физіономію. За выдачу замужъ дочери изъ одной великокняжеской волости въ другую попрежнему приходилось платить „выводную куницу". Границы этой волости также оставались неприкосновенными—и управляли ей очень часто тѣ же самые люди. Оболенское княжество еще въ половинѣ XVI вѣка было все въ рукахъ князей Оболенскихъ, давно ставшихъ слугами московскаго князя. Великій князь ярославскій и послѣ аннексіи Ярославля Москвою, въ 1463 году, остался намѣстникомъ великаго князя московскаго—а послѣ его смерти эту должность унаслѣдовалъ его сынъ. „Въ 1493 г., когда московскій воевода взялъ у

*) Акты Археограф. эксп., т. I, №№ 144, 180, 221.

Литвы Вязьму и князей Вяземскихъ привели въ Москву, великій князь ихъ пожаловалъ ихъ же вотчиною Вязьмою и повелѣлъ имъ себѣ служити"*). Если къ этому прибавить, что и раньше самостоятельность мелкихъ удѣльныхъ князей никогда не была полной — внѣшнія, дипломатическія сношенія, въ особенности съ Ордою, всегда составляли прерогативу великаго князя; право начинать войну и заключать миръ самостоятельно тоже имѣлъ только онъ; татарскую дань собиралъ тоже онъ, и что онъ съ нею дѣлалъ, касалось только его — то мы поймемъ, что медіатизированный князь пересталъ быть самостоятельнымъ государемъ, могъ и не замѣтить этого, продолжая давать жалованныя грамоты „по старинѣ, какъ давалъ дѣдъ и отецъ его", еще поколѣнія два спустя послѣ медіатизаціи. Прибавимъ, что ему трудно было бы и растолковать, что онъ пересталъ быть государемъ,—да онъ и продолжалъ имъ быть, поскольку былъ государемъ всякій землевладѣлецъ.

Но если въ практикѣ великаго княжества московскаго не было ничего, къ чему могла бы привязаться идея единой россійской монархіи, то было налицо учрежденіе, въ которомъ единство было практически достигнуто — гдѣ, стало-быть, было мѣсто и для теоріи единодержавія. Раньше, чѣмъ московскій князь сталъ называть себя царемъ и великимъ княземъ всея Руси, давно уже былъ митрополитъ всея Руси: церковное объединеніе Россіи на нѣсколько столѣтій старше политическаго. Мы видѣли, какъ этому объединенію помогала татарщина, своими ярлыками создававшая изъ русской церкви государство въ государствѣ. Мы видѣли также, какъ ускорялся этотъ процессъ финансовой организаціей церкви — какъ единство митрополичьей казны приводило, само собою, къ подавленію церковной автономіи даже тамъ, гдѣ для нея была почва. Роль церкви, какъ могучей организующей силы, подмѣчена давно, но недостаточно оцѣнена даже на западѣ: идеализмъ нигдѣ не свилъ себѣ такого прочнаго гнѣзда, какъ въ церковной исторіи, по причинамъ вполнѣ понятнымъ. Экономическое значеніе церковныхъ учрежденій обычно выводилось изъ ихъ религіозныхъ функцій — хотя сами средневѣковые церковные документы, въ своей наивности, не умѣютъ скрыть, что дѣло происходило совсѣмъ наоборотъ. Ростовщичество древне-русскихъ монастырей, которое мы могли наблюдать уже въ XII вѣкѣ и которымъ полна церковная

*) Ключевскій. „Боярская Дума", изд. 3-е, стр. 233—240.

полемическая литература вплоть до XVI, никакъ, конечно, нельзя связать логическою связью съ тѣми чудотворными иконами и мощами, какія въ тѣхъ монастыряхъ хранились. Первые крупные землевладѣльцы современнаго типа, находимые нами въ XV—XVI вѣкахъ, были тѣ же монастыри; первое примѣненіе принудительнаго крестьянскаго труда, предвосхищавшее будущій расцвѣтъ крѣпостного права, даютъ намъ монастырскія имѣнія; первыми крупными торговцами были опять-таки монастыри *). Употребляя красивое выраженіе историка боярской думы, церковь „держала въ рукахъ нити народнаго труда" гораздо раньше, чѣмъ этого достигли свѣтскіе землевладѣльцы—и гораздо лучше ихъ. Изучая аграрный кризисъ XVI вѣка, мы увидимъ, какъ богатства и земли плыли въ руки церкви и уплывали изъ рукъ боярства: борьба противъ церковнаго землевладѣнія, а косвенно и вся „нестяжательская" полемика **) не имѣютъ другого основанія, кромѣ этой конкурренціи свѣтскаго и духовнаго помѣщика. Но экономическая прогрессивность средневѣковой церкви вела къ тому, что она и въ политической области, и у насъ, и на Западѣ, шла впереди свѣтскаго феодальнаго общества. Теорію общественнаго договора западно-европейскій читатель XI вѣка впервые узналъ отъ богослова. У насъ, въ Россіи, теорія политическаго единодержавія, осмыслившая и связавшая въ одно стройное цѣлое пеструю практику ощупью двигавшагося „собиранія", тоже обязана своимъ возникновеніемъ всецѣло церковной литературѣ.

Соотношеніе свѣтской и церковной властей и необходимость первой для послѣдней, хорошо и съ большою откровенностью, резюмированы въ одномъ нашемъ памятникѣ XVI вѣка, котораго съ другихъ сторонъ намъ еще не разъ придется касаться—такъ называемой „Бесѣдѣ Валаамскихъ чудотворцевъ". „Сотворилъ Богъ благовѣрныхъ царей и великихъ князей и прочія власти на воздержаніе міра сего для спасенія душъ нашихъ", говоритъ „Бесѣда". „Если бы не царская всегодная гроза, то по своей волѣ многіе не стали бы каяться никогда, и поповъ бы не слушались, и даже прогнали бы поповъ". И въ западной церковной литературѣ трудно найти лучшее выраженіе средневѣковаго

*) Выше уже говорилось о томъ, что въ кіевской Руси торговля такимъ предметомъ первой необходимости, какъ соль, сосредоточивалась въ рукахъ Кіево-Печерскаго монастыря; въ московскую эпоху она была въ рукахъ Соловецкаго монастыря, продававшаго ежегодно до ста тысячъ пудовъ соли.

**) О ней см. въ слѣдующей главѣ.

церковнаго взгляда на свѣтское государство, какъ на руку церкви („плеща мірскія"), обязанную силой подчинять церковной дисциплинѣ тѣхъ, кто не слушался церкви по доброй волѣ. Отсюда съ неизбѣжной логикой вытекало то, о чемъ наставлялъ еще въ концѣ XIV столѣтія константинопольскій патріархъ Антоній москвичей, вздумавшихъ было не поминать на эктеньяхъ византійскаго императора, т.-е. переставшихъ за него молиться. „Невозможно христіанамъ имѣть церковь, но не имѣть царя. Ибо царство и церковь находятся въ тѣсномъ союзѣ и общеніи между собой, и невозможно отдѣлить ихъ другъ отъ друга". Отношеніе между этими двумя неразрывными частями христіанскаго міра византійской литературой давно было уподоблено тому, „какое существуетъ между тѣломъ и духомъ". „Какъ жизнь человѣческая идетъ правильно только въ томъ случаѣ, когда душа и тѣло находятся въ гармоніи между собой и *тѣло слѣдуетъ разумнымъ велѣніямъ души*", говоритъ „Эпанагога" патріарха Фотія, „такъ и въ государственномъ организмѣ благополучіе подданныхъ и правильное теченіе ихъ жизни наступаютъ тогда только, когда священство и императорство находятся въ согласіи". Изъ вѣжливости, придворный богословъ византійскаго императора не договариваетъ, кому принадлежитъ право возстановлять „согласіе" въ случаѣ спора, но выше имъ употребленное сравненіе достаточно краснорѣчиво. „Не отъ царей начальство священства пріемлется, но *отъ священства на царство помазуются*", болѣе безцеремонно разъяснялъ впослѣдствіи эту истину царю Алексѣю патріархъ Никонъ.

Эти богословскія понятія въ Византійской имперіи давно стали почти—а отчасти даже и вполнѣ—юридическими нормами. Фактическое соотношеніе силъ на Востокѣ, гдѣ православію приходилось отстаивать свое существованіе отъ цѣлой тучи ересей и въ этой борьбѣ поминутно звать на помощь „свѣтскую руку", помѣшало развивать до конца аналогію души и тѣла: тѣло здѣсь было слишкомъ нужно душѣ. Но нераздѣльность церкви и государства нашли себѣ въ Византіи другое выраженіе: нельзя было оставаться подданнымъ императора, переставъ быть вѣрнымъ сыномъ церкви. Только православный христіанинъ могъ быть полноправнымъ гражданиномъ, и отлученіе отъ церкви было равносильно лишенію всѣхъ правъ состоянія. Наоборотъ, принятіе православія дѣлало человѣка, хотѣлъ онъ этого или не хотѣлъ, и даже, вѣдалъ онъ это или не вѣдалъ, подданнымъ императора.

Принятіе Владиміромъ христіанства въ X вѣкѣ было немедленно истолковано въ Константинополѣ, какъ подчиненіе Руси Восточной имперіи. „Такъ называемые руссы“, писалъ тотъ же патріархъ Фотій, „въ настоящее время промѣняли эллинское и нечестивое ученіе, которое содержали прежде, на чистую и неподдѣльную вѣру христіанскую, съ любовію поставивъ себя въ чинѣ подданныхъ и друзей (нашихъ)...“ Кіевскій князь получилъ опредѣленное мѣсто въ византійской придворной іерархіи, ставъ стольникомъ императора, и послѣдній въ глазахъ не только своихъ подданныхъ, но и западныхъ европейцевъ, сдѣлался „сюзереномъ Руси“: ему жаловались на неправомѣрные поступки русскихъ властей, когда не могли найти на нихъ управы у туземнаго князя. Символомъ этой вассальной зависимости Руси отъ „царя“ и служило поминовеніе его въ эктеньи, на прекращеніе чего жаловался патріархъ Антоній въ цитированной нами выше грамотѣ.

Реально, какъ мы знаемъ, удѣльная Русь зависѣла вовсе не отъ этого царя, а отъ другого, отъ татарскаго хана. Но теорія патріарха Фотія отнюдь не была забыта, а къ послѣднимъ годамъ XIV вѣка, когда о ней напомнилъ патріархъ Антоній, обстоятельства складывались такъ, что являлась возможность использовать ее непосредственно въ пользу московскаго великаго князя. Самъ византійскій патріархъ оговаривался, что царей, „которые были еретиками, неистовствовали противъ церкви и вводили развращенные догматы“, христіане могутъ и отвергать. По всей вѣроятности, онъ имѣлъ въ виду настоящихъ еретиковъ, въ точномъ богословскомъ значеніи этого слова. Но примитивный умъ московскихъ книжниковъ, горделиво заявлявшихъ о себѣ, что они „эллинскихъ борзостей не текли и риторскихъ астрономій не читали, ни съ мудрыми философы въ бесѣдѣ не бывали“, ставили понятіе „ереси“ гораздо шире. Всякій, кто, въ чемъ бы то ни было, былъ не согласенъ съ православной церковью, хотя бы только въ обрядахъ, былъ еретикъ. А особенно злыми еретиками были „латиняне“, т.-е. католики: и тутъ уже, кромѣ примитивности древне-русскаго богословскаго мышленія, добрую долю отвѣтственности несли на себѣ и учители русскихъ, греки. Крестивъ Русь въ разгарѣ своей борьбы съ западной церковью, и не безъ конкурренціи съ этой послѣдней, византійское духовенство постаралось внушить своей новой паствѣ самое совершенное отвращеніе къ „латинѣ“, какое только можно вообразить,—и церковныя поученія XI—XII вв. ставятъ даже

вопросъ: можно ли ѣсть изъ одной посуды съ католи ..ь, не осквернившись? Греки и не подозрѣвали тогда, что имъ самимъ можетъ когда-нибудь грозить опасность подпасть обвиненію въ „латинской ереси“. Но когда въ XIV—XV вѣкахъ константинопольскіе императоры, стѣсненные турками, обратились за помощью на западъ, и, между прочимъ, къ папѣ— отъ котораго они ждали организаціи крестоваго похода противъ турокъ,— поведеніе ихъ стало представляться ихъ русскимъ „подданнымъ“ крайне сомнительнымъ. Когда же на Флорентинскомъ соборѣ (1439 года) царь и патріархъ вынуждены были, ради обѣщанной имъ военной помощи, подписать унію съ западной церковью, а пятнадцать лѣтъ спустя Царьградъ былъ взятъ турками, смыслъ этихъ явленій и ихъ взаимная связь не оставляли уже у русскихъ книжниковъ никакихъ сомнѣній. „Разумѣйте, дѣти“, писалъ въ 1471 г. митрополитъ московскій Филиппъ въ своей увѣщательной грамотѣ новгородцамъ: „царствующій градъ Константинополь и церкви Божіи непоколебимо стояли, пока благочестіе въ немъ сіяло, какъ солнце. А какъ оставилъ истину, да соединился царь и патріархъ Іосифъ съ латиною, да подписали папѣ золота ради, такъ и скончалъ безгодно свой животъ патріархъ, и Царьградъ впалъ въ руки поганыхъ турокъ“.

Но, помимо этого отрицательнаго вывода, паденіе Константинополя открыло передъ политической фантазіей московскихъ богослововъ положительныя перспективы необычайной широты и грандіозности. Въ самомъ дѣлѣ, ежели центръ вселенскаго православія измѣнилъ и перешелъ къ латинамъ морально, за что и былъ наказанъ физическимъ плѣненіемъ со стороны агарянъ, то къ кому же перешла роль этого центра? Въ Москвѣ имѣли основаніе думать, что за этимъ городомъ достаточно заслугъ передъ православной вѣрой, чтобы ей не показалось тяжко даже и наслѣдство Константинополя. Недаромъ же, когда митрополитъ Исидоръ явился изъ Флоренціи обратно на свою московскую каѳедру уніатомъ, великій князь Василій Васильевичъ такъ энергически „поборолъ по божьей церкви и по законѣ и по всемъ православномъ христіанствѣ и по древнему благолѣпію“ — и впадшій въ латинскую прелесть іерархъ не только „ничто же успѣ“ на Москвѣ, но, просидѣвъ малое время въ подвалѣ подъ Чудовымъ монастыремъ, долженъ былъ украдкою и переодѣвшись, бѣжать за границу обратно *). За этотъ подвигъ

*) Подробнѣе см. обо всемъ этомъ эпизодѣ въ слѣд. глав.

православный преемникъ Исидора, митрополитъ Іона, первый поставленный соборомъ русскихъ епископовъ, а не присланный изъ Константинополя, впервые примѣнилъ къ Василію Васильевичу титулъ, котораго прежде удостоивались только византійскіе императоры да татарскіе ханы, назвавъ его „боговѣнчаннымъ царемъ всея Руси". На мѣсто Константинополя естественно должна была стать Москва. „Сія убо вся благочестивая царствія, греческое и сербское, басанское и арбаназское Божіемъ попущеніемъ безбожные турци поплѣниша и покориша подъ свою власть", заключаетъ современная „Повѣсть о разореніи Царьграда безбожными агарянами"— „наша же Русійская земля, Божіей милостью и молитвами Пречистыя Богородицы и всѣхъ святыхъ чудотворцевъ, растетъ и младѣетъ и возвышается... Два Рима падоша, а третій стоитъ, а четвертому не быть".

Со значеніемъ этой знаменитой теоріи о „Москвѣ—третьемъ Римѣ" въ исторіи русскихъ религіозныхъ представленій читатели познакомятся въ другомъ мѣстѣ. Но ея политическія,— точнѣе, политико-литературныя,— слѣдствія были не менѣе обширны. Вышивая далѣе по этой канвѣ, фантазія русскихъ книжниковъ создала цѣлый романъ, въ которомъ не безъ художественности откристаллизовалась идея преемства московскаго царства отъ византійскаго императорства. Въ этой окончательной формѣ мы и возьмемъ эту идею, не анализируя ея состава детально и не прослѣживая постепенныхъ этаповъ ея развитія: и та, и другая задача болѣе относятся къ исторіи русской литературы, чѣмъ къ сюжету настоящей главы „Русской исторіи".

Въ самомъ началѣ XVI вѣка къ кіевскому митрополиту Спиридону, прозванному за свой сердитый нравъ „Сатаной", обратился одинъ его знакомый, „ищучи отъ него нѣкихъ прежнихъ лѣтъ отъ историкіи". Бывшій кіевскій митрополитъ—онъ проживалъ тогда не то на покоѣ, не то въ заключеніи въ Ѳерапонтовомъ Бѣлозерскомъ монастырѣ — былъ уже очень старъ, ему былъ 91 годъ отъ роду. Просьбу тѣмъ не менѣе онъ исполнилъ, и послалъ своему любознательному знакомому нѣчто въ родѣ конспекта всемірной исторіи, необычайно своеобразнаго состава. Начинается изложеніе Спиридона, какъ водилось въ тѣ времена, съ разселенія сыновей Ноевыхъ по лицу только что просохшей отъ Всемірнаго потопа земли. Прослѣдивъ судьбу Ноева потомства до единственнаго уцѣлѣвшаго въ его памяти египетскаго фараона „Сеостра" (Сезостриса Великаго, т.-е. Рамзеса II), авторъ

очень логично переходить къ Александру Македонскому, который, по общепринятой въ средніе вѣка легендарной его біографіи, былъ сыномъ не македонскаго царя Филиппа, а египетскаго жреца Нектанеба. Связавъ такимъ путемъ греческаго завоевателя Египта съ туземной династіей, совершенно естественно было перейти къ греческимъ государямъ послѣднихъ вѣковъ передъ Р. Хр.—къ Птоломеямъ. Но такъ какъ ихъ было много, по конспекту—20; то авторъ и рѣшилъ ихъ „преминуть“, спѣша къ самому интересному для него пункту разсказа. У послѣдняго Птоломея была дочь, „премудрая Клеопатра“. „Въ то время Юлій, кесарь римскій, послалъ своего зятя, стратига римскаго, именемъ Антонія (въ подлинникѣ „Онтонина“) на Египетъ воинствомъ“. Но премудрая Клеопатра приняла свои мѣры, и Антоній, вмѣсто того, чтобы воевать съ египетской царицей, женился на ней. Юлію, кесарю римскому, такой исходъ дѣла не показался удовлетворительнымъ: поставилъ онъ брата своего, Августа, стратигомъ и „послалъ его со всею областію римскою на Онтонина“. Антоній былъ убитъ, а царица Клеопатра, когда ее со всѣмъ богатствомъ египетскимъ на кораблѣ везли въ Римъ, уморила себя ядомъ.

Вскорѣ послѣ того, пока Августъ былъ еще въ Египтѣ, возстали на Юлія, кесаря римскаго, „шатіи“ его, „Врутесъ, Помиліе и Крассъ“, и убили его мечомъ. Пришла объ этомъ вѣсть къ Августу стратигу: созвалъ онъ на совѣтъ вельможъ и своихъ, римскихъ, и туземныхъ, египетскихъ, и повѣдалъ имъ о смерти Юлія Кесаря. И рѣшили римляне и египтяне вѣнчать, на мѣсто Юлія, Августа стратига вѣнцомъ римскаго царства. Облекли они его въ одежду царя Сесостриса, „перваго царя Египта“, въ порфиру и виссонъ, и возложили на голову ему митру Пора, царя индійскаго, которую принесъ Александръ Македонскій изъ Индіи, а на плечи „окрайницу“ (бармы) „царя Филикса, владущаго вселенною“—и, украсивъ Августа регаліями владыкъ всего міра, воскликнули велійимъ гласомъ: „Радуйся, Августе, цесарю римскій и вселенныя!“

Такъ объясняетъ нашъ разсказъ происхожденіе всемірной Римской имперіи, легшей въ основу всемірнаго христіанскаго царства средневѣковой политической литературы. Сдѣлавшись „цесаремъ Рима и всея вселенныя“, Авустъ началъ „рядъ покладати на вселенную“: поставилъ во главѣ различныхъ областей міра своихъ братьевъ: „Патрикія“—царемъ Египту, Августалія—Александріи, а Пруса—на берегахъ

Вислы рѣки, въ городѣ, называвшемся Мамборок (Маріенбургъ); оттого и страна эта стала называться Прусіей. Потомки Августова брата и царствовали здѣсь до четвертаго колѣна. Въ это время умеръ новгородскій воевода Гостомыслъ. Передъ смертью посовѣтовалъ онъ своимъ землякамъ послать въ Прусскую землю и призвать князя отъ тамо сущихъ родовъ римскаго царя Августа рода. Такъ и сдѣлали новгородцы: нашли они „нѣкоего князя, именемъ Рюрика", „суща отъ рода римска царя Августа", и призвали его княжить въ Новгородъ. Съ тѣхъ поръ, какъ поселился въ Новгородѣ сродникъ Августа, царя всей вселенной, Новгородъ сталъ называться „Великимъ". „А отъ великаго князя Рюрика четвертое колѣно князь великій Владиміръ, просвѣтившій Русскую землю святымъ крещеніемъ... а отъ него четвертое колѣно князь великій Владиміръ Всеволодовичъ".

Итакъ, династія, правившая Русью въ началѣ XVI вѣка, происходитъ не отъ безвѣстнаго варяжскаго конунга, а отъ самого царя всея вселенныя, — государь московскій Василій Ивановичъ, дальній потомокъ Владиміра Всеволодовича Мономаха, вотчичъ не только всей Русской земли, но и всего міра. Вотъ какой прямой выводъ слѣдовалъ изъ той концепціи всемірной исторіи, какую сообщилъ своему читателю митрополитъ Спиридонъ. Это право московскаго государя прямое, неотъемлемое: великій князь московскій — законный наслѣдникъ всемірнаго римскаго императора. Оно признано было и самими императорами восточнаго Рима, при Владимірѣ Всеволодовичѣ добровольно переславшими на Русь императорскія инсигніи, въ томъ числѣ и знаменитую шапку Мономаха, ставшую самымъ нагляднымъ символомъ московской царской власти. Владиміръ Всеволодовичъ, разсказываетъ тотъ же митрополитъ Спиридонъ, собралъ разъ на совѣтъ своихъ князей и своихъ бояръ, и сталъ къ нимъ держать такую рѣчь: „Вотъ, предки мои ходили и брали дань съ Константинополя, новаго Рима. А я ихъ наслѣдникъ: такъ не попытать ли и мнѣ тамъ счастья? Какой мнѣ совѣтъ дадите?" И сказали князья, и бояре, и воеводы: „сердце царево въ руцѣ Божіей, а мы есмы въ твоей волѣ, государя нашего по Богѣ". Тогда Владиміръ отправилъ своихъ воеводъ походомъ на Өракію, и „поплѣниша ю довольно". Тогдашній византійскій императоръ, Константинъ Мономахъ, воевалъ въ это время съ персами и съ латинами — былъ, значитъ, въ очень стѣсненномъ положеніи. Не въ состояніи отразить русскаго напа-

ствія, онъ рѣшилъ склонить русскаго князя на миръ. Снялъ онъ со своей шеи крестъ „отъ самаго животворящаго древа", снялъ свой царскій вѣнецъ, велѣлъ принести сердоликовую чашу, изъ которой пилъ на пирахъ Августъ, царь римскій, и бармы, которыя императоры носили на плечахъ,—и все это отослалъ Владиміру Всеволодовичу, какъ законному наслѣднику своей власти: „прими отъ насъ, боголюбивый и благовѣрный князь, сій честные дары отъ начатокъ вѣчнаго твоего родства... на славу и честь, и вѣнчаніе твоего вольнаго и самодержавнаго царствія..." Посолъ императора, митрополитъ эфесскій Неофитъ, и вѣнчалъ Мономаха — какъ стали называть теперь Владиміра Всеволодовича—на царство всѣми присланными регаліями. Съ тѣхъ поръ и донынѣ вѣнчаются тѣмъ царскимъ вѣнцомъ великіе князья владимірскіе. Внутренняя сила наслѣдственнаго права государя московскаго была, такимъ путемъ, въ свое время закрѣплена при помощи внѣшняго обряда.

Намъ нѣтъ надобности останавливаться долго на критикѣ „исторіи", написанной митрополитомъ Спиридономъ. Что касается первой ея части, то всякому достаточно извѣстно, что Августъ не былъ вотчичемъ римскаго государства и не могъ подѣлить его между своими братьями, которыхъ притомъ у него и не было. Не могъ онъ дать одному изъ этихъ несуществовавшихъ братьевъ городъ Маріенбургъ, основанный въ XIII вѣкѣ нѣмецкими рыцарями. И самый разсказъ о коронованіи Августа въ Египтѣ коронами всего міра—такой же точно историко-политическій романъ, какъ и разсказъ о происхожденіи Александра Македонскаго отъ египетскаго „волхва" Нектанеба. Словомъ, фантастичность этой части Спиридонова повѣствованія стоитъ внѣ всякаго спора. Но еще не такъ давно (въ кое-какихъ учебникахъ это можно встрѣтить и до сихъ поръ) придавали нѣкоторую, съ оговорками, историческую цѣну второй части разсказа, о регаліяхъ Мономаха. Однако же, легендарность и этого разсказа ясна какъ нельзя болѣе. Ни одна подробность его не подходитъ къ тому времени и къ тѣмъ лицамъ, о которыхъ онъ говоритъ. Константинъ Мономахъ умеръ, когда Владиміру Всеволодовичу было всего два года. Онъ не могъ воевать съ персами, царство которыхъ было разрушено за сотни лѣтъ раньше арабами. Онъ не могъ посылать на Русь эфесскаго митрополита Неофита, потому что такого митрополита не было въ Эфесѣ ни въ то время, ни раньше, ни позже. Археологическія изслѣдованія доказали, что шапка Мономаха не

была съ самаго начала царскимъ вѣнцомъ: отличительный признакъ царской короны—полушаріе съ крестомъ наверху—придѣланъ къ ней впослѣдствіи. Сначала это была не царская корона, а просто „золотая шапка“, подъ каковымъ именемъ она и значится въ завѣщаніяхъ московскихъ князей XIV вѣка. Очевидно, не присутствіе въ великокняжеской казнѣ этой шапки напоминало московскому князю о его вселенскомъ значеніи—а, напротивъ, потому, что онъ сталъ пріобрѣтать въ своихъ глазахъ такое значеніе, ему понадобилась царская корона. То, что сейчасъ сказано о шапкѣ Мономаха, вполнѣ приложимо и ко всему разсказу: не потому стали считать московскаго царя наслѣдникомъ восточнаго—въ глазахъ православныхъ всемірнаго—императора, что какому-то досужему книжнику пришло въ голову сочинить разсказанную выше легенду; легенда понадобилась потому, что „великій князь владимірскій“, потомокъ Рюрика и Владиміра Мономаха, сталъ фактически наслѣдникомъ того „православнаго царства“, представителемъ котораго до сихъ поръ былъ восточный императоръ.

Разсказъ, который мы находимъ у митрополита Спиридона (вѣроятно, не бывшаго его авторомъ, а пересказывавшаго съ чужихъ словъ), быстро получилъ чрезвычайно широкое распространеніе. „Сказаніе о князьяхъ Владимірскихъ“ еще не было извѣстно въ 1480 г. въ московскихъ офиціальныхъ кругахъ: въ посланіи ростовскаго архіепископа Вассіана къ Ивану III, по поводу нашествія хана Ахмата, въ числѣ прародителей великаго князя не поминается кесарь Августъ, а по поводу Владиміра Мономаха говорится лишь о его битвахъ съ половцами—и ни слова о какихъ-либо сношеніяхъ съ Византіей. Лѣтъ 50 спустя и фантастическая родословная князей владимірскихъ, и легенда о мономаховыхъ регаліяхъ были приняты офиціально, и Иванъ Грозный говорилъ о своемъ происхожденіи отъ Августа Кесаря, какъ о дѣлѣ общеизвѣстномъ.

Потомками римскихъ императоровъ по этой генеалогіи были, конечно, всѣ наличные Рюриковичи, т.-е. не только великій, но и всѣ удѣльные князья. Но „православное царство“ могло имѣть только одного главу — даже семья великаго князя могла подняться надъ другими княжескими семьями только черезъ него, а не сама по себѣ. Неопредѣленная зависимость слабаго отъ сильнаго, лежавшая въ основѣ княжескихъ договоровъ удѣльной поры, смѣняется вполнѣ опредѣленнымъ подданствомъ удѣльнаго князя, какъ [illegible]

славнаго христіанина, главѣ всемірнаго христіанскаго царства. Само собою разумѣется, что это новое пониманіе дѣла ни на іоту не могло измѣнить реальнаго соотношенія силъ: національные короли Западной Европы, французскій или англійскій, могли сколько угодно на словахъ признавать свою зависимость отъ западнаго императора, послѣдній могъ сколько угодно настаивать на томъ, чтобы его принимали въ ихъ столицахъ не какъ гостя, а какъ хозяина—послѣдствія всѣхъ этихъ притязаній и разговоровъ не шли дальше этикета: на практикѣ, государь священной Римской имперіи не только въ Парижѣ или Лондонѣ, а и у себя дома, въ Германіи, значилъ подчасъ меньше, нежели король французскій. Московскій князь практически былъ несравненно сильнѣе всѣхъ удѣльныхъ къ концу XV вѣка: наиболѣе крупныя изъ нѣкогда соперничавшихъ съ Москвою династій были медіатизированы, предварительно пройдя стадію подручничества у своего московскаго старшаго брата. Рязань находилась въ такомъ положеніи уже съ 1456 года: малолѣтній наслѣдникъ княжества и проживалъ въ Москвѣ, а въ его стольномъ городѣ сидѣли московскіе намѣстники. Выросши, рязанскій княжичъ самъ, въ сущности, превратился въ такого же намѣстника, а номинальная независимость при немъ Рязани объясняется, кажется, ближе всего тѣмъ, что онъ былъ женатъ на сестрѣ Ивана III и такимъ путемъ сдѣлался членомъ московской княжеской семьи. Подъ опекой Москвы въ Рязани просидѣло еще два поколѣнія потомковъ Олега Ивановича,—при чемъ территорія „независимаго“ княжества все сокращалась, такъ какъ выморочные рязанскіе удѣлы доставались прямо князю московскому. Возможно, что рязанскіе князья такъ мирно и перешли бы въ бояръ великаго князя подобно ярославской династіи, если бы послѣдній рязанскій княжичъ, Иванъ Ивановичъ, не запутался въ какія-то подозрительныя отношенія съ татарами—что и было ближайшимъ поводомъ къ оффиціальному „присоединенію Рязани“ въ 1520 году. Съ Тверью дѣло кончилось еще раньше и рѣшительнѣе: превращенный договоромъ 1485 г. въ московскаго подручника, князь Михаилъ Борисовичъ очень недолго вытерпѣлъ въ такомъ положеніи и, по традиціи, обратился за помощью въ Литву, къ Казиміру. Но дѣло тверского князя имѣло настолько безнадежный видъ, что король Казиміръ не нашелъ для себя выгоднымъ ссориться изъ-за него съ Москвой и отказалъ въ своей помощи. А 12 сентября 1486 года Тверь была взята московской ратью, и князь Михаилъ Бо-

рисовичъ искалъ теперь у Казиміра уже не поддержки, какъ политическій противникъ Москвы, а убѣжища, какъ эмигрантъ. Но съ паденіемъ Твери и Рязани никакихъ, имѣющихъ политическое значеніе, удѣловъ не осталось въ сѣверо-восточной Руси, внѣ предѣловъ династіи Калиты. Только родные и двоюродные братья великаго князя были теперь покрупнѣе обычныхъ феодальныхъ владѣльцевъ, — но они были, даже всѣ вмѣстѣ, мельче его самого. По духовному завѣщанію Ивана III его старшій сынъ, Василій Ивановичъ, получилъ 66 городовъ съ волостями, а всѣ остальные четверо его сыновей вмѣстѣ—только 30. Въ каждую тысячу ордынской дани Василій Ивановичъ вносилъ 717 рублей, а всѣ остальные его братья 283. Даже при коалиціи всѣхъ младшихъ противъ старшаго, за послѣднимъ оставался громадный перевѣсъ. Церковная теорія была весьма кстати, чтобы освятить совершившійся фактъ. Удѣльный князь, писалъ одному изъ братьевъ Василія знаменитый волоколамскій игуменъ, Іосифъ Санинъ, родоначальникъ „осифлянскаго" направленія московской публицистики, долженъ „отъ сердца воздавать любовь богодарованному царю нашему, воздающе ему должное покореніе, и послушаніе, и благодареніе, и работающе ему по всей волѣ его и повелѣнію его, яко Господеви работающе, а не человѣкомъ".

Но наиболѣе неожиданные эффекты давала новая теорія въ области отношеній международныхъ въ настоящемъ смыслѣ— отношеній московскаго государя къ нерусскимъ землямъ. Два факта, обыкновенно украшающіе собою главу объ Іоаннѣ III въ школьныхъ учебникахъ —„сверженіе татарскаго ига" и бракъ московскаго великаго князя съ византійской княжной Софьей Палеологъ—непосредственно связаны съ разсматриваемымъ нами цикломъ идей. Относительно послѣдняго событія теперь не можетъ быть сомнѣній, что тутъ не было никакой, благопріятной для московскаго государя, случайности, что это былъ обдуманный шагъ московской политики, — что Иванъ Васильевичъ спеціально искалъ себѣ именно такую невѣсту, и посылалъ особыхъ агентовъ въ Италію хлопотать объ этомъ бракѣ. Нѣтъ надобности объяснять, почему „царь всего православнаго христіанства" не удовлетворялся теперь русскими княжнами и искалъ себѣ лучшей, по его мнѣнію, партіи. „Сверженіе татарскаго ига" въ 1480 году было, собственно, торжественной формальностью: уже почти сто лѣтъ Орда могла добиться повиновенія отъ сѣверо-восточной Руси только путемъ повторныхъ военныхъ экспедицій, которыя

не всегда и удавались притомъ, какъ показывалъ примѣръ Мамая. Мѣсто монголовъ въ авангардѣ тюркскихъ племенъ давно заняли турки-османы, центромъ вниманія которыхъ была южная Европа, въ первую очередь Балканскій полуостровъ, тогда какъ русскимъ еще не приходилось съ ними соприкасаться непосредственно. Въ связи съ передвиженіемъ театра тюркскаго наступленія къ югу и среди обломковъ бывшей орды Чингисхана и Батыя выдвинулись на первое мѣсто крымскіе татары,— впослѣдствіи вѣрные союзники и вассалы турецкаго султана. По ихъ набѣги грозили, главнымъ образомъ, юго-западной, литовско-польской Руси — а для московскаго великаго князя, именно въ силу этого, крымскій ханъ часто являлся союзникомъ. Такъ было и въ 1480 году, когда нашествіе хана большой орды, Ахмата, всѣми признаками напоминало простой разбойничій набѣгъ, а отнюдь не завоевательные походы Чингиза или Тамерлана. Тѣмъ не менѣе, какъ извѣстно, и въ отраженіи этого набѣга Иванъ Васильевичъ отнюдь не обнаружилъ большой смѣлости — и мысль о необходимость ликвидировать начисто свои отношенія къ Ордѣ пришла къ нему, только подъ настойчивымъ вліяніемъ церкви. Участіе въ этомъ дѣлѣ епископа Вассіана было совсѣмъ не случайно — и аргументація Вассіана прямо отправлялась отъ новыхъ политическихъ понятій, возникшихъ въ XV вѣкѣ. „Какой пророкъ пророчествовалъ или какой апостолъ или святитель научилъ тебя, великаго русскихъ странъ христіанскаго царя повиноваться сему богостудному и скверненому, самозванному царю", хану Ахмату — писалъ Вассіанъ Ивану III. Было время, когда церковь не гнушалась признавать владыку Золотой Орды „царемъ" по преимуществу: но это время давно прошло...

„Великій русскихъ странъ христіанскій царь" не только не могъ быть въ подчиненіи у какого-то татарскаго хана — но и дружбою своею могъ удостоить не всякаго. Во всей Европѣ былъ ему только одинъ ровня — „кесарь римскій", императоръ западной имперіи. Но практически московскому правительству чаще приходилось имѣть дѣло не съ нимъ, а съ государями польскими и шведскими. А какъ разъ въ XVI вѣкѣ, на другой день, можно сказать, послѣ того, какъ Москва стала „Третьимъ Римомъ", а московскій царь — преемникомъ „кесарей ромэйскихъ", и шведскій и польскій троны оказались „плохо занятыми" съ точки зрѣнія царскаго мѣстничества: государи на нихъ были выборные, не могшіе похвастаться своей генеалогіей. Это было безконечнымъ источникомъ

самодовольства для московскихъ государей и ихъ дипломатовъ. Грозный писалъ шведскому королю Іоанну Вазѣ: „И ты скажи, отецъ твой, Густавъ, чей сынъ, и какъ дѣда твоего звали, и съ которыми государи былъ въ братствѣ, и котораго ты роду государскаго?“ А бояре говорили шведскимъ посламъ „въ разсудъ, а не въ укоръ“ про ихъ, пословъ, государя: „котораго онъ роду и какъ животиною торговалъ и въ свейскую землю пришелъ: то недавно ся дѣяло и всѣмъ вѣдомо“. Въ 1578 году посламъ польскаго короля Стефана Баторія, ранѣе бывшаго воеводою седмиградскимъ, было сказано, что великому государю съ королемъ Стефаномъ быти въ братствѣ непригоже, потому что его государство почало отъ Августа, кесаря Римскаго, и отъ Пруса, Августова брата: что польскіе короли Сигизмундъ и Сигизмундъ Августъ (изъ династіи Ягеллоновъ) были славные великіе государи, наши братья, по всей вселенной вѣдомы, а что „Седмиградскаго государства нигдѣ есмя не слыхали“..... Позднѣе Грозный объяснялъ, что такъ и не узналъ родства Баторія, „какова онъ роду человѣкъ и которыхъ государей племя“ и что потому, „берегучи своего царства чести“, онъ допрашивалъ его пословъ, „какого родства государь ихъ, Стефанъ король? чтобы нашему царству въ томъ укоризны не было, что который не нашъ братъ, да намъ братомъ учинится“... А такъ какъ Грозный слышалъ про Баторія „въ каковой онъ низости былъ до сего времени“, то московскому государю было короля „для его родственныя низости братомъ писати не пригоже“.....

Итакъ, новая теорія вела, прежде всего къ внѣшнему, такъ сказать географическому расширенію власти великаго князя московскаго: она помогала ему обосновать свои притязанія въ той области, гдѣ старая удѣльная традиція не давала ему твердой почвы,—какъ это было въ отношеніяхъ къ удѣльнымъ князьямъ и къ Новгороду; эта же теорія сразу дала опредѣленный тонъ и дипломатическимъ сношеніямъ съ иноземными государями, тонъ очень повышенный, какъ мы сейчасъ видѣли; она, наконецъ, поскольку рѣчь шла объ отношеніяхъ къ татарамъ, помогла московскому князю сознать себя самодержцемъ въ тогдашнемъ смыслѣ этого слова: какъ извѣстно, тогда подъ „самодержавіемъ“ разумѣлась не абсолютная власть царя внутри государства, а его независимость извнѣ, отъ сосѣдей,—„самодержцу“ противополагался не государь съ ограниченной властью, а вассалъ. Насколько теорія оправдывала самодержавіе въ

нашемъ смыслѣ этого слова, т.-е. абсолютизмъ? Обыкновенно отвѣчаютъ на этотъ вопросъ очень категорически: новая теорія освящала самыя широкія притязанія, какія только могъ заявить московскій государь. Она провозгласила его намѣстникомъ Бога на землѣ, даже земнымъ Богомъ (Іосифъ Волоколамскій писалъ о государяхъ: „Бози есте и парицастесь“), а неповиновеніе ему—не только преступленіемъ передъ человѣческими законами, но и тяжкимъ грѣхомъ передъ Богомъ; измѣнить царю, значитъ погубить свою душу—такъ объяснялъ Грозный эту теорію Курбскому. Соглашаясь въ этомъ случаѣ съ Грознымъ, изслѣдователи нѣсколько неосторожно подчиняются такому толкованію теоріи, какое давали заинтересованныя въ дѣлѣ лица. Присмотрѣвшись къ ней ближе, и отрѣшившись отъ условно-оффиціальнаго ея пониманія, мы найдемъ, что она далеко не оправдывала той формы абсолютизма, какую пытался осуществить Грозный. Въ своихъ непосредственныхъ выводахъ она не расширяла, а ограничивала патріархальный деспотизмъ. По крайней мѣрѣ въ одномъ пунктѣ она представляется намъ даже революціонной, и ею дѣйствительно пользовались для оправданія революцій.

Прежде всего, царь православнаго христіанства долженъ быть, конечно, православнымъ. Патріархъ Антоній, изъ грамоты котораго московскіе великіе князья, повидимому, многому научились, прямо оправдываетъ неповиновеніе царю, впавшему въ ересь. Іосифъ Волоколамскій,—этотъ, по общему мнѣнію, основатель московскаго самодержавія—тоже ставитъ вопросъ: обязанъ ли православный христіанинъ повиноваться неправославному царю?—и отвѣчаетъ на него отрицательно,—потому что Бога больше слѣдуетъ слушаться, нежели людей. Подъ перомъ Іосифа эти разсужденія носятъ еще довольно невинный академическій характеръ: самый большой практическій результатъ, на который они мѣтили, могъ состоять развѣ въ томъ, чтобы попугать нѣсколько Ивана Васильевича, иногда слишкомъ равнодушнаго къ вѣроисповѣднымъ вопросамъ, какъ думало тогдашнее духовенство. Политическіе враги московскаго великаго князя еще не усвоили себѣ тогда новой теоріи или не успѣли ею воспользоваться. Полвѣка спустя дѣло измѣнилось значительно для него къ худшему. При внукѣ Ивана III боярская оппозиція въ лицѣ Курбскаго очень ловко пользовалась аргументаціей, освященной авторитетомъ Іосифа Волоколамскаго. Обвиненіе, которое бросилъ Грозному Курбскій, обвиненіе въ

небытной ереси"—въ отрицанiи страшнаго суда и мздовоздаянiя грѣшникамъ—въ XVI вѣкѣ было далеко не риторической фразой, какой оно кажется намъ теперь. Въ немъ было вполнѣ реальное содержанiе: отрицанiе воскресенiя мертвыхъ и страшнаго суда составляло одну изъ замѣтныхъ частей того богомильскаго толка, который вскрывался на Руси не разъ на протяженiи двухъ столѣтiй, подъ именемъ стригольничества и жидовства *). Недаромъ Грозный такъ старательно опровергалъ это обвиненiе, стараясь оборотить его на противника, не одинъ разъ повторяя, что онъ-то, Иванъ, вѣруетъ страшному Спасову судищу и не причастенъ „манихейской" (т.-е. богомильской) ереси, а вотъ вѣруетъ ли Курбскiй,—сомнительно. Аргументъ Курбскаго для того времени былъ очень силенъ и, употребляя его собственное выраженiе, „зѣло кусателенъ".

Обостренiе борьбы все больше и больше расширяло примѣненiе этого аргумента. Отъ смутнаго времени до насъ дошелъ одинъ весьма любопытный памфлетъ, обыкновенно приписываемый Авраамiю Палицыну, — едва ли справедливо, какъ увидимъ впослѣдствiи. Авторъ этого памфлета ярый сторонникъ Романовыхъ: ихъ ссылку при Годуновѣ онъ считаетъ однимъ изъ главныхъ грѣховъ, навлекшихъ смуту на Русскую землю. Симпатiи къ Романовымъ сами собою обусловливаютъ антипатiю автора къ Годунову. Въ наше время антипатiя выразилась бы, вѣроятно, въ отрицанiи всякихъ заслугъ Годунова передъ Россiей — въ очерненiи всей его политики: но, къ немалому нашему удивленiю, публицистъ смутнаго времени не думаетъ отрицать политическихъ заслугъ Бориса. Только въ его глазахъ вовсе не онѣ имѣютъ рѣшающее значенiе: всѣ его заботы о матерiальномъ благосостоянiи его подданныхъ ничего не стоятъ, потому что Борисъ плохо заботился объ ихъ душахъ и могъ своей политикой даже повредить душевному спасенiю русскаго народа. Во-первыхъ, Борисъ почиталъ иноязычниковъ—нѣмцевъ—паче „священноначальствующихъ", и даже дочь свою хотѣлъ выдать за нѣмца; потакалъ „ереси армянской и латинской" и принималъ у себя людей, зараженныхъ такими ересями. Для всего этого, однако, авторъ находитъ еще оправданiе въ богословскомъ невѣжествѣ Бориса — въ томъ, что онъ „писанiю божественному не навыкъ". Но вотъ чего нельзя уже было оправдать и отсутствiемъ богословскаго образованiя во

*) См. подробнѣе объ этихъ ересяхъ слѣд. главу.

время голода Борисъ приказалъ употреблять на просфоры для евхаристіи ржаную муку вмѣсто пшеничной; это до чрезвычайности возмущаетъ нашего автора: „не гордости ли се исполнено и нерадѣнія о Богѣ?“, съ негодованіемъ спрашиваетъ онъ—и не прочь объяснить бѣдственный конецъ Бориса этимъ „нерадѣніемъ о Богѣ“.

Борисъ былъ первымъ русскимъ царемъ, которому пришлось бороться съ революціей. Революція эта—возстаніе Названнаго Димитрія — была подготовлена боярами: такъ говорилъ во всеуслышаніе самъ царь Борисъ, и современники, подтверждая его слова, въ числѣ бояръ называютъ сторонниковъ изгнанной семьи Романовыхъ и ихъ самихъ *). Мнѣнія, которыя мы находимъ въ памфлетѣ псевдо-Палицына, очень можетъ быть, имѣютъ не одно литературное значеніе: весьма вѣроятно, что боярскій кружокъ, свергнувшій Бориса, оправдывалъ свои дѣйствія и передъ самимъ собою, и передъ другими, между прочимъ, сочувствіемъ Годунова къ иновѣрцамъ и его не совсѣмъ тактичными распоряженіями касательно церковной обрядности. Такъ уже не только прямая ересь, но и мелочныя уклоненія царя отъ православія могли обратиться въ сильное оружіе противъ него въ рукахъ оппозиціи.

Смѣнившій Годунова Названный Димитрій оказался крѣпче на престолѣ, нежели этого ожидали выдвинувшіе его бояре: пришлось свергать и Названнаго Димитрія. Во главѣ заговора сталъ Василій Ивановичъ Шуйскій, тотчасъ послѣ переворота и избранный въ цари. Чувствуя потребность оправдаться и оправдать все совершившееся, новый царь разослалъ по всей Россіи грамоты, гдѣ убійство Димитрія объяснялось, прежде всего, его проектами Уніи съ римской церковью: что онъ „многое христіанство широкаго московскаго государства своимъ злохитрствомъ въ вѣру латинскую привести и укрѣпить“ хотѣлъ. За это, какъ еретикъ, онъ былъ убитъ благочестивыми людьми, съ Василіемъ Шуйскимъ впереди другихъ. Чтобы правильно оцѣнить ученіе Іосифа Волоколамскаго объ обязательномъ православіи царя, нужно прочесть эти грамоты Шуйскаго: переворотъ 17 мая 1606 года былъ прямымъ приложеніемъ этого ученія къ практикѣ. Понятно, почему самъ благочестія дѣлатель, царь Василій

---

*) Подробнѣе объ этомъ см. въ главѣ о смутномъ времени.

Ивановичъ, спѣшилъ прежде всего поставить внѣ спора свое православіе: едва онъ вступилъ на престолъ, какъ на Руси уже появился новый угодникъ — открылись мощи царевича Димитрія.

Съ этой стороны трудно было подкопаться подъ Шуйскаго: его врагамъ оставалось только болѣе слабое, менѣе эффектное обвиненіе,—но для постановки царской власти по новой теоріи тоже очень характерное. Не находя данныхъ обвинить царя Василія въ неправославіи, враги ставили ему на счетъ отступленія отъ аскетической морали, его, будто бы, пьянство и развратъ. „Всячествованіемъ неистовенъ“, писали о немъ публицисты враждебнаго лагеря: за его грѣхи кровь христіанская льется. Обвиненіе не было новостью, придуманной спеціально для Шуйскаго: мы находимъ его уже у Курбскаго въ примѣненіи къ царю Ивану. Въ первомъ посланіи „бѣглаго боярина“ приведенъ длинный списокъ грѣховъ Грознаго: въ числѣ ихъ не послѣднее по значенію мѣсто занимаютъ „Афродитскія дѣла“. Времяпрепровожденіе Ивана Васильевича напомнило кн. Курбскому классическія Сатурналіи—„Кроновы жертвы“. Царь Иванъ не остался равнодушенъ къ обвиненію и, не отрицая факта, пытался оправдать себя тѣмъ, что онъ запилъ, что называется, съ горя—послѣ смерти жены, будто бы отравленной друзьями Курбскаго. „Только бы вы не отняли у меня юницы моея, то не было бы и Кроновыхъ жертвъ“, пишетъ онъ въ своемъ отвѣтѣ. Въ другомъ мѣстѣ онъ подбадриваетъ себя примѣрами угодниковъ Божіихъ, которые сначала много грѣшили, но потомъ покаялись—и прежніе грѣхи не помѣшали имъ угодить Богу. Какъ бы то ни было, самаго принципа, въ силу котораго христіанскій царь долженъ быть образцомъ христіанской нравственности для своихъ подданныхъ, Грозный не думаетъ отрицать. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли спасать души тотъ, чья душа сама не заслуживаетъ спасенія? А что на православномъ царѣ лежала обязанность руководить подданными на пути ко спасенію, это былъ одинъ изъ кардинальныхъ пунктовъ теоріи. „Всемилостивый Боже... устроилъ мя земли сей православной царя и пастыря, вождя и правителя еже правити люди его въ православіи непоколебимомъ быти...“ писалъ Грозный. „Тщуся съ усердіемъ люди на истину и на свѣтъ наставити, да познаютъ Бога истиннаго и отъ Бога даннаго имъ государя...“

Но рѣшить вопросъ, кто непоколебимъ въ православіи,

кто нѣтъ, могла только церковь. Создавая великаго князя московскаго, царя всего православнаго христіанства, она, какъ видимъ, вовсе не думала создать себѣ господина. Ей нужны были „плеща мірскія" — и вождямъ церковно-политическаго движенія XV вѣка въ голову не приходило, что созданный церковью на потребу себѣ аппаратъ можетъ когда-нибудь быть обращенъ противъ нея.

Изображеніе святого князя на медальонѣ изъ клада золотыхъ предметовъ, найденнаго въ 1822 г. на землѣ Старой Рязани.

Западный порталъ Дмитріевскаго собора во Владимірѣ (конецъ XII в.).
Деталь „День и ночь" съ иконы „Ангелъ хранитель съ похожденіями" XVI в.

VII.

Народная религія и церковь въ XIV—XVI в.

Прошло около четырехъ вѣковъ съ того момента, какъ днѣпровскіе славяне стали офиціально именоваться христіанами; за это время произошло сравнительно мало измѣненій въ условіяхъ ихъ матеріальнаго быта. Правда, выяснился и получилъ законченное выраженіе феодальный характеръ общества, въ особенности послѣ разгрома днѣпровской Руси и перенесенія центра тяжести русской жизни на Оку и Волгу; правда, что въ связи съ этимъ земледѣльческіе промыслы получили рѣшительный перевѣсъ надъ охотничьими. Но феодализація болѣе всего захватила правящіе круги тогдашняго русскаго общества; закрѣпощеніе крестьянъ и превращеніе ихъ въ рабовъ было еще впереди; съ другой стороны, охотничьи промыслы, сохраняя перевѣсъ въ лѣсахъ Заволжья и Прикамья, не утратили важнаго хозяйственнаго значенія и въ центрѣ, сохранивъ свою жизненную необходимость даже въ боярскихъ и княжескихъ хозяйствахъ. Наконецъ, развитіе городской жизни шло крайне медленно; ростъ денежнаго хо-

зяйства и коллизія городского и феодальнаго общества были тогда еще дѣломъ далекаго будущаго. На такой почвѣ вѣрованія не могли преобразоваться по существу: соціальные границы, которые могли бы создать благопріятныя условія для возрожденія мотива искупленія, еще не наступили, а общій фонъ раздробленности и господства натуральныхъ примитивныхъ промысловъ не благопріятствовалъ трансформаціи старыхъ вѣрованій. Но эволюція феодальнаго строя и возвышеніе „державы" Московскаго князя въ XVI в. оказали немаловажное вліяніе на церковную организацію, которая совершенно отсутствовала въ языческую эпоху и создалась только послѣ принятія христіанства. Подъ христіанскими византійскими формами здѣсь, однако, сложилось чисто мѣстное содержаніе; форма церковнаго господства пріобрѣла феодальный характеръ и совершенно спаялась въ одно органическое цѣлое съ формами свѣтскаго феодальнаго господства.

Мы видѣли въ концѣ главы V, что христіанство, какъ опредѣленная догматическая система, плохо привилось древнему обществу. Оно не нуждалось еще въ религіи искупленія: для него религія была прежде всего практическимъ дѣломъ текущаго момента, дѣломъ соглашенія между человѣкомъ и таинственными для него явленіями природы, иногда враждебными, иногда дружелюбными. Вслѣдствіе этого христіанскія вѣрованія и обряды, принесенные изъ Византіи, потерпѣли странное превращеніе, перемѣшавшись съ анимистическими и фетишистскими вѣрованіями и съ тощими ростками политеистическаго натурализма. Искупительные мотивы новой религіи стерлись и отошли на задній планъ; обрядъ и реликвія завоевали себѣ первое мѣсто.

Общество XIV—XVI вѣковъ въ цѣломъ сохраняетъ старый взглядъ на религію, какъ на совокупность опытнаго знанія таинственныхъ силъ природы и на совокупность средствъ жить съ таинственнымъ міромъ въ ладу, обращая его даже къ себѣ на службу. Въ зависимости отъ соціальнаго положенія, человѣкъ XIV—XVI вѣка прибѣгалъ къ различнымъ средствамъ: низы довольствовались старыми методами и посредниками, присвоивъ имъ лишь христіанскія имена, верхи иногда пускались въ книжныя изысканія, но по существу оставались на той же основѣ, что и низы. Если въ Ладогѣ новгородскіе охотники увѣряли, что они своими собственными глазами видѣли на востокѣ отъ Югры и Самояди такія области, гдѣ звѣри прямо изъ тучъ валятся, изъ

одной тучи—молодыя веверицы, изъ другой — малые оленьцы,—то такому анимистическому изображенію соприкосновенія неба съ землей вѣрили не только товарищи свидѣтелей этого необыкновеннаго явленія, но и монахи, одинъ изъ которыхъ записалъ это достовѣрное извѣстіе подъ 1114 г. въ Ипатьевской лѣтописи. Демоническая природа звѣрей была засвидѣтельствована для тогдашняго общества и другими, еще болѣе высокими авторитетами. Раскройте любое житіе любого святого подвижника сѣвернаго края: святой подвижникъ—борецъ противъ демоновъ, обитающихъ въ лѣсной пустынѣ: демоны пускаютъ въ ходъ всякія „досажденія“ и „пакости“, чтобы выжить святого, и охотнѣе всего пускаютъ въ ходъ звѣрей, которые расхищаютъ монастырское стадо; святой, конечно, выходитъ побѣдителемъ. „Свирѣпый звѣрь, кровоядецъ акудъ, рекомый медвѣдь, на единомъ отъ скотъ сотвори пакость, хотяше убити его; святый же звѣря молитвою связа и повелѣ ученику своему поученіе дати, да впредь пакости не дѣетъ. Ученикъ, веемъ лозу, біяше звѣря, звѣрь же поклонися имъ до земли, ничтоже зла сотвори“ (жит. Іоасафа Каменскаго). Христіанскаго элемента тутъ совсѣмъ нѣтъ; напротивъ, изъ этихъ строкъ житія на насъ вѣетъ духомъ сѣдой анимистической старины, съ ея тотемами и магическими формулами. И это сознаніе, сознаніе, что такія представленія плохо вяжутся съ христіанскимъ символомъ вѣры, что въ сущности вѣрованія тогдашняго общества были тѣмъ же плохо прикрытымъ язычествомъ, иногда заставляло бросать псевдонимы и называть вещи ихъ собственными именами. Рядомъ съ церквами оставались „камень да береза“: „овъ требу творилъ на студенци, дъжда живы отъ него, забывъ, яко богъ на небеси дождь даетъ; овъ рѣку богыню нарицалъ, и звѣрь, живущь въ ней, яко бога нарицалъ“. „Даже попове и книжницы“ вѣруютъ въ Перуна и Хорса, подкладываютъ имъ требы и куры имъ рѣжутъ,“ жалуется поученіе неизвѣстнаго автора XIII вѣка, а въ XIV вѣкѣ, какой-то монахъ, устами лѣтописи, называетъ людей, не обинуясь, дажь-божьими внуками. Въ XVI в., правда, такая откровенная номенклатура уже вышла изъ употребленія, но жалобы и постановленія Стоглава достаточно краснорѣчиво показываютъ, что по существу и въ серединѣ XVI вѣка дѣло нисколько не измѣнилось. Съ другой стороны, элементарныя познанія по части христіанскаго вѣроученія и культа были чужды не только мірянамъ и низшему духовенству, но и монашеству и представителямъ высшей іерархіи. Иностранцы сообщаютъ намъ,

что простые міряне не знали ни евангельской исторіи, ни символа вѣры, ни главнѣйшихъ молитвъ, въ томъ числѣ даже „Отче нашъ“ и „Богородице дѣво“, и наивно объясняли свое невѣжство тѣмъ, что „это очень высокая наука, пригодная только царямъ да патріарху и вообще господамъ и духовнымъ лицамъ, у которыхъ нѣтъ работы“. Но тѣ же иностранцы выдаютъ самое уничтожающее свидѣтельство и тѣмъ, у кого былъ досугъ, и даже спеціальный досугъ, для пріобрѣтенія такихъ познаній. Олеарій (XVII в.!) пишетъ, что въ его время едва одинъ монахъ изъ десяти зналъ „Отче нашъ“; въ концѣ XVII вѣка Вармундъ упоминаетъ о монахѣ, просившемъ милостыню именемъ четвертаго лица св. Троицы, каковымъ оказался св. Николай; послѣ этого неудивительно уже читать у Флетчера (конецъ XVI в.), что вологодскій епископъ не сумѣлъ ему объяснить, изъ какой книги священнаго писанія онъ по просьбѣ Флетчера только что читалъ вслухъ, и сколько евангелистовъ, а у Олеарія и Виктардта (XVII в.), — что современные имъ партіархи въ дѣлахъ вѣры были крайне несвѣдущи и не могли вести богословскихъ споровъ съ иностранцами. Эти предварительныя замѣчанія показываютъ, насколько мало были распространены богословскія знанія въ средѣ духовенства даже въ концѣ XVII вѣка; позднѣе мы увидимъ, что лишь очень небольшая часть русскаго грамотнаго монашества имѣла настоящія понятія о христіанскомъ священномъ писаніи и вѣроученіи, а прочіе книжники-монахи XIV — XVI вѣковъ замѣняли христіанскую богословскую систему своеобразной собственной системой, которую обычно не совсѣмъ правильно называютъ начетничествомъ.

Если содержаніе вѣрованій осталось по существу безъ перемѣны, то и во внѣшнихъ проявленіяхъ религіознаго чувства и въ обрядахъ, знаменующихъ взаимоотношенія между человѣкомъ и божествомъ, мы находимъ мало чисто-христіанскихъ элементовъ. Центръ тяжести христіанскаго византійскаго культа лежитъ въ отправленіи общественнаго богослуженія, сконцентрированнаго вокругъ основной службы — литургіи, на которой совершается актъ евхаристіи; всѣ прочія службы имѣютъ по отношенію къ литургіи исключительно служебное значеніе. Связанный съ основнымъ отвлеченнымъ догматомъ искупленія, византійскій культъ остался чуждъ русскому обществу XIV — XVI вѣковъ и казался ему неважнымъ, второстепеннымъ дѣломъ. Міряне, жалуется Стоглавъ, стоятъ въ церквахъ безъ страха, въ тафьяхъ и шап-

кахъ, разговариваютъ и сквернословятъ, точно на позорищѣ, или на пиру, или въ корчмѣ; а самая служба совершается пьяными попами и причетниками, которые иной разъ затѣваютъ между собою ссоры, сквернословную ругань и драки, даже „до кровопролитія“. Другіе православные „всякихъ чиновъ люди“ совсѣмъ никогда не ходили въ церковь и никогда не говѣли, хотя заявляли претензіи на погребеніе при церкви; жалобы на такое небрежное отношеніе къ исполненію основного требованія христіанскаго благочестія идутъ вплоть до указовъ Петра I. И мы ошибемся, если припишемъ такое явленіе исключительно безграмотству приходскаго духовенства, комплектовавшагося изъ „мужиковъ“ или „холоповъ“, и безграмотству и невѣжеству огромной части общества. Были и грамотные, и книжные люди и монахи, которые, конечно, въ церквахъ за богослуженіемъ стояли чинно, хотя даже въ самомъ строгомъ монастырѣ, какимъ былъ Волоцкій монастырь въ игуменство Іосифа, приходилось внѣдрять церковную дисциплину огромнымъ штатомъ надзирателей; но изъ всѣхъ ихъ писаній видно, что они плохо понимали идею византійскаго богослуженія и переносили центръ тяжести на тѣ его акты, которые, собственно говоря, были второстепенными. Въ богослуженіи главное значеніе придавалось чтенію и пѣнію безъ всякихъ пропусковъ всѣхъ псалмовъ и молитвъ, положенныхъ по уставу; имъ приписывалось магическое значеніе самимъ по себѣ, независимо другъ отъ друга и отъ того порядка, въ какомъ они слѣдовали. Но такъ какъ византійскіе богослужебные чины оказались черезчуръ длинными для русскихъ, то для сокращенія службъ было введено такъ наз. „многогласіе“: нѣсколько причетниковъ одновременно пѣли и читали молитвы и псалмы, положенные по уставу. Такъ христіанское богослуженіе прониклось чертами старинной магической обрядности.

Плохо сознавая или совсѣмъ не сознавая связь христіанскаго культа съ искупленіемъ, общество XIV — XVI в. совершенно не сознавало единства культа. Одинъ и тотъ же чинъ богослуженія въ честь одного и того же сверхмірового духовнаго божества, совершаемый въ общественномъ храмѣ, мало интересовалъ тогдашняго русскаго человѣка, къ какому бы классу общества онъ ни принадлежалъ; но картина совершенно мѣнялась, какъ только дѣло касалось мѣстнаго культа мѣстной святыни. Это господство мѣстныхъ культовъ— совершенно естественное и необходимое явленіе при условіяхъ тогдашней раздробленности хозяйственной и политиче-

ской жизни — проходитъ красною нитью чрезъ всю описываемую эпоху и не кончается даже послѣ централизаціи культа на соборахъ XVI вѣка.

Мѣстный культъ обозначаетъ не просто множественность мѣстъ поклоненія, которыя считаются священными въ одномъ мѣстѣ и не считаются таковыми въ другомъ, но означаетъ, кромѣ того, и по преимуществу, множественность предметовъ культа. Предметъ культа, которому возсылаютъ молитвы, подносятъ дары, отъ котораго ждутъ великихъ и богатыхъ милостей—это чаще всего икона. Русскій XIV—XVI в., начиная съ холопа и кончая царемъ, молится только передъ иконой, другой способъ молитвы для него непонятенъ и недоступенъ. Не только въ домѣ, но и въ приходской церкви у каждаго своя икона и если собственникъ иконы замѣтитъ, что передъ его иконой молится чужой, поднимаются ссоры и брань. Молитва чужой иконѣ — воровская молитва, ибо она есть не что иное, какъ покушеніе похитить у владѣльца иконы тѣ милости, на которыя онъ одинъ имѣетъ право, какъ ея владѣлецъ. Во время общественнаго богослуженія каждый молится только передъ своей иконой, не обращая вниманія на другихъ, и для иностранцевъ русскіе въ церкви представляли изъ себя всегда странную и непостижимую картину толпы лицъ, обращенныхъ въ разныя стороны. Въ простотѣ душевной русскіе того времени не скрывали и того значенія, какое они приписывали иконамъ. Икона — это ихъ наиболѣе близкій, домашній богъ, это ихъ личный фетишъ; они такъ и называли икону богомъ. Тотъ обычай, какой сохранился теперь только у крестьянъ, да у сѣраго купечества, обычай кланяться при входѣ въ домъ прежде всего богу, тогда былъ всеобщимъ, и если гость, входя, не видѣлъ иконы, первый вопросъ его былъ: гдѣ же богъ? Этотъ богъ живетъ и чувствуетъ, видитъ и слышитъ. Супруги во время соитія завѣшиваютъ иконы полотенцемъ, чтобы не оскорбить божество видомъ непристойнаго акта; икона слышитъ ту молитву, которая къ ней обращена, и бываютъ случаи, что она даетъ отвѣтъ словомъ или движеніемъ изображеннаго на ней лица. Отъ нея зависитъ благополучіе ея хозяина, и потому онъ долженъ заботиться о ней, приносить ей жертвы и дары. Кто имѣлъ возможность, тотъ одѣвалъ свои иконы въ золотыя и серебряныя ризы, украшенныя драгоцѣнными камнями; любимая жертва иконѣ — восковая свѣча, въ которую часто залѣпливали деньги. Икона сопровождаетъ ея владѣльца повсюду: въ походѣ, на дорогѣ, на свадьбѣ, на похоронахъ; иконы охраняютъ входы въ дома,

ворота, улицы, переулки, площади, и всякій, кто желаетъ благополучно пройти охраняемую иконою территорію, долженъ снять шапку и обратиться къ иконѣ съ молитвой. Но если икона не помогаетъ своему владѣльцу, несмотря на все его поклоненіе, то онъ въ правѣ отказать ей въ дальнѣйшемъ культѣ. На этотъ счетъ иностранцы разсказываютъ чрезвычайно любопытные случаи, относящіеся еще къ XVII вѣку. Въ 1611 г., во время взятія Новгорода шведами, когда городъ былъ охваченъ огнемъ, одинъ русскій выставилъ икону св. Николая и молился передъ ней, чтобы домъ его уцѣлѣлъ отъ пожара. Однако, молитва не помогла, и домъ загорѣлся; тогда раздраженный владѣлецъ иконы, не долго думая, бросилъ ее въ огонь со словами: „ты не хотѣла помочь мнѣ, теперь помоги себѣ самой". У крестьянина воры украли вола; тогда хозяинъ выбросилъ свою икону въ навозъ съ такимъ напутствіемъ: „я тебѣ молюсь, а ты меня отъ воровъ не оберегаешь". Было, конечно, немало и такихъ иконъ, которыя пріобрѣтали болѣе или менѣе широкій кругъ поклонниковъ, выходившій даже за предѣлы города или области (которыя, въ свою очередь, имѣли мѣстно-чтимыя иконы, по большей части иконы Богоматери—Смоленской, Владимірской, Казанской и т. д.). Типичной исторіей созданія новой чудотворной иконы, пріобрѣвшей широкій кругъ поклонниковъ и обогатившей, конечно, своего владѣльца, является сказаніе о Лукѣ Колоцкомъ. Въ Колочи, въ 15 вер. отъ Можайска, нѣкто Лука, простой „ратай", въ „пещерѣ сый", „на нѣкоемъ мѣстѣ, на нѣкоемъ древѣ" нашелъ икону Богородицы; икона оказалась чудотворною и проявила первое свое дѣйствіе надъ „нѣкіимъ разслабленнымъ", лежавшимъ въ домѣ Луки. Лука и исцѣленный сейчасъ же разнесли вѣсть о чудѣ; къ иконѣ со всѣхъ сторонъ стали стекаться больные и недужные, а Луку почитать, какъ апостола или пророка: въ Можайскѣ его съ иконою встрѣтилъ князь со всѣми боярами, а въ Москвѣ митрополитъ съ епископами и всѣмъ священнымъ соборомъ, съ княземъ, княгинею, боярами и вельможами. Съ иконою Лука ходилъ изъ города въ городъ и нажилъ огромное состояніе, послѣ чего возгордился и „сотворися напрасенъ и безстуденъ". Однако всѣ его грабежи и безобразія ему спускали, боясь его, какъ обладателя чудесной иконы; только подъ конецъ жизни онъ не сдобровалъ, выведя изъ терпѣнія можайскаго князя. Ловчій князя затравилъ его медвѣдемъ, а святыней завладѣлъ самъ князь, построившій для иконы Колочскій монастырь, гдѣ искалѣченный Лука кончилъ жизнь

простымъ монахомъ. Этотъ случай въ связи съ исторіей новгородскаго купца 1611 г. и другими аналогичными примѣрами, показываетъ, что русскіе XIV—XVI в. недалеко ушли отъ африканскихъ негровъ, которые дѣлаютъ и уничтожаютъ своихъ боговъ ежедневно.

Домашній культъ иконъ не исчерпывалъ собою мѣстныхъ культовъ. Каждый отдѣльный міръ тогдашняго общества имѣлъ свое божество, своего патрона. Въ такой роли являлись не только иконы, которыя были въ каждомъ монастырѣ и въ каждой области, но и мѣстные святые. Историкъ канонизаціи русскихъ святыхъ, Васильевъ, съ грустью замѣчаетъ, что число святыхъ, почитавшихся всею церковью до соборовъ XVI вѣка, было крайне незначительно; святой почитался обыкновенно только въ той мѣстности, гдѣ родился, жилъ и создалъ себѣ репутацію святого. Онъ приводитъ также любопытное мѣсто изъ рукописнаго житія Прокопія Устюжскаго, гдѣ перечисляются главнѣйшія русскія области и города съ обозначеніемъ мѣстныхъ святыхъ: „великій Новградъ блажитъ архіепископовъ Іоанна и Евфимія, Никиту и Іону, и преп. Варлаама, и Савву, и Михаила Клопскаго. Псковъ же градъ блажитъ блаженныхъ благовѣрныхъ и великихъ князей Всеволода и Довмонта; Московское же русское царство блажитъ и славитъ преосвященныхъ митрополитовъ Петра, Алексія и Іону, и блаженныхъ Христа ради Максима и Василія и иныхъ святыхъ“... Далѣе перечисляются: Ростовъ, Смоленскъ, Ярославль, Вологда, Двинская страна, Соловецкій монастырь, Устюгъ, Сольвычегодская страна, и въ заключеніе говорится: „и каяждо убо страна и градъ блажитъ и славитъ и похваляетъ своихъ чудотворцевъ“. Мѣстный святой—это патронъ почитающей его области; функціи святого характернѣе всего изображаются опять-таки въ томъ же житіи Прокопія: „имѣемъ тя (Прокопія) вси, яко стража и хранителя, и заступника граду нашему, яко никогда убо ты не воздремлеши, ниже опочіеши, но всегда сохраняя о т ч и н у т в о ю, великій градъ Устюгъ и окрестные предѣлы, и веси, и вси живущія ту люди“. Въ роли патроновъ чаще всего выступали мѣстные князья или епископы; гораздо рѣже такими были „Христа ради юродивые“. Но культъ и по отношенію къ святымъ носилъ тотъ же матеріалистическій, такъ сказать, фетишистскій характеръ, какъ и по отношенію къ иконамъ. Умершій святой почитался не какъ невидимый небесный покровитель города или области, а какъ реально присутствующій въ немъ въ видѣ своихъ мощей. Почитаніе святого безъ наличности его матеріальнаго

тѣла — совершенно немыслимое дѣло для XIV — XVI в. Поводъ къ почитанію прежде всего дастъ могила святого, на которой обычно совершаются чудеса; за чудесами открывается виновникъ чудесъ—мощи святого, т.-е. чаще всего однѣ кости, нетлѣнія обычно не требовалось. Этотъ культъ былъ въ сущности тѣмъ же фетишизмомъ, только перемѣнившимъ названіе и соединеннымъ съ византійскимъ культомъ святыхъ. Мѣстный характеръ такихъ культовъ въ особенности подчеркивается военной исторіей того времени. Для мѣстныхъ жителей мѣстная икона — неприкосновенная святыня; для чужихъ, изъ другой области, это—предметъ, не вызывающій никакого уваженія. Смольняне, суздальцы и даже черниговцы, взявшіе Кіевъ подъ предводительствомъ Андрея Боголюбскаго, какъ бы въ насмѣшку надъ прозвищемъ князя разграбили „монастыри и Софію и Десятинную Богородицу... и церкви обнажиша иконами и книгами и ризами и колоколы изнесоша всѣ“. То же самое повторилось въ 1203 г. Но это факты болѣе ранніе; а вотъ факты XIV и XV вѣка: въ 1372 г. тверитяне, взявъ Торжокъ, ободрали серебряные оклады съ тамошнихъ иконъ, а церкви сожгли; въ 1398 г. новгородцы въ Устюгѣ „церковь соборную Пречистыя пограбиша“; въ 1434 г. великій князь Василій Васильевичъ, взявъ Галичъ, сжегъ тамъ церкви и монастыри. Число этихъ примѣровъ можно бы еще увеличить; но и приведенные достаточно ясно показываютъ, что понятіе объ единствѣ предметовъ вѣры и культа совершенно отсутствовало. Надо замѣтить при этомъ, что побѣдители не всегда отрицали божественный характеръ разграбляемой святыни; напротивъ, быть-можетъ, именно предосторожности ради они подвергали церкви, монастыри и иконы такому безпощадному истребленію. Случаи, когда мѣстная святыня не уничтожалась, а бралась въ плѣнъ побѣдителемъ и обращалась въ его божество, были также нерѣдки. Мы будемъ имѣть случай говорить о нихъ, когда дойдемъ до вопроса о канонизаціи святыхъ; но не можемъ удержаться отъ одного чрезвычайно характернаго примѣра. При упоминавшемся уже взятіи Устюга новгородцами, одну икону, „чудотворныя Одигитріи взяша въ полонъ“, какъ какого-нибудь военноначальника, и примѣнили къ ней такіе же мѣры пресѣченія бѣгства, какъ и къ живымъ плѣнникамъ: „единъ Ляпунъ старъ вскочи въ насадъ и связа икону убрусомъ, и глагола тако: никой полонянинъ не связанъ на чужую землю нейдетъ“. И еще сто лѣтъ спустя, при Иванѣ III, эта икона слыветъ подъ названіемъ полонянки:

„нѣкій воинъ царева полку“ проситъ священника отслужить „канонъ полоцянкѣ пречистѣй Богородицѣ Одигитріи“... Монахъ, составившій Московскую лѣтопись XV вѣка, разсказываетъ о любопытномъ соперничествѣ московскихъ и новгородскихъ святыхъ послѣ завоеванія Новгорода: Геннадій, назначенный изъ Москвы архіепископомъ въ Новгородъ, сталъ вводить тамъ чествованіе московскихъ святыхъ, Петра, Алексѣю и Іоны, а къ мѣстному святому, Моисею, отнесся съ пренебреженіемъ. За это мѣстные святые надѣлали ему немало „досажденій“, а Іоаннъ Новгородскій, ѣздившій „на бѣсѣ“, отнялъ у Геннадія волшебствомъ умъ, вслѣдствіе чего Геннадій былъ изъ Новгорода удаленъ.

Обилію предметовъ культа соотвѣтствовало также обиліе мѣстъ культа и многочисленность профессіональныхъ отправителей культа. Въ этомъ отношеніи картина удѣльной Руси должна была бы разъ навсегда разочаровать протестантскихъ богослововъ критической школы, считающихъ множественность культовъ и жречества отличительною чертою Израиля доплѣнной эпохи. Такая же множественность существуетъ вездѣ и всегда въ феодальную эпоху: и въ Египтѣ, и въ Вавилонѣ, и въ странахъ античнаго міра, и въ Западной Европѣ, и у насъ на Руси. Для божества нужно приличное помѣщеніе; поэтому каждый князь, бояринъ, богатый человѣкъ устраивали у себя въ домѣ церковь, а то двѣ или три, судя по числу святынь. Число церквей, вмѣстѣ съ приходскими, было поэтому очень велико, и врядъ ли цифру 4.000, которую даетъ Павелъ Алеппскій (XVII в.) для Москвы, можно считать большимъ преувеличеніемъ. Но церкви, въ особенности домовыя, были очень невелики по размѣрамъ: это были маленькія комнатки, разсчитанныя на 5—6 человѣкъ, исключительно для домашняго культа. Домовыя церкви обслуживались попами, стоявшими въ полной зависимости отъ хозяина; очень часто такіе попы были прямо изъ господскихъ холоповъ. Съ другой стороны, такъ какъ совершеніе службъ требовало извѣстной грамотности и умѣнья, то не всякій холопъ годился для такой должности; поэтому владѣльцы церквей часто брали поповъ изъ массы безмѣстныхъ бродячихъ поповъ, ходившихъ по богатымъ домамъ и искавшихъ себѣ мѣста. Такіе попы происходили изъ бѣднѣйшихъ слоевъ населенія, и, поступая на службу, такой попъ становился въ одинъ рядъ съ другими челядинцами своего господина. Почитался не жрецъ, а святыня, жрецъ былъ только ея профессіональнымъ слугою. Вспоминаются чрезвычайно

характерные разсказы о бродячихъ левитахъ и домашнихъ святилищахъ книги Судей...

Если попъ былъ послѣднимъ слугою, то юродивые, напротивъ, считались особыми сосудами благодати. Они, а не представители клира, считались подлинными оракулами божества. „По погостамъ и селамъ ходятъ ложные пророки, мужики и жонки и дѣвки и старыя бабы, наги и босы и волосы отрастивъ и распустя, трясутся и убиваются, а сказываютъ, что имъ являются свв. Пятница и Анастасья, и велятъ имъ заповѣдывать христіанамъ канонъ завѣчивати; они же заповѣдуютъ крестьянамъ въ среду и пятницу ручного дѣла не дѣлати, и женамъ не прясти, и платья не мыти, и каменья не разжигати, и иныя заповѣдуютъ богомерзкія дѣла творити"... Такіе юродивые, пророки обоего пола, были желанными гостями и чудесными людьми, въ которыхъ поселялось само божество, не для однихъ простыхъ людей, но для всего тогдашняго общества, кончая его духовными и свѣтскими главами. Самъ Иванъ Грозный смирялся передъ такими святыми пророками. Когда въ Псковѣ, во время Ливонской войны, одинъ изъ такихъ пророковъ, Микола святъ, обозвалъ Грознаго царемъ кровопійцею и пожирателемъ христіанскихъ тѣлъ и клялся ангеломъ, что если хоть одинъ воинъ изъ царскаго войска коснется хоть одного волоска послѣдняго псковского дитяти, царя постигнетъ смерть отъ молніи,—то царь просилъ молиться, чтобы господь избавилъ его отъ такой участи. Вѣкъ спустя самъ патріархъ Никонъ, эта „колоссальная" фигура, какъ его называютъ теперь нѣкоторые историки раскола, сажалъ съ собой за обѣдъ юродиваго по имени Кипріяна, таскавшагося нагимъ по улицѣ; патріархъ собственными руками угощалъ его и поилъ изъ серебряныхъ сосудовъ, а остатки допивалъ самъ. Съ юродивыми конкуррировали колдуны и въ особенности колдуньи; волхвы и „бабы богомерзкія", „идоломолицы", какъ называли ихъ требники въ чинахъ исповѣди и церковныя поученія. Какъ показываютъ огромные матеріалы, собранные въ послѣднее время Н. Новомбергскимъ и отчасти имъ обработанные,*) вѣра въ колдовство и самоколдовство были общераспространенными явленіями въ допетровской Руси, причемъ официальная борьба съ ними начинается сколько-нибудь систематически вестись только съ XVII вѣка, когда учащаются процессы

---

*) Н. Новомбергскій. Врачебное строеніе въ допетровской Руси. Томскъ, 1909. Въ этомъ изслѣдованіи отчасти использованы собранные имъ же „Матеріалы по исторіи медицины въ Россіи". Томскъ, 1905—1907.

о колдунахъ и колдуньяхъ. Въ основѣ этой вѣры лежитъ старая анимистическая концепція болѣзни, сохранявшаяся въ неприкосновенности: болѣзнь есть „бѣсъ“, котораго надо умѣть изгнать изъ больного надлежащимъ заговоромъ. „Бѣсица трясовицъ“, т.-е. лихорадка, изображается въ одномъ распространенномъ заговорѣ въ такихъ краскахъ: „бѣсица, имѣюща разжени очи, а руци желѣзныя, а власы велблюжія“, послалъ ее изъ преисподней ея отецъ сатана, „въ человѣки злыя пакости творити, и кости женскія изсушити, млека изсякнути, а младенца уморити, и очи человѣкамъ омрачити, составы разслабити“. Бѣсъ болѣзни можетъ самъ напасть на человѣка, или колдунъ можетъ „сглазить“ или „испортить“ любого человѣка. Поэтому вся медицина, вплоть до появленія Аптекарскаго Приказа, была дѣломъ религіознаго знахарства; врачей не было, были лишь волхвы, колдуны, да „бабы богомерзкія“. Ихъ манипуляціи заключались въ заговорѣ болѣзней на опредѣленные предметы: болѣзнь заговаривали на уголекъ, на воду, на соль и т. д., т.-е. старались заговоромъ перевести ее изъ больного въ одинъ изъ этихъ предметовъ; но потомъ заговоренный предметъ уже нельзя было ѣсть подъ угрозой опять проглотить болѣзнь. Христіанство и тутъ не столько вытѣсняло старыя воззрѣнія, сколько окрашивало ихъ въ своеобразный цвѣтъ. Въ нѣкоторыхъ предметахъ христіанской вѣры и во многихъ аттрибутахъ христіанскаго культа колдовство нашло для себя новыя и весьма полезныя орудія. Именно, элементы новой вѣры, какъ враждебные старой вѣрѣ, стали примѣняться въ борьбѣ съ бѣсами болѣзней. Въ заговорахъ фигурируютъ обращенія къ Дѣвѣ Маріи, архангеламъ и ангеламъ, а также къ опредѣленнымъ святымъ, которые своею силою должны спасти человѣка отъ болѣзни. Напримѣръ, противъ упомянутой бѣсицы призывается архангелъ Михаилъ, противъ кровотеченія призывалась Богородица (самый текстъ заговора противъ крови, гласящій: „на морѣ, на акіянѣ, на островѣ на Буянѣ, лежитъ горючъ камень; на томъ камнѣ сидѣла пресвятая Богородица, держала въ рукѣ иглу золотую, вдѣвала нитку шолковую, зашивала рану кровавую: тебѣ рана не болѣть, тебѣ кровь, не бѣжать, аминь“,— проникнутъ чисто народнымъ стариннымъ духомъ); составлялись списки святыхъ, специальныхъ помощниковъ въ различныхъ болѣзняхъ (ср., напр., „Сказаніе, кіимъ святымъ каковыя благодати отъ бога даны, и когда памяти ихъ“, въ которомъ значатся не только такіе святые, которые помогаютъ въ болѣзняхъ, но также такіе, которые бываютъ полезны и въ

другихъ трудныхъ случаяхъ жизни: св. мученики Гурій, Симонъ и Авивъ помогали женѣ, если ее неповинно возненавидитъ мужъ; Косьма и Даміанъ—просвѣщали разумъ къ изученію грамоты; пресвятая Богородица Неопалимая Купина оберегала отъ пожара; пророкъ Илья боролся съ засухой, а Өедоръ Тиронъ и Іоаннъ воинъ помогали находить украденныя вещи и даже бѣжавшихъ рабовъ). При произнесеніи заговоровъ ихъ сила подкрѣплялась наложеніемъ на больного евангелія, креста или наузовъ. Наузы были всего употребительнѣе; „бабы богомерзкія“ оперировали больше всего именно при ихъ помощи, и потому бабъ этихъ часто называли также „наузницами“. Происхожденіе наузовъ чрезвычайно характерно. Наузы (навязи) представляли изъ себя не что иное, какъ модификацію старинныхъ языческихъ амулетовъ, носившихся людьми и привязывавшихся на шею домашнимъ животнымъ для предохраненія отъ „порчи“ и „дурного глаза“. Христіанское изданіе этихъ амулетовъ представляло изъ себя привѣски въ видѣ иконокъ или складней съ ушкомъ наверху, въ которое продѣвалась нитка; на лицевой сторонѣ наузовъ изображались святые и ангелы, спеціально призывавшіеся противъ болѣзней и несчастій—Богородица, архангелъ Михаилъ, Өедоръ Тиронъ, поражающій змія, и др., а на обратной—символы болѣзней, чаще всего фантастическій змій получеловѣческаго, полузмѣинаго вида. Наузы примѣнялись не только въ случаяхъ болѣзни или несчастія, когда важно было примѣнить опредѣленный, надлежащій видъ науза; ихъ носили также постоянно, для предохраненія отъ болѣзней и бѣдствій вообще. По существу, такимъ же наузомъ былъ натѣльный крестъ, возлагавшійся на ребенка при крещеніи и никогда не снимавшійся и сопровождавшій своего владѣльца въ могилу—изъ символа принятія христіанской вѣры, какимъ онъ является въ чинѣ крещенія, въ сознаніи людей XIV—XVI вѣковъ онъ превратился въ магическій амулетъ, охраняющій отъ бѣса. Вѣра въ наузы и въ колдовство была всеобщей, вплоть до верховъ тогдашняго общества. Князь Василій послѣ женитьбы на Еленѣ Глинской искалъ „чародѣевъ“, которые своими чарами помогли бы ему имѣть дѣтей; извѣстны случаи обращенія въ услугамъ бабъ-ворожей и волхвовъ со стороны Грознаго, Бориса Годунова, Шуйскаго, Софіи Палеологъ; мало того, какъ показываютъ матеріалы Преображенскаго Приказа, опубликованные Новомбергскимъ, царевна Софья, находясь уже въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, прибѣгала къ помощи нѣкоей „Авдотьи еретицы“, чтобы извести

заговоромъ Петра I. Вслѣдъ за свѣтскими главами общества шли его духовные руководители: монахи и священники, даже игумены и епископы перенимали у волхвовъ „волхвованія, чарованія и наузы всякія... ворожбы дѣля, и порчи дѣля, и болѣзни для и прожитка для, гдѣ бы сыту быти“, приготовляли „отравныя и наговорныя зелья“, и фигурировали въ качествѣ обвиняемыхъ на колдовскихъ процессахъ. Другими словами, бѣлый и черный клиръ обращался къ волшебной наукѣ не только ради своихъ потребностей, но и для практики, конкуррируя съ профессіональными колдунами и ворожеями. Конкуренція была врядъ ли успѣшная; но зато вмѣшательство христіанскаго духовенства считалось необходимымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда представители колдовской науки обращали свое искусство на зло людямъ (хотя тутъ не безъ грѣха иногда оказывались и представители клира, какъ показываетъ случай съ новгородскимъ архіепископомъ Арсеніемъ, котораго въ 1288 г. новгородское вѣче выгнало изъ Новгорода: „того дѣля стоитъ тепло долго.“). Тутъ требовалось противоядіе въ видѣ религіозныхъ церемоній христіанскаго культа, которымъ приписывалось магическое дѣйствіе. Когда какая-либо „баба богомерская“ посылала непогоду, неурожай или голодъ, или наговаривала моровую язву, мало было сжечь „волховей“, какъ поступили владимірцы во второй половинѣ XIII вѣка. Зло могло быть удалено только торжественнымъ крестнымъ ходомъ, въ которомъ должны были фигурировать всѣ наиболѣе крупные мѣстные патроны въ лицѣ иконъ, мощей и другихъ реликвій, и путемъ окропленія постигнутыхъ бѣдствіемъ предметовъ и людей святою водою. При такихъ условіяхъ тщетны были всякаго рода эпитиміи, расписанныя въ требникахъ для виновныхъ въ грѣхѣ обращенія къ волшебному искусству: это была чисто формальная дань новой вѣрѣ. Новая вѣра не спорила противъ реальнаго существованія волшебства и противъ представленій, съ нимъ связанныхъ, и даже не во всемъ съ нимъ боролась; напротивъ, считая грѣхомъ возложеніе науза „богомерзкой бабой“ и одобряя постоянное ношеніе креста и науза по личной инціативѣ носящаго, новая вѣра одною рукою возрождала то самое, что старалась разрушить другою.

Если въ лицѣ юродивыхъ, волхвовъ, „богомерзкихъ бабъ“, „вѣщихъ жонокъ“ и т. д. продолжали жить и пользоваться общепризнаннымъ авторитетомъ старинные вѣдуны со всей ихъ наукой, всецѣло проникнутой анимистическимъ міровоззрѣніемъ; если это міровоззрѣніе заразило собою даже хри-

стіанскіе культы и тѣмъ самымъ обратило нѣкоторые аксессуары и обряды новой вѣры себѣ на службу:—то старинные культы мертвыхъ и предковъ и земледѣльческіе культы продолжали жить почти безъ всякихъ псевдонимовъ. Ихъ описанія въ краткихъ, но выразительныхъ чертахъ даетъ знаменитая 41 глава Стоглава. Мертвыхъ и предковъ поминали въ великій четвергъ, въ пасхальную недѣлю и въ Троицыну субботу, съ соблюденіемъ старинныхъ церемоній, которыя мы уже описывали въ главѣ V; на святкахъ варили особую жертву предкамъ—„кашу на собраніе рожаницамъ“ и спрашивали у нихъ оракула о будущей судьбѣ живыхъ. Праздники, связанные съ годовымъ кругомъ солнца, были днями широкаго народнаго веселья. „Въ ночь подъ праздникъ рождества Іоанна Предтечи и на самый праздникъ во весь день и ночь, равно и въ навечеріе Рождества Христова и Крещенія въ городахъ и селахъ, мужи и жены, отроки и дѣвицы собираются вмѣстѣ, и со всякими скоморошествами, съ гуслями и сатанинскими пѣснями, съ плясками и скаканіемъ ходятъ по улицамъ и по водамъ, предаются различнымъ играмъ и пьянству, и—бываетъ отроковъ оскверненіе и дѣвамъ растлѣніе; а подъ конецъ ночи спѣшатъ къ рѣкѣ съ великимъ крикомъ, какъ бѣсные, и умываются водою, и когда начнутъ звонить къ заутренѣ—отходятъ въ домы свои и падаютъ, какъ мертвые, отъ великаго клокотанія“. Тутъ христіанскія названія—пустые звуки; передъ нами живьемъ тѣ же самые три праздника земледѣльческаго культа, которые мы описывали въ пятой главѣ: на Рождествѣ праздникъ зимняго солнцеворота, въ Крещенскомъ праздникѣ надо видѣть отзвукъ позднѣйшей масленицы, а праздникъ Іоанна Предтечи—Купальскій или Ярилинъ день. Передъ нами тѣ же самыя очистительныя церемоніи, тѣ же самые эротическіе обряды Ярилиной ночи. Старый культъ не только сохранился, но даже сдѣлалъ новыя завоеванія: „лесть идольская и празднованіе кумирное“ въ XVI в. были принадлежностью не только селъ, но и городовъ, и сила обаянія Ярилиной ночи все еще была такъ велика, что даже благочестивый игуменъ псковскаго Елеазарова монастыря, старецъ Памфилъ, въ своей жалобѣ псковскимъ властямъ на привязанность псковичей къ обрядамъ Купальской ночи простодушно называетъ эту ночь „святою“. Надо предполагать, однако, что пережитки земледѣльческаго культа въ городахъ гнѣздились преимущественно среди чернаго люда, еще не вполнѣ разорвавшаго съ крестьянскими традиціями. А если при этомъ принять въ разсчетъ,

что обличеніе относится собственно только къ Пскову и Новгороду, другихъ же городовъ, заслуживающихъ этого названія, кромѣ Москвы, тогда почти еще не было, то пережитки земледѣльческаго культа врядъ ли выходятъ далеко за предѣлы области специфическихъ крестьянскихъ вѣрованій. Какъ мы увидимъ, боярство и немногочисленное зажиточное городское населеніе, раздѣляя съ чернымъ людомъ уже описанныя фетишистскія вѣрованія и культъ мертвыхъ, никогда не обнаруживали склонности къ земледѣльческому натурализму, они сумѣли создать себѣ своеобразную религіозную систему, сотканную отчасти изъ элементовъ догматическаго христіанства; по о ней рѣчь впереди. Въ средѣ же чернаго крестьянскаго и городского люда старое крайне медленно уступало мѣсто новому. Черную массу всколыхнуло и обогатило ея вѣрованія нѣкоторыми новыми элементами только страшное бѣдствіе начала XV в.: „черная смерть", занесенная изъ Западной Европы въ псковскую и новгородскую области. Новыя религіозныя вѣянія въ средѣ чернаго люда, о которыхъ мы сейчасъ будемъ говорить, однако дальше Пскова и Новгорода не пошли.

„Наказаніе божіе", постигшее Псковъ и Новгородъ, разнымъ образомъ повліяло на психику различныхъ слоевъ тогдашняго общества. Одни предъ лицомъ всесокрушающей смерти забывали всякія сдержки и спѣшили урвать отъ жизни все, что она могла еще дать: „питію прилежаху... и въ толико нечувствіе пріидоша, злого ради піанства: единъ отъ живущихъ, внезапно падъ, умираше,—они же, ногами впихавъ подъ лавку, паки прилежаху питію". Другіе берегли себя и, если уберегались, то „съ покаяніемъ и въ чернецахъ" оканчивали свою жизнь. Но для того, чтобы „прилежать питію" или принимать „ангельскій образъ", одинаково нужны были средства (въ монастырь безъ вклада не принимали); поэтому черному люду не приходилось дѣлать ни того ни другого. Мысль чернаго человѣка въ это время обратилась къ вопросу о загробной жизни, такъ какъ онъ не видѣлъ для себя никакихъ средствъ ко спасенію. Тутъ на помощь ему пришли христіанскія эсхатологическія представленія, но не изъ ортодоксальныхъ умозрѣній отцовъ церкви, а изъ свободной апокрифической литературы, которая, начиная съ самыхъ первыхъ вѣковъ христіанства, съ особою любовью разрабатывала эсхатологическіе мотивы. Образы и аксессуары эсхатологическихъ апокрифовъ вели свою родословную не отъ каноническаго Откровенія Іоанна,

авторъ котораго использовалъ символику ученой іудейской апокалиптики съ ея схемой конца міра, параллельною началу, каббалистикой таинственныхъ чиселъ и прочими „мудростями",—но отъ апокрифическаго Апокалипсиса Петра, вдохновленнаго эсхатологическими идеями того великаго народно-религіознаго движенія, которое принято называть орфизмомъ. Апокалипсисъ Петра не интересуется чудовищными картинами боя Агнца съ Дракономъ и ничего не желаетъ знать о смарагдовыхъ и сапфировыхъ сооруженіяхъ небеснаго Іерусалима; его больше всего интересуетъ та самая геенна огненная, гдѣ вмѣстѣ съ сатаною будутъ мучиться враги народа, торжествовавшіе свою побѣду надъ народомъ при жизни, и отъ Апокалипсиса Петра, какъ побѣги отъ корня, пошли разныя „Хожденія по мукамъ", въ которыхъ каждый вѣкъ отпечатлѣвалъ стонущій вопль угнетенныхъ и оскорбленныхъ о томъ справедливомъ судѣ и правдѣ, которыхъ они не находили подъ солнцемъ. Кіевскіе, псковскіе и новгородскіе паломники, ходившіе на Аѳонъ и въ Святую землю принесли оттуда цѣлый рядъ такихъ „Хожденій по мукамъ", и хотя церковь сейчасъ же занесла ихъ въ индексъ „отреченныхъ" книгъ, ибо нѣкоторыя изъ нихъ населяли мѣста самыхъ жестокихъ мученій духовными сановниками, однако эти сочиненія сейчасъ же сдѣлались самыми любимыми произведеніями народной литературы. Великій моръ еще болѣе поднялъ интересъ къ гееннѣ огненной, и въ результатѣ появились первыя самостоятельныя русскія сказанія о хожденіяхъ по раю и аду. Оригинальнаго въ ихъ аксессуарахъ было мало, такъ какъ представленія о физическихъ мученіяхъ или о физическомъ блаженствѣ души, представлявшейся обычно въ видѣ самаго настоящаго человѣческаго тѣла, повѣшеннаго за ноги или за волосы или кипящаго въ смолѣ, вполнѣ согласовались съ анимистическими воззрѣніями русской народной массы. Но ихъ основная идея внушена тогдашней русской дѣйствительностью: они восхваляютъ благотворителей, не притѣснявшихъ черный народъ, и грозятъ адскими мученіями жаднымъ вельможамъ и въ особенности монахамъ, отказывавшимъ въ помощи нищей братіи, которая во время великаго мора особенно нуждалась въ кускѣ хлѣба и въ кровѣ, обидящимъ, грабящимъ и бичомъ истязующимъ своихъ крестьянъ. Это былъ первый народный протестъ противъ церковной организаціи, какъ орудія господства, первое прямое произведеніе религіозной реформы Владиміра. Перенявъ для содержанія своихъ вѣрованій изъ христіанства по-

чти исключительно одни названія, черный людъ, предъ лицомъ великаго мора, впервые почувствовалъ, какая тяжесть была взвалена ему на плечи замѣною старыхъ волхвовъ христіанскимъ клиромъ и монашествомъ, и въ то же время впервые вобралъ въ свои вѣрованія образы христіанской восточной миѳологіи, засѣвшіе въ его мозгу чрезвычайно крѣпко представленія о загробной жизни, заимствованныя изъ отреченныхъ книгъ, и теперь еще прекрасно разскажутъ „богомолки-бабы умныя“.

Повторяющіеся въ отреченной и апокрифической литературѣ мотивы вражды чернаго люда къ духовенству и въ особенности къ монашеству показываютъ, что и церковная христіанская организація была столь же чужда народной массѣ, какъ и христіанская догматика. Служитель церкви для крестьянина не обладалъ особымъ обаяніемъ; крестьянину нуженъ былъ попъ, который долженъ былъ отправлять требы и только ради поставленія поповъ крестьянамъ и приходилось обращаться къ епископу, высшему представителю церковной власти. Сельскій священникъ ставился обычно изъ тѣхъ же крестьянъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ неграмотныхъ, какъ показываютъ классическія жалобы новгородскаго архіепископа Геннадія: приводили къ епископу „мужика“, котораго приходилось учить „ектеньямъ“ со слуха, а иныхъ посвящать было некого,—всѣ таковы. Если Геннадію такое положеніе дѣлъ казалось ненормальнымъ, то крестьяне имъ нисколько не смущались. Въ ихъ глазахъ священникъ стоялъ рядомъ съ колдуномъ или знахаремъ: онъ знаетъ молитвенныя формулы, имѣющія магическое значеніе, умѣетъ освятить воду и окропить ею поля и дома, чтобы прогнать безчисленныхъ мелкихъ демоновъ, такъ и старающихся повредить крестьянину, знаетъ, какъ надо „отпѣть“ мертвеца, чтобы онъ сразу попалъ, куда слѣдуетъ, а умѣетъ ли онъ читать, и понимаетъ ли онъ, что говоритъ и поетъ во время богослуженія, это неважно, ибо формула уже сама по себѣ имѣетъ силу, и чѣмъ она таинственнѣе и непонятнѣе, тѣмъ сильнѣе. Поэтому никто въ деревнѣ не смущался, если священникъ путалъ даже формулу крещенія и крестилъ въ „три отца, три сына и три духа“, или пѣлъ за здравіе, когда надо было пѣть за упокой. Вышедшій изъ крестьянской среды священникъ всецѣло зависѣлъ отъ крестьянъ: они „по ряду“ платили ему за требы, могли всегда смѣстить его и представить на его мѣсто другого кандидата для посвященія. Крестьянинъ не понималъ, зачѣмъ нужны еще другіе це-

ковные чины, кромѣ поповъ: въ высшихъ чинахъ онъ видѣлъ только начальство,—тѣхъ же бояръ, которые эксплуатируютъ и его, и крестьянскаго попа, собирая съ послѣдняго десятину въ свою пользу.

И, дѣйствительно, жалобы апокрифической и отреченной литературы на притѣсненія чернаго люда монашествомъ и высшимъ клиромъ, на то, что „вопіетъ передъ богомъ грѣхъ священнической и иноческій и кровь христіанская“, имѣли подъ собою реальныя основанія. По отношенію къ черному люду высшая церковная организація и монастыри были такими же господами, какъ бояринъ или князь. Вся церковная организація XIV—XVI вв. насковь проникнута феодализмомъ: ея нормами являются не церковные каноны, а удѣльно-феодальные обычаи, господствовавшіе тогда въ русскихъ земляхъ. Историки русской церкви постоянно констатируютъ, что русскіе церковные порядки того времени на каждомъ шагу отступали отъ каноновъ, и по шаблону объясняютъ эти отступленія то фиктивностью надзора со стороны константинопольскаго патріарха, который за дальностью разстоянія успѣвалъ заботиться только о слѣдовавшихъ ему пошлинахъ, то непросвѣщенностью русскихъ іерарховъ. На самомъ дѣлѣ и константинопольскій патріархъ и невѣжество духовенства были тутъ ни при чемъ: живя въ средѣ феодальнаго общества, церковь должна была и сама проникнуться феодализмомъ. Уже самый составъ высшаго духовенства и монашества обнаруживаетъ намъ самое близкое соціальное родство духовныхъ господъ со свѣтскими господами. Епископы избирались обязательно изъ бояръ; въ монахи шли также князья и бояре, такъ какъ постригавшійся долженъ былъ дѣлать вкладъ или селами или деньгами; монахи изъ купцовъ и зажиточныхъ крестьянъ встрѣчались только, какъ исключеніе. Основатели монастырей, причисленные въ XVI в. къ лону святыхъ, — почти всѣ бояре; только пять-шесть человѣкъ изъ нихъ — никому невѣдомые святые, въ родѣ Елеазара Анзерскаго или Александра Ошевенскаго, были купцы или крестьяне. А строгій игуменъ Троице-Сергіевой лавры, приглашенный туда изъ Заволжья, Паисій Ярославовъ послѣ двухъ лѣтъ игуменства сбѣжалъ изъ монастыря, потому что не могъ обратить монаховъ на путь благочестія, на молитву и постъ: „бяху бо тамъ бояре и князи постригшеся не хотяху повинутися“, Іосифъ Волоцкій, лучшій идеологъ монашества XIV—XVI в., аргументируетъ право монастырей владѣть вотчинами именно тѣмъ, что въ монахи подстригаются „почтенные и благо.

родные люди"; не будетъ селъ—не будетъ и „почтенныхъ и благородныхъ старцевъ", не изъ кого будетъ назначать митрополитовъ и епископовъ, и сама вѣра поколеблется.

Монастыри и церкви находились въ ленной зависимости отъ вѣча или отъ князей*). Эта зависимость обусловливалась пожалованіемъ монастырямъ или церквамъ земель отъ князя или вѣча. Какъ обладатели dominium directum, князь или вѣче считали себя въ правѣ распоряжаться церковными и монастырскими землями, т.-е. передавать ихъ отъ одного церковнаго установленія другому или пользоваться доходами и имуществами монастыря или церкви. Этимъ правомъ объясняется, почему церкви и монастыри, переходя подъ власть новаго князя, просили его „подписать" жалованную грамоту, данную прежними князьями. Въ этомъ отношеніи характерно также еще и другое явленіе: когда стала усиливаться Москва, монастыри, находившіеся въ зависимости отъ удѣльныхъ князей, стали переходить „подъ державу" московскаго князя, но при этомъ соблюдалось непремѣнное условіе, чтобы земли и села монастырскія по-прежнему оставались подъ властью мѣстныхъ князей и тянули имъ установленныя подати и повинности (классическій примѣръ—переходъ въ 1506 г. Волоколамскаго монастыря отъ волоколамскаго князя подъ державу московскаго государя). Изъ верховнаго права князей надъ монастырями и церквами вытекало ихъ право поставлять игуменовъ и епископовъ, осуществлявшееся посредствомъ представленія митрополиту кандидата для посвященія; отсюда же вытекало право князя на поборы съ подвластныхъ ему монастырей и церквей. Въ удѣльной Руси еще меньше, чѣмъ въ феодальной Европѣ были установлены размѣры и случаи такихъ поборовъ; все зависѣло отъ личнаго характера монастырскаго сеньёра. Обычно эти поборы ограничивались матеріальной помощью, въ исключительныхъ случаяхъ и расходомъ по гостепріимству князя и его свиты; но въ теоріи это право ничѣмъ не было ограничено: фраза Новгородскаго епископа Серапіона „я воленъ въ своемъ чернецѣ, а князь Ѳедоръ воленъ въ своемъ монастырѣ, хочетъ—грабитъ, хочетъ—жалуетъ", какъ нельзя лучше выражаетъ феодальную природу монастырскаго соподчиненія и неограниченное право князя на поборы съ его монастырей. Замѣтимъ, впрочемъ, что этотъ самый князь Ѳедоръ волоколамскій, отъ грабительства котораго Іосифъ

*) Объ отношеніи церкви къ татарскому хану см. въ предшествующей главѣ.

Волоцкій спасся подъ державу московскаго князя, былъ, кажется, единственнымъ княземъ въ своемъ родѣ. За такую зависимость монастыри, однако, пользовались, помимо огромныхъ доходовъ со своихъ владѣній, полнымъ иммунитетомъ во внутреннихъ дѣлахъ. Главное значеніе имѣлъ, конечно, судебный иммунитетъ, такъ какъ судъ былъ въ то время одной изъ самыхъ доходныхъ статей. „Бесѣда Валаамскихъ чудотворцевъ“ считаетъ ненормальнымъ, что „иноки владѣютъ волостями, судятъ міръ, мірскими слезами кормятся, приставовъ держатъ“; но иноки дѣлали это на полномъ законномъ основаніи. „А волостели мои въ околицу его (игумена) не въѣзжаютъ“—вотъ стереотипная фраза всѣхъ княжескихъ жалованныхъ грамотъ монастырямъ. Подробнѣе всего содержаніе монастырскаго иммунитета излагается въ жалованной грамотѣ бѣлозерскаго князя Кирилло-Бѣлозерскому монастырю: людямъ игумена Кирилла—говоритъ бѣлозерскій князь—1) „ненадобѣ моя дань, ни иная никоторая пошлина; 2) волостели мои къ тѣмъ людямъ не всылаютъ ни по что, ни судятъ, 3) а тѣхъ людей вѣдаетъ и судитъ игуменъ Кирило самъ“. Тутъ игумену формально предоставляется не только право юрисдикціи, но и право сбора налоговъ и пошлинъ въ свою пользу, такъ какъ на тогдашнемъ языкѣ слово управлять значило не что иное, какъ собирать дань.

Огромное большинство игуменовъ и епископовъ находились въ феодальномъ подчиненіи у князей; но нельзя сказать, чтобы у насъ совершенно не было духовныхъ сеньёровъ. Такимъ сеньёромъ былъ новгородскій владыка. Въ его распоряженіи находились огромныя земли и другія доходныя статьи, управленіе которыми было построено на бенефиціальной системѣ. Оно осуществлялось при помощи цѣлаго ряда служилыхъ людей, носившихъ названіе софіянъ, или мірского воинства владыки, или владычныхъ дворянъ. Софіяне раздѣлялись на разряды въ порядкѣ іерархической лѣстницы и сообразно со своимъ положеніемъ занимали тѣ или другія должности, связанныя съ различными кормленіями: одни занимали должности при дворѣ владыки въ качествѣ стольниковъ, чашниковъ и т. д., другіе посылались для управленія и суда въ земли, подчиненныя новгородскому архіепископу. Новгородскій владыка, подобно его западно-европейскимъ собратьямъ, былъ обладателемъ не только меча духовнаго: находясь въ подчиненіи у Господина Великаго Новгорода, новгородскій владыка въ нѣкоторыхъ случаяхъ былъ обязанъ выставлять со своихъ земель особый полкъ, такъ называемый

владычный стягъ; воевода, командовавшій этимъ полкомъ, обязанъ былъ дѣйствовать во всемъ согласно съ приказаніями владыки, который по своему положенію не могъ лично командовать этимъ полкомъ; на этой почвѣ иногда происходили недоразумѣнія между владычнымъ воеводой и другими командирами новгородскаго ополченія. Даже послѣ присоединенія Новгорода къ Москвѣ новгородскій архіепископъ нѣкоторое время остался все тѣмъ же могучимъ сеньёромъ, облеченнымъ и военными функціями. Іосифъ Волоцкій разсказываетъ про Серапіона, преемника Геннадія на новгородской каѳедрѣ, что онъ раздалъ церковныя земли и имущества боярамъ и дѣтямъ боярскимъ, т.-е. продолжалъ примѣнять ту же бенефиціальную систему, что и его предшественники. Такими же сеньёрами, но болѣе низшаго ранга, были нѣкоторые новгородскіе архимандриты. Московскій митрополитъ не могъ сдѣлаться такимъ же крупнымъ сеньёромъ съ политической точки зрѣнія, такъ какъ съ самаго начала онъ попалъ въ слишкомъ тѣсное подчиненіе къ московскому князю; но послѣ новгородскаго митрополита онъ былъ самымъ богатымъ изъ всѣхъ церковныхъ вотчинниковъ. Чтобы довершить характеристику феодальной организаціи тогдашней русской церкви, остается указать еще двѣ черты. Во-первыхъ, церковное управленіе въ сферѣ отношеній между представителями церковной іерархіи, подчиненными другъ другу по каноническимъ правиламъ, выражалось прежде всего и главнымъ образомъ во взиманіи поборовъ. Епископы платили митрополиту, игумены—митрополиту или епископамъ, приходское духовенство—епископамъ. Каждый епископъ содержалъ для этой цѣли особый штатъ должностныхъ лицъ, среди которыхъ особенно выдѣляется должность десятинника: онъ собиралъ съ приходскаго духовенства десятину въ пользу епископа и въ силу этого сталъ самымъ близкимъ начальствомъ перваго. Во-вторыхъ, церковныхъ леновъ искали съ такою же охотою, какъ и на западѣ, и въ связи съ этимъ искательствомъ развилась настоящая продажа высшихъ духовныхъ должностей. Выгодныя игуменскія и епископскія мѣста стоили очень дорого: бывали случаи, что кандидаты уплачивали митрополиту до пяти тысячъ рублей на наши деньги. Какъ мы увидимъ, первая реформаціонная попытка на русской почвѣ выставляла исходнымъ пунктомъ своей критики господствующей церкви именно то обстоятельство, что священники и епископы поставляются „на мздѣ".

Мы видимъ, такимъ образомъ, что христіанская церков-

ная организація находилась всецѣло въ рукахъ господствующаго класса и получила форму феодальной системы господства. По отношенію къ черному люду, преимущественно по отношенію къ крестьянамъ, феодальное господство церкви ярче всего выразилось въ организаціи монастырскаго хозяйства. XIV и начало XV вѣка—золотое время въ исторіи основанія монастырей: за одинъ XIV вѣкъ было основано 80 монастырей, т.-е. почти столько же, сколько за предшествующіе три вѣка вмѣстѣ (87 монастырей), а въ первую половину XV—70 монастырей. Монастыри основываются не только на сѣверѣ; очень много монастырей въ это время появилось и въ центрѣ, совсѣмъ недалеко отъ Москвы, въ глухихъ лѣсныхъ углахъ, еще не тронутыхъ боярской или княжеской эксплуатаціей. Основаніе монастыря для окрестнаго крестьянскаго населенія вовсе не было такимъ радостнымъ событіемъ, какимъ изображаютъ основаніе монастырей наши монахи-лѣтописцы и житія святыхъ. Когда свѣтильникъ вѣры, будущій святой чудотворецъ, рубилъ себѣ въ лѣсу, но непремѣнно у слiянія двухъ рѣкъ, одинокую келію, зародышъ будущаго монастыря, окрестные крестьяне откровенно заявляли ему: „почто въ нашей землѣ построилъ еси монастырь? или хощеши землями и селами нашими обладати?“ Этотъ мотивъ вражды крестьянъ къ основателямъ монастырей, въ житіяхъ и въ лѣтописи объясняющійся кознями діавола, имѣлъ вполнѣ реальное основаніе: монастыри, какъ религіозныя учрежденія, крестьянамъ были ненужны, а между тѣмъ основаніе монастырей неизмѣнно сопровождалось пожалованіемъ окрестныхъ селъ съ „житейскими крестьяны“ новымъ обителямъ. Поэтому вражда крестьянъ по отношенію къ основателямъ монастырей иногда кончалась плохо для святыхъ отшельниковъ: Дмитрій Прилуцкій, Стефанъ Махрищкій, Даніилъ Переяславскій и Антоній Сійскій принуждены были уйти изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они первоначально собирались основать обители, а преподобнаго Агапита Тотемскаго сосѣдніе крестьяне даже утопили. Но, конечно, побѣдителями оставались монастыри и постепенно распространяли свою власть на всю сосѣднюю сельскую округу. Собранныя такимъ путемъ земли, принадлежавшія церкви, должны были быть огромны. По свидѣтельству иностранцевъ, Адама Климента и Горсея, посѣтившихъ Москву въ половинѣ XVI вѣка, церкви тогда принадлежало не менѣе трети всѣхъ русскихъ земель, причемъ Горсей въ доказательство правильности своего показанія ссылается на слова самого Ивана IV. Нѣкоторое понятіе о ве-

личинѣ владѣній отдѣльныхъ монастырей можетъ дать перечисленіе селъ и деревень Волоколамскаго монастыря: у него было 11 селъ и 24 деревни, и этотъ монастырь былъ еще не самымъ богатымъ. На свои села и деревни монахи смотрѣли исключительно какъ на источникъ доходовъ, а на крестьянъ, какъ на рабочій скотъ. Лучше всего этотъ взглядъ выраженъ Іосифомъ Волоцкимъ, который вообще можетъ считаться лучшимъ и типичнымъ выразителемъ идеологіи русскаго монашества XIV—XVI вв. Онъ говаривалъ, что не нужно черезъ мѣру утруждать крестьянъ „работою и данями"—обѣднѣетъ крестьянинъ, обѣднѣетъ и господинъ земли, отдохнетъ крестьянинъ на льготѣ—и господину не будетъ убытка. И въ своемъ уставѣ онъ предписалъ брать съ крестьянъ судныя пошлины въ половинномъ размѣрѣ противъ установленныхъ Судебникомъ. Но это была ничтожная льгота, остававшаяся незамѣтною при томъ количествѣ повинностей, которыми были задавлены монастырскіе крестьяне. Напримѣръ, крестьяне Константиновскаго монастыря, монастыря не изъ самыхъ крупныхъ, по уставной грамотѣ 1391 г. обязаны были „церковь наряжати, монастырь и дворъ тынити, хоромы ставити, игуменовъ жеребей весь рольи изгономъ вспахать, засѣять, сжать и свезти, сѣно косить десятинами и на дворъ привезти, ѣзъ (рыбу въ загонахъ) бити, и вешній и зимній сады оплетати, и неводомъ ходить, пруды прудить, бобровъ осенью ловить; на Великдень и на Петровъ приходить къ игумену съ подарками; къ монастырскому праздпику привозить яловицу; рожь молотить, хлѣбы печь, солодъ молоть, пиво варить; рожь на сѣмены молотить, ленъ прясть, невода снаряжать; а если игуменъ пріѣдетъ въ село на братщину (на братскій жертвенный пиръ въ храмовой праздникъ), то сыпци даютъ игуменовымъ конямъ по зобнѣ овса".

Сообразно съ широкими размѣрами той территоріи, на которую простиралась хозяйская власть монастыря, распылялись и сами монахи. Волоколамскій монастырь былъ первымъ настоящимъ общежительнымъ монастыремъ, гдѣ дѣйствительно всѣ монахи жили вмѣстѣ; въ огромномъ же большинствѣ случаевъ монахи не жили въ монастыряхъ постоянно, а жили въ монастырскихъ селахъ, деревняхъ и мельницахъ, куда игуменъ назначалъ ихъ управителями; совѣтъ митрополита Кипріана (конецъ XIV вѣка) управлять селами не чрезъ посредство монаховъ, а при помощи приказчиковъ изъ богобоязненныхъ міряпъ, такъ и остался pium desiderium. Сосредоточивая въ своихъ рукахъ огромные до-

ходы, монастыри къ XVI вѣку еще болѣе расширяютъ свои хозяйственныя операціи: нѣкоторыя обители начинаютъ отдавать въ ростъ свои капиталы, и такимъ путемъ создаются еще болѣе длинныя нити отношеній, распыляющія еще болѣе монастырскую жизнь. Нѣкоторые монастыри отпускаютъ своихъ монаховъ ходить по людямъ и собирать пожертвованія для монастырей; уже въ XV вѣкѣ этихъ „прошаковъ“, по выраженію Нила Сорскаго, было такъ много, что они „отягчали вся грады и веси“. Только въ одномъ отношеніи хозяйственные интересы монастырей создавали своеобразную концентрацію: женскіе монастыри иногда предпочитали отдавать свои вотчины въ управленіе мужскимъ монастырямъ, вмѣсто того, чтобы держать приказчиковъ; монахини такихъ монастырей, не стѣсняясь, поселялись вмѣстѣ съ монахами въ одномъ и томъ же монастырѣ, живя на годовые доходы, а ихъ дѣти оставались при монастыряхъ въ качествѣ монастырскихъ рабовъ.

Таковы основныя черты монастырскаго хозяйственнаго строя. Если по отношенію къ крестьянамъ монахи являлись въ роли такихъ же господъ, какими были и бояре, то по отношенію къ тому боярскому классу, плоть отъ плоти и кровь отъ крови котораго было монашество, монастыри выполняли опредѣленную религіозную функцію. Тутъ мы подходимъ къ вопросу о содержаніи вѣрованій тогдашняго боярства, поскольку эти вѣрованія обусловливались практическими потребностями условій боярской жизни. Сами монахи иногда откровенно сознавались, что пошли въ монастырь не затѣмъ, чтобы спастись, а затѣмъ чтобы „ѣсть хлѣбъ въ покоѣ“, какъ выразился вологодскій епископъ въ 1588 г. Но тѣ князья и бояре, которые дарили монастыри столькими селами и крестьянами, дѣлали это не даромъ и не только для того, чтобы дать монахамъ спокойный хлѣбъ. Мы уже видѣли, что служба, которую церковные владѣльцы должны были нести съ земли, въ Новгородѣ была военная; но такой характеръ этой службы въ Новгородѣ объясняется военно-купеческой организаціей Новгородской республики, и въ Московской Руси мы ничего подобнаго не встрѣчаемъ. Та практическая задача, за исполненіе которой князья и бояре награждали монастыри великими и богатыми милостями, заключалась вовсе не въ военныхъ заслугахъ: „не иноческимъ воеводствомъ, ниже ихъ храбростію грады крѣпятся и міръ строится, но ихъ постомъ и молитвою“. Русскіе монахи XIV — XVI вв. были такими же oratores, какими были ихъ западно-европей-

скіе собратья феодальной эпохи. Богоустановленная тріада: bellatores, oratores et laboratores существовала слѣдовательно и у насъ.

Профессіональный классъ молитвенниковъ и у насъ и во всѣхъ другихъ странахъ создался подъ вліяніемъ однихъ и тѣхъ же условій. Съ того момента, какъ способы сношенія съ божествомъ, узнаванія его воли и выпрашиванія у него милостей отливаются въ магическія формулы и обряды, совокупность этихъ формулъ и обрядовъ постепенно превращается въ особую тайную науку, не всегда доступную всякому смертному. Формулы и обряды всегда лучше всего извѣстны тому, кому чаще всего приходится быть отправителемъ культа; по мѣрѣ усложненія культа, знаніе формулъ и обрядовъ становится исключительной монополіей тѣхъ, кто обычно совершалъ культъ въ ту эпоху, когда еще не было профессіональнаго жречества. Такъ постепенно создается классъ профессіональныхъ посредниковъ между божествомъ и человѣкомъ. Въ языческую эпоху у русскихъ славянъ уже были начатки такого класса въ лицѣ волхвовъ и немногочисленныхъ жрецовъ; но, какъ мы видѣли въ главѣ V, ихъ развитіе было въ корнѣ пресѣчено появленіемъ христіанства. Христіанство дало намъ классъ молитвенниковъ въ готовомъ видѣ. Эти молитвенники принесли съ собою и науку о сношеніяхъ человѣка съ божествомъ. Но, какъ и слѣдовало ожидать, сложная наука византійскаго культа и представленіе о божествѣ на русской почвѣ своеобразнымъ способомъ видоизмѣнились, примѣнительно къ старинному языческому міровоззрѣнію. Какъ мы уже указывали въ началѣ этой главы, черный людъ заимствовалъ изъ христіанства почти исключительно одни названія, сохранивъ содержаніе старой религіи въ неприкосновенности. Боярство въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, какъ мы уже знаемъ, также осталось при старыхъ культахъ и вѣрованіяхъ; но захвативъ въ свои руки „богомолія“, „еже монастыри и церкви нарицаются“, оно переняло у греческихъ учителей и нѣчто новое и въ области вѣры, но лишь такое, что подходило къ его старинному міровоззрѣнію. И тутъ лучшимъ выразителемъ религіознаго сознанія боярско-именитаго класса является Іосифъ Волоцкій. Въ своей полемикѣ съ заволжскими старцами и противъ еретиковъ онъ изложилъ credo тогдашняго русскаго православія, изложилъ своеобразнымъ методомъ собиранія цитатъ откуда попало, лишь бы эти цитаты книжнымъ образомъ выражали его мысль. Изъ его полемики мы узнаемъ, что боярство вѣрило не только въ иконы и мощи,

но и во единаго бога; но этого единаго господа бога Іосифъ Волоцкій изобразилъ такъ, что восточные отцы, составлявшіе Никейскій символъ, сочли бы Іосифа самымъ злымъ еретикомъ. По мнѣнію Іосифа, только еретики говорятъ, будто бы богу свойственно строить все премудростію, но не свойственно ему „прехыщреніемъ строити". „Зри, окаяние и безумие, что глаголеши", восклицаетъ Іосифъ, обращаясь къ своему оппоненту; и дальше онъ доказываетъ, что господь богъ все дѣлалъ „прехыщреніемъ и коварствомъ". Всесильный богъ могъ бы отдать евреямъ египетскія богатства „явственно", но онъ такъ не сдѣлалъ, а повелѣлъ Моисею „прехытрити" фараона; богъ могъ бы явственно помазать на царство Давида, но онъ предпочелъ „прехытрити" Саула; онъ также поступилъ и съ Исавомъ и съ Лаваномъ и съ Іеровоамомъ и съ жителями Іерихона, „и многа суть такова въ божественныхъ писаніяхъ прехыщреніа же и коварства, яжь Самъ Господь Богъ сотвори". Даже предустановленный планъ искупленія павшаго въ раю человѣчества Іосифъ сводитъ къ тому, что богъ могъ бы совсѣмъ не допускать къ Адаму и Евѣ діавола, но онъ допустилъ его и тутъ же „прехытри". Такимъ образомъ великій, всемогущій и премудрый богъ Никейскаго символа, сотворившій весь видимый и невидимый міръ и спасшій человѣчество посредствомъ предустановленнаго плана искупленія, превратился въ точнаго двойника русскаго князя XIV—XVI вв., которому постоянно приходилось изворачиваться и хитрить и въ сношеніяхъ съ ордою, и въ политикѣ по отношенію къ Москвѣ, и въ мелкихъ дрязгахъ съ сосѣдями, и въ непріятныхъ столкновеніяхъ съ чернымъ людомъ. Въ культѣ такого „прехытраго" божества въ глазахъ тогдашняго боярства и князей должны были получить особое значеніе не тѣ священнодѣйствія, которыя были связаны съ воспоминаніемъ объ актѣ искупленія, а другіе обряды, которые соотвѣтствовали стариннымъ привычнымъ формамъ культа. По старой привычкѣ продолжали думать, что божество услышитъ молитву только тогда, когда она будетъ произнесена достаточно явственно, съ соблюденіемъ извѣстныхъ церемоній и въ пріятной для божества формѣ. И отсюда та необыкновенная любовь къ обряду, которую даже П. Н. Милюковъ не сумѣлъ объяснить ничѣмъ инымъ, какъ паденіемъ уровня образованности пастырей, просвѣщенныхъ, пока къ намъ ѣздили греческіе монахи, и постепенно растерявшихъ просвѣщеніе, когда послѣ татарскаго нашествія притокъ греческихъ монаховъ прекра-

тился. Первое, что поражало всякаго пріѣзжавшаго къ намъ иностранца — это любовь къ колокольному звону; колокола и колокольный звонъ сразу привились у насъ и далеко оставили за собой свой скромный греческій оригиналъ, какъ самая пріятная музыка для божества. Великую и сокровенную тайну наши ученые богословы видѣли не в таинствѣ евхаристіи, а въ вопросѣ о формулѣ пѣнія аллилуіи. Аллилуія, говорили наши книжники, заключаетъ въ себѣ божественную тайну и имѣетъ сокровенную силу: „невѣгласамъ“ не подобаетъ „мудрити вещи сія“. Споры о томъ, нужно ли двоить или троить эту магическую формулу, продолжались полтора вѣка, пока Стоглавый Соборъ не установилъ догмата о двоеніи аллилуіи. Другой „великій догматъ премудрый“ касался вопроса о томъ, какъ слѣдуетъ ходить съ образами во время крестнаго хода, по солнцу или противъ солнца. На степень догматовъ Стоглавый Соборъ возвелъ также двуперстіе, которому также придавалась магическая сила, и ношеніе бороды. Такое же значеніе магическихъ формулъ придавалось и молитвамъ: Домострой увѣряетъ, что достаточно извѣстное число разъ въ теченіе трехъ лѣтъ читать извѣстныя молитвы, и въ человѣка вселится божество: послѣ перваго года вселится Христосъ сынъ божій, послѣ второго года — Духъ Святой, послѣ третьяго года — Отецъ. Существовали правила, сколько молитвъ нужно было читать про себя во время богослуженія, чтобы достичь спасенія: „за псалтырю молви 7.000 молитвъ: Господи Іисусе Христе, сыне божій, помилуй мя грѣшнаго! За каѳизму — 300 молитвъ (тѣхъ же). За славу — 100 молитвъ, за завьтреню 1.500 молитвъ“ и т. д. Эти наставленія ученыхъ монаховъ чередовались съ другими правилами, гдѣ уже неприкровенно обнаруживаются старыя анимистическія воззрѣнія. Напримѣръ, послѣ причащенія нельзя мыться въ банѣ, а то смоешь съ себя благодать; приложившись къ кресту, къ иконѣ или мощамъ, надо нѣкоторое время удерживать в себѣ духъ, „губъ не раскрываючи“.

Для этихъ книжныхъ разсчетовъ и умозрѣній вообще необходимо было участіе профессіональныхъ молитвенниковъ, умѣвшихъ пользоваться „писаніями“ для построенія и оправданія только что описанныхъ воззрѣній. Но феодальныя условія жизни XIV — XVI вв. способствовали особенному увеличенію числа молитвенниковъ. Передъ княземъ или бояриномъ того времени однообразная повседневная жизнь не ставила трудныхъ проблемъ въ борьбѣ за его существованіе. Прежній рискъ, когда южно-русскій бояринъ или князь до-

бывалъ себѣ добычи „полономъ“ въ экспедиціяхъ, въ которыхъ иногда подвергалась опасности даже его жизнь, смѣнился теперь мирнымъ житіемъ, безопасной эксплуатаціей „житейскихъ крестьянъ“, правильно платившихъ ему судныя пошлины, дани и оброки. Теперь жизнь была для него покойна и обезпечена; она представляла полный контрастъ съ тѣмъ безпокойнымъ временемъ, когда иной разъ приходилось кормить Перуна человѣческой жертвой, чтобы обезпечить успѣхъ разбойничьей экспедиціи. Но тѣмъ болѣе русскій феодалъ задумывался надъ вопросомъ: что будетъ тамъ? Забота о томъ, чтобы уготовить своей душѣ на томъ свѣтѣ такое же безпечальное существованіе, какъ и здѣсь на землѣ, доминируетъ надъ всѣми другими религіозными заботами русскаго феодола, какъ и его западно-европейскаго собрата. Какъ попасть въ этотъ рай, который въ такихъ живыхъ краскахъ описалъ новгородскій епископъ Василій? Это тотъ самый земной рай, который когда-то былъ насажденъ въ Эдемѣ для Адама и Евы; онъ существуетъ до сихъ поръ подъ надежной охраной небеснаго стража; были тамъ Агапій святой, который хлѣба оттуда принесъ, былъ Ефросимъ святой, который оттуда три яблока принесъ, а святой Макарій жилъ отъ рая только въ двадцати поприщахъ; живутъ тамъ пресвятая Богородица, Енохъ, Илія и всѣ святые и угодившіе богу въ ожиданіи второго пришествія Христова, послѣ котораго будетъ новая земля, и начнется рай духовный. Этотъ рай вполнѣ достижимъ и для всякаго русскаго человѣка: „то мѣсто святого рая находилъ Моиславъ Новгородецъ и сынъ его Яковъ... а тѣхъ, брате, мужей и нынча дѣти и внучата добри здоровы“. Такимъ же неопровержимымъ свидѣтельствомъ живыхъ новгородцевъ Василій доказывалъ существованіе ада на западномъ краю земли.

Отъ мелкихъ повседневныхъ грѣховъ можно было откупиться соотвѣтствующей эпитиміей, состоявшей или въ чтеніи молитвъ, или въ лишнихъ постахъ, или въ милостынѣ. Но отъ ада такой дешевой цѣной откупиться было нельзя. Чтобы „устроить свою душу“, жертвы по мелочамъ, въ видѣ мелкой милостыни или восковыхъ свѣчей, были недостаточны. Тутъ нужна была обильная жертва божеству: жертва или селами или деревнями или крупными денежными вкладами. Всѣ безчисленныя села и деревни, которыя князья и бояре жаловали монастырямъ, отдавались на „поминокъ души“; и офиціальные выразители идеологіи тогдашняго монашества подчеркиваютъ, что всѣ эти земли и другія имущества принадлежатъ

не монахамъ, а самому божеству. Въ своей защитѣ неприкосновенности церковныхъ имуществъ Іосифъ доказываетъ ихъ неприкосновенность тѣмъ, что и „церковная и монастырская вся богови суть освящены“; другой не менѣе громкій авторитетъ, митрополитъ Макарій говоритъ, что церковныя и монастырскія имущества „вложены богови и пречистой богородицѣ и великимъ чудотворцамъ вданы“; наконецъ, тотъ же самый взглядъ самымъ опредѣленнымъ образомъ выраженъ и санкціонированъ, въ одномъ изъ постановленій Стоглаваго Собора, запрещающемъ отчужденіе вотчинъ и селъ, данныхъ богу въ наслѣдіе вѣчныхъ благъ. По жертва есть только залогъ исполненія просьбы; это даръ божеству, располагающій въ пользу просителя. Принеся жертву надо изложить и просьбу и изложить ее съ соблюденіемъ всѣхъ требуемыхъ формъ. Тутъ-то и нужны были молитвенники, которые являлись посредниками между жертвователемъ и божествомъ, и за свое посредничество пользовались доходами съ божьихъ имуществъ. Молитвенникамъ оставалось только поощрять и развивать описанный взглядъ на „устроеніе своей души“. Для этой цѣли первоначальный чисто элементарный взглядъ былъ развитъ въ цѣлую теорію душеспасительнаго синодика, т.-е. книги, въ которую записывали имена вкладчиковъ на поминъ души. Полнѣе всего эта теорія развита въ предисловіи къ синодику того же Волоколамскаго монастыря, вслѣдствіе чего нѣкоторые изслѣдователи считаютъ авторомъ этого предисловія Іосифа Волоцкаго. Предисловіе, совѣтуя каждому христіанину устраивать свою душу посредствомъ отказа на поминокъ селъ или другихъ вкладовъ, изображаетъ яркими красками судьбу тѣхъ, кто своевременно не позаботился объ этомъ, и судьбу тѣхъ, кто сдѣлалъ это. Пусть никто не откладываетъ этого дѣла и не завѣщаетъ сдѣлать это своимъ родственникамъ: на нихъ нельзя полагаться, они расточатъ все имѣніе „въ объядѣніи и піанствѣ“ и богу ничего не достанется; а души несчастныхъ, оставшихся безъ церковнаго поминовенія „во адѣ мучимы суть, а дѣти ихъ—въ убожествѣ и по работамъ“. Иная судьба ждетъ за гробомъ тѣхъ, кто „добрѣ устраиваетъ свою душу“, т.-е. жертвуетъ села и вотчины, за которыя жертвователей записываютъ въ синодикъ „для вѣчнаго поминовенія: когда священникъ читаетъ по синодику ихъ имена, то ангелъ господень вписываетъ тѣ имена „въ вѣчныхъ обителяхъ въ книгахъ животныхъ“. Отсюда предисловіе заключаетъ, что синодикъ — это спасительная книга, болѣе полезная.

чѣмъ всѣ божественныя писанія: божественное писаніе только для живыхъ, а синодикъ и для умершихъ, и мертвымъ и живымъ онъ приноситъ одинаковый тѣлесный покой: душамъ умершихъ—избавленіе отъ вѣчныхъ мукъ, а молитвенникамъ—пищу и питіе, одежду и обувь, весь келейный обиходъ, села и вертограды, рѣки и озера, пажити и монастырскій скотъ. Размѣръ услугъ, которыя обязаны были оказывать молитвенники своимъ посредничествомъ, находился въ прямой зависимости отъ величины дара. Какъ показываетъ любопытное посланіе Іосифа Волоцкаго къ княгинѣ Маріи Голениной, тутъ соблюдалась такая же точно такса, какъ въ эпитиміяхъ или за требы. Княгиня была недовольна, что за ея вкладъ Іосифъ не записалъ трехъ ея покойниковъ на вѣчное годовое поминовеніе, и даже назвала претензіи монастыря „грабежомъ“, на что Іосифъ отвѣчаетъ пространнымъ посланіемъ: никакого здѣсь грабежа нѣтъ, но это обычная плата въ такихъ случаяхъ,—и въ доказательство перечисляетъ монастырскіе расходы по поминовенію. Это не грабежъ, а „рядъ“, и вездѣ такъ „по всѣмъ монастыремъ и по соборнымъ церквамъ въ годовое поминаніе пишутъ въ вѣкъ учинивше ряду“. Мы узнаемъ далѣе, что за годовое поминовеніе жертвователи „рядятся“ давать ежегодно извѣстное количество денегъ или хлѣба (князь Хованскій давалъ, напримѣръ, по 100 четвертей въ годъ) или дѣлаютъ единовременный вкладъ селомъ или деревнею. Еще болѣе вѣрный способъ спасти душу заключался въ поступленіи въ число молитвенниковъ, при чемъ очень часто постригавшійся князь или бояринъ передавалъ монастырю всѣ свои вотчины, оставляя не при чемъ своихъ наслѣдниковъ. Не удивительно, что монастыри гонялись за богатыми постриженниками; біографія Іосифа содержитъ въ себѣ одинъ любопытный случай такого рода. Именно, Іосифъ подчинилъ своему вліянію князя Андрея Голенина, мужа вышеупомянутой вдовы княгини Голениной, и достигъ того, что Андрей постригся въ его монастырѣ, тутъ же отдавъ богородицѣ все свое имѣніе: серебро, золото, одежды и сосуды, весь скотъ и три села. „Житейскіе крестьяны“, населявшіе села и работавшіе на монаховъ, не должны были поэтому жаловаться, если имъ жилось труднѣе боярскихъ крестьянъ, если по выраженію Вассіана Косого, монахи ихъ грабили и бичемъ истязали: крестьяне работали не только на живыхъ, но и на умершихъ. Тутъ мы опять-таки встрѣчаемся съ явленіемъ, до извѣстной степени аналогичнымъ со стариннымъ погребальнымъ обычаемъ, въ

силу котораго мертвецъ бралъ съ собою свое имущество, въ томъ числѣ и своихъ рабовъ. „Вданныя богови“ села съ крестьянами обезпечивали душѣ умершаго безпечальное загробное существованіе; чѣмъ больше за душой было селъ и крестьянъ, тѣмъ благополучнѣе было ей на томъ свѣтѣ. Старый обычай модифицировался, но не до неузнаваемости, и сквозь новую идеологію мы еще можемъ разсмотрѣть архаическія черты старыхъ безхитростныхъ воззрѣній.

Формально-юридическій характеръ боярскаго и монашескаго благочестія вовсе не требовалъ отъ монаховъ какихъ-либо подвиговъ для спасенія ихъ души. Они чувствовали, что исполняютъ опредѣленную функцію: молятся „за государя и за его бояръ“, получая за это отъ нихъ милостыню, и даютъ контингентъ „почетныхъ и благородныхъ старцевъ“ для замѣщенія должностей митрополитовъ, епископовъ, архіепископовъ и т. д. Отправляя функцію богомоленія, монахи предоставляли всѣ прочіе подвиги благочестія созерцательнымъ натурамъ, уходившимъ въ Заволжье и тамъ добровольно подчинявшимъ себя самому строгому аскетическому режиму. Даже и богомоленіе монахи отправляли неохотно; если въ монастырѣ Іосифа ни одинъ монахъ не смѣлъ увильнуть отъ богослуженія, то это достигалось путемъ строгаго полицейскаго надзора. Именно, во время богослуженія въ церкви стояли особые строгіе надзиратели изъ опытныхъ старцевъ, наблюдая, чтобы монахи безъ крайней нужды не уходили изъ церкви, и будили заснувшихъ. Эти строгіе порядки выдѣляли монастырь Іосифа изъ среды прочихъ монастырей, но сейчасъ же послѣ его смерти его строгій уставъ пересталъ соблюдаться. Всѣ писатели, какіе только касаются монастырскихъ нравовъ XIV — XVI вв., сходятся въ утвержденіи, что вчерашній бояринъ или князь, становясь монахомъ, продолжалъ вести такую же праздную и разгульную жизнь, какъ и раньше. Въ длинномъ ряду обличителей монашеской жизни мы находимъ людей такихъ противоположныхъ взглядовъ, какъ Іосифъ Волоцкій и Вассіанъ Косой или Максимъ Грекъ; негодуетъ на монашескіе нравы Иванъ IV въ рѣчи, обращенной къ Стоглавому собору; наконецъ, стараются искоренить пороки монашеской жизни всѣ соборы XVI в. Во всѣхъ монастыряхъ—говоритъ Грозный—держатся хмѣльные напитки, и монахи предаются пьянству, по кельямъ незазорно ходятъ женки и дѣвки, а робята молодые („голоусые отроки“, по выраженію Іосифа Волоцкаго, которые, по его мнѣнію, были для монаховъ еще опаснѣе, чѣмъ женщины)

живутъ тамъ невозбранно. Іосифъ жалуется, что за трапезой слышатся только неподобныя рѣчи и скверныя слова, а драки между монахами и игуменомъ—самыя обыкновенныя явленія. При такихъ нравахъ строгимъ игуменамъ оставалось только—либо уходить со своего поста, какъ сдѣлалъ это Паисій Ярославовъ, или внѣдрять дисциплину „жезломъ и затворомъ", рискуя иногда поплатиться собственной бородой, какъ случилось съ Саввой Тверскимъ.

Таковъ былъ общій тонъ религіи высшихъ классовъ тогдашняго общества. Какъ мы видимъ, христіанство дало ему прежде всего организацію, еще одно лишнее средство для соціальнаго господства; что же касается до содержанія вѣры и культа, то въ этомъ отношеніи обломки стараго смѣшались съ нѣкоторыми элементами новаго въ своеобразную амальгаму, которую можно было назвать христіанской религіей только съ большими оговорками — недаромъ одинъ изъ иностранныхъ изслѣдователей русской религіозной жизни, шведъ Іоганнъ Ботвидъ, еще въ 1620 г. считалъ возможнымъ написать сочиненіе, посвященное вопросу „Utrum Moscovitae sint Christiani?" Такое состояніе религіозной жизни не могло, однако, не вызывать протеста. Соціальная почва для такого протеста была, правда, невелика: она имѣлась только въ сѣверныхъ городскихъ республикахъ, гдѣ и получаютъ свое начало ереси XIV и XV вв. Но прежде чѣмъ говорить объ этихъ ересяхъ, исторія которыхъ тѣсно переплетается съ успѣхами московскаго „самодержавія", обнаружившимися въ концѣ XV в., мы должны отмѣтить одно своеобразное теченіе среди тогдашняго монашества. Оно было представлено такъ назыв. **заволжскими старцами**; ничѣмъ не отличаясь отъ типичнаго русскаго монашества по своимъ цѣлямъ, оно отличалось отъ него по своимъ методамъ и воззрѣніямъ.

Цѣль, которую преслѣдовали заволжскіе старцы, заключалась также въ достиженіи личнаго спасенія. Основатель заволжскаго направленія, Нилъ Сорскій, причислявшій себя къ „поселянамъ", въ дѣйствительности, не имѣлъ ничего общаго съ крестьянами: съ ранней молодости онъ жилъ въ Москвѣ и былъ „скорописцемъ", т.-е. занимался переписываніемъ книгъ. Постригшись въ монашество, онъ ушелъ на сѣверъ, въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, гдѣ была очень строгая дисциплина, но, не довольствуясь этимъ, онъ совершилъ путешествіе на Аѳонъ и изучилъ тамошніе способы спасенія души. Его первоначальная профессія сталкивала его

съ представителями немногочисленной тогда московской бюргерской и боярской интеллигенціи; поѣздка на Аѳонъ также не прошла даромъ для образованія его религіозныхъ воззрѣній. Такимъ образомъ, у Нила возникло критическое отношеніе къ тогдашнему типу монашеской жизни и создалось представленіе о возможности и необходимости иного пути ко спасенію.

Въ этомъ новомъ для русскаго монашества пути ничего оригинальнаго не было; онъ цѣликомъ былъ скопированъ съ восточныхъ аскетическихъ системъ. Основной исходный пунктъ—это царство зла въ мірѣ. Міръ во злѣ лежитъ: ежедневный опытъ показываетъ „колики скорби и развращенія имать міръ сей мимоходящій, и колика злолютства сотворяетъ любящимъ его... Мнящаяся бо его благая—повидимому, суть блага, внутрь же исполнена многа зла". Поэтому и монахи, которые живутъ въ мірѣ, въ условіяхъ его повседневной жизни,—лжемонахи, и „житіе" ихъ „мерзкое". Душу нельзя спасти тѣми способами, какіе они указываютъ: собираніе имѣній не на пользу ни монашеской, ни боярской душѣ, всякое стяжаніе для монаха — „ядъ смертоносный". Жизнь монаха должна быть организована на совершенно иныхъ началахъ. Монахъ, желающій спасти свою душу, долженъ жить одиноко въ своемъ скиту и питаться трудами своихъ рукъ; онъ можетъ принимать и милостыню отъ христолюбцевъ въ видѣ руги отъ казны или отъ бояръ, но исключительно деньгами или натурой. Одинокая жизнь въ скиту лучше всего располагаетъ къ внутреннему усовершенствованію: здѣсь на досугѣ монахъ можетъ „научатися отъ божественныхъ писаній", какой образъ жизни ему надо вести, чтобы достичь такого совершенства, которое здѣсь на землѣ даетъ возможность созерцанія бога. Непосредственное изученіе священнаго писанія предоставляетъ достаточный просторъ индивидуальнымъ склонностямъ каждаго монаха; поэтому Нилъ никому не преподаетъ какихъ-либо обязательныхъ правилъ, а только даетъ совѣты и указанія. Онъ говоритъ, что удаленіе отъ міра, милостыня и аскетическія упражненія вродѣ поста и молитвы не являются цѣлью сами по себѣ; это только средства для покоренія восьми главныхъ человѣческихъ страстей. Когда эти страсти побѣждены, и человѣкъ достигнетъ состоянія религіознаго экстаза, почувствуетъ себя „въ непостижныхъ вещѣхъ, идѣже не вѣсть, не зная, въ тѣлѣ онъ, или безъ тѣла",—тогда подготовительныя аскетическія упражненія становятся излишними: чело-

вѣку, обладающему „внутренней“ или „умной“ молитвой, не нужно пѣніе псалмовъ или долгое стояніе въ церкви; достигши религіознаго экстаза, человѣкъ не нуждается во внѣшнемъ постѣ, „питаясь единѣмъ боговидѣніемъ“. Передъ нами мистическая созерцательная система, столь широко распространившаяся на востокѣ въ первые вѣка христіанства въ эпоху выработки церковной организаціи, когда совершалась мучительная дифференціація среди членовъ церкви, и возрождавшаяся не разъ въ западной Европѣ и у насъ въ видѣ мистическихъ сектъ въ эпоху соціальныхъ кризисовъ. Но въ условіяхъ русской жизни конца XV в., когда жилъ Нилъ Сорскій, эта система не имѣла подъ собою почвы, она осталась, какъ и была, не широкимъ движеніемъ, а удѣломъ отдѣльныхъ экзальтированныхъ и въ то же время образованныхъ людей XV—XVI вѣковъ. Ея временное торжество было обусловлено моментомъ политической борьбы конца XV и начала XVI в., разгорѣвшейся вокругъ вопроса о церковныхъ имуществахъ. Этотъ вопросъ, занимавшій въ сочиненіяхъ Нила второстепенное мѣсто, выдвинулся тогда на первый планъ и заслонилъ собою основное положеніе Нила: созерцательность монашеской жизни. Скиты послѣдователей Нила были немногочисленны, и сами его послѣдователи, какъ мы увидимъ ниже, шли туда далеко не всегда по доброй волѣ.

Мистическое движеніе въ Заволжьѣ по времени не было первымъ отклоненіемъ отъ установившагося религіознаго быта. Еще въ концѣ XIV в. раздалися первые протестующіе голоса противъ феодальной церковной организаціи и феодальнаго благочестія. Начавшееся тогда еретическое движеніе носило совершенно иной характеръ, чѣмъ ученіе Нила: оно было городскимъ движеніемъ по своей основѣ, и сообразно съ этимъ и содержаніе его и судьба были не похожи на содержаніе и судьбу заволжскаго благочестія. Судьба движенія XIV в. въ особенности любопытна: начавшись въ Псковѣ, оно перекочевало въ Тверь и Новгородъ, изъ Новгорода перекочевало въ Москву и, несмотря на всѣ мѣры противъ него, оно продолжало гнѣздиться въ Москвѣ и въ другихъ городахъ, измѣняя свои формы и содержаніе, но неизмѣнно сохраняя одну и ту же тенденцію: критиковать феодальную церковь и бороться съ нею.

Въ настоящее время мы не имѣемъ никакихъ документальныхъ свѣдѣній о началѣ ереси стригольниковъ, какъ окрестили первую русскую ересь официальные представители русской церкви; извѣстно только, что это названіе было дано

сообразно съ ремесломъ одного изъ основателей секты Карпа „художествомъ стригольника“, т.-е. занимавшагося стрижкой сукна или, по другому толкованію, цырюльника. Поэтому современные изслѣдователи дѣлаютъ самыя разнообразныя предположенія о причинахъ появленія ереси: одни, какъ Тихонравовъ, сводятъ причины возникновенія секты къ вліянію черной смерти, а содержаніе ея ученія всецѣло объясняютъ вліяніемъ западной секты бичевальщиковъ (которыхъ Тихонравовъ неправильно называетъ хлыстами), другіе, какъ Никитскій, склоняются къ объясненію происхожденія секты упадкомъ новгородской и псковской іерархіи, начиная отъ архіепископа и до послѣдняго священника, вслѣдствіе распространенія симоніи, и вліяніемъ ученія богомиловъ и французскихъ катаровъ. Объясненіе Тихонравова приходится откинуть цѣликомъ, ибо черная смерть даже въ западной Европѣ появилась позже стригольниковъ, а объясненіе ереси идейнымъ вліяніемъ безъ наличности матеріальной основы ничего не объясняетъ. Объясненіе Никитскаго гораздо ближе къ истинѣ. Но онъ не правъ въ томъ отношеніи, что считаетъ упадокъ церкви новымъ явленіемъ и видитъ отрицательную сторону тогдашняго церковнаго устройства почти исключительно въ симоніи; съ другой стороны, онъ опять-таки никакъ не можетъ обойтись безъ западнаго вліянія. Между тѣмъ исходный пунктъ ереси лежитъ въ мѣстныхъ псковскихъ церковныхъ отношеніяхъ, съ трудомъ уживавшихся рядомъ съ феодальной организаціей новгородской архіепископской каѳедры, которой былъ подчиненъ Псковъ въ церковномъ отношеніи. Изъ этого столкновенія между городской церковной организаціей, сложившейся въ Псковѣ, съ притязаніями феодальнаго сеньера, какимъ былъ новгородскій архіепископъ, и родилась секта стригольниковъ.

Въ началѣ XIV столѣтія Псковъ фактически сталъ вполнѣ независимымъ отъ Новгорода въ политическомъ отношеніи, и сейчасъ же замѣчается стремленіе псковичей добиться независимости отъ Новгорода въ церковномъ отношеніи. Зависимость Пскова выражалась въ правѣ новгородскаго архіепископа собирать пошлины съ псковского духовенства за посвященіе и десятинныя, и призывать псковскихъ клириковъ къ своему суду. Право суда новгородскаго архіепископа было опять-таки сопряжено со сборами и вовлекало псковскихъ клириковъ въ большіе расходы: судъ совершался не въ самомъ Псковѣ, а въ Новгородѣ, куда клирикамъ приходилось ѣздить по зову владыки. Такимъ образомъ, зависи-

мость псковской церкви отъ епископа носила чисто фискальный характеръ; по своей же организаціи псковская церковь была совершенно самостоятельной и выработала своеобразное устройство.

Какъ въ Новгородѣ, такъ и въ Псковѣ, это устройство опредѣлялось не церковными канонами, а военно-купеческой организаціей города. Въ гражданскомъ отношеніи Псковъ былъ союзомъ концовъ, улицъ и сотенъ; каждая ячейка, входившая въ составъ обще-городского союза, была также и религіозной организаціей; такими же религіозными организаціями были и другія товарищества, создавшіяся позднѣе уже на почвѣ обще-торговыхъ интересовъ, а не на почвѣ территоріальнаго распредѣленія, послѣ того какъ торговля уже утратила свой разбойническій характеръ и стала нормальнымъ экономическимъ явленіемъ. Каждая улица, каждый конецъ, каждая гильдія была въ то же время религіозной братчиной со своимъ собственнымъ культомъ, адресованнымъ своему собственному патрону. Патрономъ былъ какой-либо изъ христіанскихъ святыхъ, причемъ по отношенію къ наиболѣе стариннымъ братчинамъ возможно предполагать, что христіанскіе святые замѣстили собой прежнихъ языческихъ боговъ: по крайней мѣрѣ, ритуалъ праздниковъ въ честь патрона непремѣнно содержалъ въ себѣ жертвенный пиръ послѣ богослуженія и обычные для старинного культа „позоры", т.-е. игры, пѣсни и пляски при участіи скомороховъ. Ритуальный характеръ такихъ пировъ яснѣе всего обнаруживается изъ ихъ организаціи и изъ того обстоятельства, что преступленіямъ, совершившимся во время этихъ пировъ, придавался особый сакральный характеръ: они не подлежали общей юрисдикціи, а разбирались самой братчиной. Для устройства пиршества члены братчины должны были обязательно дѣлать особый взносъ, и предсѣдателемъ пира былъ братчинскій староста; староста же наблюдалъ за порядкомъ во время этихъ пировъ и былъ участникомъ братчинскаго суда. Юрисдикція братчины была вполнѣ независима отъ княжеской и обладала полнотою судебнаго авторитета: „а въ пиру учинится татьба, ино къ пировому старостѣ, или къ пивцомъ явити, а государю пѣтъ"; а кто съ кѣмъ побьется въ Псковѣ... на пиру.... ино ту князю продажи нѣтъ"..... „а братьщина судитъ, какъ судьи". Изъ такихъ братчинъ въ Псковѣ выдвигалась Софійская братчина, въ Новгородѣ— братчины Бориса и Глѣба, Ивана на Опокахъ, Никольщина; такія же братчины были и въ остальныхъ болѣе круп-

ныхъ Новгородскихъ пригородахъ, напр., въ Старой Руссѣ и въ Торжкѣ.

Духовенство, служившее въ церквахъ псковскихъ братчинъ, зависѣло прежде всего отъ братчиковъ. Братчины представляли кандидатовъ архіепископу и всегда могли смѣнить попа, если онъ имъ не нравился. При такихъ условіяхъ какъ члены братчины, такъ и духовенство, мирились съ поборами новгородскаго архіепископа только до тѣхъ поръ, пока Псковъ находился въ политической зависимости отъ своего старшаго брата. Какъ только эта зависимость уничтожилась, псковскія братчины рѣшили, что имъ нѣтъ болѣе никакой надобности платить новгородскому архіепископу за посвященіе поповъ, посылать къ нему на судъ своихъ клириковъ и тратится на его пріемы только потому, что безъ его благословенія нельзя было поставить попа. И уже въ 1307 году псковичи отправили тогдашнему архіепископу Ѳеоктисту депутацію съ просьбой имѣть своего епископа. Какъ и надо было ожидать, Ѳеоктистъ отнесся къ этой просьбѣ очень неблагосклонно, и было ясно, что добромъ новгородскій владыка никогда не согласится на отказъ отъ такой доходной статьи, какою былъ Псковъ; тогда началась упорная борьба псковичей съ притязаніями новгородскаго владыки. Въ этой борьбѣ приняли одинаковое участіе и міряне и духовенство. Въ сороковыхъ годахъ XIV в. псковичи добились очень важной уступки: вмѣсто боярина изъ софіянъ, какому раньше новгородскій владыка отдавалъ Псковъ на кормленіе, „владычникъ“ сталъ назначаться изъ псковскихъ бояръ; затѣмъ владыка долженъ былъ замѣнить свои наѣзды въ Псковъ, которые онъ совершалъ по мѣрѣ надобности, въ зависимости отъ состоянія своей казны, визитаціями въ опредѣленные сроки. Эти мѣры ограничили поборы архіепископа съ псковской церкви и сократили до минимума его вмѣшательство въ псковскую церковную жизнь. Въ сущности, Псковская церковь стала теперь почти совершенно независимой отъ новгородскаго епископа организацией, обязанной ему только опредѣленными денежными поборами. „Божіе священство“ во Псковѣ въ новгородскомъ владыкѣ видѣло не своего духовнаго главу, а надоѣдливаго сеньера, которому какъ это ни было досадно, приходилось время отъ времени посылать дары деньгами или натурой. Чтобы тяжесть этихъ поборовъ была распредѣлена равномѣрно, псковское духовенство соединилось въ **соборы**, добровольныя корпоративныя соединенія для распредѣленія владычнаго тягла.

Конфликтъ между городскими церковными мірами и ихъ феодальнымъ владыкой разрѣшился компромиссомъ. Но, какъ всегда бываетъ, нашлись непримиримые элементы, которые не хотѣли довольствоваться такимъ компромиссомъ. Если мы возьмемъ доктрину стригольниковъ такъ, какъ она есть, не прибѣгая къ сопоставленіямъ съ доктриною катаровъ или бичевальщиковъ, или къ болѣе чѣмъ рискованному сравненію стригольниковъ съ раскольниками-безпоповцами, то мы безъ труда найдемъ объясненіе этой доктринѣ изъ только что описаннаго состоянія псковской церкви въ XIV в. Душою партіи были не одни міряне, но и духовные, т.-е. тѣ самыя лица, которымъ приходилось урывать немалыя доли изъ своихъ доходовъ для удовлетворенія сборщиковъ владычнаго тягла. Компромиссъ ихъ не удовлетворялъ, своего владыку получить было нельзя—отсюда для непримиримыхъ оставался только одинъ выходъ: отвергнуть законность и необходимость высшей церковной іерархіи. И вотъ стригольники „оклеветали весь вселенскій соборъ"; основанія для клеветы еретикамъ, изучившимъ „словеса книжныя", подыскать было нетрудно. Первое самое главное основаніе заключалось въ томъ, что патріархи, митрополиты и епископы „духопродавчествуютъ"—берутъ мзду за поставленіе клириковъ. Противъ этого неопровержимаго аргумента новгородкіе оппоненты не сумѣли возразить ничѣмъ инымъ, какъ констатированіемъ факта, что плата за поставленіе существуетъ повсюду, и, слѣдовательно, это не есть мзда, запрещенная канонами; и только патріархъ константинопольскій, котораго просили написать обличеніе противъ еретиковъ, нашелъ болѣе разумную отговорку, что платежи рукополагаемыхъ являются ихъ добровольными и благословными дарами въ возмѣщеніе расходовъ на свѣчи, вино, обѣды и подобныя издержки. Такія возраженія не въ силахъ были опровергнуть повсемѣстнаго существованія мзды; вся іерархія, такимъ образомъ, отрицалась, а вмѣстѣ съ этимъ падала и зависимость Пскова отъ какого бы то ни было церковнаго начальства. Сдѣлавъ такой радикальный выводъ, стригольники должны были признать, что если вездѣ посвященіе происходитъ на мздѣ, то нигдѣ нельзя найти истиннаго священства; но разъ истинной іерархіи нѣтъ, то, очевидно, она и не нужна. И стригольники тотчасъ же нашли въ священномъ писаніи, что апостолъ Павелъ повелѣлъ учить и простому человѣку. И вотъ, на мѣсто „учителей пьяницъ, которые ядятъ и пьютъ съ пьяницами и взимаютъ съ нихъ злато, серебро и порты отъ жи-

выхъ и мертвыхъ", еретики поставили сами себя учителями надъ народомъ—„творили себя головою, будучи ногою, творили себя пастырями, будучи овцами", какъ картинно выражается одинъ изъ ихъ обличителей. И начались „страшныя вещи": міряне судятъ поповъ и казнятъ ихъ; восхищаютъ сами на себя санъ священства и совершаютъ крещеніе; „мужики озорные на крылосѣ поютъ и паремью и апостолъ на амвонѣ чтутъ да еще и въ алтарь ходятъ". Характернѣе всего была та позиція, какую заняли еретики по отношенію къ главной функціи молитвенниковъ въ удѣльной Руси: къ молитвамъ за умершихъ. Уже Карпъ-стригольникъ говорилъ, что „недостоитъ надъ умершими пѣти, ни поминати, ни службы творити, ни приноса за мертвыми приносити къ церкви, ни пировъ творити, ни милостыни давати за душу умершаго". Для насъ неясно теперь, на чемъ Карпъ основывалъ отрицаніе молитвъ за умершихъ; можно предполагать, что онъ, вѣроятно, считалъ неправильнымъ ученіе о томъ, будто человѣкъ можетъ спастись жертвами и молитвами другихъ, не имѣя собственныхъ заслугъ

Мы постарались выяснить здѣсь самыя общія черты стригольнической доктрины. Какъ видитъ читатель, она чисто отрицательнаго характера, элементы положительнаго вѣроученія въ ней почти отсутствуютъ. Эта черта опять-таки указываетъ на связь стригольничества со стремленіемъ псковичей къ церковной автономіи: догматическихъ споровъ, какіе возникли вѣкъ спустя, когда явились жидовствующіе, тутъ и не было; ихъ не было и въ Твери, куда также проникло стригольничество. Правда, въ одномъ изъ своихъ посланій, митрополитъ Фотій около 1420 года говоритъ, что среди еретиковъ существовали и такіе, которые будто бы отрицали даже „евангельскія и апостольскія благовѣсти", признавали Богомъ только отца небеснаго и отрицали общественный культъ со всѣми его принадлежностями. Но тутъ мы находимъ уже ясныя точки соприкосновенія съ тѣмъ многограннымъ религіознымъ и раціоналистическимъ движеніемъ второй половины конца XV в., которое извѣстно подъ названіемъ ереси жидовствующихъ.

Вопросъ о жидовствующихъ совершенно запуталъ историковъ церкви. Всѣ они чувствуютъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ широкимъ и сложнымъ явленіемъ, сыгравшимъ немаловажную роль въ событіяхъ конца XV и начала XVI вв.; но для оцѣнки этого явленія въ ихъ распоряженіи находились такія данныя, къ которымъ приходилось относиться съ

большой осторожностью. Еще если бы ересь была обнаружена только въ Новгородѣ, ее легко можно бы было объяснить по связи со стригольниками. Но ересь, по словамъ Іосифа Волоцкаго, проникла и въ Москву, ко двору самого князя; заразила будто бы самого митрополита Зосиму, а потомъ перекинулась въ заволжскіе скиты. Очевидно, что, несмотря на увѣренія Іосифа, что всѣ еретики держались однихъ и тѣхъ же взглядовъ, дѣло было не совсѣмъ такъ; но не будучи въ силахъ распутать этотъ клубокъ противорѣчій, такой осторожный и добросовѣстный изслѣдователь, какъ А. С. Архангельскій, пришелъ къ отчаянному выводу, что никакой ереси не было, а были только отдѣльныя лица, высказывавшія критическія мнѣнія по поводу различныхъ вопросовъ вѣроученія и церковнаго управленія. На противоположномъ полюсѣ стоитъ Е. Е. Голубинскій, какъ-будто растерявшій во II томѣ своей „Исторіи русской церкви“ все то критическое чутье, которое послѣ перваго тома составило ему громкую славу „научнаго“ церковнаго историка. Голубинскій предпочелъ приговору собора 1490 г. и свидѣтельству Геннадія, лично имѣвшаго дѣла съ еретиками, обличительныя рѣчи Іосифа Волоцкаго, который, сидя до 1503 г. безвыѣздно въ своемъ монастырѣ, ни разу не видалъ и не слыхалъ ни одного еретика, и безъ дальнихъ разысканій объявляетъ, что „ересь жидовствующихъ въ ея собственномъ видѣ представляла изъ себя не что иное, какъ полное и настоящее іудейство или жидовство съ совершеннымъ отрицаніемъ христіанства“; кромѣ того, Голубинскій находитъ „несобственный“ видъ ереси, заключавшійся въ христіанскомъ вольномысліи, о которомъ, однако, онъ, въ согласіи съ Іосифомъ, ничего опредѣленнаго сказать не можетъ. Между этими двумя крайностями стоитъ среднее мнѣніе Панова, который, основываясь главнымъ образомъ на показаніяхъ Геннадія, считаетъ ересь жидовствующихъ непосредственнымъ продолженіемъ стригольничества, случайно испытавшемъ на себѣ незначительное вліяніе іудейства.

При наличности такихъ разногласій приходится прежде всего оцѣнить тѣ источники, которые сообщаютъ намъ о ереси жидовствующихъ. У насъ имѣются, во-первыхъ, посланія новгородскаго архіепископа Геннадія объ еретикахъ, содержащія отрывочныя данныя о нихъ, которыя теряются среди жалобъ на бездѣйствіе московскихъ властей; во-вторыхъ, приговоръ собора 1490 г. по дѣлу о еретикахъ, передаваемый новгородской лѣтописью; въ-третьихъ, сочиненіе Іосифа Волоцкаго

„Просвѣтитель“, цѣликомъ посвященное изобличенію ереси; оно заключаетъ въ себѣ 16 словъ, изобличающихъ различныя заблужденія еретиковъ, и въ качествѣ предисловія даетъ небольшой историческій очеркъ ереси, въ которомъ утверждается, что ересь изъ Новгорода проникла въ Москву, и указываются поименно московскіе еретики. Цѣнность первыхъ двухъ источниковъ не подлежитъ никакому сомнѣнію: они документально удостовѣряютъ существованіе ереси въ Новгородѣ и даютъ возможность судить о ея характерѣ. Но зато цѣнность сообщеній „Просвѣтителя“ болѣе чѣмъ сомнительна, и если даже Голубинскій вполнѣ довѣрился ему, то это только доказываетъ, съ какимъ трудомъ пробиваетъ себѣ дорогу критическое отношеніе къ писаніямъ борцовъ за православіе, хотя бы кости ихъ уже болѣе четырехъ вѣковъ сгнили въ могилѣ. Іосифъ писалъ объ ереси по слухамъ, и если характеризовать ересь при помощи его указаній, то мы наткнемся на непримиримыя противорѣчія между первыми четырьмя словами и остальными; далѣе, показанія Іосифа не во всемъ сходятся съ показаніями его корреспондента, Геннадія: допуская іудейское вліяніе, Геннадій думаетъ, что еретики находились подъ вліяніемъ мессаліанской и маркелліанской ересей, для Іосифа же словомъ жидъ сказано все, и съ его легкой руки и пошелъ терминъ жидовствующіе. Наконецъ, про московскихъ еретиковъ Іосифъ можетъ сказать только, что они „баснословія нѣкая и звѣздозаконію учаху, и по звѣздамъ смотрѣти и строити роженіе и житіе человѣческое, а писаніе божественное презирати, яко ничтоже суще и непотребно человѣкомъ“, и что главарь московскихъ еретиковъ, митрополитъ Зосима, былъ человѣкомъ „объядаяйся и упиваяйся и свинскимъ житіемъ живый“, который „обрѣтая простѣйшихъ, напоялъ ихъ ядомъ жидовскимъ“; вздорность всѣхъ этихъ обвиненій, поскольку они касались религіозныхъ взглядовъ, сразу станетъ для насъ ясна, какъ только мы вспомнимъ, что всѣ, поименованныя Іосифомъ въ качествѣ московскихъ еретиковъ, лица были горячими сторонниками секуляризаціи церковныхъ имуществъ и, слѣдовательно, политическими противниками Іосифа. Поэтому приходится отказать „Просвѣтителю“ въ какой бы то ни было цѣнности для исторіи ереси въ Новгородѣ и использовать его только какъ матеріалъ для исторіи великой церковно-политической борьбы, ознаменовавшей собою конецъ XV и первую половину XVI вв. и создавшей государственную московскую церковь на развалинахъ удѣльнаго феодализма.

Появленіе ереси въ Новгородѣ совпало съ ожесточенной борьбою новгородскихъ партій передъ вторымъ походомъ Ивана III на Новгородъ. Эта борьба съ самаго начала была не чужда нѣкоторыхъ религіозныхъ мотивовъ. Сокрушившая Псковъ и готовая сокрушить Новгородъ Москва казалась боярству и его религіознымъ идеологамъ антихристовымъ царствомъ; когда падетъ Новгородъ, восторжествуетъ антихристъ, и вскорѣ настанетъ кончина міра. Это ожиданіе находило себѣ поддержку въ церковномъ документѣ: пасхалія была разсчитана только до 1492 г., который долженъ былъ соотвѣтствовать 7000 году отъ сотворенія міра, а 7000 лѣтъ—это срокъ существованія міра. Въ одномъ сборникѣ XV вѣка къ пасхаліи была сдѣлана особая приписка, въ которой говорилось между прочимъ: „сіе лѣто на концѣ явися, въньже чаемъ всемірное торжество пришествіе твое"; такая же приписка повторяется въ лѣтописяхъ XV в., и ею оперируютъ въ поученіяхъ наши тогдашніе іерархи. Торжество Москвы надъ Новгородомъ сопровождалось поистинѣ антихристовымъ дѣломъ: помимо разгрома боярства, Иванъ III разгромилъ и новгородскую церковь, секуляризировавъ добрую половину земель новгородскаго архіепископа и монастырей для раздачи служилымъ людямъ. Предположенныя Иваномъ III такія же мѣры по отношенію къ монастырямъ центральной Руси соблазняли даже такихъ людей, какъ Геннадій или Іосифъ Волоцкій: они также серьезно помышляли о близкой кончинѣ міра, хотя видѣли ея ближайшіе признаки въ иномъ явленіи, а именно: въ появленіи еретиковъ и въ благоволеніи къ нимъ московскаго князя.

Новгородская ересь появляется одновременно съ оживленіемъ эсхатологическихъ чаяній. Іосифъ приводитъ, со словъ Геннадія, имена первыхъ новгородскихъ еретиковъ съ обозначеніемъ ихъ профессіи: изъ 23 лицъ 15 человѣкъ—попы, или крылошане, или сыновья поповъ, а остальные, судя по прозвищамъ (Гризя Ключъ, Мишукъ Собака, Васюкъ Сухой и др.), принадлежали къ демократической, московской партіи. Если мы вспомнимъ, что новгородское бѣлое духовенство, такъ же, какъ черные люди, было въ полномъ подчиненіи у боярства и архіепископа, то для насъ ясны будутъ причины московскихъ симпатій новгородскихъ еретиковъ. Ихъ идеологія также коренится въ перипетіяхъ партійной борьбы конца XV вѣка—и, съ одной стороны, развиваетъ доктрину стригольниковъ, поскольку она критиковала вѣроученіе и обрядность феодальной церкви, съ другой стороны, вооружается противъ

эсхатологическихъ ожиданій боярской партіи, которыя, до извѣстной степени, были, конечно, пріемомъ партійной борьбы, средствомъ воздѣйствія на суевѣрный черный людъ. Доводы еретиковъ были обставлены такимъ ученымъ аппаратомъ, съ которымъ представителямъ феодальной церкви, привыкшимъ къ начетническому методу, бороться было трудно. Еретики воспользовались всѣми тѣми источниками культурнаго просвѣщенія, какіе представляла широкая новгородская торговля, и не только знали такія книги священнаго писанія, какъ кн. Бытія, Царствъ, Притчи, Іисуса Сирахова, которыя не были извѣстны даже архіепископу Геннадію, но имѣли понятія о такихъ отцахъ церкви, какъ Діонисій Ареопагитъ; знали логику, и познакомились со средневѣковой іудейской кабалой, астрономіей и астрологіей. Послѣднее обстоятельство и дало Іосифу Волоцкому возможность, предвосхищая методъ современныхъ истинно-русскихъ людей, найти сразу и безошибочно корень зла: „жидовинъ именемъ Схарія... діаволовъ сосудъ и изученъ всякаго злодѣйства изобрѣтенію, чародѣйству же и чернокнижію, звѣздозаконію же и астрологы“, пріѣхавшій въ 1471 г. въ Новгородъ, и три другихъ „жида“ изъ Литвы, пріѣхавшихъ вслѣдъ за Схаріей, „прельстили“ первыхъ еретиковъ, попа Дениса и протопопа Алексѣя; жиды научили ихъ жидовству, велѣли втайнѣ быть жидами, а снаружи казаться христіанами, и превратили ихъ въ самыхъ ревностныхъ пропагандистовъ жидовства. Открывъ, такимъ образомъ, корень ереси, Іосифъ немного ниже разсказываетъ, что Иванъ III, посѣтившій Новгородъ въ 1480 г., взялъ съ собою и Алексѣя и Дениса и опредѣлилъ перваго протопопомъ въ церковь Успенія, а второго — попомъ къ Архангелу; чувствуя, что такой поступокъ царя по отношенію къ „явнымъ жидамъ“ былъ чисто-антихристовымъ дѣйствіемъ, и не рѣшаясь въ то же время отождествить великаго князя съ антихристомъ, Іосифъ объясняетъ этотъ пассажъ тѣмъ, что Алексѣй „волхвованіемъ подойде державнаго“. Но эта лазейка не можетъ спасти схемы Іосифа отъ краха въ глазахъ всякаго непредубѣжденнаго критика; и мы сейчасъ увидимъ, что въ религіозныхъ воззрѣніяхъ еретиковъ „жидовства“ почти не было.

Москва была для боярской партіи въ Новгородѣ царствомъ антихриста. Еретики, какъ представители московской партіи, прежде всего должны были опровергнуть это воззрѣніе. Они не поступили въ этомъ случаѣ такъ, какъ поступилъ московскій лѣтописецъ, предложившій новгородцамъ

„на себя оборотиться“: это въ „окаянную Мареу“ вошелъ „прелестникъ-діаволъ“, а Ивану III, напротивъ, въ походѣ на Новгородъ сопутствовали ангелы. Для просвѣщенныхъ новгородскихъ еретиковъ такое состязаніе было ненужно: имъ былъ извѣстенъ іудейскій „Шестокрылъ“, книга, очень распространенная въ то время между книжными людьми изъ среды городского духовенства, и изъ этого „Шестокрыла“, помимо всякаго Схаріи и иныхъ „жидовъ“, еретики могли узнать, что по іудейскому счету отъ сотворенія міра прошло почти на 750 лѣтъ меньше, чѣмъ по христіанскому; а такъ какъ іудейскій счетъ велся по оригиналу, по еврейской библіи, а не по александрійскому переводу (въ которомъ хронологическія данныя не сходятся съ еврейскими), и такъ какъ, далѣе, послѣ окончанія библейскихъ временъ, іудеи вели счетъ времени по прежнему библейскому способу, а офиціальная церковь пользовалась языческимъ юліанскимъ календаремъ,— то было ясно, какому лѣтоисчисленію нужно отдать предпочтеніе. А разъ въ 1492 г. будетъ не 7000, а только около 5250 лѣтъ отъ сотворенія міра, то значитъ всѣ толки о второмъ пришествіи не имѣютъ подъ собою никакого основанія, и Москва ничего антихристова въ себѣ не содержитъ. Но начавъ съ критики эсхатологическихъ представленій, еретики не ограничились ею, а пошли дальше. Эта церковь, которая противополагаетъ себя московскому государству, какъ антихристу, полна всяческихъ заблужденій и учитъ явнымъ несообразностямъ. Надо поклоняться иконамъ, какъ божественнымъ вещамъ: но „то суть дѣла рукъ человѣческихъ, уста имутъ и не глаголютъ; подобны будутъ вси надѣющіяся на ня“,—и еретики не только не поклонялись иконамъ, но „хулили и ругались имъ“, при чемъ въ описаніи этихъ поруганій усердные доносчики Геннадія не стѣснялись никакими красками. За критикой иконопоклонства слѣдовала критика богочеловѣчества Іисуса Христа: его еретики считали пророкомъ, подобнымъ Моисею, но не равнымъ богу-отцу, находя, что немыслимо „богу на землю сниити и родитися отъ дѣвы, яко человѣкъ“; богъ единъ, а не троиченъ, ибо въ разсказѣ о явленіи бога Аврааму у дуба Мамври ясно говорится, что тутъ былъ богъ и два ангела, а не три лица троицы. Другими словами, еретики были строгіе монотеисты и отрицали всѣ предметы культа, которые хотя бы косвенно напоминали о политеизмѣ: троичность лицъ, иконы, мощи, кресты и т. д. Но ученія Христа еретики не только не отвергали, но даже совершали евхаристію, понимая ее, однако, въ

реформатскомъ духѣ: хлѣбъ — просто хлѣбъ, вино — просто вино, это только символы, а не подлинное тѣло и кровь Христовы. За критикой вѣроученія шла критика церковной организаціи. Мы не знаемъ, какъ относились еретики къ высшей церковной іерархіи, но слѣдуетъ предполагать, что они отвергали ее; по крайней мѣрѣ, Геннадій жалуется на одного изъ еретиковъ, чернеца Захара, который не причащался самъ и не причащалъ другихъ на томъ основаніи, что не у кого причащаться: всѣ поставлены „на мздѣ" — старый стригольническій мотивъ. Послѣ этого мы можемъ повѣрить Іосифу, который увѣряетъ, что еретики считали монашество человѣческимъ измышленіемъ и лицемѣріемъ и отвергали главную функцію молитвенниковъ — молитвы за умершихъ: „а что то царство небесное, а что то второе пришествіе, а что то воскресеніе мертвыхъ? ничего такого нѣтъ, умеръ инъ, то умеръ, по та мѣсто и былъ..."

Эти еретическія мнѣнія пришлись какъ нельзя болѣе кстати къ той церковно-политической борьбѣ, которая разыгрывалась въ это же время въ Москвѣ. Яблокомъ раздора были огромныя монастырскія земли, вопросъ о секуляризаціи которыхъ былъ властно поставленъ послѣ экспропріаціи новгородскаго боярства и церкви въ пользу „служилыхъ людей"*). Естественно, что еретики и сочувствующіе имъ должны были найти въ Москвѣ не толко „ослабу", но и прямое покровительство. На митрополичій престолъ былъ возведенъ Зосима, который былъ горячимъ сторонникомъ конфискаціи земельныхъ владѣній церкви и, повидимому, раціоналистомъ. Это былъ прямой вызовъ, и началась жестокая борьба, въ которой обѣ стороны мобилизовали лучшія свои силы.

Мы видѣли уже, что противъ московскихъ „жидовствующихъ" Іосифъ не могъ выставить никакихъ иныхъ обвиненій, кромѣ того, что они занимались астрономіей и астрологіей и вообще, какъ болѣе или менѣе образованные люди, усвоили себѣ раціоналистическій взглядъ на религію: „душа самовластна, заграда ей вѣра" — любилъ повторять, цитируя апокрифическое Лаодикійское посланіе, великокняжескій дьякъ Өедоръ Курицынъ, который былъ душою московскихъ вольнодумцевъ и устроилъ у себя „салонъ". Но зато какъ нельзя болѣе ясно обнаруживается связь московскихъ вольнодумцевъ со старобоярской партіей. Опорой ихъ была прежде всего

*) Политическіе мотивы этой борьбы найдутъ оцѣнку въ слѣдующей главѣ; здѣсь же оцѣнивается только отношеніе къ вопросу различныхъ слоевъ клира и тѣ средства, посредствомъ которыхъ церковь отстояла свое имущество.

княгиня Елена, сынъ которой, Дмитрій, былъ первоначальнымъ кандидатомъ на престолъ, и такіе два боярина, какъ князь Иванъ Юрьевичъ Патрикѣевъ, будущій Вассіанъ, и Семенъ Ивановичъ Ряполовскій. Митрополитъ Зосима былъ ихъ ставленникомъ; что бы ни говорилъ о немъ и о прочихъ „еретикахъ“ Іосифъ, но такія обвиненія, что еретики „всегда собирающеся тайно по всѣхъ мѣстѣхъ, идѣже кто обрѣташеся, и жертвы жидовскія жряху, и пасху жидовскую, и праздники жидовскія творяху“, всегда останутся ничѣмъ инымъ, какъ только тенденціознымъ домысломъ не знающаго границъ политическаго сыска. Московскіе „еретики“ денно и нощно указывали князю на то, что не пристало монахамъ владѣть вотчинами; этого было достаточно, чтобы обвинить ихъ во всѣхъ возможныхъ и невозможныхъ мерзостяхъ.

Застрѣльщикомъ въ борьбѣ противъ еретиковъ былъ новгородскій архіепископъ Геннадій, близкій другъ и единомышленникъ Іосифа Волоцкаго. Онъ засыпалъ и Іосифа, и митрополита, и самого князя, и другихъ вліятельныхъ лицъ посланіями, въ которыхъ жаловался на еретиковъ, требовалъ суда надъ ними и съ горечью указывалъ, что въ Москвѣ они живутъ въ „ослабѣ“. Однако, старанія его увѣнчались успѣхомъ только наполовину. Въ 1490 г. Зосима (еретикъ!) созвалъ первый соборъ на еретиковъ, которому были преданы новгородскіе еретики, обнаруженные сыскомъ въ Новгородѣ и въ Москвѣ. Изъ приговора этого собора, основаннаго на розыскахъ Геннадія и московскихъ сыщиковъ, мы и заимствуемъ тѣ свѣдѣнія о доктринѣ новгородскихъ еретиковъ, которыя проведены выше; несмотря на тотъ мутный источникъ, изъ котораго заимствовалъ свои свѣдѣнія соборъ 1490 г. все-таки его сужденію приходится придавать болѣе вѣры, чѣмъ домысламъ Іосифа. Приговоръ собора надъ еретиками оказался также не столь рѣшительнымъ, какъ того желали бы противники ереси. Вмѣсто безпощадной казни, которой требовалъ для еретиковъ Геннадій, они были только отлучены отъ церкви и преданы проклятію; а великій князь, въ распоряженіе котораго еретики были отданы соборомъ для „градской казни“, ограничился тѣмъ, что нѣсколькихъ лицъ, считавшихся главарями ереси, приговорилъ къ заточенію, а другихъ — къ болѣе легкимъ наказаніямъ. Но самые главные въ глазахъ „осифлянъ“ еретики, участники кружка Ѳедора Курицына, не только не были наказаны, но пріобрѣли еще большій авторитетъ: въ 1492 г. пасхалія благополучно окончилась, и никакой кончины міра, которой ждали и Іосифъ и Геннадій, не послѣдо-

вало, а въ 1497 г. неожиданно открылся заговоръ на жизнь Дмитрія, и всѣ приверженцы Софьи, они же противники еретиковъ, попали въ опалу, въ томъ числѣ Челяднины, личные друзья и покровители Іосифа. Это послѣднее событіе парализовало нѣкоторый успѣхъ осифлянъ, заключавшійся въ томъ, что въ 1495 г. имъ удалось добиться смѣщенія Зосимы и замѣны его своимъ единомышленникомъ, Симономъ, имѣвшимъ, правда, мало вліянія. Вся борьба сосредоточилась послѣ 1497 года при дворѣ; осифляне видѣли, что, пока они не добьются вліянія на князя, имъ нечего и мечтать о сохраненіи своихъ позицій. Желанный мигъ, наконецъ, насталъ: въ 1499 году ловкая интрига, которую вела Софья, увѣнчалась успѣхомъ князь вернулъ свое расположеніе Софьѣ и Василію, а вожди старобоярской партіи попали въ опалу. Ряполовскому отрубили голову, а отца и сына Патрикѣевыхъ постригли въ монахи и сослали въ заволжскіе скиты. Оставалось только пользоваться благопріятными обстоятельствами, чтобы отвести грозу отъ монастырскихъ имуществъ, которая надвигалась теперь уже совершенно открыто: въ 1500 году князь устроилъ нѣсколько частныхъ совѣщаній по вопросу о томъ, достоитъ ли монастырямъ и церквамъ владѣть имуществами. Вслѣдствіе частнаго характера этихъ совѣщаній, мы не имѣемъ ихъ протоколовъ; но извѣстно, что въ нихъ участвовали Нилъ Сорскій и Паисій Ярославовъ, на которыхъ опирался великій князь, такъ что Симону пришлось пустить въ ходъ противъ заволжскихъ старцевъ весь запасъ примѣровъ изъ ветхаго завѣта, церковной исторіи и житій святыхъ, чтобы поколебать позиціи противниковъ церковнаго вотчиновладѣнія.

Для осифлянъ стало очевидно, что для сохраненія монастырскихъ имуществъ недостаточно одной борьбы съ „еретиками“: дѣло оказывалось гораздо сложнѣе, касалось самаго животрепещущаго вопроса тогдашней государственной жизни. Если церковь хотѣла сохранить за собою земли, то ей нужно было сдѣлать нѣчто большее, чѣмъ простой оговоръ въ ереси противниковъ вотчиновладѣнія; церковь должна была пойти навстрѣчу стремленіямъ московскихъ князей, санкціонировать „самодержавіе“ московскаго князя и поступиться при этомъ всѣми тѣми правами, которыя превращали церковныя учрежденія въ государство въ государствѣ. Мало этого, церковь должна была признать единымъ главою надъ собою московскаго князя; и ничего другого ей не оставалось дѣлать послѣ того, какъ ея удѣльные сеньеры готовы были пожертвовать спокойствіемъ душъ своихъ предковъ, лишь бы спасти отъ раз-

грома себя самихъ и свои вотчины. И вотъ, тотчасъ же послѣ совѣщанія 1500 г. въ доводахъ осифлянъ чувствуется новая нотка: все чаще и чаще ихъ аргументація переходитъ изъ сферы религіи въ область политики, а подъ конецъ принимаетъ чисто политическій характеръ.

Первымъ симптомомъ новаго характера отношенія церкви къ московскому князю надо считать поставленіе митрополита Симона, совершившееся нѣсколько необычнымъ порядкомъ. Послѣ формальнаго избранія его на соборѣ епископовъ по указанію великаго князя, во время торжественнаго посвященія новаго митрополита, великій князь собственноручно „предалъ его епископамъ“ и повелѣлъ ему „принять жезлъ пастырства и взойти на сѣдалище старѣйшинства“. Этотъ невиданный доселѣ обрядъ подмѣченъ былъ уже тогдашними лѣтописцами, и хотя значеніе его, пока что, было чисто формальное, но онъ могъ служить для осифлянъ перстомъ, указующимъ имъ ихъ линію поведенія. Соборъ 1503 г., созванный офиціально для разрѣшенія второстепеннаго вопроса о вдовыхъ попахъ, еще разъ показалъ осифлянамъ, что медлить съ дѣйствіями не приходится, и что опять-таки центръ тяжести всего вопроса заключается въ установленіи новыхъ отношеній къ „державѣ“ московскаго князя.

Когда вопросъ о вдовыхъ попахъ былъ рѣшенъ, князь неожиданно предложилъ собору рѣшить вопросъ о монастырскихъ имуществахъ. Это предложеніе свалилось, какъ снѣгъ на голову осифлянской партіи, главный дѣятель которой, Іосифъ, въ это время уже уѣхалъ съ собора. За нимъ послали въ догоню; онъ вернулся и сумѣлъ защитить монастырскія имущества, но чувствовалось, что это только отсрочка. Нужно было дѣйствовать, и Іосифъ тотчасъ послѣ собора воспользовался болѣзненнымъ состояніемъ престарѣлаго князя, чтобы окончательно взять его въ свои руки и подвигнуть предъ смертью на душеспасительное дѣло, особенно пріятное господу богу: на розыскъ и казнь еретиковъ. Соборъ 1504 г. былъ, въ противоположность собору 1490 г., расправой быстрой и жестокой; выслушавъ (по разсказу Іосифа) „многихъ истинныхъ свидѣтелей“, соборъ предалъ еретиковъ проклятію, а князь, въ свою очередь, трехъ главныхъ „еретиковъ“, Ивана Волка, брата Ѳедора Курицына, зятя протопопа Алексѣя, Ивана Максимова и юрьевскаго архимандрита Кассіана, приговорилъ къ сожженію, а прочихъ еретиковъ разослалъ въ заточеніе. На руку осифлянамъ заволжскіе старцы стали возражать противъ этихъ жестокостей, ссылаясь на

евангельскій разсказъ о прощеніи Іисусомъ грѣшницы и на заповѣдь: „не судите, да не судимы будете". Іосифъ возражалъ, что „еретика руками убити или молитвою едино есть", и что рука, наносящая язву еретику „тѣмъ самымъ освящается". А когда язвительный Вассіанъ предложилъ Іосифу самому показать примѣръ, сотворить молитву, чтобы земля пожрала недостойныхъ еретиковъ и грѣшниковъ, Іосифъ не выдержалъ. Онъ заявилъ, что заволжскихъ старцевъ научили еретики, внушивъ имъ мысль о необходимости пощады еретикамъ; послѣ этого недвусмысленнаго кивка по адресу нестяжателей, Іосифъ излагаетъ цѣлую инквизиціонную теорію сотрудничества свѣтской и духовной власти въ дѣлѣ преслѣдованія ереси. Церковь только разыскиваетъ еретиковъ, пользуясь „богопремудростнымъ художествомъ и богонаученнымъ коварствомъ", т.-е. прибѣгая ко всякимъ пріемамъ сыска и пыткамъ; когда, такимъ путемъ, еретики будутъ открыты, то церковь можетъ ихъ убить либо однимъ словомъ, либо чрезъ посредство гражданской власти, которая предаетъ ихъ надлежащей казни. Эта любопытная полемика была вдвойнѣ полезна осифлянамъ: во-первыхъ, она дала имъ возможность заподозрить въ ереси самихъ заволжскихъ старцевъ, во-вторыхъ, она сближала осифлянъ съ великокняжеской властью на поприщѣ борьбы съ крамолою, ибо связь заволжскихъ старцевъ съ крамольными боярами была налицо, и тѣ же крамольники, благодаря остроумной догадкѣ Іосифа, оказывались и еретиками.

Оставалось разубѣдить союзника въ необходимости конфискаціи церковныхъ владѣній. Былъ простой способъ: напугать его божественными карами. Первый опытъ въ этомъ родѣ былъ сдѣланъ около 1503 года въ Новгородѣ: тамъ внесли въ „Чинъ православія" слѣдующее анаѳематствованіе: „вси начальствующіи и обидящіи святыя божія церкве и монастыреве, отнимающія у нихъ данныя тѣмъ села и винограды, аще не престанутъ отъ таковаго начинанія, да будутъ прокляты"; примѣру Новгорода послѣдовалъ Ростовъ. А спустя три года послѣ собора 1503 года Іосифъ въ обширномъ посланіи къ Третьякову изображаетъ, „какова погибель приходитъ" тѣмъ, кто покусится на монастырскія имущества, перечисляя изъ житій святыхъ „немилостивыя казни" отъ Христа обидчикамъ церкви. Особенно богатый матеріалъ предоставило житіе Стефана сербскаго, святого, который особенно отличился на поприщѣ наказанія князей, обижавшихъ монастыри: одному такому князю онъ вонзилъ въ гортань

два „великіе“ гвоздя даже до грудей, такъ что пришлось звать кузнеца, чтобы вынуть гвозди изъ княжеской гортани, а другого князя избил лампадой до полусмерти; и избитый черезъ семь недѣль умеръ, сгнивши заживо. Казни были, дѣйствительно ужасныя, но заволжскіе старцы выразили по поводу ихъ достовѣрности большія сомнѣнія; приходилось дѣйствовать поэтому не одним страхомъ, но и практическими услугами, въ отплату за которыя можно было бы, въ свою очередь, требовать уступокъ. И вотъ Іосифъ уже послѣ смерти Іоанна III, когда княжилъ Василій, вновь приблизившій къ себѣ Вассіана Патрикѣева, открыто и рѣшительно становится на сторону „державности“ московскаго князя.

Въ это время на волоколамскомъ столѣ въ качествѣ сеньёра Іосифова монастыря сидѣлъ какъ разъ одинъ изъ такихъ князей, съ какими приходилось воевать сербскому Стефану. Недолго думая, Іосифъ взялъ да перешелъ подъ державу“ московскаго князя; но онъ не спросил при этомъ разрѣшенія своего духовнаго синьёра, новгородскаго владыки Серапіона. Когда тотъ „запретилъ“ Іосифа за такой самовольный поступокъ, Іосифъ придалъ всему дѣлу политическій оборотъ и выступилъ съ новой теоріей отношеній между свѣтской и духовной властью, теоріей, которая какъ нельзя болѣе соотвѣтствовала видамъ московскаго князя: „царь естесвтомъ подобенъ есть всѣмъ человѣкомъ, властію же подобенъ вышнему богу“, говорилъ Іосифъ еще въ „Просвѣтителѣ“; теперь изъ этой посылки были сдѣланы всѣ теоретическіе и практическіе выводы. И въ отвѣты на обвиненіе Серапіона въ „великомъ безчиніи“, заключавшемъ въ томъ, что Іосифъ „отказался отъ своего государя въ великое государство“, Іосифъ отвѣчаетъ обратнымъ обвиненіемъ Серапіона въ бунтѣ противъ богоустановленой власти, которой должна подчиняться и церковь: „Самодержецъ и государь всея Руси“ — вотъ кто этотъ государь, къ которому перешелъ Іосифъ; самъ богъ „посади его въ себѣ мѣсто“ и „судъ и милость предастъ ему и церковное и монастырское всего православнаго государства и всея русскія земли власть и попеченія вручилъ ему“. Съ такимъ государемъ не подобаетъ „сварится“; „ни древніе святители дерзнуша сіе сотворите, ни четыре патріарси, ни римскій папа, бывшій на вселенскомъ соборѣ; и аще когда царь на гнѣвъ совратится на кого, и они съ кротостью и смиреніем и со слезами моляху царя“. Государю принадлежитъ и верховный окончательный судъ надъ церковными лицами апелляціи на

него нѣтъ—„судъ царя никѣмъ уже не посужается“. Поворотъ былъ полный; и побѣда осталась, конечно, на сторонѣ Іосифа. Соборъ разрѣшилъ его, а Серапіона позвалъ и заточилъ въ монастырь; хлопоты за опальнаго владыку бояръ, которыхъ Іосифъ обозвалъ „неразумными, скоту подобными человѣки“, только повредили ему. Выступленіе Іосифа имѣло огромное политическое значеніе: затронутая въ своихъ матеріальныхъ интересахъ, церковь порвала съ удѣльными политическими традиціями и открыто стала на сторону „державности“. „Непогребенные мертвецы“ стали постоянными совѣтниками и союзниками московскаго государя, который ихъ же публицистическимъ усердіемъ былъ превращенъ въ царя „третьяго Рима“, въ наслѣдника самихъ римскихъ кесарей *).

Два главныхъ слѣдствія получились изъ этого союза. Во-первыхъ, церковнымъ учрежденіямъ пришлось поступиться своими иммунитетами и подчиниться нѣкоторымъ ограниченіямъ въ землевладѣніи. Признавъ верховное право суда московскаго государя, осифляне тѣмъ самымъ отказывались и отъ судебныхъ привилегій. Первый оффиціальный актъ, касающійся монастырскаго и епископскаго иммунитета, относится къ 1550 году. Онъ требуетъ, чтобы новыя подгородныя слободы, образующіяся вокругъ архіерейскихъ резиденцій и монастырей, тянули тягло и „съ судомъ“ вмѣстѣ съ городскими людьми; старыя слободы тянутъ тягло по-старому, но ихъ ростъ закрѣпляется въ извѣстныхъ предѣлахъ. Стоглавъ въ слѣдующемъ 1551 году, по предложенію царя, пересмотрѣлъ прежнія мѣры по ограниченію монастырскаго землевладѣнія, почти не примѣнявшіяся на практикѣ, и издалъ новыя правила на этотъ счетъ. Основаніемъ для монастырскаго землевладѣнія была признана единственно функція монастырей, какъ молитвенниковъ за умершихъ, поэтому всѣ земли, черныя и помѣстныя, попавшія въ руки монастырей за долги или неправильно записанныя за монастырями, должны были немедленно быть возвращены прежнимъ владѣльцамъ; вотчины, отданныя „по душамъ“ до приговора, остаются за монастырями, впредь же дача вотчинъ по душѣ подчиняется контролю московскаго государя: безъ его согласія никакая часть вотчинной земли не можетъ быть отдана монастырямъ. Соборъ, правда, въ обезпеченіе тѣхъ владѣній, какія оставались у церкви, провозгласилъ ихъ неотчуждаемость и напередъ проклялъ тѣхъ „царей и вель-

*) См. главу VI.

можъ", которые вздумаютъ обидѣть божіи церкви. Но эти постановленія имѣли уже чисто академическое значеніе.

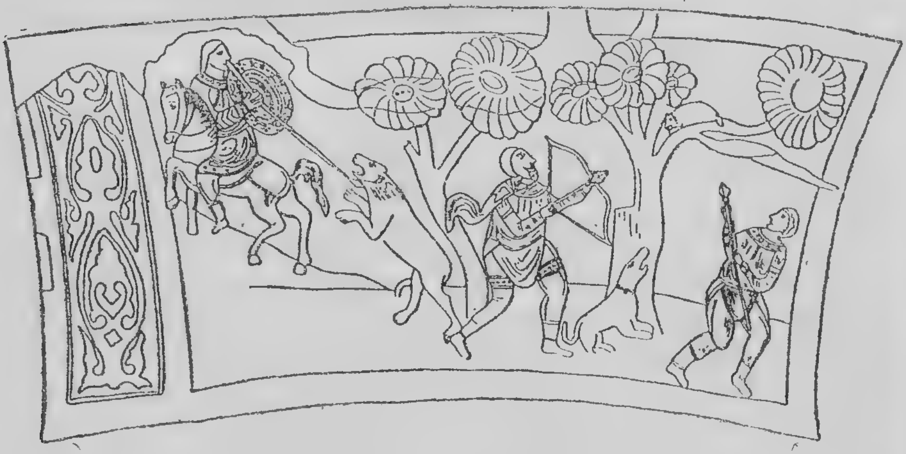
Второе послѣдствіе касалось внутренняго содержанія церкви. Порвавъ съ удѣльнымъ феодализмомъ и перейдя въ подчиненіе московской „державѣ", церковь должна была провести централизацію и въ культахъ. Эту централизацію отчасти проводили уже московскіе князья, перенося въ свой Успенскій Соборъ мѣстныя иконы присоединяемыхъ удѣловъ; благодаря ихъ дѣятельности въ этомъ направленіи, Успенскій Соборъ постепенно становился пантеономъ сѣверо-восточной Руси. Но кромѣ иконъ, были еще мѣстные патроны въ лицѣ мѣстныхъ святыхъ. Приходилось или запретить ихъ культы, или санкціонировать ихъ въ качествѣ всероссійскихъ святыхъ; конечно, былъ избранъ послѣдній путь. Душою дѣла канонизаціи сталъ митрополитъ Макарій, ярый осифлянинъ, первое время бывшій преемникомъ Іосифа на игуменской каѳедрѣ въ Волоколамскомъ монастырѣ. Въ сотрудничествѣ съ царемъ, онъ созвалъ два собора, 1547 и 1549 года, на которыхъ были канонизованы всѣ наиболѣе крупные мѣстные святые. Московская государственная церковь, преемница византійскаго православія, могла теперь гордиться своей славой. Правда, канонизація была больше формальнымъ актомъ, чѣмъ существеннымъ измѣненіемъ въ характерѣ культа: мѣстные святые на мѣстахъ своего почитанія по-прежнему казались исключительно мѣстными патронами, а въ центрѣ офиціальное обязательное отправленіе въ ихъ честь культа было простою бездушной формальностью. Но идея централизаціи культа тѣмъ не менѣе выражена совершенно опредѣленно. Послѣднимъ шагомъ впередъ въ этомъ направленіи было учрежденіе патріаршества. На мѣсто соборовъ, представлявшихъ отдѣльные церковные міры, теперь стала такая же „державная" церковная власть, какою въ свѣтской области являлся царь. Такъ создалась всероссійская государственная церковь.

Опальное боярство тщетно боролось съ этимъ неизбѣжнымъ ходомъ вещей. Оно выставило незаурядную силу, Вассіана-Патрикѣева, который успѣлъ пріобрѣсти вліяніе на Василія, но противъ него, какъ впослѣдствіи противъ Артемія, имѣвшаго вліяніе на Грознаго, было выдвинуто старое оружіе, обвиненіе въ ереси. Сначала „ересь" нашли въ заволжскихъ скитахъ, гдѣ у двухъ монаховъ оказались неизвѣстно какія „жидовскія" книги; потомъ на скамью подсудимыхъ попалъ и самъ Вассіанъ. Его рѣзкія невоздержанныя рѣчи, задѣвавшія не только права монастырей на вотчино-владѣніе, но и лично князей церкви („имъ надобе пиры и

села, и скакати, и смѣяти съ воры“) дали обильный матеріалъ для обвиненій: онъ де чудотворцевъ, владѣвшихъ селами. называлъ смутотворцами не вѣрилъ въ новыхъ святыхъ и поддѣлывалъ Кормчую. Вассіанъ былъ осужденъ, и съ нимъ погибъ послѣдній церковный противникъ осифляпъ, стоявшій еще на почвѣ борьбы противъ вотчиновладѣнія. Дѣло явно шло къ опричнинѣ, и апокрифическая „Бесѣда Валаамскихъ чудотворцевъ“ говоритъ уже доводами Курбскаго. Иноки—непогребенные мертвецы, ихъ дѣло молиться „въ смиренномъ образѣ“ за царя и великихъ князей; если иноки стали совѣтниками царя, стали частью московской государственной машины, то это имъ только „душевредство и безконечная погибель“. Царю надлежитъ „царство держати“ съ князьями и боярами, а не съ иноками. Отвѣтомъ на это былъ терроръ Грознаго.

Ставъ изъ феодально-удѣльной московско-дворянскою, церковь не измѣнила ни въ чемъ своей соціальной позиціи: по отношенію къ тяглому люду, находившемуся подъ нею, она осталась тѣмъ же требовательнымъ господиномъ. Съ этой стороны ее изобличали, не жалѣя красокъ, сторонники боярской партіи, въ особенности Максимъ-грекъ. Подражая ветхозавѣтнымъ пророкамъ, онъ влагаетъ въ уста господа и богоматери пламенныя филиппики противъ церкви, которая служитъ богу „красногласнымъ пѣніемъ, шумомъ доброгласныхъ колоколовъ и вонями благоуханными“, облекаетъ его на иконахъ въ золотыя ризы и золотой вѣнецъ, но все это приноситъ ему „отъ неправедныхъ и богомерзкихъ лихвъ, отъ лихоиманія и хищенія чужихъ имѣній“; дары эти „смѣшаны со слезами сиротъ и бѣдныхъ вдовицъ и кровями убогихъ“, получены путемъ „страшнаго обремененія въ работахъ братій“. Другой авторъ, анонимъ, которому принадлежитъ одно рукописное поученіе XVI в., быть-можетъ, подражая „Похвалѣ Глупости“, изображаетъ, какъ на страшномъ судѣ Господь „повелитъ отлучити митрополиты и епископы, и попы, и игумены, и дьяконы, и черниця, и черньца“ за то, что они, заблудившись „въ гордости, и въ пиры и въ сребролюбіи“, не научили людей его, и предастъ ихъ въ „огнь вѣчный“. Со стороны тяглаго люда протестовъ противъ церковнаго господства въ серединѣ XVI в. еще не слышно, если не считать единичныхъ явленій в родѣ духовно-анархической секты бѣлаго холопа Ѳеодосія Косого, бѣлозерскаго монаха. По ученію Косого вся церковная догматика и культъ—человѣческое преданіе, точно также, какъ

и государственная организація: у христіанъ не должно быть властей и не должно имъ воевать, а вся религія заключается исключительно въ любви къ ближнимъ; эта послѣдняя, судя по взглядамъ Матвѣя Башкина, находившагося въ сношеніяхъ съ Косымъ и также осужденнаго за ересь, заключалась въ томъ, чтобы уничтожить кабалу: „мы христовыхъ рабовъ у себя держимъ, а Христосъ всѣхъ братіею нарицаетъ, а у насъ де на иныхъ и кабалы, на иныхъ бѣглыя, а на иныхъ нарядныя, а на иныхъ полныя, а я де благодарю бога моего, у меня де что не было кабалъ полныхъ (Башкинъ былъ боярскій сынъ), то де есми все изодралъ, да держу де, государь, своихъ добровольно". Эти единичныя проявленія протеста были предвѣстниками великаго соціально-религіознаго кризиса, разразившагося въ XVII вѣкѣ, когда послѣ смуты окончательно укрѣпило свою державу „антихристово" дворянское московское государство.



Фреска лестницы Кіево-Софійскаго собора.

Портретъ царя Ивана Грознаго, работы профессора Николая Уткина.

ГЛАВА VIII.

Грозный.

1. Аграрный переворотъ XVI вѣка.

Первый, по времени, историкъ царя Ивана Васильевича, писавшій въ то время, когда грозный царь еще сидѣлъ на московскомъ престолѣ, князь Курбскій, объясняя, почему Иванъ губилъ „всероднѣ“ русскихъ „княжатъ“, приводитъ такой мотивъ: „понеже отчины имѣли великія; мню, негли (вѣроятно) изъ того ихъ погубилъ“. Литературный противникъ Ивана Васильевича не отличался ни писательскимъ талантомъ, ни особенно глубокимъ пониманіемъ происходившаго вокругъ него. Поминая объ „отчинахъ“, какъ поводѣ для истребленія его родичей, Курбскій, можетъ быть, имѣлъ въ виду очень узкую практическую цѣль—пугнуть польско-литовскую аристократію, которая въ тѣ дни, когда писалась „Исторія князя великаго

московскаго", не далека была отъ мысли посадить Ивана и на польскій престолъ. Но практическіе люди, именно потому, что они лишены широкаго кругозора, ближайшія причины явленій часто замѣчаютъ лучше, нежели тѣ, кто смотритъ на вещи черезъ очки идеалистической теоріи. Курбскому пришлось долго ждать, пока были оцѣнены его мимоходомъ брошенныя замѣчанія о причинахъ „тиранства" Грознаго. Только въ 70-хъ годахъ прошлаго вѣка покойный петербургскій профессоръ Ждановъ сталъ рѣшительно на ту точку зрѣнія, что въ спорѣ изъ-за земли слѣдуетъ искать ключъ ко всей трагедіи опричнины *). А въ промежуткѣ какихъ только объясненій не привелось испытать на себѣ заднимъ числомъ царю Ивану: отъ самыхъ возвышенныхъ, по методу философіи Гегеля, дѣлавшихъ московскаго самодержца орудіемъ всемірнаго духа въ его разрушительно-творческой работѣ, до самыхъ реалистическихъ, утверждавшихъ, что будь въ Россіи XVI вѣка сумасшедшіе дома, и найди Иванъ Васильевичъ себѣ мѣсто въ одномъ изъ нихъ, никакой трагедіи и вовсе не было бы **).

Сейчасъ аграрная подкладка опричнины составляетъ, можно сказать, общее мѣсто—оригинальностью было бы не отстаивать взгляда историка XVI вѣка, а спорить съ нимъ. „Опричнина была первою попыткою разрѣшить одно изъ противорѣчій московскаго государственнаго строя", говоритъ одинъ изъ осторожнѣйшихъ въ своихъ выводахъ русскихъ историковъ, проф. Платоновъ: „она сокрушила землевладѣніе знати въ томъ его видѣ, какъ оно существовало изъ старины". Всѣ гипотезы относительно „личности" Грознаго отходятъ на третій планъ передъ этимъ простымъ житейскимъ фактомъ, подмѣченнымъ современниками триста лѣтъ назадъ. Но и простой житейскій фактъ нуждается въ объясненіи не менѣе, чѣмъ самое сложное и романтическое „душевное состояніе". Почему Грозному понадобились вотчины его бояръ, когда и у него самого этихъ вотчинъ было достаточно, когда его отецъ и дѣдъ, достраивая московское государство, уживались съ владѣльцами этихъ вотчинъ довольно мирно—и, во всякомъ случаѣ, до „всероднаго" губительства этихъ владѣльцевъ не доходили? Опричнина была лишь кульминаціоннымъ пунктомъ длиннаго соціально-политическаго процесса, который начался задолго до Грознаго, кончился не скоро послѣ его смерти и своей неотвратимой стихійностью дѣлаетъ особенно

*) См. его—напечатанную лишь впослѣдствіи—работу о „сочиненіяхъ Ивана Грознаго", Сочиненія, т. 1, Спб. 1904.

**) См. книгу проф. Ковалевскаго „Душевное состояніе Ивана Грознаго", Харьковъ, 1883 и ст. г. Глаголева „Русскій архивъ", 1902.

праздными всякіе домыслы на счетъ „характеровъ“ и „душевныхъ состояній“. Иванъ Грозный, Θеодоръ Ивановичъ и Борисъ Годуновъ представляютъ собою, психологически, три совершенно различныхъ типа: истеричнаго самодура, помнящаго только о своемъ „я“ и не желающаго ничего знать помимо этого драгоцѣннаго „я“, никакихъ политическихъ принциповъ и никакихъ общественныхъ обязанностей,—безвольной игрушки въ чужихъ рукахъ, этого „я“, какъ-будто, вовсе лишенной—и, можетъ-быть, единственнаго государственнаго человѣка московской Руси, всю свою жизнь подчинившаго извѣстной политической задачѣ и погибшаго оттого, что онъ не смогъ ея разрѣшить. Но пребываніе на верхушкѣ государственнаго зданія этихъ трехъ совершенно различныхъ персонажей ничѣмъ не отразилось на томъ, что внутри этого зданія дѣлалось. Политика опричнины красной нитью проходитъ черезъ всѣ три царствованія, отъ 60-хъ годовъ шестнадцатаго вѣка вплоть до Смуты, имѣя минуты ослабленія и напряженія, но внѣ всякой связи съ чьей-либо личной волей. Въ 40-хъ годахъ шестнадцатаго столѣтія приближеніе катастрофы уже настолько опредѣленно чувствовалось, что программа опричнины могла быть дана за двадцать лѣтъ впередъ человѣкомъ, который самъ, быть-можетъ, и не дожилъ до того, чтобъ видѣть опричнину своими глазами. А въ сороковыхъ годахъ, „добродѣтельная“ эпоха царствованія Грознаго, которую Карамзинъ противопоставлялъ эпохѣ его „тиранства“, была еще вся впереди. Еще Иванъ не успѣлъ стать ни „добрымъ“, ни „злымъ“, а ужъ ему пророчили, что если онъ „не великою грозою народъ угрозитъ, то и правды въ землю не введетъ“. Прозвище носилось въ воздухѣ раньше тѣхъ дѣлъ, которыя должны были закрѣпить за царемъ это прозвище въ исторіи.

Вступая на престолъ въ 1533 году—трехъ лѣтъ отъ роду,—Иванъ Васильевичъ унаслѣдовалъ отъ своихъ отца и дѣда московскую вотчину въ томъ феодальномъ ея видѣ, который подробно охарактеризованъ нами выше, въ главѣ I-ой. Московскій великій князь былъ сюзереномъ безчисленнаго количества крупныхъ и мелкихъ землевладѣльцевъ, „державшихъ“ отъ него свои земли—кто въ качествѣ перешедшаго на московскую службу удѣльнаго князя, кто въ качествѣ мелкаго вассала, „сына боярскаго“, можетъ-быть, вчера еще только поверстаннаго въ московскую службу изъ боярскихъ „послужильцевъ“, если не холоповъ. Разница между этими двумя полюсами московскаго вассалитета количественно была огромная, качествен-

но же они оба принадлежали къ одной категоріи: теоретически оба они порядились служить своему сюзерену на извѣстныхъ условіяхъ, и съ устраненіемъ этихъ условій кончалась ихъ обязанность служить. Теоретически: на практикѣ соблюденіе правъ служилаго человѣка всецѣло зависѣло отъ доброй воли, отъ силы и умѣнья того, кому онъ служилъ. Знаменитое „право отъѣзда“ слугъ вольныхъ, о которомъ можно столько прочесть въ старыхъ курсахъ русской исторіи, или никогда не существовало, или существовало въ своемъ традиціонномъ видѣ вплоть до Грознаго—тотъ или иной отвѣтъ на этотъ вопросъ будетъ зависѣть отъ того, будемъ ли мы разсматривать это право внѣ связи съ „силой“ или нѣтъ. Сильный князь никогда не стѣснялся казнить слабаго отъѣздчика. Въ 1379 году правительство Димитрія Ивановича казнило боярина Вельяминова, отъѣхавшаго съ московской службы на тверскую: въ то же время тверскіе и рязанскіе бояре свободно переходили на московскую службу—московскій князь былъ сильнѣе, и съ нимъ ихъ прежніе сюзерены не могли тягаться. А на словахъ право служилаго человѣка выбирать, кому онъ будетъ служить, признавалось еще и въ 1537 и даже въ 1553 годахъ. Подъ первымъ изъ этихъ годовъ въ лѣтописи разсказывается, что князь Андрей Ивановичъ Старицкій, дядя великаго князя, незадолго передъ тѣмъ цѣловавшій крестъ на томъ, что ему „людей отъ великаго князя не отзывати“, сталъ разсылать грамоты новгородскимъ помѣщикамъ, и въ нихъ писалъ: „князь великій малъ, а держатъ государство бояре, и вамъ у кого служить? Пріѣзжайте служить ко мнѣ, а я васъ радъ жаловать“. Державшіе тогда государство бояре тѣхъ помѣщиковъ, которые польстились на „жалованье“ князя Старицкаго, велѣли бить кнутомъ и вѣшать „по новгородской дорогѣ не вмѣстѣ и до Новагорода“. А въ 1553 году эти самые бояре, во время смертельной, какъ всѣмъ казалось тогда, болѣзни Ивана, разсуждали: „какъ служить малому мимо стараго“—ребенку-сыну великаго князя мимо взрослаго потомка Ивана III, князя Владиміра Андреевича Старицкаго, сына того, что соблазнялъ новгородскихъ помѣщиковъ на ихъ гибель. И боярамъ казалось возможнымъ промѣнять молодлѣтняго сюзерена на его взрослаго соперника. Но такіе случаи представлялись все рѣже и рѣже: московскій князь фактически уже не имѣлъ при Грозномъ другого постояннаго конкурента, кромѣ великаго князя Литовскаго, а тотъ былъ католикъ, и переходъ на службу отъ царя всего православнаго христіанства къ „латинскому“ госу-

дарю, какъ бы онъ ни былъ безспоренъ съ точки зрѣнія феодальнаго права, съ точки зрѣнія господствовавшей церковной теоріи былъ, не менѣе безспорно, невозможенъ для члена православной церкви. Тѣ, кто къ этому прибѣгали, какъ Курбскій, подвергали спасеніе своей души огромному риску въ глазахъ не только одного Ивана Васильевича, а, вѣроятно, и большей части самого московскаго боярства. Внутри морально-допустимыхъ предѣловъ переходить было не къ кому: „право отъѣзда" вымирало не потому, чтобы его кто-нибудь отмѣнилъ, а потому, что примѣнять его на практикѣ стало негдѣ. Путемъ чисто количественнаго нарастанія вотчина Калиты упраздняла очень существенную сторону феодальныхъ отношеній. Форма надолго пережила содержаніе. На бумагѣ еще помѣщикъ семнадцатаго вѣка „договаривался" съ правительствомъ насчетъ условій своей жизни. „Быти ему на обышномъ конѣ, а съ государстоеннымъ жалованіемъ будетъ на добромъ конѣ" записывалось въ „десятнѣ" о томъ или другомъ служиломъ человѣкѣ. Размѣрами вознагражденія—одна ли земля или земля и, кромѣ того, денежное жалованье,—опредѣлялось качество службы. Стороны какъ-будто и здѣсь еще торговались: но это былъ лишь о б р я д ъ торга. На дѣлѣ помѣщикъ н е с м ѣ л ъ отказаться отъ той службы, какую ему предлагали, ибо въ XVII вѣкѣ даже и на минуту не могло появиться иного сюзерена, къ которому можно было бы „отъѣхать", кромѣ царя и великаго князя московскаго.

Ограничивалось ли это вывѣтриваніе старо-русскаго феодализма юридическими отношеніями? Уже съ перваго взгляда такое измѣненіе юридической надстройки при старомъ экономическомъ базисѣ являлось бы непонятнымъ. Независимое положеніе вассала по отношенію къ сюзерену было политическимъ эквивалентомъ экономической независимости вотчины этого вассала отъ окружающаго міра. Сидя въ своей усадьбѣ, землевладѣлецъ лишь изрѣдка, лишь, такъ сказать, въ торжественные моменты своей жизни входилъ въ непосредственныя отношенія съ этимъ міромъ. Въ будничной жизни онъ имѣлъ все нужное у себя дома. Происхожденіе классической гордости средневѣковаго рыцаря было, какъ видимъ, весьма прозаическое. Въ XVI вѣкѣ въ Россіи—для Запада это были XII—XIV вѣка, смотря по странѣ—цѣлый рядъ признаковъ показываетъ намъ, что эта экономическая независимость феодальной вотчины ужъ не такъ велика, какъ вѣкомъ-двумя ранѣе. Наиболѣе замѣтнымъ изъ этихъ признаковъ является стремленіе феодальнаго землевладѣльца получать свой доходъ въ

денежной формѣ. Мы помнимъ, что крестьянскій оброкъ въ древне-русской вотчинѣ уплачивался, обычно, продуктами: хлѣбомъ, льномъ, бараниной, сыромъ, яйцами и т. д. Если мы возьмемъ новгородскія писцовыя книги, которыя заключаютъ въ себѣ данныя за нѣсколько послѣдовательныхъ періодовъ, то мы увидимъ, что изъ всего этого устойчиво держится только хлѣбный оброкъ, тогда какъ сыръ, яйца и баранина къ срединѣ XVI вѣка отчасти, а къ концу его безъ исключенія замѣняются деньгами *). Причины симпатіи землевладѣльца къ хлѣбу и антипатіи къ бараninѣ мы скоро увидимъ; пока же замѣтимъ, что наблюденный нами фактъ отнюдь не былъ мѣстной, новгородской особенностью. „Въ 1567—1568 г. въ костромскихъ дворцовыхъ селахъ Дыбинѣ и Срѣтенскомъ съ деревнями платили оброкъ посопнымъ хлѣбомъ (рожью въ зерпѣ), а мелкій доходъ уже весь переведенъ на деньги. Въ 1592—1593 г. въ костромскихъ вотчинахъ Троицкаго-Сергіева монастыря выти, съ которыхъ не отбывалось издѣлье (барщина), всѣ обложены были денежнымъ оброкомъ. Отъ 90-хъ годовъ до насъ дошелъ рядъ описаній вотчинъ Троицкаго-Сергіева монастыря въ разныхъ уѣздахъ Московскаго центра, и чрезвычайно характерно, что вездѣ оброкъ монастырю платится деньгами: объ этомъ свидѣтельствуютъ писцовыя книги уѣздовъ Московскаго, Дмитровскаго, Ярославскаго, Ростовскаго, Углицкаго, Пошехонскаго, Солегалицкаго. Изъ этихъ уѣздовъ о Пошехонскомъ имѣемъ извѣстіе, что тамъ еще въ 50-хъ годахъ оброкъ собирали посопнымъ хлѣбомъ: такъ было въ вотчинѣ кн. П. А. Ухтомскаго въ 1558—1559 гг., причемъ мелкій доходъ уже превращенъ въ денежную форму. То же самое можно наблюдать въ дворцовомъ селѣ Борисовскомъ Владимірскаго уѣзда въ 1585 году: мелкій доходъ здѣсь платился деньгами, а оброкъ посопнымъ хлѣбомъ“ **). Великій князь и его намѣстники не составляли въ данномъ случаѣ исключенія въ ряду другихъ вотчинниковъ—и у нихъ мы можемъ прослѣдить этотъ денежный аппетитъ до значительно болѣе ранней эпохи. Первая „уставная грамота“, переводящая натуральныя повинности населенія въ денежныя (Бѣлозерская), относится къ 1488 году. Въ ней перечислены какъ намѣстничьи „кормы“, такъ и судебные штрафы въ ихъ первоначальномъ видѣ, въ формѣ продуктовъ, но сейчасъ

---

*) Н. Рожковъ „Сельское хозяйство московской Руси въ XVI вѣкѣ“, М. 1899 стр. 235 сл.

**) Ibid. 238—239. Ссылки на соотвѣтствующіе архивные документы тамъ же.

же идетъ и ихъ замѣна: „за полоть мяса 2 алтына... за боранъ—8 денегъ“ и т. д. Введеніе денежныхъ податей было поводомъ для появленія большей части дошедшихъ до насъ уставныхъ грамотъ начала XVI вѣка крестьянамъ Артемоновскаго стана 1506 г., бобровникамъ Каменскаго стана 1509 г., Онежскаго 1536 г., Андреевскаго села 1544 г. и т. д. *) Административныя заботы московскаго правительства имѣли, такимъ образомъ, вполнѣ реальное, чисто экономическое основаніе.

И большіе и малые вотчинники стремились получать свои доходы не въ прежней, неуклюжей формѣ непосредственно потребляемыхъ продуктовъ. Имъ понадобилась форма болѣе гибкая. Но эта новая, болѣе гибкая, форма дохода—денежная—была бы безсмыслицей при томъ хозяйственномъ строѣ, въ рамкахъ котораго сложилась феодальная вотчина. Тамъ и деньги нужны были тоже въ „торжественныхъ“ случаяхъ. удѣльному князю, напримѣръ, когда онъ собирался отправлять въ Орду дань, и ему, и его подданнымъ, когда они покупали заморское сукно, заморское вино или заморскіе фрукты. Ежедневныя, будничныя потребности удовлетворялись своими, домашними средствами—деньги для этой цѣли не были нужны. А разъ деньги нужны были лишь изрѣдка, не было и поводовъ стремиться къ тому, чтобы свои доходы получать въ денежной формѣ. Переходъ феодальнаго вотчинника къ денежному хозяйству сталъ, такимъ образомъ, только внѣшнимъ выраженіемъ гораздо болѣе крупой перемѣны. Эта перемѣна состояла въ разрушеніи феодальной вотчины, какъ самодовлѣющаго экономическаго цѣлаго и появленіи землевладѣльца, прежде гордаго въ своемъ экономическомъ уединеніи, на рынкѣ, какъ въ качествѣ покупателя, такъ и въ качествѣ продавца.

Указаніе на связь вотчины съ рынкомъ — связь не случайную, а постоянную, нормальную, такъ сказать — встрѣчается намъ впервые еще въ одномъ памятникѣ XV вѣка, возникшемъ, правда, на самой прогрессивной, экономически, окраинѣ тогдашней Россіи: въ Псковской судной грамотѣ. Въ одномъ изъ позднихъ постановленій этой послѣдней **) говорится объ обязанности „стараго изорника“, т.-е. бывшаго крестьянина, по окончаніи полевыхъ работъ, на Филиппово заговѣнье (15 ноября) „отказавшагося“ отъ своего

---

*) См. акты, собранные археографической экспедиціей, т. I, passim.

**) Позднимъ его приходится считать потому, что имъ ограничиваются права крестьянина,—именно право иска его по отношенію къ барину,—ср. стт. 42 и 75. Въ текстѣ идетъ рѣчь о послѣдней.

барина—*возы возити на государя*. Хлѣбъ и живность отправляли въ городъ, на рынокъ по первопутку — а зима могла стать позже 15 ноября, позже формальнаго прекращенія обязательствъ между „изорникомъ“ и его бывшимъ „государемъ“. Послѣдній могъ оказаться въ затруднительномъ положеніи: есть, что продавать, а везти въ городъ некому и не на чемъ. Ограждая интересы землевладѣльца, псковское право и оговаривало, что, хотя формально отношенія и кончились, бывшій крестьянинъ все же долженъ выполнить свою послѣднюю экономическую функцію — доставить продукты своего труда на рынокъ. „Повозъ“ упоминается и въ московскихъ документахъ XVI вѣка *). Но не всегда крестьянинъ являлся на рынки только въ качествѣ барскаго батрака. Самостоятельность отдѣльнаго мелкаго хозяйства, связаннаго съ центромъ вотчины лишь данями и оброками, вела къ тому, что и продавцомъ продуктовъ крестьянинъ часто являлся самъ за себя лично. Цитированный уже нами историкъ сельскаго хозяйства Московской Руси приводитъ очень живую картинку этого крестьянскаго торга изъ одного житія, начала XVI вѣка, разсказывающаго, какъ крестьяне окрестностей Переяславля-Залѣсскаго ходили „во градъ, на куплю несущъ отъ своихъ трудовъ земленыхъ плодовъ и прочево снѣпа и отъ животныхъ“, „*до свѣтѣнія утра, еще тмѣ сущи, дабы на торговище ранѣе успѣти*“ **).

Чрезвычайно цѣнно это указаніе на существованіе мелкихъ мѣстныхъ, такъ сказать, уѣздныхъ рынковъ, — цитированный нами авторъ приводитъ ихъ цѣлый рядъ. Крупный обмѣнъ, даже и предметами первой необходимости, особенно хлѣбомъ, существовалъ и ранѣе, поскольку существовали крупные торговые центры, въ родѣ Новгорода, съ многолюднымъ не земледѣльческимъ населеніемъ. Въ XVI вѣкѣ мѣсто Новгорода, сохранившаго, однако, большую половину своего значенія, заняла Москва, по словамъ иностранныхъ путешественниковъ, растянувшаяся на девять почти верстъ по теченію рѣки Москвы и считавшая, во вторую половину царствованія Грознаго, болѣе 40.000 дворовъ, т.-е. не менѣе 200.000 душъ населенія ***). Флетчеру, бывшему здѣсь при Ѳеодорѣ Ивано-

---

*) См., напр., одну изъ уставныхъ грамотъ Соловецкаго монастыря, 1561 г., цитируемую г. Лаппо-Данилевскимъ, сборникъ „Крестьянскій строй“, С.-Пб., 1901, т. I, стр. 38.

**) Рожковъ, назв. соч., стр. 283.

***) Вотъ описаніе Москвы, какой она была въ началѣ разсматриваемаго періода, въ 1525 году. Оно принадлежитъ итальянскому путешественнику Павлу Іовію и заимствовано нами изъ „Исторіи города Москвы“ Забѣлина (ч. I, стр. 143):

„Городъ Москва по своему положенію въ самой срединѣ страны, по удобству

вичѣ, городъ показался не меньше Лондона, а есть основаніе вѣрить его утвержденію, что Москва сильно пострадала къ этому времени отъ татарскаго набѣга 1571 года и, нужно прибавить, отъ общаго экономическаго кризиса, запустошившаго всѣ города центральной Россіи *). Москва должна была втягивать огромное количество продуктовъ сельскаго хозяйства, и 700—800 возовъ съ зерномъ, въѣзжавшихъ ежедневно въ Москву по одной только ярославской дорогѣ, о которыхъ разсказываетъ одинъ изъ тѣхъ же иностранныхъ путешественниковъ, по всей вѣроятности вовсе не были преувеличеніемъ. Но здѣсь было еще все-таки лишь количественное измѣненіе, сравнительно съ предшествующей эпохой, хотя количество и тутъ переходило уже въ качество. Съ точки зрѣнія экономической эволюціи гораздо интереснѣе тѣ мелкіе городскіе центры, какіе мы встрѣчаемъ въ средней и сѣверной Россіи за то же царствованіе Ивана Грознаго и его преемника. Мы приведемъ только нѣсколько примѣровъ. Смоленскій Торопецъ—когда-то вотчина Мстислава Мстиславича

водяныхъ сообщеній, по своему многолюдству и, наконецъ, по крѣпости стѣнъ своихъ есть лучшій и знатнѣйшій городъ въ цѣломъ государствѣ. Онъ выстроенъ по берегу рѣки Москвы, на протяженіи пяти миль, и дома въ немъ вообще деревянные, не очень огромны, но и не слишкомъ низки, а внутри довольно просторны, каждый изъ нихъ обыкновенно дѣлится на три комнаты: гостиную, спальную и кухню. Бревна привозятся изъ Герцинскаго лѣса; ихъ отесываютъ по шнуру, кладутъ одно на другое, скрѣпляютъ на концахъ—и такимъ образомъ стѣны строятся чрезвычайно крѣпко, дешево и скоро. При каждомъ почти домѣ есть свой садъ, служащій для удовольствія хозяевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ доставляющій имъ нужное количество овощей; отъ сего городъ кажется необыкновенно обширнымъ. Въ каждомъ почти кварталѣ есть своя церковь; на самомъ же возвышенномъ мѣстѣ стоитъ храмъ Богоматери, славный по своей архитектурѣ и величинѣ; его построилъ шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ Аристотель Болонскій, знаменитый художникъ и механикъ. Въ самомъ городѣ впадаетъ въ р. Москву рѣчка Неглинная, приводящая въ движеніе множество мельницъ. При впаденіи своемъ она образуетъ полуостровъ, на концѣ коего стоитъ весьма красивый замокъ съ башнями и бойницами, построенный итальянскимъ архитекторомъ. Почти три части города омываются рѣками Москвою и Неглинною; остальная же часть окопана широкимъ рвомъ, наполненнымъ водою, проведенною изъ тѣхъ же самыхъ рѣкъ. Съ другой стороны городъ защищенъ рѣкою Яузою, также впадающею въ Москву нѣсколько ниже города".

А вотъ какъ описываетъ Москву Флетчеръ, видѣвшій ее въ 1588 году:

„Городъ почти круглый; онъ окруженъ тремя рядами толстыхъ стѣнъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга улицами. Внутренняя ограда и находящіяся въ ней зданія служатъ мѣстомъ жительства императора. Городъ защищается рѣкой Москвой, которая течетъ вокругъ него, и пользуется такой же безопасностью, какъ сердце въ срединѣ тѣла. Мнѣ говорили, что во время переписи, незадолго передъ сожженіемъ города татарами, насчитали 41500 домовъ. Послѣ осады и пожара (въ 1571 году) видны обширныя пустыя пространства, которыя еще недавно были покрыты домами, въ особенности въ южной части, которая была построена императоромъ Василіемъ для его солдатъ... Въ настоящее время городъ Москва немного больше, чѣмъ Лондонъ..." („О государствѣ русскомъ", глава IV).

*) О размѣрахъ запустѣнія можно судить по слѣдующимъ даннымъ: въ Коломнѣ въ 1578 году было $32^1/_2$ двора жилыхъ на 662 пустыхъ; въ Можайскѣ по переписи 1595—1598 гг. 205 жилыхъ дворовъ, 127 пустыхъ и 1446 пустыхъ дворовыхъ мѣстъ. См. Платоновъ „Очерки по исторіи Смуты", стр. 46—47.

Удалого—въ XVI вѣкѣ „имѣлъ средніе размѣры и не отличался процвѣтаніемъ торга“. Тѣмъ не менѣе въ немъ въ 1540—1541 гг. было 402 тяглыхъ двора—на 80 служилыхъ, 79 лавокъ и 2.400 человѣкъ приблизительно населенія. Въ Сольвычегодскѣ, во вторую половину того же вѣка, было около 600 тяглыхъ дворовъ, т.-е. не меньше 3.000 жителей: а „эти мѣста не отличались ни населенностью, ни оживленіемъ“. Въ не менѣе медвѣжьемъ углу, Каргополѣ, документы 1560-хъ годовъ считаютъ 476 тяглыхъ дворовъ, т.-е. самое меньшее до двухъ съ половиною тысячъ жителей. На югъ отъ Москвы, въ Каширѣ, въ концѣ семидесятыхъ годовъ того же вѣка было „около 400 посадскихъ дворовъ и значительный торгъ, заключавшій больше 100 лавокъ“. Даже разрушеніе Каширы татарами, которые выжгли городъ до тла, не убило ея торговаго значенія. Въ Серпуховѣ уже къ 1552 году успѣла запустѣть пятая часть посада и, тѣмъ не менѣе, оставалось еще болѣе 600 дворовъ и 250 лавокъ *). Мы видимъ отсюда, какъ неосторожно было бы представлять себѣ городъ Московской Руси въ видѣ крѣпости, населенной почти исключительно военно-служилыми людьми. Какъ ни скромны приведенныя цифры торгово-промышленнаго населенія по нашему теперешнему масштабу, для средневѣковой страны, какой была Московская Русь XVI вѣка, это даетъ право говорить о буржуазіи, какъ о достаточно выдѣлившемся общественномъ классѣ—и какъ о соціальной силѣ, вліяніе которой не могло не сказаться въ критическія минуты. Апогея своего это вліяніе достигло въ дни Смуты, когда буржуазія оказалась въ силахъ выдвинуть своего царя, и поддерживать его нѣсколько лѣтъ. Но уже политическіе дѣятели эпохи Грознаго считаются съ этой силой, тѣмъ самымъ заставляя съ ней считаться и историка.

Но не только буржуазія выдѣлялась изъ массы сельскаго населенія, буржуазныя отношенія стали проникать и въ среду этого послѣдняго. Было бы очень странно представлять себѣ отношеніе **всѣхъ** крестьянъ XVI вѣка къ землевладѣльцамъ по образу и подобію отношеній теперешнихъ арендаторовъ къ теперешнимъ помѣщикамъ, какъ это иногда дѣлалось въ литературѣ. Но царствованіе Грознаго знаетъ уже и настоящіе случаи денежной аренды, притомъ не только крестьянской. Въ 1560 году игуменъ одного монастыря билъ челомъ

*) См. для всѣхъ этихъ данныхъ цитир. сочиненіе проф. Платонова, гл. I, passim. Выдержки въ „ “ взяты оттуда же.

царю о томъ, чтобы монастырю отдали на оброкъ дворцовыя земли—онѣ были нужны для округленія монастырскаго хозяйства. Изъ отвѣтной царской грамоты мы узнаемъ, что эти земли и раньше были на оброкѣ, у помѣщиковъ братьевъ Щепотьевыхъ. Игуменъ „наддалъ оброку“ 25 алтынъ и перебилъ землю у прежнихъ арендаторовъ. А въ выписи изъ рязанскихъ писцовыхъ книгъ, относящейся къ 1553 году, мы находимъ монастырскія села и деревни „въ нагодчинѣ за дѣтьми боярскими“, причемъ „нагодчина“, ежегодная плата за землю, вездѣ выражена въ денежной формѣ—полтина, двѣ гривны, десять алтынъ, а начало арендныхъ отношеній возводится еще ко временамъ великихъ князей рязанскихъ, на грамоты которыхъ ссылается московская писцовая книга *). Древнѣйшія крестьянскія „порядныя“, дошедшія до насъ, не даромъ относятся именно къ этому времени: это не значитъ, что раньше порядныхъ вовсе не было; весьма возможно, что отдѣльные ихъ образчики отъ болѣе ранней эпохи просто не дошли до насъ. Но чѣмъ такіе документы становились чаще, тѣмъ больше вѣроятія было, что отдѣльные экземпляры ихъ встрѣтятся изслѣдователямъ. Въ самомъ раннемъ изъ нихъ, отъ 1556 года, „оброкъ“, т.-е. арендная плата, выражена не въ деньгахъ, а въ хлѣбѣ: „хлѣба, ржи и овса, 5 коробей, въ новую мѣру, изъ года въ годъ, и изъ лѣса пятой снопъ, а изъ Заозерья шестой снопъ“ **). Но это вовсе не доказываетъ господства натуральнаго хозяйства, а скорѣе наоборотъ: желаніе землевладѣльца получить участіе въ прибыляхъ отъ продажи хлѣба. При наличности рынка, хлѣбъ былъ тѣ же деньги—особенно въ рукахъ монастыря, какимъ и былъ землевладѣлецъ въ настоящемъ случаѣ. Соловецкій монастырь, напримѣръ, въ концѣ 50-хъ годовъ шестнадцатаго вѣка закупалъ до 3.000 четвертей ржи ежегодно, а въ 80-хъ годахъ до 8.000 четвертей. Троице-Сергіевскій къ одному только устью Шексны, гдѣ монахи забирали свои рыбные запасы, отправлялъ по нѣскольку лодокъ, въ каждой по сту четвертей ржи, „да тридцать пудъ соли“. Если въ первомъ случаѣ и можно допустить, что весь хлѣбъ шелъ на нужды самого монастырскаго хозяйства, то размѣры закупки указываютъ на почти капиталистическіе размѣры этого послѣдняго; и изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, что въ Соловкахъ, кромѣ 270 чело-

---

*) Акты, относ. до исторіи тягл. населенія, изд. Дьяконовымъ, II n° 19. Писцовыя книги Рязанскаго края, изд. В. Сторожевымъ, т. I, стр. 422.

**) Акты юридическіе, № 177. Приведена у Сергѣевича, „Древности русскаго права“, т. I, изд. 3-е, стр. 240.

вѣкъ братіи, было до 1.000 „работныхъ людей“, въ самомъ монастырѣ, такъ и на промыслахъ, главнымъ образомъ, солеваренномъ *). Торговля солью уже тогда была однимъ изъ крупнѣйшихъ зачатковъ торговаго капитализма и составляла почти монополію монастырей въ Московской, какъ и въ Кіевской Руси. Соловецкій продавалъ ежегодно до 130.000 пудовъ соли. Кирилловъ-Бѣлозерскій торговалъ ею „на Двинѣ, и во Твери, и въ Торжку, и на Угличѣ, и на Кимрѣ, и въ Дмитровѣ, и въ Ростовѣ, и на Кинешмѣ, и на Вологдѣ, и на Бѣлоозерѣ съ пригороды и по инымъ мѣстамъ: гдѣ соль живетъ поцѣннѣе, и они тутъ и продаютъ“, наивно признавались въ своемъ барышничествѣ монастырскія власти. Второстепенные монастыри (какъ, напримѣръ, Свіяжскій Богородицкій) продавали по 20.000 пудовъ соли въ годъ. Рядомъ съ этимъ монастыри вели обширный торгъ и другими продуктами—рыбой, масломъ, скотомъ. Монастырскіе склады въ Вологдѣ занимали шестьдесятъ саженъ въ длину и восемь въ ширину. Когда Кирилловъ монастырь, въ концѣ XVI вѣка, перенесъ свой торгъ на новое мѣсто, туда же пришлось передвинуть и царскую таможню: до такой степени обитель являлась коммерческой столицей края **).

Если монастыри барышничали, почти безъ соперниковъ, солью—то по части барышничанья другими предметами первой необходимости остальное общество не отставало отъ нихъ. По связи съ монастырями характерной является коммерческая роль духовенства, на которую имѣется цѣлый рядъ указаній. Къ тому священнику-прасолу изъ Пошехонскаго уѣзда, который „отъ дальнихъ странъ скотъ приводилъ и отводилъ отъ человѣка къ инымъ человѣкамъ“—его извлекъ изъ одного житія XVI вѣка Н. А. Рожковъ—можно прибавить лицо, исторически и литературно весьма знаменитое, руководителя Грознаго въ дни его „добродѣтели“, благовѣщенскаго протопопа Сильвестра. Наставляя своего сына быть честнымъ въ расплатахъ, Сильвестръ приводитъ истинно-буржуазные доводы, подъ которыми охотно подписался бы любой средневѣковый купецъ. „А самъ у кого что купливалъ, ино ему отъ меня милая разласка: безъ волокиты платежъ, да еще хлѣбъ да соль сверхъ; ино дружба въ вѣкъ; ино всегда мимо меня не продастъ... А кому что продавывалъ, все въ любовь, а не въ оманъ... ино добрые люди во всемъ вѣрили, и

*) Платоновъ, цит. соч., 7. Рожковъ, цит. соч., 272—274.

**) Ср. Платоновъ, цит. сочин., стр. 33 — 34. Костомаровъ, „Очеркъ торговли Московскаго государства“, стр. 153—154.

здѣшніе, и иноземцы“. Это участіе московскаго протопопа въ заграничной торговлѣ интересно потому, что указываетъ на кругъ его отношеній и знакомствъ: мы увидимъ дальше, что нѣкоторые проекты первой половины царствованія Грознаго приходится поставить въ связь именно съ этимъ кругомъ. Заграничный торгъ уже тогда не былъ ничтожнымъ, что и вполнѣ естественно, если мы припомнимъ, что паденіе Новгорода вовсе не было обрывомъ коммерческихъ сношеній съ заморскими странами, а лишь сосредоточеніемъ ихъ въ самой Москвѣ. Въ 60-хъ годахъ прибавилось еще одно „окно въ Европу“ — открытый англичанами путь по Сѣверной Двинѣ, черезъ Архангельскъ; но и это, конечно, отнюдь не упразднило стараго пути. Флетчеръ увѣряетъ, что пока Нарва была въ русскихъ рукахъ (съ 1558 по 1581 годъ) изъ нея выходило ежегодно не менѣе 100 кораблей, „большихъ и малыхъ“, только со льномъ и коноплею. Воску вывозилось, будто бы, до 50 тысячъ пудовъ, сала—до 100 тысячъ, кожи—до 100 тысячъ штукъ въ годъ. Паденіе вывоза къ царствованію Өеодора Ивановича — втрое, а иногда вчетверо—онъ приписываетъ неудачамъ русской внѣшней политики: связь этой послѣдней съ коммерческими интересами мы разсмотримъ въ своемъ мѣстѣ. По поводу же Сильвестра стоитъ еще отмѣтить, что онъ, помимо того, что самъ занимался торговлей, готовилъ къ той же дѣятельности и другихъ: многіе изъ его воспитанниковъ, по его разсказу, „рукодѣльничаютъ всякими промыслы, а многіе торгуютъ въ лавкахъ; мнози гостьбу дѣютъ въ различныхъ странахъ всякими торговлями“. Наставникъ царя Ивана былъ не даромъ авторомъ умѣреннаго и аккуратнаго, истинно мѣщанскаго „Домостроя“: онъ же былъ родоначальникомъ и коммерческаго образованія въ Россіи.

Если вѣрить одному моралисту-проповѣднику первой половины XVI вѣка, который самъ былъ, впрочемъ, весьма плохимъ образчикомъ добродѣтельнаго житія, увлеченіе торговлей было въ тѣ дни чѣмъ-то въ родѣ повальной болѣзни, отбивавшей людей отъ всякихъ другихъ занятій. „Всякъ лѣнится учиться художеству, всѣ бѣгаютъ рукодѣлія, всѣ щапятъ торговати, всѣ поношаютъ земледѣлателемъ...“ *). Но по крайней мѣрѣ объ одномъ классѣ общества, кромѣ духовенства, то же рѣшительно утверждаютъ и иностранцы,

*) Изъ проповѣдей митрополита Даніила, цитир. Жданова, „Сочиненія“, т. I, стр. 233, прим. 2-е.

вовсе не склонные къ морализированію. Объясняя вздорожаніе хлѣбныхъ цѣнъ въ 80-хъ годахъ Флетчеръ говоритъ: „виновата была въ этомъ не столько земля, сколько происки дворянъ, барышничающихъ хлѣбомъ“ *). Дѣйствительно, цѣны на хлѣбъ въ XVI вѣкѣ поднимались съ правильностью и неуклонностью, совсѣмъ независѣвшими отъ случайнаго неурожая. По изслѣдованіямъ Рожкова, вліяніе урожаевъ на хлѣбныя цѣны тогда было не сильнѣе, чѣмъ теперь: между тѣмъ „въ западномъ Полѣсьѣ (нынѣшнія Новгородская и Псковская губерніи) въ самомъ началѣ столѣтія рожь стоила около 7 московокъ за московскую четверть, а къ 60-мъ годамъ цѣнность ея увеличилась втрое—до 21 слишкомъ деньги. Въ центрѣ (Московская и прилегающія къ ней губерніи) съ 5 денегъ въ 20-хъ годахъ XVI вѣка цѣна четверти ржи поднялась въ слѣдующемъ десятилѣтіи до 20 денегъ, въ 50-хъ и 60-хъ годахъ до 30-ти, а въ 80-хъ годахъ даже до 40 денегъ. На Сѣверѣ (губерніи Архангельская, Вологодская и Олонецкая) до 20-хъ годовъ включительно 14 д. за четверть ржи считались уже дорогой цѣной, а въ 60-хъ, 70-хъ годахъ нормальной была здѣсь уже цѣна въ 20—25 денегъ за четверть, въ 80-хъ въ 40, а въ 90-хъ даже въ 50 денегъ и болѣе“ **). А что землевладѣльцы были въ цѣнахъ на хлѣбъ непосредственно заинтересованы, доказываетъ то распространеніе оброка „посопнымъ хлѣбомъ“, которое мы уже отмѣчали выше.

Хлѣбный оброкъ или участіе помѣщика въ долѣ урожая былъ самымъ простымъ способомъ извлеченія денегъ изъ своего имѣнія въ земледѣльческихъ мѣстностяхъ — какъ денежный оброкъ въ неземледѣльческихъ. За одно и то же время (1565—1568 года) въ Вотской пятинѣ—нынѣшней Петербургской и отчасти Выборгской губерніяхъ—посопный хлѣбъ и доля урожая составляли 84,1% всего оброка, а деньги лишь 15,9%: а въ Обонежской пятинѣ, „по естественнымъ своимъ условіямъ примыкающей уже къ Сѣверу“ хлѣбный доходъ помѣщика, въ обѣихъ его формахъ, не превышалъ 25%, а денежный давалъ болѣе 75% всего дохода. Но колоссальный, какъ мы сейчасъ видимъ, ростъ хлѣбныхъ цѣнъ долженъ былъ толкать помѣщиковъ земледѣльческой Россіи къ новымъ, болѣе сложнымъ формамъ производства. Уже и тогда находились люди, которымъ традиціонное, мелкое крестьян-

---

*) „О государствѣ русскомъ“, гл. III.
**) Цитир. сочин., стр. 210, ср. 286.

ское хозяйство не казалось достаточно производительнымъ. Это мелкое хозяйство было разсчитано на удовлетвореніе потребностей своего двора: на барскій дворъ шла меньшая часть урожая,—четверть или треть по новгородскимъ писцовымъ конца XV вѣка *). Но теперь выгодно было забирать себѣ все, за вычетомъ необходимаго на пропитаніе самихъ работниковъ. Въ предшествующій періодъ барская пашня служила только для удовлетворенія потребностей барскаго двора и оттого была, обычно, очень невелика по размѣрамъ **). Уже изслѣдователь новгородскаго хозяйства конца XV вѣка замѣтилъ въ этомъ случаѣ довольно рѣзкую перемѣну. „Собственная боярская запашка въ Новгородѣ только въ рѣдкихъ случаяхъ достигала 5 обежъ на одну семью; обыкновенно же она не превышала 3 обежъ. Напротивъ, съ водвореніемъ московскаго владычества боярская запашка значительно увеличивается. Большія семьи, состоявшія изъ нѣсколькихъ помѣщичьихъ дворовъ, запахивали нерѣдко на себя по 16 и 17 обежъ. Такъ, князь Димитрій съ дѣтьми имѣлъ запашку въ 17 обежъ, князь Борисъ Горбатый съ матерью—16. Но и у отдѣльныхъ помѣщичьихъ семей собственная запашка была нерѣдко довольно значительная. Тотъ же князь Горбатый запахивалъ исключительно на себя 12 обежъ; Гордѣй Сарыхазинъ располагалъ запашкой точно въ такомъ же размѣрѣ“ ***). Обработка этой расширившейся барской пашни производилась руками барскихъ же людей—холоповъ; о только что помянутомъ Гордѣѣ Сарыхазинѣ писцовая книга говоритъ: „и изъ тѣхъ обежъ Гордѣй пашетъ на себя съ своими людьми 12 обежъ“. Въ главѣ о русскомъ феодализмѣ мы имѣли случай отмѣтить роль холоповъ, какъ военныхъ сотрудниковъ своего господина; теперь начинается ихъ экономическая утилизація. Какихъ размѣровъ она достигала, показываетъ завѣщаніе одного богатаго человѣка временъ молодости Грознаго, князя Ив. Ѳед. Судцкаго, писанное въ 1545—1546 гг. По завѣщанію можно насчитать не менѣе 55 семей холоповъ, которыхъ князь оставляетъ въ наслѣдство своей женѣ и дочерямъ, не считая отпускаемыхъ имъ на свободу: изъ нихъ 30 семей людей дѣловыхъ страдныхъ, обрабатывавшихъ княжескую пашню. Десять лѣтъ спустя, въ духовной другого богатаго помѣщика мы встрѣчаемъ кромѣ „страдныхъ слугъ“ —просто пашенныхъ холоповъ—еще

*) Ibid. стр. 242.
**) См. „Русскую Исторію“, ч. I, стр. 29.
***) Никитскій, „Исторія экономическаго быта Великаго Новгорода“, стр. 210.

страдныхъ людей кабальныхъ, работниковъ, закрѣпощенныхъ путемъ займа. Любопытно, что и тѣми и другими одинаково завѣщатель распоряжается совершенно свободно, какъ своею собственностью, считая ихъ „головами“ какъ скотъ *). Такъ уже въ 50-хъ годахъ шестнадцатаго вѣка явственно намѣчается одинъ изъ корней будущаго крѣпостного права.

Холопскій трудъ на пашнѣ былъ очень распространенъ въ первой половинѣ столѣтія: по подсчету Н. А. Рожкова въ Тверскомъ уѣздѣ въ 1539—1540 гг. на помѣщичьихъ земляхъ барскіе дворы составляли 4,5%, холопскіе 8,8%, крестьянскіе 86,7% общаго числа земледѣльческихъ дворовъ **). Въ отдѣльныхъ имѣніяхъ процентъ холопскихъ дворовъ заходилъ и выше 10. Но даже съ искусственнымъ расширеніемъ контингента „страдниковъ“, посредствомъ закабаленія свободныхъ крестьянъ, барская пашня росла все же быстрѣе, чѣмъ количество занятыхъ на ней холопскихъ рукъ. Помѣщикъ съ лихорадочной торопливостью стремился увеличить площадь земли, доходъ съ которой шелъ цѣликомъ ему,—захватывалъ не только отдѣльные крестьянскіе дворы, почему-нибудь запустѣвшіе, но и цѣлыя деревни и починки. Уже въ новгородскихъ писцовыхъ передъ нами мелькаютъ такія записи: деревня (такая-то) ... дв. княжой человѣкъ (такой-то) пашетъ ее на князя“. Въ московскихъ подобныхъ примѣровъ гораздо больше. Вотъ одинъ изъ типичныхъ: „За Яковомъ за Семеновымъ сыномъ Якушкина отца его помѣстье сельцо Сушино ... да къ тому же сельцу припущены въ пашню; пустошь Скородная, да пустошь, что былъ починокъ Боровой, а поставленъ на той же сельской землѣ, а въ немъ дворъ помѣщиковъ, да людскихъ пять дворовъ, да дворъ пустъ...“. Тамъ, гдѣ было раньше цѣлыхъ три крестьянскихъ поселка, расположился одинъ помѣщикъ съ пятью семьями своихъ дворовыхъ. Или: „За Иваномъ за Тимофѣевымъ сыномъ... треть пустоши, что была деревня....... да двѣ пустоши спущены пашнею вмѣстѣ, да жеребей пустоши...“ ***). Отдѣльные некрупные землевладѣльцы еще могли обходиться при расширеніи своей запашки холопскимъ трудомъ, но крупный собственникъ, организуя свое

*) См. акты, собр. Лихачевымъ, т. I, стр. 16—17, 29.
**) Цит. соч., стр. 140.
***) Первый примѣръ взятъ изъ писцовыхъ книгъ, изд. Калачевымъ, т. I, ч. 2-я, стр. 700—ср. тамъ же, стр. 709, 718, 719, 721 и мн. др. Второй изъ писцовыхъ книгъ Рязанскаго края, изд. Сторожевымъ, I, стр. 169—ср. стр. 172—173 и др.

хозяйство, долженъ былъ искать болѣе обширнаго резервуара рабочихъ рукъ. И уже очень скоро помѣщикъ напалъ на мысль—расширять въ этомъ направленіи натуральныя повинности сидѣвшихъ на его земляхъ крестьянъ. Первые образчики развитія барщины мы встрѣчаемъ, какъ и слѣдовало ожидать, на землѣ церковной: въ знаменитой грамотѣ митрополита Симона, которая нѣкогда играла такую роль въ спорахъ о возникновеніи русской поземельной общины. Мы уже упоминали, что доказательствомъ существованія общины этотъ случай никакъ служить не можетъ—упоминающійся въ грамотѣ передѣлъ произведенъ былъ не крестьянами, а вотчинникомъ *). Но напечатанный въ полномъ видѣ лишь въ недавнее время документъ оказался имѣющимъ капитальную важность въ другомъ отношеніи: имъ непрекаемо устанавливается наличность правильно организованной издѣльной повинности крестьянъ уже на рубежѣ XV и XVI-го вѣковъ. Барщина была на первый разъ не тяжелая—на каждыя пять десятинъ своей земли крестьянинъ долженъ былъ пахать одну десятину церковной. Это было, однако, уже усиленіе барщины: поводомъ къ грамотѣ было то, что крестьяне „пашутъ пашни на себя много, а монастырскія пашни пашутъ мало". Въ имѣніи было уже заведено трехпольное хозяйство—культура была, по тогдашнему, довольно интенсивная. Еще болѣе интенсивное хозяйство мы находимъ лѣтъ сорокъ спустя въ дворцовыхъ вотчинахъ великаго князя—и то же на ряду съ урегулированной барщиной: въ Волоколамскомъ уѣздѣ дворцовые крестьяне обязаны были на каждыя шесть десятинъ своей земли пахать седьмую на великаго князя, причемъ точно были опредѣлены размѣры посѣва на этой десятинѣ—„2 четверти ржи, а овса вдвое". Великокняжескую землю крестьяне должны были и унаваживать за свой счетъ, причемъ опять-таки точно были опредѣлены не только количество „колышекъ" навоза на десятину, но и размѣры каждой колышки **). Имѣнія среднихъ и мелкихъ владѣльцевъ долго должны были дожидаться столь раціональнаго хозяйства. Но барщина и здѣсь появляется довольно скоро: даже изслѣдователь, который утверждаетъ, что до конца XVI вѣка „барщины не существовало", приводитъ цѣлый рядъ указаній на барщинныя имѣнія въ первой поло-

*) См. „Русскую Исторію", I, стр. 3.

**) Оба документа и грамота митрополита Симона и сотная 1544 г. о дворцовыхъ имѣніяхъ Волоколамскаго уѣзда напечатаны впервые г. Милюковымъ въ его „Спорныхъ вопросахъ финансовой исторіи Моск. гос—ства", стр. 32, прим. 1 и 2.

винѣ столѣтія, и рядъ этотъ могъ бы быть еще увеличенъ *). Рядомъ съ кабальнымъ хозяйствомъ завязывался и другой корень крѣпостного права—съ дальнѣйшимъ его ростомъ мы познакомимся, изучая экономическую жизнь московской Руси XVII вѣка. Для современнаго читателя, привыкшаго разсматривать „крѣпостное хозяйство", какъ синонимъ регресса, странно встрѣтить первые зачатки крестьянской крѣпости въ связи съ интенсификаціей культуры; но для феодальной вотчины, не знавшей пролетаріата, было невозможно построить новую систему хозяйства на чемъ-либо, кромѣ подневольнаго труда въ той или иной его формѣ. Стоитъ отмѣтить, какъ характерный симптомъ, попытки вести хозяйство вольнонаемными рабочими: въ 50-хъ годахъ на монастырскихъ земляхъ мы уже встрѣчаемъ „дѣтенышей"—сроковыхъ работниковъ на денежной платѣ, какъ показываетъ названіе, вербовавшихся сначала изъ ушедшихъ на заработки младшихъ членовъ крестьянскихъ семей. Но сколько-нибудь значительнаго развитія сельскій пролетаріатъ достигъ только къ самому концу разсматриваемаго періода, когда, на фонѣ всеобщей „разрухи" рабскій трудъ окончательно укоренился, какъ господствующая форма эксплуатаціи, и къ услугамъ рабовладѣнія былъ весь аппаратъ государственныхъ учрежденій. Необходимое условіе для развитія буржуазнаго хозяйства стало намѣчаться тогда, когда никакихъ предпосылокъ для этого хозяйства уже не было.

Въ ту эпоху, которую мы разсматриваемъ теперь—въ первую половину царствованія Грознаго—аграрный кризисъ былъ еще далеко впереди, и печальный конецъ начинавшагося хозяйственнаго расцвѣта никѣмъ не предчувствовался. Деньги и денежное хозяйство были внов̃ѣ, всѣ стремились къ деньгамъ и всѣ „щапили торговати". Превращеніе хлѣба въ товаръ сдѣлало товаромъ и землю, которая давала хлѣбъ. Охотниковъ на этотъ товаръ было много, и рѣдко когда въ древней Руси земельная мобилизація шла болѣе бойко, нежели въ первой половинѣ XVI вѣка. Но разъ землю много и часто покупали, значитъ, кто-то продавалъ землю, т.-е. обезземеливался. Одинъ разрядъ терявшаго землю населенія мы уже видѣли въ главѣ II-ой: то было мелкое вотчинное землевладѣніе, крестьяне-вотчинники. Но обезземеливались не только они: на крайнемъ противоположномъ полюсѣ, среди крупнѣйшаго вотчиннаго боярства, мы замѣчаемъ то же явле-

*) Н. А. Рожковъ, цит. соч., стр. 129 и 153—154. Ср. А. Ю. №№ 177 и 178.

ніе. Два условія вели къ быстрой ликвидаціи тогдашнихъ московскихъ латифундій. Во-первыхъ, ихъ владѣльцы рѣдко обладали способностью и охотой по-новому организовать свое хозяйство. Человѣкъ придворной и военной карьеры „бояринъ XVI в. былъ рѣдкимъ гостемъ въ своихъ подмосковныхъ и едва ли когда заглядывалъ въ свои дальнія вотчины и помѣстья; служебныя обязанности и придворныя отношенія не давали ему досуга и не внушали охоты дѣятельно и непосредственно входить въ подробности сельскаго хозяйства“ *). Во-вторыхъ, феодальная знатность „обязывала“ и въ тѣ времена, какъ позже: большой бояринъ или медіатизированный удѣльный князь долженъ былъ, по традиціи, держать обширный „дворъ“, массу тунеядной челяди и дружину — иногда, какъ свидѣтельствуетъ Курбскій, въ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Пока все это жило на даровыхъ крестьянскихъ хлѣбахъ, бояринъ могъ не замѣчать экономической тяжести своего оффиціальнаго престижа. Но когда многое пришлось покупать на деньги—деньги, все падавшія въ цѣнѣ годъ отъ году, по мѣрѣ развитія мѣнового хозяйства—онъ сталъ тяжкимъ бременемъ на плечахъ крупнаго землевладѣльца. Историкъ служилаго землевладѣнія въ XVI вѣкѣ приводитъ трогательный, можно сказать, эпизодъ, ярко рисующій эту сторону дѣла. Въ 1547 году царь Иванъ просваталъ дочь одного изъ знатнѣйшихъ своихъ вассаловъ, князя Александра Борисовича Горбатаго-Шуйскаго, за князя И. Ѳ. Мстиславскаго—тоже изъ первыхъ московскихъ бояръ. И вотъ оказалось, что матери невѣсты не въ чѣмъ выѣхать на свадьбу, ибо мужъ ея, отправляясь на царскую службу, т.-е. мобилизуя свою удѣльную армію, заложилъ все, что только можно было заложить, въ томъ числѣ и весь женинъ гардеробъ... **). Мелкій вассалитетъ былъ въ этомъ случаѣ въ гораздо болѣе выгодномъ положеніи: онъ не только не тратилъ денегъ на свою службу, но еще самъ получалъ за нее деньги. Денежное жалованье мелкому служилому человѣку все болѣе и болѣе входитъ въ обычай въ теченіе XVI вѣка. Если прибавить къ этому, что маленькое имѣніе было гораздо легче организовать, чѣмъ большое—легко было „спустить вмѣстѣ“ двѣ-три деревни или починка и совсѣмъ невозможно продѣлать эту операцію надъ нѣсколькими десятками и сотнями деревень; что мелкому хозяину легко было лично учесть работу своихъ

---

*) В. Ключевскій, „Боярская Дума“, изд. 3-е, стр. 313.
**) Рождественскій, „Служилое землевладѣніе XVI в.“, СПБ. 1897, стр. 83.

барщинныхъ крестьянъ и холоповъ, а крупный долженъ былъ это дѣлать черезъ приказчика, который весьма охотно становился фактическимъ хозяиномъ—то мы увидимъ, что въ начинавшейся борьбѣ крупнаго и средняго землевладѣнія экономически всѣ выгоды были на сторонѣ послѣдняго. И, экспропріируя богатаго боярина-вотчинника въ пользу мелкопомѣстнаго дворянина, опричнина шла по линіи естественнаго экономическаго развитія, а не противъ него. Въ этомъ было первое условіе ея успѣха.

---

2. Публицистика и „реформы“.

Политическія послѣдствія основного экономическаго факта эпохи — кризиса крупнаго вотчиннаго землевладѣнія — сказались очень скоро. Уже въ первой половинѣ XVI вѣка боярство чувствовало, что почва подъ нимъ колеблется, и принимало мѣры для упроченія своего пошатнувшагося положенія. Мѣры эти, и ихъ послѣдствія, очень сжато и выразительно описаны въ одномъ правительственномъ документѣ, относящемся къ пятидесятымъ годамъ столѣтія. „Прежде жаловали мы“, говорится отъ царскаго имени въ этомъ документѣ, „бояръ своихъ и князей, и дѣтей боярскихъ, давали имъ города и волости въ кормленья, и намъ отъ крестьянъ челобитья великія и докука была безпрестанная, что намѣстники наши и волостели и ихъ пошлинные люди, сверхъ нашего жалованія указу, чинятъ имъ продажи и убытки великіе, а отъ намѣстниковъ и отъ волостей и отъ ихъ пошлинныхъ людей намъ докука и челобитья многія, что имъ посадскіе и волостные люди подъ судъ на поруки не даются, и кормовъ имъ не платятъ, и ихъ бьютъ, и въ томъ межъ ихъ поклепы и тяжбы великія...“ *) Что выпонять этотъ текстъ, нужно ясно представить себѣ, что такое были намѣстники и волостели удѣльной Руси. Это отнюдь не было что-либо похожее на современныхъ намъ губернаторовъ или даже на воеводъ XVII—XVIII вѣка—какъ и удѣльный князь не былъ похожъ на современнаго намъ государя. Для князя его княженіе было, прежде всего другого, источникомъ доходовъ, въ видѣ дани, судебныхъ пошлинъ и тому подобнаго. Доходы эти, въ натуральной формѣ, онъ не вездѣ могъ собирать самъ: и иногда для него было выгодно

---

*) Жалованная грамота переяславскимъ рыболовамъ 1555 года. Акты, изд. Археограф. экспед., т. I n⁰ 242.

въ той или другой мѣстности сдать ихъ въ аренду менѣе крупному феодалу. Тотъ и является въ роли княжескаго намѣстника, „кормленщика“, какъ его еще называли, потому что онъ кормился отъ своей должности. То была въ полномъ смыслѣ слова **натуральная** администрація, точно соотвѣтствующая всѣмъ условіямъ натуральнаго хозяйства. Арендовавшій княжескіе доходы бояринъ въѣзжалъ въ волость со всей своей дворней, поставляя такимъ образомъ натурой всю мѣстную администрацію. Его холопы и мелкіе вассалы, „послужильцы“, становились въ волости судьями, полицейскими, сборщиками податей—„пошлинными людьми“, по выраженію цитированной нами грамоты, ибо въ сборѣ разнаго рода пошлинъ была ихъ главная функція. **Кормленіе** было, стало быть, своего рода предпріятіемъ—весьма доходнымъ, если вѣрить одному современному публицисту, утверждающему, что гдѣ приходилось взять въ царскую казну десять рублей, въ боярскій карманъ попадало сто. Офиціальный документъ не противорѣчитъ этому, рисуя картину неистовыхъ вымогательствъ, отъ которыхъ „на посадахъ многіе крестьянскіе дворы, а въ уѣздахъ деревни и дворы запустѣли, и наши (царскіе) **дани и оброки сходятся не сполна**“. Насъ, конечно, и въ этомъ случаѣ не должна смущать обычная **форма** древне-русскихъ документовъ и лѣтописей, изображающихъ дѣло такъ, что царь **давалъ** волости и города въ кормленія: въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ на престолѣ всемірнаго православнаго царства сидѣлъ ребенокъ, который ничего никому давать не могъ. Нищавшіе вотчинники сами жадно разбирали кормленія, видя въ этомъ единственное средство поправить свои дѣла, особенно съ тѣхъ поръ, какъ „дани и оброки“ были переверстаны на деньги и арендованные великокняжескіе доходы стали поступать въ наиболѣе выгодной для арендаторовъ формѣ. Въ колоссальномъ злоупотребленіи кормленіями и заключались тѣ „ужасы“ боярскаго правленія, о которыхъ такъ много приходится слышать и отъ современниковъ, и отъ позднѣйшихъ историковъ. А народный бунтъ 1547 года, внѣшнимъ поводомъ къ которому былъ грандіозный московскій пожаръ, объединилъ въ одинъ огромный взрывъ всѣ тѣ мелкія „сопротивленія властямъ“, о которыхъ упоминаетъ та же цитированная нами грамота. Что бунтъ былъ вовсе не случайнымъ смятеніемъ на пожарищѣ, доказываетъ его дата: онъ начался на пятый день послѣ того, какъ пожаръ потушили. А то, что жертвой бунта сталъ тогдашній глава московскаго правительства, дядя Грознаго, князь Юрій Васильевичъ

Глинскій, со своими чиновниками, совершенно опредѣленно подчеркиваетъ политическія причины движенія. Надо сказать, что движеніе и не было мѣстнымъ московскимъ: зачинщики его нашли убѣжище „въ иныхъ градахъ“: ихъ укрыла вся русская земля. „Предпріятія“ кормленщиковъ всѣхъ противъ нихъ озлобили—и бѣдняковъ, которые не находили у нихъ никакой управы, и богатыхъ, которыхъ кормленщики систематически грабили. Достаточно привести одинъ изъ пріемовъ кормленщицкаго управленія, чтобы настроеніе имущихъ слоевъ по отношенію къ боярской администраціи стало намъ совершенно ясно. „Вельможи царскіе въ городахъ и на волостяхъ“, разсказываетъ тотъ же публицистъ, „своимъ лукавствомъ и дьявольскимъ прельщеніемъ додумались до того, что стали выкапывать новопогребенныхъ мертвецовъ изъ земли, зарывая потомъ обратно пустые гроба; а выкопаннаго мертваго человѣка, исколовши рогатиной или изсѣкши саблей, да вымазавъ кровью, подкидывали въ домъ къ какому-нибудь богачу; а потомъ находили истца-ябедника, который Бога не знаетъ, да осудивъ богатаго неправеднымъ судомъ, все подворье его и богатство грабили“. На этомъ примѣрѣ особенно ярко видно противорѣчіе интересовъ кормленщика и в с е г о населенія: первый жилъ, больше всего другого, судебными пошлинами; чѣмъ больше было преступленій въ его округѣ, тѣмъ выше былъ его доходъ. А обществу, и какъ разъ командующимъ слоямъ его, тѣмъ больше нужно было порядка и обезпеченности, чѣмъ оно экономически было развитѣе: а мы видѣли уже, какимъ темпомъ шло экономическое развитіе русскаго общества въ дни Грознаго. То, что разрушало экономическій базисъ боярства, готовило ему и противниковъ: и когда послѣ казанскаго похода „государь пожаловалъ кормленіями всю землю“, это было отвѣтомъ на единодушныя заявленія не одного „простого всенародства“, бунтовавшаго въ 1547 году, а всѣхъ, кромѣ только самихъ бояръ. Нѣкоторыя изъ этихъ заявленій до насъ дошли: Важская уставная грамота 1552 года, напримѣръ, въ своей самой существенной части просто переписываетъ челобитную самихъ Важанъ, даже со всѣми комплиментами челобитчиковъ по адресу ихъ намѣстниковъ и волостелей, которыхъ важане по-просту сравнивали съ „татями, костерями и иными лихими людьми“—разбойниками. Но то, что другія заявленія этого рода до насъ не дошли, отнюдь не значитъ, что ихъ и не было. Было даже нѣчто большее простыхъ челобитныхъ—былъ цѣлый, сознательно выработанный планъ реформъ, нашедшій себѣ и частное и офиціальное выраженіе—подъ

перомъ первыхъ русскихъ публицистовъ, и въ формѣ вопросовъ, съ которыми царь Иванъ обращался къ Стоглавому собору.

И публицистика 40—50-хъ годовъ, и „царскіе вопросы“ интересны особенно потому, что они даютъ намъ возможность вскрыть тѣ соціальныя силы, которыя стояли за такъ называемыми „реформами Грознаго“. Изображать эти „реформы“, какъ продуктъ государственной мудрости самого царя и тѣснаго кружка его совѣтниковъ, уже давно стало невозможно. Участіе въ „реформахъ“ самого населенія—и притомъ въ качествѣ инниціатора—также давно признано *). Но въ анализѣ этого факта обыкновенно не шли дальше ссылокъ на „ходъ дѣлъ“ и „силу вещей“. Цѣнныя сами по себѣ, какъ признаніе матеріальнаго фактора движущею силой исторіи, онѣ не даютъ намъ однакоже представленія, въ какую конкретную форму облекалась „сила вещей“ въ этомъ случаѣ. Хозяйственныя перемѣны, наблюдавшіяся нами въ началѣ этой главы, должны были выдвинуть новые общественные классы или, по крайней мѣрѣ, новыя соціальныя группы. То было среднее землевладѣніе, успѣшно сживавшееся съ условіями новаго мѣнового хозяйства—то была буржуазія, изстари сильная въ самой Москвѣ, благодаря этому хозяйству, получившая совсѣмъ особенное значеніе и вліяніе далеко за предѣлами столицы. Какъ оба класса должны были относиться къ хозяевамъ удѣльной Руси, крупному феодальному землевладѣнію, мы сейчасъ видѣли на отдѣльномъ примѣрѣ. Но это отношеніе вовсе не приходится констатировать по глухимъ намекамъ источниковъ, какъ можно бы, пожалуй, подумать. Оно вполнѣ отчетливо было формулировано еще современниками—и въ установленіи этого факта заключается крупное научное открытіе, до сихъ поръ недостаточно учтенное историками, спеціально изучавшими нашъ шестнадцатый вѣкъ, хотя первыя указанія на сознательную планировку „реформъ“, шедшую гораздо дальше того, что въ дѣйствительности осуществилось, относятся еще къ семидесятымъ годамъ прошлаго столѣтія **). Особенный скептицизмъ вызывало существованіе современной Грозному публицистики, хотя, казалось бы, само по себѣ было ясно, что переписка царя съ Курбскимъ не могла быть изолированнымъ фактомъ. Формулировать свои политическіе взгляды на бумагѣ, защищать ихъ съ перомъ въ рукѣ не могло же быть инди-

*) См. по этому поводу ст. Дитятина: „Роль челобитій и земскихъ соборовъ etc.“ и ст. пишущаго эти строки въ сборникѣ „Мелкая земская единица“, Спб. 1903.

**) Статьи проф. Жданова о „Стоглавомъ соборѣ“ появились въ 1876 году.

видуальной привычкой двухъ человѣкъ. Скептицизму много помогало твердо укоренившееся убѣжденіе въ поголовной безграмотности старой московской Руси, но и это убѣжденіе должно было поколебаться хотя бы у тѣхъ, кто зналъ, что для занятія нѣкоторыхъ должностей (губного головы, напримѣръ, о которомъ будетъ еще рѣчь ниже) уже при Грозномъ требовался минимальный, образовательный цензъ—грамотность,—кто зналъ, какую роль играли въ тѣ времена люди пера и бумаги, дьяки, въ глазахъ иностранцевъ часто бывшіе вершителями судебъ государства. „Читающей публики" въ нашемъ смыслѣ, конечно, не было, но въ любомъ медвѣжьемъ углу могли найтись люди, умѣвшіе прочесть написанное и разсказать содержаніе его своимъ сосѣдямъ *). Печатать было, пожалуй, еще не для кого—печатный станокъ и заведенъ былъ при Грозномъ только для богослужебныхъ книгъ, но писать было кому—и то, что правилось, пріобрѣтало достаточно широкое распространеніе, чтобы вліять на умы по крайней мѣрѣ верхнихъ, командующихъ слоевъ. Такъ возникъ цѣлый рядъ произведеній, въ привычную для того времени форму притчи, апокрифа или нравоучительнаго историческаго разсказа, влагавшихъ очень дѣловое содержаніе. То была иногда челобитная, будто бы поданная царю какимъ-то служилымъ человѣкомъ, то разговоры, которые будто бы вели о Россіи заграничныя знаменитости того времени, то повѣсти о чужихъ земляхъ и царяхъ—въ которыхъ, однакоже, не трудно было узнать московское государство и Ивана Васильевича—то откровенія святыхъ чудотворцевъ. Большая часть дошедшихъ до насъ произведеній этого рода связана съ именемъ лица, несомнѣнно легендарнаго, что, конечно, не мѣшало ему имѣть однофамильцевъ и въ дѣйствительной жизни, „выѣзжаго изъ Литвы" Ивана Семеновича Пересвѣтова **). Прошедшій „весь свѣтъ" „воинникъ", служившій на своемъ вѣку и „Ѳордыналу ческому", и „Янушу, угорскому королю" и Петру „волоскому воеводѣ", былъ чрезвычайно удобной ширмой для рѣзкой критики отечественныхъ порядковъ: съ одной стороны онъ импо-

*) Губная грамота 1539 года предполагаетъ, напримѣръ, существованіе грамотныхъ помѣщиковъ—и притомъ не какъ единичное исключеніе, въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ.

**) Всѣ, связанные съ этимъ именемъ, памфлеты собраны и изданы недавно г. Ржигой. („И. С. Пересвѣтовъ, публицистъ XVI вѣка", Москва, 1908). Издатель усиленно старается доказать реальность номинальнаго автора, но ему удается лишь установить существованіе фамиліи Пересвѣтовыхъ въ XVI вѣкѣ. Еще менѣе, конечно, можно кого-либо убѣдить ссылками на рукописи XVIII в., какъ это дѣлаетъ авторъ другого изданія о Пересвѣтовѣ, г. Яворскій. Если бы весь планъ „реформы" и опричнины вышелъ изъ чьей-либо одной головы, существованіе ея не пришлось бы доказывать такимъ сложнымъ способомъ.

ппровалъ своимъ авторитетомъ полу-иностранца, видавшаго тогдашнюю Европу и могшаго сослаться, при случаѣ, на ея порядки; съ другой, именно какъ съ иностранца, что съ него возьмешь, коли онъ и погрѣшитъ чѣмъ противъ православной старины. А грѣшитъ въ этомъ случаѣ нашъ памфлетистъ много. Его этико-религіозные взгляды поражаютъ своей широтой, если припомнить, что дѣло идетъ о современникѣ Стоглаваго собора. Церковная идеологія совершенно чужда этому, въ высшей степени свѣтскому, человѣку. Пересвѣтовъ недаромъ выѣхалъ изъ Литвы, гдѣ въ то время сильна была протестантская пропаганда—евангеліе для него едва ли не единственный религіозный авторитетъ, да и то не столько изъ-за своего божественнаго происхожденія, сколько ради заключающихся въ немъ нравственныхъ идей. Христосъ „далъ намъ евангеліе правду", а правда—выше вѣры: „не вѣру Богъ любитъ, а правду". Если по старой памяти и говорится о „ереси" грековъ, какъ о причинѣ паденія Царяграда, то это не болѣе, какъ остатокъ традиціонной фразеологіи; на самомъ дѣлѣ причиной катастрофы было то, что греки „евангеліе читали, а иные слушали, а воли Божіей не творили". А вотъ „невѣрный иноплеменникъ", Махметъ-салтанъ, царь турецкій (Магометъ II) „великую правду въ царство свое ввелъ"—„и за то ему Богъ помогаетъ". За такія рѣчи въ московскомъ царствѣ и на костеръ недолго было попасть, а ужъ въ монастырское заточеніе навѣрное: полуиностранный псевдонимъ былъ очень кстати

Пересвѣтовскія писанія всѣ сосредоточиваются около одной центральной темы: причинъ паденія Константинополя, гибели православнаго царя „Константина Ивановича" и успѣха невѣрнаго „Махметъ-салтана". Тема была весьма популярна въ тогдашней русской литературѣ, но никто ея не бралъ съ такой точки зрѣнія. Благочестивые книжники видѣли въ этомъ событіе скорѣе радостное: ересь была посрамлена, а древнее благочестіе возсіяло, яко солнце, и мѣсто падшаго второго Рима занялъ третій Римъ, Москва. Приличіе требовало пролить нѣсколько слезъ по поводу гибели старой столицы православнаго царства, но ей была уже готова наслѣдница, и особенно плакать было не о чемъ. Для Пересвѣтова паденіе Константинополя—прежде всего грозный историческій примѣръ того, какъ гибнутъ государства, которыми плохо управляютъ,—гдѣ нѣтъ „правды". „Третій Римъ" его нисколько не интересуетъ: если въ Москвѣ дѣла будутъ итти такимъ же порядкомъ, какъ въ Византіи, и Москвѣ не миновать такого же конца. Будущая политическая карьера Москвы всецѣло зави-

спитъ отъ того, есть ли здѣсь „правда“. Это ничего, что въ Москвѣ „вѣра христіанская добра и красота церковная велика“: „коли правды нѣтъ, то всего нѣтъ“. А правды не будетъ, пока будетъ сохраняться удѣльный способъ управленія. Петръ, волошскій воевода, устами котораго высказываются наиболѣе смѣлыя пересвѣтовскія сентенціи (для нихъ, такимъ образомъ, понадобился двойной псевдонимъ) особенно не хвалитъ, что царь Иванъ „особную войну на свое царство напущаетъ“: даетъ города и волости держать вельможамъ, а вельможи отъ слезъ и отъ крови христіанской богатѣютъ нечистымъ собраніемъ. Кормленщики являются, такимъ образомъ, первымъ препятствіемъ къ осуществленію „правды“ на русской землѣ. А между тѣмъ, Махметъ-салтанъ давно подалъ примѣръ, какъ обойтись безъ кормленій: невѣрный, онъ „богоугодная учинилъ, великую мудрость и правду въ царство свое ввелъ“ — по всему царству разослалъ вѣрныхъ своихъ судей, „изоброчивши ихъ изъ казны своимъ жалованьемъ“. „А присудъ (судебныя пошлины) велѣлъ брать на себя въ казну“, чтобы судьямъ не было искушенія судить неправо; и выдалъ имъ книги судебныя, по чему имъ винити и правити. Пересвѣтовскіе памфлеты возникли, какъ можно судить по цѣлому ряду признаковъ, между 1545—1548 годами: а такъ называемый „Царскій судебникъ“ Ивана Васильевича изданъ въ іюнѣ 1550 года. Одной этой справки достаточно, чтобы видѣть, насколько публицистика временъ Грознаго была тѣсно связана съ жизнью. Но Махметъ-салтанъ не ограничился централизаціей однихъ судебныхъ доходовъ—онъ ввелъ „единство кассы“ для всѣхъ своихъ доходовъ безъ исключенія: „и съ городовъ, и съ волостей, и изъ вотчинъ, и изъ помѣстій всѣ доходы въ казну свою царскую велѣлъ собирати по всякій часъ“, а сборщиковъ изъ казны оброчилъ своимъ жалованьемъ. Такъ же точно, на жалованьѣ, организована и вся его военная сила. Московское государство давно начало переходить отъ натуральнаго хозяйства къ денежному, но дѣйствительность была безконечно далека отъ такой грандіозной ломки всего административнаго аппарата — отъ полной замѣны феодальнаго государства, съ его вассалитетомъ, режимомъ централизованной монархіи, съ чиновничествомъ на жалованьѣ. То, что грезилось „Пересвѣтову“, осуществилось лишь въ XVIII вѣкѣ. Еще дольше пришлось дожидаться своей реализаціи другой мысли нашего публициста. Онъ великій противникъ рабства. Его герой, Махметъ-салтанъ турецкій, велѣлъ „огнемъ пожещи“ книги полныя и докладныя—документы о холопствѣ—и даже плѣнникамъ

позволялъ выкупаться на волю по истеченіи семилѣтняго срока. И устами турецкаго владыки высказывается великолѣпная апологія свободы народа, какъ необходимаго условія національной самостоятельности. „Въ которомъ царствѣ люди порабощенны, и въ томъ царствѣ люди не храбры...“ Этой „правды“ потомкамъ Пересвѣтова пришлось ждать совсѣмъ долго. Но логика денежнаго хозяйства неотвратимо вела къ замѣнѣ холопства вольнонаемнымъ трудомъ, и не вина была нашего автора, что блестящій экономическій расцвѣтъ первой половины вѣка такъ скоро уступилъ мѣсто кризису и реакціи.

Но Пересвѣтовъ былъ не только представителемъ новаго экономическаго міросозерцанія—его индивидуальная черта не въ этомъ: тутъ у него нашлись бы товарищи и изъ лагеря, съ которымъ онъ былъ въ лютой враждѣ. Денежное хозяйство не прочь были использовать и бояре—и грабежи кормленщиковъ были своеобразной формой эксплуатаціи новыхъ источниковъ дохода. Пересвѣтовъ—не землевладѣлецъ-предприниматель, и не буржуа изъ города. На купца онъ смотритъ съ обычной точки зрѣнія средневѣковаго потребителя: купецъ—обманщикъ, за нимъ нужно строго слѣдить, торговля должна быть точно регламентирована, цѣны должно назначать государство: а если кто обманетъ, обвѣситъ или обмѣритъ или цѣну возьметъ „больше устава царева“,—„таковому смертная казнь бываетъ“. И богатый землевладѣлецъ, кто бы онъ ни былъ, не возбуждаетъ его сочувствія. Вельможи Ивана Васильевича не только потому плохи, что они „отъ слезъ и отъ крови христіанской богатѣютъ“, но и потому, что они вообще богатѣютъ „и лѣнивѣютъ“. „Богатый о войнѣ не мыслитъ, мыслитъ объ упокои; хотя и богатырь обогатѣетъ, и онъ облѣнивѣетъ“. И не трудно замѣтить группу, на сторонѣ которой всѣ симпатіи Пересвѣтова: ни о чемъ такъ не заботятся его герои, какъ о „воинникахъ“. Махметъ-салтанъ, „умножилъ сердце свое къ войску своему и возвеселилъ вся войска своя. Съ году на годъ оброчилъ ихъ своимъ царскимъ жалованьемъ изъ казны своей, кто чего достоинъ—а казнѣ его нѣтъ конца...“ Петръ, валашскій воевода, поучаетъ Ивана Васильевича: „воина держать, какъ сокола чередить—всегда ему сердце веселить, а ни въ чемъ на него кручины не допустить...... Который воинникъ лютъ будетъ противъ недруга государева играти смертною игрой и крѣпко будетъ за вѣру христіанскую стоять, ино таковымъ воинникамъ имена возвышати и сердца ихъ веселити, и жалованья изъ казны своей государевой прибавляти...... и къ себѣ ихъ припущати и во всемъ имъ

вѣрити, и жалобы ихъ слушать во всемъ, и любить ихъ какъ отцу дѣтей своихъ, и быти до нихъ щедру..." И Царьградъ палъ отъ того, что у царя Константина „воинники" оскудѣли и обнищали. Но не всѣ военные люди на одно лицо: крупные вассалы московскаго великаго князя, которые „тѣмъ слуги его называются, что цвѣтно, конно и людно выѣзжаютъ на службу его, а крѣпко за вѣру христіанскую не стоятъ", только „оскужаютъ" московское царство. Идеалъ Пересвѣтова тотъ воинникъ, что „въ убогомъ образѣ" пришелъ къ Августу Кесарю (любопытно, что о родствѣ его съ московскимъ государемъ нашъ публицистъ не упоминаетъ ни словомъ—такъ мало интересуетъ его церковная легенда)—и Августъ Кесарь за то ег пожаловалъ и держалъ его близко себя и радъ его". Вмѣсто пышнаго вассалитета, Петръ, валашскій воевода, рекомендуетъ небольшое, но отборное, наемное войско: „двадцать тысячъ юнаковъ храбрыхъ съ огненною стрѣльбою". Какого происхожденія „храбрые юнаки"—все равно: „Кто у царя (Махметъ-султана) противъ недруга крѣпко стоитъ, играетъ смертною игрою, полки недруга разрываетъ, вѣрно служитъ, хотя отъ меншаго колѣна, и онъ его на величество поднимаетъ и имя ему велико даетъ...... А вѣдома нѣтъ, какова отца они дѣти, да для ихъ мудрости царь велико на нихъ имя наложилъ......"

Чтобы понять эти намеки перваго русскаго публициста—изъ свѣтскихъ публицистовъ Пересвѣтовъ безусловно былъ въ московскомъ государствѣ первымъ по времени: Курбскій сталъ писать лѣтъ на двадцать позже—современный читатель долженъ вспомнить, что какъ разъ на эту эпоху приходится окончательное юридическое упроченіе одного очень извѣстнаго обычая московской Руси. Ища себѣ экономической опоры въ кормленіяхъ, падавшее боярство пыталось найти юридическую—въ мѣстничествѣ. Сущность мѣстничества заключалась въ наслѣдственности отношеній между должностями: каждая служилая семья занимала опредѣленное положеніе въ ряду другихъ такихъ же семей и каждый членъ ея, независимо отъ своихъ личныхъ заслугъ, могъ претендовать на такое мѣсто въ служебной іерархіи, какое занимали его предки. Формально, мѣстничество связано, конечно, съ патріархальными представленіями—съ тѣмъ „групповымъ началомъ", о которомъ намъ не разъ уже приходилось говорить: личныя заслуги потому не принимались въ разсчетъ, что ни право, ни нравы не умѣли выдѣлить лица изъ семейной группы. Но когда патріархальныя понятія господствовали во всей силѣ,

ихъ и не приходилось поддерживать искусственно: всякій зналъ свое мѣсто, и на чужое не посягалъ. Въ случаѣ сомнѣнія взывали къ „памяти“ старыхъ людей—и этого было достаточно. Если теперь, въ подкрѣпленіе обычаю, начинаютъ ссылаться на письменные документы—и даже фабриковать таковые—это вѣрный знакъ, что обычай пошатнулся, и то, что не держится само собою, стараются подкрѣпить искусственно. Новѣйшими изслѣдованіями почти внѣ спора установлено, что какъ первая „разрядная книга“—запись служебныхъ назначеній высшихъ чиновъ московскаго двора, такъ и „государевъ родословецъ“—списокъ знатнѣйшихъ фамилій, пытавшійся фиксировать составъ московской аристократіи, возникли въ 50-хъ годахъ шестнадцатаго вѣка *). То, что казалось невиннымъ, можетъ быть, просто глупымъ, остаткомъ „до-государственной“ старины, въ дѣйствительности было орудіемъ классовой борьбы—попыткой искусственными плотинами задержать надвигавшійся приливъ. Если „разрядная книга“ и была выборкой—хотя и то уже весьма тенденціозной—изъ подлинныхъ документовъ, то „государевъ родословецъ“ былъ переполненъ прямо фантастическими разсказами, дѣлавшими изъ всѣхъ московскихъ бояръ „знатныхъ иностранцевъ“. У всѣхъ въ предкахъ оказались какіе-то сомнительные вельможи, выѣхавшіе на службу къ московскому великому князю: кто изъ нѣмцевъ, кто изъ Литвы—въ худшемъ случаѣ изъ Орды. Крайне характерна эта эпидемія заграничныхъ генеалогій какъ разъ въ тотъ моментъ, когда заграница становится авторитетомъ, и „худородные“ начинаютъ ссылаться на нее въ свою пользу.

Но чтобы „благороднымъ“ понадобились такія искусственныя подпорки, нужно было, чтобы „худородные“ заявляли о своемъ существованіи не одними тенденціозными апокрифами и политическими сказками. Они должны были стать реальной силой, достаточно грозной, чтобы московская знать ихъ боялась. Мѣстничество еще не успѣло народиться, а мѣстническая система уже трещала по всѣмъ швамъ: во время казанскаго похода 1550 года „царь государь съ митрополитомъ и со всѣми бояры“ приговорили: „въ полкахъ быти княжатамъ и дѣтямъ боярскимъ съ воеводами безъ мѣстъ, ходити на всякія дѣла со всѣми воеводами“. Мѣстническіе счеты сохранялись только для самихъ воеводъ, которыхъ государь обѣщался прибирать „разсужая ихъ отечество“: но даже и Пере-

*) См. П. Милюкова „Офиціальныя и частныя редакціи древнѣйшей разрядной книги“, М. 1887 и Лихачева „Разрядные дьяки XVI вѣка“.

свѣтовъ, при всемъ своемъ радикализмѣ, не рѣшался разрушать старину до самаго корня и, возставая, напримѣръ, противъ кормленій, предлагалъ не просто отнять у кормленщиковъ ихъ доходы, а выкупать кормленія за опредѣленную сумму въ казну. „А какого вельможу пожалуетъ за его вѣрную службу городомъ или волостью“ Махметъ-салтанъ, „и онъ пошлетъ къ судьямъ своимъ и велитъ ему по доходному списку изъ казны выдати вдругъ“. Верхи служилой іерархіи были еще, пока что, хорошо защищены отъ напора служилой демократіи. Но, держась еще въ центрѣ, феодальное боярство вынуждено было сдать свои позиціи въ области. Реформа областного управленія была первымъ торжествомъ пересвѣтовскихъ идей—и на ней стоитъ остановиться не только ради нея самой, но еще и потому, что она даетъ чрезвычайно своеобразное и жизненное освѣщеніе тѣмъ способамъ, какими собесѣдникъ Петра, валашскаго воеводы, и поклонникъ Махметъ-султана турецкаго разсчитывалъ „ввести въ землю правду“.

По разсказу Пересвѣтова Махметъ-султаномъ такъ была организована полиція безопасности. Если случится — въ войскѣ—воровство или разбой, на такихъ лихихъ людей, воровъ и разбойниковъ „обыскъ царевъ живетъ накрѣпко по десятникамъ, по сотникамъ и по тысяцкимъ“: и который десятникъ утаитъ лихого человѣка въ своемъ десяткѣ, тотъ десятникъ съ тѣмъ лихимъ человѣкомъ казненъ будетъ смертною казнью. „А татю и разбойнику у царя у турецкаго тюрьмы нѣтъ, на третій день его казнятъ смертной казнью для того, чтобы лиха не множилася; лишь опальнымъ людямъ тюрьма до обыску царева. И по городамъ у него тѣ же десятскіе установлены, и сотники, и тысяцкіе на лихихъ людей, на татей, и на разбойниковъ, и на ябедниковъ, и гдѣ кого обыщутъ лихого человѣка, татя (вора) или разбойника или ябедника, тутъ его казнятъ смертною казнью; а десятникъ утаитъ лихого человѣка въ своемъ десятку, а потомъ обыщутъ всею сотнею, ино та же ему смертная казнь“. Карамзинъ, видѣвшій въ пересвѣтовскихъ памфлетахъ „подлогъ и вымыселъ“, доказывалъ это свое мнѣніе, между прочимъ, тѣмъ, что „сей затѣйникъ“ совѣтовалъ царю „сдѣлать все великое и хорошее, что было уже сдѣлано“. Вообще говоря, это совсѣмъ несправедливо: мы видѣли, что въ своихъ проектахъ „Пересвѣтовъ“ опережаетъ часто не только Грознаго, но и Московскую Русь вообще. Но въ данномъ случаѣ мы наталкиваемся, дѣйстви-

тельно, на нѣкоторую странность: полицейская организація, описанная въ приведенныхъ выше строкахъ, съ ея характеристическими признаками — спеціальными властями для борьбы съ разбоемъ, повальнымъ обыскомъ и отвѣтственностью тѣхъ, кто обыскивалъ, за результаты обыска—уже существовала въ 40-хъ годахъ шестнадцатаго вѣка на Руси. Уже отъ 1539 года до насъ дошли двѣ грамоты—одна была дана Бѣлозерскому краю, другая Каргополю: въ обѣихъ великій князь „клалъ на души“ мѣстнаго населенія розыскъ разбойниковъ и казнь ихъ, послѣ розыска, безъ суда. Въ этомъ было коренное отличіе новаго способа расправы отъ прежнихъ: прежде всѣ дѣла, въ томъ числѣ и о разбоѣ, начинались въ порядкѣ частнаго обвиненія и разрѣшались въ порядкѣ состязательномъ—присягою сторонъ или „полемъ“, судебнымъ поединкомъ. Волостель и въ этихъ дѣлахъ прежде всего „своего прибытка смотрѣлъ“ — слѣдилъ за исправнымъ поступленіемъ судебныхъ пошлинъ и штрафовъ. Репрессія и въ этомъ случаѣ, конечно, могла быть лишь очень слабая, даже не считая тѣхъ, на практикѣ не рѣдкихъ, случаевъ, когда кормленщикъ просто входилъ въ долю съ разбойниками, считая такой доходъ болѣе вѣрнымъ, чѣмъ „присудъ“, котораго когда-то еще дождешься. Въ обѣихъ упомянутыхъ нами грамотахъ упоминается объ основаніи въ Москвѣ особаго р а з б о й н а г о п р и к а з а („наши бояре, которымъ разбойныя дѣла приказаны...“). Органами его на мѣстахъ были не кормленщики, а особые „головы“, выборные отъ мѣстнаго населенія, помощниками которыхъ были старосты, десятскіе и „лучшіе люди“. Головы были не только на Бѣломъ озерѣ и въ Каргополѣ, а и въ „иныхъ городахъ“: это была общерусская реформа по широко задуманному плану. Реформа, несомнѣнно, била по карману кормленщиковъ, отнимая у нихъ главный источникъ дохода — и въ этомъ смыслѣ ее поняли современники. Псковской лѣтописецъ, напримѣръ, разсказываетъ, что на новые порядки намѣстники сильно сердились — „была намѣстникомъ нелюбка велика на христіанъ“, „христіанамъ“ же „бысть радость и льгота отъ лихихъ людей“. Тутъ особенно приходится пожалѣть, что намъ такъ суммарно извѣстна внутренняя исторія московскаго государства въ малолѣтство Грознаго. О соціальной борьбѣ 30-хъ годовъ мы ничего не знаемъ, если не считать упоминавшагося уже въ началѣ этой главы возстанія новгородскихъ помѣщиковъ въ 1537 году, по призыву князя Андрея Ивановича. Была ли между этимъ фактомъ и первою „реформой Грознаго“ причинная связь — мы не знаемъ.

Но то, что потеряли бояре-кормленщики, перешло именно къ помѣщикамъ, къ среднему и мелкому землевладѣнію: бѣлозерская грамота опредѣленно указываетъ, что головы, вѣдавшіе борьбу съ разбоями, должны быть взяты изъ мѣстныхъ дѣтей боярскихъ, притомъ грамотныхъ, какъ мы уже отмѣчали выше. Старосты и десятскіе изъ крестьянъ были имъ подчинены. Новыя власти получили гораздо больше, чѣмъ потеряли старыя: кормленщикъ могъ возбудить дѣло только по жалобѣ, „губной голова" могъ любого человѣка поставить на пытку, а признавшагося съ пытки казнить по собственной иниціативѣ. Во всей губѣ не было никого, кто бы отъ него не зависѣлъ. Притомъ старая судебная гарантія — поединокъ и присяга — для разбойныхъ дѣлъ были упразднены, а новыхъ не введено; новая система и была не судомъ, а „сыскомъ": разбойниковъ искали, какъ ищутъ звѣря въ лѣсу, а найдя убивали безъ дальнѣйшихъ формальностей. Вполнѣ по совѣту Пересвѣтова: „разбойника и татя и ябедника и всякаго хищника безъ всякаго отвѣта смертью казнить". Если подъ терроромъ разумѣть суммарныя казни не однихъ бояръ, то терроръ Грознаго приходится датировать отъ 1539 года, когда „тирану" было девять лѣтъ. Но зачѣмъ публицисту военно-служилой демократіи понадобилось ломиться въ открытую дверь чуть не десять лѣтъ спустя? Отвѣтъ на это можетъ быть одинъ: основныя идеи пересвѣтовскихъ писаній значительно старше той редакціи, въ которой онѣ до насъ дошли. Сказаніе о Махметъ-салтанѣ, вѣроятно, существовало ужъ въ 30-хъ годахъ. А при дальнѣйшей его переработкѣ не находили нужнымъ опускать того, что уже осуществилось въ жизни, тѣмъ болѣе, что въ прочности этого осуществившагося не было пока никакихъ гарантій.

Пересвѣтовскіе памфлеты далеко не отражали въ себѣ всѣхъ экономически прогрессивныхъ теченій своего времени. Такъ думали и къ этому стремились „убогіе воинники", масса мелкаго вассалитета московскаго великаго князя. Но „воинниками" не исчерпывалось живое въ тогдашнемъ московскомъ обществѣ. Мы видѣли, что къ торговому капиталу служилый человѣкъ относился подозрительно, но представители этого капитала должны были относиться къ служилой массѣ не лучше. Люди, шедшіе „играть смертною игрою", и тогда не питали къ людямъ мирныхъ занятій большого почтенія. Одинъ современный публицистъ, стоявшій въ рядахъ противниковъ Пересвѣтова, весьма наглядно изображаетъ эти отношенія „военныхъ" и „штатскихъ" времени царя Ивана

„А вѣрнымъ воинамъ,“ говорятъ „Валаамскіе чудотворцы“, Сергій и Германъ, тоже подававшіе свои совѣты въ дѣлахъ московской внутренней политики „подобаетъ къ своевѣрнымъ и въ домахъ ихъ быти кротко, щедро и милостиво, и ихъ не бити, ни же мучити, и грабленіе не творити...“ Косвенно эту характеристику подтверждаетъ и самъ апологетъ военной демократіи: „ученые люди храбрые“ царя Махмета „идутъ тихо воевать“; русскимъ воинникамъ этого качества, должно быть, не хватало — если приходилось вводить его въ свой идеалъ. Но это было противорѣчіе интересовъ еще довольно поверхностное и потому примиримое: тенденціи „воинниковъ“ и „купцовъ“ должны были сталкиваться въ болѣе глубокой области, гдѣ примирить стороны было несравненно труднѣе. Главной заботой Пересвѣтова является государево жалованье: чуть не двадцать разъ въ его памфлетахъ возвращается та мысль, что царь долженъ быть щедръ къ своему „воинству“: „что царская щедрость до воинниковъ, то его и мудрость“. Это не была простая жадность: мы знаемъ уже экономическую роль „жалованья“ въ хозяйствѣ мелкаго землевладѣльца (большинство помѣщиковъ сидѣло на дроби деревни: $^1/_3$ деревни, четверть сельца, полпустоши—обычныя показанія писцовыхъ книгъ). То былъ его оборотный капиталъ: „запуская серебро“ за крестьянъ, онъ добывалъ себѣ рабочія руки. По мѣрѣ щедрости государевой лучше или хуже шло помѣщичье хозяйство. Но государева казна не была волшебнымъ кошелькомъ, гдѣ деньги сами нарождались: главнымъ источникомъ денежныхъ доходовъ московскаго правительства были посадскіе люди, съ ихъ торгами и промыслами. Отсюда перекачивались деньги въ карманы „воинниковъ“. Конкурренція помѣщика и посадскаго была въ основѣ конкурренціей аграрнаго и торговаго капитала. Одинъ смотрѣлъ на казну съ точки зрѣнія плательщика, другой—съ точки зрѣнія получателя. Политическіе взгляды двухъ группъ, естественно, были весьма различны, и нужно было много времени, нужны были совершенно исключительныя обстоятельства, чтобы сталъ возможенъ ихъ союзъ. Въ дни юности Грознаго до этого было далеко. Переходъ мѣстной полиціи въ руки помѣщиковъ вовсе не удовлетворялъ интересовъ горожанъ: и теперь, и позже, въ XVII вѣкѣ, губной голова чаще являлся для нихъ ворогомъ, отъ котораго нужно обороняться, чѣмъ защитникомъ и покровителемъ, какимъ рисовалъ его Пересвѣтовъ. Губная реформа нисколько не помѣшала возстанію московскаго посада въ 1547 году. Здѣсь нужно было

что-то другое: что, объ этомъ посадскіе говорили не менѣе внятно, чѣмъ „худородные“. Московскій бунтъ недаромъ сблизилъ царя съ протопопомъ Сильвестромъ, близость котораго къ торгово-промышленнымъ кругамъ такъ опредѣленно свидѣтельствуется его собственными словами *). По всей вѣроятности, ему и принадлежитъ редакція тѣхъ „вопросовъ“, съ которыми обратился царь къ Стоглавому собору, дающихъ болѣе сжатое, но не менѣе полное выраженіе программъ посадскихъ, чѣмъ Пересвѣтовъ—программѣ мелкихъ служилыхъ.

Въ первомъ пунктѣ обѣ программы сошлись. Противъ феодальной аристократіи были всѣ—и вопросъ о мѣстничествѣ стоитъ во главѣ сильвестровыхъ „вопросовъ“. Извѣстное совпаденіе интересовъ получалось и по поводу кормленій: вопроса о нихъ формально собору не ставилось, такъ какъ судьба кормленій къ 1550 году, повидимому, была рѣшена. Но точки зрѣнія дающаго и берущаго уже достаточно различаются и здѣсь. Для помѣщиковъ важно было отнять власть у кормленщиковъ и забрать ее въ свои руки: финансовой стороной дѣла Пересвѣтовъ интересуется лишь въ очень общей перспективѣ централизаціи всѣхъ царскихъ доходовъ, причемъ ставитъ дѣло такъ, что невольно является подозрѣніе, не было ли „единство кассы“, главнымъ образомъ, облегченіемъ царю способовъ быть щедрымъ по отношенію къ „воинникамъ“. Интересъ посадскихъ къ вопросу былъ гораздо болѣе непосредственный—и они добились (вѣроятно, вскорѣ послѣ 1547 года—по „Стоглаву“ не позже 1549-го) полнаго сложенія съ населенія недоимокъ передъ кормленщиками. Что это была не столько царская милость, сколько удовлетвореніе народнаго требованія, совершенно ясно для всякаго, кто присмотрится, какъ Иванъ Васильевичъ ставилъ вопросъ на соборѣ. „Въ предыдущее лѣто“, говорилъ царь Иванъ собору, „билъ я вамъ челомъ съ боярами своими о своемъ согрѣшеніи, и бояре такожде, и вы насъ въ нашихъ винахъ благословили и простили, а я, по вашему прощенію и благословенію, бояръ своихъ въ прежнихъ во всѣхъ винахъ пожаловалъ и простилъ, да имъ же заповѣдалъ со всѣми крестьяны царства своего въ прежнихъ во всякихъ дѣлахъ помиритися на срокъ, и бояре мои всѣ, и приказные люди, и кормленщики со всѣми землями помирилися во всякихъ дѣлахъ“. Благочестивая форма этого примиренія не должна насъ смущать:

*) См. выше стр. 2·8.

церковная идеологія была оффиціальной идеологіей московской Руси XVI вѣка—царь православнаго христіанства иначе выражаться не могъ. Но мы должны представлять себѣ, конечно, не идиллическую картину всеобщаго лобызанія, а весьма практическую вещь: принудительный, по повелѣнію свыше, отказъ кормленщиковъ отъ всякихъ претензій по адресу населенія, которое своимъ правителямъ „кормовъ не платило и ихъ било“. „Соборъ примиренія“ было своего рода „ночью 4 августа“ московской Руси: какъ въ 1789-мъ году французскіе дворяне, такъ въ 1549-мъ московскіе бояре „добровольно“ и съ умиленіемъ сердечнымъ отреклись отъ того, что—по всему было видно—навсегда уплыло изъ ихъ рукъ въ силу неотвратимаго „хода вещей“. Но такая экстренная мѣра не давала еще удовлетворенія плательщику налоговъ: его интересовалъ вопросъ, будутъ ли возможны злоупотребленія дальше, и притомъ со стороны не однихъ кормленщиковъ? И второй „вопросъ“ царя собору ставитъ на очередь ревизію всего московскаго вассалитета: „каковы за кѣмъ вотчины и каковы кормленья и всякіе приказы?“ А то „всякіе воины“, разсказывала потомъ лѣтопись, передавая приговоръ царской думы, „службою оскудѣли, непротивъ государева жалованья и своихъ вотчинъ служба ихъ“. Да и впередъ „помѣстья кому давать—въ мѣру и пашенная земля, и непашенная...... что въ книгахъ стоитъ и въ жаловалной грамотѣ слово въ слово“. Весь проектъ ревизіи завершался, уже рѣшенной царемъ посылкой писцовъ „всю свою землю писати и смѣтити“. Въ связи съ этимъ введено было—какъ доказалъ г. Милюковъ, въ 1551 году—новое руководство для измѣренія и оцѣнки земель, гораздо болѣе точное, нежели примѣнявшіяся ранѣе. „Воинники“ старались расширить царское жалованье до предѣловъ возможно болѣе широкихъ, а торговые люди стремились ввести его въ границы возможно болѣе опредѣленныя. Хотя тутъ было и не безъ заботы о наименѣе обезпеченномъ разрядѣ служилыхъ—ихъ предполагалось надѣлить изъ лишковъ, найденныхъ у другихъ—по большинство помѣщиковъ, вѣроятно, предпочло бы, чтобы ихъ просто оставили въ покоѣ. Въ особенности, когда это сопровождалось проектами, явно грозившими и денежному жалованью, путемъ уменьшенія царской казны. Полетъ фантазіи автора „вопросовъ“ былъ не менѣе смѣлый, чѣмъ автора пересвѣтовскихъ брошюръ, и онъ выступаетъ съ двумя проектами, весьма замѣчательными для своего времени. Первый изъ нихъ заключался ни болѣе, ни менѣе, какъ въ отмѣнѣ

винной монополіи, и тогда, какъ теперь, составлявшей основу государственнаго благополучія. „О корчмахъ, данныхъ по городамъ и по пригородамъ, по волостямъ; даны пэстари, а нынѣ чтобы намѣстникомъ и кормленщикомъ съ тѣхъ земель бражное уложити, а корчемъ бы отнюдь не было, зане же отъ корчемъ крестьянамъ великая бѣда чинится и душамъ погибель“. Почему при свободной продажѣ вина, подъ условіемъ уплаты акциза („бражное“), души крестьянъ были бы въ большей безопасности, это, конечно, трудно сказать: но что интересамъ московской буржуазіи отмѣна винной монополіи отвѣчала какъ нельзя лучше, въ томъ не могло быть сомнѣнія. Такъ же, какъ и въ томъ, что интересамъ торговли какъ нельзя лучше отвѣчало упраздненіе внутреннихъ таможенъ, проектировавшееся слѣдующимъ „вопросомъ“— „о мытѣхъ по дорогамъ“. Мытъ, таможенная пошлина въ нашемъ смыслѣ слова, долженъ былъ остаться лишь „въ порубежныхъ мѣстахъ отъ чужихъ земель“. Въ прочихъ оставалась лишь тамга, торговая пошлина въ тѣсномъ смыслѣ слова: „а гдѣ торгуетъ, ино туто тамга, то достойно, а гдѣ не торгуетъ, ино не достойно ничего взяти...“ Все это было не менѣе грандіозно, чѣмъ централизація всего государственнаго хозяйства, предлагавшаяся Пересвѣтовымъ: внутреннія таможни нашли свой конецъ лишь въ царствованіе Елисаветы Петровны, акцизъ же, и то на короткое время, утвердился лишь при Александрѣ II. Но это было не то, чего хотѣли „челобитчики“, ибо вело не къ наполненію царской казны и росту „государева жалованья“ для тѣхъ, кто имъ пользовался, а совсѣмъ въ противоположную сторону.

Какъ служилая программа нашла себѣ жизненное выраженіе въ губныхъ головахъ и губномъ сыскѣ, такъ изъ посадской вышла „земская реформа“ Ивана IV. Въ 1555 году или немного ранѣе кормленщики были выведены изъ городовъ и волостей, и замѣнены излюбленными головами. Въ „буржуазномъ“ характерѣ реформы не можетъ быть сомнѣнія уже потому, что перемѣна неизмѣнно сопровождалась превращеніемъ всякаго рода „кормовъ“ въ денежный оброкъ, отвозить который въ Москву и составляло первую обязанность „излюбленныхъ головъ“: такая тенденція могла итти лишь изъ города. Если бы этимъ дѣло и ограничивалось, столкновенія классовыхъ интересовъ еще не получалось бы. Но „излюбленные головы“ унаслѣдовали отъ кормленщиковъ ихъ право суда—мѣстами они такъ и стали называться выборными судьями. Тутъ являлся уже оче-

видный параллелизмъ городскихъ и помѣщичьихъ учрежденій. Мы видѣли, что появленіе губныхъ головъ было явнымъ умаленіемъ власти кормленщиковъ: появленіе выборныхъ судей не было ли ограниченіемъ, хотя бы географическимъ, правъ губныхъ головъ? Въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, случаяхъ это несомнѣнно было такъ. Спеціальнымъ дѣломъ губныхъ властей была ловля разбойниковъ; но на Вагѣ напримѣръ, съ введеніемъ земскихъ выборныхъ властей, тѣхъ, которые „учнутъ красть или разбивати, или кто учнетъ ябедничать, или кто учнетъ руки подписывать, или костери учнутъ воровати, зернью играти или иное какое дѣло учнутъ чинити. или къ кому лихимъ людямъ пріѣздъ будетъ“ велѣно было отдавать „своимъ излюбленнымъ головамъ“, которые имѣли всѣ права, въ другихъ мѣстахъ принадлежавшія головамъ губнымъ. Уполномоченный посадскихъ людей становился въ одну линію съ уполномоченнымъ мѣстнаго землевладѣнія и получалъ даже болѣе обширныя права, ибо губные головы вѣдали лишь разбой, а „излюбленные“—всѣ уголовныя дѣла безъ исключенія. На сѣверѣ Россіи, гдѣ помѣщиковъ почти или и вовсе не было, столкновенія и на этой почвѣ получиться не могло, но всюду въ другихъ мѣстахъ борьба между служилыми и посадскими на почвѣ мѣстнаго управленія затянулась надолго въ XVII вѣкъ.

---

3. Опричнина.

При какихъ обстоятельствахъ произошло сближеніе посадскихъ съ крупными феодалами, на этотъ счетъ источники не оставили намъ прямыхъ указаній. Намъ извѣстенъ только голый фактъ, что представитель буржуазнаго теченія, протопопъ Сильвестръ, во всѣхъ дворцовыхъ конфликтахъ оказывается рядомъ съ представителями старой знати—и что литературный выразитель взглядовъ этой послѣдней, князь Курбскій, является большимъ поклонникомъ благовѣщенскаго протопопа. Кое-какіе косвенные намеки въ памятникахъ, все же, остались. На протяженіи всего шестнадцатаго вѣка московскій посадъ былъ тѣсно связанъ съ боярской фамиліей Шуйскихъ, по знатности стоявшихъ въ первомъ ряду „ограбленнаго“ потомками Калиты удѣльнаго княжья. Родовыя вотчины Шуйскихъ, въ нынѣшней владимірской губерніи, и тогда уже были промысловыми гнѣздами—ихъ послѣдняго исторически знаменитаго по-

томка, царя Василія Ивановича, его противники презрительно называли „шубникомъ“—намекая на то, что все его благосостояніе держалось на работѣ кустарей, поставлявшихъ полушубки всей Москвѣ. Предки этого „шубника“ играли видную политическую роль въ малолѣтство Ивана IV-го. Выросши, грозный царь съ негодованіемъ и обидой припоминалъ, какъ двое изъ Шуйскихъ „самовольствомъ учинилися“ его опекунами—„и тако воцаришася“. Правленіе Шуйскихъ продолжалось „на много время“, несмотря на то, что юному Ивану Васильевичу они, видимо, очень досаждали. Когда же онъ—или, вѣрнѣе, вертѣвшая имъ партія противниковъ Шуйскихъ—захотѣла отъ нихъ избавиться, то Иванъ Шуйскій, „присовокупя къ себѣ всѣхъ людей и къ цѣлованію приведя, пришелъ ратію къ Москвѣ“—и тутъ произошелъ цѣлый дворцовый переворотъ. Противники Шуйскихъ были переарестованы и сосланы, да досталось и дружившему съ ними митрополиту: его „въ то время безчестно затѣснили и мантію на немъ съ источники изодрали“. Драка происходила и въ великокняжеской столовой, гдѣ многихъ бояръ также „безчестно толкали“ и „оборвали“. Ивану въ это время шелъ уже тринадцатый годъ, такъ что событія онъ могъ хорошо помнить: и, при всей тенденціозности коронованнаго публициста, историку рѣдко приходится уличать его въ прямой выдумкѣ. Для этого Иванъ Васильевичъ былъ слишкомъ уменъ, а что касается спеціально Шуйскихъ, то его разсказы въ общемъ подтверждаются и другими источниками. Но эти разсказы даютъ намъ картину вовсе не обычной дворцовой интриги, а массоваго движенія—и безчинства во дворцѣ производились, конечно, не самими князьями, а ворвавшейся туда толпой, „іудейскимъ сонмищемъ“, которое могло составиться только изъ московскихъ горожанъ. Связи промышленныхъ магнатовъ съ торгово-промышленными кругами вѣроятны и сами по себѣ—а тотъ фактъ, что у нихъ оказались очень скоро общіе враги, и что въ 1547 году московскій посадъ избивалъ и убивалъ тѣхъ именно Глинскихъ, которые всегда были соперниками князей Шуйскихъ—даетъ сильное фактическое обоснованіе этой вѣроятности. Темныя, по лѣтописямъ, событія тридцатыхъ-сороковыхъ годовъ всего правильнѣе и разсматривать какъ предвѣстія большого движенія, предшествовавшаго „реформамъ Грознаго“. Союзъ посадскихъ и боярства могъ сложиться именно въ то время—и сложиться настолько прочно, что парализовать его, на время, могла лишь опричнина, а разрушить—только катастрофа смутнаго времени. Съ обще-политической точки зрѣнія

въ такомъ союзѣ не было и ничего удивительнаго. Во внѣшней политикѣ интересы московской буржуазіи и московскихъ феодаловъ давно соприкасались, какъ это мы могли видѣть, напримѣръ, на исторіи послѣдняго конфликта Москвы съ Новгородомъ, а внѣшняя политика боярства въ половинѣ XVI вѣка, захватъ великаго волжскаго пути—завоеваніе Казани и Астрахани — тоже отвѣчалъ требованіямъ торговаго класса, какъ нельзя лучше. На этой внѣшней политикѣ сошлись, впрочемъ, на время интересы всѣхъ командующихъ общественныхъ группъ: средніе землевладѣльцы тоже съ завистью смотрѣли на черноземное поволжье, охотно готовые промѣнять на него выпаханный суглинокъ примосковскихъ уѣздовъ. Въ одномъ изъ пересвѣтовскихъ писаній мы находимъ даже чрезвычайно любопытный проектъ — перенесеніе столицы въ Нижній-Новгородъ; тамъ-де и долженъ быть „столъ царскій, а Москва—столъ великому княжеству". А Казанское царство казалось помѣщичьему публицисту прямо чуть не раемъ— „подрайскою землицей, всѣмъ угодною": и онъ весьма цинически заявляетъ, что „таковую землицу угодную" слѣдовало бы завоевать, даже если бы она съ Русью „и въ дружбѣ была" А такъ какъ казанцы, кромѣ того, и безпокоили Русь, то значитъ, и предлогъ есть отличный, чтобы съ ними расправиться. Такъ писатель шестнадцатаго вѣка за триста лѣтъ безжалостно разбилъ ту, хорошо намъ знакомую, историческую схему, которая изъ интересовъ государственной обороны дѣлала движущую пружину всей московской политики: уже для Пересвѣтова эта „государственная оборона" была просто хорошимъ предлогомъ, чтобы захватывать „вельми угодныя" земли.

На почвѣ этой общности интересовъ и установился, повидимому, тотъ компромиссъ между феодальной знатью, буржуазіей и мелкими помѣщиками, который держался приблизительно до 1560 года и обыкновенно изображается, какъ „счастливая пора" царствованія Грознаго. Мелкій вассалитетъ былъ удовлетворенъ, во-первыхъ, губными учрежденіями и отмѣной кормленій, а затѣмъ, въ ожиданіи раздѣловъ „подрайскихъ" земель, крупной экстренной раздачей въ примосковскихъ уѣздахъ. Въ 1550 году кругомъ Москвы была помѣщена тысяча лучшихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ изъ провинціи, образовавшихъ своего рода царскую гвардію. Раздача, конечно, мотивировалась военными соображеніями, но не трудно видѣть, что именно военныхъ основаній сажать отборную часть войска около самой столицы не было. Это былъ моментъ наи-

большаго напряженія казанскихъ войнъ, и со стратегической точки зрѣнія можно было ожидать сосредоточенія лучшей части московскаго войска какъ разъ гдѣ-нибудь около Нижняго. На самомъ дѣлѣ это была подачка верхамъ помѣщичьей массы, причемъ не была обдѣлена и боярская молодежь: какъ извѣстно, въ числѣ получившихъ подмосковныя помѣстья былъ и князь Курбскій, которому было тогда 22 года. Посадскіе люди были удовлетворены „земскою реформой“—и совершившейся около этого времени передачей имъ сбора косвенныхъ налоговъ. Новѣйшая исторіографія и эту „вѣрную службу“ склонна была изображать какъ особаго рода тягло, весьма будто бы тяжелое для россійскаго купечества. Но жалобы на тягость „вѣрныхъ службъ“ мы слышимъ въ срединѣ слѣдующаго вѣка, когда Россія стала окончательно дворянской, а конкурренція помѣщиковъ во всѣхъ областяхъ стала нестерпимо жать торговое сословіе. По существу же отдача косвенныхъ налоговъ „на вѣру“ была облегченной формой откупа: откупщикъ несъ на себѣ тѣ же обязательства, что и вѣрный сборщикъ, но онъ долженъ былъ авансировать правительству крупную сумму, тогда какъ вѣрный голова имѣлъ тѣ же выгоды, что и откупщикъ, не затрачивая впередъ ни одной копейки. Что иные вѣрные головы на этомъ дѣлѣ разорялись, это возможно, но случалось разоряться и откупщикамъ. Всякое предпринимательство имѣетъ эту оборотную сторону. Въ большинствѣ же случаевъ, конечно, сосредоточеніе въ рукахъ немногихъ купцовъ огромныхъ суммъ таможенныхъ и кабацкихъ сборовъ какъ нельзя болѣе способствовало концентраціи купеческихъ капиталовъ *).

То, что разсказываютъ объ организаціи верховнаго управленія въ эти годы Курбскій и Грозный, каждый со своей точки зрѣнія, даетъ понять, что компромиссъ распространялся и на политическую область. Въ составъ правительства были введены представители группъ, до сихъ поръ не имѣвшихъ мѣста въ царской „куріи“: рядомъ съ князьями и боярами мы встрѣчаемъ здѣсь уже знакомаго намъ протопопа Сильвестра и выходца изъ мелкихъ служилыхъ людей, Алексѣя Адашева, котораго Грозный, по его словамъ, „взялъ отъ гноища и учинилъ съ вельможами“. Функціи Адашева, насколько онѣ намъ извѣстны, указываютъ вполнѣ опредѣленно, что онъ вошелъ въ правящую группу какъ представитель антибояр-

*) Одинъ изъ первыхъ случаевъ отдачи „на вѣру“ таможенныхъ доходовъ—не отдѣльному лицу, а цѣлой компаніи изъ 22 человѣкъ—относится къ 1551 году.

ской оппозиціи. Ему было поручено „челобитныя пріимати у бѣдныхъ и обидимыхъ“, причемъ рекомендовалось не бояться „сильныхъ и славныхъ, восхитившихъ чести на ся и своимъ насиліемъ бѣдныхъ и немощныхъ погубляющихъ“. Нѣтъ сомнѣнія, что ликвидація кормленій и знаменитое „примиреніе“ кормленщиковъ съ населеніемъ происходили при его ближайшемъ участіи. На теперешній взглядъ онъ занималъ, конечно, довольно странное офиціальное положеніе—былъ „ложничимъ“, т.-е. камердинеромъ, Ивана Васильевича и мылся съ царемъ въ банѣ: что и даетъ поводъ говорить о немъ только, какъ о „любимцѣ“ Ивана, и этимъ объяснять его политическое значеніе. Но мы не должны забывать, что мы въ расцвѣтѣ средневѣковья, что отдѣлить царское хозяйство отъ государственнаго управленія бывало не подъ силу и болѣе поздней эпохѣ. До какой степени все носило чисто средневѣковой характеръ, показываютъ тѣ способы воздѣйствія на Ивана, какіе примѣнялъ протопопъ Сильвестръ—о нихъ мы имѣемъ совершенно согласныя, по существу дѣла, свидѣтельства самыхъ разнообразныхъ источниковъ, и Курбскаго, и Пересвѣтова, и самого Грознаго. Слова послѣдняго о „дѣтскихъ страшилахъ“ вполнѣ подтверждаются тѣмъ, что говорили его противники о „мечтательныхъ страхахъ“, пущенныхъ въ ходъ протопопомъ ради укрощенія нрава юнаго царя. А постоянные намеки Пересвѣтова на „ворожбы и кудесы“ показываютъ, что фактъ очень скоро и очень хорошо сталъ извѣстенъ весьма широкимъ кругамъ. Чѣмъ именно Сильвестръ стращалъ Ивана Васильевича, мы не знаемъ—по всей вѣроятности, тутъ было не безъ „видѣній“ и „явленій“: впослѣдствіи, въ смутное время, ихъ, какъ мы увидимъ, стали фабриковать прямо по заказу. Во всякомъ случаѣ, фиктивныя чудеса, какъ средство доставить преобладаніе своей политической партіи, ничѣмъ не уступаютъ удачной попыткѣ Ивана Калиты—использовать мощи митрополита Петра, какъ средство доставить политическое преобладаніе Москвѣ надъ Тверью. Отъ XIV-го по XVI вѣкъ въ этомъ отношеніи большой перемѣны не произошло.

Введеніе въ составъ московской „куріи“ новыхъ, необычныхъ элементовъ сопровождалось нѣкоторымъ измѣненіемъ и механизма управленія. Такъ какъ документальныхъ слѣдовъ это измѣненіе не оставило—кромѣ одного отрицательнаго, о которомъ сейчасъ будетъ рѣчь—то нѣтъ ничего мудренаго, что историки его и не замѣтили, или не обратили на него большого вниманія. Во главѣ московскаго государства стояла, какъ и во главѣ удѣльнаго княжества московскаго, боярская

дума — совѣтъ крупнѣйшихъ вассаловъ подъ предсѣдательствомъ сюзерена. Историки давно уже замѣтили, что въ этомъ совѣтѣ уже съ первой половины XVI вѣка наряду съ членами по положенію, такъ сказать,—ими были, въ первую голову, всѣ бывшіе удѣльные князья и ихъ потомки—, появляются члены по назначенію: „дѣти боярскія, что въ думѣ живутъ“. Давно замѣчено также, что, по мѣрѣ расширенія круга обязательныхъ членовъ думы, которыхъ въ обычаѣ было приглашать, у московскихъ великихъ князей является все чаще и чаще тенденція созывать для рѣшенія дѣлъ, особенно интересовавшихъ великокняжескую власть, не всѣхъ своихъ думцевъ, а лишь нѣкоторыхъ. Но это разсматривалось всегда, какъ изъявленіе личной воли государя. Не останавливаясь на вопросѣ, такъ ли это было до Грознаго—мы еще недавно были свидѣтелями, какъ „дворцовая интрига“ при ближайшемъ разсмотрѣніи оказалась народнымъ бунтомъ—мы можемъ констатировать, что въ дни молодости Грознаго это было не такъ. Во главѣ управленія стояла не вся дума, а небольшое совѣщаніе отчасти думныхъ, а отчасти, можетъ быть, и не думныхъ людей *), но члены этого совѣщанія были избраны не царемъ, а кѣмъ-то другимъ. Въ пылу полемики Грозный даже утверждалъ потомъ, что туда нарочно подбирались люди, для него непріятные, но изъ его же словъ видно, что непріятны они были своей самостоятельностью по отношенію къ царской власти, и возможно, что именно этотъ признакъ и рѣшалъ выборъ. Если понимать слова Курбскаго буквально, то это совѣщаніе такъ и называлось „совѣтомъ выборныхъ“ — избранной радой—выборныхъ, разумѣется, отъ полнаго состава боярской думы, хотя и не всегда изъ этого состава. Повинуясь обстоятельствамъ, бояре должны были допустить сюда людей, не принадлежавшихъ къ ихъ корпораціи, но предварительно они точно фиксировали составъ этой послѣдней. Мы уже упоминали, что соціальная борьба заставила московское боярство именно около этого времени искусственно закрѣпить мѣстническіе обычаи. Одна фраза Грознаго даетъ поводъ думать, что въ этой самооборонѣ московская знать не ограничилась составленіемъ, заднимъ числомъ, разрядныхъ книгъ и „родословца“, что мѣстничеству была придана сила закона, обязательнаго для самого государя. Грозный обвиняетъ Сильвестра и Адашева въ томъ, что они отняли у царя власть—

*) Аргументація проф. Ключевскаго въ пользу того, что Адашевъ былъ „думнымъ дворяниномъ“ до своего назначенія окольничимъ, кажется намъ немного искусственной.

опредѣлять порядокъ мѣстъ бояръ въ думѣ: „еже вамъ бояромъ по нашему жалованью честію председанія почтеннымъ быти". Лѣтъ шестьдесятъ спустя въ одномъ мѣстническомъ спорѣ боярская дума формально заявила, что пожаловать государь можетъ лишь „деньгами да помѣстьемъ, но не отечествомъ": тогда это звучало уже анахронизмомъ, пережиткомъ умирающей старины, но въ 50-хъ годахъ шестнадцатаго вѣка это было, повидимому, живой современностью. Не предположивъ, что мѣстническіе счеты получили въ это время юридическую силу, обязательную и для государственной власти, что составъ боярства былъ гарантированъ отъ произвольныхъ перетасовокъ сверху, мы не поймемъ и знаменитой приписки къ царскому судебнику, уже вызвавшей столько ученыхъ споровъ. Приписка эта, какъ извѣстно, гласитъ: „а которые будутъ дѣла новые, а въ семъ судебникѣ не написаны, и какъ тѣ дѣла съ государева докладу и со всѣхъ бояръ приговору вершатся, и тѣ дѣла въ семъ судебникѣ приписывати". Проф. Сергѣевичъ сдѣлалъ изъ этого выводъ, что съ этого момента „царь — только предсѣдатель боярской коллегіи и безъ ея согласія не можетъ издавать новыхъ законовъ". Онъ объясняетъ это новшество „притязаніями" избранной рады, чѣмъ и вызываетъ законное недоумѣніе проф. Дьяконова: къ чему же это „избранной радѣ", т.-е. сравнительно тѣсному кружку, понадобилось хлопотать о законодательныхъ правахъ для всѣхъ бояръ? А такъ какъ формула судебника повторяется нерѣдко и послѣ паденія „избранной рады", то проф. Дьяконовъ и заключаетъ отсюда, что Сергѣевичъ напрасно придаетъ ей какое-то особое значеніе. Но „избранная рада", какъ мы видѣли, была представительницей именно „всѣхъ бояръ", точнѣе—ихъ исполнительнымъ органомъ: живучесть же формулы только доказываетъ, насколько проченъ былъ успѣхъ боярства въ 1550-мъ году (или, быть можетъ, немного раньше: формулу впервые мы встрѣчаемъ уже въ 1549-мъ). Сама опричнина была косвеннымъ признаніемъ этого успѣха: царю не понадобились бы чрезвычайныя полномочія, если бы онъ въ обычномъ порядкѣ не былъ связанъ рѣшеніями боярской коллегіи. А выраженіе „всѣ бояре" не имѣло бы никакого смысла, если бы составъ этихъ „всѣхъ" не былъ точно и независимо отъ произвола сверху опредѣленъ: такъ приписка къ судебнику косвенно еще разъ подтверждаетъ тотъ выводъ, что около 1550 года мѣстническіе расчеты получили обязательную юридическую силу.

Какъ видимъ, классической реформы Грознаго и при-

ходится искать въ перемѣнахъ, происшедшихъ въ положеніи боярства. „Реформы“, вѣдь, всегда состоятъ въ томъ, что правящій классъ или группа цѣною болѣе или менѣе серьезныхъ уступокъ въ деталяхъ спасаетъ основу своего положенія. Боярство Грознаго сдѣлало много уступокъ, и капитальныхъ: упраздненіе кормленій и введеніе въ составъ „избранной рады“ торговаго священника Сильвестра и „батожника“ Алексѣя Адашева были главными изъ нихъ. Зато боярскіе роды сомкнулись въ корпорацію, составъ которой сталъ неприкосновененъ для кого бы то ни было—и безъ совѣта съ этой корпораціей въ полномъ ея составѣ царь не могъ предпринять важнѣйшаго, по тѣмъ временамъ, законодательнаго дѣла—пополненія судебника. Боярство обнаружило большой политическій тактъ: отказавшись отъ многихъ, матеріально выгодныхъ, привилегій, оно удержало этой цѣной въ своихъ рукахъ источникъ ихъ всѣхъ—государственную власть.

Компромиссъ могъ держаться, пока всѣ „договаривающіяся стороны“ могли считать свои интересы удовлетворенными. Но что единственнымъ прочно выигравшимъ, оказалось боярство — это должно было обнаружиться, и дѣйствительно обнаружилось, весьма скоро. Раньше всего, повидимому, рухнули надежды среднихъ и мелкихъ помѣщиковъ на великія и богатыя милости, связанныя съ покореніемъ Казани. Во-первыхъ, покореніе это оказалось далеко не столь легкимъ дѣломъ: населеніе казанскаго ханства еще шесть лѣтъ послѣ паденія своей столицы ожесточенно сопротивлялось, и русскіе города, построенные въ ново-покоренной области, все время „въ осадѣ были отъ нихъ“. Серьезность возстанія свидѣтельствуется тѣмъ, что инсургентамъ удалось уничтожить цѣлое большое московское войско, съ бояриномъ Борисомъ Морозовымъ во главѣ, — котораго они взяли въ плѣнъ, а потомъ убили. По словамъ Курбскаго, при усмиреніи погибло столько русскихъ служилыхъ, что и повѣрить трудно: „иже вѣрѣ неподобно“. Дорого досталась товарищамъ Пересвѣтова „подрайская землица“! А затѣмъ, первыми, кто воспользовался ею, оказались не помѣщики, а крестьяне. Гораздо раньше, чѣмъ страна была настолько усмирена, чтобы можно было завести тамъ правильное помѣщичье хозяйство, по слѣдамъ русскихъ отрядовъ потянулись на востокъ длинныя вереницы переселенцевъ. Они гибли десятками тысячъ, но воля была такъ соблазнительна, а вольныхъ земель въ центральныхъ областяхъ оставалось такъ мало, что гибель передовыхъ не останавливала слѣдующихъ. По нѣкоторымъ признакамъ можно

заключить, что отливъ населенія на востокъ начался параллельно съ казанскими походами, не дожидаясь ихъ успѣха: уже въ 1552 году Серпуховской посадъ потерялъ около пятой части своихъ тяглыхъ людей; въ томъ же году Важская земля недаромъ просила—и получила—право „старыхъ своихъ тяглецовъ вывозити назадъ безсрочно и безпошлинно". Уже въ началѣ 50-хъ годовъ крестьянинъ становится рѣдкой вещью, которую стараются привязать къ своей землѣ всѣми возможными средствами—и переманить съ земли своего сосѣда. Для помѣщика лучшимъ средствомъ для этого тогда, какъ и теперь, служило, какъ мы знаемъ, „запусканіе серебра" за крестьянъ: перспектива жирной денежной ссуды, которую можно получить у себя же дома, никуда не ходя, одна могла нѣсколько уравновѣсить надежду на „вольную землю". Денежный капиталъ былъ нуженъ помѣщикамъ, какъ никогда — и мы имѣемъ яркое свидѣтельство того, къ чему приводили ихъ эти поиски. Пятидесятые годы XVI-го вѣка отмѣчены въ русской исторіи такой же „сиссахтіей", какъ и начало XII-го столѣтія въ Кіевѣ,—только она преслѣдовала интересы другого общественнаго класса, чѣмъ тогда. Около Рождества 1557 года вышли одинъ за другимъ два царскихъ указа. Первымъ изъ нихъ служилымъ людямъ, занявшимъ деньги до 25 декабря этого года, разрѣшалось уплатить долгъ съ разсрочкою на пять лѣтъ, причемъ взыскивать можно было только данный взаймы капиталъ („истинное"), процентовъ же можно было и вовсе не платить. На будущее же время ростъ былъ пониженъ вдвое: вмѣсто 20%, обычнаго роста половины XVI вѣка, разрѣшалось брать лишь 10. Отъ уплаты % освобождались и не служилые,—значитъ, торговые люди, но на нихъ не распространялась льготная разсрочка, они должны были уплатить занятое „все сполна". Второй указъ (11 января слѣдующаго 1558 года, т.-е. три недѣли спустя послѣ перваго) еще рельефнѣе рисуетъ положеніе задолжавшихъ помѣщиковъ. Онъ трактуетъ о тѣхъ изъ нихъ, которые заложили земли свои „за ростъ пахати". Давъ ссуду, кредиторъ вступалъ во всѣ права хозяина—и за проценты начиналъ эксплуатировать имѣніе въ свою пользу. Это была мертвая петля — расплатиться съ долгомъ при такихъ условіяхъ почти не было возможности. Разсрочка, установленная предыдущимъ указомъ, распространялась теперь и на такихъ заемщиковъ, при чемъ, уплативъ пятую часть долга, должникъ получалъ имѣніе въ свое распоряженіе обратно. Изъ доходовъ онъ могъ теперь постепенно погасить весь долгъ—опять-таки безъ процентовъ.

Мертвая петля съ землевладѣльцевъ была снята—но этой оборонительной мѣры было мало. Однимъ запрещеніемъ брать высокіе проценты нельзя было создать дешевый кредитъ, если его не было. Можно было испробовать два выхода. Одинъ заключался въ томъ, на чемъ давно настаивала помѣщичья публицистика. Чѣмъ брать взаймы у ростовщиковъ, легче было получить изъ казны, въ видѣ „государева жалованья". „Что царская щедрость до воинниковъ, то его и мудрость", говорилъ, какъ мы помнимъ, Иванъ Семеновичъ Пересвѣтовъ: „щедрая рука николи же не оскудѣетъ и славу себѣ великую собираетъ". Другой выходъ состоялъ въ томъ, чтобы свое запустошенное помѣстье промѣнять на чужое, въ полномъ порядкѣ. „Княженецкія вотчины", имѣнья бывшихъ удѣльныхъ князей, переполненныя прочно сидящими на мѣстахъ „старожильцами", гдѣ слабая эксплуатація крестьянъ, невысокіе натуральные оброки, не давали поводовъ для эмиграціи, давно должны были привлекать жадные взоры бившихся, какъ рыба объ ледъ, небогатыхъ помѣщиковъ. Сколько земли пропадало даромъ въ рукахъ у этихъ „лѣнивыхъ богатинъ"! Но „лѣнивыя богатины" стояли поперекъ дороги и на первомъ пути. Государево жалованье было платой за походъ: нѣтъ походовъ, нѣтъ и жалованья. Но крупное боярство, которому на свой счетъ приходилось мобилизовать цѣлые полки, иначе относилось къ войнѣ, чѣмъ тѣ, для кого война означала прибавку денегъ въ карманѣ. Боярская „Бесѣда валаамскихъ чудотворцевъ" проповѣдовала мирную внѣшнюю политику: только „невѣрные тщатся въ ратѣхъ на убійство, и на грабленіе, и на блудъ, и на всякую нечистоту и злобу своими храбростьми, и тѣмъ хвалятся". Другой, родственный по духу „Бесѣдѣ" публицистъ, „царскую премудрую мудрость" ставитъ гораздо выше „царской храбрости". Избранная рада рѣшительно настаивала на предпочтительности оборонительныхъ войнъ передъ наступательными. „Мужи храбрые и мужественные", которымъ очень сочувствуетъ князь Курбскій, „совѣтовали и стужали" Грозному послѣ Казани начать большую кампанію противъ крымцевъ—выставляя, какъ нравственный мотивъ, необходимость „избавить плѣнныхъ множайшихъ", томящихся въ крымской неволѣ. Для служилой массы это былъ самый неинтересный походъ, какой можно придумать—трудный, длинный и весьма мало вознаграждавшійся, такъ какъ до самаго Крыма добраться было невозможно, а въ пустыхъ южно-русскихъ степяхъ нечего было взять. За то, когда какими-то другими совѣтниками царя, безъ всякаго сомнѣнія

изъ рядовъ „воинства“, былъ поднятъ вопросъ о походѣ въ Лифляндію, сулившемъ легкій и быстрый захватъ земель бывшаго Ливонскаго ордена, этотъ проектъ встрѣтилъ ожесточенное сопротивленіе со стороны „избранной рады“. Иванъ Васильевичъ съ горечью потомъ вспоминалъ, „какова отягченія словесная пострадалъ“ онъ въ тѣ дни „отъ попа Селивестра, и отъ Алексѣя“, и отъ бояръ. „Еже какова скорбнаго ни сотворится намъ, то вся сія Германъ ради случися“: Сильвестръ и болѣзнь царицы Анастасіи — отъ которой она впослѣдствіи умерла—объяснялъ Ивану, какъ наказаніе свыше за ливонскую войну. Это „лютое належаніе“ боярства на царя, въ защиту пассивной и противъ активной внѣшней политики, могло еще менѣе остаться тайной для широкихъ круговъ служилаго общества, нежели „вражбы и кудесы“ того же Сильвестра. Ливонская война была первымъ яблокомъ раздора, брошеннымъ въ среду столковавшихся передъ взятіемъ Казани общественныхъ группъ. Она обнаружила, въ то же время, и всю ненадежность представительства служилыхъ низовъ въ „избранной радѣ“—такъ, какъ оно было допущено боярами. Попавъ въ среду феодальной знати, Алексѣй Адашевъ весьма быстро обоярился—въ 1555 году онъ и формально сталъ членомъ боярской коллегіи, получивъ одинъ изъ высшихъ думныхъ чиновъ, окольничество—и смирно шелъ на поводу за своими родовитыми коллегами. Это съ особенной рѣзкостью сказалось во время извѣстнаго конфликта 1553 года, когда Грозный тяжко заболѣлъ—думали, что смертельно—, и бояре хотѣли воспользоваться его кончиной, чтобы провести на московскій престолъ чисто феодальнаго кандидата, сына „крамольника“ 30-хъ годовъ, удѣльнаго князя Андрея Старицкаго—Владиміра Андреевича. Успѣхъ этой кандидатуры закрѣпилъ бы окончательно побѣду, одержанную боярами въ 1550 году: царь, выбранный боярской корпораціей, безъ всякихъ наслѣдственныхъ правъ на престолъ („отъ четвертаго удѣльнаго родился“, насмѣхался потомъ Иванъ надъ своимъ несчастнымъ соперникомъ), былъ бы, дѣйствительно, только „первымъ между равными“. Характерно, что Курбскій впослѣдствіи стыдился кандидатуры Владиміра Андреевича, и отрекался отъ нея — и не менѣе характерно, что Адашевы были за нее, и присягнули сыну Грознаго только очень нехотя и нескоро, подъ давленіемъ противной стороны, во главѣ которой стояли Захарьины, будущіе Романовы. Это былъ первый случай открытаго разрыва царя съ его „избранной радой“. Но важно было не столько это, сколько другое: масса

неродовитаго дворянства должна была убѣдиться, что ея человѣкъ въ этой „радѣ“ сталъ боярскимъ человѣкомъ. Политическая карьера Адашева была кончена именно въ тотъ моментъ, когда онъ формально вошелъ въ ряды московской знати.

Поведеніе Сильвестра въ этомъ первомъ конфликтѣ, изъ за престолонаслѣдія, было, вѣроятно, самостоятельнѣе—и лучше отвѣчало интересамъ тѣхъ, кого онъ представлялъ въ „избранной радѣ“. Московскій посадъ всегда былъ вмѣстѣ съ Шуйскими, какъ мы видѣли, а во главѣ партіи, поддерживавшей кандидатуру Владиміра Андреевича мы находимъ одного изъ Шуйскихъ, Ивана Михайловича и стараго ихъ союзника—въ то же время близкаго человѣка къ Сильвестру и вліятельнѣйшаго члена „избранной рады“, — князя Дмитрія Курлятева. Что Сильвестръ былъ съ ними, это было очень естественно, и протопопа сгубило, конечно, не это, а, скорѣе всего, ложная позиція, занятая имъ въ вопросѣ о ливонской войнѣ. Новгородскій выходецъ—Сильвестръ былъ изъ Новгорода — оказался слишкомъ патріотомъ своего стараго отечества, и едва ли очень угодилъ московскимъ купцамъ, отговаривая Ивана Васильевича отъ захвата береговъ Балтійскаго моря. Для уцѣлѣвшихъ остатковъ новгородской торговли миръ въ Ливоніи былъ, конечно, выгоднѣе войны; но московская буржуазія жадно искала въ это время выхода къ морю—потому въ Москвѣ такъ и ухватились за англичанъ, пріѣхавшихъ въ Архангельскъ *). Популярность Сильвестра упала такъ быстро, что онъ не могъ этого не почувствовать—очень скоро послѣ начала ливонской войны мы уже находимъ торговаго протопопа постриженникомъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, и постриженникомъ добровольнымъ, какъ опредѣленно говоритъ Курбскій. Царская опала настигла Сильвестра уже монахомъ—„отставка“ же его была вызвана сознаніемъ, что онъ пересталъ имѣть вліяніе на царя; а вліяніе это опиралось на московскій посадъ, выдвинувшій бывшаго новгородскаго священника во время бунта 1547 года.

Война съ „Германы“ была рѣшительнымъ успѣхомъ „воинства“, и въ первые мѣсяцы, повидимому, лучше отвѣчала

---

*) Какъ разъ въ это время, передъ ливонской войной, по поводу мирнаго договора съ Швеціей „гости и купцы отчинъ великаго государя изъ многихъ городовъ говорили, чтобъ имъ въ торговыхъ дѣлахъ была воля, которые захотятъ торговать въ шведской землѣ, и тѣ бы торговали въ шведской землѣ, а которые захотятъ идти изъ шведской земли въ Любокъ и въ Антропъ (Антверпенъ), въ испанскую землю, Англію, Францію,—тѣмъ была бы воля и береженье, и корабли были бы имъ готовы“.

его ожиданіямъ, чѣмъ завоеваніе Казани. Реформація надорвала политическое могущество рыцарскаго ордена, правившаго Ливоніей,—съ этой точки зрѣнія моментъ былъ выбранъ весьма удачно. Отсутствіе почти всякаго формальнаго предлога начать военныя дѣйствія—ибо трудно было считать таковымъ неуплату дерптскимъ епископомъ какой-то полумиеической „дани", о которой въ Москвѣ не вспоминали пятьдесятъ лѣтъ—уравновѣшивалось религіозными соображеніями: лифляндскіе нѣмцы, „иже и вѣры христіанскія отступили", „сами себѣ новое имя изобрѣтше, нарекшеся Евангелики", въ одномъ изъ припадковъ протестантскаго фанатизма сожгли, между прочимъ, и русскія иконы. Война, значитъ, опять, какъ при покореніи Новгорода, шла „за вѣру". Объектомъ военныхъ операцій была Нарва, о значеніи которой для русскаго экспорта въ тѣ времена уже говорилось выше. Въ маѣ 1558 года Нарва была взята, а недѣлю спустя былъ взятъ Сыренскъ, при впаденіи Наровы въ Чудское озеро: дорога отъ Пскова къ морю была теперь вся въ русскихъ рукахъ. Подъ вліяніемъ этого успѣха компромиссъ, на которомъ держалась „избранная рада", долженъ былъ дать новую трещину. Буржуазія была удовлетворена—для нея продолженіе войны не имѣло болѣе смысла. Когда въ Москву пріѣхало орденское посольство хлопотать о мирѣ, оно нашло поддержку именно со стороны московскаго купечества. Но на „воинство" успѣхъ произвелъ совсѣмъ иное впечатлѣніе. Походъ 1558 года далъ огромную добычу—война въ богатой, культурной странѣ была совсѣмъ не тѣмъ, что борьба съ инородцами въ далекой Казани или погоня по степямъ за неуловимыми крымцами. Помѣщикамъ уже грезилось прочное завоеваніе всей Ливоніи и раздача въ помѣстья богатыхъ мызъ нѣмецкихъ рыцарей: раздача эта уже и началась фактически. Но переходъ подъ власть Россіи всего юго-восточнаго побережья Балтики поднималъ на ноги всю восточную Европу: этого не могли допустить ни шведы, ни поляки. Первые заняли (въ 1561 году) Ревель. Вторые пошли гораздо дальше. Сначала, по виленскому договору (сентябрь 1559), они обязались защищать владѣнія Ливонскаго ордена отъ Москвы; затѣмъ (въ ноябрѣ 1561 года) совсѣмъ аннексировали Ливонію, гарантировавъ ей внутреннее самоуправленіе. Мотивы, вызвавшіе вмѣшательство Польши въ дѣло, какъ нельзя быть болѣе отчетливо формулированы уже современниками. „Ливонія знаменита своимъ приморскимъ положеніемъ, обиліемъ гаваней", читаемъ мы въ одномъ современномъ па-

мятникѣ. „Если эта страна будетъ принадлежать королю, то ему будетъ принадлежать и владычество надъ моремъ. О пользѣ имѣть гавань въ государствѣ засвидѣтельствуютъ всѣ знатныя фамиліи въ Польшѣ: необыкновенно увеличилось благосостояніе частныхъ людей съ тѣхъ поръ, какъ королевство получило во владѣніе прусскія гавани, и теперь народъ нашъ немногимъ европейскимъ народамъ уступитъ въ роскоши относительно одежды и украшеній, въ обиліи золота и серебра; обогатится и казна королевская взиманіемъ податей торговыхъ". А если упустить Ливонію, то все это перейдетъ къ „опасному сосѣду" *). То, за чѣмъ тянулся русскій торговый капиталъ, не въ меньшей степени нужно было польскому. Но въ распоряженіи послѣдняго были такія средства борьбы, до какихъ было далеко московской Руси Грознаго—еще чисто средневѣковой странѣ по своему военному устройству. Даже еще до непосредственнаго вмѣшательства самихъ поляковъ, только при ихъ поддержкѣ, магистръ Ливонскаго ордена, Кетлеръ, оказался въ состояніи держаться противъ московскихъ ополченій. Русскія побѣды въ этотъ періодъ войны обезпечивались только колоссальнымъ численнымъ перевѣсомъ арміи Грознаго: тамъ, гдѣ орденъ могъ выставить сотни солдатъ, москвичей были десятки тысячъ. Съ появленіемъ на полѣ битвы польско-литовскихъ войскъ дѣла пошли еще медленнѣе, хотя польское правительство, видимо, надѣялось добиться своего безъ серьезной войны, однѣми демонстраціями, и все время не прерывало переговоровъ съ Москвой. Въ началѣ 1563 года, съ напряженіемъ всѣхъ московскихъ силъ, подъ личнымъ предводительствомъ самого Ивана Васильевича, былъ взятъ Полоцкъ. Уже то, какъ московское правительство старалось раздуть значеніе этой побѣды, ясно показываетъ, что въ Москвѣ нужно было „поддержать настроеніе". Царскій посолъ, ѣхавшій въ столицу съ вѣстью о побѣдѣ, долженъ былъ во всѣхъ городахъ по дорогѣ устраивать торжественныя молебствія съ колокольнымъ звономъ, „что Богъ милосердіе свое великое показалъ царю и великому князю, вотчину его, городъ Полтескъ, совсѣмъ въ руки ему далъ",—а самъ царь возвращался въ Москву какъ послѣ взятія Казани. Но всѣмъ этимъ нельзя было закрасить того факта, что тотчасъ послѣ этого блестящаго успѣха заключено было перемиріе: на дальнѣйшіе успѣхи, видимо, не очень надѣялись. Когда перемиріе кончилось, дѣла пошли уже явно подъ гору. Лучшій изъ

*) См. Соловьевъ, изд. „Общ. Пользы", ч. II, стр. 185—186.

московскихъ воеводъ, князь Курбскій, съ пятнадцатью тысячами человѣкъ проигралъ битву 4000 поляковъ, подъ Невлемъ; а въ январѣ слѣдующаго (1564) года вся московская рать была на-голову разбита подъ Оршей, причемъ погибли всѣ старшіе воеводы, вмѣстѣ съ главнокомандующимъ, княземъ Петромъ Ивановичемъ Шуйскимъ, остатки же ихъ войска прибѣжали въ Полоцкъ только „своими головами", оставивъ въ рукахъ непріятеля всю артиллерію и обозъ.

Бояре не хотѣли войны—теперь бояре проигрываютъ войну: ясно, что это боярская измѣна. Такой ходъ мысли былъ совершенно неизбѣженъ въ головахъ „воинниковъ", жившихъ надеждой теперь на „вифлянскія" земли, какъ раньше они жили надеждой на казанскія. Терроръ опричнины можетъ быть понятъ только въ связи съ неудачами ливонской войны—какъ французскій терроръ 1792—93 годовъ въ связи съ нашествіемъ союзниковъ. И какъ тамъ, такъ и тутъ отдѣльные случаи должны были до чрезвычайности укрѣплять подозрительное настроеніе. Толки объ измѣнѣ бояръ пугали самихъ бояръ, имъ уже мерещилась плаха и колъ; съ другой стороны, уже самая война была побѣдой мелкаго вассалитета надъ коалиціей бояръ и посадскихъ (очень скоро, какъ мы видѣли, отколовшихся отъ военной партіи). Всѣмъ этимъ достаточно объясняется боярская эмиграція, случаи которой учащаются именно съ начала 60-хъ годовъ. Передъ нами мелькаютъ при этомъ самыя крупныя имена московской феодальной знати: то мы слышимъ о попыткѣ „отъѣхать" князя Глинскаго, то берется поручительство за князя Ивана Бѣльскаго, то уже самъ Бѣльскій ручается за князя Воротынскаго. Самое сильное впечатлѣніе долженъ былъ произвести побѣгъ въ Литву князя Андрея Михайловича Курбскаго, московскаго главнокомандующаго въ Ливоніи, въ апрѣлѣ 1564 года: въ моральной подготовкѣ переворота 3 декабря того же года это была, можетъ быть, самая рѣшительная минута. „И какъ учали намъ наши бояре измѣняти, стали мы васъ, страдниковъ, къ себѣ приближати", писалъ впослѣдствіи Грозный одному изъ своихъ „кромѣшниковъ", Васькѣ Грязному: и событіе 30 апрѣля 1564 года, главный воевода царскаго войска вдругъ оказавшійся воеводой короля польскаго и великаго князя литовскаго, нужно сказать, достаточно оправдывало эти слова Ивана Васильевича. О „боярской измѣнѣ" можно было теперь говорить, что называется, съ фактами въ рукахъ.

Мы не знаемъ, въ какой именно связи съ боярскими „измѣнами" стоитъ громкій политическій процессъ, разыграв-

шійся въ Москвѣ въ іюнѣ предыдущаго (1563) года. Дьякъ бывшаго, за десять лѣтъ передъ тѣмъ, кандидата на царскій престолъ, князя Владиміра Андреевича, донесъ на своего господина и на его мать, княгиню Офросинью, что они оба „многія неправды ко царю и великому князю чинятъ“. По доносу дьяка, въ Александровской слободѣ, гдѣ жилъ уже тогда Грозный, „многіе о томъ сыски были и тѣ ихъ (князя Владиміра и княгини Евфросиніи) неисправленія сысканы“. По „печалованію“ митрополита Макарія и всего „освященнаго собора“ царь виновныхъ „простилъ“, но старая княгиня должна была постричься, а у Владиміра Андреевича вскорѣ потомъ была отобрана часть его прежнихъ удѣльныхъ земель, взамѣнъ которыхъ, впрочемъ, ему дали другія. Былъ ли тутъ, дѣйствительно, какой-нибудь заговоръ, или доносчикъ просто воспользовался уже болѣзненно возбужденною подозрительностью Ивана Васильевича, трудно сказать. Но, субъективно, у Грознаго было теперь основаніе оправдывать свое дальнѣйшее поведеніе тѣмъ, что онъ „за себя сталъ“. Государственный переворотъ, диктовавшійся, объективно, экономическими условіями, нашелъ теперь себѣ форму: онъ долженъ былъ стать актомъ династической и личной самообороны царя противъ покушеній свергнуть его и его семью съ московскаго трона.

Объективныя условія были таковы. И война на западѣ, какъ война на востокѣ, не дала удовлетвореній земельному голоду мелкаго вассалитета—и не оправдала вообще тѣхъ ожиданій, съ которыми ее начали. Внѣшняя политика не сулила больше ни земли, ни денегъ—то и другое приходилось отыскивать внутри государства. Но этимъ послѣднимъ продолжало управлять боярство. Оно было правительствомъ, реально державшимъ въ рукахъ дѣла: царь былъ лишь символомъ, величиной идеальной, отъ которой, практически, помѣщикамъ было ни тепло, ни холодно. Боярская публицистика охотно признавала, что „Богомъ вся свыше предано есть помазаннику царю и великому Богомъ избранному князю“, но, „предавъ“ царямъ всю власть, Господь „повелѣлъ“ имъ „царство держати и власть имѣти съ князи и съ бояры“. Церковная идеологія, какъ мы видѣли въ своемъ мѣстѣ, въ этомъ отношеніи освятила феодальную практику: церкви, какъ учрежденію, нужно было сильное московское государство, но вовсе не сильный московскій государь. Напротивъ, для личнаго обузданія царской воли аскетическая мораль церкви давала новыя средства: стоитъ прочитать у

Грознаго—въ его „перепискѣ“—, какъ тщательно былъ регламентированъ весь царскій обиходъ протопопомъ Сильвестромъ—„вся не по своей волѣ бяху—глаголю же до обуща (обуви) и спанья“. „Таково убо тогда православія сіяніе!“—съ горькимъ сарказмомъ вспоминалъ потомъ эти времена царь всего православнаго христіанства. Иванъ Васильевичъ на себѣ испыталъ, что быть простымъ, обыкновеннымъ свѣтскимъ государемъ—въ родѣ хотя бы Махмета-салтана турецкаго—куда пріятнѣе, нежели земнымъ богомъ. И когда онъ писалъ: „Россійское самодержавство изначала сами владѣютъ всѣми царствы, а не бояре и вельможи“—онъ, несмотря на якобы историческую ссылку, высказывалъ крупную новую мысль, можетъ быть, и не ему лично принадлежавшую—глухія ссылки на Пересвѣтова нерѣдки въ „письмахъ“ Грознаго, да неизвѣстно еще, представляютъ ли и сами „письма“ продуктъ личнаго, а не коллективнаго творчества—, но для насъ это не имѣетъ значенія. Нѣтъ ничего несправедливѣе, какъ отрицать принципіальность Грознаго въ его борьбѣ съ боярствомъ, и видѣть въ этой борьбѣ какое-то политическое топтаніе на одномъ мѣстѣ. Былъ ли тутъ инипіаторомъ самъ Иванъ Васильевичъ или нѣтъ—всего правдоподобнѣе, что нѣтъ—но его „опричнина“ была попыткой за полтораста лѣтъ до Петра основать личное самодержавіе петровской монархіи. Попытка была слишкомъ преждевременна, и крушеніе ея было неизбѣжно: но кто на нее дерзнулъ, стояли, нельзя въ этомъ сомнѣваться, выше своихъ современниковъ. Дорога „воинства“ шла черезъ трупъ стараго московскаго феодализма—и это дѣлало „воинство“ прогрессивнымъ независимо отъ того, какіе мотивы имъ непосредственно руководили. Старыя вотчины внутри государства были теперь единственнымъ земельнымъ фондомъ, на счетъ котораго могло шириться среднепомѣстное землевладѣніе; государева казна—единственнымъ источникомъ денежныхъ капиталовъ. Но для того, чтобы воспользоваться тѣмъ и другимъ, нужно было захватить въ свои руки власть, а она была въ рукахъ враждебной группы, державшей ее не только со всей цѣпкостью вѣковой традиціи, но и со всей силой нравственнаго авторитета. У Пересвѣтова могло хватить дерзости заявить, что политика выше религіи—„правда“ выше „вѣры“. Но его рядовые сторонники не рѣшились бы этого даже подумать—не только высказать, а тѣмъ болѣе провести въ жизнь. Переворотъ 3 декабря 1564 года и былъ попыткой не то, чтобы внести новое содержаніе въ старыя формы,

а поставить новыя формы рядомъ со старыми, не трогая старыхъ учрежденій, сдѣлать такъ, чтобы они служили лишь ширмою для новыхъ людей, не имѣвшихъ права въ эти учрежденія войти какъ настоящіе хозяева. Петръ былъ смѣлѣе—онъ просто посадилъ въ боярскую думу своихъ чиновниковъ, да назвалъ ее сенатомъ: и всѣ съ этимъ примирились. Но ко времени Петра бояре были уже, въ глазахъ всѣхъ, „зяблымъ, упавшимъ деревомъ". За полтораста лѣтъ раньше дерево уже начало терять свою листву, но корни его еще крѣпко сидѣли въ землѣ и сразу ихъ было не вырвать.

Отказывая „опричнинѣ" въ принципіальномъ значеніи, историки зато изображаютъ ея появленіе въ очень драматической формѣ. Какъ Грозный, необычно-торжественнымъ походомъ, вдругъ, внезапно, уѣхалъ въ Александровскую слободу (поясняется, обыкновенно, и гдѣ находится это таинственное, неожиданно всплывающее въ русской исторіи мѣсто), какъ онъ оттуда началъ обсылаться грамотами съ московскимъ „народомъ", и какой эффектъ это произвело—всѣ объ этомъ читали, конечно, много разъ, и повторять этотъ разсказъ не приходится. На самомъ дѣлѣ, какъ и все на свѣтѣ, событіе было гораздо „будничнѣе". Александровская слобода давно была лѣтней резиденціей Грознаго—въ лѣтописи мы постоянно тамъ его встрѣчаемъ, въ промежуткахъ между военными походами и, очень частыми, разъѣздами по московскимъ областямъ, на богомолье и съ хозяйственными цѣлями. Внезапность отъѣзда въ значительной степени ослабляется тѣмъ, что Иванъ Васильевичъ взялъ съ собою всю свою цѣнную движимость—всю „святость, иконы и кресты, златомъ и драгимъ каменіемъ украшенные", сосуды, золотые и серебряные, весь свой гардеробъ и всю свою казну, и мобилизировалъ всю свою гвардію—„дворянъ и дѣтей боярскихъ выборъ изъ всѣхъ городовъ, которыхъ прибралъ государь быти съ нимъ". Всѣхъ этихъ приготовленій нельзя было сдѣлать ни въ одинъ, ни въ два дня—тѣмъ болѣе, что царскіе придворные тоже выбирались „всѣмъ домомъ": имъ приказано было „ѣхати съ женами и съ дѣтьми". Двинувшись, Грозный никуда не исчезалъ на цѣлый мѣсяцъ, какъ опять-таки можно было бы подумать: москвичи отлично знали, что Николу чудотворца (6 декабря) царь праздновалъ въ Коломенскомъ, въ воскресенье, 17 числа, былъ въ Тайнинскомъ, а 21 пріѣхалъ къ Троицѣ—встрѣчать Рождество. Къ слову сказать, это былъ и обычный маршрутъ его поѣздокъ въ Александровскую слободу, не считая заѣзда въ Коломенское, объяснявшагося не-

ожиданной въ декабрѣ ростепелью и разливомъ рѣкъ. А то, какъ быстро пошли дѣла въ Москвѣ—3-го туда прибылъ гонецъ съ царскою грамотой, 5-го же московское посольство было уже въ слободѣ—ясно показываетъ, что здѣсь этотъ мѣсяцъ не прошелъ даромъ, и пока царь ѣздилъ, его сторонники тщательно подготовили тѣшащій современныхъ историковъ драматическій эффектъ. Если Грозный за этотъ мѣсяцъ, дѣйствительно, посѣдѣлъ и постарѣлъ на двадцать лѣтъ, какъ разсказываютъ иностранцы, то, конечно, не отъ того, что онъ все время трепеталъ за успѣхъ своей неожиданной „выходки", а потому, что не легко было рвать со всѣмъ прошлымъ человѣку, выросшему и воспитавшемуся въ феодальной средѣ. Петръ родился уже въ иной обстановкѣ, съ дѣтства привыкъ думать и дѣйствовать не по обычаю—Ивану приходилось все ломать на тридцать пятомъ году: было отъ чего посѣдѣть. А что матеріальная сила въ его рукахъ, что внѣшній, физическій, такъ сказать, успѣхъ переворота для царя и его новыхъ совѣтниковъ обезпеченъ—это видѣли всѣ настолько, что ни малѣйшей попытки сопротивляться со стороны совѣтниковъ старыхъ мы не встрѣчаемъ. И, конечно, не потому, чтобы они, въ холопствѣ своемъ, не смѣли подумать о сопротивленіи: бѣжать на службу къ католическому королю отъ царя всѣхъ православныхъ было несравненно большимъ моральнымъ скачкомъ, нежели попытаться повторить то, что дѣлалъ всего за тридцать лѣтъ Андрей Ивановичъ Старицкій, когда онъ поднималъ на московское правительство новгородскихъ помѣщиковъ. Но теперь боярамъ некого было бы поднять противъ своихъ враговъ: помѣщики были съ Александровской слободой, а московскій посадъ былъ теперь съ помѣщиками, а не съ боярствомъ. Гости, купцы и „все православное христіанство града Москвы", въ отвѣтъ на милостивую царскую грамоту, прочтенную на собраніи высшаго московскаго купечества, гостей, „чтобы они себѣ никотораго сумнѣнія не держали, гнѣва на нихъ и опалы никоторые нѣтъ", единодушно отвѣтили, что они „за государскихъ лиходѣевъ и измѣнниковъ не стоятъ и сами ихъ истребятъ". И въ посольствѣ, отправившемся въ слободу, рядомъ со владыками, игуменами и боярами, мы опять встрѣчаемъ гостей, купцовъ и даже простыхъ „черныхъ людей", которымъ въ государственномъ дѣлѣ было, казалось бы, совсѣмъ не мѣсто. Московскій посадъ головой выдалъ своихъ вчерашнихъ союзниковъ. На переговоры съ нимъ, по всей вѣроятности, и понадобился будущимъ опричникамъ цѣлый мѣсяцъ—и его рѣшеніе окон-

чательно склонило чашку вѣсовъ на сторону переворота. Чѣмъ было вызвано это рѣшеніе, не трудно понять изъ дальнѣйшаго: торговый капиталъ самъ былъ пріобщенъ къ опричнинѣ, а это сулило такія выгоды, которыхъ не могла уравновѣсить никакая протекція князей Шуйскихъ. Вскорѣ послѣ переворота мы встрѣчаемъ купцовъ и гостей въ качествѣ офиціальныхъ агентовъ московскаго правительства и въ Константинополѣ, и въ Антверпенѣ, и въ Англіи—во всѣхъ „поморскихъ государствахъ", куда они такъ стремились: и всѣ они были снабжены не только всяческими охранными грамотами, но и „бологодѣтью" изъ царской казны *). „Въ опричнину попали всѣ главные (торговые) пути съ большею частью городовъ, на нихъ стоящихъ", говоритъ проф. Платоновъ—и тутъ же даетъ весьма убѣдительный перечень этихъ городовъ. „Недаромъ англичане, имѣвшіе дѣло съ сѣверными областями, просили о томъ, чтобы и ихъ вѣдали въ опричнинѣ; недаромъ и Строгановы потянулись туда же: торгово-промышленный капиталъ, конечно, нуждался въ поддержкѣ той администраціи, которая вѣдала край и, какъ видно, не боялся тѣхъ ужасовъ, съ которыми у насъ связывается представленіе объ опричнинѣ" **). Еще бы бояться того, что при участіи этого самаго капитала было и создано!

Переворотъ 1564 года былъ произведенъ коалиціей посадскихъ и мелкаго вассалитета, точно такъ же, какъ „реформы" были дѣломъ коалиціи буржуазіи и боярства. Этимъ объясняется, по всей вѣроятности, одна особенность читавшейся на Москвѣ царской грамоты, не обращавшая на себя большого вниманія до сихъ поръ, но весьма интересная. Переворотъ былъ, по формѣ, актомъ самообороны царя отъ его крупныхъ вассаловъ, которые „почали измѣняти". Но объ этихъ „измѣнныхъ дѣлахъ" весьма глухо упоминается лишь въ концѣ. Обстоятельно же въ грамотѣ развиваются три пункта. Во-первыхъ, поведеніе бояръ въ малолѣтство Ивана Васильевича —„которые они измѣны дѣлали и убытки государству его до его государскаго возрасту". Во-вторыхъ, то, что бояре и воеводы „земли его государскія себѣ розымали" и, держачи за собою помѣстья и вотчины великія, собрали себѣ, незаконными путями, великія богатства. Этотъ, чисто пересвѣтовскій, мотивъ имѣлъ въ виду совершенно опредѣленный фактъ, уже поведшій къ частичной конфискаціи вотчинныхъ

*) „Александро-невская лѣтопись, Русск. исторія. Библ. III, с. 292.
**) „Очерки по исторіи Смуты", стр. 149—150.

земель года за три до переворота. 15 января 1562 года Иванъ Васильевичъ „приговорилъ съ бояры (не со „всѣми бояры"!): который вотчицы за князьями Ярославскими, за Стародубскими, за Ростовскими, за Суздальскими, за Тверскими, за Оболенскими, за Бѣлозерскими, за Воротынскими, за Мосальскими, за Трубецкими, за Одоевскими и за иными служилыми князьями вотчины старинныя, и тѣмъ князьямъ вотчинъ своихъ не продавати и не мѣняти". Право распоряженія этихъ владѣльцевъ своими землями было низведено до минимума: они могли лишь завѣщать имѣнія своимъ сыновьямъ. Если сыновей не было, вотчина шла на государя, который отъ себя уже дѣлалъ все, что требовалось: „устраивалъ его душу", т.-е. надѣлялъ церковь землями на поминъ души умершаго, выдѣлялъ участокъ „на прожитіе" его вдовѣ, приданое его дочерямъ, и т. д. Но этого мало: на государя же отбираются всѣ вотчины этого разряда, проданныя за пятнадцать или за двадцать—не менѣе, какъ за десять лѣтъ до изданія указа, безъ всякаго вознагражденія. Мотивъ такой чрезвычайной мѣры былъ тотъ, что по постановленіямъ еще временъ Ивана III и Василія Ивановича, отца Грознаго, княженецкія вотчины можно было продавать лишь съ разрѣшенія великаго князя: съ перемѣной владѣльца земли мѣнялся вассалъ, и сюзеренъ, по весьма распространенному не въ одной Россіи феодальному обычаю, долженъ былъ быть спрошенъ о его согласіи. Въ малолѣтство Грознаго, видимо, пренебрегали этой формальностью—избранная же рада, кажется, въ числѣ прочаго добилась и прямой ея отмѣны. Иначе невозможно понять обвиненія Грознаго по адресу Сильвестра, что тотъ „вотчины вѣтру подобно раздалъ неподобно"—„которымъ вотчинамъ еже нѣсть потреба отъ васъ даятися"—„и то дѣда нашего (Ивана III) уложенія разрушилъ". Оттого за вотчины, купленныя послѣ 1552 года, полагалось вознагражденіе, размѣръ котораго, впрочемъ, всецѣло зависѣлъ отъ благоусмотрѣнія государя, вотчины же, проданныя и купленныя до господства „избранной рады", конфисковались безусловно. Въ 1562 году еще пытались дѣйствовать легально и шли на кое-какія уступки: но въ прокламаціи, какой была государева грамота 1565 года, не было нужды стѣсняться такими тонкостями—и легальность всякую давно рѣшились отбросить. Вотчинныя земли прямо приравнивались къ государскимъ, а самовольное распоряженіе ими—къ расхищенію казенной собственности. Наконецъ, третій мотивъ грамоты—его мы тоже видѣли у Пересвѣтова—отвращеніе бояръ къ

активной внѣшней политикѣ: то, что они „о всемъ православномъ христіанствѣ не хотѣли радѣти“ и отъ Крымскаго, и отъ Литовскаго, и отъ Нѣмецъ не хотѣли христіанства оборонити. Все, какъ мы видимъ, мотивы очень популярные среди широкихъ массъ, а читатели и слушатели прокламаціи, конечно, не стали бы разбираться, почему же это за грѣхи и ошибки бояръ въ дни его юности царь собрался наказать ихъ только на четвертомъ десяткѣ? Для дворцоваго переворота, устраиваемаго сверху, эти агитаторскіе пріемы были бы, конечно, очень странны: но дѣло въ томъ, что и въ декабрѣ—январѣ 1564—5-го года, какъ и въ 1547-мъ году, какъ и въ тридцатыхъ годахъ, при Шуйскихъ, на сценѣ опять были народныя массы, а съ ними приходилось говорить понятнымъ для нихъ языкомъ.

Но содержаніе этой прокламаціи, какъ и всякой другой, вовсе не опредѣляло текущей политики тѣхъ, кто ее выпустилъ. Когда между Грознымъ и пріѣхавшей въ слободу московской депутаціей начались дѣловые переговоры, царемъ были выставлены требованія, вполнѣ отвѣчавшія причинамъ, непосредственно вызвавшимъ переворотъ, и не имѣвшія ничего общаго съ воспоминаніями о дняхъ его молодости. Въ этихъ требованіяхъ приходится различать двѣ стороны. Во-первыхъ, Грозный настаивалъ на реализаціи обѣщанія, даннаго отъ чистаго сердца московскимъ купечествомъ, и къ которому, со страху, присоединились бояре и всякіе приказные люди, оставшіеся въ Москвѣ: выдать ему головою его вороговъ. „Своихъ измѣнниковъ, которые измѣны ему государю дѣлали и въ чемъ ему государю были непослушны, на тѣхъ опалы своя класти, а иныхъ казнити и животы ихъ и статки имати“. Во исполненіе этого требованія, въ февралѣ мѣсяцѣ того же года—переговоры происходили, какъ мы помнимъ, въ началѣ января—цѣлый рядъ бояръ изъ старыхъ княжескихъ родовъ были казнены, другіе пострижены въ монашество, третьи сосланы на житье въ Казань съ женами и дѣтьми, причемъ имущество всѣхъ было конфисковано. Тутъ характерно, между прочимъ, какъ быстро „подрайская землица“ обратилась въ мѣсто ссылки, суррогатъ теперешней Сибири, тогда еще не завоеванной. Опалы и казни давали сразу въ руки земельный фондъ, вѣроятно, достаточный для вознагражденія, на первый случай, непосредственныхъ участниковъ coup d'État. Для обезпеченія же ихъ денежнымъ жалованьемъ царь и великій князь приговорилъ за подъемъ свой взять изъ земскаго приказа сто тысячъ

рублей (около 5 милліоновъ на наши деньги, по вычисленію проф. Ключевскаго). Но переворотъ былъ лишь дѣломъ кружка—преслѣдовалъ же онъ интересы класса: всѣхъ помѣщиковъ нельзя было удовлетворить отъ нѣсколькихъ опалъ и небольшой экспропріаціи изъ казеннаго сундука. Форма, придуманная для удовлетворенія „воинства", была столь же старомодна, какъ ново было содержаніе произведенной перемѣны. Въ государствѣ царь не могъ распоряжаться безъ своихъ бояръ, сюзеренъ безъ своей куріи: но на своемъ „домэнѣ", въ своемъ дворцовомъ хозяйствѣ, онъ былъ такъ же полновластенъ, какъ любой вотчинникъ у себя дома. Превратить полгосударства, и притомъ самую богатую его часть, въ государевъ домэнъ—и получалась возможность распоряжаться огромной территоріей, не спрашиваясь феодальной знати. Не нарушая постановленія 1550 года, здѣсь можно было дѣлать все, что угодно, помимо приговора не только „всѣхъ бояръ", но хотя бы и одного боярина: на государевъ дворцовый обиходъ право боярской коллегіи, конечно, не распространялось. И названіе для увеличеннаго до колоссальныхъ размѣровъ царскаго двора было выбрано, сначала, очень старое: государь потребовалъ „учинити ему на своемъ государствѣ себѣ опришнину". Такъ назывались имѣнія, выдѣлявшіяся въ прежнее время княгинямъ-вдовамъ „на прожитокъ", до смерти. Впослѣдствіи вошелъ въ употребленіе болѣе точный и болѣе новый терминъ дворъ. По своему устройству этотъ „дворъ" былъ точной копіей старой государевой вотчины—до того точной, что одинъ новѣйшій изслѣдователь даже усомнился, были ли у опричнины какія-либо свои учрежденія или же лишь въ старыя учрежденія были посажены, рядомъ со старыми „приказными", новые люди для вѣданія „опришныхъ" дѣлъ. Произведя настоящую революцію, творцы опричнины какъ будто нарочно старались, чтобы она не оставила никакихъ юридическихъ слѣдовъ: и нельзя не видѣть въ этомъ сознательной тенденціи, вытекавшей изъ тѣхъ же побужденій, что и содержаніе разобранной нами выше царской прокламаціи. Народу нуженъ былъ виноватый, и его увѣряли, что остріе переворота направлено противъ отдѣльныхъ, хотя бы и очень многочисленныхъ, лицъ: порядокъ же остается во всей неприкосновенности старый. Ибо нельзя же было однимъ почеркомъ пера уничтожить то, чему царь и его теперешніе совѣтники безропотно подчинялись не одинъ десятокъ лѣтъ, и отъ чего, морально, они, быть можетъ, не могли освободиться даже и въ

эту минуту. Тѣ оргіи, которыми ознаменовалась опричнина, и насчетъ которыхъ единодушны и русскіе и иностранные свидѣтели, едва ли можно объяснить только тѣмъ, что люди пересвѣтовскаго склада были гораздо свободнѣе отъ аскетической морали, нежели консерваторы типа протопопа Сильвестра или „въ нѣкоторыхъ правахъ ангеламъ подобнаго“ Алексѣя Адашева. Тутъ, несомнѣнно, было не безъ стремленія заглушить укоры совѣсти, мучившей людей, посягнувшихъ на то, что въ ихъ собственныхъ глазахъ еще сохраняло нравственный авторитетъ. Оттого они и выдержали такъ хорошо иллюзію борьбы съ лицами при полной неприкосновенности порядка, что обманули не только московскую толпу XVI вѣка, но и нѣкоторыхъ новѣйшихъ изслѣдователей, въ другихъ случаяхъ весьма проницательныхъ.

Но, колоссально расширившись, государевъ дворъ не вобралъ въ себя, однако, всей страны—и **земщина**, вѣдавшая все, что осталось за предѣлами опричнины, далеко не была простой декораціей. Территоріальный составъ опричнины всего лучше изученъ проф. Платоновымъ—мы изобразимъ поэтому дѣло его словами. „Территорія опричнины, говоритъ этотъ ученый, слагавшаяся постепенно, въ 70-хъ годахъ XVI вѣка составлена была изъ городовъ и волостей, лежавшихъ въ центральныхъ и сѣверныхъ мѣстностяхъ государства—въ Поморьѣ, Замосковныхъ и Заоцкихъ городахъ, въ пятинахъ Обонежской и Бѣжецкой. Опираясь на сѣверѣ на „великое море-океанъ“, опричныя земли клиномъ врѣзывались въ земщину, раздѣляя ее на-двое. На востокъ за земщиною оставались Пермскіе и Вятскіе города, Понизовье и Рязань; на западъ—города порубежные: „отъ нѣмецкой украйны“ (Псковскіе и Новгородскіе), „отъ литовской украйны“ (Великія Луки, Смоленскъ и другіе) и города Сѣверскіе. На югѣ эти двѣ полосы „земщины“ связывались украинными городами да „дикимъ полемъ“. Московскимъ сѣверомъ, Поморьемъ и двумя Новгородскими пятинами опричнина владѣла безраздѣльно; въ центральныхъ же областяхъ ея земли перемѣшивались съ земскими въ такой черезполосицѣ, которую нельзя не только объяснить, но и просто изобразить“, но ей, однако, оказалось возможно дать общую характеристику. „Въ опричномъ управленіи, говоритъ въ другомъ мѣстѣ г. Платоновъ, собрались **старыя удѣльныя земли**“ *). То, къ чему законъ 1562 года стремился исподволь и въ легальныхъ рамкахъ, три года спустя было

*) „Очерки по исторіи Смуты“, стр. 151—ср. 145.

осуществлено сразу и революціоннымъ путемъ: наиболѣе цѣнная часть территоріи московскаго государства вмѣстѣ съ крупнѣйшими торгово-промышленными центрами стала непосредственно удѣломъ государя, гдѣ, не стѣсняемые старымъ боярствомъ, и начали теперь распоряжаться люди „пересвѣтовской“ партіи. На долю старой власти осталось что похуже и побѣднѣе: любопытно, что какъ Казань стала теперь мѣстомъ ссылки, такъ и вновь завоеванныя земли на западѣ охотно уступались теперь „земскимъ“. Новгородскіе „дѣти боярскіе“ изъ Обонежской и Бѣжецкой пятинъ, когда эти пятины были взяты въ опричнину, получили помѣстья около Полоцка—на только что присоединенныхъ и весьма ненадежныхъ литовскихъ земляхъ.

Царскій указъ, даже въ томъ короткомъ изложеніи, какое сохранилось намъ въ офиціальной московской лѣтописи—подлинный указъ объ опричнинѣ до насъ не дошелъ, какъ не дошла и большая часть офиціальныхъ документовъ этой бурной поры — говоритъ вполнѣ внятно, въ чью пользу и для какой ближайшей цѣли совершена была вся эта земельная перетасовка. „А учинити государю у себя въ опришнинѣ князей и дворянъ и дѣтей боярскихъ, дворовыхъ и городовыхъ, 1000 головъ, и помѣстья имъ подавати въ тѣхъ городѣхъ съ одново, которые городы поималъ въ опришнину“, говоритъ лѣтопись. Новѣйшіе историки усмотрѣли здѣсь что-то въ родѣ учрежденія корпуса жандармовъ отрядъ дозорщиковъ внутренней крамолы и охранителей безопасности царя и царства. Но при всей соблазнительности этой аналогіи ею не слѣдуетъ увлекаться. Задачей жандармовъ съ самаго начала былъ политическій сыскъ, и только: матеріальную опору правительства составляли не они — ихъ для этого было и слишкомъ мало—, а постоянная армія. Опричники представляли изъ себя нѣчто совсѣмъ другое. Отрядъ въ тысячу человѣкъ дѣтей боярскихъ на дѣлѣ, такъ какъ каждый являлся на службу съ нѣсколькими вооруженными холопами, былъ корпусомъ тысячъ въ десять-двѣнадцать человѣкъ. Ни у одного крупнаго землевладѣльца, даже изъ бывшихъ удѣльныхъ князей, не могло быть такой дружины—даже двое или трое вмѣстѣ изъ самыхъ крупныхъ, вѣроятно, не набрали бы столько. А кромѣ этого коннаго отряда въ опричнинѣ была и пѣхота: „да и стрѣльцовъ приговорилъ учинити себѣ особно“, говоритъ лѣтописецъ. Для борьбы съ „внутреннимъ врагомъ“ такой силы было болѣе чѣмъ достаточно: великій князь московскій былъ теперь, единолично, самымъ крупнымъ изъ

московскихъ феодаловъ. Опричная армія была логическимъ выводомъ изъ опричнаго двора государева—и, нужно прибавить, самая возможность образованія этого двора обусловливалась существованіемъ такой арміи. Ибо новизной въ этой части указа было не появленіе при царѣ „тысячи головъ“, а ся размѣщеніе на земляхъ, безцеремонно отобранныхъ у другихъ владѣльцевъ: „а вотчинниковъ и помѣщиковъ, которымъ не быти въ опришнинѣ, велѣлъ (государь) изъ тѣхъ городовъ вывести“. Тысячный же отрядъ существовалъ давно, еще съ 1550 года, и въ переворотѣ 3 декабря 1564 года онъ игралъ совершенно ту же роль, что парижскій гарнизонъ въ переворотѣ 2 декабря 1851 года. Эта царская гвардія, учрежденная, какъ мы помнимъ, боярскимъ правительствомъ, какъ подачка верхамъ помѣщичьей массы, стала могучимъ орудіемъ въ борьбѣ помѣщичьяго класса противъ самихъ бояръ. Только ея близостью къ царю и объясняется то, что стоявшіе теперь около него „худородные“ осмѣлились такъ дерзко поднять руку на своихъ вчерашнихъ феодальныхъ господъ, и въ необычномъ царскомъ поѣздѣ эта „приборная“ тысяча, двинувшаяся „за царемъ съ людьми и съ коньми, со всѣмъ служебнымъ нарядомъ“, была, конечно, самой внушительной частью. По всей вѣроятности, она вся, за нѣкоторыми личными исключеніями, и вошла въ составъ опричнаго корпуса, такъ что фактически этотъ послѣдній ничего новаго собою и не представлялъ. И какъ до, такъ и послѣ 1565 года, наряду съ военно-полицейскимъ она продолжала имѣть и политическое значеніе: въ нее входили „лучшіе“, т.-е. наиболѣе вліятельные элементы мѣстныхъ дворянскихъ обществъ—„походные предводители уѣзднаго дворянства“, какъ модернизируетъ ихъ положеніе г. Ключевскій. Какъ онъ же обстоятельно выяснилъ, они и въ царской гвардіи не теряли связи съ уѣздными мірами: иначе говоря, они были политическими вождями помѣщичьяго класса, и раздача имъ опричныхъ земель не означала ничего другого, какъ то, что рядомъ со старымъ, боярско-вотчиннымъ, государствомъ, обрѣзаннымъ больше чѣмъ наполовину, возникло новое, дворянско-помѣщичье.

Весьма яркимъ доказательствомъ того, что во всемъ переворотѣ рѣчь шла объ установленіи новаго классоваго режима, для котораго личная власть царя была лишь орудіемъ, а вовсе не объ освобожденіи лично Грознаго отъ стѣснявшей его боярской опеки, служитъ оригинальное собраніе, происходившее въ Москвѣ лѣтомъ слѣдующаго 1566 года. 28 іюня этого года царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всея

Руси „говорилъ“ съ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ, со своими „богомольцами“, архіепископами, епископами и всѣмъ „освященнымъ соборомъ“, со всѣми боярами и съ приказными людьми, съ князьями, съ дѣтьми боярскими и со служилыми людьми — „да и съ гостьми, и съ купцы, и со всѣми торговыми людьми“. Предметомъ разговора было перемиріе, предлагавшееся польско-литовскимъ правительствомъ на условіяхъ, которыя въ дипломатіи носятъ названіе „uti possidetis“: тѣ города, что были заняты уже московскими войсками, оставались за Москвой, а часть Ливоніи, откуда московскіе отряды были вытѣснены непріятелемъ, отходила къ Польшѣ. Грозному предлагали, такимъ образомъ, отказаться отъ той цѣли, ради которой была затѣяна война—захвата всей Ливоніи. Въ сущности былъ поставленъ вопросъ—стоитъ ли воевать дальше: и весьма характерно, что Грозный и его новое правительство не взяли рѣшеніе этого вопроса на свою отвѣтственность, а поставили его на судъ всѣхъ тѣхъ, отъ имени кого они правили. Было бы, конечно, очень наивно представлять себѣ этотъ „земскій соборъ 1566 года“, первый соборъ, существованіе котораго исторически безспорно *), какъ что-то хотя бы отдаленно похожее на современное народное представительство: самое плохое изъ послѣднихъ все же, хотя бы въ идеѣ, говоритъ отъ имени „народа“, а феодальная Европа чужда была самаго этого понятія. Средневѣковыя собранія, и у насъ, и на западѣ, представляли собою не народъ, а „чины“, Etats, Stände. Съ этой точки зрѣнія въ соборѣ 1566 года важна выдающаяся роль двухъ „чиновъ“, политическое значеніе которыхъ раньше едва ли открыто признавалось: мелкаго вассалитета, „дворянства“, и буржуазіи. Количественно помѣщики составляли даже большинство этого собранія. Ливонская война рѣшена была, нехотя и подъ давленіемъ снизу, боярами, а о томъ, продолжать ли эту войну, спрашивали теперь „воинниковъ“, да „торговыхъ людей“. Цѣлая пропасть отдѣляла 1557 отъ 1566 года. Подробности преній на соборѣ до насъ не дошли, да врядъ ли и были пренія. Однодневный соборъ былъ созванъ, конечно, не для того, чтобы узнать мнѣнія собравшихся: помѣщиковъ и купцовъ собрали потому, что уже знали ихъ мнѣнія, и авторитетомъ ихъ голосовъ надѣялись подкрѣпить авторитетъ заявленій московской дипломатіи. Соборъ, въ сущности, былъ торжественной декораціей, а насто-

*) Долгое время въ наукѣ принято было считать его вторымъ, но теперь можно считать почти безусловно доказанной легендарность такъ называемаго „перваго“ собора 1550 года.

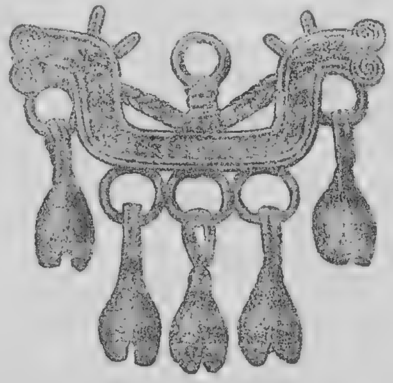
ящіе переговоры происходили, конечно, до собора, и, по всему судя, далеко не внушили правительству той увѣренности, какой дышали торжественныя рѣчи на самомъ соборѣ. Тамъ было постановлено продолжать войну во что бы то ни стало, а на дѣлѣ продолжались переговоры, которые и закончились черезъ нѣсколько лѣтъ перемиріемъ на условіяхъ, предлагавшихся поляками. Сюзерену-Грозному нужно было формальное обѣщаніе его новаго, широкаго вассалитета—въ случаѣ, если будетъ война, „за государя съ коня помереть",—а со стороны торговыхъ людей выпуть послѣдній грошъ изъ кармана, если понадобится. Это обѣщаніе Грозный и получилъ — и на своихъ рѣчахъ служилые и торговые люди поцѣловали крестъ. Использовать или не использовать это обѣщаніе во всей широтѣ было уже дѣло правительства, которое при этомъ руководилось, конечно, общественнымъ мнѣніемъ тѣхъ, кто его поставилъ, но узнавало оно это мнѣніе не на соборѣ.

Шестидесятыми годами заканчивается, собственно, та интенсивная эволюція классовыхъ отношеній, которая наполняетъ вторую треть шестнадцатаго вѣка. Взбунтовавшіеся противъ своихъ феодальныхъ господъ землевладѣльцы второй руки изъ крамольниковъ, которыхъ въ 1537 году вѣшали по большимъ дорогамъ „не вмѣстѣ и до Новагорода", стали въ 1566 году господами положенія, а вчерашнихъ господъ уже они „казнили да вѣшали", какъ крамольниковъ. Экономическій переворотъ, крушеніе стараго вотчиннаго землевладѣнія, нашелъ себѣ политическое выраженіе въ смѣнѣ у власти одного общественнаго класса другимъ. О дальнѣйшей борьбѣ внутри самой опричнины—что она была, въ томъ не можетъ быть сомнѣнія — мы ничего не знаемъ. Относительно этого періода царствованія Грознаго историкъ находится въ такомъ же положеніи, какъ относительно императорскаго Рима: сколько-нибудь подробные разсказы мы имѣемъ только изъ боярскаго лагеря, и нѣтъ ничего удивительнаго, что, кромѣ „ужасовъ опричнины", мы ничего тамъ не находимъ. Что режимъ помѣщичьяго управленія былъ террористическій, въ этомъ, конечно, не можетъ быть сомнѣнія. Въ данныхъ обстоятельствахъ, передъ лицомъ властныхъ „измѣнниковъ" и внѣшняго непріятеля, становившагося часъ отъ часу грознѣе, и въ которомъ „измѣнники" легко находили себѣ опору—революціонныя правительства и болѣе культурныхъ эпохъ правили при помощи террора. А въ нашемъ случаѣ терроръ былъ въ правахъ эпохи. За двадцать лѣтъ до опричнины дворянскій публицистъ такъ изображалъ расправу своего героя и любимца, Махметъ-

салтана, съ неправедными судьями: „царь имъ вины въ томъ не учинилъ, только ихъ велѣлъ живыхъ одрати, да рекъ такъ: если они обростутъ тѣломъ опять, ино имъ вина отдается. И кожи ихъ велѣлъ продѣлати, и велѣлъ бумаги набити, и въ судебняхъ велѣлъ желѣзнымъ гвоздіемъ прибити, и написати велѣлъ на кожахъ ихъ: безъ таковыя грозы правды въ царство не мочно ввести“ *). Такова была теорія. Губныя учрежденія даютъ намъ практику, которая ей не уступала. Губной голова могъ любого обывателя подвергнуть пыткѣ, не только по прямому доносу, но просто на основаніи дурныхъ слуховъ о немъ—по „язычной молвкѣ“. Простого подозрѣнія, что данное лицо—„лихой человѣкъ“, было достаточно, чтобы ему начали выворачивать суставы и ломать кости, рвать ему тѣло кнутомъ и жечь огнемъ. Это была общепринятая норма тогдашняго уголовнаго права: Грозный могъ сослаться на нее, возражая Курбскому на его упреки въ „неслыханномъ мучительствѣ“. Если измѣнниковъ не казнить, то разбойниковъ и воровъ тоже нельзя пытать—„то убо вся царствія не въ строеніи и междоусобными браньми вся растлятся“. Но тогдашнее уголовное право имѣло еще и другую особенность. Построенное, какъ и весь тогдашній общественный укладъ, на групповомъ началѣ, оно допускало коллективную отвѣтственность цѣлой семьи и даже цѣлой области за преступленія отдѣльныхъ лицъ. Если жители данной „губы“ на повальномъ обыскѣ не умѣли, или не хотѣли назвать, кто у нихъ „лихіе люди“—а потомъ лихіе люди въ округѣ сыскивались помимо нихъ, „лучшихъ людей“ изъ мѣстнаго населенія били кнутомъ, а иногда подвергали и смертной казни. Эта форма круговой поруки объясняетъ намъ самый трагическій эпизодъ опричнаго террора—расправу съ новгородцами въ 1570 году. Что въ основѣ этого мрачнаго дѣла лежалъ какой-то заговоръ, въ которомъ приняли участіе, съ одной стороны, видные члены государева „двора“—„печатникъ“ (государственный канцлеръ) Висковатовъ, „казначей“ (министръ финансовъ) Фуниковъ, наиболѣе близкіе лично къ царю опричники—Басмановъ-старшій и князь Вяземскій,—съ другой, высшее новгородское духовенство: въ этомъ, кажется, не можетъ быть сомнѣнія. Мелькало опять и имя Владиміра Андреевича Старицкаго: возможно, впрочемъ, что этимъ именемъ просто пользовались при каждомъ подобномъ случаѣ, какъ обвиненіемъ въ роялизмѣ въ 1793 году во Франціи. Населенію Новгорода было поставлено въ вину, что оно не вы-

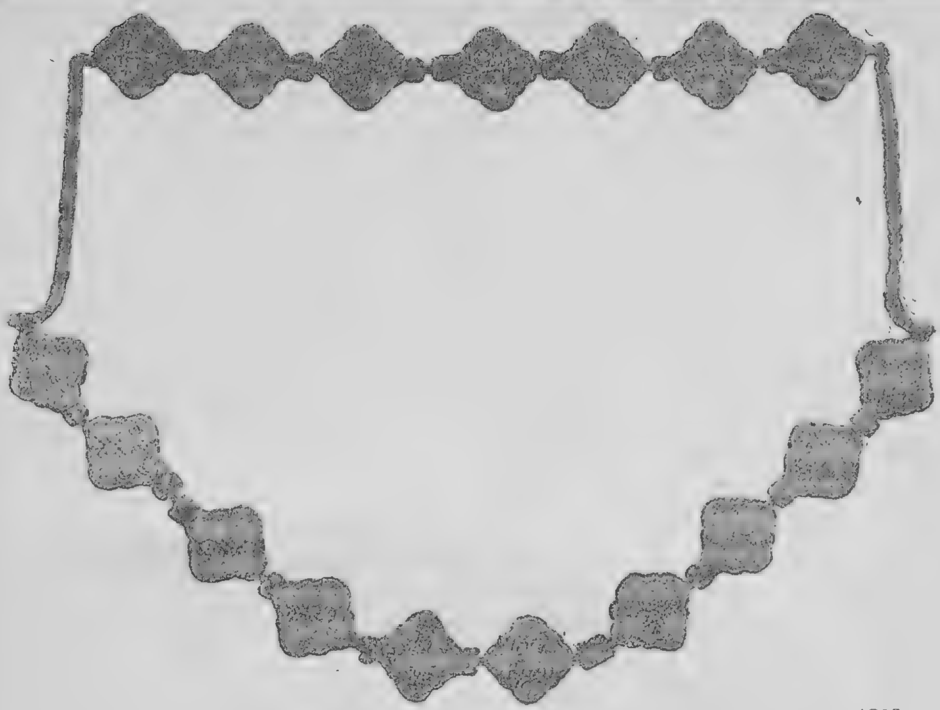
*) „И. С. Пересвѣтовъ“, г. Ржига, стр. 72 (изъ сказаній о Махметъ-салтанѣ).

дало измѣнниковъ, укрыло „лихихъ людей“: что подавляющее большинство ничего не могло знать о заговорѣ, не мѣняло дѣла,—вѣдь и объ обыкновенныхъ, уголовныхъ „лихихъ людяхъ“ откуда же было знать большинству населенія? Что круговая порука была здѣсь больше предлогомъ, легко видѣть, если присмотрѣться къ тому, кто былъ главнымъ объектомъ погрома. Хватали и били „на правежѣ“ (неисправнаго должника въ тогдашней Руси били палками, пока не отдастъ долга), монастырскихъ старцевъ, представителей крупнѣйшаго капитала того времени, гостей и иныхъ торговыхъ людей; ограбили казну архіепископа и ризницу Софійскаго собора. Дѣло о заговорѣ явилось, такимъ образомъ, удобнымъ поводомъ для экспропріаціи крупной новгородской буржуазіи—что, конечно, было очень въ интересахъ буржуазіи московской, — и новгородской церкви. Несмотря на всю грызню между боярскими публицистами и „вселукавыми мнихами іосифлянами“, церковь, какъ феодальная сила, всегда была тѣснѣе связана съ боярствомъ, нежели съ болѣе демократическими слоями. Въ дни „избранной рады“ между митрополитомъ Макаріемъ и этою послѣднею отношенія были самыя дружескія, а опричнина начала низведеніемъ съ митрополіи Аѳанасія и кончила ссылкою и убійствомъ митрополита Филиппа, не перестававшаго „печаловаться“ за опальныхъ бояръ. Однимъ изъ послѣднихъ актовъ политики Грознаго была отмѣна церковнаго иммунитета („тарханныхъ грамотъ“, въ 1584 году), прямо мотивированная тѣмъ, что отъ церковныхъ привилегій „воинственному чину оскудѣніе приходитъ веліе“. Выступленіе опричнины противъ новгородской церкви въ 1570 году, такимъ образомъ, болѣе, чѣмъ понятно *).



Бронзовое украшеніе изъ Муромскаго могильника Владимірской губ. (собраніе графа А. С. Уварова).

*) Подробнѣе о церковныхъ отношеніяхъ см. въ главахъ, посвященныхъ исторіи церкви.



Ожерелье изъ серебряныхъ позолоченныхъ бляшекъ изъ Рязанскаго клада 1868 г.

1. Экономическіе итоги XVI вѣка.

Къ концу XVI столѣтія въ старыхъ уѣздахъ Московскаго государства среднее, помѣстное, землевладѣніе рѣшительно господствовало. Крупныя вотчины сохранялись лишь какъ исключеніе. Мелкое землевладѣніе тоже было окончательно поглощено помѣстнымъ. Типичнымъ было владѣніе отъ 100 до 350 четвертей „въ полѣ“ (отъ 150 до 525 десятинъ по нашему теперешнему счету, при трехпольной системѣ) — со всѣми признаками „новаго“ хозяйства: барской запашкой, денежнымъ оброкомъ и крестьянами, привязанными къ землѣ неоплатнымъ долгомъ. Какъ это ни странно на нашъ современный взглядъ, въ первой половинѣ вѣка то былъ экономически прогрессивный типъ — мы это видѣли уже въ началѣ прошлой главы. Его побѣда должна была бы обозначать крупный хозяйственный успѣхъ—окончательное торжество „денежной“ системы надъ „натуральной“. На дѣлѣ мы видимъ совсѣмъ иное. Натуральныя повинности, кристаллизовавшіяся въ сложное цѣлое, извѣстное намъ подъ именемъ „крѣпостного права“, снова появляются въ центрѣ сцены, и держатся на этотъ разъ цѣпко и надолго. Вольнонаемный рабочій, снившійся дворянскому публицисту первой половины вѣка и, мѣстами,

дѣйствительно заводившійся въ болѣе передовыхъ имѣніяхъ, исчезаетъ на цѣлыхъ два столѣтія: Иванъ Семеновичъ Пересвѣтовъ находитъ себѣ продолжателей только въ дворянскихъ „манчестерцахъ“ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка. Ожесточенная погоня за землей въ серединѣ столѣтія, нашедшая себѣ такое яркое выраженіе въ конфискаціяхъ опричнины, казалось, должна была бы показывать, что по крайней мѣрѣ въ центрѣ государства бо́льшая часть доступныхъ земель уже использована. Вовсе нѣтъ, однако: по писцовымъ книгамъ 1584—86 годовъ въ одиннадцати станахъ Московскаго уѣзда на 23974 десятины пашни приходилось почти 120 тысячъ десятинъ перелогу, земли запущенной и заброшенной, отчасти вновь поросшей лѣсомъ. Тогда какъ въ первой половинѣ вѣка лѣса въ центрѣ были такъ основательно сведены, что иностраннымъ путешественникамъ около Москвы попадались одни пни, а изъ „лѣсныхъ звѣрей“ имъ удавалось видѣть только зайцевъ, что очень дивило людей, привыкшихъ считать Московію лѣсистой и обильной всякимъ звѣремъ страной. Одинъ очень авторитетный изслѣдователь рѣшается даже утверждать, что регрессъ былъ не только количественный, что техника земледѣлія падала въ Московской Руси параллельно съ торжествомъ средняго землевладѣнія. „Въ большинствѣ названныхъ (центральныхъ) уѣздовъ, говоритъ онъ, съ замѣчательной правильностью паровая зерновая система, господствовавшая въ шестидесятыхъ годахъ XVI вѣка, смѣняется къ концу столѣтія переложной системой; исключеніе представляетъ въ сущности только одинъ Московскій уѣздъ,—и то отчасти“ *). Во имя экономическаго прогресса раздавивъ феодальнаго вотчинника, помѣщикъ очень быстро самъ становится экономически отсталымъ типомъ: вотъ какимъ парадоксомъ заканчивается исторія русскаго народнаго хозяйства эпохи Грознаго.

Въ наличной исторической литературѣ мы не найдемъ разрѣшенія этого парадокса. Кромѣ сейчасъ цитированнаго изслѣдователя его никто, кажется, даже и не замѣтилъ. Его отвѣтъ также едва ли можетъ насъ удовлетворить: источникъ „вреднаго хозяйственнаго вліянія помѣстной системы“ этотъ авторъ видитъ въ „юридической природѣ помѣстья“, владѣнія условнаго и потому ненадежнаго. Но условнымъ было всякое владѣніе въ феодальномъ мірѣ—всякое „держаніе“ обуслов-

*) Н. Рожковъ. „Сельское хозяйство Московской Руси XVI в.“, стр. 66. Большинство цифровыхъ данныхъ настоящаго очерка заимствованы изъ этого же изслѣдованія.

ливалось несеніемъ извѣстнаго рода повинностей, и могло быть отобрано въ случаѣ неисправности владѣльца. Если исходить отъ этого признака, вся феодальная Европа должна была бы представлять намъ картину непрерывнаго экономическаго упадка; но такой картины мы нигдѣ не замѣчаемъ, и въ самой Россіи хозяйственный прогрессъ начала шестнадцатаго столѣтія возникъ въ обстановкѣ вполнѣ феодальной. Помѣстья временъ Ивана III или Василія Ивановича точно такъ же были условнымъ владѣніемъ, точно такъ же каждую минуту могли быть отобраны „на государя", какъ и помѣстья конца царствованія Грознаго: почему же первыя шли впередъ, а вторыя назадъ? Мы уже оставляемъ въ сторонѣ другой вопросъ, который не мало долженъ былъ бы смутить историка-матеріалиста: какъ это могло сложиться въ странѣ право, яко бы рѣзко противорѣчащее экономическимъ интересамъ господствующаго класса? Словомъ, единственный авторъ, отъ котораго мы могли бы ждать „совѣта и поученія" въ настоящемъ случаѣ, насъ покидаетъ безпомощными. Весьма возможно, что его послѣдователи въ дѣлѣ примѣненія матеріалистическаго метода къ даннымъ русскаго прошлаго будутъ счастливѣе. Но пока что, приходится искать отвѣта на вопросъ, отправляясь отъ нѣкоторыхъ общихъ наблюденій, которыя, при всей скудости нашего матеріала, все же сдѣлать можно.

Въ числѣ объективныхъ условій, къ концу эпохи Грознаго затормозившихъ развитіе денежнаго хозяйства въ Россіи— а это общее условіе давало окраску всѣмъ частностямъ—, наиболѣе осязательнымъ и замѣтнымъ былъ ходъ внѣшней политики. Ливонская война, не нужно забывать этого, была войной изъ-за торговыхъ путей, т.-е., косвенно, изъ-за рынковъ. Будущее показало, что экономическая эволюція Россіи, въ своемъ темпѣ, по крайней мѣрѣ, на три четверти зависѣла отъ того, удастся ли намъ завести прямыя связи съ наиболѣе прогрессивными странами Запада, или нѣтъ. Современники это понимали и высказывали вполнѣ отчетливо. Нарвскій портъ, оставшійся въ русскихъ рукахъ и послѣ первыхъ неудачъ ливонской войны, весьма серьезно смущалъ нашихъ конкуррентовъ. „Московскій государь ежедневно увеличиваетъ свое могущество пріобрѣтеніемъ предметовъ, которые привозятся въ Нарву", озабоченно писалъ польскій король Елизаветѣ англійской, стараясь отговорить англичанъ отъ торговыхъ сношеній съ Москвою: „ибо сюда привозятся не только товары, но и оружіе, до сихъ поръ ему неизвѣстное; приво-

зять не только произведенія художествъ, но пріѣзжаютъ и сами художники, посредствомъ которыхъ онъ пріобрѣтаетъ средства побѣждать всѣхъ. Вашему величеству не безызвѣстны силы этого врага и власть, какою онъ пользуется надъ своими подданными. До сихъ поръ мы могли побѣждать его только потому, что онъ былъ чуждъ образованности, не зналъ искусствъ. Но если нарвская навигація будетъ продолжаться, что будетъ ему неизвѣстно?" Понимали это и въ Москвѣ—и такъ какъ нарвская гавань была лишь узенькой калиткой на западъ, старались пріобрѣсти широкія ворота, завладѣвъ однимъ изъ крупныхъ портовъ Балтійскаго моря. Но двукратная попытка захватить Ревель (въ 1570 и въ 1577 годахъ) привела только къ войнѣ со Швеціей, въ которой Московское государство потеряло и Нарву — да не только ее, но и русское ея предмѣстье, Ивангородъ: отъ Балтійскаго моря русскіе теперь были отрѣзаны наглухо. Наряду съ этимъ главнымъ проигрышемъ того, изъ-за чего только и стоило вести войну, изгнаніе войскъ Ивана Васильевича изъ занятыхъ имъ въ началѣ лифляндскихъ городовъ имѣло больше моральное значеніе, хотя въ позднѣйшихъ историческихъ повѣствованіяхъ о походахъ Баторія говорится очень много, а о войнѣ со шведами въ двухъ словахъ. Появленіе польской арміи подъ стѣнами Пскова, крупнѣйшаго изъ оставшихся за Россіей торговыхъ центровъ на западной границѣ, только поставило точку на всей „ливонской авантюрѣ". Послѣдніе годы жизни Грозный уже не думалъ о завоеваніяхъ на западѣ—онъ только оборонялся, и радъ былъ, что не потерялъ своего. Литовскіе отряды сожгли Русу и опустошали верховья Волги: вотъ-вотъ можно было ждать того, что придется оборонять отъ Баторія самое Москву. А еще задолго до этого критическаго момента центральная Россія, и самъ московскій посадъ, уже испытали разгромъ, какого не запомнить было со временъ Тохтамыша. Это было, не очень рельефно выступающее въ новѣйшей исторіографіи, но вполнѣ по заслугамъ оцѣненное современниками, нашествіе крымцевъ въ 1571 году. Оно стояло въ несомнѣнной связи съ ливонской войной — крымскій ханъ былъ съ самаго начала союзникомъ поляковъ: „и король учалъ безпрестанно къ Девлетъ-Гирею царю гонцовъ посылати и подымати крымскаго царя на царевы и великаго князя украйны", записала московская лѣтопись еще подъ 1564 годомъ. Менѣе ясна связь съ внутренними русскими дѣлами, но и она была: хана привели къ Москвѣ четверо бѣглыхъ дѣтей боярскихъ, дѣйствовавшихъ едва ли не по порученію князя Мстиславскаго.

По своей непосредственной разрушительности крымскій набѣгъ далеко оставлялъ за собою все, что могли нажечь и награбить литовскіе партизаны. Весь московскій посадъ татары выжгли дотла — и, какъ мы помнимъ изъ разсказовъ Флетчера, семнадцать лѣтъ спустя онъ не былъ еще вполнѣ возстановленъ. Цѣлый рядъ другихъ городовъ постигла та же участь. По тогдашнимъ разсказамъ, въ одной Москвѣ съ окрестностями погибло до 800.000 человѣкъ, въ плѣнъ было уведено 150.000. Общая убыль населенія должна была превышать милліонъ—а въ царствѣ Ивана Васильевича едва ли было десять милліоновъ жителей. Притомъ, опустошенію подверглись старыя и наиболѣе культурныя области: недаромъ потомъ московскіе люди долго считали отъ татарскаго разоренья, какъ въ XIX вѣкѣ долго считали отъ „двѣнадцатаго года".

Насчетъ татарскаго разоренья доброю долею приходится отнести то, почти внезапное, запустѣніе, какое констатируютъ изслѣдователи въ центральныхъ уѣздахъ, начиная именно съ 70-хъ годовъ. „Начало семидесятыхъ годовъ XVI вѣка есть исходный хронологическій пунктъ запустѣнія большей части уѣздовъ московскаго центра", говоритъ уже не разъ цитированный нами историкъ сельскаго хозяйства московской Руси. „Слабые зачатки отлива населенія, наблюдавшіеся въ нѣкоторыхъ изъ этихъ уѣздовъ въ 50—60-хъ годахъ, превращаются теперь въ интенсивное, чрезвычайно рѣзко выраженное, явленіе бѣгства крестьянъ изъ Центральной области" *). Быть можетъ, стремленіемъ уйти подальше отъ татаръ объясняется та передвижка населенія изъ Центра въ малоплодородныя области сѣверной Руси, которая наблюдается около этого времени. Города по вновь открытой—англичанами, въ пятидесятыхъ годахъ — двинской торговой дорогѣ на Архангельскъ, уже въ предшествующемъ десятилѣтіи начинаютъ играть видную роль. Мы часто видаемъ здѣсь царя, на его поѣздкахъ въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь—и онъ, видимо, смотритъ на нихъ не только, какъ на станціи въ своихъ благочестивыхъ походахъ: въ Вологдѣ онъ заложилъ „городъ каменъ" и спеціально ѣздилъ взглянуть потомъ, какъ его строятъ. Повидимому, тамъ была не одна крѣпость, а и царскій дворецъ, ибо государь ѣздилъ „досмотрѣти" не только „градского основанія", но и „всякаго своего царскаго на Вологдѣ строенія". Недаромъ и англичане выстроили себѣ здѣсь домъ,

---

*) Н. Рожковъ, цитиров. сочин., стр. 305.

„огромный, какъ замокъ“. Около вновь возникающихъ городскихъ центровъ страна и вообще оживлялась — естественно, что за торговыми и ремесленными людьми потянулись сюда и крестьяне. Но что сдвинуло ихъ съ насиженныхъ мѣстъ? Размѣры запустѣнія показываютъ, что одного страха татаръ, какъ объясненія, недостаточно. Въ тѣхъ же станахъ Московскаго уѣзда, гдѣ мы отмѣтили, по книгамъ 1584 — 86 гг., такой перевѣсъ перелога надъ пашней, на $673^1/_2$ деревни приходилось 2182 пустоши, и лишь 3 починка: запустѣвшія деревни составляли 76% общаго числа, а вновь возникавшія всего 0,1%. И это еще, кажется, было улучшеніе: въ неполныхъ (для меньшаго числа становъ) данныхъ для того же уѣзда за предшествовавшіе годы (1573 — 78) можно насчитать въ одномъ случаѣ 93, въ другомъ даже 96% пустошей. Не лучше было и въ другихъ центральныхъ уѣздахъ: въ Можайскомъ, напримѣръ, по отдѣльнымъ имѣніямъ можно насчитать пустыхъ деревень до 86%, въ Переяславль-Залѣсскомъ отъ 50 до 70%. Притомъ, запустѣніе коснулось и болѣе сѣверныхъ, безопасныхъ отъ татаръ, областей центра: изъ тверскихъ дворцовыхъ деревень князя Симеона Бекбулатовича (котораго Грозный, для потѣхи, рядилъ въ цари московскіе) въ 1580 году половина была пуста. Между Ярославлемъ и Москвой еще Ченслеръ, въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ, находилъ множество деревень, „замѣчательно переполненныхъ народомъ“. О такой же густой населенности этихъ мѣстъ говоритъ и другой англичанинъ, Рандольфъ, бывшій здѣсь немного позже Ченслера: а въ восьмидесятыхъ годахъ ихъ соотечественника Флетчера поражали здѣсь уже деревни пустыя. Но крымцы не заходили далеко отъ Москвы на сѣверъ: въ набѣгъ 1571 года самъ Иванъ Васильевичъ искалъ убѣжища отъ нихъ не сѣвернѣе Ростова. А затѣмъ, страхъ передъ ними долженъ бы былъ быть особенно силенъ въ первые годы послѣ разоренья—между тѣмъ, по словамъ цитированнаго нами выше автора, „бѣгство (крестьянъ изъ центра) не прекращается до самаго конца вѣка, какъ убѣдительно свидѣтельствуетъ цѣлый рядъ фактовъ“ *). Это, и хронологическое, и географическое, несовпаденіе „татарскаго разоренья“ и района запустѣнія снова заставляетъ насъ искать иныхъ, болѣе могучихъ и менѣе случайныхъ, причинъ послѣдняго.

Одну изъ нихъ мимоходомъ отмѣчаетъ все тотъ же авторъ, доказывая вредное вліяніе „юридической природы помѣстья“.

*) Рожковъ. Ibid.

„Въ источникахъ, говоритъ онъ, сохранились любопытные факты, иллюстрирующіе насилія и грабежи помѣщиковъ, ихъ стремленіе къ скорой наживѣ и наносимый этимъ трудно исправимый вредъ хозяйственной цѣнности помѣстной земли“. Онъ приводитъ, къ сожалѣнію, только одинъ такой фактъ—но чрезвычайно выразительный. „Въ самомъ концѣ XVI в. въ селѣ Погорѣлицахъ, Владимірскаго уѣзда, жилъ „во крестьянѣхъ“ нѣкто Иванъ Сокуровъ. Въ 1599 году Погорѣлицы были пожалованы въ помѣстье сыну боярскому Өедору Соболеву. Этотъ послѣдній, въ отсутствіе Сокурова, явился къ нему на дворъ и произвелъ тамъ полный разгромъ: забралъ себѣ троихъ „старинныхъ людей“ хозяина дома, т.-е. его холоповъ, увелъ лошадь, корову, быка, четырехъ овецъ, взялъ у жены Сокурова деньгами 1 рубль 13 алтынъ (=35 р. на наши деньги), увезъ къ себѣ, сколько могъ, ржи, овса, ячменя, конопли и „трои пчелы“. Мало того, когда Сокуровъ вернулся, помѣщикъ присвоилъ себѣ и его дворъ“ *). Картина такого выдворенія крестьянина изъ его гнѣзда землевладѣльцемъ не составляетъ отнюдь русской особенности: въ Германіи около того же времени мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ подобныхъ явленій—тамъ для нихъ и терминъ особый сложился, Bauernlegen. Условность помѣстнаго владѣнія тутъ, конечно, ни при чемъ, но не трудно себѣ представить, какъ должны были подѣйствовать на крестьянскую массу поступки тысячъ такихъ Соболевыхъ, сразу вторгшихся въ нетронутыя помѣстнымъ землевладѣніемъ земли. А это именно было, когда опричнина съ ея земельной перетасовкой одновременно пустила подъ помѣстья цѣлый рядъ княженецкихъ вотчинъ, съ ихъ традиціонными феодальными порядками, съ нетяжелыми, и притомъ очень устойчивыми, изъ поколѣнія въ поколѣніе переходившими, крестьянскими повинностями. Какъ изъ разворошеннаго муравейника муравьи, разбѣгалось населеніе этихъ старыхъ культурныхъ гнѣздъ, захваченныхъ опричниной—разбѣгалось, куда глаза глядятъ, лишь бы спастись отъ новыхъ порядковъ, начинавшихся такъ круто. Недаромъ максимумъ запустѣнія Московскаго уѣзда совпадаетъ съ разгаромъ опричнины.

И опричнина, сама по себѣ, какъ извѣстное „государственное мѣропріятіе“, тутъ тоже ни при чемъ, разумѣется: какъ разъ приведенный нами примѣръ къ опричнинѣ и не относится—въ 1599 году ея уже не было, и Соболевъ, вѣроятно,

*) Ibid, стр. 458.

никогда въ опричнинѣ не служилъ. Въ 60-хъ — 70-хъ годахъ лишь до необычайныхъ размѣровъ усилилось явленіе, общее всему помѣстному землевладѣнію. Хищническая эксплуатація имѣнія, стремленіе выжать изъ него въ возможно короткое время возможно больше денегъ такъ же характерны для нашихъ помѣщиковъ XVI вѣка, какъ и для всякихъ „предпринимателей" въ раннюю пору денежнаго хозяйства. Одинъ современный публицистъ, писавшій немного позже Смуты и помнившій предшествующую эпоху по личнымъ впечатлѣніямъ, даетъ намъ необычайно выразительную общую картину той безудержной спекуляціи, однимъ изъ маленькихъ образчиковъ которой былъ приведенный выше случай. По его словамъ, во время большихъ голодовъ при Борисѣ Годуновѣ многіе не только деньги, но всю свою движимость, до носильнаго платья включительно, пускали въ оборотъ — „и собирали въ житницы свои всѣ сѣмена всякаго жита", наживая такимъ путемъ до тысячи процентовъ. Въ значительной степени этой же спекуляціей объяснялись и самые голода — мы помнимъ, что еще за двадцать лѣтъ передъ тѣмъ Флетчеръ приписывалъ вздорожаніе хлѣбныхъ цѣнъ барышничеству помѣщиковъ. Если вѣрить нашему автору, то въ разгаръ голода имѣлись большіе запасы хлѣба, такъ что впослѣдствіи, когда междоусобная война дѣйствительно разорила страну, и посѣвы очень сократились, вся Россія питалась этими старыми залежами, которыхъ не пускали изъ рукъ хлѣбные спекулянты во время голода, чтобы поддержать цѣны. Судя по тому описанію годуновскаго общества, какое даетъ намъ этотъ публицистъ, хлѣбное барышничество давало большія выгоды. По его словамъ, даже и провинціальное дворянство обиліемъ золотой и серебряной посуды, лошадей на конюшнѣ и челядинцевъ во дворѣ „подобилось первымъ вельможамъ и сродичамъ царевымъ" — и не только дворянство, „но и отъ купцовъ сущіе и отъ земледѣльцевъ". По роскошнымъ нарядамъ ихъ женъ и дочерей и не узнать было, чьи онѣ: такъ было на нихъ много золота, серебра и всякихъ иныхъ украшеній — „вси бо боярствоваху" въ это время *).

Грабить своихъ крестьянъ, превращая въ деньги ихъ имущество, было, при такомъ положеніи вещей, очевидно, выгоднѣе, нежели вести правильное хозяйство: вотъ что, а не какія-либо юридическія нормы, толкало помѣщиковъ къ хищни-

*) См. такъ называемое „Сказаніе Авраамія Палицына" въ первой редакціи, „Русская Историческ. Библіотека", т. XIII, стр. 480 и сл.

ческой эксплуатаціи ихъ имѣній. Правильное хозяйство требовало затраты денежныхъ капиталовъ, и притомъ все большихъ и бóльшихъ съ каждымъ годомъ, ибо цѣна денегъ падала поразительно быстро. По вычисленіямъ г. Рожкова, рубль начала XVI столѣтія равнялся, приблизительно, 94 рублямъ нынѣшнимъ, а рубль конца этого вѣка только 24—25 нынѣшнимъ: меньше, чѣмъ за сто лѣтъ, деньги упали въ цѣнѣ вчетверо. Въ Западной Европѣ за то же столѣтіе они упали даже впятеро, но тамъ была опредѣленная внѣшняя причина—открытіе Америки съ ея золотыми и серебряными рудниками. Что эта причина, несомнѣнно, оказала свое дѣйствіе и у насъ, показываетъ, какъ ошибочно мнѣніе о полной изолированности московскаго царства отъ остальной Европы. Выше, впрочемъ, приведено достаточно фактовъ, свидѣтельствующихъ, какъ рано началась экономическая „европеизація Россіи". „Торжество сребромобпы", такимъ образомъ, имѣло подъ собою вполнѣ объективное основаніе—дѣло было не просто въ „жадности" помѣщиковъ. Другой причиной у насъ было быстрое развитіе денежнаго хозяйства, форсированное принудительной ликвидаціей крупныхъ феодальныхъ имѣній съ ихъ „натуральными" порядками. На рынокъ была выброшена такая масса земли, что на нее цѣна упала почти въ полтора раза. Въ первой половинѣ вѣка десятина земли стоила 0,3 рубля, во второй—0,7 рубля, но въ переводѣ на теперешнія деньги первая цифра составитъ 28 рублей, а вторая лишь 17 *).

Парадоксальный фактъ—паденія цѣнности земли въ то самое время, какъ цѣны на хлѣбъ росли годъ отъ году, можетъ быть объясненъ только тѣмъ, что въ извѣстный моментъ земли на рынкѣ оказалось больше, чѣмъ покупателей на нее. Но при нормальныхъ условіяхъ, равновѣсіе между спросомъ на землю и предложеніемъ ея скоро возстановилось бы: ненормальное положеніе народнаго хозяйства въ концѣ эпохи Грознаго въ томъ особенно и сказалось, что этого не произошло. Земля продолжала „лежать впустѣ" и долго послѣ опричнины. Къ концу XVI вѣка хищническое хозяйство, все стремившееся какъ можно скорѣе ликвидировать и перевести на деньги—и инвентарь, и постройки, и даже самихъ крестьянъ, какъ сейчасъ увидимъ,—столкнулось съ собственнымъ своимъ неизбѣжнымъ результатомъ: землю некому стало обрабатывать. Распуганное новыми порядками крестьянство разбредалось изъ центра, куда глаза глядятъ—и на далекій сѣверъ,

*) Рожковъ, ibid., стр. 216.

гдѣ хлѣбъ родился только три раза въ пять лѣтъ, и въ степь, почти каждое лѣто регулярно посѣщавшуюся крымцами; всего больше, конечно, на Оку и Волгу, въ мѣста, уже въ эти годы сравнительно безопасныя. Одна лѣтопись уже въ серединѣ царствованія Грознаго отмѣтила отливъ населенія изъ Можайскаго и Волоколамскаго уѣздовъ „на Рязань, и въ Мещеру, и въ понизовые города, въ Нижній Новгородъ“. Здѣсь всюду возникали новые поселки въ то самое время, какъ центръ пустѣлъ. Наблюдаемый нами кризисъ вовсе не былъ, такимъ образомъ, всероссійскимъ. Это былъ, прежде всего, кризисъ помѣщичьяго хозяйства, какъ первая половина вѣка была свидѣтельницей кризиса хозяйства старыхъ вотчинъ. Тѣ погибли отъ того, что не умѣли приспособиться къ условіямъ новаго, денежнаго хозяйства—эти переиспользовали его, сразу захотѣвъ взять максимумъ того, что оно могло дать. Паденіе цѣны денегъ подгоняло ихъ на этомъ пути—того, на что можно было „прилично прожить“ десять лѣтъ назадъ, черезъ десять лѣтъ было уже мало. Нужно было все больше выкачивать изъ хозяйства, достаточно уже разореннаго. Нужно было вложить въ него капиталъ: но гдѣ его достать? Нужно было закрѣпить уходившія неудержимо изъ имѣнія рабочія руки: но какъ это сдѣлать безъ капитала, безъ „серебра“, которымъ закрѣплялись крестьяне? Передъ этой двойной дилеммой стояло помѣщичье хозяйство наканунѣ Смуты. Къ попыткамъ помѣщиковъ выйти изъ тупика, созданнаго ихъ собственнымъ хищничествомъ, сводится, въ основѣ, и сама Смута.

Деньги можно было добыть при помощи спекуляцій—азартной игры на хлѣбъ и на людей. Что торговля крестьянами вовсе не дожидалась у насъ офиціальнаго установленія крѣпостного права, объ этомъ есть свидѣтельства уже отъ 1550-хъ годовъ. Въ одномъ изъ челобитій этого времени одинъ помѣщикъ жалуется на другого въ такихъ выраженіяхъ: „посылалъ я своихъ людей отказывати изъ за него двухъ крестьяниновъ изъ одного двора на свою деревню, и онъ... отказъ принялъ и пошлины пожилые взялъ; и я посылалъ по тѣхъ крестьянъ возити за себя, а тотъ тѣхъ крестьянъ изъ за себя не выпустилъ и держитъ тѣхъ крестьянъ насильно“. П о ж и л о е формально было арендной платой за дворъ, занимавшійся крестьяниномъ: но уже въ половинѣ XVI вѣка эта формальность не имѣла никакого отношенія къ дѣйствительности, ибо годовая арендная плата за дворъ равнялась четвертой части стоимости самого двора. А такъ какъ платилъ пожилое

фактически новый баринъ, къ которому крестьяне переходили—мы это сейчасъ видѣли—, то платой за дворъ въ сущности маскировалась плата за самого крестьянина. Вотъ отчего тогдашніе документы и называютъ „пожилое“ „пошлиной“, а вывозъ крестьянина безъ уплаты „пожилого“ вывозомъ „безпошлиннымъ“. Если же за крестьяниномъ было еще сверхъ того „боярское серебро“, то фактическая разница между нимъ и барскимъ холопомъ почти исчезала. „Отказъ“ со стороны крестьянина замѣнялся „отпускомъ“ со стороны барина. Задолжавшіе крестьяне могли быть предметомъ спекуляціи, конечно, еще легче. Нужно, впрочемъ, сказать, что московскіе люди далеко не были такими поклонниками легальности, какими ихъ считаютъ нѣкоторые новѣйшіе изслѣдователи, усматривающіе въ развитіи института крестьянской крепости даже нѣкоторыя черты, напоминающія римское право. Московское право все еще было феодальнымъ правомъ, то-есть, когда оно не опиралось на силу, оно ничего не значило. Помѣщикъ никогда не стѣснялся тѣмъ—долженъ что-нибудь ему крестьянинъ на самомъ дѣлѣ или нѣтъ, и таксы пожилого, установленныя судебникомъ, соблюдалъ лишь тотъ, кто хотѣлъ. До насъ дошли документы, свидѣтельствующіе, что, когда баринъ не хотѣлъ отпускать крестьянина, онъ его „въ желѣза ковалъ“, а пожилого съ него требовалъ не рубль, какъ законъ указывалъ (рублей 50 на наши деньги, въ серединѣ столѣтія), а пять и даже десять рублей (250 и 500 рублей). Вообще можно разсматривать, какъ правило, что безъ согласія господина „отказати“ крестьянина было „не мочно“ *).

„Боярское серебро“—долгъ крестьянина землевладѣльцу, явленіе столь хорошо знакомое нашему времени, что только старинная терминологія могла изъ него сдѣлать что-то необыкновенное, что нужно объяснять—въ Московской Руси было, такимъ образомъ, не юридическимъ способомъ закабаленія крестьянъ, а средствомъ переманиванія ихъ у другихъ помѣщиковъ—или противоядіемъ противъ крестьянскаго побѣга: минутная выгода могла соблазнить менѣе дальновидныхъ и удержать отъ попытокъ искать счастья на сторонѣ. Оттого и упраздненіе крестьянскаго „отказа“ нужно разсматривать не какъ исходную точку крестьянской крѣпости—ею было общее феодальное безправіе, смягчавшееся въ старыхъ вотчинахъ обычаемъ, съ нарушенія котораго начинали новые землевладѣльцы—, а какъ одну изъ сторонъ кризиса помѣст-

*) Для приводимыхъ фактовъ см. М. Дьяконова, „Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси“, стр. 338—339 и др.

наго землевладѣнія. Изъ перекрестной путаницы исковъ о крестьянахъ, заваливавшихъ тогдашніе суды, не было иного выхода, какъ запретить „отказы“ вовсе, укрѣпивъ крестьянъ за тѣми, на чьихъ земляхъ они сидѣли въ данный моментъ. Тогда прекратилось бы взаимное разореніе помѣщиками другъ друга—и деньгамъ, шедшимъ на борьбу изъ-за рабочихъ рукъ, можно было дать иное употребленіе. Но если расходы на „отказываніе“ крестьянъ стали непосильны для помѣщиковъ, если и въ этомъ вопросѣ для нихъ понадобилось нѣчто въ родѣ „сиссахтіи“—это служитъ новымъ указаніемъ на то, что требованіе на деньги со стороны помѣщиковъ далеко превышало притокъ ихъ въ помѣщичьи карманы. Чѣмъ больше пустѣли эти послѣдніе, тѣмъ больше приходилось помѣщику изворачиваться въ попыткахъ хозяйничать безъ денегъ. Въ этомъ отношеніи большой интересъ представляетъ одна переходная ступенька къ отмѣнѣ крестьянскаго „отказа“, которую мы находимъ въ документѣ неофиціальномъ (такъ называемомъ „Судебникѣ Ѳеодора Ивановича“), но заимствована она, конечно, изъ тогдашней практики: „кабалы писати на крестьянъ вдвое“. Требованіе уплаты за крестьянина д в о й н о г о долга, конечно, должно было удержать отказчика. Но крестьянинъ сдѣлался такой „рѣдкой птицей“, что владѣльцевъ побогаче не стѣсняло уже и это—и служилая масса добилась новаго ограниченія „отказа“, которое мы и находимъ въ извѣстныхъ указахъ 1601—1602 гг., первыхъ документальныхъ свидѣтеляхъ крестьянской крѣпости. Этими указами ограничивалось количество „возимыхъ“ крестьянъ (не болѣе двухъ)—и „возить“ другъ у друга могли лишь мелкіе помѣщики: конкуренція крупнаго землевладѣнія заранѣе исключалась. „Отказъ“ уже съ этого времени былъ исключеніемъ: какъ правило, крестьяне сидѣли на земляхъ тѣхъ, у кого застали ихъ переписи 1590—1593 годовъ. Избавленный отъ денежныхъ расходовъ на крестьянъ, помѣщикъ въ то же время былъ избавленъ и отъ расходовъ на государство—барская запашка въ писцовыхъ книгахъ 1592—93 гг. была исключена изъ оклада. Всѣ палліативы были пущены въ ходъ, чтобы утолить денежный голодъ дворянства,—но кризисъ развивался съ неудержимой силой, и мученія голода становились все сильнѣе. Помѣщику мало было уже подачекъ изъ казны—ему нужна была вся казна. Въ дни опричнины онъ оставилъ власть боярству, взявъ себѣ лишь самые жирные куски. Теперь онъ никому ничего не хотѣлъ оставлять—ему нужна была власть вся, цѣликомъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ I ТОМА.

Стр.

Предисловіе. *М. Н. Покровскаго и Н. М. Никольскаго* V

ГЛАВА I.

Слѣды древнѣйшаго общественнаго строя.

М. Н. Покровскаго.

Съ чего начала древняя Русь . . . 1
Взгляды Шторха. Славянофилы и западники 2
Скудость лѣтописныхъ данныхъ . . 3
Лингвистическія данныя. Славяне, какъ «лѣсной» народъ 4
Славяне, какъ автохтоны восточной Европы. Вопросъ о «прародинѣ» славянскаго племени 5
Культура россійской равнины по Геродоту 5
Культура «праславянъ» по даннымъ лингвистики 6
Старая схема экономическаго развитія, ея ошибочность 7
«Мотыжное» земледѣліе 8
Древнѣйшіе тексты: показанія арабовъ 9
Древнѣйшая общественная организація 12
Дворище и печище 13
Слѣды патріархата 15
Экономическія основы древне-славянской семьи 16
Семья—государство 16
Власть отца 18
Племя. Происхожденіе князей; условія ихъ появленія 19
лѣды власти отца въ княжеской власти 22

ГЛАВА II.

Феодальныя отношенія въ древней Руси.

М. Н. Покровскаго.

Что такое *феодализмъ* 26
Крупное землевладѣніе въ древней Россіи 27
Совпадало ли крупное землевладѣніе съ крупнымъ хозяйствомъ? . . 28
«Вотчинное хозяйство»: натуральный оброкъ 29
Появленіе денежнаго оброка и барщины 30
Связь *вотчины* съ *печищемъ*; процессъ феодализаціи 31
Вопросъ объ осѣдлости древне-русскаго крестьянства; «старожильцы» 32
Вопросъ объ *общинѣ* 34
Эволюція древне-русской деревни . 35
Какъ возникло крупное землевладѣніе? 37
Пожалованіе. Захватъ 39
Задолженность мелкаго землевладѣнія: черносошное крестьянство сѣвера Россіи въ XVII в. 41
Закупы «Русской Правды» и изорники Псковской грамоты 43
Размѣры земельной мобилизаціи въ XVI вѣкѣ 45
Соединеніе политической власти съ землею 46
Вотчинное право, какъ пережитокъ патріархальнаго 48
Вотчинный судъ; вотчинныя таможни 48
Боярскія дружины 49
Вассалитетъ; феодальная лѣстница въ Московской Руси 50
Феодальная курія и боярская дума 53
Охрана права въ древней Руси . . 54
Можно ли разсматривать феодализмъ, какъ *юридическую* систему . 55

ГЛАВА III.

Заграничная торговля, города и городская жизнь X—XV вв.

М. Н. Покровскаго.

Торговля и «натуральное хозяйство» въ древней Руси; мнѣніе историковъ 57
Показанія современниковъ; скандинавы и арабы 59
Средневѣковой купецъ на Западѣ и въ Россіи; размѣры торговли . 60
Составъ товара; значеніе работорговли 63
«Разбойничья торговля» 64

	Стр.
Вооруженное купечество	67
Торговый складъ и лагерь, торговый дворъ и крепость	68
Организація древне-русскаго города. Тысяцкій. Вѣче	71
События 1146—1147 гг. въ Кіевѣ . .	73
Положеніе князя по отношенію къ городу; князь. какъ главнокомандующій; князь и вѣче	76
Соціальный составъ городской общины: *огнищане*	82
Разложеніе патріархальныхъ формъ въ городѣ	83
Эволюція кіевскаго вѣча	84
Кіевскія событія 1068 года	85
Торговый и ростовщическій капитализмъ въ Кіевѣ	88
Революція 1113 года; «Уставъ» Владиміра Всеволодовича Мономаха	90
Положеніе массы сельскаго населенія	92
Смерды и княжеская власть	94
Два права древней Руси: «городское» и «деревенское»	96
Упадокъ Кіевской Руси и его причины	97
Новый типъ князя: убійство Андрея Боголюбскаго	98
Разложеніе города	102
Роль татарщины	103
Значеніе татарской дани	105
Передвижка торговыхъ путей . . .	109

ГЛАВА IV.

Первобытныя религіозныя вѣрованія и появленіе христіанства.

Н. М. Никольскаго.

Скудость источниковъ для исторіи древнѣйшаго христіанскаго быта. Значеніе пережитковъ и этнографическаго матеріала	111
Природно-хозяйственная обстановка и анимистическое міровоззрѣніе .	112
Слѣды тотемизма	116
Фетишизмъ	117
Примитивный культъ	118
Представленіе о душѣ и загробной жизни	121
Культъ мертвыхъ и предковъ . . .	122
Земледѣльческіе культы	129
Циклъ обрядовъ, связанныхъ со смѣною временъ года: зимняя коляда, встрѣча весны, праздникъ урожая	130
Особенности религіозныхъ вѣрованій городского купеческо-дружинническаго класса	137
Религіозная реформа Владиміра . .	138
Внѣшній характеръ обращенія . .	139
Синкретизмъ стараго язычества и христіанства	140
Теорія бѣса, роль святыхъ, двоевѣріе въ похоронныхъ и поминовенныхъ обрядахъ	141

ГЛАВА V.

Новгородъ.

М. Н. Покровскаго.

Новгородъ, какъ сѣверный торговый центръ и причины его устойчивости	144
Оптовая торговля съ Западомъ; развитіе торговаго капитала	147
События [illegible] года и [illegible] послѣдствія	149
Строй вѣчевыхъ общинъ Пскова и Новгорода	152
Грамота 1265 года; ограниченіе власти князя	154
Права князя и вѣча	155
Крушеніе патріархальнаго общественнаго строя	158
Новая группировка общественныхъ элементовъ; бояре, житьи, купцы, черные люди	159
Уменьшеніе власти демократіи: судная грамота 1440 г.	160
Упадокъ мелкой поземельной собственности; закрѣпленіе крестьянъ	162
Политическія формы соціальнаго господства имущихъ классовъ . .	163
Волненія 1418 года; возстаніе должниковъ противъ кредиторовъ . .	165
«Колоніальныя войны» Новгорода .	167

ГЛАВА VI.

Образованіе Московскаго государства.

М. Н. Покровскаго.

Обычное представленіе о «собираніи Руси»	170
Можно ли провести раздѣльную черту между Кіевской и „удѣльной Русью"	171
Значеніе личностей „собирателей" въ процессѣ собиранія	172
Коллективный характеръ московской политики XIV вѣка	173
Экономическія условія возвышенія Москвы; значеніе рѣчныхъ путей.	174
Московско-новгородскій союзъ. Гости сурожане	175
Размѣры Москвы къ концу XIV в. .	176

	Стр.
Московская буржуазія. События 1382 года	177
Московское боярство и политика „собиранія“	178
Роль церкви, какъ феодальной организаціи; церковь и татарщина	180
Ханскіе ярлыки	182
Можно ли отдѣлить московскую и церковную политику въ XIV вѣкѣ?	183
Церковь и удѣльные противники московскихъ князей	184
Церковь и Новгородъ	188
Покореніе Новгорода, какъ крестовый походъ	191
Экономическія условія этого покоренія: конкуренція московской и новгородской буржуазіи	192
Финансовая политика Москвы	193
Характеръ „собиранія“ вело ли оно къ образованію „единаго государства“?	196
Присоединеніе Пскова, какъ образчикъ московской политики	197
Консерватизмъ этой послѣдней; ея новшества сводятся къ новымъ налогамъ	199
Остатки политической самостоятельности удѣловъ въ XVI вѣкѣ	200
Экономическія основанія церковнаго объединенія	203
Государственная власть и церковь въ Византіи	204
Всемірное христіанское царство въ представленіи московскихъ книжниковъ XV вѣка	206
Приложеніе теоріи къ практикѣ	208
Удѣльные князья, какъ подданные великаго князя; царское мѣстничество	212
Послѣдствія этой теоріи въ международныхъ отношеніяхъ	214
Оборотная сторона медали: православіе царя, какъ необходимое условіе его легальности	217
Религіозное оправданіе оппозиціи въ XVI в. и революціи въ началѣ XVII в.	218

ГЛАВА VII.

Народная религія и церковь въ XIV—XVI в.

Н. М. Никольскаго.

Соціальныя предпосылки эволюціи вѣрованій и церковной организаціи	222
Остатки первобытныхъ культовъ	223
Отношеніе къ христіанскому вѣроученію и богослуженію	225
Господство мѣстныхъ культовъ Культь иконъ и святыхъ	226
Юродивые и пророки	229
Колдовство и его агенты	232
Остатки земледѣльческихъ культовъ	235
Значеніе черной смерти для выработки эсхатологическихъ представленій чернаго люда	237
Церковная организація, ея феодальный характеръ	240
Феодальный характеръ монастырей	241
Монастырское землевладѣніе и хозяйство	244
Религіозная идеологія феодальнаго класса въ изложеніи Іосифа Волоцкаго и начетчиковъ	247
Соціально-религіозная функція монашества, какъ класса молитвенниковъ	251
Теорія синодика. Заволжскіе старцы	254
Городскія религіозныя движенія. Мнѣнія о стригольникахъ	256
Происхожденіе и характеръ стригольнической ереси	257
Мнѣнія о жидовствующихъ	261
Жидовствующіе въ Новгородѣ	264
Раціоналистическій кружокъ въ Москвѣ. Начало борьбы за церковныя земли	267
Осифляне и ихъ отношеніе къ „державѣ“ московскаго князя	269
Централизація культа	273
Заволжскіе старцы и опальное боярство	274

ГЛАВА VIII.

Грозный.

1. Аграрный переворотъ первой половины XVI вѣка.

Соціальная подкладка опричнины; мнѣнія объ этомъ современниковъ и новѣйшихъ историковъ	277
Московское государство въ началѣ эпохи Грознаго; феодальныя традиціи; „право отъѣзда“	279
Экономическій переворотъ; денежное хозяйство; разрушеніе феодальной вотчины, какъ экономическаго цѣлаго; появленіе землевладѣльца на рынкѣ	281
Городскіе центры; Москва XVI вѣка; мелкіе города; роль буржуазіи	284
Буржуазныя отношенія въ деревнѣ; торговля предметами первой необходимости	285
Торговые обороты монастырей; торговая роль духовенства; протопопъ Сильвестръ	286
Сельско-хозяйственное предпринимательство; помѣщики и рынокъ; денежный и хлѣбный оброкъ	289

Стр.

Барская запашка: „холопы-страдники“ они не удовлетворяютъ потребности: погоня за землей; централизація хозяйства; крестьянская барщина; волнонаемные рабочіе 291
Относительное значеніе совершившейся перемѣны для крупнаго и и средняго землевладѣнія . . . 294
Опричнина шла по линіи экономическаго развитія 295

2. Публицистика и „реформы“.

Политическія послѣдствія основного экономическаго факта 296
„Боярское правленіе“ кормленія, ихъ значеніе при натуральномъ и денежномъ хозяйствѣ 297
Отношеніе населенія къ кормленщикамъ; бунтъ 1547 года 298
Вопросъ о древне-русской публицистикѣ; „Пересвѣтовскія“ писанія, какъ отраженіе происшедшаго соціально-экономическаго переворота 299
„Правда“ и „вѣра“ 301
Критика удѣльнаго способа управленія; проектъ замѣны вассалитета чиновничествомъ на жалованьи 302
Апологія вольнаго труда 302
Пересвѣтовъ, какъ идеологъ помѣщичьей массы; отношеніе къ купечеству, къ крупнымъ феодаламъ 303
Царь и „убогіе воинники“ 304
Мѣстничество, какъ орудіе классовой борьбы 305
Захватъ помѣщиками мѣстнаго управленія; теоріи помѣщичьей публицистики и практика губного сыска. 306
Интересы „воинниковъ“ и интересы буржуазіи; ихъ противорѣчіе (плательщики и получатели) 308
„Царскіе вопросы“ и идеологія посадской массы 309
„Соборъ примиренія“; ревизія вассалитата 310
Государственное управленіе и торговый капитализмъ: проекты реформы косвенныхъ налоговъ и упраздненіе внутреннихъ таможенъ 311
„Земскія учрежденія“ Грознаго . . 312

3. Опричнина.

Союзъ боярства и посадскихъ, какъ основа господства избранной рады. 313
Антецеденты союза; московскій посадъ и Шуйскіе 314

Стр

Казанскіе походы и компромиссъ всѣхъ руководящихъ классовъ; Пересвѣтовъ и завоеваніе Казани: земельныя раздачи 1550 года и „вѣрная“ служба 315
Организація верховнаго управленія; законадательство и „всѣ бояре“; юридическое закрѣпленіе мѣстническихъ обычаевъ 316
Выгодность компромисса для боярства; разочарованіе помѣщиковъ; ихъ экономическое положеніе послѣ казанскихъ войнъ 320
Ливонская война и боярство; отношеніе буржуазіи; взятіе Нарвы, ея роль въ русскомъ экспортѣ . 323
Вмѣшательство поляковъ и шведовъ; военныя неудачи 325
Отраженіе внѣшней политики на внутреннихъ отношеніяхъ . . . 326
Боярскія измѣны; процессъ князя Владиміра Андреевича 327
Переворотъ 1564 года. Имѣетъ ли онъ принципальное значеніе? Его внѣшняя исторія, какъ она разсказывается, какъ дѣйствительно происходила 329
Офиціальные и дѣйствительные мотивы переворота 332
Соглашеніе помѣщиковъ и буржуазіи и роль послѣдней въ опричнинѣ 335
Новый классовый режимъ; соборъ 1566 года, какъ его отраженіе . 338
Опричный терроръ; представляетъ ли онъ для своего времени что-нибудь исключительное? 340

4. Экономическіе итоги XVI вѣка.

Торжество средняго землевл.; было ли это прогрессивнымъ явленіемъ. 343
Побѣда перелога надъ пашней; паденіе сельско-хозяйственной техники; юридическое объясненіе этихъ явленій, его несостоятельность . 344
Вліяніе внѣшней политики: ливонская война, потеря Нарвы, крымскій набѣгъ 1571 г. Недостаточность этихъ причинъ для объясненія запустѣнія; размѣры послѣдняго 345
Хищническій характеръ помѣщичьяго хозяйства; хлѣбное барышничество; паденіе цѣны денегъ . . 349
Торговля крестьянами; „пожилое“; „боярское серебро“; что значило при этихъ условіяхъ „прикрѣпленіе крестьянъ“? 35-
Кризисъ помѣщичьяго землевладѣнія въ концѣ XVI вѣка 354

ЗАСТАВКИ И КОНЦОВКИ.

Стр.

Заставка *предисловія*—золотая стленгида изъ женской гробницы Большой Близницы (IV в.) V

Заставка главы I—фреска керченской катакомбы 1

Концовка главы I фреска керченской катакомбы 25

Заставка главы II — золотое ожерелье жрицы Деметры, погребенной въ Большой Близницѣ (IV—III вв. до Р. Х.) 26

Концовка главы II—гривна (шейное кольцо) царя изъ гробницы Куль-Обскаго кургана 56

Заставка главы III—образецъ шиферной плиты Кіево-Софійскаго собора 57

Концовка главы III—образецъ шиферной плиты Кіево-Софійскаго собора 110

Заставка главы IV — снимокъ съ рѣзныхъ изображеній на гробницѣ Ярослава I 111

Концовка главы IV — снимокъ съ рѣзныхъ изображеній на гробницѣ Ярослава I 143

Заставка главы V—заставка одной изъ главъ рукописнаго новгородскаго евангелія 144

Стр.

Концовка главы V — изображенія на оборотной сторонѣ серебряныхъ монетъ Владиміра I (первыя два), Святополка (третье) и Ярослава I (пятое и шестое) 169

Заставка главы VI — изображеніе шлема XIII вѣка 170

Концовка главы VI — изображеніе святого князя на медальонѣ изъ клада золотыхъ предметовъ, найденныхъ на землѣ Старой Рязани 221

Заставка главы VII—Западный порталъ Дмитріевскаго собора . . . 222

Концовка главы VII—фреска лѣстницы Кіево-Софійскаго собора . 276

Заставка главы VIII—портретъ царя Ивана Грознаго, работы профессора Николая Уткина 277

Концовка главы VIII, отд. 3 - бронзовое украшеніе изъ Муромскаго могильника Владим. г. . . 342

Заставка главы VIII, отд. 4 — ожерелье изъ серебряныхъ позолоченныхъ бляшекъ изъ Рязанскаго клада 1868 г. 343

Образцы заглавныхъ буквъ, взятыхъ условно, принадлежать рукописи Евангелія Академіи наукъ, № 3 по каталогу, въ листъ, писанный на пергаментѣ и относимой В. В. Стасовымъ въ статьѣ *„Картины и композиціи, скрытыя въ заглавныхъ буквахъ древнихъ русскихъ рукописей“* (1884 г.) къ XIV столѣтію.

Заставки, концовки и заглавныя буквы подобраны
В. Н. Сторожевымъ.

Обложка—работы **И. Билибина.**

7р

ена 75 руб.

Никем из книгопродавцев указанная на книге цена не может быть повышена.

Государственное Издательство.